Любищев А. А. В защиту науки: Статьи и письма / Сост. Р. Г. Баранцев, Н. А. Папчинская. — Л.: Наука, 1991. — 295 с.

В истории сопротивления лысенковщине, догматизму в науке и философии совершенно исключительное место занимает деятельность известного биолога профессора А. А. Любищева (1890-1972), В 1953 г. он написал большую статью «Об аракчеевском режиме в биологии», а затем серию статей и писем в защиту науки. Свои работы Любищев направлял в ЦК партии, министрам, в редакции газет и журналов, известным деятелям науки и культуры. В книге впервые напечатаны его статьи, письма, написанные в период с 1953 по 1972 г. Книга дает также представление о том, какова была реакция на критические работы Любищева на разных уровнях государства и общества: на верхних и нижних этажах власти административной системы, средств массовой информации. Научную публицистику Любищева отличают смелость, честность, свободомыслие и решительное неприятие казенной идеологии. Полная драматизма история деятельности Любищева в защиту науки и подлинного свободомыслия необычайно актуальна. Она дает пример диалога, культуры несогласия и ответственности ученого за те формы, которые наука обретает в данный период истории.

Рецензенты Л. 3. КАЙДАНОВ, Э. И. КОЛЧИНСКИЙ
Примечания составлены *М. Д. Голубовским*
Редактор издательства *Е. И. Васьковская*
© Р. Г. Баранцев, Н. А. Папчинская (составление), 1991
ISBN 5-02-025833-42.

От редакции

Настоящий сборник подготовлен к юбилею Александра Александровича Любищева (1890 - 1972) — известного отечественного биолога, теоретика и историка науки, ученого-энциклопедиста. Из его громадного творческого наследия отобраны научные и научно-публицистические статьи в защиту подлинной биологии и науки в целом.

Как известно, в 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ произошел погром генетики и сопредельных с ней областей знания. На четверть века воцарилась монополия Лысенко с ее агрессивным невежеством, обскурантизмом и подавлением всякого инакомыслия. Снизились требования к получению научных данных, обычным делом стала прямая фальсификация. Под видом «достижений передовой мичуринской биологии» пропагандировались идеи и методы, которые нанесли большой урон сельскому хозяйству и медицине. Последствия лысенковщины весьма ощутимы и ныне. Корень зла состоял в неизжитой до сих пор государственной монополии на научную и философскую мысль в отрицании плюрализма и самоценности духовных проявлений человека. Недавно стало известно, как достойно и резко против такой системы возражали Вернадский и Павлов. Любишев продолжил эту традицию антидогматизма и свободы.

После смерти Сталина в 1953 г. он пишет и рассылает друзьям большую статью «Об аракчеевском режиме в биологии». Затем предпринимает тотальный критический анализ практических достижений Лысенко и его клевретов, идейного багажа и методологии лысенковщины наряду с анализом наследия Мичурина, Вильямса, классической генетики. Этот труд, получивший название «О монополии Лысенко в биологии», Любищев писал отдельными большими главами и начиная с осени 1953 г. посылал в ЦК КПСС, Академию наук, распространял в научном сообществе. Статьи и письма в защиту науки он писал и рассылал повсюду вплоть до самой кончины в 1972 г. Эти статьи распространялись по типу «самиздата» и имели большое значение для возрождения науки.

Настоящий сборник состоит из двух разделов, а также двух вступительных статей. В первой из них старинный друг Любищева биолог профессор П. Г. Светлов описывает вехи жизненного пути А. А., смысл, направление и стиль его творчества. В статье генетика М. Д. Голубовского показана уникальная роль Любищева в противостоянии лысенковщине.

В первом разделе книги собраны статьи и письма Любищева в защиту генетики и смежных с ней областей биологии и сельского хозяйства, претерпевших погром после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Во втором разделе собрана научно-философская публицистика, в которой А. А. защищает свободомыслие в науке как основу ее развития. Эта часть включает переписку А. А. с известными писателями, коллегами, редакциями журналов. Любищев стучался во многие двери в надежде вступить в открытый диалог. Но эта надежда при жизни не сбылась.

Составители сборника вынуждены были выбрать из большого количества статей и писем Любищева лишь наиболее примечательные, показательные. Ввиду ограничения объема основной труд Любищева «О монополии Лысенко в биологии», состоящий из пяти глав объемом более 500 с., представлен только оглавлением и некоторыми фрагментами,

дабы читатель мог представить скрупулезность и всесторонность анализа, проведенного Любищевым. Однако в ряде случаев намеренно были сохранены повторы с единственной целью — показать действительно гигантскую работу, которую проделал А. Д., пытаясь привлечь энимание научной общественности к деятельности Лысенко и его сторонников.

Правка текста касалась в основном приведения его в соответствие с нормами современного русского языка.

Рукописи статей и письма Любищева в основной своей части хранятся в Ленинградском отделении Архива АН СССР (фонд№ 1033); небольшая часть материалов осталась у наследников и учеников Любищева.

Составители и редакция благодарны дочери А. А. Любищева, Евгении Александровне Равдель, за неоценимую помощь в получении и обработке архивных материалов, рецензентам д.б.н. Л. 3. Кайданову и д.ф.н. Э. И. Колчинскому, а также к.б.н. Л. Я. Боркину за чтение рукописи и ценные замечания.

Неизменную поддержку изданию книги оказывал писатель Д. А. Гранин.

ВЕХИ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЮБИЩЕВА[8]

П. Г. Светлов '

I

31 августа 1972 г. в г. Тольятти на 83-м году жизни скончался доктор сельскохозяйственных наук, профессор Александр Александрович Любищев. Охарактеризовать область его научных интересов далеко не просто. Нелегко даже решить, с чего следует начать перечень проблем и научных дисциплин, над которыми он непрерывно трудился в течение своей 60-летней научной деятельности. В течение более чем четверти века основу его профессиональной научной деятельности составляли работы по сельскохозяйственной энтомологии, опубликование которых принесло А. А. заслуженную и почетную известность не только в кругах энтомологов, но и среди представителей других биологических дисциплин. Однако это направление отнюдь нельзя счесть центром научных устремлений А. А. Скорее, оно сознавалось А. А. как эпизод, возникший на его жизненном пути довольно поздно, и с которым, несмотря на его увлекательность и высокую актуальность, необходимо разделаться, чтобы перейти к более важным делам. (Мне доводилось неоднократно слышать его высказывания в этом духе в годы его особенно усиленных и успешных занятий прикладной энтомологией.)

В чем же именно заключалось, по мнению А. А., то «главное» в намеченном им еще в ранней юности плане жизни и деятельности, во имя чего ему казалось необходимым оставить столь успешно развернувшиеся работы по сельскохозяйственной энтомологии (что и было им окончательно осуществлено к середине 50-х гг.)? Для всех, сколько-нибудь близко знавших А. А., ответ на этот вопрос не мог бы вызвать никаких сомнений: делом, прежде всего осмысливающим для него жизнь, он считал работу над своим мировоззрением, создаваемым шаг за шагом путем чтения, общения с людьми, размышления и исследовательской деятельности. Этому в основном и был посвящен исполинский труд, в котором он провел всю свою сознательную жизнь от отроческого до старческого возраста, неизменно сохраняя при этом до последних своих дней чисто юношеский пыл.[2] Согласно твердому убеждению А. А., правильное мировоззрение может быть создано только на основах свободного разума, для которого единственным пригодным материалом могут служить лишь безупречные научные данные, вновь и вновь непрестанно испытываемые огнем беспристрастной критики. При этом выработка мировоззрения имеет смысл и значение только в том случае, если она ведется в условиях полнейшей свободы мышления. Каждый элемент мировоззрения принципиально может быть принят или отвергнут по предъявлении достаточных для этого разумных оснований. В мыслях, приведенных выше,

Статья написана в 1972 г, В сокращенном виде опубликована в кн.: Проблемы эволюции. Новосибирск: Наука, 1975. Т. 4. С. 198-204.

нетрудно узнать девиз, укоренившийся в русской интеллигенции со времен Радищева и бытующий среди ее представителей до настоящего времени. Этот девиз обращает умственную работу интеллигентного человека в своего рода коллективное «служение», которое должно вести человечество к овладению истиной и осуществлению высших гуманных начал в общественной жизни. Само собой, неотъемлемой частью этого «служения» является помимо направленной должным образом научной работы всемерная пропаганда успехов рационального мировоззрения.

Сказанное делает ясным, почему работы в области сельскохозяйственной энтомологии не могли целиком удовлетворить А. А.: развертывание этих работ приостанавливало и даже грозило сорвать целый ряд начатых и уже далеко продвинутых работ по общей биологии с философским уклоном. Эти работы потребовали столь огромного предварительного труда по изучению литературы в разных областях философии, математики, истории, не считая работ по общей биологии, что успешно продолжать их можно было только сосредоточив на них свои главные силы.

В дальнейшем мы сделаем попытку бегло очертить обширный круг направлений теоретических работ А. А. Ознакомимся сначала с основными фактами его жизни.

II

А. А. Любищев родился 5.IV 1890 г. Отец его происходил из крестьян Новгородской губ., крупный коммерсант, после революции работавший в советских учреждениях как специалист по экспорту леса. Среднее образование А. А. получил в 3-м реальном училище в Петербурге, которое окончил в 1906 г.; сдав экзамен по латинскому языку, он в том же году поступил (как это было им издавна намечено) в Петербургский университет; окончил его в 1911 г. с дипломом I степени по физико-математическому факультету, разряд естественных наук, группа биологии. При выборе факультета никаких колебаний и сомнений у него не было. В школе издавна он с упорством и страстью занимался сбором и определением насекомых (уже тогда у него определился особенный интерес к жукам), а несколько позже — чтением серьезных книг по теоретической биологии. К 13 годам им было прочитано и проработано до деталей все 4-томное собрание сочинений Ч. Дарвина, что послужило основательным фундаментом для всех его дальнейших занятий по теоретической биологии. Помимо этого, он уже тогда удивлял своих товарищей и окружавших его взрослых обилием и серьезностью прочитанных им книг. В усвоении школьных программ он особенного усердия и блеска, по-видимому, не проявлял. Однако выдающиеся способности и любовь к математике проявились уже в школе.

В университете А. А. специализировался на кафедре зоологии беспозвоночных, которой тогда заведовал В. Т. Шевяков. Начатые им там работы по морфологии кольчатых червей послужили ему основанием для того, чтобы побывать на биологических станциях в Неаполе (1909) и Виллафранке (1910); работал он и на Мурманской биологической станции. По завершении этих работ их результаты были оформлены и представлены в виде дипломной работы при окончании университета (1911); впоследствии они были напечатаны в трудах станции в Неаполе (1912) и в трудах Общества естествоиспытателей в Петербурге (1915) .[3] Дальнейшего развития эти работы почти не получили, так как А. А. вскоре потерял к ним интерес, уйдя с головой в вопросы теоретической биологии с философским уклоном. Одним из важнейших фактов, ознаменовавших студенческие годы А. А., было его знакомство с В. Н. Беклемишевым, быстро перешедшее в горячую дружбу, длившуюся затем всю жизнь и имевшую для обоих очень большое значение.

Через некоторое время по окончании университета А. А. получил должность ассистента на Бестужевских женских курсах сначала у проф. С. И. Метальнико-ва, а затем у проф. А. Г. Гурвича. Служебное общение с последним быстро перешло в тесные дружеские отношения, сохранившиеся до старости, причем А. А. много раз повторял, что он считает А. Г. Гурвича своим учителем. Вскоре после окончания университета А. А. женился на В. Н. Дроздовой; трое родившихся у них детей (двое из них здравствуют и доныне) и заботы о них занимали одно из главных мест в его духовной жизни.

Начавшаяся в 1914 г. мировая война прервала работу А. А. на Бестужевских курсах. Он был взят на военную службу и как натуралист с высшим образованием получил назначение в одну из военных организаций, ведавших производством взрывчатых веществ, где ему довелось работать под началом одного из наших крупнейших химиков того времени, профессора Ипатьева.[4] Демобилизован был А. А. лишь в конце 1918 г. по ходатайству Крымского университета (в Симферополе) на основании представления А. Г. Гурвичем А. А. на должность ассистента по его кафедре, куда последний и прибыл в феврале 1919 г.[5] Но там он пробыл недолго: в 1921 г. А. А. дал согласие занять должность доцента Пермского университета по кафедре зоологии и осенью этого года был уже в Перми. Годы, проведенные А. А. в Перми (1921 —1927), представляют собою очень важный и плодотворный период в его творческой работе. Некоторые из читавшихся им курсов отнюдь не были для него только служебной нагрузкой: программы их составлялись им самим и представляли собою те или иные части собственной научной работы (напр., «Введение в эволюционную теорию», «Учение о сельскохозяйственных вредителях», «История биологии» и др.).[6]

Для формирования взглядов А. А. в области систематики очень большое значение имели его беседы с В. Н. Беклемишевым и обсуждение лекций последнего по курсу «Методология морфологии». Напечатанные им в эти годы статьи по теоретической биологии до сих пор не устарели, особенно статья о форме естественной системы организмов, содержащая основные взгляды А. А. на систему организмов, развиваемые им в статьях 60-х гг. по этому вопросу.[7]

В 1927 г. для А. А. открылась возможность получить штатную должность профессора в Самарском сельскохозяйственном институте, которой он, несмотря на очень благоприятные условия для жизни и работы в Перми, после некоторых раздумий решил воспользоваться. В

Самаре (ныне Куйбышев) он читал курс зоологии для агрономов, где затрагивались и общебиологические вопросы, читал также курс генетики, а кроме того, работая в сельскохозяйственном институте, неизбежно сталкивался с вопросами повреждения культурных растений насекомыми, чем он интересовался уже в Перми. Не довольствуясь анализом литературы по энтомологии, он глубоко изучил вопросы экономики сельского хозяйства и совершал энтомологические экскурсии в интересующих его районах. В эти годы он уже начал публиковать результаты своих исследований в этой области; особенно важным в них явилось применение современных методов биометрии при количественном учете повреждений растений насекомыми.

Через некоторое время его работы обратили на себя внимание ведущих представителей прикладной энтомологии. В это время в Ленинграде формировался Всесоюзный институт защиты растений (ВИЗР), куда и был приглашен А. А. Решению А. А. переехать в Ленинград содействовало изменение к худшему условий его работы в Куйбышеве {курс зоологии стал там не нужен ввиду перевода животноводческого отдела института в Чкалов). Переезд А. А. в Ленинград состоялся в мае 1930 г. Самарский период его жизни завершился поездкой в Киев на IV съезд зоологов, где А. А. кроме доклада по сельскохозяйственной энтомологии сделал, по предложению И. И. Шмальгаузе-на, доклад о номогенезе и логических основаниях современных направлений

в биологии и с большим успехом выступил в широко развернувшейся дискуссии по эволюционной теории и генетике.

В Ленинграде А. А. с жаром включился в плановую работу ВИЗРа. Главной его задачей было исчисление экономического вреда, причиняемого насекомыми, с применением новых методов вариационной статистики (дисперсионный анализ и др.), в то время у нас почти никому не известных. Помимо кабинетных занятий по вопросам прикладной энтомологии весь период его работы в ВИЗРе (1930—1937) ознаменован огромным количеством полевых работ, которые он неутомимо проводил каждый год, собирая насекомых, образцы ими поврежденных растений и изучая на местах вопросы учета экономического значения наблюдаемых повреждений, а также эффективности мероприятий по их ликвидации. Для оценки интенсивности проводимых им полевых работ достаточно сказать, что бывали годы, когда он за один экскурсионный сезон успевал провести полевые работы в Узбекистане, Нижнем Поволжье, Закавказье, Белоруссии, Псковской обл. и в окр. Ленинграда (1934). При этом помимо выполнения задач, связанных с плановой работой по ВИЗРу, А. А. удавалось каждый раз во время этих поездок пополнять свою обширную коллекцию жуков подсем. Halticinae (земляных блошек), систематикой которых он занимался всю жизнь. В ленинградский период А. А. ВАК присудил ему за совокупность работ степень доктора сельскохозяйственных наук без защиты диссертации.

Годы работы А. А. в ВИЗРе отмечены не только интенсивной научной деятельностью. Это были годы почти непрерывного боевого отстаивания данных своих работ в области сельскохозяйственной энтомологии и научно-практических выводов, которые из них вытекали. Дело в том, что главным общим выводом, который сделал из этих работ А. А., было его утверждение, что количественный учет экономического вреда, приносимого насекомыми культурным растениям, велся у нас первобытными методами и этот вред, как правило, сильно преувеличивался (подчас в 10 и более раз) по сравнению с действительным вредом, причиняемым насекомыми. Это мнение встретило бурное и довольно дружное несогласие со стороны дирекции и членов совета ВИЗРа. Такое отношение к данным А. А. психологически было вполне ожидаемым и легко понятным: новое всегда воспринимается не сразу и с трудом: в данном же случае внедрение нового метода было особенно трудным, так как требовало от работников знаний по математике, которых у них вовсе не было. Кроме того, недооценка вреда, приносимого насекомыми растениям, казалась опасной, а провозглашение ее — губительной для института, чем-то вроде подрубания того сука дерева, на котором держится ВИЗР. Несогласие с дирекцией распространилось и на план работы А. А.: дирекция настаивала на включении в план его работы тем, по его мнению, лишенных научного и практического значения. В этой борьбе за отстаивание своих идей и планов дальнейшей работы выявились в полной мере стойкость и мужество А. А., глубоко присущие ему во всех областях его деятельности. Однако, когда в качестве аргументов против научно-организационных сельскохозяйственных мероприятий, предлагаемых А. А., стали выдвигаться обвинения его в сознательном вредительстве социалистическому строительству, продолжение борьбы стало просто невозможным. Нетрудно понять, что, когда в 1937 г. Шмальгаузе-ном была предложена А. А. должность заведующего Отделом экологии в Институте биологии в Киеве, он особенно охотно принял это лестное предложение. В ВИЗРе в это время

дирекцией был организован прямо-таки поход против А. А., который закончился заседанием совета института; на этом заседании было единодушно вынесено постановление обратиться в ВАК с требованием о лишении А. А. ученой степени доктора сельскохозяйственных наук, мотивировав ее низким качеством работ А. А. по сельскохозяйственной энтомологии. Вслед за этим последовал приказ директора об увольне-

8

нии А. А. Любищева из ВИЗРа за невыполнение плана (хотя задолго до этого в дирекции уже лежало заявление А. А. с просьбой об увольнении в связи с переходом на ответственную должность в биологический институт более широкого профиля). В общем все эти демарши против А. А. кончились ничем: он уже состоял тогда на службе в Киеве. И. И. Шмальгаузен в ответ на свой запрос получил разъяснение, что ВАК постановил оставить в силе свое первоначальное решение о присуждении докторской степени А. А. Любищеву; разговоры же о «вредительстве» А. А. прекратились сами собой после того, как верхушка дирекции ВИЗРа оказалась арестованной органами госбезопасности. Но можно сказать без преувеличения, что судьба А. А. и сама его жизнь во время всех этих происшествий висела буквально на волоске и что он спасся чудом.

На годах жизни А. А., проведенных им в Ленинграде (1930—1937), мы остановились несколько дольше, чем на остальных периодах его жизни, ввиду их особенной биографической многозначительности, ярко рисующей его духовный облик. Всех дальнейших периодов его жизни мы коснемся лишь в самых кратких чертах.

Жизнь и работа в Киеве сложились легко и счастливо. Появилась возможность вернуться к работе по теоретической биологии, чему содействовала возникшая близость А. А. с крупнейшими биологами {И. И. Шмальгаузенном, Н. Г. Холодным и др.); в отделе А. А. был начат ряд новых работ по экологии, продолжены работы по систематике Halticinae и исследования по сельскохозяйственной энтомологии. В эти же годы А. А. закончил очень важную книгу «Руководство по применению дисперсионного анализа Р. Фишера» (около 15 печ. листов) .[8] Киев ему и раньше очень нравился, а поселившись там, он очень его полюбил. К сожалению, этот период жизни А. А. был очень кратким. Летом 1941 г. грянула война, катастрофически развивавшиеся события которой быстро привели к эвакуации Киева.

Сотрудникам Украинской Академии наук (кроме академиков и членов-корреспондентов) была предоставлена возможность эвакуироваться своими силами и средствами куда и как угодно. Для А. А. с семьей началось очень длительное и трудное путешествие, закончившееся лишь поздней осенью 1941 г. в г. Фрунзе, откуда он вскоре получил назначение в г. Пржевальск, где и провел первые годы своего пребывания в Средней Азии на должности профессора местного педагогического института. Потом он был переведен во Фрунзе. Там кроме Педагогического института А. А. работал в Сельскохозяйственном институте и в Киргизском филиале АН СССР, где заведовал Эколого-систематической лабораторией (в послевоенные годы он освободился от педагогической работы и эта должность стала единственным местом его службы).

В годы войны научная работа А. А. в Киргизии, несмотря на очень тяжелые материальные условия, продолжалась довольно успешно; за эти годы его методические работы по учету населения в популяциях насекомых оформились в виде монографии «К методике количественного учета и районирования насекомых» (Фрунзе, 1958 г.). Книга эта имеет очень большое методическое значение отнюдь не только для энтомологов; она имеет значение незаменимого руководства при изучении динамики популяций животных и растений, а также популяций клеток, микробов и т. д. Она вышла лишь через 10 лет после сдачи в печать. Эта задержка в ее печатании была связана с ухудшением отношения к А. А. некоторых кругов общественных организаций во Фрунзе. Его смелые самостоятельные суждения по вопросам биологии издавна вызывали к нему подозрительное отношение администрации Киргизского филиала АН СССР, которое постепенно усиливалось. После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. положение биологов во Фрунзе стало исключительно тяжелым. К самому А. А. никаких административных репрессий применено не было, но была уволена его аспирантка и пострадали научные сотрудники его лаборатории.[9] Заметим, что

9

все служебные неприятности в этот период жизни А. А. накладывались на фон тяжелых семейных потерь (скончался его старший сын, потом жена), а его собственное здоровье оказалось совершенно расшатанным. Он был на чужбине, без семьи, без родных и близких ему людей, одинокий, больной и отягченный сложной ситуацией на работе. Как он писал несколько позднее в одном письме, отъезд из Фрунзе стал для него «физиологической необходимостью». Однако

осуществить переезд, находясь в таких условиях и с такими силами, было не так просто. К счастью, произошло событие, которое подняло силы А. А. и помогло ему выйти из трудного положения: в 1948 г. он женился на своей старой ленинградской приятельнице Ольге Петровне Орлицкой, которая, приехав во Фрунзе, сразу в корне переустроила его жизнь: помимо всех видов ухода за больным и одиноким пожилым человеком в доме появился энергичный научный секретарь, хранитель архива, инициативный советник решительно по всем вопросам жизни. Первым делом Ольги Петровны во Фрунзе было всемерно поддержать планы А. А. на переезд в другой город. Осуществить этот переезд удалось в 1950 г., когда А. А. был избран на должность заведующего кафедрой зоологии Педагогического института в Ульяновске.

Жизнь в Ульяновске была последним этапом жизни А. А. (1950—1972). Этот этап оказался длительным и довольно благополучным (особенно во второй его половине). Лекциями и работой на кафедре он не был особенно перегружен, времени для собственной научной работы оставалось достаточно. Здесь, как и всюду, у А. А. образовалось немало новых друзей, и обстановка на кафедре создалась в общем благоприятной. Но очень скоро опять со стороны администрации возникли подозрительность и неудовольствие в отношении его научных взглядов. Еще во Фрунзе центром своей научной тематики он сделал очень острый вопрос, а именно критику работ Т. Д. Лысенко и всего возглавляемого им направления исследований. А. А. в качестве такого критика оказался вполне на месте. Десятки лет изучения экономики сельского хозяйства, множество встреч и знакомств со знатоками этого дела во время его бесчисленных служебных поездок в разные районы СССР превратили А. А. в знатока агрономии и плодового садоводства, а его высокая квалификация как биолога в соединении с выдающейся смелостью и полемической одаренностью завершают список достоинств А. А. как борца с так называемой «мичуринской биологией». Конечно, открытая полемика с Лысенко {единственный вид полемки, признававшийся А. А.) была делом очень опасным, особенно в первые годы после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Но А. А. с этим совершенно не считался и открыто всюду устно и письменно доказывал, что биологические взгляды Лысенко ненаучны, а его практические предложения нелепы и убыточны. В этом же духе А. А. высказывался на лекциях и в беседах со студентами и профессорами института, считая себя обязанным нигде не скрывать своих взглядов. Это сразу привело, конечно, к ряду осложнений на службе. Так как работа в Педагогическом институте его не особенно интересовала, а пенсия им была уже выслужена, он принял решение выйти на пенсию, что и осуществил в 1955 г., и это дало ему возможность бросить все свои силы на научную-работу.

С 1953 г. А. А. стал подготавливать один за другим очередные выпуски своего труда, названного им «О монополии Лысенко в биологии» {общий объем его более 500 с. машинописи), в которых деятельность Лысенко подвергалась научному анализу и деловой критике, в результате чего все доводы Лысенко совершенно уничтожались. Кроме того, он то же самое писал в письмах, адресуя их в Отдел науки ЦК КПСС, министру сельского хозяйства, в ряд центральных и местных газет. Всего по этому вопросу А. А. было написано с 1953 по 1964 г. более 1000 с. машинописи (из этих работ доселе ничего не напечатано). К середине 60-х гг. эти работы были закончены, а по мере их завершения у А. А, все более расширялись возможности вернуться к прежней тематике по биологии и философии.

В течение всего ульяновского периода А. А. не прерывал работы по систематике земляных блошек, обрабатывая преимущественно собственные сборы прежних лет: им было подготовлено и сдано в печать несколько работ по этой теме. Несколько работ было в этот период опубликовано и по частным вопросам биометрии.

Особое внимание обращает на себя резкий перелом к лучшему в печатании работ А. А. по теоретической систематике, теории эволюции и общей морфологии, произошедший в 60-х гг. До этого времени из работ А. А. по этим вопросам были напечатаны лишь 2—3 небольшие статьи еще в Перми в 20-х гг. и тезисы его докладов на III и IV Зоологических съездах. В 1962 г. появилась большая статья по общей морфологии, в которой впервые были изложены основные методологические принципы изучения органической формы как самостоятельной проблемы. В 1963 г. в США вышла статья А. А. о соотношениях между общей таксономией и эволюцией, а в 1967 г., тоже в США, появилась его статья о философских аспектах в таксономии. Главной мыслью этих работ А. А. является выношенное им смолоду убеждение, что природа органической формы (объект теоретической морфологии), многообразие ее (объект систематики) и происхождение (объект эволюционной теории) -- отдельные проблемы, не сводимые одна к другой. Это не мешает рассмотрению их в одном научном произведении. Наоборот, этого даже

требует всестороннее рассмотрение всех трех проблем: обратить внимание на одну из них — значит неминуемо вовлечь в рассмотрение обе другие: такова диалектическая связь между ними. Эти проблемы составляют «трехглавый» центр главных мыслей А. А. в области теоретической биологии. В развитие этих мыслей А. А. примерно в те же годы сдал в печать еще восемь работ на русском языке.

Связи с разными издательствами быстро крепли; за последние 5—6 лёт стали обычными обращения к А. А. со стороны редакций научных журналов, сборников, научно-популярных серий и т. д. с просьбами присылать статьи, причем нередко ему заказывали статьи на определенные темы, интересующие редакцию. Открывшаяся возможность печатания теоретических работ и все растущий интерес к ним научной общественности, конечно, очень радовали А. А. и повышали продуктивность его работы. Его здоровье отличалось изумляющей крепостью, и до самой смерти в нем не проявлялось никаких признаков изменений ни в памяти, ни в работоспособности: он продолжал работать с тем же жаром (столь для него характерным), что и в юности.

С годами не снижалась и характерная для него большая подвижность. В 60-х гг. помимо выездов на лето к родным или в другие места в разных областях РСФСР, где он неизменно продолжал энтомологические экскурсии, А. А. постоянно ездил с лекциями и докладами в Москву, Ленинград (где иногда длительно работал с коллекциями земляных блошек в Зоологическом институте АН СССР), Свердловск, Новосибирск, Горький. Летом 1968 г. он перенес тяжелую травму: в своей квартире он побежал (в 78 лет!) на зов жены и, споткнувшись, упал на пол и сломал себе ногу, притом крайне неудачно (полный перелом в шейке большой берцовой кости). Этот перелом надолго приковал А. А. к постели: ему была сделана тяжелая операция, но подвижность А. А. осталась до конца жизни крайне ограниченной: он мог передвигаться, лишь тяжело опираясь на костыли. Несмотря на столь большие трудности передвижения, А. А. в начале апреля 1972 г. предпринял поездку в Ленинград в ответ на приглашение некоторых организаций (преимущественно молодежных) прочесть лекции по общим вопросам биологии. Он пробыл в Ленинграде в течение апреля—мая, где за это время выступил около 10 раз с лекциями-докладами в семинарах, клубе молодежи, Обществе энтомологов, Физико-техническом институте и др. организациях. Темы этих докладов в основном представляли собой дальнейшее развитие материалов, затронутых в его печатных работах, которые были опубликованы в 60-х гг. Все эти

выступления А. А. имели большой успех, живо обсуждались и шли неизменно при полной аудитории. Летом того же года по приглашению Волжской биостанции в г. Тольятти А. А. приехал туда из Ульяновска с целью прочесть серию лекций-докладов, аналогичных прочитанным ранее в Ленинграде. 19 августа он сделал свой первый доклад, чувствуя себя вполне здоровым и не догадываясь о болезни, подкравшейся к нему совсем близко. Но с наступлением ночи он почувствовал себя плохо и был немедленно госпитализирован. Вскоре было определено, что у него острый панкреатит, возможно протекавший на фоне злокачественной опухоли. А. А. пробыл в больнице всего 10 дней, на 11-й он скончался и был похоронен на кладбище в г. Тольятти.

III

В сделанном обзоре главных событий жизни А. А. и основных направлений его научных исследований мы использовали лишь материалы, относящиеся к его напечатанным работам или уже сданным в печать. Нужно сказать, что и то и другое составляет лишь малую часть написанного А. А.: большая часть его трудов, доселе не опубликованная, представляет собой обширный машинописный архив.[10] В кратком очерке памяти А. А. можно было бы даже не упоминать об этом архиве. Однако, памятуя, во-первых, о постоянно и с давних пор выражавшемся А. А. пожелании предавать все написанное им возможно более широкой гласности, а во-вторых, об очень большом значении его неопубликованных сочинений для его характеристики как ученого и человека, считаем необходимым в нескольких словах коснуться и этой части его интеллектуального наследства.

Как говорилось выше, главный интерес А. А. к научным занятиям определялся для него близостью изучаемых им вопросов к проблемам мировоззрения. Философией он усердно занимался с юношеских лет, в результате чего у него накопился солидный запас знаний в различных ее областях (гносеологии, общей методологии, логике, онтологии, истории мировоззрений, этике); при этом А. А. не ограничивался чтением руководств по философии, а глубоко штудировал в оригиналах сочинения мировых философов всех времен, начиная с

Демокрита и Платона и кончая современными экзистенциалистами. Немало и сам он написал по философии; помимо того, что все его работы по теоретической биологии тщательно обоснованы данными философии, им написаны десятки этюдов и критических обзоров по разным вопросам философии и две крупные философские монографии («Наука и религия» и «Линии Демокрита и Платона в истории культуры»). Характерно, что последняя была задумана сначала как предисловие к его статье «Проблемы многообразия формы организмов», т. е. здесь общий вопрос из области философии культуры оказался связанным с более частным вопросом о систематике живых организмов столь тесно, что полностью поглотил его. Недостаточная изученность ненапечатанных статей А. А., равно как и недостаток места не дают возможности хоть сколько-нибудь раскрыть их содержание. Заметим лишь, что общественным идеалом А. А. с юности были социализм и коммунизм, и в дальнейшей жизни эти идеалы остались неизменными.

У А. А. имеется немало статей, вовсе не связанных ни с биологией, ни с философией (в обычном смысле этого слова): это был человек с очень широким спектром мышления и талантливый публицист. Очень часто прочитанный роман, фильм в кино, пьеса в театре, полученное письмо, какое-нибудь событие и т. д. вызывали у него потребность немедленно сесть за машинку и писать статью, иногда короткую, но подчас до сотни страниц. Возникали статьи по вопросам критики художественной литературы, разбору мемуаров политических

деятелей, по всеобщей истории, воспоминания о товарищах, собственные мемуары и т. д. Кроме того, он аккуратно вел дневник. Значительная часть его пропала, но с 1937 г. до последних лет сохранилось шесть объемистых томов по 650—700 с. машинописи каждый. Все вместе взятое представляет собой весьма ценный фонд, пока мало кому известный. Помимо дневника он вел скрупулезный учет времени, ежедневно затрачиваемого им на научную работу, с точностью до минут и периодически составлял для себя отчет за прошлое, который вместе с планом на, будущее посылал друзьям. В этих отчетах указывалось, сколько часов за истекшее пятилетие он затратил на научную работу. Цифры получались очень внушительные: так, за 1963 г. им было затрачено на научную работу 2006 ч 30 мин. Это дает в среднем около 5.5 ч в день. Самое интересное в этих подсчетах то, что они раскрывают отношение А. А. к своей научной работе как к долгу, как к моральному подвигу. Время его жизни — это не его собственность, оно дано ему на то, чтобы он работал научно, именно это составляет долг его жизни и в то же время главную ее радость. Во имя выполнения этого долга он экономил время, учитывая все часы и минуты, бывшие в его распоряжении. А. А. в полном смысле слова был подвижником науки.

Вспоминается одно стихотворение. Поэт-философ сравнивает себя с путником, поднимающимся по горной тропе, без отдыха, от утренней зари до ночи. Это трудно, тем не менее час за часом — только вперед и вверх!

В тумане утреннем неверными тагами Я шел к таинственным и чуждым берегам. Боролася заря с последними звездами. Еще летали сны, — н схваченная снами Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой, Как прежде, я иду в неведомой стране. Рассеялся туман, и ясно видит око, Как труден горный путь и как еще далеко, Далеко все, что грезилося мне.

И до полуночи неробкими шагами Все буду я идти к желанным берегам. Туда, где на горе, под новыми звездами Весь пламенеющий победными огнями Меня дождется мой заветный храм.

[6] Автор этого стихотворения —- поэт, философ Вл. Соловьев (1853—1900). (Цит. по: Русская литература XX века. Хрестоматия. М.: Просвещение, 1962. С. 342).

ЗА ЧЕСТЬ ПРИРОДЫ ФЕХТОВАЛЬЩИК *М. Д. Голубовский*

Кто за честь природы фехтовальщик? *О. Мандельштам*

Идеологизированная наука и лысенковщина

Поздравляя в 1960 г. Александра Александровича Любищева с 70-летием, П. Г. Светлов признался, сколь многому в научном и духовном развитии он обязан своему старинному другу, назвав его «лидером оппозиции казенщине в философии». То, что это не преувеличение, станет ясно, когда будут изданы основные работы Любищева в области истории, философии и методологии науки, прежде всего «Линия Платона и Демокрита в истории культуры», «Наука и религия», «Философия и наука», «Уроки истории науки» [1].

Слово «казенщина» лишь в слабой степени отражает ситуацию, сложившуюся в 20-х гг. Еще недавно казалось, что лысенковщина — нечто уникальное для советской науки и культуры, касается лишь биологии, результат случайного захвата власти в ней малокультурным фанатиком Лысенко. Теперь очевидно, что уже задолго до воцарения Лысенко, в конце 20-х гг., произошла «фронтальная деструкция культуры и социогуманитарной мысли», а место философии занял суррогат веры, «невежественно-агрессивный по отношению к общечеловеческой культуре и атмосфере свободного научного поиска» [2]. Если в самом начале 20-х гг. из страны одномоментным актом были высланы несколько сот ученых-гуманитариев (философы, историки, социологи, экономисты), то на рубеже 20—30-х гг. в норму вошли погромы целых научных направлений и травля их творцов. В разряд репрессированных наук попали социология и теория кооперации, демография, психология и педология, история.

Я знаю, пы не дрогнете, сметая человека.

Что ж! мученики догмата, вы тоже жертвы века.

Так пронзительно точно писал Пастернак в конце 20-х гг. Трагедия была в том, что мученики, жертвы догмата одновременно были мучителями, палачами. Для них наука представлялась не самоценной областью человеческого духа, а лишь важным элементом построения социализма. И стало быть, наукой (или искусством и культурой вообще) нужно и можно руководить, управлять, как добычей полезных ископаемых или черной металлургией.

В итоге произошло полное подчинение (отождествление) философии идеологии, а последней — конкретным злободневным целям аппарата административной системы и идеалу этатизма (государства как высшей ценности). Истина и указания очередного временщика стали синонимами. Уже в 30-х гг. В. И. Вернадский в спокойной академической манере констатировал пагубное для научной мысли положение, когда взгляды «философов-материалистов, значение которых в современной философской мысли в мировом ее охвате невелико», не будучи никогда систематически изложены, стали государственной философией. Отклонение от них признавалось ересью и жестоко каралось. Место

философии заняли, по словам Вернадского, «словесный талмудизм и формальная схоластика», создалось «новое развращение мысли». Увы, диагноз Вернадского был опубликован лишь в 1988 г. [3].

В соответствии с этим диагнозом вся социокультурная среда оказалась пораженной тяжким недугом: «... строгий идеологический контроль за содержанием исследований, безусловное подчинение политике, преследование всего нового и творческого, запрещение свободных дискуссий. Это откровенное поощрение научного конформизма и беспринципности, подкуп и развращение ученых путем оплаты верноподданичества, выдвижение лакировщиков, массовое уничтожение научных кадров» [4].

В биологии этот синдром получил название лысенковщины. После сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. даже молчаливое несогласие со взглядами Лысенко, «мичуринской биологией», даже простая свобода молчания стали наказуемыми и предосудительными. Открытое же неприятие официально утвержденных партийным аппаратом взглядов Лысенко требовало подлинного мужества. Период господства лысенковщины в биологии поставил своего рода «грандиозный эксперимент по социальной психологии, подлежащий серьезному изучению». Так спустя много лет писал известный биолог В. Я. Александров, с достоинством выдержавший смертоносный шквал [5]. Эксперимент выявил границы прочности моральных устоев людей и поведение научного сообщества в условиях стресса. Среди генетиков — членов партии известен только один ученый, Иосиф Абрамович Рапопорт, который предпочел сдать партбилет, нежели

публично отказаться от научных убеждений. Стенограмма сессии ВАСХНИЛ 1948 г. показывает, на какую моральную деформацию вынуждены были идти биологи.

Тем более следует оценить мужество тех ученых, кто не только не признал публично «мичуринскую биологию», но и решился на ее критический анализ в период ее господства. Прежде всего это В. П. Эфроимсон, классик советской генетики. В 1947 г. он перевел с английского резко критическую статью против Лысенко главы американских эволюционистов Ф. Г. Добжанского и рассказывал о ней на лекциях студентам биофака Харьковского университета. Комиссия Минвуза во главе с А. В. Топчиевым (будущий главный ученый-секретарь Академии наук СССР в 1950 — 1959 гг. и ее вице-президент в I960—1963 гг.) уволили из университета доцента В. П. Эфроимсона «за поступки, порочащие высокое звание преподавателя высшей школы». Докторская диссертация Эфроимсона, успешно защищенная и утвержденная ВАК в 1947 г., была законсервирована, и звание доктора наук присуждено автору лишь спустя 15 лет. Изгнанный с работы ученый пишет и посылает в ЦК КПСС докладную записку на 200 с. об ущербе, наносимом биологии и сельскому хозяйству распространением идей и методов Лысенко. В 1949 г. следуют арест и концлагерь в Казахстане вплоть до 1955 г. Отбыв заключение, Эфроимсон снова вступает в борьбу и в 1956— 1958 гг. публикует серию антилысенковских статей в «Бюллетене Московского общества испытателей природы».

В 1961 —1962 гг. Ж. А. Медведев пишет очерки по «Истории биологической дискуссии в СССР» (дополнения в 1963—1964 и 1966—1967 гг.). Они широко распространились в научной среде по типу «самиздата», но, несмотря на падение Лысенко в 1965 г., так и не вышли в свет в СССР [6]. Лишь в 1989 г. был опубликован небольшой фрагмент [7].

«Лысенкиана» Любищева

Исследование истории культуры и науки в СССР подобно исследованию айсберга: на поверхности видна лишь небольшая часть объекта. В солидной сводке американского историка Дэвида Журавского «Афера Лысенко»,

15

вышедшей в 1970 г. [8], имя Любищева не упоминается. Это немудрено,' ибо автор опирался в исследовании лишь на опубликованные материалы, на надводную часть айсберга. Между тем в борьбе с лысенковщиной научно-публицистическая деятельность Александра Александровича Любищева (в дальнейшем А. А.) занимает совершенно исключительное место.

Любищев относится к блестящей плеяде русских биологов, становление которых пришлось на начало XX века — пик расцвета русской культуры. Главные интересы А. А. лежали в области теории эволюции, систематики и морфологии, биометрии [9]. Напряженные изыскания продолжались всю жизнь и, несмотря на удары «века-волкодава», не уменьшились с возрастом. Отвечая в 1960 г. на поздравление с 70-летием, А. А. писал своему другу П. Г. Светлову: «Сейчас я потратил много времени и труда на знакомство с Галилеем и Коперником, с Ньютоном я и раньше был знаком. Остались еще Кеплер и Бруно. В первой половине 1962 г. надеюсь кончить астрономию, может быть, теоретическую механику, потом будут физические проблемы, и в 1963 г. надеюсь приступить к биологии, что займет, конечно, 2—3 года, а затем 2—3 года должно занять значение философии в этике и эстетике, религии, социологии и политике». В такие глубины уводила поставленная еще в молодости сверхзадача: найти законы, управляющие биологическим разнообразием, и разработать принципы теоретической биологии. У Любищева сложились особые отношения со Временем, оно скрупулезно учитывалось как дар, возможность творчества [10].

И все же А. А. счел своим долгом как ученый и гражданин вступить в борьбу за науку и «возвысить голос против монополии, установленной в биологии Лысенко и его сторонниками». В этом выборе были мужество и драматизм. Замысел А. А. был глубок: провести анализ не только практических деяний и «достижений» Лысенко, не только теоретический разбор его положений, но также социальных и философских причин торжества лысенкоизма и «мичуринской биологии».

Первая статья, набросок всей программы, была написана уже летом 1953 г. и имела резкое название «Об аракчеевском режиме в биологии». К 1964 г. «лысенкиана» Любищева насчитывала уже несколько книг, полтора десятка статей и серию открытых писем в редакции журналов и газет. Прочтя рукопись расширенного варианта книги Жореса Медведева «Биологическая наука и культ личности», А. А. писал ему 31 августа 1964 г.: «Эта вторая редакция — большой шаг вперед по сравнению с первой. Вещь, конечно, превосходная и по эрудиции, и по документальности, и по ясности изложения. Но что для меня всего удивительнее? И я написал о том же предмете около 800 страниц. Вы в основном писали независимо от меня. Общая оценка совершенно совпадает, но мы почти не повторяем друг друга, разбирая в общем разные стороны одного и того же весьма скабрезного явления (есть еще поэтическая сторона того же вопроса в поэме «Космонавт»[3] — великолепная вещь, знакома ли она Вам?). У Вас гораздо шире в смысле охвата разнообразных сторон биологии, очень много и основательно — чисто юридическая сторона и этический аспект. У меня эти последние стороны затронуты вскользь, но зато есть и критика Мичурина, и изложение вопросов так называемого вейсманизма-морганизма, которых у Вас нет. Не знаю, читали ли Вы мою заключительную часть «Что стоит Лысенко»? Я приведу полный список моей лысенкианы в конце...» Список, представленный самим А. А., состоял из трех разделов: а) основной работы «О монополии Лысенко в биологии», подразделенной на 5 больших глав (по существу книг), написанных в период 1953— 1958 гг.; б) дополнительных статей по лысенковщине, куда включены в основном статьи и письма в редакции газет и журналов, письма Н. С. Хрущеву, а также

[a] Речь идет **о поэме И. И.** Пузанова «Аргонавт».

16

ряду писателей, и, наконец, в) статей, косвенно связанных со спорами в биологии.

Из всей этой лысенкианы при жизни Любищева опубликовать ничего не удалось. На сегодня лишь статья «Закон гомологических рядов Н. И. Вавилова и его значение в биологии» опубликована в вышедшем в 1982 г. сборнике работ А. А. [9]. Критическая статья Любищева «Несколько замечаний по методике опытного дела» была в середине 50-х гг. заказана редакцией «Ботанического журнала», одобрена, но потом отвергнута как неподходящая по «профилю». «Получается, — писал А. А. в уже цитированном письме к Ж- Медведеву, — как в известном

анекдоте, что один завидный жених, долго ухаживающий за девицей, просил посмотреть ее в натуральном виде ввиду возможности скрытых пороков, а когда увидел, сказал, что ему не нравится форма ее носа. Такой анекдот типичен для советских редакций».

Горьковатая и чуть солоноватая шутка типична для Любищева, находившего в своей родословной «ген гиляризма», или веселости, в сочетании с «геном оптимизма». Любищев продолжал лысенкиану и после падения Лысенко в 1964—1965 гг. В 1965 г. были написаны в жанре историко-научной публицистики две замечательные статьи: «О положении в биологии и агрономии» и «О двух статьях по генетике». Направленность этих эссе уже иная: критикуется упрощенный подход к истории науки (в частности, генетики) со стороны «победителей».

Таким образом, Любищев вступил на путь противостояния лысенковщине на всех уровнях административной системы. Он посылает свои статьи в верхние этажи власти и в «органы» руководства наукой. Он пытается прочистить информационные каналы, по которым распространяется индустрия лжи и фальсификации, — массовые журналы, издательства, газеты. Наконец, он взывает к авторитетам в научном и культурном сообществе, посылая открытые письма.

В данной книге впервые публикуется значительная часть любищевской лысенкианы. Составители сборника не ограничились только статьями и письмами самого Любищева, но и показали реакцию научного сообщества на выступления А. А., а также реакцию нижнего и верхнего этажей аппарата.

Драматизм выбора: «Надо или не надо»

Вступив на путь открытого противостояния лысенковщине, А. А. должен был пройти или устоять перед тремя искушениями. Назову их условно так: 1} долг перед наукой, 2) искушение «двух лагерей», или клановые симпатии, 3) соблюдение идеологической территориальности. В этом смысле Любищев — уникальное явление в советской науке.

О первом искушении писала Н. Я- Мандельштам (с которой А. А. оказался в начале 50-х гг. вместе с Ульяновске) в ответ на посланную ей первую антилысенковскую статью: «Я говорю свое „НЕ НАДО " с других позиций. Самое убедительное для меня в Вашем письме это то, что Вы ощущаете свое молчание как болезнь, что оно, в сущности, и есть причина болезни. Это прекрасное мужское свойство, которое я не раз наблюдала. Я видела, что мужчины, — очевидно, люди с более глубокой социальной совестью, чем мы — бабье, всегда болели, а часто умирали, если не могли говорить о своей науке или искусстве того, что велела им совесть. Но мне жаль многих тех, которые не вовремя начинали... Я хочу, чтобы первым заговорило молодое поколение. Я хочу, чтобы это страшное мужское сознание долга было менее социальным. Ведь есть у Вас долг перед наукой {в более глубоком смысле социальный), который заставляет Вас сидеть у микроскопа, писать статьи о науке (пусть сейчас лысенковцы не дают их печатать), собирать и накалывать на булавки новые материалы. Есть

два долга. Один — наука, другой — ответственность за те формы, которые получает данная отрасль данной науки в настоящую историческую минуту. Я не уверена, что второй долг серьезнее первого. Решает ведь первое. Именно первое — открытие, событие, находка — сметает второе... Я бы никогда не говорила „не надо" о проблемах первого пути — от долга я бы никому не сказала, что можно уклониться. Но во втором я уверена. Может, правы ваши академические друзья, которые решают свои непосредственные задачи. Может это и есть прямой путь. Я не знаю, что сказать. Но первый путь — самое главное. Что делать?»

Любищев свой нелегкий выбор сделал. Говорят, что человек — это стиль. Стиль А. А. в науке и жизни — духовная независимость, свобода высказать несогласие с общепринятыми взглядами, смелость, полная откровенность. И здесь его ждало второе искушение: затрагивать ли только научную сторону дела или анализировать все стороны лысенковщины, включая систему, которая ее породила. Дело в том, что идеократия, сложившаяся в 30-х гг., позволяла ученому относительную свободу творчества строго в рамках своей профессии, но сурово пресекала философское инакомыслие. Во всех рассуждениях на общие темы и дискуссиях требовалось произносить ритуальные фразы о верности «единственно верному учению». Ситуацию нельзя было сравнить даже с договором Фауста и Мефистофеля. Там соглашение было добровольным и обе стороны соблюдали условия. Здесь же ученые были принуждены соблюдать рамки идеологической территориальности (все, включая и выдающихся, «зубров»), тогда как для

партократии никаких рамок не существовало и время от времени устраивались ждановско-сусловские погромы.

Были ли исключения? Пожалуй, лишь один великий Павлов, получив в самом начале революции «индульгенцию» от Ленина, позволял себе устное и письменное несогласие с введением единомыслия. Так, в 1935 г. он протестовал в письме в Совнарком: «...А введен в устав академии параграф, что вся научная работа академии должна вестись на платформе учения о диалектическом материализме Маркса—Энгельса, — разве это не величайшее насилие над научной мыслью? Чем это отстает от средневековой инквизиции?» Отрывки из этого письма были опубликованы лишь в 1989 г. [11].

Любищев продолжил традицию свободомыслия русской интеллигенции, отбросив рамки идеологической территориальности. В этом была особая отвага. Все-таки Павлов — нобелевский лауреат, мировая величина. А официальный статус А. А. — провинциальный профессор. Трудно сказать, кто, кроме А. А., мог с такой внутренней свободой и достоинством писать инструктору ЦК КПСС В. П. Орлову следующее: «Я к партии сыновних чувств не питаю, хотя был момент гражданской войны, когда я чуть-чуть не вступил в партию. Я питаю сыновние чувства к более длительным организациям: России, общечеловеческой культуре и всему человечеству... По отношению ко многим честным членам партия в сталинские времена оказалась подобной даже не мачехе, а матери, пожирающей собственных детей или убивающей их. Этого ни забыть, ни простить нельзя». Это было написано в 1957 г. [12]. В другом письме к В. П. Орлову А. А. касается официальной философии, которая пользовалась привилегией неприкосновенности: «Из того, что они только через 30 лет стали в порядке исключения признавать, что Лысенко — шарлатан, ясно, что пользы от нашей философии для науки нет. Из-за этого и чрезмерной гипертрофии „советского духовенства" и „советского богословия" надо все это порядком сократить и допустить возможность разнообразия мнений. Вот ярлык „идеализм" в смысле равноценном „виновен" надо полностью выкинуть в мусорный ящик истории. Идеализм — почтенное направление в философии, подавляющее большинство философов (а среди крупнейших, пожалуй, все без исключения) были идеалистами» (из письма от 26 декабря 1964 г.). Прошло 25 лет, и лишь теперь необходимость резкого сокращения «советского

духовенства и богословия», отказ от обществоведения как государственного института открыто назван необходимым условием возрождения [13].

Любищев, как и Вернадский, был принципиальным сторонником идейного и духовного плюрализма, сосуществования и взаимодействия разных потоков философской мысли. Стержнем его миропонимания было представление об изначальности Космоса (порядка, закона) над Хаосом. В области биологии он числил себя виталистом, понимая под этим прежде всего принципиальное признание особого уровня организации, особых законов, не сводимых к физике и химии. Догматическое представление о «двух лагерях» в философии неизменно отвращало Любищева, и он в пику казенщине принял на себя роль «воинствующего идеалиста». Типичен такой забавный эпизод. После одного из докладов А. А. в Московском обществе испытателей природы в 60-х гг. один из молодых слушателей опасливо спросил, не попахивают ли взгляды докладчика идеализмом. На что последовала быстрая реплика: «Попахивают? Да я, молодой человек, идеалист с 1917 года!»

Вечный плюрализм философской мысли, множество пересекающихся ее потоков — такова была желанная для А. А. картина миропонимания.

Он писал, что идеализма как единого направления нет. Объективный идеализм относится к онтологии, субъективный — к гносеологии. И поэтому можно быть (как Карл Пирсон) гносеологическим идеалистом, а в области онтологии — материалистом. В биологии непременным атрибутом материализма и его официальной версии считается абиогенез: возникновение жизни на Земле из косной материи. Вернадский же исповедовал вечность жизни, т. е. был на этом уровне бытия онтологическим идеалистом. Быстрый рост науки в XX веке сопровождался доминированием материалистической онтологии. Но одновременно выявились и огрехи в абсолютизации такого подхода. Ибо зачастую агрессивно или пренебрежительно воспринимались поиск и исследование феноменов, явлений, материальная основа которых в данное время совершенно неясна. А если нет «механизма», неясен материальный субстрат, то верные материалистической онтологии исследователи склонны отрицать или не замечать само явление, несмотря на множество фактов. Приведу пример из области генетики. С идеей постоянства и точной локализации генов связаны очевидные успехи хромосомной теории

наследственности. Однако уже на заре становления генетики были известны случаи сверхвысокой изменчивости, нестабильности некоторых генов. Для их объяснения Барбара Мак-Клинток (нобелевский лауреат по биологии 1983 г.) выдвинула в конце 40-х гг. идею, что нестабильное состояние генов зависит от особого рода подвижных элементов, которые способны с большой частотой перемещаться в разные участки хромосом. Материальная природа «прыгающих генов» была неизвестной, факты и сама идея считались четверть века каким-то курьезом, досадным пятном на фоне лавины респектабельных успехов. В 80-х гг. это «облачко» дало начало общебиологической проблеме непостоянства генома.

Любищев считал допустимыми любые онтологические подходы, дающие возможность краткого и ясного описания явления. В ответ на возражение, что такого рода онтология идеалистична, ведет к допущению в науку чего-то непознаваемого, таинственного или мистического, А. А. приводил примеры из истории науки: «Вызывало протест введение отрицательных чисел, иррациональных чисел, мнимых чисел. Мнимые числа прямо называли мистическими. Сейчас комплексные числа потеряли всякую таинственность: это просто векторные числа, имеющие направление... Что значит „непознаваемый", противоречащий здравому смыслу, непонятный? Таким является тяготение (тело действует там, где его нет), вечные неизменные атомы (таких в природе мы не встречаем), второй закон термодинамики вместе с признанием вечности мира и т. д. Но мы привыкаем ко всему этому и делаем вид, что они нам понятны» (из письма к П. Г. Светлову от 7.11 1967 г.).

19

В государственной философии тезис «Сознание вторично, материя первична» считался не подлежащим обсуждению. Этот догмат вызывал раздражение А. А.: «Разве сознание — не особый сорт бытия? Реально — все вне моего сознания и независимо от моего сознания, но, например, твое сознание независимо от моего сознания, значит для меня оно материя, а мое сознание — материя для тебя, значит и сознание — тоже материя. В этой области диаматчики ничего, кроме глупости и наглости, не дали» (из письма к П. Г. Светлову от 7.11. 1967 г.).

Драматизм ситуации состоял в том, что А. А. вступился за биологию и генетику, где абсолютное большинство честных ученых, находясь под мощным давлением официальной идеологии и фразеологии, не делали разницы между противоположениями типа «научный—ненаучный» и «материализм—идеализм». У Лысенко и его псевдофилософского окружения слово «идеализм» не только стало синонимом ненаучного, но и реакционного враждебного, классово чуждого. Спустя две недели после сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. был произведен подлинный разгром всей системы преподавания биологии в СССР. Приказами министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова от 23 августа 1948 г. в одночасье были уволены и отстранены от преподавания десятки и сотни профессоров и преподавателей высшей школы. Приказ по университетам требовал «решительного искоренения реакционного, идеалистического (менделевско-морга новского) направления» как элемента «борьбы двух противоположных и непримиримых мировоззрений, борьбы диалектического материализма против идеализма» [5].

Но вот парадокс. В отрицании «с порога» всего идеалистического, связанного с теологией («ведет к поповщине»), трогательно сходились и Лысенко с клевретами, и большинство его противников-биологов. Обвинение в идеализме бросалось друг другу обеими сторонами, став символом научной или политической благонадежности. Так, например, в знаменитом «письме трехсот», посланном в ЦК КПСС в 1955 г., — этом замечательном антилысенковском документе (авторы-инициаторы письма В. Я. Александров, Д. В. Лебедев и Ю. М. Оленов), можно прочесть: «Августовская сессия ВАСХНИЛ была организована под лозунгом — приблизить науку к решению насущных вопросов, выдвигаемых перед ней социалистическим строительством, усилить борьбу с идеализмом и биологии. Выполнение этих требований было и остается почетной и радостной задачей каждого советского ученого и всей нашей науки в целом» [14]. Для большинства честных советских ученых эти слова отражали их символ веры, а не просто клише или ритуальное заклинание.

Открытое выражение своих взглядов в период господства «единственно верного учения» ставило Любищева в положение заблудшего, отставшего от жизни ученого-чудака, юродивого, белой вороны. Идеализм Любищева оказался своего рода охранной грамотой, которой пользовались шуты, позволяя себе говорить всю правду королю. Подобным образом Сталин не разрешил трогать «небожителя» Пастернака.

Третье искушение, которое миновал А. А., — клановая групповая этика, когда весь мир делится на два стана — своих и чужих и в интересах победы над чужими надо не замечать грехов

«своих». Любищев вполне следовал этическому принципу своего любимого поэта А. К. Толстого — «двух станов не боец», «спор с обоими мой жребий тайный». Не каждый, кто противостоит дьяволу, есть посланник ангела, воплощение добра и истины. Если, по терминологии А. А., лысенковщина — смесь фальсификации, клеветы и невежества, то отсюда вовсе не значит, что у биологов — противников Лысенко ничто не подлежит критике или что не следует критиковать «своих» исходя из тактических соображений. Любищев расходился с современной ему генетикой по ряду важных положений (проблема наследования признаков, приобретенных в ходе онтогенеза, роль отбора и учения Дарвина, природа целесообразности, принципы построения

систематики и т.д.)- Однако это не помешало ему решительно вступиться за подлинную генетику и против профанации науки Лысенко и его окружением. При этом А. А. не скрывал своих расхождений с теми, за кого вступался. Независимость духа, честность особо привлекательны в творчестве Любищева. К сожалению, его бывшие союзники после падения Лысенко оказались не на высоте. Им не удалось избежать опасности в борьбе с чудовищем вольно или невольно перенять кое-какие из его приемов.

Приведу один драматичный эпизод. Антилысенковские работы Любищева вызывали восхищение у известного биолога проф. В. В. Алпатова. В Москве он играл большую роль в противостоянии лысенковщине, помогал найти работу опальным генетикам, способствовал возрождению биологии. Вот несколько цитат из писем Алпатова к Любищеву.

17.02 1954 г. «Очень рад был получить от Вас письмо мне и письмо Корнейчуку. Последнее — шедевр!!! Я и все мои друзья получили от его чтения величайшее удовольствие. Я боюсь только, что оно не очень поможет всему делу борьбы за правду и правду биологическую. „Оттепель" кончилась, и стоят легкие морозцы. Все позиции в руках шарлатанов от биологии».

8.12 1954 г. «Прочел вторую часть Вашего замечательного сочинения и Ваше письмо в „Литературную газету". Обе вещи великолепны, и я не могу ничего ни прибавить, ни убавить в Ваших рассуждениях. Жаль только, что это до сих пор не напечатано».

Май 1955 г. «Привет от меня Ольге Петровне и благодарность за присылку „Мысли о многом". Считаю эту рукопись документом огромной важности и чрезвычайной силы. Ее можно поставить в ряд с классическими произведениями великих натуралистов-полемистов».

20.01 1957 г. «Теперь о Вашем опусе. Он великолепен и блестящ, как и все предшествующее. Я читал его всю ночь, и волосы шевелились на голове. За такую работу Вы не только заслуживаете быть академиком, но и президентом ВАСХНИЛ Вам быть прилично».

10.02 1965 г. «Гром победы раздавайся, веселися храбрый росс! Дожали-таки Трошку коллективными усилиями биологов и поддержкой физиков и химиков. Приятно сознавать, что в этом деле и мы с Вами кое-что помогли. Вы, конечно, особенно сильно! Ну а такие люди, как Медведев, Вы, Эфроимсон, Эмме, Пузанов, заслуживают звания героя науки».

17.03 1965 г. «Недавно в обществе испытателей природы состоялся прекрасный доклад Тимофеева-Ресовского „К столетию работы Менделя". Публика пришла как на праздник. Тимофеев — прекрасный оратор, и он захватил внимание аудитории. Сколько было аплодисментов! Приятно под конец жизни услышать свободное научное слово».

Мажорный тон в переписке начинает спадать, как только выясняется различие общебиологических и философских взглядов.

8.05 1969 г. «Благодарен за присылку Вашего сочинения о философии и систематике. Вы имели в этом сочинении возможность проявить Вашу эрудицию и в философии, и в биологии. Я проштудирую Вашу статью обстоятельнейшим образом... Очень приятно, что вопросам общей биологии понемногу у нас начинают придавать все большее и большее значение. Правда, много пишется фантастического и легкомысленного...»

К фантастическому и легкомысленному профессор В. В. Алпатов относит идеи и исследования Чижевского о связи эпидемических явлений с солнечной активностью. Любищев в осторожной форме возражает и посылает ему свою большую работу «Уроки истории науки».

15.01 1970 г. «Получил „Уроки истории науки". Как всегда, с огромным удовольствием дважды прочел то, что Вы пишете. Потрясает широта Ваших знаний и смелость постановки проблем. Кое в чем не могу с Вами согласиться».

13.12 1970 г. «Я восхищаюсь Вами совершенно так же, как восхищен Львом

Толстым. Уважаю непрерывное кипение мысли, хотя с Вами, как и с Толстым, во многих отношениях не согласен...»

Разногласия стали очевидны и трещина разрослась.

6.04 1971 г. «Я не отвечал долго на Ваше блестяще написанное 10-страничное письмо, потому что сильно его переживал. Поначалу я был готов возразить Вам по всем пунктам, т. к. и философски и методологически по отношению к биологии мы оказались с Вами на противоположных берегах реки. Вы считаете первичным дух — идею. Вы цените факты меньше, чем идеи. Я же с ранних лет материалист... Продумав Ваше письмо еще раз, я пришел к убеждению, что надо различать три области духовной жизни человека — религию, псевдонауку и науку. К первой надо относиться с терпимостью, вторую разоблачать, а третью защищать от лжеученых и развивать на пользу человечества».

3.01 1972 г. «Получил Ваше письмо от 21.12.71 и рукописные статьи о Толстом и прочих вопросах (о Тейяр де Шардене). Я Вас понимаю, но никак согласиться не могу. Я сделал попытку прочесть „Феномен человека", но, видимо, у меня голова не воспринимает столь общий разговор, что книгу не дочитал... Я сейчас все внимание сосредоточил на борьбе с чушью в биологии. Уже разобрался и пустил в печать статьи о 1) Гурвиче А. Г. и его выдумках, 2) Чижевском, 3) Роскине и Клюевой, 4) магнитобиологии. В основном дело в полной неспособности к индуктивному мышлению, без которого в науку соваться не нужно».

Таким образом, разоблачительный пафос В. В. Алпатова перекинулся на таких биологов-теоретиков, как А. Г. Гурвич, который был духовным и научным учителем Любищева и которого он считал выдающимся ученым. А. Г. Гурвич открыл митогенетические лучи и предложил концепцию биологического поля. Финал переписки (1.03 1972 г.): «Наши с Вами разногласия по биологическим явлениям коренятся в различии наших философских позиций, и примирить их невозможно. Я с детства убежденный материалист и таким останусь до конца моих дней. Отсюда все разногласия».

Через два года после кончины Любищева (31 агуста 1972 г.) вышла повесть о нем Даниила Гранина «Эта странная жизнь». В. В. Алпатов посылает в издательство протест, в котором пишет, что в книге прославляется ученый-виталист и идеалист. 16 ноября 1977 г. в Институте биологии развития АН СССР на заседании ученого совета был рекомендован к печати том избранных работ Любищева под общим названием «Проблемы формы, систематики и эволюции организмов». В. В. Алпатов пришел на заседание и выступил против издания книги, решив предупредить институт о «большой ошибке».

С одной стороны, этот грустный исход показывает, как под прессом идеологизации деформировалась советская наука. С другой стороны, приходится склониться к выводу, что мировоззренческий монизм на фоне материалистической онтологии способен с большой вероятностью принимать агрессивные формы. Вот почему А. А. 11 января 1970 г. писал Ж. А. Медведеву: «Явление лысенковщины, сколь оно ни одиозно, на самом деле есть лишь эпизод в более серьезном конфликте между истинным свободомыслием и той или иной формой догматизма. А догматизм возникает на почве чрезмерной самоуверенности и нетерпимости, на основе экстраполяции полезных взглядов за пределы их приложимости». Занимаясь систематикой и теорией эволюции, Любищев видел, что в природе действует принцип: ЕДИНСТВО ЦЕЛОГО ПРИ СВОБОДЕ ЧАСТЕЙ. Таков же идеал гармоничного общества. И всякий раз, когда свобода частей (направлений в науке и философии и т. д.) подавлялась, Любищев, как отважный фехтовальщик и рыцарь, вступался за честь природы.

«...Как наше слово отзовется...»

Почти все статьи и письма А. А. в защиту науки оказались неопубликованными. Но это не значит, что его самоотверженный грандиозный труд по очистке авгиевых конюшен советской идеологизированной науки остался бесследным. Оказалось, что реакция аппарата системы на нижних и верхних уровнях ее иерархии весьма различалась. Нижние этажи административной власти (руководители вуза и начальники местной прессы, райком и обком в Ульяновске) опустились до травли. Это обычная реакция — преследовать тех, кто независим и совершает «мыслепреступление». Однако на верхних этажах иерархии (инструкторы ЦК партии) Любищев неожиданно встретил вежливый прием и желание получать информацию «наверх». Переписка с инструктором ЦК КПСС В. П. Орловым, которому А. А. посылал свои основные работы жанра «лысенкианы», показывает общую картину управления наукой в идеологизированном однопартийном государстве. Документ тем более драматичен, что В. П. Орлов — несомненно

честный человек, озабоченный судьбой государства, но в то же время «жертва догмата», что партия — это наука.

В. П. Орлов понимает масштаб личности Любищева, он поддерживает его, перепечатывает антилысенковские статьи, знакомит с ними лиц, причастных к руководству наукой [12].

Статьи Любищева распространялись в научном сообществе по типу «самиздата» не только в среде биологов. Среди адресатов А. А., с кем он поддерживал эпистолярную связь и регулярно встречался, — математики и физики А. А. Ляпунов, И. Е. Тамм, В. Я. Френкель, Р. Г. Баранцев, О. М. Калинин, известные историки И. Д. Амусин и Л. М. Глускина, гуманитарии Н. Я. Мандельштам и Г. А. Велле (писатель и переводчик А. Сент-Экзюпери). И. Е. Тамм называл Любищева непревзойденным мастером эпистолярного жанра. Многие письма А. А. — это целые статьи или трактаты.

Хотя публицистические и философские эссе Любищева не печатались и были, как говорят, «широко известны в узких кругах», их значение в противостоянии лысенковщине можно сравнить с разведкой боем в военных действиях. Так, первая статья Любищева, распространенная в научном сообществе в 1953 г., имела оглушительное по тому времени название «Об аракчеевском режиме в биологии». Через год, несомненно под влиянием работы А. А., эти же слова появились в двух местах знаменитого «письма трехсот» [14]. Авторы твердо заявляли, что августовская сессия привела «к упадку, к ликвидации ряда областей науки и к фальсификации многих ее разделов (генетика, цитология, эволюционное учение и др.), к установлению аракчеевского режима в его худшей форме». Далее в письме говорится, что борьба Лысенко и его сторонников «за сохранение аракчеевского режима в биологии изображается как борьба за партийность». Влияние лексики Любищева и всего стиля его решительной и бескомпромиссной статьи несомненно.

Многие свои эссе и письма Любищев посылал академику И. Е. Тамму, который имел большой авторитет и влияние в кругах физиков и математиков (с И. Е. Таммом А. А. познакомился еще в 1919 г. в Таврическом университете). Тамм писал А. А., что нелепость основных положений и алогизм Лысенко для него очевидны, но неясно, были ли «хотя бы в сравнительно отдаленном прошлом какие-либо существенные достижения в области агрономии, или и этого нет и не было. Несмотря на огромность причиненного им вреда, этот вопрос не лишен значения» (письмо от 7.06 1954 г.). После прочтения глав книги Любищева «Что стоит Лысенко?» и длительных бесед при встречах в Москве И. Е. Тамм (так же, как и его ученик академик А. Д. Сахаров) занял бескомпромиссную антилы-сенковскую позицию в Академии наук. В середине 50-х гг. И. Е. Тамм вместе с И. В. Курчатовым организовал в Институте атомной энергии семинар по

современной генетике [14, 15]. Этот семинар стал центром возрождения генетики.

Но есть еще более глубокий уровень, на котором может быть оценено значение деятельности Любищева в защиту науки. «Благодаря А. А., — писал в 1977 г. С. В. Мейен, — я понял, как тесно связана повседневная исследовательская практика с глубочайшими философскими проблемами, что философия — не общее рассуждение (как общие выводы в школьном сочинении) после того, как работа окончена, а стратегия самого исследования, стратегия мышления... Он взял эстафету и передал ее. Мы взяли что-то у него и понесем дальше. Думаю, что та линия, которую он поддерживал и постарался передать другим, — одна из наиболее ценных в человеческом разуме (я бы назвал ее критическим реализмом)».

От страшного погрома, который претерпела наука как социальный институт, придется возрождаться долгие годы. Должны смениться научные поколения. Внешне нет «мичуринской биологии», но остается и продолжает доминировать «мичуринская философия» со всеми ее атрибутами, лексикой и взглядом на мир. Поэтому статьи и письма Любищева, а также уроки его самоотверженной деятельности в защиту науки и свободомыслия чрезвычайно актуальны. В 1952 г. в мрачные годы сталинизма Любищев формулирует основной постулат этики: «Способствуя победе духа над материей, мы одновременно осуществляем лозунг: жить согласно истинному смыслу природы». Этот постулат, по существу, совпадает с идеями другого нашего ученого-энциклопедиста В. И. Вернадского о ноосфере и ведущей роли человеческого разума и направленного им труда. В следовании этому этическому и философскому принципу возможно подлинное возрождение науки и создание общества, достойного человеческого духа и разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранцев Р. Г.* Описание архива А. А. Любищева // Сов. библиография. *1988.* № 6. С. 73—78.

2. *Филатов В. П.* Об итогах лысенковской «агробиологии». (Опыт социально-философского анализа) // Вопр. философии. *1988.* № 8. С. 3—23.

3. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление (1938). (Неопубликованные фрагменты) // Вопр. истории естествознания и техники. *1988.* № 1. С. 71—80.

4. Народ безмолвствует? (С президентом Советской социологической ассоциации Татьяной Ивановной Заславской беседует обозреватель «Огонька» В. Выжутович) // Огонек. *1989.* № 40. С. 6-7.

5. *Александров В. Я-* Трудные годы советской биологии // Знание—сила. *1987.* № !0. С. 72—80; № 12. С. 50—58.

6. *Joravsky D.* The Lysenko affair. Chicago, *1970.* 459 p.

7. *Медведев Ж- А.* История биологической дискуссии в СССР // Книжн. обозр. *1989.* № 6. С. 4—5.

8. *Medvedev Zh.* The rise and fall of T. D. Lysenko. New York, 1969.

9. *Любищев А. А.* Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М., *1982.* 278 с.

10. *Гранин Д. А.* Эта странная жизнь. М., *1974.* 110 с.

11. Протестую против безудержного своеволия (переписка академика И. П. Павлова с В. М. Молотовым) // Сов. культура. *1989.* 14 января.

12. Неприлично молчание мне. (Из переписки профессора А. А. Любищева с инструктором ЦК КПСС В. П. Орловым. 1956—1977 гг.) //Эко. *1988.* № 2. С. 97—123; № 3. С. 144—168.

13. *Кордонский С.* Министерство правды // Век XX и мир. *1989.* № 2. С. 26—32.

14. Генетика — наша боль. (Из архива академика И. В. Курчатова. Письмо 1955 г.) //Правда. *1989.* 13 января.

15. *Александров В., Лебедев Д.* Это было «письмо трехсот»// Правда. *1989.* 27 января.

1. КРИТИКА ЛЫСЕНКОВЩИНЫ. РЕАКЦИЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА И АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

1.1. Об аракчеевском режиме в биологии[3]

Считаю своим долгом как ученого и гражданина возвысить голос против аракчеевского режима в биологии, возглавляемого академиком Т. Д. Лысенко и его сторонниками. Начиная с 1950 года был ряд симптомов, как будто возвещавших прекращение этого режима. Появился целый ряд статей, критикующих отдельные практические и теоретические ошибки Лысенко, но, однако, в общем вопрос не сдвинут с места, отчего, по моему глубокому убеждению, происходит торможение развития ряда отраслей биологии, совершаются многочисленные практические ошибки, причиняющие значительный ущерб государству, и терпит большой урон наш престиж за границей у многих прогрессивных и честных деятелей науки и культуры.

Одной из причин ненормально затянувшегося положения является, вероятно, то, что Лысенко выдвинул огромное количество новых идей и предложений как в теории, так и в практике, и поэтому специалисты, работающие в отдельных отраслях науки, найдя ошибку в каком-нибудь узком разделе, не решаются признать, что это следствие общего порочного стиля работы Лысенко, а ограничиваются внесением небольших поправок в признаваемое всеми (по крайней мере в печати) здание так называемой мичуринской биологии, забывая, что само это название биологии {созданной трудами огромного количества исследователей, среди которых были и выдающиеся люди) есть лишь одно из многочисленных отражений того порочного культа личности, который справедливо самым решительным образом осуждается.

Являясь по специальности энтомологом, я, однако, много времени посвятил изучению новейших приемов обработки полевых данных и значительную часть своей научной работы провел в полевых условиях, близко соприкасаясь с деятельностью многих опытных станций; а так как другой стороной моей научной работы было изучение общебиологических проблем, то это дает мне право считать себя достаточно компетентным для суждения о многих сторонах деятельности Лысенко и вынести некоторое общее заключение. Конечно, полную оценку его деятельности можно вынести только в результате всестороннего исследования и свободной дискуссии, призывом к которой и является данная статья.

Аракчеевский режим в биологии установлен со времени августовской сессии 1948 года, на которой Лысенко выступил с заявлением, что его доклад «О положении в биологической науке» был одобрен Центральным Комитетом Коммунистической партии. Так как это заявление не было опротестовано, то, очевидно, оно соответствует истине. Эта безоговорочная поддержка (по моему

Статья была закончена 30 июля 1953 г. в Ульяновске.

глубокому убеждению, ошибочная) вызвана, по-моему, целым рядом объективных причин, которые вполне объясняют эту поддержку. Этими причинами, по-моему, являются:

1) отставание нашей агрономической науки, неспособной преодолеть многие узкие места сельского хозяйства;

2) консерватизм многих опытников, не желающих использовать новейшие методические приемы обработки полевых данных;

3) обилие и кажущаяся простота практических предложений Лысенко, эффективность которых, как правило, не оспаривалась и его противниками (Шмальгаузен и др.);

4) ряд теоретических высказываний Лысенко, прежде всего его стадийная теория развития, которая подводила теоретическую базу под многие из его предложений в противовес ползучему эмпиризму многих опытников; теоретическая и практическая ценность, в частности, теории стадийного развития не оспаривалась и покойным Н. И. Вавиловым;

5) теоретические ошибки противников Лысенко — менделистов, а именно: отрицание наследственности приобретенных свойств, принятие монополии хромосом как носителей наследственности; эти ошибки привели к длительному замалчиванию и недооценке работ Мичурина;

6) принятие связи между менделизмом-морганизмом, с одной стороны, и такими реакционными течениями в капиталистическом мире, как расизм и евгеника;

7) утверждение, что только мичуринская биология является материалистической, а менделизм и морганизм — идеализм;

8) наконец, личные качества Лысенко — его положительные качества: талантливость, целеустремленность и работоспособность маскировали его отрицательные — отсутствие общей культуры, примитивность мышления, незнакомство с подлинной научной методикой работы, самовлюбленность и неразборчивость в средствах борьбы.

Несмотря на то что ненаучность многих высказываний Лысенко была ясна с самого начала, фейерверк его практических предложений был настолько ослепителен, что если бы даже одна пятая из них принесла тот эффект, который был обещан, то все его теоретические ошибки были бы прощены и даже можно было бы примириться с временным действием установленной им аракчеевщины. В настоящее время многие практические ошибки исправлены, но зажим в области теории почти продолжает существовать, хотя имеются некоторые симптомы ослабления, но еще очень слабые. Так, в результате гонения на математическую статистику, связанную с законами Менделя, из программы преподавания биологии в университетах были совершенно изгнаны высшая математика и вариационная статистика. Книги по дисперсионному анализу — важнейшему орудию полевых исследований и возникшему как раз на биологической почве — издавались только в применении к технике, тщательно изымались из библиотек все книги с изложением менделизма и морганизма. Хромосомная теория наследственности (вошедшая, по смелому заявлению акад. Немчинова на августовской сессии, в золотой фонд науки человечества) была изъята на 100 процентов без попытки (и даже с запрещением всяких попыток) взять то ценное, что эта теория дала. В иностранных журналах вымарывалось и вырезалось все, содержащее малейший намек на критику Лысенко. Положение пока существенно не изменилось, но отрадным симптомом является введение высшей математики на биофаке Московского университета.

Целью настоящей статьи и является показать, что нет никакого основания придавать работам Лысенко и его учеников то решающее значение, которое им придается, а что в теоретических вопросах мы должны следовать той традиции, которая всегда существовала в науке и которой следовали и классики марксизма-ленинизма; строить новое на основе использования всего ценного,

что было дано предшествующим развитием науки, а не на основе огульного отрицания. Если даже такое подлинно революционное учение, как марксизм, имело своими источниками буржуазную политическую экономию, идеалистический утопический социализм и идеалистическую немецкую классическую философию, взяв из этих по существу враждебных учений все ценное, то какое основание думать, что в биологии, стоящей гораздо дальше от экономических интересов господствующих классов, прогресс науки должен заключаться в огульном отрицании «буржуазной» генетики.

Разбор достижений школы Лысенко начнем с практических, а потом коснемся теории.

1.1.1. Практические предложения Лысенко и его школы

Практические предложения Лысенко и его школы настолько многочисленны и разнообразны, что для полной критики потребуется привлечение большого числа специалистов. Трудность критики заключается и в том, что Лысенко публикует лишь очень краткие данные о результатах опытов. Наконец, многие из публикаций показывают отсутствие правильного понимания методики обработки данных. Любимым приемом Лысенко является испытание сразу в массовом масштабе на больших площадях, и он подвергает критике работу многих опытных станций, проводящих опыты на небольших делянках. Справедливость критики Лысенко заключается в том, что никакие мелкоделяночные опыты не могут считаться достаточными для того, чтобы устранить необходимость производственных опытов. Прежде чем применять то или иное практическое предложение в широком масштабе, необходимо провести научно поставленные производственные опыты в масштабе совхозов или иных крупных хозяйств. Но Лысенко полагает, что массовость опыта уже является достаточной гарантией надежности полученных результатов. Здесь Лысенко (как, впрочем, и многие его противники) показывает, что он не понимает разницы между систематической и случайной ошибкой. Случайная ошибка может быть сделана сколь угодно малой путем увеличения числа испытаний, систематическая же ошибка массовостью опыта совершенно не устраняется. Поясню примерами из предложений того же Лысенко.

Широко применяется по инициативе Лысенко метод яровизации злаков. Совершенно бесспорно и никем не отрицается, что этот метод дает возможность добиться заметного ускорения созревания злаков. Но когда можно ожидать, что ускорение созревания приведет к увеличению урожая? Очевидно, тогда, когда без этого или получится щуплое зерно (в случае суховея, проявившегося в тот период, когда зерно еще не созрело), или когда зерно вовсе не созреет (на севере при холодном и дождливом лете). В этих двух случаях (которых при существующих метеорологических прогнозах предвидеть невозможно) яровизация приведет к спасению или увеличению урожая. Но можно ли ожидать увеличения урожая всегда или почти всегда даже при наличии благоприятных прочих условий созревания? Этот вопрос может решить только опыт. И здесь получилось расхождение. Опытные станции, проведя многие опыты, пришли к противоположным результатам и при отсутствии суховея не получили какой-либо значимой разницы. По данным Лысенко, в массовом масштабе яровизация дает постоянную прибавку в среднем около центнера на га. Вправе ли мы безоговорочно подчиниться выводам Лысенко в силу их массовости? Нет, так как не только не исключена, а весьма вероятна систематическая ошибка при проведении опытов в колхозах. Яровизированное зерно неспособно к долгому хранению, а потому оно, естественно, высеивается в первую очередь, а неяровизированное, которое может храниться, — во вторую. Но во всей нашей основной зерновой зоне срок посева имеет решающее значение, и даже задержка на день

часто приводит к заметному снижению урожая. Обращает на себя внимание также устойчивость этой прибавки (в случае суховея) — или очень слабой и даже никакой, или отрицательной в иных случаях. Все это говорит о том, что мы к данным опытных станций должны отнестись с большим доверием, чем к результатам массовых данных Лысенко.

Второй пример аналогичной систематической ошибки находим в работе с теленомусом, паразитом вредной черепашки. В инструкции по организации опытов с теленомусом указано, что во избежание относа ветром искусственно вносимого теленомуса опытный участок должен выбираться так, чтобы он был защищен от ветра, а для выбора контрольного участка никаких ограничений не накладывалось. Ясно поэтому, что для опытного участка выбирались участки около леса, защищенные ветром, а известно, что лес является местом зимовки теленомуса и, следовательно, даже при полном провале искусственного заражения он должен показать повышенную зараженность теленомусом по сравнению с незащищенным контрольным участком. Хотя бы мы поставили миллион опытов, отягощенных такой систематической погрешностью, мы не избежим ошибочного вывода. При тщательной проверке некоторых случаев можно было убедиться в реальности подобных ошибок: выпускался один вид теленомуса, а в яйцах черепашки оказался другой; иначе говоря, эффективность выпуска была равна нулю, но без проверки вида теленомуса этот случай был бы зарегистрирован как доказательство полезности теленомуса.

Перейдем теперь к краткой оценке положительных предложений Лысенко. Ввиду их крайнего разнообразия я воздержусь от попытки классифицировать и начну с предложений, касающихся прикладной энтомологии, как близко мне известных по личному опыту.

1. Теленомус в борьбе с вредной черепашкой. Методическая погрешность опытов с теленомусом была уже указана выше. Общеизвестно, что попытка применения теленомуса против черепашки была сделана еще в дореволюционные времена одним из старейших энтомологов И. В. Васильевым. Он кое-какие обнадеживающие результаты получил, но потом черепашка надолго исчезла как вредитель, и опыты не возобновлялись. Лысенко развил опыты в очень широком масштабе, затрачены были на это огромные средства, но результат оказался более чем скромным, и в арсенале борьбы с черепашкой теленомус видной роли не играет как слабо эффективное и очень дорогостоящее мероприятие.

2. Применение кур в борьбе со свекловичным долгоносиком и черепашкой. Использование кур — вполне целесообразное мероприятие, но если в чем здесь и есть заслуга Лысенко, то только в снятии запрета с этого метода.

Применение кур (и индюшек) против свекловичного долгоносика было рекомендовано (и подробно обосновано с точными экономическими расчетами) венгерским энтомологом Яблоновским в книге {на немецком языке) «Насекомые— вредители сахарной свеклы» в начале 20-го века (1903 или 1904 год). Применялись они и против других вредителей, в частности советскими энтомологами в начале тридцатых годов против лугового мотылька. Но политическими редакторами сборника по луговому мотыльку статья о применении кур была выкинута как «антимеханизаторская», и редактор сборника за пропуск этой статьи был заменен

другим. После этого наступил запрет этого метода борьбы, который и был снят Лысенко. Метод этот и сейчас применяется, и основные трудности его применения — организационные: сбор кур от колхозников, выпас их на поле и проч.

Если можно говорить о новом, что внесла школа Лысенко в этот метод, то нельзя не упомянуть о статье Колесникова в Докладах ВАСХНИЛ, где этот академик всерьез рекомендует кур для борьбы с личинками гессенской и шведской мушек, еле видимых простым глазом (и только очень острым) и живущих в укрытии в растениях злаков. Это предложение у каждого, сколько-

нибудь знакомого с этими мушками, могло бы вызвать только смех, если бы не было так грустно, что такие нелепости имели такое высокое покровительство.

3. Приманочные посевы свеклы для борьбы со свекловичным долгоносиком. Метод старый, давно забракованный (как большинство приманочных посевов) и сейчас снова сданный в архив после разрекламирования его Лысенко.

4. Яровизация зерновых злаков. Едва ли не старейшее из практических предложений Лысенко, но, как было уже указано во введении к этому разделу, ценность его как повсеместного мероприятия совершенно неясна. Сейчас поэтому наблюдается в некоторых местах (например, во Фрунзенской области Киргизии) сокращение и исключение из практики этого приема, который был уже широко внедрен перед войной; ценность его в местах, не страдающих от суховея и недостатка тепла, сомнительна, а процесс яровизации — прием довольно трудоемкий и сопряженный с риском.

5. Яровизация картофеля. Этот прием безусловно применим для получения раннего картофеля (не будучи специалистом, не знаю, насколько он нов), для получения же основного урожая картофеля значение его сомнительно.

6. Летние посадки картофеля на юге для предупреждения вырождения картофеля. Несмотря на кажущуюся простоту этого приема, не требующего никаких новых орудий или сортов, распространяется он чрезвычайно туго. Причина этого лежит, вероятно, в том, на что указал сам Лысенко в докладе на Пленуме Академии наук Украинской ССР в 1938 или 1939 году. Он сказал, что экономическая сторона этого приема еще недостаточно ясна. Весьма возможно, что хлопотливые приемы для сохранения картофеля, пригодного для летних посадок, и меньший урожай делают более целесообразным завоз картофеля из мест нормальной посадки, чем проведение летних посадок в зонах с жарким летом.

7. Посадка картофеля мелкими кусками или с использованием шелухи. Метод этот не нов, и возможность получения картофеля из обрезков и кусочков несомненна. Но только этот метод не заключает никакой страховки от заморозков: в случае заморозков (часто встречающихся во всей обычной зоне произрастания картофеля) урожай картофеля резко падает. Поэтому даже во время войны этот метод рекомендовался только для сверхплановых площадей. В обычное время, когда нет недостатка в посадочном материале, этот метод никакого производственного значения не имеет.

8. Летние посадки свеклы, предложенные в Киргизии, определенно сорвались. Правда, вина в этом была отнесена на озимую и других подгрызающих совок, которые действительно часто сильно повреждают поздние посевы, но по собственному опыту хорошо знаю, что этот фактор не имеет такого универсального значения, чтобы сорвать прием, если бы он имел действительно серьезное значение.

9. Летние посевы семенной люцерны. Вопрос не ясен. В печати иногда появляются хвалебные отзывы, но они появляются и относительно заведомо скомпрометированных приемов (как, например, гнездовой посев деревьев). Из разговоров же с агрономами Ульяновской области и других мест знаю, что во многих случаях эти посевы не оказались эффективными.

10. Механическое раскрытие цветков семенной люцерны. Этот прием (искусственное добавочное опыление цветков) был предложен последователем Лысенко Мусийко для ряда растений, в частности для люцерны, и технически он проводитсй путем протягивания через поле семенной люцерны веревки с разными добавочными приспособлениями. Этот прием до сих пор рекомендуется даже в передачах по радио. Не могу судить, в какой мере этот прием эффективен для ряда других растений (кукуруза, подсолнечник и пр.), но для люцерны его совершенно отвергают целый ряд исследователей, проводивших исследования при правильном соблюдении научной методики. Прием этот основан на том, что обыкновенная медоносная пчела нормально посещает цветы люцерны только для взятия нектара, но не для взятия пыльцы и потому

совершенно не способствует необходимому перекрестному опылению, а механическое раскрытие цветков делает их якобы доступными для медоносных пчел, которые и производят дополнительное опыление. Сейчас уже опубликован целый ряд исследований, которые совершенно определенно отрицают эту возможность:

1) при протягивании веревки вскрывается ничтожное количество цветков;

2) механическое вскрытие может в лучшем случае привести к самоопылению, но не к перекрестному опылению, так как рыльце после вскрытия делается неспособным к восприятию посторонней пыльцы (плотно прижимается к другим частям цветка); 3) самоопыление же у люцерны, как и у всех типичных перекрестноопылителей, приводит к пониженному качеству семян.

Цифры, приводимые в работах Мусийко о повышении урожая семян люцерны при механическом опылении, являются чрезвычайно пестрыми, мы не имеем никаких гарантий того, что в них не вкрались какие-либо систематические ошибки. И наконец, возможно допустить, что некоторое превышение урожая объясняется сгоном вредителей с обработанного веревкой участка на необработанный, где они в таком случае принесут добавочный вред, и конечный экономический эффект окажется равным нулю.

Внедрение в производство трудоемкого и тяжелого метода таскания веревки является еще не самой худшей из ошибок, допущенных за последние годы в отношении семенной люцерны. Не знаю, в какой мере виновен Лысенко в этом, но по рекомендации Института пчеловодства (считавшего возможным широкое использование медоносных пчел для повышения урожая семян люцерны) одно время применялась практика культуры семенной люцерны широкими массивами в особых совхозах, сейчас уже отмененная. Но эта практика была следствием проникновения общего стиля работы Лысенко: широкая рекомендация очень слабо обоснованных или мнимо обоснованных агротехнических приемов.

11. Гнездовые посевы, обоснованные Лысенко его «теорией отсутствия внутривидовой борьбы». Этот метод не нов и, весьма возможно, в некоторых условиях вполне целесообразен. Но «теоретическое обоснование» привело Лысенко к рекомендации его в широких масштабах, в частности для кок-сагыза сейчас ничего не слышно, и как будто этой культуре вообще не придается того значения, которое придавалось недавно, гнездовые же посадки дуба подверглись заслуженной критике многих научных и производственных работников, хотя и сейчас время от времени в местных газетах появляются аллилуйные статьи в пользу этого приема.[1]

Вообще, при рекомендации пород для лесных полос Лысенко часто говорил с непререкаемым авторитетом о ряде положений (несовместимости дуба и ясеня, рекомендация сажать желтую акацию и пр.), практикой полностью отвергнутых.

12. Приемы посева культуры проса. Лысенко и его сторонниками, и некоторыми газетными борзописцами прославлялся как «спаситель» культуры проса, дававшего до рекомендаций Лысенко (широкорядный посев и проч.) ничтожные урожаи, а после его приемов сразу поднявший свою урожайность до нормальных размеров. По этому случаю уместно задать один вопрос. Каким образом случилось, что просо — одна из старейших культур нашего Юго-Востока, всегда считавшаяся «страховой культурой» и дававшая во многих местах сносный урожай даже в страшный 1921 год, оказалась в таком положении, что понадобилось ее «спасать». На этот вопрос сам Лысенко дает вполне удовлетворительный ответ (в статье «Резко поднять урожайность проса»): «После войны и разорения, вызванного фашистско-немецкой оккупацией, а также после прошлогодней засухи ряд районов испытывает трудности с посевным материалом, не всегда выполняет сельскохозяйственные работы в срок. В таких условиях в некоторых районах сложилась нехорошая привычка ликвидировать „посевные недоделки" за счет расширения посевов проса. Поэтому я считаю, что стремясь повысить урожайность проса, мы должны предупреждать огульное расширение посевных площадей под этой культурой». Просо, как известно,

является пропашной культурой, т. е. требующей систематической прополки и при отсутствии ее дающей худший урожай, чем зерновые, которые дают приличный урожай даже без прополки. Чрезмерно усердное планирование, увеличение площадей проса при игнорировании наличной рабочей силы и привели к тому, что плохо прополотое просо стало давать низкие урожаи и его оказалось необходимым «спасать». Наука, понимаемая в смысле систематизированного знания, отличного от простого народного опыта, тут совершенно ни при чем, и что дело обстоит именно так, ясно из того, что, по словам самого Лысенко, рекордные

урожаи проса дал покойный казахский колхозник Чаганак Берсиев. Он добился урожая проса, неизвестного еще до него в мире ни по одной из зерновых культур — 1200—1300 пудов с гектара (т. е. более 200 центнеров с га), и перекрыл даже те урожаи, которые теоретически вычислялись как самые высокие из возможных. Последнее свидетельствует только о слабости теории, не предвидевшей возможности таких урожаев, но ясно, что достижение урожая 15 центнеров с га (задача, поставленная перед агрономией в 1947 году) не требует каких-либо новых, научно обоснованных приемов.

13. Хлопчатник на Украине и вообще в южной части европейской территории Союза (ЕТС). Вопрос о культуре хлопчатника в южной части европейской территории Союза дебатировался в тридцатых годах, и тогда против «консервативных» ученых, считавших, что это очень трудная проблема, требующая многих лет для предварительного исследования и вывода подходящих сортов, Лысенко возглавил мнение, что это совершенно неверно, что сорта можно вывести не в восемь-десять лет, а в два-три года, и что, применяя ряд приемов (чеканка хлопчатника и проч.), можно обеспечить широкое продвижение хлопчатника в ЕТС. Насколько мне известно, в некоторых районах Кубани хлопчатник действительно нашел подходящие условия, но в целом проблема до сих пор не решена и из Ростовской области хлопчатник уже выведен.

В стенограммах августовской сессии и до последнего времени в газетах появляются восторженные статьи о новых сортах хлопчатника, пригодных для Украины, но лица, работавшие в Киеве перед войной {к каким и я принадлежу), помнят, что в конце тридцатых годов давалось обещание вывести новые пригодные сорта в два-три года. С тех пор прошло не два-три, а около пятнадцати лет, а воз и ныне там.

Что же касается чеканки хлопчатника, то, насколько мне известно из некоторых работ, проведенных в Средней Азии, здесь все еще очень неясно.

14. Посевы по стерне в Сибири и Казахстане. Под этот метод были даны Лысенко такие обещания, что если бы они оправдались, то Лысенко вполне заслужил, чтобы ему поставили памятник из чистого золота. Но как будто памятник ставить преждевременно. Мне хорошо известно, что и в Казахстане, и в Сибири работниками опытных станций выдвигались серьезные возражения против этого метода, но, конечно, оппоненты немедленно заглушались лысенковцами. Даже будучи знакомым с некоторыми диссертационными работами сторонников этого метода, можно прийти к заключению, что этот метод: а} требует исключительно тщательно проведенной борьбы с сорняками перед применением метода (так как сам по себе посев озимых по стерне без вспашки является грубейшим нарушением рациональной агротехники); б) применим только в тех местах, где и обычный посев озимых дает немного меньшие результаты; в) дает прибавку урожая небольшую и далеко не доказанную.

15. **Внутрисортовое скрещивание.** Не знаю, в какой мере этот прием применяется в настоящее время. Технически прием, связанный с кастрацией цветков, как известно, очень хлопотлив. Приводимые же Лысенко данные о повышении урожайности от применения внутрисортового скрещивания невелики и не дают той большой разницы, которую следовало бы ожидать, если

бы отсутствие внутрисортового скрещивания было главной причиной «вырождения сортов», о котором говорит Лысенко.

16. Селекция сортов. Лысенко и его последователи говорят о бесплодности методов менделистов в деле выведения новых сортов и о продуктивности работы мичуринцев. По этому поводу, однако, можно возразить: а) приводятся и никем не оспариваются огромные площади (миллион гектаров и выше) под сортами, выведенными селекционерами с применением старых немичуринских способов селекции, причем многие из этих селекционеров (например, Сапегин, Деревицкий, Константинов) сознательно применяли законы Менделя: известно передающееся из уст в уста крылатое выражение, приписываемое одному из выдающихся современных советских государственных деятелей: «Едим мы пока вавиловскую пшеницу, а не лысенковскую»; б) ни в стенограммах августовской сессии, ни в последующей литературе мне не удалось найти указания на площади сортов, выведенных лысенковцами, сколько-нибудь сравнимые по размерам с площадями старых селекционеров; в) считаются не менделистскими, а мичуринскими методы селекции некоторых покойных селекционеров, как например нашего известного животновода Иванова, хотя схема метода Иванова чисто менделистская: скрещивание сортов, обладающих порознь ценными признаками, для объединения их в одном сорте, расщепление во втором

поколении, инбридинг для выведения гомозиготного сорта. Все отличие метода Иванова от менделизма в том, что он рекомендует не злоупотреблять инбридингом и рекомендует хорошо содержать животных. Сам метод Лысенко по выведению скороспелого сорта пшеницы скрещиванием двух позднеспелых заключает новое только в том, что ему удалось показать, что период созревания состоит из двух независимых периодов (стадии яровизации и световой стадии), которые можно свободно комбинировать. Я не касаюсь хозяйственной ценности полученных Лысенко новых сортов, но его новое относится к области физиологии растений, а не к области методики скрещивания; г) наконец, уже во время августовской сессии был известен новый сорт диплоидной крупнозерной гречихи, выведенный Сахаровым безусловно на основе хромосомной теории наследственности и поэтому отвергнутый Лысенко. Насколько мне известно, этот сорт обладает высокими хозяйственными качествами и даже как будто принят для демонстрации на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Этим перечнем далеко не исчерпывается список практических предложений Лысенко, но я думаю, что я коснулся всех наиболее существенных приемов. Во многих случаях мне приходилось говорить «как будто», «насколько мне известно» и проч. Я думаю найти свое оправдание в том, что при существующем аракчеевском режиме всякие критические выступления проникают в печать лишь с величайшим трудом, а аллилуйские до сего времени свободно обращаются.

1.1.2. Практические предложения других ученых, поддерживаемые Лысенко

Как известно, августовская сессия проходила под знаком торжества мичуринской биологии и одновременно защиты ряда других направлений, созвучных направлению Лысенко. Кроме Мичурина особенную рекомендацию получили ряд покойных ученых, из которых остановлюсь, в частности, на Докучаеве и Вильямсе.

Что касается Докучаева, то он в защите не нуждался. Его роль как создателя научного почвоведения не оспаривается, насколько мне известно, никем в мировой науке. Я давно уже слыхал об одном немецком профессоре почвоведения, который говорил своим ученикам: «Изучайте русский язык, так как наиболее ценные работы по почвоведению написаны русскими». В американских работах, связанных с почвоведением, пестрят написанные латинскими

буквами русские слова: «подзол», «солончак», «солонец», «солодь» и проч. Пожалуй, можно сказать, что докучаевское почвоведение есть единственная

отрасль науки, где русские слова прочно вошли в международную научную терминологию. Само собой разумеется, что высокая оценка Докучаева не должна приводить к тому, чтобы из его положений делали догмат и не допускали никакой критики его положений. Но в случае Докучаева время, прошедшее после его смерти, сделало достаточно, чтобы устранить неверное и подтвердить верные основы его учения. Но догматизация была допущена и по отношению к более новым ученым, Вильямсу и Мичурину. Вильяме был так же канонизирован, как и Мичурин и Лысенко, и не допускалось никаких сомнений в правильности его положений, многие из которых были, однако, не только неверны, но могли принести большой ущерб хозяйству, в особенности самое вредное из его положений о замене озимой пшеницы яровой в травопольной системе земледелия. Хорошо известно, что Н. С. Хрущеву принадлежит заслуга указания на ошибочность этого и некоторых других положений Вильямса, а Лысенко было, видимо, дозволено выступить с критикой ошибок Вильямса как будто от своего имени.

Коснемся теперь практического значения работ самого Мичурина. О значении его работ для теории биологии коснусь дальше в своем месте, сейчас же постараемся разобрать его практические достижения. Критикуя достижения Мичурина, мы следуем только его собственным заветам, заветам всякого искреннего и талантливого ученого: «Мои последователи должны опережать меня, противоречить мне, даже разрушать мой труд, в то же время продолжая его. Из только такой, последовательно разрушаемой работы и создается прогресс» (Соч., т. IV, с. 402). Большинство лиц, называющих себя мичуринцами, в том числе и академик Лысенко, этому мичуринскому завету безусловно не следуют.

Что Мичурин вывел большое количество новых сортов и что некоторые из этих сортов (вишни, яблони, груши и проч.) попали в принятый ассортимент и пополнили его, — это, по-видимому, бесспорно. Также бесспорно, что его методы отдаленной гибридизации представляют выдающийся интерес в растениеводстве 'и в животноводстве. Но весьма сомнительно, являются ли работы Мичурина чем-то давшим разрешение таких проблем, которые старыми методами не разрешались. Эти проблемы в основном: 1) продвижение культур на север; 2) обогащение районов

старой культуры новыми, более ценными сортами; 3) увеличение числа пород, введенных в культуру, и внедрение их в ассортимент широкого потребления.

1. Продвижение старых культур на север. Принимается, что Мичурин вывел такие зимостойкие сорта многих старых культур, которые позволяют продвинуть далеко на север границы их возделывания. В популярных книгах и в учебниках даже обозначаются на картах старые и новые границы. Однако следует обратить внимание на тот бесспорный факт, что после суровых зим 1939—40 и 1940— 41 гг. фактическая граница массового возделывания яблок и груш сильно отступила на юг и в таких областях, как Ульяновская и Куйбышевская, которые ранее славились обилием яблок, сейчас сохранились лишь ничтожные площади. Конечно, Мичурин не ответствен за гибель яблонь от морозов, но мичуринцам, следуя заветам самого Мичурина, полезно было бы проделать работу по выяснению сравнительной зимостойкости мичуринских и немичуринских сортов в условиях этого грандиозного естественного опыта и, конечно, опубликовать эти данные. Такие данные не опубликованы, поэтому приходится довольствоваться лишь результатами бесед с отдельными научными работниками. Вкратце получилось следующее: 1) при сравнении результатов гибели яблонь в морозных условиях не наблюдается ясного преимущества мичуринских сортов перед старыми местными сортами; 2) при попытках продвижения яблонь в горный Тянь-Шань (яблони, как и другие плодовые деревья, прекрасно растут даже на

высоте 2000 метров в окрестностях озера Иссык-Куль благодаря смягчающему влиянию на климат этого озера) гибли одинаково и мичуринские и немичуринские сорта; 3) при продвижении яблонь в Сибирь в случаях применения специальных методов культуры (защищенные карликовые деревья) продвигаются опять-таки не мичуринские, а старые русские сорта.

2. Обогащение районов старой культуры новыми, более ценными сортами. Весьма возможно, что кое-что достигнуто (как указывается, это сильнее всего осуществлено в областях Центрального Черноземного района: Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской), но за пределами этого района это совершенно не чувствуется. Мне лично (а по опросу, и всем моим знакомым, которых я спрашивал) не приходилось встречать в магазинах Москвы, Ленинграда и других больших городов мичуринских сортов яблок и груш. Можно, конечно, возразить, что прошло еще слишком мало времени, но дело, очевидно, не только в недостатке времени. Проводя безапелляционно пропаганду мичуринских сортов, «мичуринцы» пропагандируют их и там, где они совершенно неуместны, например во Фрунзенской области Киргизии, богатой, как и вся предгорная часть Средней Азии, яблоками исключительных качеств, превзойти которые пока не удалось. Вместе с тем по климатическим условиям эти области не нуждаются во введении зимостойких сортов, так как вымерзания яблонь там не наблюдается. Однако и там сторонники Лысенко стараются внедрять мичуринские сорта яблонь, сильно уступающие по вкусовым качествам местным сортам, но внедряемые только как мичуринские (например, «бельфлер-китайка» по сравнению с прекрасно плодоносящим там «бельфлером» и пр.). Но даже в отношении груш, где полезно было бы обогатить ассортимент за счет груш зимних, вызревающих окончательно зимой, мичуринские сорта не спасают положения. Известный сорт «бере зимняя Мичурина» дает там плоды, совершенно непригодные для еды в силу своей высокой терпкости. Является ли это следствием влияния местных условий или следствием того, что «расшатанная наследственность» оказалась слабо закрепленной и потому возвратились признаки уссурийского дикого предка этого сорта, пока остается невыясненным; весьма вероятно, что этот сорт, как и другие сорта Мичурина, оказался менее всего прочным, чем сорта, выведенные применением старых методов селекции.

3. Увеличение числа пород, введенных в культуру. Много говорят о продвижении на север винограда, абрикосов и проч. Весьма вероятно, что Мичурин вывел сорта этих южных культур, могущие плодоносить далеко за пределами их старой области произрастания, но это еще не решает вопроса о хозяйственной ценности этих достижений. Всякий, живший в местах нормальной культуры винограда, абрикосов, персиков, например в Средней Азии, знает, что вкусовые качества этих плодов чрезвычайно зависят и от района обитания и от метеорологических условий лета. Южные плоды (виноград, абрикосы, персики, дыни и проч.) во Фрунзе, например, заметно уступают по качеству таковым Ташкента, а уж тем более Ферганской долины и Туркмении, и, например, во Фрунзе то же самое урюковое дерево в годы с разной температурой дает плоды чрезвычайно различного вкуса. Даже во Фрунзе (где даже «холодные» лета никак не холоднее теплых лет в Средней России) бывают годы, когда урюк не отличается высокими

вкусовыми достоинствами. Если, следовательно, проблема устойчивости вкусовых качеств многих южных плодов не разрешена даже в областях старой культуры этих плодов, то можно ли ожидать, что в гораздо более холодном климате абрикос и виноград смогут конкурировать с земляникой, малиной и другими ягодами северных районов.

Отмечу еще одну культуру, введение которой в хозяйстве является специальной заслугой Мичурина: он вывел несколько новых культурных сортов, в частности актинидию. Актинидия =— кустарник, плодоношение наступает примерно на 7-й год жизни сеянца, следовательно, отпадает тот аргумент, что прошло слишком мало времени для внедрения этих сортов в производство. Из

34

любопытства я спрашивал многочисленных знакомых из Москвы, Ленинграда и других больших городов, кушал ли кто из них актинидию. Огромное большинство даже не слыхало этого слова, и из всех опрошенных, кушал ее один... на Южном Сахалине, где она обильно произрастает в диком виде.

Общим выводом из этого краткого и беглого обзора всех практических достижений «мичуринской биологии» будет следующий: имеется несомненно ряд интересных методов, заслуживающих изучения и критической проверки, имеется и целый ряд интересных практических достижений, но все это преподносится без всякой критики в атмосфере аллилуйщины и зазнайства. Многое уже забраковано жизнью, многое дискутируется, и без тщательной проверки значимости каждого предложения в отдельности мы даже не можем сказать, какое общее сальдо практической деятельности Лысенко — положительное или отрицательное. Возможно, что он сумел предложить или доказать некоторые ценные приемы, но также весьма вероятно, что ряд предложенных им приемов не имел никакого значения или даже отрицательное экономическое значение. Ценность всей совокупности его практических предложений сомнительна.

Следовательно, нет никаких оснований ожидать от его «теории» каких-то, хотя бы скрытых, достоинств, основываясь на ее продуктивности. Как я постараюсь показать в следующем разделе, сальдо в отношении теории безусловно отрицательное.

1.1.3. Теоретические взгляды Лысенко

Как было уже указано, теоретические взгляды Лысенко отличаются полным отрицанием диалектического развития научной мысли. Вместо синтеза противоречивых взглядов (в пользу каждого из которых можно привести значительное число фактов) постулируется одностороннее утверждение, совершенно замазываются и игнорируются факты противной стороны (вплоть до изъятия из библиотек и недопущения ознакомления с ними, в особенности студентов) и строится новое здание на голом месте. Практика, весьма напоминающая «новое учение о языке» Марра, тоже строившего свое учение с игнорированием прошлой истории науки, по справедливости осужденное.

1. Огульное отрицание менделизма и морганизма. Лысенко не только считает менделистскую генетику во многом ошибочной (это справедливо), но считает необходимым выбросить ее целиком. В указателе всех четырех томов собрания сочинений Мичурина (главный редактор Лысенко) повторяется одно и то же: «Никакого отношения к биологической науке Мендель не имеет». Основанием для такого решительного отрицания менделизма являются следующие положения: 1) менделизм связан с отрицанием наследственности приобретенных свойств; 2) хромосомная теория наследственности неверна и бесплодна; 3) менделистские методы в селекции бесполезны. Разберем последовательно эти положения.

а) *Менделизм связан с отрицанием наследственности приобретенных свойств.* Огромное большинство менделистов действительно отрицает возможность наследственности приобретенных свойств, считая это совершенно устаревшим ламаркизмом, и в этом, по моему глубокому убеждению, они ошибаются. Огромное большинство, но не все: известный французский ученый Пренан (член Коммунистической партии Франции и видный деятель движения Сопротивления во время войны) признавал как первое приближение хромосомную теорию наследственности, но признавал также убедительность доводов в пользу наследования приобретенных свойств и пытался найти выход из создавшегося положения. Прогресс науки заключается в умении найти синтез из накопившихся противоречий, а не в голом отрицании того или иного положения, хотя бы и приводящего в определенных условиях к ошибочным выводам.

35

Приведу аналогии из развития точных наук. Плоская тригонометрия вполне применима при работе в небольших масштабах, где не сказывается заметно кривизна земной поверхности.

При работе в больших масштабах надо прибегать к сферической тригонометрии, которая тоже оказывается не вполне точной, так как форма земли не точный шар. Одинаково ошибочно, основываясь на пригодности плоской тригонометрии к съемке, скажем, города, заявлять о пригодности ее для работы в любом масштабе, полностью отрицать плоскую тригонометрию как ненаучную. В первую ошибку впадают менделисты, которые пытаются выставить результаты опытов по скрещиванию близких форм как достаточные для объяснения всего процесса эволюции; во вторую — Лысенко с его сторонниками, которые считают ненаучной всю менделистскую генетику.

Алхимики утверждали превращение элементов друг в друга. Точная химия, начиная с Ломоносова, Лавуазье и других великих химиков, отвергла это положение и построила блестящее здание химии на базе учения о постоянстве элементов. Сейчас учение алхимиков восстановлено на повышенном основании. Даже некоторые конкретные утверждения алхимиков (генетическая связь серебра и свинца) принимаются современной наукой. Значит ли это, что всю работу химиков (от Ломоносова до Менделеева включительно), признававших постоянство элементов, надо отвергнуть как ненаучную, метафизическую и вернуться к алхимикам? Конечно, такой абсурд ни один современный ученый не предложит. Ошибочное учение об абсолютном постоянстве элементов сыграло положительную роль, так как в условиях применения тех приемов, которые были в распоряжении ученых 18-го и 19-го веков, элементы действительно постоянны, алхимики же слишком легко понимали задачу превращения элементов. Прогресс точных наук всегда основан на том, что при самом радикальном изменении основных постулатов того или иного явления рабочий аппарат законов и формул используется: он уточняется, исправляется, обогащается, устанавливается связь с другими законами и проч., но никогда не отбрасывается целиком. До сих пор в астрономии в определенных случаях пользуются формулами, основанными на птолемеевой системе, многих формулы современной термодинамики были выработаны во времена господства теории теплорода и т. д. Эту здоровую практику всякой точной науки совершенно отвергает Лысенко.

б) *Хромосомная теория наследственности неверна и бесплодна.* Лысенко и его сторонники заявляют, что хромосомная теория и менделизм настолько неверны и бесплодны, что нечего их использовать. Но это утверждение просто неверно.

Такие явления, как случаи ограниченной иолом наследственности (в частности, наследование дальтонизма и гемофилии у человека), прекрасно объясняются на основе хромосомной теории и не имеют никакого объяснения на основе принятия полного отсутствия какой-либо специфичности у хромосом.

Расщепление гибридов прекрасно вкладывается большей частью в схемы, выводимые на основе законов Менделя. Лысенко предполагает, что весь менделизм сводится к соотношению 3: 1. Это только самый элементарный случай; имеются несравненно более сложные соотношения, которые можно найти в любом учебнике классической генетики, изъятом из современных библиотек. Возражения же Лысенко против справедливости соотношения 3 : 1 отнованы на глубоком его невежестве в отношении теории вероятности. Он пытается опровергнуть закон Менделя на том основании, что 3 : 1 является лишь средним статистическим отношением, а в отдельных случаях наблюдаются довольно резкие уклонения. Одна из его учениц даже опубликовала работу, где указала, что в одной трети случаев отклонения от 3 : 1 превышают среднюю ошибку, и видела в этом опровержение закона Менделя. Этот случай в свое время был рассмотрен академиком Колмогоровым, нашим крупнейшим авторитетом в области теории вероятностей, который резонно указал, что такой результат является не опровержением, а, напротив, подтверждением закона

Менделя. Как и можно было ожидать, это нисколько не убедило Лысенко, так как из-за своего полного незнания основ теории вероятностей рассуждения академика Колмогорова остались для него недоступными.

Утверждение, что увеличение разнообразия во втором поколении гибридов объясняется не менделевским расщеплением, а является следствием «расшатывания наследственности» под влиянием гибридизации, явно неудовлетворительно. Прямое влияние гибридизации на увеличение изменчивости признается сейчас многими менделистами, но обычные случаи многообразия гораздо лучше объясняются именно по Менделю по следующим соображениям: 1} очень сложные случаи гибридизации дают очень разнообразное потомство, которое и в отношении качественных различий, и в отношении количества тех или иных форм может быть предвидено на основе

законов Менделя и не может быть предвидено на основе мичуринского понимания наследственности; 2) если бы следствием гибридизации было только расшатывание наследственности, то надо было бы ожидать особенно сильное многообразие при более отдаленной гибридизации и очень слабое при близкой, а мы хорошо знаем, что законы Менделя хорошо применимы как раз в случае близкой гибридизации, в пределах вида, когда размножение идет совершенно нормально без малейшего ослабления плодовитости. Менделевская генетика вполне объясняет тот факт, что однояйцовые близнецы (произошедшие разделением одного яйца) так исключительно похожи друг на друга, что их даже родители с трудом различают, а двуяйцовые близнецы похожи друг на друга только постольку, поскольку похожи друг на друга дети той же пары родителей, а они, как известно, часто очень сильно отличаются друг от друга. Эти и многие другие случаи прекрасно объясняются классической генетикой, мичуринская же не дает даже тени объяснения. Кстати сказать, сам Мичурин заметно изменил свое отношение к законам Менделя. Если сначала он относился к ним резко отрицательно, то потом признал их справедливость и пригодность для ряда случаев и отрицал их полезность лишь при селекции многолетних плодовых деревьев. Изложение взглядов Мичурина на законы Менделя, сделанное Презентом на августовской сессии, является просто каким-то фиглярством.

в) *Менделистские методы в селекции бесплодны.* Но, кроме отрицания научной ценности законов Менделя, Лысенко утверждает, что они совершенно бесплодны для практики. Мной уже было указано в предыдущей части, что очень многие из тех методов Мичурина, которые мичуринцы считают специфическими, поразительно напоминают менделевские методы и, с другой стороны, что мичуринские сорта далеко не отличаются той прочностью, которой обладают старые сорта. В пункте 16 предыдущей главы были указаны доводы в пользу того, что менделизм вовсе не так бесплоден, как указывает Лысенко. Поэтому утверждение о бесплодности менделизма может иметь лишь иной смысл, который станет понятным, если мы разберем вообще, какие методы селекции существуют и какие результаты ими достигнуты. Здесь сразу придется признать, что современная генетика, как менделевская, так и мичуринская, дала ничтожно мало по сравнению с доисторической селекцией, методика которой до сих пор еще не разгадана.

Самые выдающиеся достижения в получении новых домашних пород животных и растений относятся к доисторическому времени или к глубокой древности исторического периода. Триумф селекции — тутовый шелкопряд, ближайшие родичи которого полностью отсутствуют в природе, получен китайцами несколько тысяч лет тому назад. На древнейших египетских барельефах уже имеются многочисленные породы собак и других домашних животных, породы голубей отличаются глубокой древностью. Другой триумф селекции, уже из растительного мира, — кукуруза также не имеет ближайших родственников в дикой природе и также выведена в незапамятные времена. До недавнего времени было совершенно неизвестно происхождение сливы, и лишь

недавно высказано довольно обоснованное предположение, что это продукт отдаленной гибридизации. Успехи селекции новейшего времени, конечно, велики: крупнейшие — повышение сахаристости в сахарной свекле и крахмала в культурном картофеле примерно вдвое, улучшение шерстности овец, повышение резвости лошадей и молочности рогатого скота, но все успехи — преимущественно количественного характера и никак не могут идти в сравнение с крупнейшими достижениями старой селекции. Успехи мичуринской селекции тоже, конечно, не столь велики, чтобы давали право называть Мичурина великим преобразователем природы. 19-й и 20-й век не дали крупного скачка, по сравнению с которым старые достижения селекции отступили бы на задний план (подобно тому, как такие грандиозные скачки дали техника и медицина после Пастера}, но были крупные достижения в понимании многих приемов старой селекции. Сейчас можно сказать, что имеются различные методические направления в селекции.

1) Простой отбор выдвинут Дарвиным, который правильно указал, что такой отбор (без всякого сознательного скрещивания) практиковался с давних времен. Ошибкой Дарвина было то, что он, в согласии с общим направлением своего учения, сильно переоценившим значение отбора, недооценил роли скрещивания с последующим расщеплением, хотя соответствующие факты как из прошлого, так и из современности ему были известны.

2) Скрещивание в пределах вида с легким получением вполне плодовитых потомков: этим путем, как указал Дарвин, в давние времена азиатские монархи выводили особые породы голубей, этим путем был выведен и знаменитый орловский рысак. Несомненно, этот путь (в противоположность мнению Дарвина), видимо, был господствующим в селекции и ясное

истолкование его было дано лишь на основе законов Менделя, использовавшего один из древних символов наследственности — семя, в противоположность Дарвину, использовавшему другой, не менее древний символ наследственности — кровь. Можно говорить, что менделисты были до Менделя, и тогда окажется, что менделизм был бесплоден, но также можно сказать, что дарвинисты в селекции были до Дарвина, и тогда дарвинизм окажется также бесплодным. Но если мы признаем, что осознание стихийного процесса является бесспорной заслугой ученого, то тогда придем к выводу, что и Дарвин и Мендель имеют значение в селекции, с тем только замечанием, что менделистские методы имеют гораздо большее значение, чем чисто дарвинистический простой отбор.

3) Отдаленное скрещивание при отсутствии плодовитости полученных гибридов, или трудности получения гибридов. Это труднейший метод селекции, и крупные шаги в этом направлении были сделаны, с одной стороны, Мичуриным, с другой — Карпеченко. Отнюдь не отрицая заслуг Карпеченко, работавшего исходя из хромосомной теории наследственности, мы по всей справедливости должны отдать пальму первенства Мичурину, во-первых, потому, что хронологически он получил свои результаты раньше Карпеченко; во-вторых, потому, что в противовес методу Карпеченко, основанному на случайном возникновении редчайшей плодовитой комбинации из многих тысяч бесплодных, Мичурин разработал вполне планомерные методы преодоления бесплодия (вегетативное сближение, посредник, метод смешивания разнородной пыльцы), имеющие, как оказалось, применение не только в растениеводстве, но и животноводстве. Этот метод отдаленной гибридизации вполне справедливо может быть назван мичуринским, но, как и по отношению к первым двум методам, можно сказать, что мичуринцы существовали и до Мичурина и слива, по-видимому, получена именно мичуринским методом.[2]

4) И с к ус с т венна я полиплоидия путем применения колхицина, целиком основанная на хромосомной теории наследственности и давшая в недавнее время у нас в Советском Союзе сахаровскую крупнозерную гречиху. Хотя сам факт полиплоидии имел место при возникновении многих культурных

растений (например, культурной земляники и клубники), но применение колхицина является бесспорной новостью — примером направленной переделки растений, которая, по мнению Лысенко, невозможна на базе хромосомной теории наследственности.

5) Вегетативная гибридизация и направленное воздействие на потомков с наследованием приобретенных свойств. Вот эти методы уже совершенно не увязываются с господствующим среди менделистов мнением о монополии хромосомной наследственности. Несомненно, что здесь имеются интереснейшие явления (менторы, некоторые формы ксений),[3] заслуживающие самого тщательного изучения. Здесь чрезвычайно много старых необоснованных суеверий (отразившихся, например, в библейском рассказе об Иакове, который, чтобы получить побольше пестрых овец, клал пестрые ветки перед овцами в момент спаривания), и нужна тщательная критическая работа, чтобы отсеять ценные зерна от шелухи. Практическая ценность этих приемов ограничивается тем, что если нам удастся расшатать наследственность в определенном направлении и получить сильно изменчивое потомство (не как результат менделевских комбинаций, а именно как результат подлинного расшатывания наследственности), то это потомство также легко может возвратиться к исходному состоянию. Это, по-видимому, происходит с многими сортами Мичурина.

Достаточно ли этих пяти методов для объяснения всех случаев селекции, имевших место за всю историю человечества, мы не знаем, так как мы не знаем, как были получены кукуруза и тутовый шелкопряд. В отношении сливы, как говорят (хотя это и оспаривается), слива получена синтетически из предполагаемых исходных родичей. Мы сможем с уверенностью сказать, что исчерпали все применявшиеся методы селекции, когда нам удастся получить из какого-то исходного материала кукурузу и тутового шелкопряда.

Сам Лысенко не отрицает роли хромосом в наследственности. Вполне признавая наследственность протоплазмы, а не только ядра, резонно допустить, что наследственность ядра и протоплазмы носит различный характер. В то время как генетика, основанная на хромосомах, получила блестящее развитие в работах менделистов и морганистов, генетика, основанная на внеядерных частях клетки, только начинает оформляться.[4]

Сам Мичурин и не пытался создать какой-то общебиологической теории, его высказывания по общебиологическим вопросам отрывочны, часто противоречивы и иногда просто непонятны (например, заметка «К вопросу о наследственности приобретенных признаков», 1-й том, с. 654—

656). Есть интересные мичуринские идеи и методы в селекции, но нет никакой мичуринской биологии.

2. Отрицание внутривидовой борьбы. Нельзя не согласиться с Лысенко, когда он отрицает за внутривидовой борьбой то значение в видообразовании, которое ей придают Дарвин и ортодоксальные дарвинисты, и никак нельзя согласиться с ним, когда он отрицает самый факт существования внутривидовой борьбы в природе. Этот вопрос достаточно подробно разобран в статье академика В. Н. Сукачева, который ясно показал, какими софистическими приемами пытаются объяснить Лысенко и лысенковцы несомненные факты взаимного угнетения лесных пород.[5]

3. Новое учение о виде и эволюции. Здесь Лысенко настолько оторвался от настоящей науки, что вызвал протест не только со стороны Иванова, но к этому протесту присоединился и соратник Лысенко Турбин. В статьях Иванова и Турбина достаточно подробно развита критика взглядов Лысенко по этому вопросу.[6] Приводимые Лысенко факты (которые, на что указывает и сам Лысенко, отнюдь не новы), конечно, заслуживают тщательного изучения, но можно с большой уверенностью высказать следующие_утверждения: 1) приводимые Лысенко и его последователями факты несомненно крайне гетерогенны: случаи превращения «ели в сосну или граба в лещину» можно объяснить

39

произошедшей прививкой; ряд фактов, вероятно, есть следствие отдаленной гибридизации, третьи — указание на сложный состав вида и т. д.; 2) все эти данные, даже если вполне подтвердятся, не относятся непосредственно к теории эволюции и видообразования, так как эволюция и видообразование есть процесс продуктивный, приводящий к появлению чего-то нового, данные же, использованные Лысенко, относятся к появлению вновь и вновь все тех же форм растений, к топтанию на том же месте. Как правильно было указано в упомянутых выше статьях, никакой согласованности теории эволюции Лысенко и палеонтологических данных не имеется.

Кроме того, когда Лысенко говорит, что до него все буржуазные дарвинисты придерживались плоской теории эволюции, то это просто неверно. Скачкообразное развитие (и притом с появлением действительно новых, никем до того невиданных форм) принимали и де Фриз, и Коржинский, и Бэтсон, и др. Многие же другие современные биологи принимают скачки гораздо большего масштаба, чем принимает Лысенко. Но надо сказать, что эти взгляды всегда более продуманны, хотя и вызывают возражения, но такого резкого противоречия с совокупностью остальных фактов биологи не обнаруживают.

4. Эволюция теоретических высказываний Лысенко. Если ознакомиться с работами Лысенко в их хронологической последовательности, то нетрудно обнаружить характерную и весьма печальную эволюцию. Первые его работы, касающиеся стадийной теории развития, вопросов яровизации, и сейчас читаются с удовольствием, так как они покоились на в значительной степени им самим добытых фактах и не пытались отрицать фактов, собранных другими. С течением времени самоуверенность Лысенко все возрастала, и после 1948 года он превратился в совершенного диктатора, вещавшего положения, которые всякий должен был (под страхом увольнения со службы) принимать как абсолютно бесспорные истины. А идейная ценность, продуманность этих высказываний может быть проиллюстрирована хотя бы на следующих примерах.

а) *Определение наследственности.* Лысенко, как он сам указывает, в отличие от прежнего понимания понимает под наследственностью «свойство живого тела требовать определенных условий для своей жизни, своего развития и определенно реагировать на те или иные условия... Под термином наследственность мы понимаем природу живого тела» (Агробиология, с. 455). Зачем давать определение, совершенно не соответствующее такому ясному понятию, как наследственность. Издавна под наследственностью подразумевалось проявление в потомках свойств, полученных ими от предков, причем иногда эта передача касается мельчайших деталей строения. Факты наследственности известны очень давно, они и привели к созданию понятия наследственности, задачей науки является построение теории, объясняющей эти факты, с тем чтобы на базе этой теории добиваться изменения наследственности в нужном нам направлении. Вместо этого старым термином «наследственность» предлагается называть свойства организма, непосредственного отношения к наследственности не имеющие. Правда, в другом месте {Агробиология, с. 635) дается совсем другое определение наследственности: «Наследственность есть эффект концентрирования воздействий условий внешней среды, ассимилированных

организмами в ряде предшествующих поколений». Это не определение наследственности, а гипотеза, объясняющая возникновение стойких наследственных свойств, но как при помощи этой гипотезы удастся объяснить наследование мельчайших деталей строения, остается совершенно неясным.

б) *О естественном отборе.* В статье «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция» Лысенко пишет: «Мы полностью разделяем взгляд, что естественный и искусственный отбор — единственные факторы формообразования растений и животных». Но то же самое говорит Вейсман, за что же Лысенко так ополчился на Вейсмана? Все дело в том, что Лысенко под словом «естественный отбор» понимает совсем не то, что понимали Дарвин, Тимирязев,

40

Вейсман и все ученые — предшественники Лысенко, совершенно независимо от взглядов на эволюцию. Лысенко так определяет естественный отбор: «Естественный отбор Дарвин понимал метафорически, иносказательно, включающим в себя три фактора, действующие все время в единстве: изменчивость, наследственность и перенаселенность». Лысенко полагает, что он в этом вопросе опирается на Тимирязева и цитирует ряд мест из сочинения Тимирязева «Исторический метод в биологии». Верно, что Тимирязев после обзора порознь в трех главах (VII—IX) изменчивости, наследственности и естественного отбора в начале десятой главы (с. 579) 3-го тома четырехтомного издания пишет: «Результат совокупного действия этих трех факторов (изменчивость, наследственность и перенаселение), метафорически названных естественным отбором, совершенствует эти формы». В сочинении Тимирязева, не менее известном, чем «Исторический метод», а именно «Чарльз Дарвин и его учение», он (с. 259 четвертого тома четырехтомника, 1949) пишет иначе: «Переходим к третьему из факторов, которые составляют дарвинизм — к естественному отбору».

Как же правильнее понять мысль Тимирязева: является ли естественный отбор третьим фактором эволюции (как понимает огромное большинство ученых), или же (по Лысенко) естественный отбор является единственным фактором формообразования (для природы и деятельности человека), включающим в себя три фактора: изменчивость, наследственность и перенаселенность. Внимательное знакомство с сочинениями Дарвина и Тимирязева не оставляет никакого сомнения, что Лысенко не понял мысли Тимирязева. Конечно, естественный отбор невозможен без изменчивости, наследственности и перенаселенности, но это не значит, что изменчивость и наследственность — суть частные факторы, входящие в общий фактор естественного отбора. «Метафоричность» естественного отбора заключается вовсе не в том, что он обнимает три фактора, а только в том, что в понятии «естественного отбора» отсутствует представление о сознательности и деятельности, на что само слово «отбор» как будто дает право. Противники Дарвина и упрекали его в этом (как и в отношении понятия «борьбы за существование»), и именно поэтому Дарвин пытался заменить естественный отбор словами «переживание наиболее приспособленного», и даже до сего времени, например, академик Сукачев считает выражение «борьба за существование» неудачным и подлежащим замене. Эти выражения в такой же степени неудачны, как «восход солнца» (после Коперника мы знаем, что солнце вовсе не восходит), «выстрелить из ружья» (хотя в ружье никакой стрелы нет), «химическое сродство» (разве есть родня у химических элементов?) и др.

Но может быть, лысенковская терминология удачнее, чем общепринятая? Безусловно, нет. Напротив, она приводит к полной путанице. Если под естественным отбором понимать совокупность трех факторов: наследственность, изменчивость и перенаселенность, то смажется совершенно различие между различными направлениями эволюционистов, так как ни один биолог не отрицает ни изменчивости, ни наследственности, ни перенаселенности. Вся разница в том: являются ли изменчивость, наследственность и их связь (изменчивости и наследственности} самостоятельно действующими факторами эволюции, лишь в слабой степени контролируемыми естественным отбором (как думают современные ламаркисты и в значительной степени и Лысенко), или они доставляют только материал для естественного отбора, к чему склонялся и сам Дарвин и что особенно заострили Вейсман и современные менделисты. Вейсман не отрицал, конечно, ни изменчивости, ни наследственности, но ой полагал, что без естественного отбора не было бы никакого движения вперед: вот почему он провозгласил положение о всемогуществе естественного отбора, осмысленное в его устах и приводящее в полное недоумение в устах Лысенко.

41

Можно было бы привести много путаных выражений и *в* отношении внутривидовой борьбы, и в отношении связи обмена веществ с наследственностью и проч., но это займет слишком много места.

5. Продуктивность «творческого дарвинизма». Мы имеем много популярных брошюр, наполненных еще более вопиющими ошибками, чем сочинения самого Лысенко: это продуктивность фиктивная. Но мы хорошо знаем, что: 1) Поручение, данное И. И. Презенту, написать новый учебник дарвинизма для вузов (на что был дан срок один год, т. е. до августа 1949 года), несмотря на пятилетний срок, не выполнено не только им, но никем из якобы обширной армии «творческих дарвинистов», следующих за Лысенко. Преподавание дарвинизма в вузах, конечно, от этого чрезвычайно страдает. Сам Презент, как известно, уже сейчас снят с преподавания. 2} Поручение написать учебник генетики Турбину с некоторым запозданием выполнено (о качестве учебника говорить не буду), но сам Турбин по важному вопросу выступил против главы «творческого дарвинизма». 3) Догматическое изгнание всех фактов, в какой-либо степени могущих поддержать вейсманизм и морганизм, привело к тому, что в вузах мы не имеем учебника по гистологии. 4) Теория стадийного развития, — бесспорно, лучшее из достижений Лысенко, вступила и сама в стадию полного отказа от дальнейшего развития. Неисчислим ущерб, причиненный на теоретическом фронте науки деспотической деятельностью Лысенко: многие разделы биологии совершенно остановились в развитии. Все это потому, что в противоречие общему закону диалектического развития науки Лысенко пытается создать мнимую мичуринскую биологию, лишенную всяких противоречий, потому что он позабыл лозунг Клода Бернара, который любил цитировать Тимирязев: «Никогда не бойтесь противоречивых фактов, так как каждый противоречивый факт есть зародыш открытия» (Тимирязев. Соч.: В 4-х т. 1949. Т. 3. С. 614).

1.1.4. Связь менделизма с социал-дарвинизмом и расизмом

Несомненно то, что многие современные менделисты высказывают расистские взгляды, но также несомненно и то, что расизм, социал-дарвинизм и евгеника родились задолго до менделизма и непосредственно связаны частично с высказываниями самого Дарвина, частично с высказываниями ближайших его соратников — Геккеля, Гексли и других. Ну, а если взять глубже, то вполне законченное обоснование рабства ссылкой на расовое превосходство (одни племена — по природе свободные, другие — прирожденные рабы) мы находим еще у Аристотеля. Поэтому если исключать то или иное учение только потому, что некоторые или даже большинство представителей его высказывали расистские идеи, то нам придется произвести такую чистку в науке, что самой науке не поздоровится. Надо поступать по завету Ленина, беря ценное у «приказчиков капитализма» и отметая то, что вошло туда под влиянием капиталистических пережитков. Расистская практика в Соединенных Штатах Америки основана не на менделистских представлениях на наследственность, а на старых, которые гораздо ближе к дарвиновским, чем к менделевским. Менделизм принимает «очищение» от гибридизма — получение в ряде поколений все более «чистых» пород. Практика же расизма в США никакого «очищения» не допускает, и потомок негра, хотя бы его негритянский предок был в 20-м или 25-м поколении и хотя бы во внешности данного человека не было бы видно ни следа негритянского происхождения, считается все-таки представителем «низшей» расы и подвергается дискриминации наравне с неграми.

Немецкий расизм тоже не слишком считается с какими-либо научными положениями. Часто слышишь обвинения некоторых антропологов, защищающих идею полифилетического происхождения человека, что эта теория льет воду на мельницу расизма. Но мы знаем, что с особой свирепостью, вплоть до попытки

(к сожалению, в значительной степени осуществленной) поголовного истребления, гитлеровцы преследовали евреев; но я не слыхал ни об одном антропологе, который допускал бы мысль, что.евреи и немцы произошли от разных животных предков.[7]

Усиленное развитие расизма и евгеники в буржуазных странах в 20-м веке вовсе не есть следствие влияния менделизма, а является (как типично надстроечное явление) реакцией на мощное национально-освободительное движение угнетенных народов. В попытках создать идейное оружие для борьбы с угнетенными народами правящие классы и вытаскивают старое учение расизма, которое некоторые из них подкрашивают менделизмом. Не следует думать, что если бы не было менделизма, то нельзя было бы дать «научно обоснованный» расизм. Его можно обосновать на ламарковском учении о наследовании приобретенных признаков, которое

защищается Лысенко и его последователями. Предположим, что прав Лысенко и что «наследственность есть эффект концентрирования воздействий условий внешней среды, ассимилированных организмами в ряде предшествующих поколений», и применим это положение к человеку. Представители рабочего класса и крестьянства из поколения в поколение находились в тяжких условиях, в непрерывной заботе о сохранении нищенского существования, у них не было времени заниматься умственным трудом. Представители обеспеченных классов, напротив, могли на досуге предаваться умственной деятельности и развивать вообще свои духовные способности: как же может рабочий или крестьянин пытаться заниматься умственным трудом, которым их предки не занимались: они — «прирожденные рабы», по Аристотелю, ассимилировавшие в ряде предшествующих поколений угнетающие условия своего тяжкого существования, если следовать в данном случае положению Лысенко.

Тем всякое надстроечное учение, имеющее своей целью защиту класса эксплуататоров, и отличается, что оно может искусно использовать нейтральное, строго научное и самое благородное учение в целях оправдания господства эксплуататоров. Каутский, Бернштейн и прочие защитники капитализма — не просто ренегаты, открыто отказавшиеся от защищаемого ими ранее учения: они и их последователи называли и называют себя марксистами. Нельзя винить Маркса, что в числе его «учеников» (притом прекрасно знающих его труды) оказались Каутский, Бернштейн и многие другие.

Наконец, угрожающие симптомы вредного влияния расистских пережитков даже в нашей стране ясно показывают, что менделизм вовсе не виновен в интенсивном развитии расизма.

Но как же тогда быть с социологическими выводами из биологии? До 1948 года многие стоявшие на менделистской точке зрения (напр., Студитский) обвиняли ламаркизм в поддержке расизма, после 1948 года те же люди обвиняли менделизм-морганизм в том же. Приходится припомнить старый анекдот, как один профессор до свержения царской власти доказывал самодержавие с помощью теории вероятностей, а после свержения царизма тем же орудием доказывал необходимость республики.

Можно черпать аналогии из соседних наук, но надо это делать с большой осторожностью, а проблемы наследственности у человека еще так мало разработаны, что делать социологические выводы из существующих фактов по крайней мере преждевременно. Кроме того, надо хорошо помнить о «снятии» законов низшей области реального бытия при переходе на высшую ступень. Закон всемирного тяготения сохраняет полную силу и у человека (что всякий с прискорбием отмечает при любом падении), но никому не придет в голову объяснить поведение человека в обществе законом всемирного тяготения. Он сохраняет полную силу и вместе с тем «снят». Так учил и Маркс: он вовсе не отрицал возможности того, что человеческая природа могла в той или иной степени измениться за тысячелетия человеческой истории, но темпы социальной

эволюции гораздо быстрее темпов возможной биологической эволюции, и потому изменение природы человека никак не может объяснить социальную эволюцию человека. И здесь биологические законы наследственности и эволюции сохраняют свою полную силу, но вместе с тем оказываются снятыми. Вот, как я полагаю, подлинно марксистский ответ на нелепые попытки притягивать к суду те или иные биологические теории по обвинению в укреплении капиталистического класса.

1.1.5. Связь вейсманизма, менделизма и морганизма с идеализмом

Это обвинение шито еще более белыми нитками. Можно обвинять Вейсмана и морганистов в механическом или метафизическом материализме, но к идеализму они никакого отношения не имеют. Подлинный диалектический материализм — объективное отображение действительности, а не навязывание природе своих надуманных схем. Утверждение, что Вейсман якобы принимал бессмертие наследственной сомы — полное непонимание его взглядов. Он просто исходил из факта, что многие простейшие размножаются только бесполым путем и не имеют естественной смерти, следовательно, они потенциально бессмертны (и не просто бессмертны). У высших же животных Вейсман (в полном согласии и с современными мичуринцами) принимал, что тело имеет естественную смерть, половые же клетки естественной смерти не имеют, следовательно, они потенциально бессмертны. Ну, а если бы он сказал, что 1-я генеалогия последовательных потомков имеет «естественную смерть», был бы он тогда материалист или идеалист? Идею о «естественной смерти» вида, рода и других таксономических единиц защищали некоторые

эволюционисты, но их с неменьшим остервенением (но с большим правом) наши ортодоксы обвиняли в витализме, идеализме и прочих смертных грехах.

Борьба с идеализмом не по разуму уже приводила к грубым ошибкам и задержкам (или попыткам задержать) прогрессивного развития науки. Вспомним, что было время, когда великий поборник свободомыслия Вольтер оказался однажды соратником своих идейных противников — богословов по вопросу о непризнании окаменелостей за останки некогда живых организмов. Предоставим слово Тимирязеву: «Должно, однако, сознаться, что нигде остроумие Вольтера не сослужило ему такой плохой услуги. Опасаясь, чтобы теологи не воспользовались открытиями геологов для доказательства библейского потопа, он предпочел закрывать глаза перед действительностью, готов был примириться хотя бы с учением об ,,игре природы" — утверждал, что морские раковины, встречаемые в Альпах, осыпались со шляп пилигримов, веками будто бы двигавшихся этими путями из Палестины» (т. 3, 1949, с. 383).

Учение о падении метеоритов с неба было осуждено Парижской академией как явное суеверие, и многие метеориты, хранившиеся в разных местах, в частности в церквях, были выброшены и уничтожены, как выражается Холодный, из-за «просветительного вандализма» (Фесенков. Современное представление о Вселенной. 1949, с. 124).

Наконец, мы знаем, что в разгар спора Пастера, с одной стороны, Пуше и Бастиана — с другой, по вопросу о самозарождении ряд наших прогрессивных публицистов, в частности Писарев, резко обрушились на Пастера тоже с «идеологических позиций», и что всего курьезнее, и сейчас находятся люди, которые зачисляют Пастера в реакционеры, а Пуше в прогрессисты. Что было бы, как затормозилось бы развитие медицины, если бы «прогрессист» Пуше восторжествовал над «реакционером» Пастером!

Навязывание наших собственных схем природе, а не тщательное объективное исследование природы есть ярчайшее выражение субъективного идеализма: порочность этого учения даже среди марксистов ясна хотя бы из того, что после

выступления т. Сталина с его трудом «Экономические проблемы социализма в СССР» многие наши марксисты полагали, что при социализме законы общественного развития будут создаваться человеком.

1.1.6. Заключение

Моя статья по необходимости является и беглой, и во многих частях малоубедительной. Мне важно было показать, что после 1948 года создалось исключительно неблагоприятное положение в биологии, тормозящее развитие многих ее разделов и вредно отражающееся на исследовании многих практических предложений. Выходом из положения, по-моему, является прекращение аракчеевского режима в биологии, разрешение, не в виде какой-либо кампании, а как длительный режим, свободной дискуссии в форме выступлений в печати (съездов, совещаний). Ореол единственно прогрессивного направления с так называемой мичуринской биологии должен быть снят.

Следует снять запрет с изучения работ менделистов, а тем более с того выдающегося направления в опытном деле, которое связано с именем Р. Фишера и которое называется кратко дисперсионным анализом. Так как менделизм основан на статистике и так как Р. Фишер поддерживает менделизм, то попали в опалу в приложении к биологии и математическая статистика, и дисперсионный анализ, и теория вероятностей. С этим положением надо покончить, и нет никакого сомнения, что честное и открытое признание в допущенной ошибке будет не в меньшей степени способствовать поднятию нашего престижа среди прогрессивных деятелей капиталистического мира, чем честное признание в ошибке в отношении врачей, сделанное 4 апреля 1953 г.

Статья «Об аракчеевском режиме в биологии» была напечатана на машинке и разослана ряду ученых. Ниже приводятся отрывки из некоторых писем-откликов на эту статью.

Из письма Ю. А. Орлова, 28.08 1953 г.

. . -Вашу статью я прочитал два раза и прочту в третий: она мне очень понравилась по полноте, содержательности, академичности изложения, принципиальности, остроумию . . Как статья для печати, мне кажется, она требует незначительной правки редакционного характера; иначе она местами носит характер устного доклада, а не статьи... Но где же Вы предполагаете печатать? Один знакомый ботаник сообщил мне, что в редакции «Ботанического журнада» АН, на страницах которого печатаются в порядке дискуссии статьи по поводу воззрений Лысенко,

накопилась большая серия статей с критикой его взглядов, которые ждут напечат'ания (дождутся ли?). До сего времени в АН и ее Биоотделении господствует управление лысенковцев, сделанных членами Бюро отделения. Это Студитский, Ну жди н, Глущенко. Малейшая критика в адрес Лысенко приравнивается к контрреволюции, саботажу и спекуляции. Подробности излишни... Предполагаю, что Ваша статья была бы интересна для ЦК...

Из ответного письма А. А. Любищева.

...Моя статья послужила материалом глубокой разведки. И в этом смысле она меня удовлетворила. Во-первых, выяснилось, что общее настроение, включая молодежь университета, отнюдь не за Лысенко и что бояться какого-либо поворота в сторону укрепления лысенковского режима нет никаких оснований... Если Лысенко без моей помощи не сойдет со сцены, то я, конечно, свою статью переработаю и думаю послать ее в первую очередь в ЦК, в особенности Хрущеву... Правда, он сейчас так занят, что трудно верить, чтобы статья попала ему в руки...

Из письма М. М. Завадовского, 03.09 1953 г.

...Читали Ваш памфлет вслух, и все остались очень довольны. Удивлены Вашей эрудицией, спокойствием н тонкостью анализа В целом очень хорошо. Очень рекомендую не откладывать печатание. Обязательно пошлите Хрущеву. Неплохо бы послать и Поспелову, Пономаренко...

45

Из воспоминаний О. П. Орлицкой."

{.. .) На сентябрьском пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев выступил с докладом. Его выступление и указание о подхалимстве и угодничестве с/х учреждений перед отдельными учеными еще более укрепило намерение А. А. выступить открыто со своей статьей. На мое предупреждение, что искренность и горячность тона статьи может заставить читателя, а тем более высокие партийные круги насторожиться, заподозрить пишущего в тенденциозной оценке деятельности Лысенко, А. А. отвечал: «Твоим советам я всегда придаю значение, когда они являются советами по существу, но не тогда, когда они выражают чисто шкурные опасения: „Ничего не поделаешь, все так делают". Эти советы меня действительно раздражают, от кого бы они ни исходили, а от тебя в особенности, потому что в период настоящего кризиса, в 1948 г., ты их не давала, ты была тогда мужественна, а сейчас в этом отношении у тебя наблюдается некоторый регресс».

«Памфлет» был переработан, и 21.10 1953 г. А. А. закончил первую главу задуманной им большой работы под заглавием «О монополии Лысенко в биологии».

1.2. О монополии Лысенко в биологии.

Гл. I. Практические предложения Лысенко и его школы [6]

(Содержание, фрагменты и сопроводительное письмо Н. С. Хрущеву)

СОДЕРЖАНИЕ '

1. Введение.
2. Предисловие.
3. Добавочное искусственное опыление люцерны.
4. Гнездовые посевы лесных полос.
5. Теленомус и черепашка.
6. Борьба со свекловичным долгоносиком.
7. Яровизация хлебных злаков.
8. Летние посадки картофеля на юге для предупреждения вырождения.
9. Приемы культуры проса.
10. Селекция (об особых скоростных методах).
11. О методике селекция М. Ф. Иванова.
12. О почвенном питании растений.
13. Общие методические соображения.

ИЗ ВВЕДЕНИЯ

… По-моему глубокому убеждению, дело сводится не к изолированным ошибкам, а к глубокой порочности всей методики работы Лысенко, к ее крайней примитивности, отсталости, сопряженной с совершенно исключительной самоуверенностью и полным нежеланием осознавать свои уже доказанные ошибки. Руководящее же положение, которое Лысенко и его сторонники

занимают во всех областях теоретической и прикладной биологии, имеет многочисленные и вредные последствия, а именно:

1) совершены и совершаются многочисленные практические ошибки, причиняющие значительные убытки нашему сельскому хозяйству;

2) тормозится развитие нашей сельскохозяйственной науки, и снижается методический уровень ряда областей биологии вообще;

3) внедряется дух начетничества и талмудизма в преподавании в высшей и средней школе, притупляющий интерес к этому предмету;

4) снижается моральный уровень советских ученых, одни из которых пытаются подражать деспотизму Лысенко в других областях (физиология, гистология и т.д.), другие же принуждаются к высказыванию того, что не соответствует их убеждениям;

5) терпит большой урон наш престиж у прогрессивных и честных деятелей всего мира.

Задачей моей статьи и является доказать, что эти тяжкие обвинения, бросаемые мной Лысенко и идущим за ним, являются вполне обоснованными.

[6] Закончено и послано в ЦК КПСС 21. 101953г.

46

То обстоятельство, что критика деятельности и научных взглядов Лысенко до сего времени носила и носит частный характер, объясняется огромным числом практических и теоретических предложений, внесенных Лысенко. Поэтому специалисты, работающие в том или ином разделе науки, найдя ошибку Лысенко в этом разделе, не рашаются обобщить свой вывод об ошибочности Лысенко вообще, так как считают себя некомпетентными в других разделах. Ошибки, уже ликвидированные, позабываются, и, естественно, ожидается, что, учтя свои ошибки, Лысенко в своих новых предложениях будет осторожен. Поэтому для суждения о значении деятельности Лысенко в целом надо проанализировать с методической точки зрения его прежние, уже проверенные практикой предложения. Этот анализ позволит нам выяснить, в какой мере научной является вся методика Лысенко...

КРАТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне нет надобности подробно резюмировать выводы по каждому пункту отдельно. Общее заключение можно свести к следующему.

1) Среди многочисленных практических предложений академика Т. Д. Лысенко трудно назвать такое, значение которого соответствовало бы высказываниям о нем автора предложения.

2) Ряд предложений неновы, малоэффективны и значение их было чрезмерно раздуто; другие новы, но неверны; есть такие, которые, видимо, могут иметь известное значение в определенных условиях, но безоговорочное их применение приносит часто вред вместо пользы.

3) Все высказывания Лысенко проникнуты совершенно исключительным хвастовством, и по ряду вопросов уже можно утверждать, что данные им обещания выполнены не были: это, однако, нигде и никогда Лысенко не признается.

4) Многочисленные ошибки Лысенко не являются случайными ошибками продуктивного работника, а являются прямым следствием порочности всего стиля его работы, который можно кратко охарактеризовать как комбинацию невежества с вандализмом.

5) Достигнув в результате 1948 г. монопольного положения в биологии, Лысенко продолжал идти по линии полной научной деградации, и этот период может быть охарактеризован наличием сознательной фальсификации данных Лысенко и некоторых работников его школы.

6) Указанные выше качества Лысенко: научно-методическое невежество, самовлюбленность, нетерпимость к какой бы то ни было критике и совершенная нечистоплотность в выборе средств борьбы *приводят меня к абсолютному убеждению, что дальнейшее пребывание Лысенко на руководящих постах ничего, кроме вреда, науке и всему нашему народному хозяйству принести не может...*

7) Все эти мои выводы основаны на анализе чисто практической деятельности Лысенко, имеющей наибольшее экономическое значение. Его теоретические достижения заслуживают также особого внимания, и анализ их составит предмет последующих глав.

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО Н. С. ХРУЩЕВУ, 21.10 1953 г.

ЦК КПСС, тов. Хрущеву Никите Сергеевичу Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Я считаю своим долгом откликнуться на призыв к научным работникам — смело бороться с зажимом критики и господством монополии отдельных лиц в науке, так как такой монопольный режим мешает прогрессу науки, а вместе с тем мешает и осуществлению тех великих целей,

которые выдвигают Партия и Правительство, и прежде всего улучшению жизни нашего крестьянства.[2]

47

Но я обращаюсь к Вам не только как к лицу, занимающему ответственный пост в великой Коммунистической Партии. Для меня Вы — живой человек, которого я помню по выступлениям в Киеве перед войной, в особенности по Вашему резюме на двухдневном совещании по свекловичному долгоносику. Потратив несколько часов на внимательное выслушивание целой серии докладов работников АН СССР и вопреки заявлениям самих научных работников, планировавших выработку новой, вполне удовлетворительной системы мероприятий в конце 1941 года, Вы предложили Академии наук продолжить срок работы на один год и не отказываться от разработки проектов и более дальнего прицела. В моем личном, более чем двадцатилетнем опыте такой случай (продление руководящими лицами намеченного исполнителями плана работ) не повторялся. Я не мало слышал о Вас от моих друзей-киевлян и от других лиц; все, что я о Вас знаю, дает мне твердую уверенность в том, что Вы, несмотря на огромную занятость, найдете время, чтобы ознакомиться с моей статьей «О монополии Лысенко в биологии». Вопрос, затронутый в моей статье, серьезнее вопроса о свекловичном долгоносике на Украине, а ликвидация вреда много проще.

Я писал свою статью не дипломатическим языком и не старался сглаживать резкость выражений. При всем желании соблюсти полное хладнокровие это не всегда удается, так как слишком велико то зло, которое нанес Лысенко своим бесконтрольным хозяйничаньем.

Сначала я хотел ограничиться посылкой статьи уважаемому академику В. Н. Сукачеву [3] для напечатания ее в «Ботаническом журнале», но так как на напечатание ее в ближайшее время трудно надеяться, я решил послать ее и Вам, как лицу, на которое Партией возложена ведущая роль по руководству дальнейшим развитием нашего сельского хозяйства.

За свои слова я готов нести полную ответственность.

Искренне уважающий Вас

Зав. кафедрой зоологии Ульяновского пединститута доктор с/х наук

профессор А. А. Любищев

О работе, посланной в ЦК, А. А. сообщил сам на заседании кафедры в пединституте. Это дошло до партийных кругов. К А. А. явился профессор сельхозинститута Неклюдов и попросил дать ему 1-ю главу «Монополии». А. А. дал — он был уверен, что дает ему лично. Как потом оказалось, эту рукопись в сельхозинституте перепечатали, передали в обком партии, этот вопрос обсуждался и сельхозинститут решил создать специальную конференцию, билеты на которую один из руководящих работников пединститута Тюфяков давал с таким замечанием: «Хотите бесплатный избирательный билет получить?». Порядок выступлений и все выступления в сельхозинституте были отрепетированы заранее. Все они были направлены против А. А. Подчеркивалось, что А. А. Любищев — лжеученый. И это происходило при отсутствии на конференции А. А., так как он был болен.

Сам А. А. описал эти события в письме к академику Н. В. Цицину.

1.3. Письмо Н. В. Цицину, 31.01 1954 г. (Ульяновск)

Глубокоуважаемый Николай Васильевич! '

Обещал Вам написать о моем посещении ЦК и исполняю обещание с крайним опозданием, к чему, правда, есть некоторые смягчающие обстоятельства, так как немедленно по возвращении в Ульяновск (25 декабря) я слег: заболел довольно серьезным гриппом, пролежал около восьми дней и последствием была довольно сильно пониженная работоспособность, а тут была довольно значительная педагогическая нагрузка. Ожидал также разрешения тех споров, которые возникли при моем приезде. Вы оказались пророком в том отношении, что здешние лысенковцы, инспирируемые рядом работников (наш директор института и некоторые работники обкома, с которыми у меня были столкновения на деловой почве), захотели меня съесть, но пока что не съели.На другой же день после моего приезда состоялась дискуссия в сельхозинституте, начатая докладом директора института В. Ф. Красоты на тему о достижениях

48

мичуринской биологии, но фактически направленным целиком против меня, причем в очень грубой форме, стиля 1948—49 гг., если даже не 1937 года. Я, к счастью, по болезни не присутствовал, но некоторые из выступавших рассматривали мое отсутствие как дипломатическое, обвиняли меня в трусости, нечестности, лжеучености и всевозможных

идеологических извращениях. В защите Лысенко не делалось никаких уступок, вплоть до защиты пресловутой сосны и ели {хотя незадолго до этого сам Красота смеялся над этим примером и говорил, что, будучи на курорте вместе с Ольшанским, он уже не мог с ним говорить о проблемах вида). Очевидно, вся эта компания получила инструктаж от ближайшего окружения Лысенко, если не от него самого, так как Красота и проф. Неклюдов ездили в Москву. В мое отсутствие был сделан страшный нажим на других работников моей кафедры, но нажим оказался все-таки без достаточного эффекта. Те, кто меня и критиковали, критиковали в гораздо более мягкой форме, а моя аспирантка Н. Н. Благовещенская нашла в себе мужество решительно выступить с критикой лысенковца Мусийко, поскольку этот вопрос был затронут в ее диссертации. Смело выступил в мою защиту как честного человека мой приятель историк Амусин, который был немедленно обвинен в подхалимстве и морганизме,[2] и очень корректен был наш очень умный и тактичный зав. кафедрой марксизма-ленинизма Сафрошкин, который поддержал мое право на критику и не выразил сомнения в честности моих побуждений. Такое поведение работников нашего института вызвало гнев Красоты и других работников сельхозинститута, которые даже выразились, что весь пединститут заражен морганизмом и что нужно начать чистку авгиевых конюшен. Заседание продолжалось и следующий день, но никакой резолюции вынесено не было (никто из представителей партийных организаций областных и городских не выступал), отложили принятие решения на 10 дней. Очевидно, ожидали приезда кого-то из Москвы. Я относился к этому спокойно, но меня огорчало, естественно, беспокойство моей жены, которая переволновалась гораздо больше меня. Спокойствие мое, по-видимому, помимо сознания своей правоты и готовности перейти на пенсию на некоторый срок (о чем я часто мечтаю) было следствием моего разговора в ЦК 22-го декабря с Александром Михайловичем Смирновым в Отделе науки ЦК. Разговор продолжался целый час, и за этот час я ни одного слова упрека за свое поведение не получил. Мне сказали, что моя рукопись изучается и проверяется и будет использована для соответствующих выводов. На мой вопрос, что я могу сказать в редакциях журналов, которые заинтересованы в возможности ее напечатать, А. М. Смирнов ответил: «Так мы же не вмешиваемся сейчас, до каких пор мы будем говорить, что без свободы критики наука не может продвигаться». На это я ему ответил: «Научены! Свобода критики была провозглашена примерно в мае 1950 года, и в том же году была канонизирована Лепешинская, а профессор Насонов за критику Лепешинской был с громом снят с работы».

На это Смирнов только мог сказать, что, может быть, в работах Лепешинской были какие-то достоинства. Я ему вкратце указал на ту эволюцию во взглядах на работы Лепешинской, которая наблюдалась у некоторых моих знакомых — от большого сочувствия до резкого отрицания. Указал ему также, что «честные», по словам Лепешинской, признания ее противников в неправоте были вовсе неискренними и были сделаны под давлением. Указал также на ту обстановку, которая имела место после сессии 1948 года, когда даже крупные ученые действовали не по своим научным убеждениям, а из чувства страха. В конце беседы я указал ему на ту реакцию, которую вызвало мое письмо в дирекции пединститута, показал ему вырезку из газеты «Ульяновская правда», где в передовой статье я был обвинен в том, что занимаюсь пропагандой вейсманизма-морганизма в пединституте, что никак не соответствует истине, так как я всегда был противником вейсманизма и категорически отказывался читать предлагаемые мне курсы дарвинизма и мичуринской биологии, считая

невозможным читать эти курсы. А. М. Смирнов очень удивился, что такое обвинение было напечатано в передовой, и сам порекомендовал мне написать об этом заведующему Отдела науки ЦК тов. Румянцеву, что я, конечно, на следующий день и сделал.

Дней через восемь прибыл долгожданный москвич — лектор ЦК. Было заранее торжественно объявлено о его докладе, и все преподаватели пединститута без различия факультетов, а также студенты-биологи и преподаватели СХИ были под расписку приглашены на это заседание. Ожидали моего полного разгрома. Но лектором ЦК оказался профессор П. А. Генкель, которого я знаю больше 30 лет, так как я знал его еще студентом Пермского университета, и который слушал мои лекции и отлично знает, что я еще в те времена был ярым противником Вейсмана, как, впрочем, и всего дарвинизма, понимаемого как учение о руководящей роли естественного отбора. Его доклад о достижениях мичуринской биологии длился около двух часов, был исключительно корректен. Он признал ряд ошибок Лысенко, признал, что Лысенко не считается с предшественниками, но обо мне ни слова не упомянул. Я ему задал несколько вопросов, в частности о сосне-ели и малиновке-кукушке. Он, конечно, ответил,

что это он считает ошибочным, но другие факты видообразования он считает правильными и что здесь Лысенко сказал новое слово. Я ему тогда ответил, что отрицание разновидности как порогов к образованию видов было сделано и ранее, например Виуишсом, и тогда Генкель к чрезвычайному неудовольствию преподавателей СХИ, ждавших моего разгрома, заявил: «Так Вы же эту литературу знаете, конечно, гораздо лучше, чем я».

Генкель изложил довольно объективно теорию Кренке как некоторый противовес теории стадийного развития, и из этого изложения я сделал вывод, что, пожалуй, если не все, то почти все ценное в теории стадийного развития содержится уже в теории Кренке и что отрицание омоложения у Лысенко есть в сущности тоже бессознательный вейсманизм.

После доклада П. А. Генкель зашел ко мне выпить чаю, я ему рассказал всю ситуацию, а на следующий день было совещание биологических кафедр вместе с «Основами». Заседание опять прошло в чрезвычайно культурной форме, и мы с Генкелем заключили договор о том, что он напишет в популярной форме то ценное, что дал Лысенко в теории наследственности, а я напишу критику лысенковского бреда. [й]

П. А. Генкель мне сообщил, что он был послан в Ульяновск именно А. М. Смирновым, который ему никаких инструкций не давал и даже не сообщил обо мне и моей статье. После отъезда Генкеля ситуация сразу изменилась, и на двух заседаниях философского семинара, где был доклад одного работника по кафедре ботаники (под давлением) о реакционных направлениях в биологии, все было чрезвычайно корректно. Я выступил с изложением настоящего вейсманизма и настоящей хромосомной теории, указал, что Лысенко больше виноват в вейсманизме, чем его противники, и в конце концов меня стали обвинять только в двух вещах: зачем я послал мою статью без предварительного ознакомления ее с работниками пединститута и зачем я «теории» Лысенко называю бредом. Я уж согласился, что если так им не нравится, то вместе «бред» буду говорить лженаучные теории. Получил даже комплимент от одной преподавательницы основ марксизма-ленинизма, что если бы меня не было, то меня следовало бы выдумать. С парторгом института, уезжавшей в Москву, расстались любезно, она мне заявила, что имеет право на меня обижаться, а я сказал, что я имею гораздо больше оснований на обиду, и привел ей пять пунктов, против которых она ничего возразить не могла.

Я все время резко отделяю мое отношение к Лысенко и к Мичурину. Мичурина я искренне уважаю, хотя и считаю, что его роль слишком переоценена.

[в] Проф. Генкель свое **обещание** не выполнил. — *Ред.*

Из доклада Генкеля я узнал, что сейчас уже груши «бере зимняя Мичурина» «ремонтируются», т. к. они почти везде выродились и стали несъедобными. Вот вкратце мои дела. Как видите, дело идет к лучшему. *Я твердо уверен в недалеком торжестве нашего правого дела* (подчеркнуто мной. — О. *П.).* Поэтому я даже не пишу в Киев, т. к. думаю, что все скоро будет ясно. С удовольствием вспоминаю нашу беседу.

Искренне уважающий Вас

А. Любищев

1.4. Переписка с редактором газеты «Ульяновская правда»

7 февраля 1954 г. в областной газете «Ульяновская правда» появилась статья «Советская агробиологическая наука — могучее оружие в борьбе за подъем сельского хозяйства» В. Красоты ·--директора Ульяновского сельхозинститута, где очень большое место было уделено разделу под заглавием «Разоблачать все проявления идеализма в биологии». Этот раздел громил А. Д.: «Может быть, некоторым оторванным от жизни людям, вроде профессора Любищева, трудно понять огромное значение мичуринской науки. Но это понимают миллионы колхозников, которые вместе с академиком Лысенко, по его советам, нашли верный путь к повышению урожаев на миллионах гектаров колхозных полей, путь к повышению продуктивности отечественных пород скота».'

Ответ А. А. на эту статью газета напечатать отказалась. В нем было написано, в частности, следующее: «Не оторванность от жизни, а именно знание практической жизни и заставило меня взяться за написание статьи в ЦК. Меня никто не тянул, и я ждал, когда же люди, более меня ответственные за прогресс сельскохозяйственной науки, выступят. Но огромное большинство их молчит, частью именно от оторванности от жизни, а в значительной части и по нежеланию вступить в борьбу с захватившими после 1948 года главные позиции в науке лысенковцами. Долг ученого и гражданина и заставил меня примкнуть но мере своих сил к группе честных ученых, уже начавших борьбу с вреднейшей монополией Лысенко».

На возражения А. А. по поводу статьи В. Красоты редактор «Ульяновской правды» Н. Матяс ответил письмом.

Из письма Н. Матяса, 20.04 1954 г.

...По поводу Вашего письма в редакцию, в дополнение к высказанным уже Вам устным замечаниям при беседе, сообщаю следующее.

Главное в Вашем письме — это общая постановка вопроса о том, что «лысенковцы захватили монополию в биологической науке и все честные ученые должны повести борьбу с этой'вредной монополией» и что «нужно признать достижения менделистов и морганистов и опираться на них в нашей научной и практической работе». Редакция не имеет возможности открывать дискуссию по этим вопросам на страницах «Ульяновской правды». Для этого Вам следует обратиться в специальные журналы.

К тому же Вы в своих доводах допускаете огульное отрицание достижений советской биологической науки, ничем не оправданные и не мотивированные обвинения по адресу сторонников мичуринской науки. Вы, например, говорите о непригодности гнездовых посевов дуба и об отмене этого приема министерством, но в показателях для участия на Всесоюзной сельхозвыставке этот способ учитывается. Неубедительны и Ваши заявления о том, что «советская агробиологическая наука не дает ничего нового в методах селекции», непонятны возражения против предложения о широком внедрении мичуринских сортов плодовых и ягодных культур. Бездоказательны также рассуждения о «моральных качествах» последователей Лысенко.

Совершенно непонятна Ваша ирония по поводу того, что успех доярки Алмазовой, получившей в год по 4200 литров молока от каждой коровы, объясняют применением передовых методов ухода и содержания скота. Чтобы поколебать этот тезис, Вы ссылаетесь на то, что «в Дании средний удой по всей стране доведен до 4000 литров на корову». Но какой же Вы делаете из этого вывод? Здесь Вы не договариваете, но рассуждения Ваши явно неправильны.

Поэтому, как я уже заявил Вам в нашей беседе, Ваш материал мы не будем печатать в газете...

Письмо Н. Матясу, 25.04 1954 г.

Редактору газ. «Ульяновская Правда» тов. Н. Матясу Тов. Матяс!

Я получил Ваше письмо с указанием, что Вы не можете напечатать мое письмо от 15.02.1954 г. До этого я имел с Вами переговоры лично и по телефону несколько раз, а именно 12 и 19 марта, 9, 16 и 21 апреля. Одно время Вы хотели

побеседовать со мной более подробно, но почему-то потом от этого уклонились. Поэтому я имею право считать, что мое письмо подверглось достаточно тщательному изучению и у Вас нет никаких оснований ссылаться на поспешность в Вашем ответе.

Вы не считаете возможным открывать дискуссию по затронутым мною вопросам на страницах «Ульяновской Правды». Но, как Вам хорошо известно, моя докладная записка «О монополии Лысенко в биологии» была направлена в ЦК КПСС. Дискуссию в «Ульяновской правде» открыл по поводу моей неопубликованной работы В. Ф. Красота, и Вы, поместив его статью, целиком ее поддержали, а так как после первого моего свидания с Вами Вы, прежде чем ответить отказом, хотели поговорить в обкоме, я имею все основания считать, что и обком Вас поддерживает. Поэтому Ваш отказ *поместить мою статью не является отказом в открытии дискуссии, а зажимом противника уже в начатой дискуссии* (подчеркнуто мною. — *О. П.).*

Перейду к ответу по существу Вашего письма.

1. Вы формулируете два главных пункта моего письма, из которых первый пункт, а именно что «лысенковцы захватили монополию в биологической науке и все честные ученые должны повести борьбу с этой вредной монополией», формулирован совершенно правильно. Что же касается второго пункта — «нужно признать достижения менделистов и морганистов и опираться на них в нашей научной и практической работе», то это уже явное искажение моих взглядов. У меня написано: «...что будущая генетика, изучая и развивая результаты работ Мичурина, использует все ценное, что есть в менделизме и морганизме, отбросив ошибки крайних менделистов, но подробный разбор этого вопроса будет в теоретической части моей работы» (с. 2).

На с. 4 я цитирую мнение Мичурина, который отрицает применимость законов Менделя лишь к плодовым растениям, и я подписываюсь под этими словами Мичурина.

2. Вы приписываете мне неоправданное и немотивированное обвинение по адресу сторонников мичуринской науки и огульное отрицание достижений советской биологической науки. Советская биология значительно шире агробиологии, а я этого вопроса совсем не касался.

Вы пишете: «Вы, например, говорите о неприглядности гнездовых посевов дуба и об отмене этого приема министерством, но в показателях для участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке этот способ учитывается».

Опять у Вас имеется искажение, так как пропущены мои слова «в большинстве случаев». Гнездовой посев в известных случаях применим, а для выяснения вопроса об условиях его применения он и учитывается на сельхозвыставке. Что же касается общей оценки гнездового посева, то могу сослаться на статью В. Я- Колданова «Некоторые итоги и выводы по полезащитному лесоразведению за истекшие 5 лет», опубликованную в журнале «Лесное хозяйство» № 3 (март 1954 г.), органе Министерства сельского хозяйства. Из статьи совершенно ясно, что старый метод В. Г. Огжевского — гнездового посева никем огульно не отрицается. Отрицается только его применимость в большинстве случаев, «теоретическое обоснование», данное Лысенко. Таким образом, по отношению к тому новому, что внес Лысенко в метод гнездового посева, можно сказать, что все новое не верно, все верное не ново.

Относительно яровизации у меня ясно сказано (с. 9), что я вовсе не отрицаю значения метода яровизации, а только протестую против его безусловного применения. Допускаю, что в числе предложений Лысенко кое-что окажется целесообразным, но очень многое проверено и оказалось неверным.

3. Вы приводите в кавычках (следовательно, приписываете эти слова мне) следующее выражение: «Советская агробиологическая наука не дает ничего нового в методах селекции и считает их неубедительными».

Приведенная Вами фраза совершенно отсутствует в моей статье. Я указывал,

что одни методы Мичурина прочно вошли в науку (С. 7), что другие требуют тщательного изучения, но что большинство селекционеров работало в основном старыми методами. Эффективность лысенковских методов селекции не доказана, а многие мичуринские сорта, так называемые мичуринцы, не сумели сохранить. Конечно, есть ученые, в первую очередь академик Н. В. Цицин, успешно работающие сейчас методами отдаленной гибридизации, но называть мичуринца Цицина лысенковцем было бы незаслуженным оскорблением.

Никаких возражений против внедрения хороших мичуринских сортов у меня, конечно, нет. Но я знаю из разговоров с работниками Ульяновской области, что некоторые ретивые «мичуринцы» склонны внедрить мичуринские сорта без проверки и с вытеснением хороших старых сортов, высоко ценимых самим Мичуриным.

4. Вам кажется непонятной моя ирония по поводу того, что успех доярки Алмазовой приписывается советской агробиологической науке, т. е. тому новому, что отсутствует в Западной Европе. Я и привел средний удой датских коров как пример того, что достигнутый уровень удоя в учебно-опытном СГМ никак не может считаться таким достижением, которое мы можем приводить в пример Западной Европе. Всем хорошо известно, что наши рекорды, как и западноевропейские и американские, далеко превысили приводимую Красотой цифру.

5. Вы пишете, что мои рассуждения о «моральных качествах» последователей Лысенко бездоказательны. Должен сказать, что от времени написания моего письма в «Ульяновскую правду» и даже Вашего письма накопились такие данные, которые мой вывод делают гораздо более убедительным. Я привел примеры: фальсификацию работ М. Ф. Иванова, проделанную академиком Гребнем, сознательную ложь в работах Авотина-Павлова, поддержанную Лысенко, широковещательные рекламы акад. Колесника и Г. Фиша, замалчивание собственных ошибок. Сейчас же можно считать доказанными гораздо большее число примеров.

а) Указание в докладе тов. Н. С. Хрущева от 23 II, что лысенковцы «тов. Демидов и особенно т. Дмитриев травили людей, которые поднимали голос против неправильного планирования и предлагали изменить структуру посевных площадей». Таким образом, эти ответственные работники не только ошибались в своей политике повсеместного внедрения травопольной системы, но и мешали честным людям исправлять свои ошибки.

б) Совершенно скандальная история с В. С. Дмитриевым, достаточно отраженная в докладе Н. С. Хрущева (23.02 1954 г.) и в письме проф. С. С. Станкова (26.02 1954 г., газ. «Правда»).[2]

в) Запугивание своих противников приклеиванием ярлыка «вейсманист-морганист» и проч., что доказано в отношении лысенковцев А. И. Студитского и Н. И. Нуждина (см. журн. «Коммунист», № 5, март 1954 г., с. 10). Это запугивание настолько распространено и до сего времени, что заставляет даже многих солидных ученых не сопротивляться режиму лысенковцев и голосовать и выступать вопреки своему мнению, что случилось, например, с академиком

Опариным при утверждении диссертации Дмитриева. Само собой разумеется, что смягчение, сделанное проф. Станковым, объясняющего позицию Опарина тем, что он не является специалистом в области ботаники, никак не может считаться убедительным. Академик Опарин достаточно образованный биолог и после годичной дискуссии о проблеме вида имел совершенно ясное представление.

г) Фальсификация данных в работе Карапетяна о порождении лещины грабом, поддержанная Лысенко.

Ясно, что после всех этих новых фактов приведенные мною данные действительно кажутся сравнительно слабыми.

Таким образом, я полагаю, что нельзя считать моральными людей, которые прибегают к таким приемам, как 1) искажение истины и прямая фальсификация

53

данных; 2) протаскивание в учение «горе-ученых», по выражению Н. С. Хрущева; 3) травля честных людей; 4) создание атмосферы запугивания и подхалимства; 5) уклонение от ответственности, сознательно используя покровительство Лысенко, за принесение огромного ущерба государству внедрением непроверенных методов (шаблонное применение травопольной системы, стерневые посевы в Сибири и других местах и пр.).

Если и эти примеры для Вас являются бездоказательными, если Вы склонны считать, что лица, запятнавшие себя подобными поступками и упорствующие в желании отстоять свое положение, могут считаться моральными людьми, то, очевидно, моя мораль и Ваша принципиально отличны. Но чья из них ближе к коммунистической, — я думаю, этот вопрос не требует ответа. Впрочем, из текста моего письма ясно, что Вы сами в письме применяете искажение, замалчивание мысли противника и передергивание.

В биологии сейчас происходит не разделение на два лагеря — мичуринцев, с одной стороны, и вейсманистов-морганистов — с другой, а на честных ученых и лысенковцев, которые в подавляющей массе являются псевдоучеными. Настоящие мичуринцы, как академик Цицин, не с лысенковцами.

Ненормальность положения в биологической науке совершенно правильно отмечена в письме проф. Станкова. Это ненормальное положение постепенно исправляется, но слишком велик вред, нанесенный науке Лысенко, и это исправление носит по необходимости длительный характер, так как при слишком поспешной чистке затесавшихся в науку лжеученых легко удалить и настоящих ученых, пошедших на уступки лысенковцам из-за недостатка гражданского мужества. Но первым условием такого исправления является свобода критики, а Вы, очевидно, забываете мудрые слова, что «те, кто глушит критику в научной работе, наносит огромный ущерб науке и должны получать своевременно отпор» (ж [урн]. «Коммунист», № 5, 1953 г., «Наука и жизнь», с. 10).

Копию настоящего письма вместе с копией Вашего письма направляю в ЦК КПСС и в обком КПСС тов. И. В. Скулкову.

Проф. Любищев

На это письмо А. А. не получил ответа ни из редакции, ни из обкома.

1.5. Из письма Н. С. Хрущеву, 03.05 1954 г.

Центральный комитет КПСС Первому секретарю тов. Н. С. Хрущеву

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

26 октября пр. года мною была послана на Ваше имя статья «О монополии Лысенко в биологии», содержащая весьма резкую критику деятельности академика Т. Д. Лысенко. По поводу этой статьи я имел 22 декабря длительную беседу в ЦК КПСС с А. М. Смирновым. Эта беседа дала мне большое удовлетворение, так как показала, что моя статья внимательно рассматривается в ЦК; этот разговор в дальнейшем был для меня большой моральной поддержкой во время той травли, которая была поднята против меня сторонниками Лысенко в Ульяновске (во главе с директором сельхозинститута Красотой), все подробности которой мной сообщены в отдел науки ЦК тов. Румянцеву. В результате выдачи директором пединститута тов. Старцевым мне характеристики от 4.03 1954 г. с упоминанием о том, что я «заявил себя сторонником вейсманизма-морганизма», было сорвано мое утверждение президиумом АН УССР в Киеве в должности, на которую я ранее был избран по конкурсу. Ясно, что с таким «волчьим паспортом» я не могу надеяться на то, что меня где-либо утвердят в другом месте, а потому реальным для меня на ближайший год остается переход на пенсию, на которую я имею право после

свыше 40-летней непрерывной научной и педагогической работы (мне уже 64 года).

Вопрос может показаться Вам сугубо личным и даже малоинтересным, поскольку лично меня сейчас вполне устраивает выход на пенсию (это будет своего рода творческий отпуск на неопределенное время), и я не счел бы себя вправе вторично отрывать Вас от Вашей ответственной работы, если бы в моем деле личный вопрос не переплетался с общегосударственными.

В многочисленных документах последнего времени Коммунистическая Партия Советского Союза высказала ясное стремление к полной ликвидации догматизма и начетничества во всех областях науки, и несомненно, что это совершенно необходимо для осуществления грандиозных планов строительства коммунизма. И на пути разоблачения вреднейшей монополии Лысенко за истекшие полгода со времени написания моей статьи сделано много. Наиболее авторитетными документами являются, конечно, Ваше выступление в докладе от 23 февраля на Пленуме ЦК КПСС и статья «Наука и жизнь» в № 5 «Коммуниста».

После опубликования этих документов трудно квалифицировать деятельность Лысенко и ряда его сторонников иначе как антигосударственную. И однако, как это ни странно, лысенковцы не теряют надежды сохранить свои позиции, а их многочисленные противники все еще опасаются возможности хотя бы частичной реабилитации Лысенко и удержания им руководящего положения в с/х науке. Это же заставляет и многих настоящих ученых придерживаться тактики Опарина и не выступать открыто против Лысенко и его сторонников.

Чтобы показать Вам, Никита Сергеевич, что это не голословное мое заявление, чтобы дать Вам представление о том, как думают некоторые солидные ученые, приведу характерное мнение двух лиц. Вот мнение одного ученого в письме ко мне по поводу моего выступления против Т. Д. Лысенко: «Мне представляется, что Вы взяли на себя весьма трудную и неблагодарную задачу по следующим причинам. 1) По всем каналам начнется противодействие, мощь которого Вы недооцениваете. Вы противопоставляете себя огромной силе. 2) За Вами „числится" репутация человека, грешащего некоторыми „измами", поэтому с Вами будет легко бороться шаблонными методами. В связи со сказанным было бы разумнее выступить не Вам, а Вашим ученикам, которым нельзя было бы предъявить обвинений. 3) С моей точки зрения, трудность ситуации связана даже не с научной стороной дела, а с политической. Т. Д. является такой фигурой, которая олицетворяет в глазах всего мира передовое и прогрессивное. И в политическом отношении нам невыгодно чрезмерно умалять его значение как выдающейся фигуры современности. Слов нет, что он порядочно напутал, создал ситуацию для появления фаворитов-бездельников, но ведь вокруг каждой крупной фигуры такое водится... Общее мое заключение — я на Вашем месте такого шага не предпринимал бы. Но дело сделано, и результаты его надо пережить, а может быть, и претерпеть».

Это было написано в декабре 1953 г.; правда, в январе 1954 г. то же лицо одобрило мое открытое выступление (а не через подставных лиц)/

Другое мнение, пожалуй, прямо странное. Передаю краткое содержание одного разговора между кандидатом наук и профессором. Кандидат наук привел в разговоре с профессором ряд примеров из деятельности опытных станций, когда работники станций были вынуждены умалчивать о недостатках или даже выискивать данные о «преимуществах» летних посевов люцерны, посевов на стерне и некоторых других «непререкаемых истин». Профессор вполне согласился с этими недостатками, но тем не менее пришел к выводу о том, что все агрономические работы должны идти по старому руслу и целиком под эгидой Трофима Денисовича. «Что будет, — сказал он, — если снова поднимутся

Речь идет о письме Г, Я- Бей-Биенко от 28.12 1953 г. — *Ред.*

разногласия в этой области. Тогда правительство совсем не сможет разобраться в истине».

Молодой кандидат наук, еще не привыкший к подобным рассуждениям, естественно, был поражен и, передавая мне содержание этого разговора, заметил: „Или профессор это не продумал, или действительно материальное благополучие пускает очень глубокие корни не только в мировоззрение, но и в способность логического рассуждения".

Верно, что ученые, привыкшие к своему исключительному (по сравнению, например, с инженерами или с медицинскими работниками) материальному положению, очень боятся его потерять, и эта боязнь тем больше, чем положение выше. Верно, кроме того, что им так долго внушали превратно понимаемое мнение о партийности в науке, что они эту партийность

понимают как сознательное искажение истины в политических интересах. Я же полагаю... что это и есть правильное понимание партийности в науке, что вся «партийность» в науке заключается в том, что ученые должны отдавать предпочтение темам, связанным с разрешением великих проблем социалистического строительства, и что при этом никакое искажение или замалчивание истины недопустимо.

Верно и то, что ученые устали от так называемых свободных дискуссий, которые проводились в 1948 и 1950 гг., так как они ясно видели, что результат этих дискуссий был предрешен и был совершенно независим от тех аргументов, которые выдвигались на дискуссиях. Они хорошо помнят, что в 1950 г. был провозглашен лозунг, что никакая наука не может развиваться без борьбы мнений и свободы критики (этот лозунг начетчики и сейчас любят повторять в начале каждого своего выступления), и в том же году была канонизирована О. В. Лепешинская; одни крупные ученые за критику Лепешинской были сняты с работы, другие были принуждены высказать мнения, несогласные с их убеждениями. По-прежнему справедливы в отношении многих (и притом настоящих) ученых слова Некрасова:

Я не продам за деньги мненья Без крайней нужды не солгу... Но — гибнуть жертвой убежденья Я не могу.. . я не могу.

И многим ученым и сейчас кажется возможным благоприятный поворот в сторону Лысенко, и они толкуют как знаменательные в этом смысле такие факты, как награждение его орденом Ленина за выслугу лет, что он избран депутатом в Верховный Совет, что он сохраняет пост президента ВАСХНИЛ, что он читает лекции отъезжающим на освоение целинных и залежных земель, и даже принимается во внимание тот факт, что при вручении ордена Ворошилов обнял Лысенко (хотя, судя по кинохронике, правильнее думать, что Лысенко обнял Ворошилова). Все эти факты служат для очень многих барометром — заставляют их сдерживаться в своих выступлениях.

Известно, что при выборах в Президиум Академии Наук СССР партийная организация настойчиво указывала, что академики должны чувствовать себя свободными в выборе кандидатов, но не менее настойчиво действовали защитники Лысенко во главе с академиком Топчиевым. Не знаю, как обстоит дело сейчас, но до недавнего времени в Бюро Биологического отделения Академии господствовала группа лысенковцев: А. Н. Студитский, П. И. Нуждин, И. Е. Глущенко и малейшая критика в адрес Лысенко приравнивалась, как пишет мне один корреспондент, «к контрреволюции, саботажу и спекуляции». Студитский и Нуждин уже получили по заслугам в пятом номере «Коммуниста», но не следует думать, что от такого выговора моральный облик этих лиц претерпит хоть какое-нибудь изменение.

56

Многие мои друзья считают мое выступление против Лысенко «наивным», «донкихотским». Я действительно «наивен», так как верю в конечное торжество разума и твердо верю в искренность партийного руководства...

Искренне уважающий Вас

Зав. кафедрой зоологии Ульяновского педагогического института доктор с/х наук, профессор А. А. Любищев

1.6. «Надо или не надо». Отклики на выступление Любищева

(1954—1955 гг.) (Из хроники событий, составленной О. П. Орлицкой)

Письмо Г. Я. Бей-Биенко, которое цитирует А. А. в письме Н, С. Хрущеву, было одним из наиболее характерных «предостерегающих» писем.

Из письма Г. Я. Бей-Биенко, 28.12 1953 г.

...Ваша столь критическая статья, надо сказать, застала меня врасплох, и мое вынужденное молчание оказалось полезным в том отношении, что позволило мне сформулировать собственное мнение. Вот я и позволю себе сейчас Вам высказать его. (Далее следует цитированное место).

М. сказал мне, что Вы ему разрешили прочесть Вашу статью. Я с удовольствием дал ему ее, но прошу Вас не рекомендовать обращаться ко мне другим лицам с такою же просьбой (кстати, некоторым я отказывал). Я не вполне разделяю, как это теперь Вам ясно, Вашу позицию и Ваш метод и поэтому не считаю себя вправе быть источником распространения этой статьи. Я настоятельно прошу Вас разрешить мне положить ее в мой личный архив.

Ваш приезд на энтомологический съезд был бы крайне желательным и полезным. Доклад Ваш «Статистический метод в прикладной энтомологии» несомненно привлечет к себе внимание. Вопрос с экономикой вредителей сейчас так запущен, что без Вас здесь дело не сдвинуть. ..

Реакция на Вашу статью уже, вероятно, началась — сообщите мне о ситуации в Ульяновске.

Письмо посылаю заказным — прошу сообщить о получении...

Из ответа А. А. Любищева.

...Что противодействие начнется и уже началось— это я ожидал. В ЦК я имел часовой разговор, который велся в исключительно корректной форме, и там я не услышал ни слова упрека. Мне сказали, что мои материалы изучаются, как и ряд других, полученных от других лиц по этому вопросу. Фронт борьбы с Лысенко расширяется...

Что же касается Вашего совета не выступать лично, а выдвинуть какого-либо моего ученика, то такой совет Вы, очевидно, дали не подумав. Во-первых, является ли честным действовать через подставное лиц«, а во-вторых, совершенно ясно, что мой маневр был бы очень быстро раскрыт и не к моей чести. А уж «измы» сейчас достаточно надоели, и сейчас рассматривается вопрос прежде всего с практической стороны...

Из письма Г. Я. Бей-Биенко, 25.01 1954 г.

...Рад был получить от Вас письмо и особенно рад был узнать, что Вы не таите против меня какой-либо обиды. И я согласен с Вами, что Вы в соответствии со своими твердыми убеждениями поступили правильно и по-честному открыто - не таясь за каким-либо лицом.

Что касается рукописи, то пусть она побудет у меня — когда-нибудь это обстоятельство будет полезным и для меня.. ,

Письмо О. П. Орлицкой к Г. Я. Бей-Биенко, 30.11 1955 г.

...Не удивляйтесь, что вместо письма Ал. Ал. в ответ на **Ваше** письмо Вы получите мое очень длинное письмо. Объясняется это двумя причинами: 1) Ал. Ал. не имеет обыкновения сразу отвечать на письма, и поэтому задержка ответа может быть длительной; 2) мне захотелось именно сразу, под впечатлением Вашего письма, на него ответить. Ал. Ал. имеет обыкновение давать мне читать письма своих друзей (пусть они на это не сердятся!) и делиться со мной своими впечатлениями, и я поэтому в курсе всех его деловых и личных писем.

Почему мне именно в этот раз захотелось Вам сразу же ответить? Я вижу, что Вы действительно дружески относитесь к Ал. Ал. и хотите ему добра, и в то же время (я это чувствую) Вы совершенно его не понимаете и потому невольно в Ваших письмах как бы обвиняете его в том, что он делает не то, что надо, и даете дружеские советы, что же надо ему делать. Вы являетесь в некотором смысле обвинителем-прокурором, но прокурором мягким, Вы не выносите окончательный обвинительный приговор и даже находите пути для обвиняемого к его исправлению.

...Разрешите мне защитить Ал. Ал. от Ваших обвинений. Не сомневаюсь, что он, если бы захотел, сделал бы это куда лучше меня, но он этого делать не будет.

57

...Прежде всего приведу Ваши обвинения: «Относительно Лысенко я думаю, что Вы занимаетесь бесполезным делом — только тратите напрасно время и создаете вокруг своего имени ореол беспокойного человека. Переключите лучше свою энергию на Хальтицин. При Вашей голове и энергии — стоит ли заниматься этим. Невредно вспомнить и Дон-Кихота» (это в прошлом письме. — *О- П.].* «Мне до сих пор казалось, что житейский опыт делает людей мягче, так по крайней мере происходит со мной. А Вы почему-то становитесь все более „угловатым"...» И далее снова совет: «Мне хочется, чтобы Ваши знания и Ваш талант стали бы общим достоянием. Что для этого требуется сделать? Мне кажется немногое: делать научные статьи (на основе обработки имеющихся данных) и *не противопоставлять себя другим, быть более терпимым к человеческим недостаткам»* (подчеркнуто мной. — *О, П.).*

Разрешите мне в своей защите исходить из этих Ваших положений.

Вы считаете неправильным в научной деятельности А. А. то, что он занимается бесполезным делом, подразумевая под этим работу, направленную против монополии в биологии Т. Д. Лысенко.

Не думайте, что близкие ему люди (дочь, я, сын, друзья) все приветствовали это его выступление, сразу оценили его по существу. Многие из нас сначала говорили «не надо». Я думаю, что Вам и Вашей жене, которая, по словам Ал. Ал., очень хорошо к нему относится, вполне понятны наши волнения за Ал. Ал., наши предупреждения его о том, что его ждет на этом пути неравной борьбы. Чтобы Вам было это более понятно, я приведу Вам некоторые выдержки из писем его дочери, написанных ею еще в тяжелые дни 1948 года, после сессии ВАСХНИЛ, когда во Фрунзе у А. А. были серьезные неприятности.

«О бате я тревожусь все время, думаю и передумываю всю его судьбу. Так больно мне и страшно за него, и в то же время я горжусь своим отцом, счастлива, что он такой, что поступает так, как полагалось поступать по его всегдашним убеждениям. Я знаю, что он имеет много единомышленников из своих сверстников, которые теоретически вполне солидарны с ним, но, увы!—только теоретически. Только мой батя полностью сохранил темперамент своей молодости и высокие принципы товарищества и гуманности. От всего этого я очень счастлива, но не могу отделаться теперь от постоянной горькой мысли о том, что же будет с ним на склоне лет?

...Мне ужасно грустно, что у бати есть горькие мысли в сердце, которые иногда не дают ему спать. Я это подозревала. И очень жалею, что не ошиблась. Читая его мудрые и трезвые письма, я часто думаю о том, что он самый настоящий учитель для современности и какая странная и убогая узость мысли порочит его».

Такие опасения тогда были связаны с тем, что Ал. Ал. писал своим детям в 1948 году: «Ситуация сейчас такова, что мое положение может серьезно измениться. Вы все знаете о дискуссии в ВАСХНИЛ. После постановления Академии сняты с работы многие видные ученые. Есть намерение пересмотреть все кадры биологических кафедр. Сняты с заведывания кафедрами дарвинизма авторы учебников, рекомендованных Министерством высшего образования (Парамонов в Москве и Поляков в Харькове), а учебники, написанные в требуемом современностью духе, вообще еще не написаны. Это, между прочим, хороший урок тем, кто думал, что можно спастись достаточной угодливостью. Угождали, да оказалось, не тем, кому надо: и осторожность не спасает. Меня в свое время упрекали в неосторожности, а я как раз тогда выступал против одного из столпов морганизма, американца Меллера, ₙкогда он был в 1936 году в Ленинграде».

Эти строки писались 8 лет тому назад Ал. Ал. тогда не сняли, его очень ценили в Киргизии. Но работа в Киргизии его не удовлетворяла В 1949 году он писал дочери: «Не успеешь сделать работу как следует, а интерес к ней в верхах остынет, и недоделанное приходится бросать... Работа же, которая несомненно имеет ценность, здесь внушает подозрение, так как в ней много математической статистики».

В Киргизии А. А. сделал большие работы, оставшиеся ненапечатанными и никем не отмеченные.

Ал. Ал. в недавнем письме к дочери о своих научных планах и проделанной им работе за прежнее время пишет: «На старости лет я столкнулся с необыкновенным явлением: чрезвычайно возросшим интересом к изучению земляных блошек. Все мои близкие знакомые и родственники все время твердят, что я должен прежде всего заниматься земляными блошками. Ну, добро энтомологи, как Бей-Биенко, Штакельберг и другие, — это вполне понятно, но чрезвычайный интерес к систематике земляных блошек сейчас проявляют: моя почтенная супруга, дочка и сын, историк И. Д. Амусин, филолог Н. Я. Мандельштам и ряд других лиц... И поэтому я считаю себя обязанным дать краткий отчет о положении на фронте науки» (далее идет отчет, который я в письме привела, но в данном очерке опускаю. — О. Я.).

Далее Ал. Ал. в письме к дочери пишет: «Почему же я так занят своей работой о монополии Т. Д. Лысенко? Почему эта работа меня увлекает?»

А. А. подробно в письме к дочери разбирает необходимость борьбы на этом фронте, указывая, что вся система образования уже лет семнадцать такова, что в области биологии мы очень отстали от мировой науки.

Он пишет: «...но тебе, как и многим другим, кажется, что с моей стороны является нелепым донкихотством одному пытаться сокрушить то, что не удалось сокрушить многим. На это отвечу. Во-первых, я далеко не один. Среди академиков есть и почтенные люди: Сукачев, Цицин, Кнунянц, ряд профессоров и т. д. Если бы ты проследила за журналами „Ботанический журнал", „Бюллетень Московского о-ва испытателей природы", „Известия Тимирязевской академии", „Вестник Ленинградского университета" и даже „Успехи современной биологии" (гнездо лысенковцев), то убедилась бы, что позиции медленно завоевываются и появилось-уже- несколько десятков статей, критикующих Лысенко с разных сторон. И число таких лиц увеличивается, и выступления многих не

доходят до печати. Как раз в ЦК я познакомился с неким доцентом Голубинским, пожилым человеком, который с 1952 года ведет борьбу с Лысенко. Поэтому так называемое чувство локтя имеет место и здесь. Один из моих новых преданных друзей по поводу первой главы правильно отметил, что она критикует не только Лысенко, но всю систему. И эта критика вызывает большое

одобрение многих лиц, часто даже неожиданное. Например, вторую главу, посвященную менделизму-морганизму, я рассматривал как популярное изложение истин, известных специалистам, и думал, что она для специалистов будет малоинтересна. Но высокую оценку эта глава получила не только от Шмальгаузепа и Беклемишева, но и от таких специалистов, как Дубинин и Жс-брак. Третья глава мне доставила еще большее удовлетворение. Там я пытался провести критику Мичурина и Вильямса. С Вильямеом я был совершенно незнаком. И если ты помнишь, то сущность моих высказываний о Вильямсе сводилась к следующему: всю систему Вильямса бессовестно исказили. и все те ошибки, которые приписываются Вильямсу, на самом деле являются ошибками Лысенко, но, однако, и сам Вильяме совершил грубейшие ошибки, которые необходимо, конечно, исправить. Травопольную систему по-настоящему почти никто (кроме Мальцева) не применял, и никто ее как следует не критиковал. Мне доставило большое удовлетворение убедиться, что два ревностных ученика Вильямса, а именно сестра Нины Петровны Беклемишевой — Наталья Петровна Кол ленская и указанный уже доцент Голубинский, подтвердили мне, что я совершенно правильно излагаю сущность травопольной системы, и в общем не выдвинули против моих взглядов никаких существенных возражений. А эта глава, переданная Натальей Петровной в ЦК, послужила и тому, что работник Отдела сельского хозяйства ЦК (по РСФСР) Орлов выразил живейшее желание познакомиться со мной и провел с Голубкнским и мной полуторачасовую беседу...

...Доводы скептиков, что меня просто слушать не будут, сейчас уже полностью опровергнуты. Читают меня в ЦК чрезвычайно внимательно, с большим интересом, не высказывают ни малейшего осуждения. Орлов только упрекнул меня за чрезмерную резкость, а то, в чем расходятся, стараются терпеливо разъяснить. Набобов и бюрократов в ЦК я не встретил. Набобов и бюрократов очень много среди ученых: академики Топчиев, Опарин и пр... .вся наша верхушка Киргизской Академии наук — они заботятся только о своих высоких доходах и всячески стараются задержать то, чего они не понимают, что великолепно видно хотя бы по отзыву Кожанчикова (А. А. имеет в виду его отзыв о работе А, А. «К методике количественного учета и районирования насекомых». --- *О. П.].* С ними я тоже пытаюсь говорить, но надежду возлагаю не на них.

Поэтому работа о Лысенко доставляет мне огромное удовлетворение, так как я чувствую, что я здесь выполняю *настоящую общественную работу* (Завадовский это даже отметил в одной трогательной телеграмме), вызывающую огромное сочувствие прогрессивных ученых и в значительной степени незаменимую. Огромное большинство ученых являются более или менее узкими специалистами, и у них нет той общей подготовки, которая имеется у меня и которая позволяет охватить вопрос со всех сторон. Сейчас я пишу 4-ю главу, разбирающую теорию Лысенко, а затем напишу 5-ю и 6-ю главы, касающиеся политической и философской стороны вопроса. Политическая глава будет, наверно, наиболее острой. В разговоре в ЦК мой план одобрили и ждут. Собеседник прямо заметил, что очень жаль, что еще нет этих глав. Вполне одобрено мое намерение выйти на пенсию и заняться беспрепятственно собственной работой. Сказали: „Вам на пять лет работы хватит?" Я ответил, что пяти лет мне мало, надо 15. Пожелали доброго здоровья»."

Ал. Ал. настолько полно изложил свои планы в этом письме, что, казалось бы, мне и добавлять уже к этому нечего. Но я ведь защитник, поэтому это все лишь факты, к ним надо будет добавить еще некоторые отклики со стороны, чтобы подкрепить высказанное Александром Александровичем.

Посмотрим, одинок ли он в своей борьбе, правильно или неправильно он сделал, что сказал сам себе, начиная писать «Монополию», что ее писать «НАДО», хотя кругом ему все благожелательно относящиеся к нему люди говорили «НЕ НАДО!».

Помните, как Вы в одном из своих писем писали Ал. Ал., что «лучше было бы, если бы выступил не он, а его ученики». И не Вы один так думали. Наш общий друг с Ал. Ал., одна очень умная женщина-филолог/ то, .е писала Ал. Ал. в 1953 году:

«Я говорю свое „НЕ НАДО" с других позиций. Самое серьезное и убедительное для меня в Вашем письме, — это то, что Вы ощущаете свое молчание как болезнь, что оно в сущности и есть причина болезни. Это прекрасное мужские свойство, которое я не раз наблюдала. Я видела, что мужчины, —- очевидно, люди с более глубокой социальной совестью, чем мы бабье, всегда болели, а часто и умирали, если не могли говорить о своей науке или искусстве того, что им велела совесть. *Но мне жаль многих тех, которые не вовремя начинили* (подчеркнуто мной. *О. П.).*

В период марризма было много тяжелого и немало людей болели и не выдерживали кто не выдерживал молчания, кто травли, которую учиняли марристы.

Я абсолютно уверена, что наши наука и искусство всегда выходят после метаний на дорогу, не в эту минуту, так в следующую. *Задержать движение можно, но остановить нельзя* (подчеркнуто мною. — О. *П.),* потому что наука продолжалась и при Марре, но она не была официальной, признанной. Разве биологи сейчас не работают, вопреки крику лысенковцев? Пожалуй, самое трудное преподавание. Марристскис программы появились у нас только накануне дискуссии — по ним ни разу не было прочитано курса. В курсах были только марристские украшения. И я очень

[л] Здесь Ал. Ал. имеет в виду Смирнова А. М. из Отдела науки ЦК, с которым он дважды беседовал,

[е] Вдова поэта О. Э. Мандельштама Н. Я- Мандельштам.

поняла Виноградова, когда он сказал в своем выступлении в дискуссии, что с этим (т. е. с маррист-скими установками) нельзя идти в аудиторию, к студентам. Я думаю, что нельзя идти в биологии со всеми существующими установками в поле... Что делать? Кому начать? Я не знаю, как быть. Вы считаете своим долгом первым заговорить. Я хочу же, чтобы *первым заговорило молодое поколение* (подчеркнуто мною. — О. П.). Я хочу, чтобы это страшное мужское сознание долга было менее социальным, ведь есть у Вас долг перед наукой (в более глубоком смысле социальный), который заставляет Вас сидеть у микроскопа, писать статьи о науке (пусть сейчас лысенковцы не дают их печатать), собирать и накалывать на булавки новые материалы.

Есть два долга: один наука, другой ответственность за те формы, которые получает данная отрасль данной науки и настоящую историческую минуту. Я не уверена, что второй долг серьезнее первого. Решает ведь первое. Именно первое — открытие, событие, находка сметает второе. Физика, очевидно, гигантски развивалась последние десятки лет... Она, наверно, именно первым путем сметала проблемы второго пути (несомненно, они тоже были). Я бы никогда не говорила „не надо" о проблемах первого пути — от этого долга я бы никому не сказала, что можно уклониться. Но во втором я не уверена. Может, правы Ваши академические друзья, которые решают свои непосредственные задачи. Может, это и есть прямой путь. Я не знаю, что сказать. Но первый путь — самое главное. Что делать?. .»

На этот вопрос ответил сам Ал. Ал. в письме от 17.02 1953 г.: «О Вашем совете: не надо, не надо, не надо... Я понимаю, что Вы, недавно пострадав из-за желания исправить недостатки преподавания, естественно, от всей души рекомендуете мне воздержаться и предоставить критику кому-то другому и думать, чго наука все равно разовьется.

Смею Вас уверить, что я поднял это дело не из-за желания покритиковать, а именно потому, что аракчеевский режим буквально задерживает науку. Правда, он заметно пошатнулся, и проходящая сейчас сессия ВАСХНИЛ [ж] совсем не носит триумфальный характер для Лысенко. Тов. Хрущев прямо говорит о частом явлении подхалимства перед некоторыми учеными. Пятилетне сессии ВАСХНИЛ 1948 года ни одним словом не отмечено в газетах. Совершенно ясно, что руководители правительства совсем не склонны поддерживать безоговорочно Лысенко, но они явно не хотят и вмешиваться в науку, пока сами ученые не поднимут голоса. Некоторые ученые (Сукачев и другие) его подымают. Даже кроткий Опарин написал статью в журнале „Успехи современной биологии", где категорически опровергает напечатанное в работе Лепешинской и в рецензии на работу Никитенко утверждение Лепешинской о том. что якобы под влиянием Лепешинской он, Опарин, отказался от своих взглядов о невозможности самозарождения в настоящее время.

Вся беда в том, что наши „олимпийцы" 1) являются узкими специалистами и не способны подойти с общей точки зрения; 2) на Ученый Олимп пробралось много нахальных господ, которые совсем не намерены расстаться со своими доходами; 3) многие почтенные по своим научным достоинствам люди за эти годы слишком скомпрометировали себя вынужденными признаниями, и сейчас у них не хватает мужества признаться вновь „в ошибках", а их жены, домочадцы и друзья говорят им: „Не надо, не надо, не надо... И без вас обойдутся"; 4) наконец, атмосфера в Москве и в Ленинграде такова, что там сейчас особенно много трусят, так как Лысенко и прочие за всякое противодействие старались сживать с места. Но из писем моих друзей-москвичей я вижу, что этот страх уже начинает проходить».

Я не буду приводить Вам даже краткую хронику событий за это время после выступления Ал. Ал. с первой главой «Монополии», она Вам известна. Было много всяческих волнений,

переживаний (больше всего у меня и у его близких), Ал. Ал. сохранил поразительное внешнее хладнокровие и выдержку в этой борьбе.

Как Вы знаете, фронт борьбы в 1954 голу сильно расширился. Об этом свидетельствует дискуссия о виде на страницах «Ботанического журнала», об этом же говорят многочисленные письма, получаемые редакциями журналов, да и в ЦК. Как сказали А. А. в Отделе ЦК по сельскому хозяйству, получено 2500 листов разных материалов по этому вопросу.

А. А. продолжал свою работу, написал 2-ю и 3-ю главы. Ал. Ал. в предисловии ко 2-й главе указал, что «огромное количество ошибок, сделанных Лысенко и его школой в теоретической области, а также безоговорочная поддержка его философами выдвигают как одну из актуальнейших задач подробный разбор биологических и философских обоснований того, что обычно называется советским творческим дарвинизмом, и противоположных ему взглядов».

Помимо этой работы Ал. Ал. пишет ряд публицистических статей, посылает их в журналы, в «Литературную газету». К ним относятся: «О науке и писателях» по поводу статьи Л. Успенского «Поэзия науки* (октябрь, 1954 г.), статья «Писатель и наука» Геннадия Фиша («Лит. газета» от 2h'.10 1954 г.), письмо в «Лит. газету» по поводу статьи В, Доброхвалова «Догмы и жизнь».

...Ал. Ал. интересует все, что происходит в нашей общественной жизни, причем интересует не только с личной точки зрения, а именно с общественной, и он никак не хочет стоять в стороне. Прошел 2-й съезд писателей, за которым Ал. Ал. следил с большим интересом, и результатом явилось большое «Открытое письмо академику Корнейчуку». Письмо это он передал в ЦК и там имел разговор по поводу его...

ж В «Правде» от 18.10 1953 г. в передовой статье написано следующее: «Опыт показывает, что ни одна отрасль науки не может успешно развиваться в затхлой атмосфере взаимного восхваления и замалчивания ошибок. Попытки утвердить монополию отдельных ученых или группы ученых неизбежно порождают застой и загнивание в этой отрасли знаний».

...Вы резонно можете задать мне вопрос: „А как Вы относитесь к подобного рода писаниям своего мужа? Судя по письму Ал. Ал. к дочери, видно, что Вы-то сами в душе не очень их одобряете и тоже настаиваете на том, чтобы он занимался своим непосредственным делом — работал по прямой своей специальности".

Это законный вопрос, и здесь я отступлю от аргументов, необходимых для защитника, в виде документов и фактов и уже буду выступать перед Вами не как адвокат, а просто как обыкновенная женщина, судьбой ставшая женой ученого.

Скажу Вам откровенно: я часто, так же как и Вы, и многие другие, не понимала Ал. Ал. и тоже думала, что он делает не свое дело. Я не научный работник, даже не имею высшего образования, по профессии я съездовская стенографистка. Моя профессия, длительная работа в Ленинграде, запись самых разнородных материалов сильно развили меня. Правда, я имею о многом более чем поверхностное представление, но зато моя профессия дала мне возможность увидеть много людей самых разнообразных профессий и культурных уровней, на разных стадиях переживать с массой людей разные политические события, поскольку приходилось записывать очень разнородные материалы, отражающие нашу эпоху. Затем, в годы войны, пребывание во фронтовой полосе, затем в Берлине; работа и эти годы в очень интересной области опять-таки дала мне многое для понимания политической обстановки и психологии многих людей при различных ситуациях как в научной, так и в политической обстановке. И эта же моя профессия привила мне острый интерес ко всему, что происходит в нашей стране. Вот, вероятно, чем объясняется, что я с интересом относилась всегда и отношусь к тому, что пишет мой, не укладывающийся ни в какие рамки принятого стандарта образа советского ученого Ал. Ал.

Естественно, что я, воспитанная в основном официальными съездами и выступлениями, была сразу несколько удивлена совсем другим подходом к нашим общественным явлениям в разных отраслях со стороны Ал. Ал. Его критическая способность очень ярко всегда проявлялась при обсуждении того или иного явления в нашей жизни. Когда наступил тяжелый для нас 1948 год, я почувствовала инстинктивно, что Ал. Ал. прав, отстаивая свое право ученого иметь собственное мнение. И я сразу поддержала его желание уйти из Фрунзенского пединститута (и тем самым потерять довольно большую сумму денег), так как остаться там можно было лишь путем принесения публичного покаяния, а Ал. Ал. тогда открыто сказал на собрании, что он приносить покаяния не будет, хотя это и модно. И тогда я была вместе с ним готова к худшему. Но все обошлось, с работы А. А. не сняли.

Пришел 1953 год, когда А. А. выступил открыто против монополии в биологии Лысенко. У меня было много колебаний в вопросе «надо» или «не надо». Как обыкновенная женщина, к тому же пожилая, я, естественно, хотела покоя не только для себя, но и для моего беспокойного мужа, а потому я нередко уговаривала его не допускать резкостей в выражении своих трезвых мыслей, допускать иногда некоторую дипломатию, одним словом, по Вашему выражению, быть «умницей, осторожным и дипломатом». Вы не знаете реакции А. А. на мои подобные замечания. Я ведь жена, близкий ему человек, следовательно, по его мнению, я должна знать его лучше, чем другие, я должна его всецело понимать и вот, как казалось ему, мое непонимание его, неверие в него, приводило его чуть ли не в ярость. Он мог стучать кулаком, мог кричать, мог нервно ходить из угла в угол, мог бросить начатую им работу, которую я писала под его диктовку и при этом имела неосторожность сделать ему то или иное замечание. Как я обычно реагировала на это? Приносила ему валериановые капли и прекращала разговор. Потом он извинялся, и мир снова восстанавливался, но некоторое время он не прибегал к диктовке мне, а писал сам.

В минуты мира я говорила ему: «Твои письма, статьи очень искренние, чувствуется, что ты пишешь все это с болью в сердце, желаешь развития твоей науки и развития сельского хозяйства на твоей Родине. Я понимаю тебя, что вопросы, которые ты затрагиваешь, очень волнуют тебя, так же, как они волнуют и многих других. Против этого я ничего возразить не могу, кроме как выразить тебе благодарность за то, что ты существуешь на свете и сохранил до старости юное сердце, полное самых благородных порывов и мужества, но я совсем не уверена, что тебя правильно поймут. Ты затрагиваешь многих, которые уже официально поставлены на пьедестал святых и беспорочных и, главное, которые в глазах массы тоже давно кажутся незыблемыми авторитетами, и очень трудно сейчас, даже движимому самыми благородными и патриотическими стремлениями, развенчать этот авторитет. Гораздо проще подвергнуть критике себя, дерзнувшего на снятие покрова святости, чем громко сказать: ,,А король-то голый!" Движимые тобой порывы — любовь к Родине, к науке, борьбу за истину можно легко превратить в их противоположность. Вот чего я боюсь. Очень хотелось бы, чтобы оправдался твой прогноз, а не мои предчувствий».

Вот что я говорила. Разве это не совпадает с мнением многих и многих? Думаю, что в глубине души и Вы так думаете.

Но Ал. Ал. был непоколебим: он продолжал делать то, что считал нужным, на него не действовали уговоры быть осторожным, дипломатом. Он так и написал Никите Сергеевичу Хрущеву, препровождая в ЦК 3-ю главу: «Я мог посвящать этой работе только урывки времени от педагогической деятельности, а работа писалась с большой затратой нервной энергии. Хотя стиль ее резок, но написана она не желчью личных обид, а кровью старого, но еще не остывшего сердца, не могущего выносить то несчастье и позор, которые принесли и продолжают приносить Лысенко, его приспешники и подпевалы моей Родине и моей науке».

Когда я прочла эти строки, я поняла по-настоящему, какое мужество нужно иметь в наше время, чтобы это написать, как остро надо чувствовать все, что происходит у нас в сельском хозяйстве, чтобы не побояться написать все, что думаешь.

61

Но не думайте, что мои тревоги прошли. Когда Ал. Ал. уехал на курорт, захватив с собой рукописи 2-й и 3-й глав «Монополии» в Москву, я не могла не волноваться. Меня все же мучил вопрос «надо» или «не надо», поймут ли его в ЦК правильно или не поймут. И в минуты такого раздумья я написала письмо одному из новых друзей Ал. Ал. в Москве. Я не знаю лично его, как не знаю и Вас, но я по письмам чувствовала всегда искреннее его уважение к Ал. Ал., и этого для меня было достаточно для того, чтобы задать ему волнующий меня вопрос.

Я получила от него очень большой и содержательный ответ. Приведу Вам некоторые выдержки из него, чтобы показать Вам, как относятся к Ал. Ал. люди, которые очень мало его знают, но судят о нем по тому, что он написал за последние годы, и по тем редким встречам, которые происходили у них с ним в Москве.

«Вы, конечно, знаете, что проездом на курорт Ал. Ал. был в Москве. Однажды вечером он зашел ко мне, и мы провели вместе несколько часов, беседуя о разных, преимущественно, конечно, научных делах. Когда Ал. Лл. ушел, моя жена, присутствовавшая при нашем разговоре, сказала: ..Господи, боже мой, да ведь этот старик — он юноша по сравнению с нами. Такая поразительная ясность мысли и свежесть чувств, сколько жизненного темперамента. И такой эрудит. Кажется, в первый раз я встречаю такого человека". То же ощущение испытывал и я, беседуя с Ал. Ал. или читая его статьи и письма. Меня бесконечно радует и пленяет излучаемая атмосфера душевного благородства, глубокой честности и принципиальности, т. е. всего того, что

свойственно настоящему человеку *(с* большой буквы) и что так редко теперь встречается в нашем мире ,,мастеров науки".

...Вы ставите передо мной очень трудный вопрос: „Нужно ли Ал. Ал. продолжать свою работу и борьбу против Лысенко? Не надо или надо?"...

...Предстоит еще длительная борьба с обскурантизмом в науке. Но я глубоко убежден, что она приведет к победе. Уверенность в этом мне дает уважение к стране и к народу... Как и Вам, мне хотелось бы, чтобы это произошло немедленно, сегодня же, но так не будет: слишком далеко пущены корни, слишком многие вопросы актуальнейшего характера приходится сейчас решать правительству...

...Что же касается позиции каждого отдельного лица в этом вопросе, то это дело личной совести. Можно, конечно, и помолчать, ожидая, пока кто-нибудь другой это сделает за нас. Но если в душе есть любовь к Родине, к ее народу, к ее науке, то молчать нельзя: нужно выполнить свой долг, трудно это или не трудно. И такой человек, как Ваш муж, не может оставаться в стороне от этой борьбы, не сможет и не должен. На этом нуги его не ожидают слава, почести и аплодисменты, переход я щие в овацию. Подумаю, что бороться с этим обманом страны — его долг и он выполнит его так же, как не смог бы пройти мимо совершающегося на его глазах преступления... Не думаю, что Вы смогли бы что-либо изменить сейчас в его жизненном пути, надо только беречь здоровье и силы этого чудесного человека».

Я не буду приводить подробного анализа причин, породивших лысенковшину. и того равнодушия, которое и я обнаружила в бытность свою в Ленинграде и в Москве у многих биологов к этим вопросам, отсутствие воли и стремления к борьбе, т. к. не имею права оглашать частное мнение автора письма, но могу только сказать, что сделанный им анализ поразил меня и Ал. Ал. своей глубиной и правильной оценкой создавшегося положения.

Что касается его мнения по поводу 2-й главы «Монополии», то он его выразил в следующих словах: «Получил рукопись Вашей 2-й главы. Сейчас не столько читаю, сколько „грызу" се. Как и большинство биологов моего поколения (автору письма лет за сорок. —- *О. П.),* я мало образован в общетеоретических вопросах, я ничего не понимаю в генетике. Мы ведь этакая научная мастеровщина, что-то вроде столяров: одни из нас, поспособнее, соответствуют краснодеревцам, другие, поплоше, »е идут далее изготовления научных табуреток. Но в обоих случаях до подлинного интереса к основным вопросам теории конструкции дело не доходит. Сейчас, пожалуй, можно по пальцам пересчитать ученых, имеющих в биологии общий широкий горизонт. Во всей стране, кроме Вас, найдется вряд ли более десяти человек. Это вряд ли случайно. Поэтому Вашу статью мне придется прочесть и не раз, и не дна, чтобы оценить ее по достоинству».

Высоко оценивает рукопись Ал. Ал, и один из наших академиков, стоящих также в оппозиции к Лысенко. Он писал: «С большим удовольствием, а некоторые страницы прямо с наслаждением, прочитал Ваши рукописи. Я завидую Вашей энергии и работоспособности в самых неблагоприятных условиях — другой на Вашем месте давно опустил бы руки. Правда, и я не бросил работать, но я чувствую себя не в силах уже вести активную борьбу за научную правду. Тем более я ценю и приветствую Ваши усилия. Я отчасти разделяю Ваш оптимизм -- теперь со свинским отношением к ученым все уже покончено, и мы сможем спокойно работать. Появилась даже надежда на то, что *со временем* удастся напечатать и эти Ваши статьи „О монополии Лысенко"».

И наконец, приведу последний «отклик» из числа очень многих, имеющихся у нас, также отвечающий на вопрос «надо» пли «не надо». Это мнение очень эрудированного ученого, но также вначале не понявшего замысла Ал. Ал. при написании им его «Монополии» и уяснившего его лишь по прочтении 2-й и 3-Й главы. Он пишет: «2-я и 3-я главы твоей „Монополии" ходят по рукам по моему выбору с твоего разрешения и имеют большой успех. О 3-й главе я уже писал тебе свои впечатления и получил ответ. Прочтение 2-й главы окончательно убедило меня в том, что поначалу я не понял и недооценил твоего замечательного замысла, в чем и сознаюсь. Для меня стало ясным, что дело идет не столько о научной публицистике на злободневные темы и не о доказательстве того, что 24-2=4 и что Волга впадает в Каспийское море, сколько о создании оригинальной научной монографии но теоретической биологии, в которой будет изложено то, что вообще никогда не излагалось, а мусор послужит в качестве сподручного строительного материала. Т. е. тобой задумана вещь, построенная

по типу диалогов Платона и Анти-Дюринга, где полемическая форма служит средством для экспозиции воззрений автора, и потому сочинение поднимается на подлинный диалектический уровень (не ограничивается отрицанием чего-то). Может быть, господь допустил существование Лысенко, чтобы создать адекватную форму для высказываний Любищева! Ведь для твоей головы полемика («полемос»— сражение, борьба) —все равно, что бензин дли мотора. Одним словом, пиши, ждем продолжения» (далее идет перечень полемических вопросов без аргументации. — *О. П.).*

Я привела цитаты из писем Вам для того, чтобы показать тот интерес, который проявляют к этой «непечатной» и едва ли скоро увидящей свет работе Ал. Ал.

И совсем недавно на вопрос «надо» или «не надо» Ал. Ал. получил письмо, в котором есть такая мысль: «Разбор шаг за шагом всех благоглупостей ТДЛ есть дело великой важности. Надо рассеять радужный туман и клубы фимиама, искусственно созданные вокруг этого вредителя нашей науки! Рано или поздно наше правительство поймет весь тот огромный ущерб, который ТДЛ причинил и нашей науке, и нашему престижу, и нашей хозяйственной жизни. Но когда это будет? Восхищаюсь Вашим мужеством. Было бы прекрасно увидеть Вашу книгу в печати, но, боюсь, что сейчас это невыполнимо...

, . .Совершенно согласен с Вами, что большинство биологов отрицательно настроены к математике по причине своего полного математического невежества. Однако надо с этим бороться! Пусть зевают на докладах и замалчивают статьи по биометрии, но свое действие и доклады, и статьи оказывают (пусть медленно)...»

Из далекого Фрунзе многочисленные друзья Ал. Ал. подтверждают значимость работы и ждут ее продолжения.

Теперь я могу Вам признаться, что сейчас для меня вопроса «надо» или «не надо» не существует. Я вполне понимаю потребность Ал. Ал. говорить пусть пока еще далеко не полным голосом. Я не останавливаю его, хотя, конечно, если бы в моих силах было его остановить и если бы он смог стать иным человеком, более мягким, более терпимым к недостаткам (как уговариваете его Вы), менее угловатым, стал бы обычным профессором, знающим хорошо ту отрасль знания, которая аттестована ВАК, то, вероятно, наша жизнь была бы куда удобнее, легче и приятнее. Мы жили бы, вероятно, в центре, пользовались бы всеми благами и преимуществами больших центров (вплоть до того, что не имели бы представления, что такое проблема питания, как это, увы и ах, слишком очевидно в провинции), Ал. Ал. пользовался бы должным уважением и почетом со стороны официальных органов и официальных лнц (хотя, как мне кажется, там и сейчас его уважают, »о только не выражают это словесно). Но я вполне примиряюсь со всеми теми последствиями, которые проистекают именно из-за того, что Ал. Ал. и к старости не изменил своего характера, а остался (по моему мнению, да и по мнению многих) именно человеком с большой буквы, болеющим на правду, за истину, борющимся с догматизмом в науке и в других областях нашей жизни.

Вы пишете, что Ал. Ал. противопоставляет себя другим. Ни ему, ни мне это непонятно. Насколько я знаю Ал. Ал., видя его ежедневно, наблюдая его в разных обстоятельствах жизни, я могу в его защиту сказать, что более простого человека в смысле взаимоотношений с другими людьми, особенно с теми, кто стоит »иже его по уровню знаний и положению, я не встречала. Он любит выслушивать чужое мнение, любит, чтобы с ним спорили, но действительно не признает догматизма и канонов.

Еще в 1919 году Ал. Ал. в своем «Дневнике», который он вел в Симферополе, писал; «Удивительно, до чего в биологии помнят только „открытия" в области фактов и совершенно не ценят воззрения того же автора в теоретических областях; хуже того, нельзя сказать, чтобы их не ценили, их просто не считают нужным опровергать». С тех пор прошло много времени, в биологии канонизировали взгляды Лысенко, и возражения не прощаются.

А. А. как-то писал дочери: «Почти во всяком человеке глубоко внедрилась необходимость опираться на что-нибудь прочное, абсолютно достоверное в том или ином смысле: без чего-то абсолютного, какого-то совершенного авторитета, какой-то веры, выходящей за пределы чистого разума, трудно жить даже людям с высоким интеллектом... Может быть, такое тяготение к авторитету и не бессмысленно: оно укрепляет мысль человека в определенных направлениях и закрывает ей свободу в других, а когда во всех направлениях свобода, — естественно, получается растекание мысли по древу, значительное бесплодие, чему примером являюсь я. Но я думаю, что в небольшом количестве люди, подобные мне, необходимы, хотя в большом количестве — это вещь нестерпимая...»

Как видите, самокритика тут у Ал. Ал. жесткая. Так что он никак не противопоставляет себя другим, а признает свое существование (или подобных ему) лишь в очень ограниченном количестве, т. е. считает, что люди, подобные ему (по Вашему определению, «угловатые», «беспокойные», по определению А. А. Штакельберга, «инцидентосособные», по определению других— ищущие истину и правдолюбцы),----вещь нестерпимая в большом количестве.

Так что разрешите считать Ваше обвинение в противопоставлении А. А. себя другим неосновательным.

Встает спорный вопрос о долге советского ученого. Является ли долгом советского ученого обязательно стоять на стороне принятой интерпретации по тому или иному научному вопросу?

И на этот вопрос отвечает Ал. Ал. в письме одному из моих друзей, с которым у А. А. завязалась переписка по одному из этических вопросов. Мой друг написал мне, что Ал. Ал. не прав, критикуя «Лит. газету», поместившую заметку Пантелеева «Разве Петя не прав?» (и эти вопросы интересуют моего «юного» Ал. Ал.!), что его статьи в «Лит. газету» были ниже уровня советского ученого, что по

таким вопросам можно говорить только в частной беседе за ужином в кругу друзей, а не выступать публично.

Ал, Лл. ответил ему относительно понимания им уровня советского ученого и долга: «Я полагаю, что долг советского ученого заключается в том, чтобы вдумываться во все аргументы за и против по тому или иному вопросу, но в окончательном выводе не повторять обязательно того, что на данный момент является принятой аргументацией. Вот, если я когда-либо от этого отступлю, тогда я действительно заслужу упрек, что я пал ниже уровня советского ученого. Пока со мной этого не случалось».

Это писал Ал. Ал. в 1951 году, т. е. до активного выступления против Лысенко (но и в 1948 г, он не примкнул к принятой официально линии в биологии).

Последнее замечание. Ал. Ал. часто ругают, что он занимается не своим делом, и Вы ему рекомендуете писать научные статьи на основе его большого опыта и наблюдений. Здесь я приведу слова Ал. Ал.: «Спрашивается, а какое мое дело? И как Вы его себе представляете. Я считаю, что я именно и занимаюсь своим делом. Два моих близких друга, оба очень умных человека, оба, к сожалению, уже умершие, еще давно определили мое истинное дело. Незабвенный Александр Гаврилович Гурвич в первые же голы нашего знакомства мне сказал: „Я полагаю, что Вашим главным делом будет не нахождение новых фактов, а теоретические размышления" и прибавил еще слова Шопенгауэра, что наиболее ценным является не увидеть что-то новое, а о том, что все видели, думать так, как раньше никто не думал. Я тогда по глупости огорчился, а теперь вижу, что он правильно оценил мои способности. Другой мой друг, по поводу моей первой работы, где было недостаточно фактического материала, спросил: „Ну, наверное, две страницы будет наблюдений, а остальное теоретише беобахтунген".[3] Это был Иван Николаевич Филипьев. Я тоже тогда сдуру на него обиделся. Но я все-таки фактами занимаюсь. В порядке отдохновения от „теоретише беобахтунген". Получил новый великолепный микроскоп и препарирую своих блошек. Намерен переработать свою старую рукопись „Земляные блошки Киргизии"... А так как в отношении „бетрахтунген" у биологов слабо, то я полагаю, что я делаю дело, вспоминая великого Бэра, у которого так и писалось: „беобахтунген унд рефлексионен" ».

Может быть, эту характеристику полезного дела, данную самим Ал, Ал., Вы считаете противопоставлением себя другим?

О писании научных статей и работ. Ал. Ал. просил передать, что он считает свою работу «К методике количественного учета», о напечатанни которой возник спор, научной работой, так как она написана им на основе 22-летних наблюдений. В качестве материалов им использованы личные материалы 1200 экскурсий, а следовательно, по Вашему определению, это и есть как раз то, что, казалось бы, нужно, что и подтверждает отзыв В. Н. Беклемишева, признанный руководством Киргизской Академии наук некомпетентным, т. к. В. Н. Беклемишев — друг Ал. Ал., и там, видимо, считают, что отзывы В. Н. дает по дружбе.

По поводу других работ Ал. Ал. я писать не буду — он достаточно об этом писал Вам сам.

С уважением

О. П. Орлицкая

Из ответа Г. Я. Бей-Биенко, адресованного А. А. Любищеву.

...Я очень рассержен на Вас, но не могу лишить себя удовольствия дружески и по-мужски поздравить Вас с тем большим счастьем, которое выпало на Вашу долю: этим счастьем является

Ваша умная, столь преданная и столь любящая жена, которая как истинный друг переживает с Вами все трудности, встающие на Вашем не усыпанном розами пути. Передайте ей мои самые искренние чувства уважения и сердечного расположения. Ее большая «защитительная речь» была прочитана мною с большим интересом и удовольствием, она уяснила мне некоторые детали Ваших треволнений и Вашей мятежной души, но не изменила самого главного убеждения в том, что ТДЛ не заслуживает столь большого внимания и столь большой затраты сил. И не верьте «официальной» любезности в некоторых верхах: было бы куда лучше не выслушивать Вас с показным интересом (как мы рассматриваем с интересом какой-либо «остаточный» вид — а Вы и есть реликт), а печатать.

Другое дело, что в Ваших трактатах о ТДЛ Вы поднимаете ряд важных общих вопросов; но зачем же все это делать на фоне мусорной свалки.

Позвольте теперь, прежде чем я начну сердито огрызаться, поблагодарить Вас за интересную работу «К методике учета...» и за оттиски работ Уварова. Вашу работу хотел бы иметь еще в двух экземплярах — для отправки друзьям в Китай и Чехословакию, пришлите, если сможете...

Из письма О. П. Орлицкой к Г. Я. Бей-Биенко, 24.12 1955 г.

...Поздравляю Вас с семейством с Новым Годом и надеюсь, что в Новом году Вы не будете так сердиться на А. А. Я уже не собираюсь его больше защищать, так как моя «защитительная речь» не имела успеха, скорее,наоборот: она еще более убедила Вас в том, что А. А. тратит свое время зря.

Очень сожалею, что отняла у Вас время на чтение столь длинного моего письма. Сейчас, помня о Вашем посткриптуме в письме к А. А. — просьбе не тратить время на писание длинных писем к Вам,

В данном случае — теоретические рассуждения. — *Ред.* Рассмотрение, наблюдение. — *Ред*. Наблюдения и размышления.— *Ред.*

64

хочу лишь поблагодарить Вас за очень любезные строки в мой адрес в письме к А. А. Вы совершенно правы: я очень люблю А. А., очень ценю его большой ум и большое сердце, и потому, естественно, меня очень огорчает Ваше последнее письмо к нему. Я думаю, что при встрече с А. А. в Ленинграде многое разъяснится и предстанет перед Вами совсем в ином свете.

Желаю Вам с семьей в Новом году радостной жизни. Гнев — плохой советчик, и я надеюсь, что в Новом году Вы, по свойственной, по Вашим словам, мягкости характера, смените гнев на милость и посмотрите на многое иными глазами, глазами и чувствами А. А., и поймете, что ему как ученому очень иногда бывает тяжело видеть свои рукописи не видящими свет...

Из письма дочери А. А. Любищева, Е. А. Равдель, к О. П. Орлицкой, 23.12 1955 г.

. , .Когда я читала Ваше письмо, я не могла отделаться от чувства неловкости — мне казалось, что Вы пишете манекену, личности, вовсе не способной согреться даже чужим теплом. Вы знаете, мне кажется, что почти всегда так бывает: если человек образованный и уже в возрасте, но поступает так-то, высказывается определенно и соответственно судит о других, — ему бесполезно что-то доказывать. Раз он именно так поступает — значит он почему-то к этому убеждению пришел. Неужели Вы думаете, что человека, не желающего рисковать, можно уговорить рискнуть? Особенно если этот человек много раз доказывал Вам, что ему выгоднее не рисковать? И особенно такой человек, который знает, что на свете существуют всякие мотивы, кроме личных, знает, что бывают «души прекрасные порывы», что есть и долг, и честь, и совесть? Ведь Вы же ему не Америку открываете! Но он от всего этого уже вполне и навсегда отодвинулся, НЕ ХОЧЕТ! И конечно, имеет для этого свои аргументы...

Из батиного большого письма я поняла очень хорошо весь его путь и теперь поняла еще, что все его буйства вполне отвечают большому плану научного доказательства. Я ведь раньше думала, что время, затрачиваемое им на Лысенко, идет зря и параллельно. А жизнь коротка. Я думала, что он должен создавать свои бессмертные ценности, а на драку не тратить сил, хотя всегда прекрасно сознавала, что изгнание Лысенко было бы большим благим фактором для науки вообще. Теперь я поняла батю в другом отношении.

...Есть замечательные стихи Лермонтова: «...пылких душ неосторожность самолюбивую ничтожность иль оскорбляет, иль смешит». Последнее особенно важно. Ибо нечего к ним адресоваться. Блестящий неуспех обеспечен, да еще в глумливой форме. Необидно, конечно, но бессмысленно...

Предостережения против выступления с «Монополией» продолжали приходить. Вот еще одно из таких писем.

Из письма П. Г. Светлова.

...Я уверен, что твоя критическая статья, о которой ты пишешь, великолепна. Более того, уверен, что никто лучше написать такую статью не сможет. Думаю также, что раз статья написана, ее стоит послать именно туда, куда ты хочешь. Это гораздо умнее, чем выступать публично. Но какие могут быть результаты? В лучшем случае это будет документ, который будет лежать на полках и ждать времени, когда он понадобится. Я не отрицаю возможности «сдвигов» и надеюсь на них. Но научная критика не может быть «примум мовенс» этих «сдвигов» и, вероятно, сыграет в них лишь скромную роль. Не может быть сомнения в том, что разбираемые тобой биологические «теоремы» не поддерживаются всеми, кроме абсолютных ослов и младенцев (я не говорю о фальшивых признаниях и самовнушениях). Ниспровержение этих теорем — дело не логики и не научной критики, равно как и вопрос «об аракчеевском режиме в биологии» (да и только ли в биологии?). Это вопрос тактики и политики, а не научного спора. Эти вопросы нужно отнести к компетенции Партии и Правительства. Разбираемая ситуация, как известно, сходна с описанной у Андерсена в сказке о голом короле, с той разницей, что хотя в мальчишках, указывавших на то, что король голый (эти мальчишки были самых разных возрастов), не было недостатка, официальное мнение о платье короля не менялось. Этих мальчишек одно время уничтожали (в том числе наших общих знакомых), потом больно наказывали, теперь с ними обращаются довольно гуманно — только ругают, по-видимому, убедившись в их безвредности. Впрочем, и теперь это обходится очень дорого. Недавно в Харькове скоропостижно скончался проф. Э. Е. Уманский, почувствовав себя плохо во время своего выступления по проблеме видообразования на ученом совете университета. Это не первая жертва проблемы видообразования в ее современной постановке. Все это надо иметь в виду...

А. А. начал писать вторую главу «Монополии» под названием «О вейсманизме-менделизме-морганизме», в предисловии к которой он пишет, что «огромное количество ошибок, сделанных Лысенко и его школой как в практической области, так и в теоретической, и безоговорочная поддержка его философами выдвигают как одну из актуальнейших задач подробный разбор биологических и философских обоснований того, что обычно называется советским творческим дарвинизмом, и противоположных ему взглядов».

Из письма А. А. Любищева к сыну, С. А. Любищеву, 25.07 1954 г.

...Против Лысенко дела развиваются нормально. Почитай «Ботанический журнал» за этот год, да и в прежних много материалов, особенно ярки статьи Хохлова и Баранова, интересна статья Холодного, написанная им еще при жизни

в 1952 году. По итогам дискуссии по проблеме вида признано, что ни одного доказанного случая нет, что много невежественной фальсификации и огромный практический вред. В статье о полиплоидии открыто защищаются теории, основанные на хромосомной теории, хотя о ней стыдливо умалчивается...

Я пишу вторую часть моей статьи, уже написал страниц 35. Я уж тут пишу без всякой стыдливости и, в частности, затрону весьма сильно наших философов, которые, по-моему, не марксисты, а плохие талмудисты. Знаю, что сейчас со многих сторон скрипят перья и стучат машинки против засилья наших казенных философов. Знаю, что на совещаниях зав. кафедрами математики и физики пединститутов требовали резкого сокращения паразитических предметов. В новом плане сокращение есть, но небольшое. Ряд физиков резко выступали против казенных философов.

Я с величайшим удовольствием возобновил знакомство со своим старым (еще по Крыму) приятелем, который сейчас очень большая шишка по теоретической физике, — акад. Таммом И. Е. И кое-что ему писал, и он в основном со мной согласен. Сейчас мне так приспичило, что пока я не разрешусь от бремени этой теоретической частью, я ничего другого делать не могу...

На пороге 1955 года один из новых друзей А. А. писал: «Вы правы, считая основным врагом науки догматизм. Как и Вас, меня смешит в полемике, разыгравшейся на страницах наших журналов, стремление доказывать свою правоту ссылкой на авторитеты, когда читателя стремятся убедить, что идея и факт только потому хороши, что соответствуют чьим-либо канонизированным взглядам. Увы, стремления подобного рода культивируются в науке не первый день, они уже стойко вошли в плоть и кровь, так что об ином обычно и не помышляют. И ведь, как ни странно, со времени, когда Дарвиным были сформулированы основные положения его взглядов на

эволюцию, прошло почти сто лет. Это столетие было эпохой величайшего прогресса естественных наук. Общая сумма научных знаний возросла необычайно, но это неважно, а важно к любому факту, каков бы он ни был, присоединить рефрен „Это все по Дарвину". Это стремление сильнейшим образом ограничивает человеческую мысль, именно из этих истоков берет свое начало косность мышления. Вспоминаю А. Толстого: „Воистину неистребим порыв лежать пред кем-нибудь на брюхе". Почти не вижу вокруг себя стремления осмыслить явления разного рода сами по себе, а не от авторитетов. В истории науки это, видимо, уже не впервой. Для борьбы с этим чувствую себя бессильным, даже и здесь, в письме к Вам, не могу придать своим мыслям логическую форму...

Вы правы, конечно, что все наши попытки борьбы с Лысенко и лысенковщиной пока дали мало результатов. Он по-прежнему нанимает ведущий пост в с/х науке и посильно вредит ей. Не будучи в состоянии что-либо противопоставить доводам своих оппонентов, он просто игнорирует их, а начальство терпит это... Но почему? Ведь нельзя же не понимать, что он бесконечно вреден науки, хозяйству, политическому авторитету страны... Но дискуссия все же кое-что полезное сделала: я имею в виду некоторое раскрепощение человеческих умов от аракчеевского режима. Появилась какая-то отдушина. Верю, что наше дело правое и мы победим, хотя, естественно, борьба честных людей с бубновыми валетами науки нелегка и быстрых результатов, видимо, не принесет.

Есть и у нас неплохие новости. Недавно состоялось большое заседание, посвященное памяти покойного Д. А. Сабинина, доведенного лысенковцами до самоубийства. Говорили много хорошего, признавали значение покойного как крупного физиолога, ценный вклад, сделанный им в науку. Решили переиздать труды. Еще год назад такое заседание было бы невозможно: лысенковцы объявили бы его организаторов наемниками международного империализма. А теперь молчат, молчат потому, что уже бессильны помешать.

Два дня тому назад Биологическое отделение АН СССР постановило организовать две лаборатории: одну по цитологии (Насонов), другую по изучению наследственности (Дубинин). А ведь во главе отделения по-прежнему Опарин. Значит, что-то меняется, что-то движется вперед, значит, человеческий ум и человеческая честь в биологической науке еще чего-то стоят. Но нужно представить себе, что нашей стране нужно освободиться не только от маньяка, но и от его психически вполне здоровых последователей, занявших многие командные высоты и готовых продать все на свете за кусок пирога, чьими бы руками он ни был испечен. Предстоит очистить науку от коррупции. Легка ли подобная задача? Будем надеяться, что новый год принесет новые успехи.

Я очень рад, что счастливая судьба дала мне возможность встретиться с Вами на жизненном пути, я счастлив сознанием, что Вы живете и работаете и можно иногда прикоснуться к Вам душой хотя бы в форме такого бестолкового, непростительно длинного письма».

11 января 1955 года в «Литературной газете» появилась статья акад. И. Кнунянца и Л. Зубкова «Школы в науке», где основная мысль — необходимость различных направлений в науке: «Нельзя признать нормальным положение, создавшееся сейчас в области таких наук, как генетика, агрономия. Ведь при всем уважении к заслугам акад. Т. Д. Лысенко было бы вряд ли правильно считать его школу единственно возможным здесь направлением исследований. Такая позиция была бы крайне вредной и для развития самой этой школы, и для науки в целом, и для нашей с/х практики».

66

Письмо А. А Любищева И. Л. Кнунянцу, 21.01 1955 г.

Многоуважаемый Иван Людвигович!

С величайшим удовольствием я, как и многие другие научные работники, прочел Вашу статью «Школы в науке», опубликованную в «Литературной газете» 11 января. Само собой разумеется, что редакция «Лит. газеты» по собственной инициативе такую статью не пропустила бы, и мы рассматриваем ее как показатель того, что наконец в науках вообще, а в биологии в частности, режим монополии прекращается.

Прекрасны Ваши слова, обращенные к философам, что им полезно было бы заняться всерьез исследованием. Я бы только в этой фразе выкинул местоимение «иным», так как, по-моему, всем нашим философам не хватает образования в настоящей науке.

Возражения у меня, и не только у меня, встретили лишь слова «ведь при всем уважении к заслугам Лысенко» и т. д. Вы небиолог и, вероятно, Вам неизвестны в точности «заслуги» Лысенко. Из критических работ, посвященных Лысенко, в печать просачивается ничтожно малая

часть, т. к. в редакциях большинства журналов еще засилье лысенковцев, философы сплошь скомпрометированы безоговорочной поддержкой любого бреда Лысенко и немногие действительно честные ученые, подобные академикам Сукачеву и Цицину, пока не в состоянии преодолеть препятствий, чинимых подлинным мракобесами в науке. Мое имя, вероятно, Вам неизвестно, и я знаю, что резкость моих выражений относительно Лысенко может отпугивающим образом на Вас подействовать. Меня хорошо знают академики Шмальгаузен, Сукачев, Цицин, Наливкин, Тамм и др. Я — старый профессор, биолог, доктор с/х наук, хотя по образованию и не агроном. Мною пишется большая работа «О монополии Лысенко в биологии», первые две главы которой посылаю Вам. Первая глава была представлена еще в конце 1953 года в ЦК КПСС. По поводу ее здесь, в Ульяновске, была большая буря. Вторую главу, вместе с третьей и четвертой, которые еще не закончены, пошлю опять в ЦК. Если Вы следили за полемикой с Лысенко и его сторонниками в «Ботаническом журнале», то, вероятно, могли заметить, что никакой деловой аргументации лысенковцы не приводили, а только старались запугать. Этого достигнуть им не удалось. И сейчас поддерживающие их философы стараются говорить о равноправии разных школ. Если Вы найдете время ознакомиться с моей статьей или поручите кому-либо другому (за отсутствием возможности напечатания я очень заинтересован в широком хождении моих рукописей), я думаю, Вы поймете, что нельзя говорить о какой-то школе Лысенко в науке. Это такой же блеф, как и направление Бошьяна, имени которого Вы не упоминаете, но только в грандиозном масштабе и принесший неисчислимый вред нашей стране...

Акад. Кнунянц не ответил на это письмо и не дал никакого ответа на рукописи А. А. Это характерно и для некоторых других академиков, в частности Дубинина, которому А. А. послал 2-ю главу «Монополии».

Закончив в апреле 1955 г. третью главу «Наследство Мичурина и Вильямса», А. А. направляет две последние главы в ЦК КПСС.

Препроводительное письмо на имя Н. С. Хрущева.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Я пересылаю Вам продолжение работы «О монополии Лысенко в биологии», первая глава которой была передана еще в конце 1953 года, и это продолжение (2-я и 3-я главы) еще не является окончанием. Я сознаю медлительность моей работы, но полагаю, что некоторым извинением может служить ряд обстоятельств. Дело по ликвидации лысенковского режима, успешно начатое в 1954 году, затормозилось, очевидно, в силу сильной оппозиции кругов, кровно заинтересованных в сохранении старого положения. Естественно, что и задача критики расширилась и осложнилась. Самому мне работа открыла много нового

и неожиданного, но я убедился в том, что если в оценке лысенковщины я и сделал ошибки, то лишь в недооценке, а не в переоценке ее вредного влияния; я неправильно обвинил противников Лысенко в замалчивании Мичурина. Наконец, я мог посвящать этой работе только урывки времени от педагогической деятельности. Хотя стиль ее резок, но написана она не желчью личных обид, а кровью старого, но еще не остывшего сердца, не могущего выносить то несчастье и позор, которое принесли и продолжают приносить Лысенко, его приспешники и подпевалы моей Родине и моей науке...

Разговор в ЦК состоялся снова в Отделе науки и снова с А. М. Смирновым. Было указано, что работу следует продолжать.

1.7. О монополии Лысенко в биологии '

Гл. II. О вейсманизме-морганизме-менделизме
Гл. III. Наследие Мичурина и Вильямса
(Содержание)
Глава II.
Предисловие к 2-й главе.
14. Об учении А- Вейсмана.
15. Менделизм.
16. Морганизм.
17. Оценка и критика вейсманизма-морганизма.
18. Критика хромосомной теории наследственности.
19. Вопрос о наследовании приобретенных свойств.
20. Отношение К. А. Тимирязева к менделизму.

21. Отношение прогрессивных иностранных ученых к менделизму.
22. Отношение И. В, Мичурина к менделизму.
23. Практическое значение менделизма-морганизма. А. Прямой «вред» менделизма.
24. Практическое значение менделизма-морганизма.
Б. «Бесплодность» менделизма. Глава III/[1]
25. Понятие «мичуринская биология».
26. Продвижение винограда на север.
27. Продвижение южных сортов груш на север,
28. Продвижение абрикосов на север.
29. Введение новых культур в хозяйство. Актинидия.
30. Обогащение ассортимента яблок.
31. Резюме о практических достижения И. В. Мичурина.
32. Отдаленная гибридизация.
33. Ментор, вегетативная гибридизация.
34. Акклиматизация.
35. Теория доминирования и управление доминированием.
36. Прочие методические указания.
37. Общее о методических взглядах Мичурина.
38. Общебиологические взгляды Мичурина.
39. Личные качества Мичурина.
40. Отношение к Мичурину его современников. 4L Общее заключение о наследстве Мичурина. 42. Наследство В. Р. Вильямса.

[л] В апреле **1955** г. текст этой главы был отправлен А. А. Любищевым в ЦК КПСС,

43. Критика взглядов Вильямса.
44. О выжидательной позиции ученых по отношению к системам земледелия.
45. Заключение о наследстве Вильямса и выводы.

1.8. Несколько замечаний по методике опытного дела

1.8.1. Введение

Дискуссия по теоретическим и прикладным вопросам биологии и агрономии почти не касается одной весьма важной стороны, а именно методики обработки материалов и выяснения объективной значимости выводов. Мне известна только одна небольшая статья покойного Е. В. Бобко в журнале «Почвоведение» (1955).

Это не значит, что необходимость обработки, в частности математической обработки данных, не осознается; осознается и запущенность этого вопроса, но недостаточно осознаются трудности на пути такой обработки. За последние годы лица, далеко стоящие от науки, видимо, полагают, что весь процесс обработки можно поручить современным поразительным счетным машинам. Но при всей важности машин для ускорения обработки пользу они могут принести только тогда, когда ученый, пользующийся ими, понимает сущность дела и направляет для обработки достаточно доброкачественный исходный материал наблюдений.

Читая книги, журналы, газеты, можно легко убедиться, что для надежности того или иного вывода считается достаточным соблюдение трех условий:

1) принципа единственного различия; 2) достаточного размера опытной площади; 3) достаточной повторности. При наличии больших площадей последнее требование многим даже представляется излишним. Берут два объекта, находящихся в общем в одинаковых условиях, но отличающихся по тому или иному агротехническому приему или по различию руководства, и различие в урожайности приписывают целиком приему или руководству.

Задачей настоящей статьи и является показать, что чрезвычайно частым источником ошибки даже при вполне объективных факторах и полной добросовестности исследователя является несовершенство методики работы.

Методика работ в полевой биологии соответствует трем уровням: 1) полное отрицание математической статистики, использование простого здравого смысла и старых приемов логики на основе принципа единственного различия;

2) использование математической статистики первого периода (до К. Пирсона включительно), покоившейся целиком на законе больших чисел; 3) использование современной математической статистики, особенно теории малых выборок (Стьюдент, Госсет, 1980) и

дисперсионного анализа (Р. Фишер, 1923—1925). Разумеется, использование современной математической статистики не устраняет применения более простых и старых методов на определенных уровнях исследования, но только использование современного математического арсенала дает нам надежду справиться с теми огромными задачами, которые стоят перед советскими учеными по научному использованию всего накопленного опытного материала. Недоразумения возникают и из-за того, что некоторые ученые, имея значительные заслуги в продвижении более совершенной обработки опытных данных, недооценивают значения новейших методов и даже сопротивляются их внедрению.

Критическому разбору методических трудностей и частых ошибок в этом деле и посвящена настоящая статья.

Статья написана в мае 1956 г. по заказу «Ботанического журнала». Напечатана не была. Здесь публикуется сокращенный вариант, подготовленный А. А. в 1964 г.

69

1.8.2. О случайных и систематических ошибках

То огромное доверие, которое в широких кругах распространяется на массовые опытные данные, основано на предположении, кажущемся многим совершенно бесспорным, что надежность вывода всегда возрастает с увеличением объема исследования. Однако это предположение имеет только ограниченное значение, и даже огромный объем исследования вовсе не гарантирует от ошибок.

Очень яркую иллюстрацию явных ошибок при огромном масштабе исследования можно найти в статье Н. С. Ястремского (1937), касающейся возрастного состава населения России по переписи 1897 г. В статье приведена кривая колебания численности по возрастам. Вместо ожидаемой плавной кривой мы имеем резко зигзагообразную кривую с острыми «пиками», соответствующими годам, кратным пяти и особенно кратным десяти. Число женщин, напр., возраста 30 лет превосходит число их возраста 29 или 31 года примерно в четыре раза. Любопытно, что вместо одной плавной кривой мы можем получить три более или менее плавные кривые, если соединим: 1) точки, соответствующие годам, кратным десяти; 2) точки годов, кратных пяти, и 3) остальные точки; как раз последняя кривая -— наименее плавная.

Ясно, эта кривая не отображает истинного возрастного состава, хотя она покоится на нескольких десятках миллионов исходных данных. Резко выраженные зигзаги просто отображают тенденцию, господствующую среди неграмотного населения (а в 1897 году огромное большинство женщин в России было неграмотно), округлять свой возраст. Здесь мы сталкиваемся с примером *систематической ошибки,* т. е. такой, которая создается одной или несколькими определенными причинами, действующими по определенным законам и, как правило, в определенном направлении. Систематические ошибки не устраняются и но уменьшаются с увеличением объема исследования; увеличение надежности вывода при увеличении объема исследования касается только случайных ошибок, т. е. таких, которые никаких регулярностей не обнаруживают.

Поэтому для суждения о возрастном составе населения гораздо надежнее оказалась бы картина, полученная, положим, на основе нескольких сот тысяч показаний, но проверенных по документам (метрикам) и при правильной организации выборки, чем на основе нескольких десятков миллионов, но на основе просто личного опроса.

Столь резкая систематическая ошибка, обнаруженная при первой всероссийской переписи, оказалась непредвиденной, так как никаких экономических или иных рациональных оснований для округления возраста нет, но не следует думать, что такие непредвиденные систематические ошибки попадаются только там, где приходится сталкиваться с недостаточно культурными людьми. Напротив, недооценка трудностей полевого опыта свойственна большинству лабораторных работников, привыкших работать в обстановке несравненно большей однородности условий. Например, сборник работ по физиологии больного и поврежденного растения, проведенных под руководством нашего выдающегося ученого покойного академика В. Н. Любименко (Труды по защите растений, III серия, вып. 3, 1933), прямо кишит обилием методических погрешностей. Подобная критика всего сборника и аналогичных работ была проведена мной в особой статье (Любищев, 1940), и сейчас я только вкратце коснусь одного из наиболее ярких примеров.

В статье (Эйдельман, 1933), касающейся влияния подрезки листьев на урожай яровой пшеницы, описываются результаты трех серий опытов (операций в разной стадии развития растения) с удалением 25, 33, 50, 75 и 100 % общей поверхности листьев, причем настоящей

повторности не было, если не считать контроля, имевшегося в каждой серии. Выводы получились чрезвычайно «гладкие», если использовать все зерна в процентах от контроля: получилось плавное падение урожайности от контроля до 100% поврежденности и (за

70

единственным слабым исключением) для всех степеней поврежденности плавное повышение урожайности при все более позднем поражении. Единственное сомнение возникает оттого, что полученное очень сильное влияние повреждений противоречит прежним результатам самого руководителя, В. Н. Любименко, доказавшего высокую регуляционную способность растения при незначительных повреждениях.

Но если мы возьмем не проценты от контроля, а абсолютные данные по урожайности, то наше сомнение в надежности полученных выводов перейдет в полное недоверие к ним: оказывается, что сильное возрастание урожая от первой серии (раннее повреждение) к третьей (позднее повреждение) характерно не только для всех степеней повреждения, но и для контроля (почти в два раза), причем различия биометрически вполне доказаны. Но так как контроль разных серий подвергался совершенно одинаковому уходу, то значит, что различие в урожае разных серий объясняется не только различной реакцией на срок повреждения, но и непредвиденными различиями естественно-исторических условий, прежде всего почвенных, произрастания растения. Вкралась непредвиденная систематическая ошибка, которая не была замечена благодаря тому, что расположение вариантов и серий было также систематическим: серии располагались по возрастающей степени естественного плодородия, а варианты во всех сериях (от 0 до 100 % поврежденности) располагались по убывающей степени естественного плодородия. Об этом можно заключить с полной уверенностью, хотя плана участка в статье Эйдельман и не приводится.

Таким образом, в этом опыте ясны основные . методические ошибки: 1) отсутствие повторностей; 2) систематическое расположение вариантов. Правильная постановка для данного опыта требует: 1) опыт ставить хотя бы в двух повторностях; 2) в каждой повторности варианты должны быть расположены не в систематическом порядке, а по жребию (случайно); 3) расположение вариантов одной повторности не должно повторять расположения в другой, а быть совершенно независимым. Вводя сознательно элемент случая в расположение делянок, мы систематическую ошибку превращаем в случайную. Этим мы, с одной стороны, устраняем источник наиболее опасных в опыте систематических ошибок, с другой — делаем полученную случайную ошибку измеримой и устранимой (вернее, уменьшаемой до любых размеров) путем увеличения опыта.

Вполне законен и другой прием: превращение случайной ошибки в систематическую путем изучения всех условий опыта и введения соответствующих поправок.

В этом и заключается основание к требованию соблюдения одновозрастно-сти, односортности, одного срока посева, одинаковой обработки и проч. Изменчивость этим путем может быть сильно снижена, и надежные результаты могут быть получены на основе гораздо меньшего числа испытаний. Этот путь вполне законен и уместен, но не надо его переоценивать, так как: 1) чрезмерное требование однородности лишает нас возможности работать в широких производственных условиях, где такая однородность отсутствует; 2) требование однородности не дает абсолютной гарантии от ошибок, так как при одном педантичном подходе всегда могут вкрасться непредвиденные систематические ошибки; 3) оно не является обязательным, так как при правильном проведении рандомизации (сознательного введения элемента случайности в опыт) мы имеем не меньшую, а даже большую гарантию от систематических ошибок, чем при педантичном требовании однородности; 4) достижение экономии в необходимом объеме опыта в силу уменьшения случайной ошибки в значительной мере ослабляется необходимостью постановки параллельных независимых опытов в разных условиях; мы не получаем необходимости увеличить объем опыта лишь при использовании факториального анализа, о чем будет речь дальше; 5) наконец, часто позабывают, что источников ошибок в полевых условиях так

71

много, что полную уверенность в надежности наших выводов мы можем иметь только тогда, когда один и тот же вопрос решается с разных точек зрения и разными путями и когда, несмотря на различие подходов, мы получаем качественно и количественно совпадающий результат.

И вот теперь, разобравшись несколько в различии систематических и случайных ошибок, коснемся старого спора академиков Т. Д. Лысенко и П. Н. Константинова о значении яровизации в

подъеме урожайности хлебов. По Лысенко (1952), яровизация хлебов давала в среднем прибавку не менее чем по одному центнеру на гектар, и этот вывод базировался на площади в несколько миллионов гектаров. По данным же П. Н. Константинова (1952), средняя прибавка от яровизации составляет всего 0.04 центнера на га, и даже если эта прибавка является доказанной, то она в 25 раз меньше цифры, указанной у Лысенко. П. Н. Константинов использовал данные 54 сортоучастков по 35 сортам за пять лет, всего 393 случая, но так как каждая делянка равнялась всего 100 кв. метрам, то общая площадь, на которой базировались выводы П. Н. Константинова, равнялась всего 3.93 гектара. При этом П. Н. Константинов вовсе не отрицал полностью яровизации, но только утверждал, что в определенные годы и для определенных сортов яровизация полезна, в других же случаях может принести вред. И вот смесь положительных и отрицательных результатов и привела к такой ничтожной средней прибавке, как 0.04 ц на гектар.

На первый взгляд кажется странным, как можно оспаривать выводы, основанные на миллионах гектаров, данными, имеющими опору всего в четыре гектара. Но вспомним наш пример с возрастным составом населения и старую русскую пословицу: «Большой пень, да дурень, мал золотник, да дорог». И подумав, убедимся, что вывод П. Н. Константинова гораздо убедительнее вывода Т. Д. Лысенко. В самом деле, типичность прибавки около одного центнера на гектар и устойчивость этой прибавки за четыре года (см. данные Т. Д. Лысенко, 1952, с. 617 и 628) противоречат данным самого Т. Д. Лысенко, заставляющим ожидать неодинакового действия яровизации в равных условиях. Ведь основное значение яровизации — в ускорении созревания, и ясно, что такое ускорение имеет очень большое значение при суховеях (зерно уходит от суховея) или при очень влажном и холодном лете (неяровизированный хлеб может недозреть). Сам Т. Д. Лысенко указывает, что, например, один из ценнейших и распространенных в Заволжье сортов твердой пшеницы «меланопус-069» не отвечает на яровизацию ускорением выхолащивания и, следовательно, для него яровизация бесперспективна. Он же указывает (1952, с. 644), что другой, тоже чрезвычайно распространенный сорт пшеницы «цезиум-111» часто настолько сильно заражен твердой головней, что яровизацию лучше не применять. Повышение зараженности головней при яровизации наблюдалось неоднократно. И вот с этими данными Т. Д. Лысенко находятся в согласии не массовые данные Т. Д. Лысенко, а данные П. Н. Константинова (приводимые самим Т. Д. Лысенко на с. 636 и 637 его сборника по стадийной теории, 1952), так как, именно по данным П. Н. Константинова, наихудшие результаты от яровизации (среднее снижение урожайности на 3.2—3.5 %) дают сорта «цезиум-111» и «меланопус-069».

Чем же объясняется разница результатов Т. Д. Лысенко и П. Н. Константинова, и какой результат надежнее? Разница объясняется наличием систематических ошибок в данных Т. Д. Лысенко и отсутствием их у П. Н. Константинова, использовавшего данные сортоучастков, где в тридцатых годах методика сортоиспытаний стояла на должной высоте.

Мы знаем, что в производственных условиях посев всегда затягивается и, естественно, что яровизированные семена как не допускающие долгого хранения высеваются в первую очередь. Сам Т. Д. Лысенко в недавней работе (1955, с. 68) пишет: «На вопрос, какая бывает прибавка урожая зерна от яровизации

семян яровой пшеницы, могу ответить, что в районах Юго-Востока прибавка эта такая же, как и от более раннего (на 3—5 дней) посева той же пшеницы, но в хорошо обработанную почву». Совершенно ясно: эффект более раннего посева яровизированных семян был приписан самому действию яровизации, а выводы П. Н. Константинова несравненно надежнее выводов Т. Д. Лысенко. Я не указал еще на тот фактор, что яровизированные семена как более ценные высевались, естественно, в лучшую почву.

Таким образом, яровизация, может быть, заслуживает более внимательного изучения и приспособления этого метода к местным и сортовым условиям, что и было намечено в свое время Н. И. Вавиловым, но после тридцатых годов разработка прекратилась, и сейчас к этому методу охладели. Я слыхал от достаточно компетентных лиц, что интерес к яровизации повторяет историю этого процесса в США, происходившего около ста лет тому назад, где этот метод был потом забракован, указывают и литературу: Allen American Farm Book, 1850, с. 51. Я не имел возможности лично проверить.

Этот пример показывает, что размеры делянок вовсе не являются решающими для суждения о надежности выводов: важнейшее — устранение систематических ошибок.

1.8.3. О дисперсионном анализе и факториальной схеме

полевого опыта

Изложенные примеры показывают, с одной стороны, что недооценка опасности систематических ошибок в полевом опыте может привести даже учеников опытных лабораторных работников, как В. Н. Любименко, к грубым ошибкам в выводах, с другой стороны, что правильная методика дает возможность избежать ошибок в выводах даже при очень экономной по объему работе. Но на этом уровне нельзя останавливаться, и сейчас мы имеем такие орудия исследования, которые позволяют не только избежать ошибок в выводах, как при той методике, которой пользуется П. Н. Константинов, но и экономно решать такие вопросы, которые бессильна решить классическая математическая статистика 19-го века. К сожалению, акад. П. Н. Константинов, немало сделавший для повышения методического уровня опытного дела, как и многие другие ученые-опытники, недоверчиво и даже недоброжелательно относится к новейшим течениям в этой области: теории малых выборок и дисперсионному анализу. Поэтому я возьму результаты довольно простого на первый взгляд опыта, который П. Н. Константинов приводит как пример «неудовлетворительных опытных данных в силу плохой браковки» (Константинов, 1939, с. 252) и который на самом деле является примером правильно поставленного опыта, давшего совершенно четкие выводы.

Дело идет о результатах опыта по влиянию сроков посева на урожайность озимой пшеницы по одиннадцатилетним данным Одесского опытного поля (по работе А. А. Сапегина — цитирую по указанной работе П. Н. Константинова). Опыт велся в двух повторностях, урожай измерялся в пудах на десятину (см. табл. 1).

В среднем урожайность августовского сева превышает урожайность сентябрьского на 11 пудов на десятину, но можем ли мы считать этот вывод надежным, т. е. рекомендовать производству августовский срок. На сомнения наводят следующие соображения: 1) урожайность по первой повторности превышает урожайность по второй в обоих сроках в среднем на 9.5 пудов с десятины, разница почти та же, что и для срока посева; 2) мы видим, что за семь лет разница между августовским и сентябрьским посевом была положительной в обеих повторностях, в трех — отрицательной в обеих повторностях и один раз в одной повторности положительной, в другой отрицательной, но

Таблица 1 Опыты со сроками посева озимой пшеницы на Одесском опытном поле. Урожаи в пудах на десятину

Год	Повторность	Август	Сентябрь	Год	Повгорность	Август	Сентябрь
1897	I	41	18	1903	I	142	135
	11	32	20		II	130	125
1898	1	131	116	1904	I	41	57
	II	88	99		11	9	60
1899	I	62	73	1905	I	86	58
	и	64	83		II	93	57
1900	I	86	89	1906	I	167	143
	II	66	81		II	139	131
1901	I	126	102	1907	I	105	54
	II	134	97		II	97	46
1902	I	199	171		I	1186	1016
	II	180	163		II	103.2	96.1
				Сумма общая		2218	1977
				Среднее		100.82	89.86

Общая сумма для всего опыта 4195, общая средняя 94.34.

сравнивая урожай повторностей, мы получаем очень сходную картину: 6 раз разница положительна для обоих сроков, один раз — отрицательна для обоих сроков и 4 раза — смешанная; 3} в таблице ясно видны огромные колебания по годам независимо от срока и повторностей; 4} наконец, произведя обычное вычисление разности средних и соответствующей средней ошибки разности, получим 10.96+13.99 пудов, т. е. средняя ошибка разности больше самой разности. Такой как будто бы печальный результат длительного опыта и позволяет П. Н. Константинову считать его неудавшимся из-за плохой браковки. Но к браковке опытных данных надо подходить с величайшей осторожностью, иначе путем «браковки» мы можем оставить только

те данные, которые удовлетворяют заранее поставленной нам гипотезе, и, таким образом, извратить объективные данные. На самом деле данные этого опыта вовсе не нуждаются в какой-либо браковке. Все дело в том, что разобранный нами опыт только по виду прост, на самом же деле это — сложный опыт и сделать правильное заключение можно только в том случае, если обработка будет приспособлена к сложности опыта.

Ненадежность результатов возникла потому, что при вычислении средней ошибки мы к изменчивости, вызванной неучтенными нами факторами, прибавили изменчивость (дисперсию), вызванную следующими источниками изменчивости: 1) условиями отдельных лет; 2) различием повторностей; 3) взаимодействием условий разных лет и сроком посева. Увеличение средней ошибки и привело к ненадежности вывода.

Несколько улучшить результат опыта можно при помощи методов старой классической биометрии, если вместо разности средних определить среднюю разность, т. е. вычитать из всех 22 пар значений величину сентябрьского урожая из величины августовского, а затем эти 22 цифры подвергнуть статистической обработке. Средняя разность, конечно, равна в данном случае разности средних — 10.96, но ошибка уже оказывается равной 5.29 пуд., что дает t, равное 2.07. Это соответствует доверительной вероятности, равной 0.05; это — заметное улучшение, но большей уверенности не получается.

Полный учет всех факторов произойдет тогда, когда мы наш материал подвергнем дисперсионному анализу по факториальной схеме опыта. Сущность его заключается в том, что вся дисперсия (сумма квадратов отклонений от

Таблица 2

Дисперсионный анализ опыта со сроками посева озимой пшеницы

Категория изменчивости	Число степей, своб.	Дисперсия (сумма квад-ратов)	Средн. квадр.	Ф	*P* (доверит, вероят.)
А. Срок посева	1	1320.02	1320.02	15.1	< 0.001
Б. Годы	10	81876.14	8187.61	93.4	<0-001
В. Повторность	1	922.75	992.75	11.3	<0.01
АБ. Взаимодействие лет и сроков	10	5757.23	575.72	(15	<ОД)01
Ошибка	21	1841.75	87.70		
Всего	43	91787.89			

общей средней) разлагается по степеням свободы, соответствующим определенным категориям изменчивости. Результат приводится в табл. 2.

Результат получился совершенно исключительной отчетливости при полном отсутствии какой бы то ни было браковки, и эта отчетливость является прямым следствием того, что огромная изменчивость, вызванная условиями отдельных лет, повторностей и взаимодействий лет и сроков посева была отделена от той изменчивости, которую мы можем называть случайной.

Четкие выводы: 1) августовский сев безусловно в среднем урожайнее, чем сентябрьский. 2) Но доказанное взаимодействие сроков посева и годов сева означает, что в определенных условиях имеет место обратное. Здесь ставится новая проблема: одним из факторов, благоприятствующих сентябрьскому севу, может быть, например, сильная зараженность гессенской мушкой. 3) Доказано, что одна из повторностей систематически превышает другую. 4) Что касается различия по годам, то этот факт «доказывать» нечего, так как он общеизвестен; интерес изучения этого фактора только в том, что он показывает, что метод дисперсионного анализа позволяет получить вполне надежные результаты и при игнорировании старого логического требования «единственного различия». Вся факториальная схема опыта и основана на одновременном изучении большого числа факторов, и в этом заключается ее гибкость, эффективность и экономичность.

Дисперсионный анализ удовлетворяет и тому требованию, которое постоянно выдвигается, но редко осуществляется: именно, необходимости изучать факторы не только порознь, но и во взаимодействии. Целесообразно поставленный опыт и анализ опыта позволяют вести сразу изучение многих факторов не только порознь, но и во всем их сложном взаимодействии (разных порядков). При этом, так как одновременно разрешается ряд вопросов, достигаются исключительная экономия и быстрота опыта.

В настоящее время дисперсионный анализ получил чрезвычайно широкое применение в большинстве культурных стран. Успешно развивался он и у нас в тридцатых годах: (В. И. Романовский, Н. Ф. Деревицкий и др.)- но за последние двадцать пять лет мы в **этой** области очень отстали, как и по другим разделам теоретической и прикладной биологии. Вышедшее в 1948 г. интересное руководство В. Н. Перегудова осталось незаконченным. Становится понятным и неумение большинства руководящих работников по сельскому хозяйству справиться с требованием полного и гибкого использования огромного экспериментального материала: при помощи старых методов эта задача неразрешима.

75

1.8.4. Заключительные замечания

Приведенные примеры затрагивают лишь малую часть методических принципов и приемов, применяющихся в опытном деле. Большое количество высказываний авторитетных лиц основано целиком не недоразумении. Например, академик В. Р. Вильяме в свое время решительно возражал против мелких делянок как принципиально непригодных, тогда как на самом деле оптимальный размер делянок связан с характером производимого опыта и общего правила установлено быть не может.

Много споров возникало в связи с вопросом о числе повторностей, как будто это число может быть одинаковым для самых разнообразных опытов. Вообще говоря, если мы имеем определенную площадь в нашем распоряжении, то многократная повторность при малом размере делянок целесообразнее малой повторности с большими делянками, так как при многократной повторности легче устранить вредное влияние неоднородности поля. Но при этом, конечно, каждый конкретный опыт предполагает определенный минимальный размер делянок, и некоторые опыты, например с влиянием поливов, на малых делянках ставить невозможно. С другой стороны, чем сложнее опыт (напр., при факториальной схеме), тем меньшей может быть повторность, и при достаточно сложных опытах одновременно со многими факторами возможно обойтись без повторностей: размер случайной ошибки определяется по дисперсии, связанной с взаимодействиями высших порядков.

Совершенным недоразумением, как и было показано в третьем параграфе, является протест акад. П. Н. Константинова против теории малых выборок (1939). Как это ни странно, Константинов смешивает число выборок с размерами делянок. На эту ошибку в свое время было обращено Н. Ф. Деревицким и мной в рецензиях на книгу Константинова (в «Вестнике сельскохозяйственной литературы»), отметил эту ошибку и М. И. Эйдельнант (1949, с. 146), однако в новой книге (1952, с. 129) Константинов повторяет свою ошибку: «Теория так называемых малых выборок в полевом опыте родилась там (в Зап. Европе и Америке. — *А. Л.)* из стремления построить опыт на очень мелких делянках, по одному или по нескольку квадратных метров и ярдов, лишь бы была видимость множественности».

Число повторностей, необходимое для получения надежного результата, часто определяется предварительным опытом, позволяющим оценить размер изменчивости. Для выяснения относительного значения тех или иных факторов очень полезны схемы латинского, греко-латинского и высших квадратов. Но во время Второй мировой войны в США разработан новый метод последовательного (секвенциального) анализа, позволяющий обойтись без заранее намеченного объема опыта, а вести работу до тех пор, пока не получится результат достаточной значимости.

Этими намеками я ограничусь, чтобы показать огромное разнообразие методических приемов современного опытного дела, к сожалению, в настоящее время еще мало применяемых в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

\. Бобко К. В. 1955. Необходимо повышать качество научной работы в агрономии. Почвоведение. 12, с. 77—80.

2. Константинов П. Н. 1939. Методика полевых опытов. Москва.

3. Константинов П. Н. 1952. Основы сельскохозяйственного опытного дела. Москва.

4. Лысенко Т. Д. 1952. Стадийное развитие растений. Москва.

5. Лысенко Т. Д. 1955. Почвенное питание растений — коренной вопрос науки земледелия. Москва.

6. Любищев А. А. 1940. Об определении вредоносности методом искусственных повреждений. Ботанич. журнал АН УССР. I, 1, с. 159—188.

7. Перегудов В. Н. 1948. Статистические методы обработки данных полевого опыта. Москва.

76

8. Сапегин А. **А.** 1937. Вариационная статистика. Москва.

9. Эйдельман З. М. 1933. Влияние механического уменьшения листовой площади на рост и развитие культурных растений в связи с методикой учета повреждений от болезней. Труды по защите растений. III серия, вып. 3, с. 15—43.

10. **Эйдельнант М. И.** 1949. Математические методы в агробиологии. Труды Второго Всесоюзного совещания по математической статистике. 1948. Ташкент.

11. **Ястремский Б.** ***С.*** 1937. Можно ли пользоваться непосредственными данными переписи? Труды по статистике Б. С. Ястремского. С. 132—147.

Письмо А. Д. Любищева в редакцию «Ботанического журнала» 7.03 1957 г. (Ульяновск).

В Редакцию «Ботанического журнала» Ленинград, ул. проф. Попова, 2

В конце декабря 1956 года мной получено от редакции «Ботанического журнала» письмо от 26 декабря 1956 г. следующего содержания.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Редакция Ботанического журнала извещает Вас, что Ваша статья «Несколько замечаний по методике опытного дела» рассматривалась редколлегией 20 XII с. г. Члены редколлегии пришли к заключению, что Ваша статья очень интересная, но, к сожалению, не подходит к профилю «Ботанического журнала». Редколлегия рекомендует Вам направить Вашу статью в журнал «Земледелие» или в ж. «Вестник сельскохозяйственной науки». Высылаем Вам один экземпляр Вашей статьи.

С уважением, пом. уч. секретаря редакции

М. Иванова

Я задержался с ответом, так как был занят подготовкой двух статей в сборник памяти Н. И. Вавилова, а также, как видно из дальнейшего, наведением необходимых справок. Считаю, однако, необходимым ответить подробно на это письмо, так как дело имеет общественный характер, а не касается меня одного.

1) Читая Ваше письмо, посторонний человек может подумать, что *отвергнутая работа была послана мной в журнал по моей инициативе* и я просто ошибся адресом. Это совершенно неверно. В декабре 1955 года мной было получено от редакции «Ботанического журнала» письмо за подписью ученого секретаря «Ботанического журнала» А. А. Юнатова следующего содержания (от 8 декабря 1955 г.).

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Редакция «Ботанического журнала» просит Вас написать статью с критическим разбором с точки зрения методики опытного дела некоторых практических предложении, широко внедрявшихся в растениеводство в последние годы без должной проверки. Установление того обстоятельства, что одной нз основных причин провала этих предложений является пренебрежение к методике исследования и испытания, имеет очень большое значение для дальнейшего развития не только сельскохозяйственной науки, но и биологии.

Желательно, чтобы объем статьи не превышал 30—35 страниц на машинке.

О Вашем согласии и о сроке, к которому Вы могли бы прислать эту статью, просим известить редакцию.

Ученый секретарь «Ботанического журнала» д-р б. н. А. А. Юнатов

Мне хорошо известно, что редакция узнавала мой адрес, так что это предложение было вполне обдуманным.

На это письмо я ответил А. А. Юнатову письмом от 16 декабря 1955 года, где, соглашаясь выполнить это поручение, высказывал ряд соображений и намерение лично поговорить об этом деле при моем посещении Ленинграда в конце зимы 1956 года. Тогда я кроме А. А. Юнатова видел и познакомился с рядом членов редколлегии, а именно П. А. Барановым, О. В. Заленским, А. Л. Тахтаджяном, и ни один из них мне ни слова не сказал, что сделанное мне предложение отменяется. Поэтому, вернувшись в Ульяновск, я принялся за писание статьи и отправил ее 12 мая 1956 года.

77

Таким образом, эта статья была *специально заказана* редколлегией, мой проект написания не встретил возражений, и работа, очевидно, была выполнена удовлетворительно, раз редакция

признает ее очень интересной и не выдвигает никаких возражений по существу. Возражение только чисто формально.

2} *О профиле журнала.* Заказывая статью в конце 1955 года, редакция, очевидно, считала, что тогда она подходила к профилю журнала. Что же произошло за этот период, может быть, переменился состав редакции? Но сравнивая этот состав по двум номерам «Ботанического журнала» (№ 6 за 1955 г. и № 11 за 1956 г.), не видим ни малейшей перемены: те же 20 лиц. Значит, по какой-то причине переменился профиль журнала. Но мне, старому человеку, всегда казалось само собой разумеющимся, что отказ из-за изменения профиля может касаться вновь поступающих статей, а не тех, которые были заказаны. Весьма почтенный юридический принцип «закон не имеет обратной силы», по представлениям всех людей, дорожащих своей моральной репутацией, распространяется не только на строго оформленные договоры, но и на джентльменские соглашения, даже не оформленные письменно.

3) О *размерах статьи.* Я удивляюсь, почему редакция «Ботанического журнала» не использовала мое бесспорное отклонение от условия, именно большой размер статьи. Статья была заказана объемом не более 35 страниц машинописи, моя же статья заняла 59 страниц. Но, во-первых (не говоря уже о редакционных сокращениях), статья, как я указывал в письме, могла бы быть без труда разбита на две, во-вторых, «Ботанический журнал» помещает статьи и большего размера, чем 35 машинописных страниц. В № 7 за 1956 год «Ботанического журнала» помещена (очень убористым петитом) статья С. В. Юзепчука «Был ли Линней творцом бинарной номенклатуры?» (с. 1056—1071) объемом более двух печатных листов (около 84 тысяч печатных знаков). Моя же статья около 110 тысяч печатных знаков. Я никак не возражаю против печатания работ по истории биологии и очень уважаю память К. Линнея, но полагаю, что вопрос о пропаганде современных методов исследования ничуть не менее актуален, чем вопрос о приоритете Линнея.

4) *О рекомендации других журналов.* Помимо отказа в печатании «очень интересной» статьи редакция сочла возможным рекомендовать другие журналы как более подходящие по профилю. Если припомнить, что статья была заказана, то дело может представиться в следующем виде. Журнал разбился на несколько, или появились новые журналы, взявшие на себя часть работы прежде существовавших. В этих случаях (так, по крайней мере, раньше делалось) редакция просто передает часть рукописей в портфель нового журнала и об этом извещает автора. Но даже не предъявляя таких, очевидно, совсем устаревших требований, можно, казалось бы, ожидать от редакции, что она воздержится от совершенно легкомысленных рекомендаций и, раз заставив автора проделать бесполезную работу, не будет понуждать его проделать еще более бесполезную. Я ознакомился с журналами «Земледелие» и «Вестник с/х науки». Последний я разыскал здесь с большим трудом. В библиотеке с/х института мне сообщили, что вышел только один номер за 1956 г. (хотя журнал ежемесячный). Оба журнала помещают только краткие статьи. Журнал «Земледелие» —типичный научно-производственный журнал, моя же статья, хотя и написана популярно, рассчитана на более узкий круг читателей, преимущественно научных работников. В «Вестнике сельскохозяйственной науки» прямо указано, что помещаются статьи не более 12 страниц, и втиснуть в такие рамки мою статью решительно невозможно. Наконец, коснусь состава редколлегий. Никто из состава редколлегий этих двух журналов меня не знает. Хотя я — доктор сельскохозяйственных наук, но моя официальная специальность — энтомология. У членов редколлегии, естественно, возникает вопрос: чего энтомолог суется в опытное дело. Наконец, «Вестник сельскохозяйственной науки» является органом ВАСХНИЛ, в котором по-прежнему доминируют лысенковцы. Хотя исп.

об. главн. ред. «Вестника» является Д. Д. Брежнев (его научная физиономия мне неизвестна, так как из Большой Советской Энциклопедии я не мог получить нужной информации, как, впрочем, относительно подавляющего большинства действительных членов ВАСХНИЛ), но в президиуме ВАСХНИЛ помимо самого Лысенко играет видную роль Ольшанский. Как же можно рассчитывать мне на помещение статьи, половина которой посвящена критике лысенковской «тройчатки», если даже такой почтенный ученый, как П. М. Жуковский, в официальном заявлении склонен признавать практическую ценность этих органо-минеральных смесей. Поэтому я считаю, что своей рекомендацией редакция «Ботанического журнала» не только не смягчила впечатление от отказа, но еще усугубила, и, не будь в редакции ряда лиц, несомненно сочувственно ко мне относящихся, я имел бы право считать такую рекомендацию сознательным издевательством.

5) *О подлинной причине отказа.* Возвращенный мне экземпляр (кстати, без чертежей) носит явные следы редакционной работы. Перечеркнуты довольно большие следы редакционной работы. Перечеркнуты довольно большие куски, которые, очевидно, считаются выходящими за те рамки, в которых допускается критиковать. Эта редакционная работа прекращена, как только дошло до критики органо-минеральных смесей Лысенко. Для меня поэтому очевидно, что именно эта критика лысенковской тройчатки и была главным основанием того, чтобы отвергнуть мою статью. Формальным основанием для этого было то, что в Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 января 1957 года применение органо-минеральных смесей по методу Лысенко рассматривается как один из факторов сравнительно высокой урожайности колхозов Московской области в 1956 году (одобрение тройчатки было известно и до этого постановления). Отсюда как будто вытекает, что критиковать практическое значение органо-минеральных смесей даже в научном журнале — значит подрывать усилия Партии и Правительства по повышению урожайности. Хотя в указанном обращении не опубликованы данные о средней урожайности по всему Советскому Союзу (эти данные нигде не публикуются), но некоторые цифры урожайности приведены. Оказывается, урожай зерновых Московской области в 1956 году составляет всего 10.3 центнера. Это действительно «завидный» урожай по сравнению с урожаями Калининской области (6.9 ц), Ярославской (6.5 ц), Калужской (6 ц) и Рязанской (5.6 ц), не говоря уже о многих колхозах Новогородской, Псковской, Костромской, Великолуцкой и некоторых других областей РСФСР, Белоруссии и Прибалтики, где в течение ряда лет получаются урожаи, не превышающие 3—4 центнера с гектара. В Обращении ЦК указано, что причиной таких катастрофически низких урожаев является отсутствие достаточного количества органических удобрений. Следует напомнить, что во второй половине тридцатых годов (примерно до 1938 года) средняя урожайность зерновых по СССР равнялась 10 ц с га, т. е. достигла того уровня, который теперь предлагают «догонять» с помощью лысенковской тройчатки. Конечно, по сравнению с полным отсутствием удобрений и тройчатка дает некоторое повышение урожая, но мы ведь должны стремиться не к тому, чтобы догнать уровень 1938 года, а к тому, чтобы значительно его превысить. В специальном журнале по удобрениям «Удобрение и урожай» (а в редколлегию этого журнала входит и П. А. Баранов) в передовой первого номера за 1957 год «Больше удобрений на поля» совершенно резонно игнорируется тройчатка и указывается для нечерноземной полосы СССР (с. 3): «Обеспеченность гектара пашни органическими удобрениями продолжает оставаться на уровне 2—3 т на га, тогда как для получения высокого и устойчивого урожая нат.о вносить органического удобрения по 10—15 т на га». Не рекомендация лысенковской тройчатки, не имеющей ничего общего с наукой, а восстановление старой крестьянской нормы (пуд навоза на квадратную сажень раз в три года, т. е. в среднем 1—2 центнера на гектар в год) — вот очередная задача агрономии

нечерноземной полосы. Деятельность ВАСХНИЛ под руководством Лысенко и лысенковцев (в большом числе и сейчас продолжающих засорять академию, носящую имя великого Ленина) не только не подвинула нашу агрономию вперед, а, наоборот, отбросила ее назад.

В том же номере журнала «Удобрение и урожай» приводится и экспериментальная критика тройчатки (статья Худякова и Бушканец, с. 5—И), и, что особенно ценно, материалы дискуссии китайских ученых, пришедших также к отрицательному выводу относительно органо-минеральных удобрений (с. 56— 59).

Так выходит, моя статья устарела? Я думаю, что нет. Критических статей по поводу тройчатки не так мало, но они либо критикуют «теоретические» основы этого предложения, либо отмечают отдельные неувязки, либо, наконец, приводят данные опытов, давшие иные результаты, чем у Лысенко и его сторонников. Мне думается, что моя статья резко отличается от остальных тем, что показывает, что данные самого Лысенко, приводимые им в доказательство своих теорий, никак не могут претендовать на какую-либо убедительность, как и данные массовых опытов, разобранные в моей статье. Многие критики считают необходимым поставить проверочные опыты. В этом нет никакой надобности, так как теория Лысенко не выдерживает никакой критики, а его данные опровергают его же теорию. Но как же тогда с теми данными по Московской области, которые якобы подтверждают мнение Лысенко? А при той методике использования данных, которая сейчас чрезмерно распространена и которую я подвергаю критике в моей работе, доказать можно решительно все, что угодно. В полевой обстановке можно подобрать пары,

свидетельствующие об эффективности любого самого нелепого мероприятия, так как всем, хоть немного знакомым с полевой обстановкой, ясно, что условия в природе чрезвычайно различны.

А если прийти к этому выводу, то неизбежно придется сделать заключение {ясное для всех прогрессивных биологов), что вся сессия 1948 года с ее последствиями — сплошной позор нашей науки и что для поднятия нашего сельского хозяйства плановым, а не стихийным путем необходима основательная полка сорняков науки прежде всего в самой ВАСХНИЛ. Вот ясное сознание общественного значения борьбы с Лысенко и заставляет меня отвлекаться от моих собственных научных интересов на борьбу с лысенковщиной. Поэтому я полагаю, что имею право считать себя верным последователем доблестного Н. И. Вавилова, так как иду по его пути. В настоящее тревожное время борьба с темными силами нашей общественности является не только правом, но и долгом каждого ученого. Мы должны не только писать, но и говорить, и кричать на каждом шагу, что гигантский обман Лысенко продолжается к великому вреду для нашей страны.

Хорошо знаю, что мне могут ответить из редакции: «Мы и хотели бы Вас напечатать, да вышестоящие няни не позволяют». Так назовите этих вышестоящих нянь, чтобы их можно было пригвоздить к позорному столбу. Приходится довольствоваться слухами, так как сейчас, по странному обычаю, даже рецензии сообщаются без имени автора. Но мне известно (пусть меня опровергнут, если я ошибаюсь), что статья Лукьяненко с резкой критикой тройчатки была принята для напечатания в шестом номере «Ботанического журнала» за 1955 год, но по требованию академика Е. В. Островитянова, ведающего издательством всей Академии, она была снята, так как утвержденную тройчатку критиковать не полагается.

В отказе печатать мою работу сыграло немаловажную роль, вероятно, и то обстоятельство, что я давно числюсь в списке идеологически невыдержанных лиц как антидарвинист, виталист и т. д. Это несомненно влияет на проходимость моих работ, представленных в печати начиная с 1 января 1948 года по 1 января 1957 года (девять лет). Написано по разнообразным вопросам 29 названий общим объемом 80.4 печатных листа. Напечатано одно название объемом

3 печатных листа. Есть перспектива после двухлетней переписки печатания еще одной работы объемом 10.0 печ. л. Все остальное — без движения, хотя все они признаются читателями рукописей, как и отвергнутая «Ботаническим журналом» статья, «очень интересными».

Мое письмо оказалось очень длинным, но это потому, что я считаю это дело общественным, а не личным. Оно было бы гораздо короче, если бы кто-либо из членов редакции, знающих меня лично, написал бы мне письмо примерно следующего содержания: «Дорогой Александр Александрович! К сожалению, мы не можем выполнить того обязательства, которое мы приняли нашим письмом. Обстановка опять изменилась, и начальство не допускает критиковать тройчатку Лысенко. Видимо, не скоро еще наступит свобода печати для нашей науки».

Я не ожидаю ответа на это письмо, так как думаю быть в Ленинграде примерно через месяц и тогда поговорю с некоторыми членами редколлегии. Но я намерен копии этого письма переслать ряду членов Президиума Академии наук СССР, прежде всего академику Островитянову.

С совершенным уважением

А. А. Любищев

Письмо А. А. Любищеву из редакции журнала «Почвоведение», 1.10 1957 г.

Редакция журнала «Почвоведение»

Сообщаем, что Ваша статья «Несколько замечаний по методике опытного дела» была обсуждена на заседании Редколлегии 30.09 1957 г. РК воздерживается принять ее к публикации, т, к. по содержанию она более походит к с/х журналам.

Зам. редактора М. Кононова

1.9. Из хроники событий 1956 г. Переписка с коллегами

Многие коллеги А. А. удивлялись его одержимости в работе над «Монополией», которая, по их мнению, не имела шансов быть опубликованной. Так, акад. И. И. Шмальгаузен как-то написал А. А,: «Весь Ваш труд пропадает даром — он лежит в недрах канцелярий, и никто им не-интересуется». Любищев на это ответил: «Что касается Вашего пессимизма по поводу моей работы, то он совершенно не обоснован. Во-первы.х, даже в канцеляриях им интересуются. Во-вторых, даже небольшой тираж — на машинке — усиленно ходит по рукам, и благодаря моим работам я приобретаю целый ряд новых друзей. В Москве первой моей главой очень заинтересовался известный математик, читающий курс кибернетики в МГУ, А. А. Ляпунов. Очень

интересуется всем этим мой старый друг, физик, акад. Тамм.[1] Молодой физик В. Я. Френкель, сын моего старого друга, тоже беседовал со мной по биологическим вопросам... Чувствуется огромное умственное движение в нашей интеллигенции и не только старой, но и у молодежи. Поэтому от моего писания я получаю огромное удовлетворение и для себя лично (так как при этом я систематизирую многие взгляды, выработанные за всю жизнь), сознаю также и большую общественную ценность этой работы. На быстрый успех я не рассчитываю. Я полагаю, что полная свобода научной мысли не только в биологии, но и в философии и в общественных науках у нас будет достигнута примерно в период 1960--1965 гг., и думаю, что за этот период мои наиболее еретические работы смогут быть напечатаны».

Письмо И. И. Шмальгаузена, 07.07 1956 г.

Дорогой А. А.!

Получил Ваше письмо. Меня очень огорчило, что Вы меня не так поняли. Я не хотел сказать, что Bain труд вообще пропадает даром и что им вообще никто не интересуется. Я также даю читать Ваши произведения, и они очень полезны, их очень ценят те биологи (а также физики и математики), которые и без того не на стороне Лысенко, но сами недостаточно разбираются во всех затронутых вопросах. Я хотел сказать лишь, что они, очевидно, не производят никакого впечатления на наше начальство, которое считает почему-то нужным оберегать авторитет Лысенко и культ личности Мичурина.

С Вашими сроками (1960—1965 гг.) я согласен, однако для меня они слишком удалены, и поэтому я продолжаю быть пессимистом. Думающая молодежь имеется, но ее немного, и у нее теперь не хватает знаний. Этого не наверстать. Новые лица в отделениях и редакциях не означают пока серьезного сдвига. Энгельгардт недостаточно решителен, да и Мишустин, по-видимому, не тверд. Гайсинович был генетиком, но человек он более чем осторожный. Вообще людей принципиальных не так много. Конечно, все развивается закономерно... Вообще с биологами дело плохо.

81

Последнее десятилетие показало им, что биология как наука мичуринская, самобытная не нуждается ни в точном эксперименте, ни в учете степени достоверности результатов сравнения и т. п. буржуазных измышлениях. Это очень выгодная позиция, дающая им без труда ученые степени и обеспечивающая научную карьеру и право преподавания в вузах. С такими привилегиями они без труда не расстанутся. Л в результате развитие общей биологии, особенно эволюционных проблем, остановлено. Другое дело физики. Они привыкли к точным методам, и поэтому они сразу встали в оппозицию к Лысенко и «мичуринцам» (о самом Мичурине они, конечно, не имеют представления). Однако физикам говорят: «Ведь вы ничего не понимаете в биологии». Это говорят люди, которые воображают, что они разбираются в биологии потому, что имеют какое-то отношение к сельскому хозяйству.

Что касается зарубежной биологии, о которой Вы вскользь упоминаете в Вашем письме, то там, наоборот, идет довольно интенсивная работа по вопросам эволюции и видообразования... О прежнем дарвинизме не может быть и речи, так как представления о механизме естественного отбора коренным образом переработаны, и в моей книге весь дарвинизм вовсе не похож на прежний, хотя я этого и не подчеркиваю...

Пока Ваши статьи о Лысенко не напечатаны, они не могут оказать большого влияния, даже если каждый из Ваших 20 экземпляров прочитают 5 — 10 человек. А главное, они не оказывают влияния на положение биологических наук в Союзе, а это ведь главное их назначение.

23.08 1956 г. А. А. написал письмо министру сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевичу с приложением 3-й главы «Монополии». В письме, в частности, подчеркивается, что «никакого существенного влияния на мировую науку Мичурин не оказал и продолжающийся сейчас у нас культ личности Мичурина играет очень вредную роль в восстановлении нашего, сильно пошатнувшегося плодоводства, в развитии биологии и в преподавании в средней школе... Культ личности Мичурина есть одно из проявлений атмосферы культа личности, блестяще разоблаченного на XX съезде КПСС. Это — гигантское очковтирательство Лысенко, очень многое из которого Вы прекрасно изложили в своем докладе, не называя, однако, его фамилии и возложив вину на ВАСХНИЛ, которая никакой самостоятельной роли за время господства Лысенко не играла. Вместе с тем Вы нашли возможным оскорбить честных противников Лысенко в лице Баранова, Дубинина и Хаджинова. За что Вы их назвали Иванами, не помнящими родства?. За то, что они зачеркивают полезную работу советских специалистов и, захлыбываясь от восторга, превозносят заграничных. Но ведь Ваша книга „Что мы видели в США и Канаде" приводит

огромное количество приемов, которые мы заимствовали от Америки: гибридные семена кукурузы, квадратно-гнездовой сев, калиброванные семена, наземное хранение силоса, превосходные бычки и телки „санта гертруда", которых Вы закупили в Америке. И Вы с не меньшей четкостью показали в докладе, какое множество ошибок было сделано ВАСХНИЛ во время руководства Лысенко. Что же, неужели нам надо захлебываться от восторга перед деятельностью наших специалистов: Лысенко, Лепешинской и пр. и не упоминать ни словом о жертве Лысенко, доблестном Н. И. Вавилове, о котором Вы тоже не нашли возможным даже вспомнить. Да если бы Вавилов не был смещен гнусной интригой Лысенко, сейчас ни Вам, ни Баранову, Дубинину и Хаджинову не пришлось бы „захлебываться от восторга[1]". Наша биологическая и агрономическая наука стояла бы на уровне мировой и весьма возможно, что по ряду разделов перегнала бы ее; именно это случилось с нашими точными науками: математикой, физикой и пр., специфика которых не давала простора деятельности для невежд и вандалов, подобных Лысенко. Авторитет советской науки будет полностью восстановлен только тогда, когда полностью будут разоблачены последствия сталинского режима. Амнистия же Лысенко и его сподвижников только затормозит прогресс науки, необходимый и для развития нашего сельского хозяйства»

Ответа министра на это письмо не последовало.

Венгерские события в начале ноября 1956 г. очень болезненно отразились на настроении А. А.' К этому времени относится одно из его самых безотрадных писем. Оно написано в ответ на предложение проф. А. Н. Мельниченко (Горький) принять участие в подготовке кадров по пчеловодству.

82

Письмо к А. Н, Мельниченко, 8.11 1956 г.

...Могу Вам ответить совершенно категорически: никаких новых попыток работы в области прикладной энтомологии (по завершении работ с двумя моими аспирантами) при существующем положении вещей я брать не буду ввиду абсолютной бессмысленности такой работы, и это я постараюсь подробно обосновать. Вы пишете о кризисном состоянии пчеловодства. Об этом я слышу в такой отчетливой форме первый раз, но нисколько не удивился, так как решительно все отрасли нашего сельского и водного хозяйства находятся в кризисном состоянии. Вам, вероятно, известно, что с осени 1953 года главной моей работой является борьба с Лысенко. По этому поводу у меня написаны три главы (объемом около 400 страниц машинописи), начата 4-я глава (ок. 100 с. машинописи) и намечены еще 5-я и 6-я главы. По этому поводу я приобрел много друзей, имел ряд разговоров в ЦК КПСС. Меня многие ругали за резкость стиля, но теперь, через три года после начала этой борьбы, я убеждаюсь, что высказывался слишком мягко, т. к. вред, причиненный деятельностью Лысенко, гораздо больше, чем я предполагал. Конечно, по его типу действовали и другие, все цифры были засекречены, и посейчас данные об урожайности по всему СССР неизвестны, но после тщательных исследований и знакомства с литературой я пришел к следующим выводам.

1) Средний урожай зерновых по СССР, бывший в 1938 году около 10 центнеров на га, сейчас упал до уровня 7—8 центнеров, т. е. на 20—30 % (для сравнения могу сказать, что в Англии за этот период средний урожай поднялся примерно на 20 проц.). По докладу Хрущева Вы знаете, что такие же «ножницы» получились с урожаем кукурузы при сравнении СССР и США.

2) Если возьмем кормовые травы, то, по данным недавно вышедшего справочника «Народное хозяйство СССР», 1956 г. (с. 107), посевная площадь однолетних и многолетних трав в 1913 году была 3.3 млн га, а в 1955 г. 23.4 млн га. Численность же главного потребителя этих трав, крупного рогатого скота, увеличилась с 1916 г. до 1955 г. очень немного (с 58.4 млн до 67.1 млн), а число лошадей, как известно, существенно уменьшилось. Так как сейчас всюду острый недостаток кормов и нередко в колхозах весной скот подвешивают, чтобы он не ложился, то ясно, что урожайность очень низка.

3) О состоянии плодоводства хорошо известно: яблоки, груши и проч. дефицитны. Все, даже старые отрасли плодоводства, совершенно не восстановлены после морозов, а не пострадавшие от мороза, как Украина, разорены безумной налоговой политикой времен Сталина.

4) Я недавно вернулся из Крыма, в котором лет тридцать пять тому назад жил около трех лет и знал его довольно хорошо. Даже в «Курортную газету» проникают сведения о запущенном состоянии таких исконных крымских культур, как инжир, маслина, миндаль, лавр и др. (лавровый лист сейчас импортируют). «Увлекались» (никто не увлекался из знающих людей, а насильно заставляли!) цитрусовыми, сейчас признали ошибку.

5) Думал покушать виноград в Крыму, но (не говоря уже о цене его на Южном берегу) даже самый дорогой виноград (рублей 12 кг) в Ялте и Гурзуфе оказался малопригодным для еды, набил здоровую оскомину, и зубы долго ныли: приехал в Ульяновск, покушал хорошего винограда: болгарского и ташкентского. В печать тоже уже проникли указания о кризисном состоянии крымского виноградарства, что сейчас обычный процент сахаристости 12—14, а в хороших сортах раньше доходил до 28 %. Объясняли погоней за получением возможно большего урожая на га, не считаясь с сахаристостью, но в Крыму даже старые хорошие сорта («гусегли», «белый мускат») по качеству очень неважны. Сносен только неприхотливый посредственный сорт «изабелла». Что за притча? Эту загадку мне недавно разъяснил один почвовед, долгое время работавший в Крыму. Оказывается, переусердствовали с удобрением и так много вносили,

и притом ежегодно, сульфата аммония, что почвы сделались кислыми, что не замедлило сказаться и на качестве винограда.

6) На море только раз видел дельфинов, которые раньше были обычными, и очень редко ел свежую рыбу; загадка разъяснилась после прочтения статьи Овечкина в «Литературной газете»: оказывается, Министерство рыбного хозяйства, по его подлинному выражению, занимается «беспардонным браконьерством» в погоне за выполнением плана, ловит мальков и подрезает воспроизводство: об этом также было письмо Павловского, Никольского и других весьма осторожных лиц. А что министр Ишков? Да ничего! сидит на месте, участвует в приемах гостей и, видимо, в ус не дует. На обратном пути я ехал водой от Ростова до Ульяновска и убедился в отсутствии рыбы на пристанях.

7) Проездом на обратном пути заходил на с/х ростовскую выставку, познакомился с данными по доходу колхозников в 17 передовых колхозах Ростовской области: цифры для бывшей области Войска Донского совсем не импозантные.

8) По моим старым впечатлениям, я считал благополучными наши окраинные республики, и это, видимо, справедливо для Закавказья, и сравнительно благополучно с хлопком. Меня удивило падение площадей для риса: и без того небольшая площадь для 1913 года (0.3 млн га, «Народное хозяйство», с. 106) упала в три раза (0.1 млн га в 1956 г.).

Я долгое время возмущался термином «преобразование природы», который прилагают и к пресловутому «мичуринскому учению», и ко всей системе хозяйства. Сейчас приходится согласиться, что преобразование природы имело место, но не в положительную, а в отрицательную сторону.

Но Вы скажете, что все это в прошлом, теперь это признано, и надо, засучив рукава, приняться за восстановление положения, сплотив все подходящие кадры. Какие кадры? Соединить ученых с бандитами? Ведь хорошо известно, кому мы обязаны разрушением нашего сельского хозяйства и таким засекречиванием всех ошибок, что только сейчас начинает выясняться полная картина «преобразования природы». И «преобразование природы» продолжается в том же духе. Органо-минеральные смеси продвигаются и получают одобрение, хотя все подлинные ученые их отвергают, и критика не допускается. Не пропускают в печатание статью Лукьяненко в «Ботаническом журнале», не печатают и мою статью о методических вопросах, затрагивающую и этот предмет, хотя статья была специально заказана «Ботаническим журналом». Лысенко чуть немного сместили; Мацкевич, раскритиковав за ошибки Лысенко, ВАСХНИЛ, одобрил его смеси и обрушился на честных ученых Баранова, Дубинина, Хаджинова за то, что они являются Иванами непомнящими и отрицают полезную работу советских специалистов (это в «Сельском хозяйстве» от 23 июня с. г.). Я ему написал письмо по этому поводу 27 августа, но никакого ответа не имею, да и не буду иметь, конечно. Совершенно проворовавшиеся фигуры выдвигаются: Лобанов — президент ВАСХНИЛ, Глущенко — действительный член ВАСХНИЛ, Мусийко — чл.-корреспондент и т. д. Несмотря на поддержку крупнейшими физиками и математиками биологов {настоящих, конечно, а не лысенковцев), никакого просвета в вузах нет, да и неудивительно: зам. министра высшего образования по-прежнему Столетов. И Вы хотите, чтобы я готовил специалистов. Я уже имею значительный опыт и много вкладывал в это дело и с очень печальным результатом: методику обработки материалов, которой я их обучал, мне им привить не удалось, а сейчас уровень студентов падает все ниже и ниже, как падает уровень нашей средней школы. Разработана сложнейшая система оглупления молодежи: в средней школе глупейшее догматическое преподавание литературы, в высшей — система политических предметов. Из программы педвузов на естественном факультете вовсе выкинули физику (а мыто надеялись, что введут математику и математическую статистику), вместо

этого вводят с/х машины и технику управления, кино и проч. В последний мой год преподавания в педвузе (1954/55) я получил хороший предметный урок: попробовал на старшем курсе познакомить студентов с самой элементарной биометрией и, хотя в числе слушателей было несколько человек из числа лучших на курсе, через несколько часов пришлось бросить: они ничего понять не могли.

Слышал, что выборы Несмеянова в президенты АН СССР прошли не гладко. Хотели выбрать Капицу, но тот поставил условием чистку академии от мусора, прежде всего Топчиева, на это не пошли. Хочется думать, что наконец поймут, что нельзя сеять, не освободившись от сорняков, что все научные, да и не только научные учреждения должны быть основательно прополоты и строить заново вконец запущенное наше сельское хозяйство и просвещение вместе с Лобановым, Лысенко, Столетовыми, Презентами, Глущенко, Ольшанскими, Дворянки-ными и т. д. так же странно, как, освободив дом от захвативших его бандитов, предложить затем бандитам совместное пребывание в доме.

Но мой оптимизм, заставлявший меня, несмотря на систематический отказ от печатания моих многочисленных работ (а всего их накопится несколько томов), писать и писать во всевозможные инстанции, сейчас уже почти иссяк. Венгерская трагедия потрясла меня до основания.

Вероятно, мое письмо Вам будет очень неприятно, т. к., видимо, Вы придерживаетесь взгляда о «мирном сосуществовании» и даже сотрудничестве с невеждами и бандитами. К сожалению, у нас сосуществование не допускается только с идеалистами, виталистами и проч., к каковому числу я н принадлежу. Что же, будем сидеть в своей норе, писать и рассылать свои писания друзьям и терпеливо ждать того момента, когда и в моем отечестве осуществится свобода мысли. Сейчас я уже не особенно надеюсь до этого дожить, хотя последние три года был окрылен надеждой. Но у меня есть достаточно друзей не только среди стариков, но и среди молодежи. Надеюсь, что, может быть, после смерти моей они доведут до печати плоды моих трудов и размышлений. С бандитами же мне не по пути.

Я написал Вам это длинное письмо, так как сколько-нибудь длинного разговора с Вами никогда не имел и мне хотелось Вам несколько раскрыть свою душу и, кстати, облегчить свой груз. Письмо не секретное, показывайте его кому угодно, если найдете нужным. Привет. С праздником не поздравляю, у меня на душе траур, а не праздник...

К счастью, ген оптимизма, присущий А. А., скоро взял верх, о чем свидетельствует последнее письмо этого года — к И. И. Шмальгаузену.

Из письма к И. И. Шмальгаузену, 31.12 1956 г.

. , .Сейчас решил отложить в сторону большие работы, рассосать свою задолженность по переписке. На днях получил предложение из Ленинграда принять участие в сборнике, посвященном 70-летию со дня рождения Н. И. Вавилова. Думаю туда написать две статьи: «О законе гомологических рядов» и «О понятии и формах селекции», занят,, кроме того, систематикой, возможно, подготовлю доклад для биометрического семинара в Ленинградском университете (приглашает П. В. Терентьев).

Теперь по поводу Вашего письма. Конечно, за это время произошло много событий и конец года оказался очень печальным, сильно подорвавшим мой оптимизм, но в отношении вопросов на биологическом и вообще культурном фронте стало много яснее. Вы пишете, что мои писания (и не только мои, конечно), «очевидно, не производят никакого впечатления на наше начальство, которое считает почему-то нужным оберегать авторитет Лысенко и культ личности Мичурина». Позвольте взять эту Вашу фразу для разбора.

Сказать, что наши писания не производили никакого впечатления, нельзя. Если бы это было так, меня не защитили бы от поедания Ульяновским обкомом в 1954 г., Лысенко продолжал бы фигурировать в качестве президента

ВАСХНИЛ, Дубинин и Тимофеев-Ресовский влачили бы жалкое существование, не было бы смены редакций и т. д. Но между двумя возможными решениями — «полное ниспровержение лысенковщины» и «полная реабилитация Лысенко и присных» получилось нечто среднее. Кто в этом виноват? Я решительно утверждаю — ученые! Вас удивляет, что начальство считает нужным оберегать культ личности Мичурина. А вот прочтите передовую статью «Выше уровень теоретической науки» в № 5 от 1956 г. биологической серии Известий АН СССР, где уже редакция основательно переменена: из старого состава в новый (12 человек) вошло только трое: Генкель,

Скрябин и Г. К. Хрущев. На с. 6 читаем: «История нашей науки сохранила нам незабываемые образы великих ученых, страстно отстаивающих свои идеи и теории, что не мешало им, однако, внимательно прислушиваться к любому критическому замечанию, к любому противоречащему их теориям факту. Достаточно вспомнить имена Дарвина, Павлова, Мичурина».

Пожалуйте, в статье, подписанной видными академиками (подписи нет, но статья редакционная), имя Мичурина стоит рядом с именами Дарвина и Павлова. А ведь крайние противники Лысенко, к которым относится и Ваш покорный слуга, не считают Мичурина великим ученым, а в лучшем случае талантливым дилетантом. Ведь и в записке, поданной большой группой биологов, к которой присоединились физики и математики, считается, что Мичурин — выдающийся русский ученый и селекционер. В той же статье в «Известиях» на той же с. 6 пишется: «Для всех советских биологов незыблемым является диалектике-материалистическое мировоззрение, которое мы кладем в основу наших общебиологических представлений». Есть хороший анекдот: «Чем отличается диамат от простого мата? Ответ: «Мат все понимают, но притворяются, что не понимают, а диамат никто не понимает, но притворяются, что понимают».[3] Я только что прочел книгу Корнфорта «Диалектический материализм». Я его отнес в прошлом к приличным диалектикам. Прочтя книгу, вижу, что ошибся. Конечно, он несколько лучше наших диаматчиков, но тоже достаточно невежествен и в философии, и в науках (Мичурин у него тоже фигурирует как великий, не признанный реакционерами ученый). Поэтому для меня сейчас становится достаточно ясным, почему затормозилась ликвидация лысенковщины. Одно время Лысенко был на волоске, но помимо биологии и агрономии зашевелились люди в других областях науки и философии. Выявилась необходимость такого солидного и широкого пересмотра всех позиций, что это испугало даже лиц, склонных и к ликвидации лысенковщины, и укрепило позиции сталинистов. Я слыхал от достаточно авторитетного лнца, что Хрущев одно время думал о необходимости пересмотра состава ВАСХНИЛ, но это не состоялось. Предоставили самой ВАСХНИЛ себя обновлять: результат получился тот, которого и следовало ожидать. Верно то, что во всех науках назрела необходимость ревизии. В физике ревизии идут без вмешательства извне потому, что наука-то очень трудная и очень полезная. В биологии дело обстоит сложнее, и господствующее большинство биологов так же боится ревизии основ биологии, как марксисты боятся ревизии марксизма. До сего времени миметизм фигурирует как одно из лучших доказательств дарвинизма, но утверждающие это расписываются или в своем невежестве, или в злостном игнорировании всей критической литературы, например блестящей книги Гейкертингера," вышедшей недавно (я ее купил недавно в Ленинграде в магазине иностранной литературы). И там и тут имеет место то, что можно назвать научным и философским староверием. Дарвинисты говорят: «Наука развивалась при дарвинизме, будем ревизовать дарвинизм — вырастет опять поповщина, так уж будем верить дарвинизму и зажмуривать глаза на противоречивые факты». Марксисты говорят: «С марксизмом-ленинизмом

" **Herkertinger F. Das** Rätsel der Mimikry und seine Lösung. Jena : G. Fischer, **1954. 208 S.**

одержали замечательные победы, если будем ревизовать марксизм-ленинизм, потеряем плоды наших побед». И те и другие не замечают, что дарвинизм и марксизм из творческих направлений в науке превратились в систему догматов, тормозящих развитие. И мои работы, если бы даже их внимательно прочитало начальство (оно с ними, конечно, знакомо, но внимательно не читало, бесспорно), могли произвести только очень странное впечатление. Во-первых, они оказались очень трудны, что для меня явилось неожиданностью. Во-вторых, очень странной кажется моя позиция: ожесточенно ругаю Лысенко, Мичурина, Вильямса, но почти столь же ожесточенно ругаю и ортодоксальных дарвинистов — какая-то интеллектуальная махновщина. В-третьих, я известен как виталист, идеалист, махист, следовательно, чуть ли не контрреволюционер, так как одним из не подлежащих ревизии положений современного символа веры является утверждение, что все формы идеализма сугубо реакционны и с ними должна быть непримиримая борьба. Хорошо и то, что меня не съели и даже удерживали в пединституте, когда я выходил на пенсию.

Поэтому если я ошибся, слишком оптимистически ожидая крушения лысенковщины независимо от других областей культуры, то ошиблись и мои друзья пессимисты. Существенно то, что сейчас философов ругают все, кому не лень, а это уже залог неизбежного, хотя и с колебаниями, прогресса в области свободы мысли.

Огорчен ли я задержкой в ликвидации лысенковщины? Очень огорчен, так как я болею душой за наше сельское хозяйство из-за продолжающегося секретничания (очень многие частные

факты прорываются, но, например, в изданном недавно справочнике «Народное хозяйство» совершенно отсутствуют данные по средней урожайности, т. к. здесь имеет место несомненный регресс), нет настоящего поворота к подъему сельского хозяйства. Но нет худа без добра. Затянувшаяся борьба по ликвидации лысенковщины привела к расширению фронта, мы получили превосходных союзников в лице физиков и математиков, и скоро, .может, наступит момент, когда не группа биологов будет стараться ликвидировать лысенковщину, а все наши передовые ученые без различия специальности и при поддержке молодежи поведут критику оплота лысенковщины — ВАСХНИЛ. А это неизбежно поведет к свободомыслию и в области культуры вообще...

1.10. Смесь фальсификации, клеветы и невежества — чтение для школьников[0]

О книге В. Елагина «Цель жизни». (Повесть о жизни академика Михаила Федоровича Иванова. Школьная библиотека. Гос. изд-во «Детская литература» Министерства просвещения РСФСР. Москва. 1957. 346 с. Тир. 100000 экз.).

Популярная литература по биографиям наших выдающихся деятелей пополнилась в прошлом году рецензируемой книгой, изданной под эгидой Министерства просвещения РСФСР для средней школы.[1] Внимательное ознакомление с книгой производит просто потрясающее впечатление. Вернее: если бы такая книга появилась в интервале 1948—1953 гг., то в этом не было бы ничего удивительного; после печальной памяти сессии ВАСХНИЛ 1948 года в литературу хлынул мутный поток произведений, не имеющих ничего общего с популяризацией науки, но в 1956 г. можно уже требовать, чтобы наше подрастающее поколение не отравлялось смесью фальсификации, клеветы, заведомо должного политического доносительства и беспросветного невежества, которыми наполнена данная книга. При этом, как у нас водится, выпуск книги произошел под руководством целого сонма редакторов: научный редактор

Эта статья была написана 11.10 1957 г. в Ульяновске.

академик ВАСХНИЛ Л. К. Гребень, ответственный редактор Г. А. Иванова, художественный редактор Г. С. Вебер и технический редактор Н. 3. Левинская (не считаю двух корректоров). Организаторы системы коллективного редактирования полагают, что оно предотвращает появление дефектных произведений. К сожалению, очень часто, и особенно ярко в данном случае, эта практика заставляет вспомнить русскую пословицу «У семи нянек дитя без глазу».

Подробно разобрать данную книгу —значит написать другую книгу, приходится ограничиться основными, наиболее яркими комментариями.

I. Фальсификация. Лейтмотивом книги является стремление автора доказать, что М. Ф. Иванова справедливо называют «Мичуриным в животноводстве» {с. 3), что он «умер двадцать лет назад, в разгар ожесточенной борьбы сторонников новой, мичуринской биологии с антимичуринцами — формальными генетиками, вейсманистами-морганистами. Своими работами он нанес сокрушительный удар антимичуринцам, помог утвердиться передовой биологической науке в животноводстве» (с. 4),

Это утверждение — сознательная фальсификация взглядов М. Ф. Иванова, произведенная его недостойным учеником, научным редактором этой книги акад. Л. К- Гребнем. В этом легко убедиться, сравнив два издания трудов М. Ф. Иванова, выпущенных под редакцией Л. К. Гребня до и после сессии 1948 года, причем оба издания были выпущены после смерти М. Ф. Иванова. Приведу список этих сочинений, в дальнейшем буду ссылаться прямо на номер: 1} Иванов М. Ф. Избр. соч., т. 1, 1949; 2) то же, т. 2, 1949; 3) то же, т. 3, 1950; 4) Иванов М. Ф. Соч., т. 1. Труды по овцеводству, 1939; 5} то же, т. 2. Работы по свиноводству, 1938; 6) Иванов М.. Ф. Свиноводство, 8-е изд. 1937.

Выступая на сессии ВАСХНИЛ, Гребень заявил, что все работы М. Ф. Иванова на 100 % не подтверждают положения Менделя (Стеногр. отч., с. 255). Но если взять труды М. Ф. Иванова, изданные до 1948 г., то мы легко убедимся, что вся его терминология — последовательно менделистическая: генотип, фенотип, гомо- и гетерозиготный, мутации, комбинации генов, полигенность, летальные и полулетальные гены, генофонд, диаллельное и полиаллельное скрещивание и др. Скрыть этот факт невозможно, и невозможно так «отпрепарировать» труды Иванова, чтобы исключить все нежелательные выражения. Поэтому Гребень пошел двумя путями: а) утверждает (1, с. 16), что такие термины, как генотип, фенотип, гомозиготный и гетерозиготный и проч., Иванов употребляет совсем не в смысле генетики; б) в тех же случаях, где такое

утверждение совсем нелепо, он нежелательные места просто в новом издании заменил многоточием. Приведу несколько цитат из издания 1938 года с указанием мест многоточий в новом издании (все подчеркнуто мной).

1} У М. Ф. *Иванова* (5, с. 108, ср. 2, с. 467): «Чем больше будет животных в Ф2, тем больше вероятности, что при расщеплении получаются все возможные комбинации генов исходных пород: благодаря этому получаются животные с различными качествами, обусловленными различными комбинациями и соотношениями качеств исходных пород».

2) *Тоже* (5, с. 110, ср. 2, с. 468): «Благоприятствующими условиями при этой работе было, с одной стороны, то, что свинья является многоплодным, быстро созревающим и часто поросящимся животным, с другой — что все признаки, на которых сосредоточено было наше внимание (скороспелость, мясность, сальность, величина, выносливость и пр.) , обусловливаются полигенностью, благодаря чему и в Ф2 получаются по преимуществу промежуточные средние формы и сравнительно небольшое количество расщеплений».

3) *То же* (5, с. 111, ср. 2, с. 471): «В настоящее время генетика в полной мере разъяснила значение родственного разведения, связав вредные последствия родственного разведения с летальными и полулетальными генами, которые в гомозиготной форме вызывают конституционные изменения, связанные с ослаблением организма, уродствами и нежизнеспособностью животных».

88

А как же быть с утверждением Гребня, что Иванов якобы считает, что все его, Иванова, работы на 100 % не подтверждают положения Менделя? В некоторых работах Иванова (4, с. 132 и 3, с. 96) есть разбор уклонений наследования от обычных менделевских схем, но он тут же объясняет эти отклонения большой гете р о з и гот н о ст ь ю наших домашних пород овец (разрядка М. Ф. Иванова. — *А.* Л.)- Таким образом, эти работы вовсе не опровергают «положения Менделя» (т. е. исходные принципы, лежащие в основе разработки математических соотношений), а только указывают, что большая гетерози-готность овец не допускает применения обычных менделевских схем, приспособленных к гомозиготным организмам, а требует схем, принимающих в расчет определенное состояние гетерозиготности. И тут мы имеем дело с совершенно сознательной фальсификацией взглядов М. Ф. Иванова.

Что вся селекционная работа М. Ф. Иванова основывалась целиком на менделевской генетике, явствует из следующего места одной из его последних методических работ (сохранившегося даже в «препарированном» издании, 2, с. 460): «Сущность селекционной работы заключается в том, чтобы в данном стаде выявить лучшие по качеству генотипы животных и затем, с одной стороны, закрепить эти генотипы и создать их более или менее гомозиготными путем подбора однородных генотипов или инбридингом, с другой стороны, лучшими генотипами поглотить худшие и, наконец, путем комбинации лучших генотипов создать новые, более продуктивные генотипы. Этими тремя задачами и исчерпываются задачи селекции, если не считать использование мелких полезных мутаций, которые нередко обнаруживаются при разведении животных» (выделено мной. — *А. Л.).*

При этом не может быть никакого сомнения, что Иванов термин «мутация» применяет, вопреки утверждению Гребня, в чисто менделевском смысле случайных наследственных отклонений, вне всякой связи с воздействием условий и отбора (см. 1, с. 355, 356).

Ну, а как же с условиями содержания животных, которым якобы менделисты не придают никакого значения? Таких менделистов, которые вовсе бы отрицали значение условий, не существует, и сам Мендель брал для своих опытов хорошо развитые растения, а не заморыши. Это объясняется тем, что а) только в хороших условиях фенотип всякого животного (а эксплуатация организма основана на использовании фенотипа) получает нужное развитие; б) хорошие условия в определенных пределах способствуют лучшей плодовитости. Менделисты лишь отрицают направленное влияние условий на наследственную конституцию, и Иванов разделял это мнение. В известной работе «Порода и корм» {4, с. 58 и 1, с. 6) он выступает не против менделистов (кстати, работа написана в 1916 г., когда менделисты, по крайней мере в нашей стране, совсем еще не проникли в животноводство), а против тех наивных животноводов, которые думали, что введение новой породы взамен старой, непродуктивной, но и неприхотливой само по себе достаточно для подъема продуктивности. Он совершенно правильно указывает, что высокопродуктивная порода не может мириться с теми условиями, с которыми мирится местная малопродуктивная, а против этого положения, конечно, ни один менделист не возражает.

Репутацию противника менделизма можно приписать М. Ф. Иванову, только оперируя незнакомством с его взгладами, а также используя полемику его с одним из видных представителей классической менделевской генетики, покойным академиком А. С. Серебровским, — человеком бесспорно талантливым, но временами сильно увлекающимся и допускающим грубые теоретические и практические ошибки. Виноват и сам Серебровский, утверждавший, что М. Ф. Иванов противопоставлял свою методику как образцовую методике А. С. Серебровского, что решительно отрицал М. Ф. Иванов (см. 1, с. 371).

Расхождения М. Ф. Иванова и А. С. Серебровского были отнюдь не принципиальные, а технические. Наиболее существенными были расхождения по

89

методике оценки качества животных: М. Ф. Иванов как первоклассный бонитер в значительной мере пользовался глазомерной оценкой животного, А. С. Се-ребровский же настаивал на использовании исключительно объективных признаков. Кто же из них прав? Да оба правы! Первоклассный бонитер, как и первоклассный дегустатор, оценивает ту или иную продукцию на основе чисто субъективных ощущений и оценивает хорошо. Но первоклассные бонитеры и дегустаторы чрезвычайно редки, и труд их потому оценивается чрезвычайно высоко. Поэтому во всех отраслях производства стремятся заменить их субъективные критерии объективными, справедливо считая, что труд этих редких «художников производства» относится, скорее, к области искусства, чем науки. Это говорится вовсе не в упрек или из стремления их унизить, мы далеко ушли от нигилистического взгляда на искусство {«всякий ремесленник настолько же полезнее любого поэта, насколько положительное число, как бы ни было мало, болше нуля»), и кто из нас станет утверждать, что Фидий, Бах, Бетховен и др. принципиально «ниже» Архимеда и Ньютона; но это — гении, и их работа совсем иной природы.

Елагин, следуя Гребню, излагает содержание первой лекции М. Ф. Иванова о наследственности, где тот критикует существовавшие тогда теории, в частности теорию Вейсмана. Но эта лекция (см. 3, с. 5) была произнесена в 1900 году, когда законы Менделя еще не были вновь открыты, и тогда справедливы были слова Иванова, что законы, управляющие наследственностью, неизвестны (3, с. 16). Иванов цитирует Дарвина, который писал: «Никто не может сказать, почему какая-нибудь особенность в отдельных существах особого вида или видов иногда передается наследственно, иногда не передается; почему потомок часто в известных признаках возвращается к типу деда или бабки или какого-нибудь более отдаленного предка и т. д.». Мендель дал точные (хотя и не универсальные) законы наследственности и в значительной степени ответил на вопрос Дарвина. Вполне понятно, почему, ознакомившись с менделизмом, М. Ф. Иванов стал сознательным менделистом.

Что касается отношения М. Ф. Иванова к Вейсману, то он, признавая значительную справедливость взглядов этого ученого, отстаивает только возможность влияния внешних условий на зародышевую плазму. Вот его слова (3, с, 25): «Несомненно, что зародышевая плазма половых клеток должна быть в значительной мере защищена от видимых влияний, так как в противном случае не было бы константности (постоянства) видов, существующих часто в течение огромного периода времени. Но совершенно немыслимо в настоящее время (дело относится к 1910—12 гг.— *А. Л.)* отрицать возможность влияния внешних раздражений или каких-либо других причин на зародышевую плазму непосредственно или через другие клетки организма». Приводя ряд литературных данных, Иванов указывает случай, когда от кобеля с обрубленным хвостом родился один щенок с коротким хвостом, но вполне резонно замечает, что это, возможно, случайное совпадение.

Вероятно, М. Ф. Иванов не был догматическим отрицателем возможности наследования приобретенных свойств, но в своих работах он никаких попыток расшатать наследственность и получить направленные изменения не предпринимал.

II. **Клевета.** В фальсификации научного облика М. Ф. Иванова автор, Елагин, совершенно не оригинален: он просто следует примеру опытного фальсификатора Л. К. Гребня. Но на базе фальсификации Елагин подробно развивает в книге уже свою довольно оригинальную трактовку происходивших недавно споров в биологии, и М. Ф. Иванов оказывается главой передовой, мичуринской генетики (правда, это слово почти не упоминается и сам Мичурин упоминается как будто только раз). Против же него выступают вейсманисты-менделисты-морганисты, прежде всего А. С. Серебровский, Н. К. Кольцов (в книге перепутаны его инициалы), Мейстер (назван Мейстремом) и др. Этой

90

дискуссии, которая, по автору, шла с особой силой до 1935 года, придается острополитический характер. Автор не решается объявить их сознательными контрреволюционерами, напротив, указывает, что большинство их — преданные советской власти (с. 311), но объективно они способствуют работе сознательных вредителей, связанных с заграницей и поставивших целью вызвать в СССР второй 1931 год (с. 234, 235, 245, 266, 295).

Если верить Елагину, то М Ф. Иванов отлично понимал связь менделевской генетики с реакционной политикой (с. 89): «Чудятся мне за этими генами отживающие свои дни мракобесы, побитые и изгнанные бывшие хозяева подобных вот имений».

Если Серебровский, Кольцов, Мейстер, будучи объективно честными, не понимали объективно вредительского характера своей долгой работы, то, значит, это просто недалекие люди, недостойные звания ученых. И, по мнению Елагина, правительство во главе с Лениным раскусило их и только, так сказать, терпеливо относилось по какой-то странной снисходительности. Глава вредителей, занимавший долгое время пост в Наркомате, Лев Савельевич, говорит (с. 246): «Теперь Ленин раскопал какого-то Мичурина, привлек к работе Иванова, но что-то я не видел, чтобы Кольцова или Серебровского вызывали в Кремль. Большевики, и особенно Ленин, отлично видят, где наука и где мишура. Да-с-с! „Чистая наука", наука, построенная на мушках, — это забава лысеющих дураков в академических тюбетейках». На с. 313: «Все реже и реже в Совнаркоме спрашивали мнение самого Льва Савельевича при решении животноводческих проблем и совсем обходились без Серебровского и ему подобных, так же, как, разрабатывая различные решения по полеводству, советское правительство постоянно советовалось с Вильямсом и Прянишниковым, а не с морганистами».

Вся эта картина — полное и сознательное искажение действительности. Как уже сказано выше, Иванов в действительности был сознательным менделистом (поэтому некролог, написанный Серебровским, не был ложью, см. с. 339). Лидером «передовой, мичуринской» биологии был, конечно, не Иванов, а Лысенко, только раз упоминаемый в книге (с. 336) как идейный преемник Иванова, борьба между морганистами и «мичуринцами» (исказившими и облик Мичурина) разгорелась уже после смерти Мичурина и М. Ф. Иванова, и лидером наших научных генетиков был незабвенный Н. И. Вавилов, только раз упоминаемый в этой книге (с. 305) как единомышленник Кольцова, Серебровского, Меллера, т. е. тоже как объективный вредитель, по мнению автора. Человек, незнакомый с положением дела, может подумать, что Н. И. Вавилов был какой-то третьестепенный деятель из свиты Кольцова и Серебровского. Но ведь хорошо известно, что Н. И. Вавилов, убежденный менделист, был первым Председателем Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В. И. Ленина до 1938 года, когда на его место поставили Лысенко, а до этого стоял во главе Института прикладной ботаники, и его авторитет в правительственных кругах стоял очень высоко. Акад. Прянишников, другая гордость нашей науки, был решительным противником и Вильямса, и Лысенко и решительным сторонником Н. И. Вавилова до самой своей смерти, последовавшей уже после трагического для нашей науки и сельского хозяйства ареста Н. И. Вавилова. Но и Н. И. Вавилов до 1935 года не был противником Лысенко, напротив, поддерживал его первые работы о стадийном развитии, которые ни в каком противречии с генетикой не стоят, вопреки мнению автора (с. 336).

Конечно, Кольцов и Серебровский делали грубые ошибки в деле применения генетики к человеку (в сильно искаженном виде они приведены на с. 307 и 308), но ошибки подобного рода можно найти и у Белинского, и у Писарева, и у Чернышевского; одна статья Серебровского подвергалась весьма остроумной критике Демьяна Бедного, и эти ошибки отнюдь не пользовались популярностью среди биологов. Вся эта клевета может иметь одну цель; замаскировать

действительно преступную деятельность подлинного объективного вредителя Лысенко и показать, что он в сущности является продолжателем дела человека, авторитет которого стоит очень высоко. Но смешно думать, что книжкой, подобно разбираемой, лысенковцы смогут остановить восстановление истины. Не только в научных журналах, но и в общей прессе широко популяризируются достижения якобы «окончательно сокрушенной» менделистской генетики, — взять хотя бы статью в журнале «Техника — молодежи» А. А. Ляпунова, А. А. Прокофьевой-Бельговской, Н. В. Тимофеева-Ресовского, И. Е. Тамма, статью в «Комсомольской правде» о блестящих работах Астаурова. Охаянный морганист Н. П. Дубинин выступает с докладами о радиоселекции по радио для юношества. Имя загубленного Н. И. Вавилова с почетом вспоминается на всех научных съездах и в недавней статье о достижениях Всесоюзного института растениеводства («Гордость нашей науки») в газете «Сельское хозяйство» от 9 октября 1957 г. и т.

д. Вместе с тем для всех честных ученых ясно, какое тлетворное влияние на науку и на сельское хозяйство оказал Лысенко, сторонником которого Елагин пытается сделать почтенного М. Ф. Иванова.

III. Невежество. Изложенное выше является сознательной ложью, но, конечно, как свойственно огромному большинству лысенковцев, автор обнаруживает и невежество по самым разнообразным вопросам.

Клеймплазма и биоформы. Излагая теорию Вейсмана, автор употребляет термин «клеймплазма» вместо «кеймплазма» (немецкое слово «кейм» значит зародыш, кеймплазма, по-русски, — зародышевая плазма). Это не опечатка: слово на с. 138 повторяется пять раз. Автору чудилось, очевидно, какое-то сродство с «клеймом». Как ни вспомнить старую пословицу «бог шельму метит». «Биоформы» (очевидно, автор думал — «формы жизни») вместо «биофоры», что значит носители жизни.

Конечно, автор повторяет широко распространенную среди наших ортодоксов глупость — «доказывать несостоятельность теории Вейсмана было все равно, что опровергать существование бога», но тут он не оригинален.

Азот и растения. Достаточно привести две фразы. С. 119: «Азот в них (растениях) присутствует в чистом виде, как бы запасенный растением, но не успевший стать составной частью белка, или образовался в результате распада белков». С. 122: после опытов Иванова оказалось, что «листья, простояв в воде четыре дня, увеличили количество белка на четырнадцать процентов! Конечно, соответственно уменьшилось и количество свободного азота».

Нашему «инженеру человеческих душ», выдающему себя за почитателя' Прянишникова, видимо, невдомек, что «свободный» азот составляет примерно $^{4}/5$ атмосферы, поэтому «запасать» его растениям нет надобности, но усваивать его могут только некоторые бактерии. Это все проходится в средней школе, но «инженерам человеческих душ», как известно, образование не требуется.

О *клевере.* На с. 203 изложена история с семенами клевера. Крестьяне сами якобы не могут выращивать семена, а помещики — графы и бароны продают семена клевера, на три четверти засоренные повиликой, вьюнком и песком, за что дерут несусветные деньги, грабят народ: «А вместо клевера на полях мужиков вырастает повилика. Вот что делают, подлецы! . .» Естественный вопрос: «Неужели русские мужики до революции были так глупы, что покупали фальсифицированные негодные семена?» На самом деле повилика была бедствием на полях клевера и у крестьян, и у помещиков: от нее был свободен только северный пермский клевер (повилика там вымерзала), семена которого высоко котировались и вывозились даже за границу (в частности, и из крестьянских хозяйств),

О роли энтомологов. Так как работа с мушкой дрозофилой — дело вредных морганистов, то все энтомологи, работающие с мухами, взяты под подозрение. На с. 284 сообщается, что из Москвы приехало в степь много мухоловов, один показан особенно художественно: «Ходит он около коров у фермы, подслепова-

тый такой, с сачком на палочке, как дите малое, с жестяной банкой на боку, в очках, широкополой шляпе». «Мухолов» побежал в степь, свалился в канаву, так как ловил «необычайный вид овода — с хвостом», который был на самом деле слепнем со вставленной в зад соломинкой (кстати: слепни и оводы — совсем разные мухи). Проект создания степного заповедника, по словам Елагина, рассматривается М. Ф. Ивановым как создание заповедника для слепней.

Елагину, видимо, неизвестно, что тщательным изучением систематики и биологии разных насекомых и клещей презираемые им «мухоловы», вроде Грасси и других славных биологов, создали основу для рациональной борьбы с малярией, желтой лихорадкой, филяриозами, таежным энцефалитом, сыпным и возвратным тифом, чумой и проч. В весьма успешной борьбе с этими бичами человечества далеко не последнюю роль играли и «мухоловы»: вспомним, что Кох не мог разрешить проблему малярии в Италии, разрешил ее Грасси. Я не говорю уже о роли «мухоловов» в борьбе с сельскохозяйственными вредителями.

Но, оказывается, М. Ф. Иванов (это все, конечно, на совести Елагина) признавал энтомологию, но требовал, чтобы они изучали, например, клопов, «которые не дают спать по ночам большинству населения земли и жизнь которых еще не известна ни одному зоологу, средств борьбы с которыми до сих пор никто не изобрел» (с. 324). Жизнь клопов давно была достаточно хорошо известна; странно полагать, что клопы не дают спать «большинству населения земли»,

простая украинская хозяйка регулярной побелкой хаты добивалась отсутствия клопов, которые почти неизвестны на Украине, а кроме того, радикальные средства борьбы с клопами (ДДТ, гексахлоран и др.), как известно, изобретены не энтомологами, а химиками, и притом зарубежными. В этом и состоит взаимодействие наук: энтомологи помогли решить ряд медицинских и сельскохозяйственных проблем, химики тоже очень содействуют этому. Ну, а «инженеры человеческих душ»? Об их роли и их отношениях к науке смотри басню Крылова «Свинья под дубом».

О методах и результатах селекции. По мнению Елагина, «вейсмано-менделе-моргановское учение может вселить только чувство обреченности и безнадежности. Вывод из него совершенно ясен: в природе все сделано раз и навсегда, ничего нового не достигнешь. Единственное, на что способен человек, — это комбинировать гены, из которых рано или поздно сложатся те же, давно известные формы» (с. 303).

По мнению Елагина (это мнение излагается как мнение М. Ф. Иванова), одно слово «создавать» вызывает бешенство у Серебровского с Кольцовым и иже с ними (с. 274).

Ясно поэтому, что Серебровский и др. настаивали на ввозе иностранных пород для разведения их в чистоте, а М. Ф. Иванов — для экспериментов по созданию пород, приспособленных к каждому климатическому району (с. 240), что казалось неслыханным Серебровскому.

По изложению Елагина, Иванов считал, что в животноводстве Америка — не указ Европе, и не обнаружил там почти ни одной оригинальной породы, созданной американцами (с. 298).

Формулировка различий, казалось бы, совершенно ясна. А вот на с. 312 для посрамления придуманной тем же Серебровским науки гибридагогии указывается, что цель гибридагогии — «не какое-то там жалкое улучшение существующих овец, коров, свиней, а разработка новых видов животных — изменять, так уж изменять! Гибридагог, как архитектор, должен проектировать небывалых доселе животных. Он должен решить: нужны ли лошади копыта, а утке — клюв, должны ли куры быть покрытыми перьями или мехом. Гибридагог берет мировые запасы генов и конструирует, например, мясо-шерстного быка, мясных лошадей». Статья такого содержания встретила, конечно, бурное одобрение архивредителя Льва Савельевича.

Что Серебровский был очень увлекающимся человеком, это, конечно,

бесспорно, но как совместить такие проекты по переделке природы животных с тем, что само слово «создавать» было ненавистно Серебровскому?

Но может быть, действительно верно, что иностранные чистые породы для нашего климата непригодны? Однако даже в этой книжке приводятся и иные примеры. На с. 149—150 рассказывается о крестьянине, любителе лошадей, который продал все, что мог продать, и купил молодого брабансона, выходил его и получил за него на выставке первую премию. Но ведь брабансон — бельгийская порода, а оказался пригодным в центре России!

Истина, конечно, в том, что и среди животных, и среди растений существуют виды и породы, очень хорошо приспособляющиеся к разным условиям, и другие, напротив, очень требовательные к условиям. Поэтому оба пути улучшения породного состава имеют законное право на существование: надо ввозить чистые породы, способные приспособляться к условиям (например, знаменитых швицев), и вырабатывать скрещиванием новые породы, приспособленные к местным условиям. Первый путь часто оказывается быстрее ведущим к цели. И так ли американцы отстали от нас в деле селекции новых пород? По словам Елагина, были заложены интереснейшие опыты по межвидовому скрещиванию красной степной породы с зебу для создания новой породы, устойчивой к болезни пироплазмозу, сильно вредящему животноводству в Средней Азии и Закавказье (с. 317}. Конечно, и тут автор хватил через край, говоря, что в Средней Азии не уживается ни одна молочная европейская порода коров.

О том, что Ивановым начата работа по созданию зебу видного скота, сообщается и в перечне основных дат М. Ф. Иванова (с. 342). Жаль, что Елагин не сообщает, к каким «блестящим» результатам привела эта работа в руках преемников М. Ф. Иванова, а вот в книжке В. В. Мацкевича «Что мы видели в США и Канаде» (1956) на с. 146 и 148 мы можем почерпнуть следующие сведения. Для создания выносливого, в частности устойчивого к пироплазмозу (техасской лихорадке), скота мясного направления в Техасе с 1910 года производилось скрещивание мясной породы шортгорнов с зебу, а в 1920 году родился бычок Манки, который считается основателем новой породы «сайта гертруда». 21 бык и 39 телок этой породы были закуплены В. В. Мацкевичем при его поездке в США. Они будут направлены в юго-восточные

районы СССР для разведения и скрещивания с нашим скотом. Среди быков три сына выдающегося в породе быка Торезо, который в свое время был приобретен четырьмя скотоводами за 50 тысяч долларов. Такая огромная стоимость вовсе не исключение. На с. 150 Мацкевич сообщает, что цены на породистых племенных быков колеблются от 10 до 50 тысяч долларов, а на с. 151 показана фотография племенного быка-чемпиона, купленного за 300 (триста) тысяч долларов.

Сопоставим для указания на осведомленность Елагина и на внимательность редакторов то, что пишет Елагин о ценах на племенных хряков. По словам Елагина, М. Ф. Иванову был показан в Англии действительно хороший хряк Джей, при виде которого Иванов даже забыл о правиле не восхищаться при покупке производителей перед продавцами-скотоводами. И за этого чемпиона хозяин запросил четыре *тысячи* рублей (с. 250), уступил за три, причем Иванов говорил, что за четыре тысячи золотом можно купить по крайней мере двадцать отборных хряков (с. 261). Вот уж этого-то, наверно, Иванов сказать не мог, так как стоимость отборных хряков-производителей выражалась не сотнями и не тысячами, а десятками тысяч золотых рублей. Мне самому показывали в 1925 г. на Полтавской опытной станции замечательного йоркшира Богдана (весом 27 пудов), за которого было заплачено 30 тысяч рублей золотом.

Ну, а какова судьба выведенных Ивановым свиней в руках его «ученика» Гребня? Как-то в одной центральной газете проскочило сообщение, что от близкородственного разведения и других обстоятельств эти свиньи оказались настолько изнеженными, что их приходилось обувать в сапожки. Не осуществля-

ет ли или уже осуществил Гребень замысел Серебровского? Может быть он создает свиней без копыт?

Можно было бы перечислить еще много промахов, свидетельствующих о полном незнании автором жизни в вузах и вообще дореволюционной жизни: о изображении Петровской Академии как привилегированного вуза (с. 64), непонимание разницы между доцентом и приват-доцентом (с. 141) и т. д. В своем стремлении (как это водится в настоящее время) изобразить своего героя только розовой краской автор впадает в нелепые преувеличения: Иванов якобы после каждой лекции останавливал профессора, подолгу выспрашивал его о дополнительной литературе, просил пояснить непонятное (с. 77). Уже будучи профессором, Иванов каждую лекцию каждый год переписывал заново (!) (с. 220) даже в обстановке разрухи во время Гражданской войны.

IV. **Усердие не по разуму.** Автор из кожи вон лезет, чтобы представить М. Ф. Иванова как человека, всю жизнь отчаянно боровшегося с врагами, которые, конечно, лишены всяких человеческих достоинств. Но думаю, что у объективного читателя может получиться от книги (даже если он совершенно не знает иной литературы) совсем иное впечатление. Книга делится на две части: первая — «В поисках счастья» — обнимает дореволюционный период, вторая -·- «Обретенное счастье» — послереволюционный период. Считается, что Великая Октябрьская революция положила конец длинному и мучительному периоду жизни этого большого ученого (с. 216).

Но какое впечатление получается от прочтения книги? Мать М. Ф. Иванова осталась после смерти мужа, учителя садоводства, с пятью малолетними детьми. Михаил Федорович родился после смерти отца. Мать крайне нуждалась, работала прислугой. Но добрые люди помогли, и Михаил Федорович получил хорошее образование и без всякой протекции сделался в свое время приват-доцентом (с. 131), а-потом тридцати пяти лет—профессором (с. 142). Наконец, в 1914 г. его «признала» «Петровка» — лучший сельскохозяйственный институт России — он перешел на третью кафедру животноводства (с. 199—200). Всегда он держался независимо, даже будучи на службе у Фальц-Фейна, весьма прижимистого помещика. Он прямо диктовал Фальц-Фейну условия: «Прошу не вмешиваться в мою работу и строго выполнять мои предписания» (с. 173), и Фальц-Фейн подчинялся. А когда Фальц-Фейн попытался тайком проверить способности Иванова как бонитера, тот его пристыдил в присутствии чабанов, и Фальц-Фейн стерпел дерзость, так как видел, что имеет дело с мастером (с. 176).

Были, конечно, и трудности, и столкновения, но как это ни странно, они часто разрешались заграничными командировками, которых было много (с. 63, 111, 164, 190, 205), что стоит в полном противоречии со словами автора, что до революции «чаще всего командировки эти раздавались сынкам богатеев, которые использовали их для увеселительных прогулок по Европе. Если случалось, что заграничные командировки присуждались бедным студентам, они под различными предлогами не осуществлялись» (с. 63). Автор, по-видимому, просто не знает (чего и требовать от

«инженера человеческих душ»), что огромное большинство наших дореволюционных ученых, начиная с великого Ломоносова, бывало в заграничных командировках, и это, несомненно, способствовало прогрессу русской науки.

Автору кажется недопустимым, что Министерство отправило Иванова без программы (с. 111): «Никакой программы работ за границей Министерство Иванову не дало. Похоже было, что командировку ему выдали, чтобы отвязаться от не в меру настойчивого просителя. „Тем лучше", — решил Иванов». Автору, видимо, непонятно, что настоящий ученый не нуждается в составлении программы работ кем-то другим. Впрочем, как ему и понять: вся же деятельность подобных писак проходит под знаком «чего изволите?».

Вот какова была «мучительная» жизнь М. Ф. Иванова до революции с точки зрения протекания служебной карьеры.

95

А как с научной? Уже в 1900 году он прочел пробную лекцию по наследственности (с. 138, 140), где он якобы громил теорию Вейсмана. По автору (с. 138), «доказывать несостоятельность теории Вейсмана было все равно, что опровергать существование бога, то есть расписаться в неверии, а значит, и в непослушании, подвергать свою душу и души слушающих разъедающим сомнениям в правильности установленного порядка вещей на „грешной земле"». Выходит, что Иванов делал косвенные призывы к революции? А результат: лекция встречена овацией, через месяц Иванов защищает диссертацию и делается приват-доцентом в возрасте 29 лет, а в 1903 году делается магистром и штатным доцентом (с. 142). Никаких решительно неприятностей за свой «антивейсманизм» он не имел.

А что происходит после революции? Нарождаются вредные менделисты-морганисты. Иванову приходится вести непрерывную ожесточенную борьбу. Его называют мнимым ученым, просто практиком (с. 265), стараются на каждом шагу тормозить, просто вредить (попытка погубить ценного хряка Джея, с. 266), затирают его продвижение в академики (с. 320), ограничивают его селекционную работу (с. 319), упраздняют созданную Ивановым зоотехническую станцию (с. 325), М. Ф. Иванова командируют за границу, но с какой целью: чтобы заразить ввозимых свиней, коров и кур самыми страшными заразными болезнями, одним махом истребить большую часть поголовья скота в стране, свалить вину на Иванова и погубить этого не в меру рьяного зоотехника (с. 266). При этом, как указано выше, правительство понимало вред морганистов, но почему-то допускало такие выпады против Иванова. Неудивительно, что М. Ф. Иванов приобрел грудную жабу (с. 338), и, по автору, последний смертельный удар нанес ему Серебровский своей статьей, напечатанной в официальном органе Наркомзема «Социалистическое земледелие». «Во всю полосу была напечатана статья Серебровского с подлейшими выпадами против Иванова. Из каждой строчки сочился яд ненависти и клеветы. Серебровский обвинял Иванова в жульничестве, в оппортунизме и чуть ли не во вредительстве» (с. 338). Но главный вредитель, Лев Савельевич, руководивший в Наркомземе по заданию иностранных разведок планом «1921 год в животноводстве», был уже арестован как вредитель (с. 329). Что же, вся редакция «Социалистического земледелия» состояла из вредителей?

Если верить автору, то именно после революции у М. Ф. Иванова была мучительная жизнь, и обе части лучше было бы озаглавить: 1. Блестящая карьера; 2. Окружен врагами. Но тут просто автор проявил усердие не по разуму. Я не имел чести быть лично знакомым с М. Ф. Ивановым, но приходилось встречать его на заседаниях и присутствовать на его выступлениях. Он пользовался всеобщим уважением как выдающийся специалист, имел очень солидный вид. Приходилось ему и спорить, и горячо спорить, но для ученого атмосфера спора — нормальная атмосфера. Для ученого тягостна лишь практика «единой линии», непререкаемых авторитетов, а такая обстановка сложилась лишь после смерти Иванова.

Любопытно отметить, на что, по автору, использовал М. Ф. Иванов свою первую полуторагодичную командировку за границу (1898—1900, с. 109), когда он был простым участковым ветеринарным врачом в Кромах. Оказывается, Иванов не мог добиться от известного селекционера овец Кюна секретов его селекционной работы. Иванов идет к служителям, в «несколько марок развязывает язык служителя, и он охотно рассказывает, как и что делает Кюн с овцами» (с. 115). Примерно то же происходит и с получением секретов обработки шерсти (с. 116). Думаю, что, усердствуя не по разуму, автор несознательно исказил «методику» заграничной работы Иванова.

Вся книга В. Елагина проникнута духом 1936-—1937 гг.: кругом бесчисленные вредители, которых не успевают ликвидировать органы безопасности. После 1953 года, и особенно после XX съезда КПСС, такая «установка» как будто

96

устарела. Мы знаем, какое огромное количество лиц и целых коллективов, в свое время объявленных «врагами народа», сейчас официально признаны невинными, и обвинительные акты против них оказались сплошной фальсификацией: напомним ленинградское дело, дело о руководителях Польской компартии, дело «врачей-отравителей». А список индивидуальных, ложно оклеветанных и реабилитированных невинных людей, наверно, заполнит томы.

Но некоторые «обвинения» Елагина не потеряли актуальности. Так, проект реорганизации исследовательского Зоотехнического института и перевод овцеводческого института в Ставрополь или Казахстан рассматривается просто как крупное вредительство, причем квалифицируется это агентом ГПУ (с. 326, 328). Но ведь сейчас как раз мы знаем, что проводится децентрализация и органов управления, и научных организаций, причем, конечно, такая децентрализация совершенно необходима, могут быть ошибки лишь в конкретных приемах децентрализации.

М. Ф. Иванову приписываются автором такие слова (с. 52): «Хлеба и мяса — вот чего нет у нашего народа... Люди мечтают о куске мяса, как о недосягаемом... И это в России, где можно развести такие стада, что в мире не останется ни одного голодного».

После смерти М. Ф. Иванова прошло больше 20 лет, все его враги разгромлены, «сторонники» (по мнению Елагина) его торжествуют, и все-таки у нас не хватает мяса (да и белого хлеба во многих даже районных центрах достать нелегко), и приходится принимать героические меры, чтобы выправить положение. По мнению Елагина, за спиной врагов М. Ф. Иванова стоял известный мифический вредитель Лев Савельевич. Но во главе современных вредителей сельского хозяйства и нашей биологической науки стоит совсем не мифический Трофим Денисович, «герой» 1935 года (благословение свыше), 1940 года (арест Н. И. Вавилова) и 1948 года (сессия ВАСХНИЛ). Вот где разгадка.

«Неплохо бы произвести солидную бонитировку среди этих господ... Ох, как неплохо бы» (с. 100).

По поводу этой рецензии у Любищева возникла следующая переписка с руководителями Академии педагогических наук РСФСР и издательства «Детская литература».

Письмо президента Академии педагогических наук А. И. Кдирова, 16.04 1958 г.

Доктору сельскохозяйственных наук, проф. А. А. Любищеву

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Посылаю Вам краткое заключение действительного члена АПН РСФСР проф. В. Ф. Натали на Вашу рецензию «Смесь фальсификации, клеветы и невежества — чтение для школьников» (о книге В. Елагина «Цель жизни»). Считаю, что поставленные в нем вопросы заслуживают внимания.

Одновременно с этим заключение В. Ф. Натали мной направляется в Министерство просвщения РСФСР.

П. п. Президент Академии педагогических наук РСФСР

,, И. А. Каиров Краткое заключение

на рецензию проф. А. А. Любищева «Смесь фальсификации, клеветы и невежества — чтение для школьников»

(на книгу В. Елагина «Цель жизни»)"

В рецензии затрагивается много вопросов, имеющих огромное значение в современной биологической науке. Рецензия проф. Любищева дана на книгу В. Елагина «Цель жизни», книгу, написанную на уровне 1948 г. Но с тех пор в науке (биологии) имели место события, которые дают

[п] Заключение было написано 22.12 1957 г. в Москве. 97

право на переоценку многих положений, выдвигаемых школой Т. Д. Лысенко па сессии ВАСХНИЛ и несколько позже.

Потерпели крушение работы Бошьяна в области микробиологии. То же можно сказать и об идеях О. Б. Лепешинской, всячески поддерживавших Т. Д. Лысенко. Выдвинутая Лысенко «теория видообразования» не выдержала критики и оказалась объективно антидарвинистической теорией. Но выдержали проверки практикой и многие практические положения, выдвигавшиеся Лысенко и его школой, как например вопрос о методах получения гибридных семян кукурузы, о гнездовом посеве лесных насаждений, о вегетативной гибридизации и многие другие.

Кроме того, для многих биологов стало ясно, что в критике так называемой менделевско-моргановской генетики со стороны Лысенко и его сторонников допускались явные передержки и извращения, что в значительной степени продолжается и до настоящего времени.

Так, никто из генетикой не отрицал огромного значения среды в формировании признаков организма животного и растения в процессе онтогенетического развития.

В этом можно убедиться, познакомившись с любой сводкой или учебником генетики. В журнале «Биология в школе» (№ 6 за 1957 г.) в статье от редакции в ответ на запросы читателей редакция пишет, что якобы, по мнению генетиков, особое вещество наследственности «подвержено изменениям под воздействием только особо сильных факторов, как яды_, рентгеновские лучи, атомная энергия и т. п.». Однако существует очень много исследований (генетических), показывающих, что мутации возникают под влиянием самых различных внешних воздействий температуры, химических и других. Если генетики в наши дни особенно обратили внимание на ионизирующие излучения, то это произошло по двум причинам. Существует естественная радиация в природе, к которой добавляются излучения, вызываемые испытаниями атомпо-ядерного оружия. Совершенно понятно значение исследований в этом направлении. Кроме того, генетики с давних пор заняты изучением влияния ионизирующих излучений, так как это дает возможность получения многих наследственных изменений у микроорганизмов, растений и животных. Это имеет и большое практическое значение. Яркий пример — получение новых линий грибка неницилла, что привело к получению значительно более активного препарата пенициллина,

Не останавливаясь далее на крупнейших открытиях последнего времени, следует отметить открытие, подтверждающее наличие особых веществ, определяющих наследственность и имеющихся только в хромосомах ядра. Это — исследование дезоксирибонуклеиновой кислоты (кратко ДНК).

В указанной редакционной статье журнала «Биология в школе» делается попытка всячески принизить и извратить и это открытие, но современные передовые биологи, биохимики и биофизики связывают с этим открытием широкие перспективы в развитии биологии.

В кратком заключении я не имею возможности более подробно останавливаться на этих вопросах.

Если я все же остановился на них, то для того, чтобы на этом общем фоне было ясно и мое отношение к вопросам, затронутым в рецензии А. А. Любищева.

Книжка Елагина «Цель жизни» заключает «повесть о жизни академика Михаила Федоровича Иванова».

Мы, биологи, уже привыкли (и это плохо!) к тому, что взгляды М. Ф. Иванова за последнее время извращаются и не только в популярной литературе.

Проф. Любищев правильно характеризует работы акад. Иванова и правильно показывает, что методы селекционной работы М, Ф. Иванова основывались на законах так называемой формальной генетики. Передо мной лежит книга акад. Иванова «Овцеводство» (изд. 1947 г.), и я еще раз тщательно пересмотрел ее, убедился в том, что я не ошибаюсь. Кроме того, я лично знал М. Ф. Иванова, не раз имел удовольствие говорить с этим замечательным животноводом и могу также и по этой причине подтвердить правильность оценки проф. Любищева.

Верно, что книга Елагина содержит извращенное изложение жизни и идей акад. М. Ф. Иванова. Верно и то, что в ней в изобилии содержатся поклепы на биологическую науку, почерпнутые из арсенала Т. Д. Лысенко и его сторонников.

Я не могу согласиться с проф. А. А. Любищевьш только в одном. Не следует критику превращать в обвинения во вредительстве и т. п. Манера приклеивать ярлыки, идеологические и политические, своим теоретическим противникам - плохая манера. Она не усиливает, а ослабляет позицию критикующего. Правда, Лысенко и его сторонники сами не скупились в этом отношении (пусть это остается на их совести!), но ученым, уверенным в своей правоте, следует оставаться на принципиальных позициях, Я уверен, что будущее в развитии биологической науки приведет к таким достижениям, которые без всякой дискуссии положат конец донкихотству в науке, пережитому нами в последние годы.

В связи со всем сказанным у меня возникают такие вопросы:

1) Допустимо ли, что в советской школе от учащихся старших классов скрывают многие установленные в науке факты и закономерности, а когда учащиеся в живом уголке наблюдают расщепление в результате скрещивания (например, кроликов), некоторые ретивые руководители делают попытку уничтожить помет кролика или говорят, что «это не важно», «случайно» и т. п.

2) Допустимо ли, что до сих пор в курсе дарвинизма даются в качестве якобы доказанных закономерностей сомнительные положения, имеющие сугубо дискуссионное значение, а подлинно материалистического, учения Дарвина учащиеся не знают. И это в годы (1958-1959), когда прогрессивное человечество отмечает столетие опубликования учения Дарвина.

98

3) Допустимо ли, что «Детгиз» и другие издательства выпускают книжки, подобные книге В. Елагина, и не следует ли пересмотреть работу редакции «Биология в школе», дезориентирующую в помещаемых статьях учителей-биологов.

Действительный член АПН РСФСР проф. В. Натали

Письмо И. А. Каирову, 6.02 1958 г. (Ульяновск).

Президенту Академии педагогических наук

И. А. Каирову

Глубокоуважаемый Иван Андреевич!

С величайшим удовлетворением я получил Ваше письмо от 16 января г. с. с заключением проф. Натали на мою рецензию о книге Елагина. Я очень рад что Вы считаете поставленные в заключении проф. Натали вопросы заслуживающими внимания и что это заключение Вами переслано в Министерство просвещения РСФСР.

Не могу не отметить, что все пять раз, когда я обращался к Вам (всегда письменно), я неизменно получал ответ, всегда меня вполне удовлетворяющий. Это, несомненно, показывает и прекрасную работу лиц, Вам непосредственно подчиненных, так как я ни разу не виделся лично с Вами и ни разу не напоминал о моих письмах. Я прошу передать Вашим сотрудникам мою глубокую благодарность.

С этим письмом я пересылаю мой ответ профессору Натали. Делаю это по двум соображениям: 1) я не знаю адреса проф. Натали; 2) я льщу себя надеждой, что у Вас или у Ваших сотрудников найдется время и охота для ознакомления с посылаемыми мной профессору Натали материалами.

Еще раз выражаю Вам свою глубокую признательность.

Искренне уважающий Вас

Доктор с/х наук, профессор А. А. Любищев

Письмо А. А. Любищева проф. В. Ф. Натали, 6.02.1958 г. (Ульяновск).

Действительному члену Академии педагогических наук

проф. В. Ф. Натали

Глубокоуважаемый Владимир Франкович!

Я получил огромнейшее удовольствие от чтения Вашего заключения на мою рецензию о книге В. Елагина «Цель жизни». Порадовала меня не только Ваша открытая поддержка моей рецензии, но и то, что Вы, не ограничиваясь замечаниями по поводу рецензии, поставили вопрос шире — о необходимости изменения состава редакции журнала «Биология в школе» и об изменении преподавания биологии в средней школе ,в смысле изживания пережитков 1948 года. Само собой разумеется, что не меньшую радость доставило мне то, что президент АПН И. А. Каиров считает поставленные в Вашем заключении вопросы заслуживающими внимания и направил Ваше заключение в Министерство просвещения РСФСР. Наконец, радость от получения этих документов была особенно яркой потому, что до этого я получил совсем иную реакцию на мою рецензию от директора Дома детской книги и от директора Детгиза. Посылаю Вам копию моего ответа этим лицам, чтобы показать Вам, какова была эта реакция.

Я мог бы, конечно, ограничиться таким выражением своей благодарности, если бы в конце Вашего заключения у Вас не было некоторых замечаний, с которыми я никак согласиться не могу и ответить на которые я считаю своим долгом, так как эти замечания довольно типичны и отражают мнение довольно широких кругов нашей общественности.

Приведу Ваши слова (с. 3—4): «Я не могу согласиться с профессором А. А. Любищевым только в одном. Не следует критику превращать

99

в обвинение во вредительстве и т. п. Манера приклеивать ярлыки, идеологические и политические, своим теоретическим противникам — плохая манера. Она не усиливает, а ослабляет позицию критикующего. Правда, Лысенко и его сторонники сами не скупились в этом отношении {пусть это останется на их совести), но ученым, уверенным в своей правоте, следует оставаться на принципиальных позициях. Я уверен, что будущее в развитии биологической науки

приведет к таким достижениям, которые без всякой дискуссии положат конец донкихотству в науке, пережитому нами в последние годы». Разберем эту цитату.

Правильно ли положение, что наклеивание ярлыков принципиально недопустимо? По-моему, этот вопрос может быть допустимым или недопустимым, смотря по употреблению. Если на бутылке с кахетинским написано, что это — кахетинское вино, а на бутылке с сулемой помечены череп и кости, указывающие, что это — смертельный яд, то это — правильное употребление ярлыков, и его можно только приветствовать, а вот если ярлыки перепутаны, так это уже плохо.

Вот период 1948—1952 гг. и ознаменовался тем, что за этот период особенно свирепствовали два так сказать «ярлычных» злоупотребления: 1) перепутывали ярлыки и притом часто сознательно; 2) факт наклеивания определенного ярлыка был равносилен вынесению окончательного приговора тому или иному автору или сочинителю.

Вот весь стиль дискуссии 1948 года и был характерен тем, что, во-первых, материалистическую хромосомную теорию наследственности объявили идеалистической, материалистическим объявили лысенковский сумбур, который, конечно, не является материалистическим. Он не является и идеалистическим, хотя содержит много путаных образов идеалистических идей. Лысенковщина — просто сумбур, и зачислять Лысенко в число идеалистов — значило бы нанести оскорбление великой фаланге мыслителей от Пифагора до Бергсона, которые при всех своих ошибках (а ошибок и у материалистов немало) все же составляют подлинное украшение человечества.

Во-вторых, методом опровержения того или иного автора было разыскание у него тех или иных (правильных или неправильных) идеалистических высказываний. Так, достаточно было известному физику Шредингеру, поддержавшему классическую генетику, договориться до бога (что, как Вы знаете хорошо, вовсе не типично для большинства генетиков), чтобы не только он, но и все классические генетики подверглись вселенскому осуждению как идеалисты.

Поэтому, когда Вы обвиняете меня в том, что я плохо поступаю, приклеивая ярлыки, то надо доказать — правильно ли я поступаю или неправильно. Я упомянул термин «вредитель» в двух местах: в конце второго параграфа и в конце статьи. В первом случае я назвал Лысенко объективным вредителем, во втором — просто вредителем. Вправе ли я был это сделать? Применяя термин «объективный», я хотел сказать, что в намерении Лысенко не входило нанесение вреда сельскому хозяйству. Вред получился от его крайней некультурности, самоуверенности и умения внушить доверие Сталину. Поэтому Лысенко можно назвать вредителем лишь в том смысле, в каком мы называем сельскохозяйственным вредителем, напр, саранчу, которая, стремясь насытиться, конечно, и не подозревает, что этим она наносит вред человеку. Но был ли нанесен вред Лысенко сельскому хозяйству? Вот в этой области я могу без ложной скромности признать себя специалистом именно в оценке экономического значения вредителей. Изучением вреда, принесенного сельскому хозяйству деятельностью Лысенко, я занимаюсь с 1953 года, и первые результаты изложены в первой главе моей работы «О монополии Лысенко в биологии», написанной еще в 1953 году. Но тогда я и не подозревал истинного значения бедствия лысенковщины. Недавно я закончил завершающую статью «Что стоит

Лысенко?». Краткие тезисы этой работы посылаю вместе с настоящим письмом, По главам моей большой работы «О монополии Лысенко в биологии» я имел ряд собеседований с сотрудниками отделов ЦК КПСС и многими специалистами. Никто из них не смог опровергнуть моих рассуждений, а очень многие горячо поддерживали. Заметьте, что ни в одном официальном документе Вы не найдете цифр урожайности в центнерах на гектар по всему Союзу. Их не приводят потому, что истина слишком печальна, чтобы ее опубликовать. Пытаются закрыть бреши, нанесенные нашему сельскому хозяйству за время господства Лысенко, экстренными мероприятиями по расширению площадей и т. д. «Объективный вредитель» — это ярлык, правильно наклеенный на Лысенко. Другой вопрос — о субъективных мотивах его деятельности. Я считаю, что есть настоятельная необходимость психиатрической экспертизы.

Резкость и определенность моих характеристик я никак поэтому не могу считать отказом от принципиальности, и очень часто сторонники «мягкой политики» по отношению к Лысенко исходят вовсе не из-за принципиальных, а из тактических соображений. «Не будем дискутировать, предоставим лысенковщи-не догнивать на корню». Многие даже считают, что меры по выкорчевыванию лысенковщины могут повредить науке, так как с сорняками будут удалены и ценные организмы. Совершенно несомненно, что иногда приходится мириться с существованием

зла, если есть надежда на постепенную ликвидацию зла и если поспешная ликвидация зла может сама оказаться великим бедствием. Но применимо ли это рассуждение в данном случае? Я думаю, нет. Никто не требует расправы с лысенковцами, все, что требуют противники Лысенко, — свобода и гласность обсуждения. Сейчас же с трудом допускается даже умеренная критика практических предложений Лысенко, в особенности тех, которые получили высочайшее одобрение. Между тем настоятельная необходимость поднятия урожайности наших полей (а этой настоятельной необходимости никто не отрицает) требует мобилизации всех средств подлинной науки, подготовки большого количества опытных экономистов и агрономов, умеющих ставить опыты и извлекать из результатов правильные выводы. А сейчас все проходит по старинке. Вам, вероятно, просто неизвестно положение в нашем сельском хозяйстве, поэтому Вам и кажется, что догнивание лысенковщины на корню является процессом, безболезненным для страны. Приведу маленькую иллюстрацию. Для скорейшего удовлетворения потребностей в зерне пошли на быстрое освоение огромных территорий целинных и залежных земель. Первый результат был настолько благоприятным (до 1956 года включительно), что многим казалось, что зерновая проблема на этот раз окончательно разрешена. Но сейчас и в газетах, и по радио, и из частных сообщений можно получить ряд тревожных сигналов. Появились в большом количестве сорняки, черные бури и несколько неожиданно для лиц, далеких от науки, — зерновая совка в количествах, неслыханных в истории борьбы с вредителями. Появление ее можно было ожидать, так как огромное количество зерна, оставшегося в полях при поспешной уборке, создавало благоприятные условия для ее размножения. Я получил сообщение из ВИЗРа, что главным вредителем оказалась даже не зерновая совка, а «серая совка», не упоминаемая ни в одном справочнике, и что область распространения ее огромна. От одного лица, бывшего на целине, я узнал, что мерой борьбы с этой совкой сейчас рекомендуют зяблевую вспашку с оборотом пласта и размножение ее приписывают системе Мальцева, которую усиленно пропагандируют (там мелкая вспашка без оборота пласта). Предполагают, что если запахивать зерно и совку, то она там погибнет от недостатка кислорода: видимо, это — отрыжка совершенно наивного мнения Вильямса, считавшего, что запаханные вредители погибнут в анаэробных условиях: он не знал, что есть насекомые, зимующие на глубине одного метра и отнюдь не погибающие от недостатка кислорода. Но систематическая глубокая вспашка с оборотом пласта способствует образованию черных бурь и полной

потере на длительный срок плодородия почвы (что случилось в Канаде), поэтому надо тщательно обследовать, где этот прием можно применять, где нельзя. А вот «деликатное» отношение к Лысенко и приводит к тому, что лысенковщину рассматривают не как совершенно антинаучное направление, а как законное направление в науке. И это направление, в частности, выражается в формулировке из головы новых биологических закономерностей и распространения рецептов на колоссальные территории. Вчера ухватились за систему Мальцева: валяй на всю территорию целинных земель. Появились зерновая и серая совка — долой систему Мальцева, паши глубоко с оборотом пласта. Нужно большое число опытных исследователей для руководства подлинным освоением целинных земель, а в агровузах до сих пор преподают мичуринскую псевдонауку и лысенковскую антинауку.

Поэтому именование Лысенко резким термином «вредитель» является вполне оправданным и с принципиальной, и с тактической точки зрения.

Но мало того, Вы, выступая против наклеивания ярлыков, сами, как и многие другие настоящие ученые, злоупотребляете наклеиванием ярлыков в том втором смысле, о котором я говорил выше. Для Вас назвать теорию антидарвинистической — значит вынести ей осуждение. Конечно, роль Дарвина в развитии науки огромна, а моральный облик его как ученого вызывает уважение и даже восхищение у его противников, к числу которых, как Вам, вероятно, известно, принадлежит и пишущий эти строки. Но неужели из этого следует сделать вывод, что учение Дарвина в силу его материалистичности не подлежит пересмотру? Здесь не место вдаваться в дискуссию по этому вопросу, но ученым, которые, справедливо борясь с нелепым деспотизмом Лысенко, считают, будучи сами дарвинистами, недопустимой критику дарвинизма, можно бросить справедливый упрек, что они в борьбе со своими научными противниками применяют и такие методы, которые сродни лысенковщине.

Преподавание биологии в средней школе должно быть, конечно, пропитано эволюционным духом, должны быть показаны достижения современной генетики и селекции, но от

догматического преподавания собственно дарвинизма (учения о ведущей роли естественного отбора) следовало бы воздержаться.

Еще один пункт. Вы называете извращения в биологической науке последних лет донкихотством. Думаю, что с Вашей стороны это просто описка. Благороднейший образ Дон-Кихота никак нельзя использовать для характеристики лысенковщины. Уж если брать аналогии, то Лысенко можно сравнить с Распутиным, но никак не с Дон-Кихотом. В течение моих почти пятилетних письменных выступлений против Лысенко многие мои искренние друзья и близкие люди ласково упрекали меня в донкихотстве, и я на это нисколько не обижался. Единственным украшением моего письменного стола является маленькая статуэтка мифического испанца, подарок моих друзей, и меня очень трогает подобная квалификация.

Мы с Вами, Владимир Франкович, не виделись, насколько мне кажется, 27 лет с лишком, со времени памятного Киевского съезда зоологов в 1930 году (когда в списке участников Вы, по ошибке делопроизводителей, фигурировали в качестве Натальи Владимировны Франкович) — прекрасного, подлинно свободного съезда. С тех пор такие съезды не повторялись. Сейчас наблюдается несомненное оживление, но до уровня Киевского съезда мы еще не дошли. Несмотря на мой преклонный возраст, я надеюсь дожить до полного восстановления киевского уровня и принять участие в таких съездах. Надеюсь встретиться с Вами и поспорить как следует. А пока крепко жму Вашу руку.

Искренне уважающий Вас

А. Любищев

102

Письмо директора **Дома** детской **книги** Детгиза **Н. Максимовой,** 23.12 1957 (г. Москва).

Уважаемый тов. Любищев!

Мы внимательно прочитали Вашу рецензию на книгу В. Елагина «Цель жизни». Вы поставили себе задачей опровергнуть точку зрения автора книги, утверждавшего, что М. Ф. Иванов принадлежал к ученым мичуринского направления в науке.

Но тов. Елагин отражает в книге не только свою точку зрения, но и общепризнанную. В Большой Советской Энциклопедии, например, об Иванове сказано: «Иванов - представитель мичуринского направления в биологической науке. С первых же дней своей научной деятельности он стал в ряды противников вейсманизма и активно боролся с ними».

Статья в БСЭ является выражением мысли представителей науки, и нам думается, что т. Елагин был прав, когда в своей книге проводил те же идеи.

С Вашей рецензией Дом детской книги познакомил главную редакцию Детгиза.

Директор Дома детской книги Н. Максимова

Письмо главного редактора Детгиза В. Компанийца, 30.12 1957 г. (Москва).

Уважаемый тов. Любищев!

Дом детской книги передал нам в Издательство Ваше письмо по поводу книги В. Д. Елагина «Цель жизни».

Как Вы понимаете, Издательство не имеет возможности вступать в дискуссию с Вами по большинству затронутых в письме вопросов, так как это выходит за пределы его компетенции.

Что же касается Вашего суждения о книге В. Елагина, то Детгиз не может согласиться с ним, так как Издательство располагает и другими, прямо противоположными Вашему отзывами о книге весьма компетентных товарищей. Часть этих отзывов опубликована в центральной прессе (см. журналы «Овцеводство», «Новый мир»).

Кроме того, широко известные материалы самого М. Ф. Иванова (его сочинения, рукописи, письма, наконец, созданные им новые породы скота), а также воспоминания и статьи о нем в словарях и энциклопедиях характеризуют его как крупного ученого-зоотехника мичуринского склада, а отнюдь не как «сознательного морганиста».

Впрочем, по этому вопросу, как и по существу биологической дискуссии между мичуринцами и антимичуринцами, Вы можете получить более полные и авторитетные сведения в ВАСХНИЛ и Институте генетики АН СССР.

Главный редактор Детгиза В. Компанией

Письмо директору Дома детской книги Н. Максимовой и главному редактору Детгиза В. Компанийцу, 5.02 1958 г. (Ульяновск).

Уважаемые товарищи!

Я получил от Вас два письма по поводу моей рецензии на книгу Елагина «Цель жизни». От т. Максимовой от 23 декабря 1957 г. за № 181/22 и от т. Компанийца от 30 декабря 1957 г. за №

1214. Так как оба письма являются ответом на мое письмо и рецензию и по содержанию очень сходны, то я отвечаю одновременно и посылаю ответ на оба адреса.

Ваши ответы существенно отличаются от тех довольно многочисленных ответов, которые я привык получать от разнообразных редакций. Обычно редакции не возражают по существу, часто благодарят за материалы, а отказ в опубликовании моих статей и писем мотивируют примерно следующими соображениями: 1) запоздало; 2) слишком велико; 3) не подходит по профилю; 4) устарело, так как выдвигаемый вопрос уже разрешен; 5) письмо поднимает дискуссию по вопросам, не подлежащим дискуссии. Бывали случаи, что редакция соглашалась со мной. Принимая все это в соображение, я могу сказать, что я был бы вполне удовлетворен, если бы получил ответ такого примерно рода: редакция соглашается, что книга Елагина появилась не вовремя, и в дальнейшем такого рода книги Детгизом издаваться не будут. Но оба вы считаете, что книга В. Елагина вполне соответствует положению в науке, и, очевидно, намерены продолжать издавать подобную литературу. Аргументация ваша следующая. Тов. Н. Максимова пишет, что тов. Елагин отражает в своей книге не только свою точку зрения, но и общепризнанную, отраженную в Большой Советской Энциклопедии. По мнению тов. Максимовой, «статья в БСЭ является выражением мысли представителей науки, и нам думается, что

т. Елагин был прав, когда в своей книге проводил те же идеи», «что М. Ф. Иванов был представителем мичуринского направления в науке и противником вейсманизма».

Это же утверждает и тов. Компанией,, ссылаясь на другие источники, и в заключение рекомендует по существу биологической дискуссии между мичуринцами и антимичуринцами получить «более полные и авторитетные сведения в ВАСХНИЛе и Институте генетики АН СССР».

Оба товарища считают, что всякая аргументация против «общепризнанных» мнений «авторитетных» учреждений совершенно бесполезна. Не стану доказывать, что если бы в науке утверждались такие «установки», то это привело бы к остановке всякого прогресса. Стану на Вашу точку зрения и попробую использовать БСЭ как источник общепризнанных истин. А, очевидно, то, что отсутствует в БСЭ, придется признать «общенепризнанным».

Возьмем том 10 БСЭ, 1952 г., с. 393, статья «Ген» (составлена представителем «мичуринской биологии» Нуждиным): «Ген — мифическая элементарная единица наследственности, приписываемая морганистами живой природе... Учение о Г. лежит в основе идеалистической хромосомной теории наследственности». Иогансен, Морган трактуются как явные реакционеры. Следуя указанию Нуждина, обратимся к статьям в той же БСЭ «Хромосомная теория наследственности» и «Хромосомы», помещенным в т. 46 БСЭ, изданном в 1957 году. Авторами этих статей является уже не мичуринец (правильнее сказать, лысенковец) Нуждин, а патентованные «морганисты-менделисты»; М. Л. Бель-говский, Н. И. Шапиро, А. А. Бельговская-Прокофьева и И. С. Навашин. Гены уже перестали быть мифическими элементами, а оказываются дискретными единицами наследственности, ни слова об идеализме, Мичурине, Лысенко, с уважением отзываются о Моргане. Чувствуя некоторую неловкость, осторожная редакция на с. 376 поместила примечание (так же, как на с. 656 к статье В. Я- Александрова «Цитология»): «Однако представления о генах и генном механизме наследственности разделяются не всеми биологами, см. статьи „Ген", „Генетика" (написана Т. Д. Лысенко), „Морганизм"». Статья «Морганизм» написана тем же Нуждиным (т. 26, подписан к печати 24.VIII 1954 г.), который считает его крайне реакционным и пишет на с. 282: «Идейный разгром М. является великой заслугой мичуринского учения. Разромив М., мичуринское учение открыло биологической науке широкий путь прогрессивного развития». К числу таких новаторов, конечно с точки зрения «мичуринской биологии», относились О. Б. Лепешинская (с большим одобрением отмеченная в 24-м томе, 1953 г.) и Бошьян, который тоже упоминается в соответствующем месте.

И что же? Если возьмем статью «Цитология» (т. 46, 1957 г.), оказывается, она написана В. Я- Александровым, которого громили как «морганиста», противника Лепешинской, и в статье он ни слова не говорит о Бошьяне, а из сочинений Лысенко приводит чисто издевательски одну цитату, которая для всякого подлинного ученого показывает культурный уровень этого «новатора».

Что же мы должны считать «общепризнанным»? То, что помещено в 10, 24 и 26-м томах новейшего «авторитетного» издания, или то, что помещено в 46-м томе?

Но только ли в отношении биологии мы имеем такое странное явление, что то, что «общепринято» в первой половине БСЭ, перестает быть таковым во второй половине?

Возьмем такое популярное теперь слово, как кибернетика. Посмотрим в БСЭ: в соответствующем месте мы не найдем такого слова. Неужели редакция, состоящая из многих компетентных ученых, пропустила это слово? Разгадку найдем, если обратимся к другому «общепризнанному своду сведений», Краткому философскому словарю, четвертое издание, 1954 г. Там на с. 236— 237 читаем: «Кибернетика — реакционная лженаука, возникшая в США после

104

второй мировой воины и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах: форма современного механицизма... Кибернетика ярко выражает одну из основных черт буржуазного мировоззрения — его бесчеловечность, стремление превратить трудящихся в придаток машины, в орудие производства и орудие войны... Кибернетика является, таким образом, не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления ее агрессивных планов».

Ясно: пропуск в БСЭ является не случайным, а следствием «философского руководства» редакционной коллегией БСЭ: зачем пачкать страницы БСЭ сообщением о лженауках! Не совсем, однако, ясно, так как, если возьмем тот же «Краткий философский словарь», дополнительный тираж четвертого издания (1955 г.), там мы этого слова вообще не найдем. Хорошо известно, однако, что сейчас никто не считает кибернетику лженаукой, что она преподается в университетах и что в план издательства «Иностранной литературы» на 1958 год включены такие издания, как Эшби «Введение в кибернетику», Косса «Кибернетика» и даже Винер «Кибернетика в обществе». Последнее, правда, только для научных библиотек, в открытую продажу не поступает.

Ясно, что здесь наши идеологически подкованные философы опростоволосились, как, впрочем, и во всех остальных случаях попыток «руководить» науками. Я могу привести много случаев вредного влияния наших философов на развитие наук и не могу указать ни одного полезного; я буду Вам очень благодарен, если Вы мне сообщите хотя бы один случай полезного влияния на науку наших современных философов.

Но оставим естественные и точные науки, перейдем к гуманитарным. В газетах попадаются сведения о балкарцах, карачаевцах, калмыках, ингушах, чеченцах. Что это за народности? Обратимся к «общепризнанному» своду сведений. Все эти народности оказываются «общенепризнанными». О них нет ни слова. Только о чеченцах, вернее о Чечено-Ингушской автономной области, можем прочесть в 47-м томе, с. 342: «Население 544 тыс., подробнее см. 51-й том „Чечено-Ингушская автономная область"». Откуда же появилась эта область? Может быть, в порядке самозарождения по «теории» Лепешинской? Смотрим статью «Кавказ», т. 19, 1953. Там достаточно подробно написано об этническом составе, но об указанных нами народностях ни слова, хотя говорится об истории народностей и упоминаются даже такие народности, как тэты, талыши, зоватушины и проч. Такие народности, как кабардинцы, лезгины, упоминаются и в статье «Кавказ», и в соответствующих местах БСЭ.

Сами знаете, чем объясняется такое исчезновение и новое появление целых народностей: выселением их с Кавказа во времена Сталина и возвращением на родину в послесталинские времена, и так как соответствующие статьи БСЭ писались тогда, когда эти нации на Кавказе не существовали, то редакция БСЭ — по собственному ли усердию, под влиянием ли соответствующего руководства и телефонных звонков— решила, чтобы и памяти никакой из этих народностей не было.

Коснемся немного истории. В томе 17 БСЭ (1952 г.), в том же самом, где имеется и статья о М. Ф. Иванове, характеризующая его как представителя мичуринского направления, в статье об Иване IV на с. 269 говорится, что к числу наиболее значительных художественных произведений об Иване IV относится, между прочим, пьеса А. Н. Толстого «Иван Грозный». Эта пьеса, кстати, была отмечена Сталинской премией. Но вот совсем недавно отмечалось 75-летие со дня рождения А. Н. Толстого. Я прочел ряд статей, слушал радиопередачи. Однако никто не упомянул об этой премированной пьесе. Почему? В одной из статей, насколько мне помнится, в «Литературной газете», было указано, что за нее и сейчас почитателям А. Н. Толстого приходится краснеть, так как там А. Н. Толстой допустил совершенно невероятную фильсификацию истории: презираемые всеми честными людьми опричники во главе с Малютой

105

Скуратовым представлены спасителями отечества и в общем гуманными людьми, а спаситель Москвы, доблестный князь Михаила Воротынский, — чуть ли не предателем.

Наконец, наведем справку в БСЭ о таком выдающемся деятеле великой Индии, как Ганди. В т. 10 БСЭ, 1952 г., на с. 202 читаем: «...Когда движение начало перерастать в революцию, Ганди

предал народ и помог капиталистам подавить восстание». Это мнение, конечно, опирается на высказывание Сталина в политическом отчете ЦК XVI съезду в 1930 году: «Господа буржуа рассчитывают залить эти страны кровью и опереться на полицейские штыки, призвав на помощь людей вроде Ганди» (Соч., т. 12, с. 252). Как Вы думаете, найдется ли сейчас человек, даже из числа наиболее верующих в «общепризнанность» того, что написано в БСЭ, который бы решился повторить эту характеристику какому-нибудь индийцу, хотя бы даже индийскому коммунисту?

Подобных примеров можно привести десятки. Редакция БСЭ, когда закончится это несомненно полезное издание (наиболее трудным является, как известно, установление «общепризнанной» точки зрения на Сталина, отчего и задерживается выход 40-го тома), может даже для дополнительного 51-го тома избрать эпиграфом следующее известное двустишие:

И я сжег то, чему поклонялся, Поклонился тому, что сжигал...

Притом БСЭ все время работает под флагом борьбы с ревизионизмом и при сохранении в общем того же состава редакции по биологии: акад. Опарин и Столетов.

Неужели Вам непонятно, что первая половина БСЭ издавалась в период усиленного нажима на науку вненаучных и даже просто антинаучных кругов, а к концу этот нажим значительно ослабел, и поэтому является просто неприличным рекомендовать старому профессору {я 1890 г. рождения) склонить свою голову перед «авторитетом» ВАСХНИЛ и Института генетики АН СССР. Оба учреждения возглавлялись (а Институт генетики АН СССР до сего времени возглавляется) вождем невежества и мракобесия в науке Т. Д. Лысенко. Сейчас он перестал возглавлять ВАСХНИЛ, хотя и остался в составе членов президиума этого учреждения. Остался на руководящем посту в качестве зам. президента ближайший соратник Лысенко Ольшанский, а президентом является П. П. Лобанов, председательствовавший на пресловутой сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Наверно, это крупные ученые? Обратимся опять к своду «общепризнанных» сведений, БСЭ, но этих имен мы там не находим, хотя, как уже указано, в состав редколлегии БСЭ и входит Столетов — видный представитель «мичуринской биологии» и занимающий посейчас, насколько мне известно, пост зам. министра высшего образования. С точки зрения БСЭ, они — «общепризнанные». И вот Вы предлагаете мне подчиниться авторитету этих лиц, научные заслуги которых неизвестны даже БСЭ, я же могу в качестве моих единомышленников привести десятки имен, в числе которых фигурируют и многие славнейшие в науке имена.

Неужели вам неясно, что процесс исправления ошибок, допущенных в сталинские времена, еще далеко не закончен. Исправлены только те, где не требуется научных знаний, чтобы убедиться в ошибке, или где ошибка настолько ясна, что не требует расследований научных основ. В биологии же и агрономии положение дел осложняется трудностью проверки, запутанностью проблем и сопротивлением значительного числа заинтересованных в сохранении существующего положения.

В Вашем письме вы касаетесь только одного вопроса — был ли М. Ф. Иванов мичуринцем или не был и склоняетесь без попыток проверки сообщаемых мной данных (а они все основаны на подлинных сочинениях М. Ф. Иванова) к тому, что правы были В. Елагин и редактор Гребень. Но ведь остаются, кроме того,

клеветнические инсинуации Елагина по отношению к «морганистам», к числу которых отнесен и глубоко уважаемый всеми прогрессивными биологами покойный Н. И. Вавилов. Остаются и факты невежества, указанные мной в книге Елагина. Вам, далеким от науки людям, просто кажется, что господствующая в настоящее время «установка» — недопущение какой бы то ни было ревизии сессии ВАСХНИЛ 1948 года, вы и действуете «в соответствии». Вы, конечно, не одиноки. Есть немало лиц, которые полагают даже, что Лысенко будет восстановлен «во всей славе 1948 года». Ну, что же:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте, — спасибо вам скажет сердечное
Русский народ.

(Под этим подразумевается все содержание БСЭ независимо от года издания).

Доктор с/х наук, профессор А. Любищев

Из письма **О. П. Орлицкой к Е. А.** Равдель, 2.03 1958 г.

...Теперь относительно БСЭ. Ты пишешь, что письмо А. А. Адольфу Аркадьевичу очень понравилось и тебе тоже, но что ты с превеликим унынием думаешь о тех, кому все это адресовано, что такой блестящий ответ должен был бы иметь совсем другого адресата.

Вот по этому поводу мне и хочется привести тебе ряд отрывков из полученных нами писем, для того чтобы ты убедилась, что резонанс получился совсем неожиданный.

Сначала приведу отрывок из письма, созвучный твоему мнению. Это пишет ученый: большой борец за правду, сильно пострадавший за нее.[p]

«Ценою больших усилий, с малыми шансами на успех, я мог бы попытаться „докинуть" Вашу статью до высоких инстанций... Однако, прочитав Вашу статью («Что стоит Лысенко?» -- *О. П.)*, я увидел, что она очень интересная, важная, нужная, но для этих людей не подходит; почему — постараюсь написать дальше. Но сегодня получил Ваше большое письмо, и оно меня доконало. Дорогой мой, разрешите мне писать Вам совершенно откровенно и надеяться, что Вы меня не поймете ложно, вспомнив некоторое сходство наших судеб и общность точек зрения на ряд вопросов биологии.

Чего Вы добиваетесь своими письмами? Какую задачу Вы перед собой ставите, когда начинаете писать? Хотите ли Вы каждый раз возможно полнее, шире и ярче проявить себя, или Вы хотите добиться какого-либо результата, серьезного результата помимо себянзъявления? Или для Вас второе гораздо важнее первого?

Конечно, Вы являетесь достаточно крупной и яркой личностью, чтобы становиться на такой путь. Но если это так, то это нужно строго отделять от достижения поставленной деловой задачи.

Позволю себе посмотреть с этой стороны Ваш ответ проф. Натали, который Вы передали Канрову.

Ваша цель — показать, что Елагин лжет и фальсифицирует. Поскольку Каиров неспециалист, для него большое значение имеете Вы как специалист, тем более что Вас поддержал Натали, профессор и член Акад. педнаук. Что делаете Вы?

Вы в ответе Натали, посланном Каирову, который будет читать референт Каирова, на с. 4 пускаетесь в рассуждения о неблагополучии на целине. Вопрос этот крайне щекотлив: он требует особого анализа, в особом месте, но отнюдь не в письме, которое идет в руки лиц, заинтересованных в Вашей компрометации. Прекрасно. Они Вас скомпрометируют, и затеянное Вами разоблачение елагинской книги будет затруднено вдвойне: вот кто выступает против Елагина, против марки Детгиза, против Министерства, против редакции.

Мало того. На с. 5 Вы преподносите новую пилюлю: „От догматического преподавания собственно дарвинизма (учения о ведущей роли естественного отбора) следовало бы воздержаться"[1].

Великолепно! Ведущая роль естественного отбора для подавляющего, огромнейшего большинства честных биологов несомненна. Это для них истина настолько доказанная, насколько вообще истина существует и может быть доказана.

Любищев против. Его право. Он может писать статьи, выступать и т. д. и т. п. Но, вставляя эту фразу в письмо, идущее к референтам Каирова, Вы отнюдь не добьетесь изменения преподавания дарвинизма в средней школе. Эффект один и совершенно ясный: 1) Л. вообще непонятный кверулянт, для него 2Х2 --стеариновая свечка, это оригинальничающий чудак, для него вообще ничего не существует. Дальнейший логический ход мысли таков. Если выступающий против ТДЛ Л. таков, то таковы же и вообще выступающие против ТДЛ (у негров курчавые волосы... и т. д.); во всяком случае с Л. нечего считаться; этот человек не только опротестовывает книгу Елагина, но и дарвинизм вообще. 2) Проф. действит. член АПН РСФСР В. Натали поддержал этого чудилу Л.; значит, с Натали впредь нечего считаться. 3) Проф. Натали получает Ваш ответ через канцелярию Каирова; кто Ваш ответ читал, он не знает, но должен полагать, что из него могли быть

[p] Отрывок из письма В. П. Эфроимсона А. А. Любищеву.

сделаны вкусные выписки. Проф. Натали (сколь мне помнится, человек несколько робкий, безусловно битый) убеждается в том, что он поддержал (пусть частично, кстати, я-то и в споре с Натали, конечно, вполне на Вашей стороне, если не считать термина „вредитель"; наше дело — факты, а не их квалификация, тем более в случае, когда право квалификации имеют лишь прокурор и суд) человека, т. е. А. А. Л., способного за здорово живешь писать черт знает что про дарвинизм.

Дальше. Каиров направил Ваше письмо и заключение Натали в Министерство просвещения РСФСР. Оное учреждение гуляет под Столетовым. Ему надо стукнуть по собственному издательству, стукнуть по книге, вышедшей тиражом 100 000 экз., и в первую

очередь высечь самого себя (что его следует высечь, я не оспариваю,-но самоэкзекуцию никто охотно не производит, тем более в таких условиях). Но, допустим, он дает „делу" самонанмалейший ход. Несомненно, появляются Дом детской книги и Детгнз с Вашим очень занимательным письмом, где Вы сечете: А) БСЭ (господи, ну, конечно, совершенно правильно), делаете это очень хорошо на с. 1, 2, 3, но неуместно; Б) ведущих философов (правильно, только здесь это тоже неуместно).

Но дальше, с конца 3-й страницы, на с. 4, 5, б Вы лягаете подряд такие вещи, о которых ныне вопят: „Кто старое помянет, тому глаз вон". Тут тебе и балкарцы, и чеченцы, и калмыки, и опричники, и А. Толстой, и Ганди, и ВАСХНИЛ с Лобановым (который, кстати, вероятно, разделяет в потемках души Ваше отношение к ТДЛ) и т. д.

Результат: Максимова и Компанией до смерти (не до смерти, но до нужного результата) пугают Вашим письмом все окружение Каирова, компрометируют Натали (который, вероятно, в душе уже открещивается от Вас, прочитав, что Вы написали), получают одобрение от начальства за выпуск елагинщины и все. Такую судьбу я пророчу Вашему обращению.

Лишь на 6-й странице Вы возвращаетесь к тому существу вопроса, который является существом, входит абсолютно в компетенцию и грамотность Детгиза; что книга Елагина уголовно наказуемая клевета. То, на что надо было бить, то, чем надо было себя в данном конкретном случае ограничить, если иметь в виду не самовыявление, а данную конкретную цель.

Предвижу Ваши возражения: „А вы сами? Какой широкий круг вопросов Вы ставили в своей докладной в ЦК?" Да, но они органически связаны; я писал в высший орган, членам Президиума. Они компетентны решать. А если я ставил так широко вопрос, то это было вызвано необходимостью отведения лиц, которые были в „деле".

Я не ставил редактора издательства перед необходимостью самолично пересматривать решения авторитетнейших организаций, чтобы на основе этого пересмотра ему самого себя (редактора) высечь.

Однако и мой поступок был, объективно подходя к нему, — донкихотством; правда, те три статьи, которые удалось опубликовать, кое-что сделали и, вероятно, сделают...

Страшно то, что Ваш бумеранг разит прежде всего Вас и Ваше дело.

Дорогой Александр Александрович! Я знаю, что Вы — очень большая сила, могучая сила. По пальцам одной руки можно пересчитать равных Вам в биологии. Когда я Вам пишу все это, мне очень больно эгоистически. Мало есть людей, которые могли бы Вас так хорошо, сочувственно понять, как понимаю Вас я. „Но что выше, человек или его дело?" — так спросите Вы. Человеку место и делу место. Проявляйте себя в одном: не мешайте самопроявлением делу, не мешайте одно с другим...»

Дальше идет разбор статьи «Что стоит Лысенко?» И в конце автор письма пишет: «Дорогой А. А.! Осыпав Вашу статью градом возражений, я уподобился тому чинуше, который ее получает и ищет, как бы отбояриться.. . И все-таки в общем хорошо. ..»

1.11. О монополии Лысенко в биологии. Гл. IV. Теоретические взгляды Т. Д. Лысенко. Гл. V. Что стоит Лысенко?

(Содержание, заключение и краткие тезисы)

Глава IV.[e]

46. Введение.

47. Теория стадийного развития.

1. До 1935 г.

48. Теория стадийного развития.

2. После 1935 г.

49. 3. Критика.

50. 4. Заключение.

51. Понятие наследственности.

52. Мичуринская генетика.

53. а) О локализации наследственности.

б) Связь наследственности и оплодотворения с обменом веществ и об ассимиляции.

[c] Глава была закончена в 1957 г.

54. в) Об избирательности оплодотворения.

55. Вегетативные гибриды. 1. Введение.

56. 2. История Ренета Бергамотного.
57. 3. Плодовые деревья.
58. 4. Химеры.
59. 5. Заключение.
60. О наследовании приобретенных свойств.
61. Несколько замечаний об учебнике Н. В. Турбина. Глава V.
1. Введение.
2. Методические замечания.
3. Урожайность зерновых хлебов.
4. Кукуруза.
5. Картофель.
6. Сахарная свекла.
7. Хлопчатник.
8. Чай, виноград, плоды. 9 Подведение итогов.
10. Характеристика деятельности Лысенко.
11. Разбор некоторых возражений.
12. Заключение.

ГЛАВА V. ЧТО СТОИТ ЛЫСЕНКО?

12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ[1]

Таким образом, после всего рассмотренного, мы имеем право утверждать, что основная вина Лысенко — дезорганизация биологии и агрономии. Дезорганизаторская деятельность Лысенко доказывается тем, что пресловутый «закон падающего плодородия почвы» оказывается справедливым там, где действует Лысенко, и блестяще опровергается во всех тех местах, куда он не совался, независимо от общественного строя страны. Этого он достиг путем бессовестней-шей клеветы по адресу своих честных и талантливых противников, подлинных организаторов сельскохозяйственной науки во главе с Н. И. Вавиловым. Силу ему дало то, что он брался за осуществление грандиозных планов преобразования нашего сельского хозяйства в кратчайший срок и *во всех решительно случаях полностью провалился.* Готовность в кратчайший срок выполнять совершенно нереальные планы он прикрывал лозунгами о партийности науки и клеветой о низкопоклонстве перед «буржуазной» наукой своих противников, честных и трудолюбивых ученых. Такое понимание партийности в науке есть ложное и вредное понимание, и я утверждаю, что истинное понимание долга ученого в социалистическом государстве заключается не в том, чтобы выполнять нереальные проекты и повторять необоснованные высказывания руководящих лиц, а в следовании тем требованиям, которые были прекрасно сформулированы в журнале «Коммунист» в 1953 г. и выражаются следующими пунктами:

1) сознание общественного долга;

2) уважение к общественному труду и собственности;

3) забота о поднятии обороноспособности советского государства;

4) воспитание патриотизма и пролетарского интернационализма;

5) готовность преодолевать трудности построения социализма;

6) уверенность в победе дела коммунизма (под коммунизмом я понимаю законченный социализм, лишенный дефектов современного социализма).

Написано 13.01 1958 г. в Ульяновске.

109

Я и считаю, что мои выступления против Лысенко проникнуты именно этой идеологией. В самом деле:

1) хотя я и доктор с/х наук, но не агроном по специальности, а биолог (университетское образование), получил я доктора с/х наук как специалист по экономическому значению сельскохозяйственных вредителей, никакой ответственности — ни юридической, ни моральной за ошибки Лысенко я нести не мог; выступить за пределы моей специальности в ущерб более для меня интересных работ заставило меня только сознание общественного долга, когда я убедился, что многие знающие люди молчали из-за низменных соображений;

2) рекомендация и пропаганда многих вредных лысенковских предложений или замалчивание их дефектов есть проявление неуважения к социалистическому труду и собственности;

3) политика Лысенко привела к снижению урожайности наших полей и, следовательно, снизила нашу экономическую обороноспособность;

4) не только как ученый, но и как патриот я не мог не скорбеть о том падении престижа нашей биологической науки, которое было прямым следствием деятельности Лысенко;

5) я знал, что на моем пути будут трудности и ярая оппозиция проникших повсюду сторонников[1] Лысенко, но это не удержало меня от выступления, несмотря на многочисленные предупреждения моих беспартийных и партийных друзей, которые в этом отношении были менее идеологически выдержаны, чем я;

6) наконец, если бы у меня было отсутствие уверенности в победе здравого дела и в том, что партийное руководство не даст меня в обиду (на первом этапе мой оптимизм оправдался) я, может быть, уступил бы, как уступают очень многие, настояниям близких и друзей, обвинявших меня в необузданном донкихотстве.

Я постарался изложить в возможно полной ясной и доступной форме все имеющиеся у меня соображения. Ни от кого из моих довольно многочисленных читателей моих предыдущих писаний о Лысенко я не встретил возражений по существу, а от многих — горячее одобрение.

Больше мне писать о Лысенко нечего. Разбирать его «теоретические» и «философские» размышления бессмысленно, так как для всякого понимающего все они — сплошной сумбур (напомним, например, отзыв М. Пренана), а кто не хочет понимать, не поймет доводов.

Весьма возможно, что и эта моя работа будет признана «неубедительной» без всякой конкретной мотивировки. Ну что ж, мое дело сделано, совесть моя чиста, а это для старого человека очень важно.

что стоит ЛЫСЕНКО? *Краткие тезисы**

\. Несмотря на достигнутые успехи в деле ликвидации монополистического режима Лысенко, положение продолжает быть неудовлетворительным, так как истинное практическое значение лысенковщины продолжает оставаться неясным, и ученые, занимающие столь высокое положение, как например президент АН СССР Несмеянов, считают возможным замалчивать Н. И. Вавилова и выдвигать Лысенко.

2. Колоссальный ущерб, нанесенный нашему хозяйству деятельностью Лысенко, всего легче может быть выявлен путем сопоставления динамики урожайности в зарубежных странах и у нас.

3. По основным зерновым культурам (пшеница, рожь, ячмень, овес) урожайность всех зарубежных стран повысилась от 9.81 ц на га в 1932 г. до

[y] Были подготовлены Любищевым как приложение к гл. V. Закончены 14.01 1958 г. 110

12.55 ц в 1953, что соответствует среднему годовому приросту в 1.18%; по главной культуре, пшенице, — от 8.9 ц до 12.0 ц при среднем годовом приросте в 1.43%.

4. В Германии за 200 лет урожайность возросла в 3.45 раза (средний годовой прирост 0.60%), а за последние годы на 26.4% (средний годовой прирост 1.39 %).

5. В Великобритании за 500 лет урожайность возросла в пять раз (ср. год. прирост 0.32 %), за последние 18 лет средний годовой прирост урожайности пшеницы 1.31 %, всех зерновых 1.20%.

6. В Канаде и США было резкое падение урожайности в связи с хищнической эксплуатацией земель, сейчас положение восстановлено и урожайность растет быстрыми темпами.

7. Для всех культурных стран даже за период, включающий войну, мы имеем за последние 20 лет средний годовой прирост в 1.23 %.

8. В России урожайность зерновых была стабильна до 1861 г., после, вплоть до революции, подымалась, имелось падение во время первой мировой и гражданской войн, после восстановительного периода — бурный подъем урожайности, достигшей в 1940 г. уровня 10.5 ц на га. Мы были вправе ожидать в настоящее время средней урожайности не менее 12 ц на га.

9. Данные о средней урожайности зерновых в СССР в настоящее время не опубликованы: можно показать, что средняя^урожайность — порядка 8—9 ц и никак не выше 10 ц. Между ожидаемым и фактическим урожаем наблюдается разрыв не менее трех ц на га, или при современных площадях недобор около 2.35 миллиардов пудов — четырехкратный размер дореволюционного экспорта зерна.

10. В отношении кукурузы разрыв между ожидаемым урожаем (25 ц на га) и фактическим (никак не более 15} не менее 10 ц, что соответствует недобору 93 млн ц, или около 600 млн пудов зерна. «Ножницы» между динамикой урожайности кукурузы в США (рт 15 до 25 ц) и у нас (от 15

ц к 10; может быть, урожайность восстановлена до 15 за самые последние годы) *целиком* объясняются противодействием Лысенко введению гибридных семян (против Н. И. Вавилова).

11. По картофелю. Полностью выявлена ошибочность защищаемых Лысенко против Н. И. Вавилова положений: пренебрежение половой гибридизацией, уменьшение числа сеянцев, «направленное воспитание» Haі высоких агрофонах, летние посадки как средство борьбы с вырождением. Все основные успехи картофелеводства достигнуты до 1940 года, сейчас — ухудшение селекции и семеноводства, распространение болезней вырождения, падение урожайности. Цифры урожайности недоступны.

12. По сахарной свекле относительно приличное положение и прекрасное в некоторых новых районах свеклосеяния (напр., в Киргизии). Лучшее сравнительно положение свекловодства объясняется особенностями семеноводства этой культуры и недостаточным вниманием, проявленным Лысенко к этой культуре.

13. По хлопчатнику. Блестящее положение в' основных хлопкосеющих республиках: рост площадей, рост урожайности. Урожайность у нас сейчас выше, чем где бы то ни было. Средний годовой прирост урожайности за 43 года 1.63 %, считая 25 нормальных лет — около 2.81 %. Исключение: *полный провал* попытки культуры хлопчатника в новых районах: до полумиллиона гектаров. Эта идея оспаривалась Н. И. Вавиловым и полностью поддерживалась Лысенко, обещавшим вывести новые сорта в 2—3 года.

14. То же с чаем: прекрасное развитие (по площадям и урожайности) в Грузии и Азербайджане, *полный провал* в новых районах под «научным» руководством Лысенко.

15. В отношении цитрусовых то же самое: большой успех в субтропиках, *полный провал* культуры цитрусовых в Крыму под руководством Лысенко: при этом было запущено крымское виноградарство и садоводство.

111

16. В виноградарстве и садоводстве урожайность низка. «Мичуринская биология» оказалась совершенно бесплодной.

17. Решительно *все культуры, в тех местах и в те периоды,* когда они подвергались особому вниманию Лысенко, показывают деградацию, напротив, все культуры вне его внимания процветают. Можно сказать, что «закон падающего плодородия почвы» оказывается справедливым в сфере деятельности Лысенко и решительно опровергается в культурных странах вне сферы его деятельности независимо от общественно-политического строя страны.

18. Обзор всех его предложений показывает, что все они: а) как правило, не новы[1], а пробовались ранее и часто были забракованы; б) дельные в определенных условиях предложения им предлагались во всех условиях и были испорчены; в) отсутствие правильно поставленного учета не допускало своевременного вскрытия ошибок.

19. Причиной такого губительного действия лысенковщины является в основном даже не бесполезность его конкретных мероприятий, а полная дезорганизация селекционной, семеноводческой и опытной работы, учета и контроля результатов работы, соединенная с разнузданнейшим хвастовством, фальсификацией, клеветой на своих противников и политическими инсинуациями, т. е. нарушением основных признаков не только подлинно социалистической культуры, но и всякой культуры.

20. Эта система сделала почти совершенно бесполезной работу агрономов, вызвала у Сталина преувеличенное представление о благосостоянии советского колхозника, повлекла сокращение выдач на трудодни, лишила колхозника материальной заинтересованности и привела к пренебрежению самыми элементарными агротехническими требованиями, как например вывоз навоза на поля в нечерноземной полосе.

21. Утверждение, что Лысенко не виноват в деградации нашего сельского хозяйства, так как ему кто-то мешал, совершенно необоснованно. Ему действительно «мешали» Н. И. Вавилов с сотрудниками, но пока были эти «помехи», наше хозяйство прогрессивно развивалось. Когда же «помехи», по настойчивому требованию Лысенко (сопровождавшему эти требования клятвенными уверениями, что он отвечает за прогресс хозяйства, если помехи будут удалены), были действительно удалены, наше хозяйство пошло не вверх, а вниз; при этом никаких указаний на необходимость устранения новых «помех» после 1948 года мы от Лысенко не слыхали.

22. Подъем нашего сельского хозяйства настоятельно требует полной ликвидации лысенковщины; в отношении же самого Лысенко выдвигается необходимость психиатрической экспертизы.

23. Подробное обоснование настоящих тезисов дается мной в машинописной работе (около четырех печатных листов) под тем же заголовком.

1.12. О фальсификаторах и банкротах в науке*

1. После видимого затишья за последние несколько лет положение на биологическом фронте вновь несколько оживилось. Резюме современного состояния генетики было дано в превосходной статье Ж. Медведева и В. Кирпичникова «Перспективы советской генетики» (журнал «Нева», 1963, № 3, с. 165—175).' В отличие от многих работ по генетике, избегавших вообще упоминания о сессии ВАСХНИЛ 1948 года, авторы открыто сформулировали вывод относительно этой сессии, под которым подпишутся большинство биологов, не говоря уже о представителях точных наук: сессия ВАСХНИЛ 1948 года есть прямой результат извращений периода «культа личности

* Статья была написана в период с 19.09 1963 г. по 3.03 1964 г. 112

Сталина» (проще сказать, сталинского деспотизма). Эта статья вызвала реакцию со стороны президента ВАСХНИЛ академика М. А. Ольшанского, опубликовавшего в «Сельской жизни» от 18 августа статью «Против фальсификации в биологической науке», которая в несколько сокращенном виде перепечатана в «Правде» 21 августа в разделе «По страницам печати».[2] М. А. Ольшанский не стесняется в выражениях и обвиняет в фальсификации, лжи и клевете не только авторов статьи, но и редакцию «Бюллетеня Московского общества испытателей природы», печатающую статьи в защиту «формальной» генетики и игнорирующую «мичуринскую генетику». Не доволен Ольшанский и тем, что две книги Н, П. Дубинина выпущены Атомиздатом тоже в духе чистого менделизма-морганизма. Нельзя протестовать против таких резких выражений как «фальсификация, ложь, клевета», когда они обоснованны. Но если они оказываются совершенно необоснованными, то мы их с полным правом можем применить к обвинителю. Я постараюсь показать, что именно так обстоит дело.

2. Доказывать выдающиеся успехи ряда наших наук — значило бы ломиться в широко открытую дверь, но наши совершенно бесспорные успехи касаются только технических и точных наук, где нет раскола на два «лагеря» среди ученых и где имеется полное взаимопонимание между советскими и зарубежными учеными. Мы знаем, что длинный ряд наших журналов переводится от слова до слова на английский язык и за получение некоторых наших секретов зарубежные правительства заплатили бы огромные суммы. С «мичуринской биологией» дело обстоит иначе: здесь два непримиримых лагеря среди советских ученых; «мичуринская биология» не заинтересовывает главную массу ученых за границей, и я не слыхал, чтобы какие-либо методические достижения «мичуринской биологии» получали широкое признание за границей. Ольшанский пытается доказать, что успехи нашей биологии тоже очень велики и что они связаны с мичуринским направлением. Несомненно, что советская биология не стоит на месте, но успехи ее значительно ниже успехов в точных и технических науках, и успехи советской биологии либо не связаны с генетикой, либо в значительной степени сделаны представителями гонимой с 1948 года менделистской формальной генетики. Ольшанский утверждает обратное. Он полностью отрицает успехи «формальной» генетики, приводит ряд имен и утверждает, что ясно из всего текста, что все эти ученые — мичуринцы и что, следовательно, утверждение о бесплодии мичуринской биологии есть ложь и клевета. Для разбора всех упомянутых имен здесь нет места, и я ограничусь двумя: первым в списке Ольшанского и последним.

На первом месте фигурирует имя нашего выдающегося гельминтолога академика К. И. Скрябина. Совершенно несомненно, что в области гельминтологии СССР не уступает никакому другому государству и созданная под руководством К. И. Скрябина школа гельминтологов поистине огромна, но при чем тут генетика вообще, а тем более «мичуринская» генетика? Академик Скрябин сложился как ученый еще до революции: в советских условиях он получил материальную возможность чрезвычайно широко развернуть свою деятельность, но качественно она не изменилась.

Но уж совершенным курьезом звучит включение в число представителей «мичуринской биологии» выдающихся работников по созданию гибридных семян кукурузы — М. И. Хаджи нова и Б. П. Соколова. М. И. Хаджинов — один из трех авторов (кроме него—П. А. Баранов и Н. И. Дубинин) превосходной статьи «Проблема гибридной кукурузы» («Ботанический журнал», т. 40, 1955, с. 491—507). Н. П. Дубинин — один из лидеров нашей классической генетики, и в компании с ним не мог бы оказаться Хаджинов, если бы он был мичуринцем. Б. П. Соколов вместе с Хаджиновым разрабатывал вопрос о межлинейных гибридах, и к 1935 году (год рождения

«мичуринской биологии») вопрос был совершенно ясен. Это направление в работе целиком поддерживалось

113

безвременно погибшим Н. И. Вавиловым (реабилитированным посмертно) в его последнем открытом выступлении в 1939 г. (см.: «Под знаменем марксизма», 1939, № 11, с. 129). За это Н. И. Вавилов подвергся упрекам в низкопоклонстве перед заграницей со стороны Лысенко и философа Митина.

3. Но Ольшанский утверждает, как и другие лысенковцы, что метод гибридных семян кукурузы не имеет ничего общего с менделизмом, а, напротив, является достижением мичуринской биологии. Этот вопрос полезно разобрать достаточно подробно, так как сейчас в огромной ценности этого метода никто не сомневается и он внедряется в практику всех стран, возделывающих кукурузу. Если окажется, что этот метод связан с менделизмом, то его одного будет достаточно, чтобы опровергнуть утверждение Ольшанского, что классическая генетика ничего не дала для колхозно-совхозного производства.

В основе утверждения, что гибридные семена кукурузы не связаны с менделизмом, лежат два довода: 1) явление гетерозиса, которое и приводит к резкому повышению урожайности межлинейных гибридов, не связано с менделизмом, а, напротив, было хорошо известно Дарвину; 2) хорошо известные математические закономерности расщепления по закону Менделя (в простейшем случае 3:1) не используются при выводе межлинейных гибридов. Поэтому на основе положения о «двух лагерях» делается заключение: так как это не менделизм, то, значит, это мичуринская биология. Нетрудно показать всю фальшь подобного рассуждения,

а} *Межлинейные гибриды выведены менделистами, а не мичуринцами.* Хорошо известно, что родоначальником метода является американский генетик-менделист Шелл, которого Митин упоминает в числе генетиков-антидарвинистов (отрицание творческой роли отбора, критика дарвиновского учения о мимикрии) для доказательства того, что среди ученых в буржуазном обществе много реакционеров («Под знаменем марксизма», 1939, № 10, с. 153). После длительной работы в Америке задача получения межлинейных гибридов была успешно разрешена, у нас она была успешно продолжена под руководством Н. И. Вавилова Хаджиновым, Соколовым и др. (см. п. 2 этой статьи) и вызвала решительный протест лысенковцев не только в 1939 году, но и в 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ как в выступлении Ольшанского (об этом поговорим позже), так и в выступлении Фейгинсона (Стеногр. отчет сес. ВАСХНИЛ, 1948 г., с. 316, 317). Фейгинсон указал, что использование гибридных семян никакого отношения к теории менделизма-морганизма не имеет и сложные технические приемы, предложенные морганистами (предварительное самоопыление и отбор самоопыленных линий), служат, очевидно, для обеспечения интересов капиталистических семянных фирм, так как рядовым фермерам в капиталистических странах предложенные морганистами приемы недоступны. Фейгинсон указывал на мичуринские приемы получения гибридных семян (об этом поговорим позже), но совершенно ясно, что в 1948 году сами лысенковцы, отрицая инцухт, признавали американский метод получения гибридных семян менделистским, и именно этот метод сейчас широко внедряется в практику.

б) *Отрицание инцухт-метода тесно связано с «мичуринской генетикой».* Ольшанский в своей речи на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. (Стеногр. отчет, с. 43) пишет: «Под влиянием теории менделизма-морганизма в селекции перекрестноопыляющихся растений широко применялся метод инцухта (принудительное самоопыление). Более того, этот метод считался основным в селекции перекрестников, вследствие чего много времени и средств было затрачено селекционерами впустую. Нередко этот метод, особенно в животноводстве, наносил и прямой вред. Работы мичуринцев по биологии оплодотворения позволили развенчать этот метод, являющийся порождением формально-генетической теории». И понятно, почему «мичуринцы» отрицали инцухт. Инцухт нередко, в особенности у перекрестников, приводит к резкому ослаблению

114

растений, а так как лысенковцы утверждают, что не может быть резкого расхождения фенотипа и генотипа, то они и бракуют ослабленные растения как производителей. Это подчеркивает тот же Ольшанский (с. 46): «Для скрещивания необходимо брать в качестве материнского растения наиболее урожайный для данного района сорт».

А почему Шелл и другие держались инцухта, хотя он явно приводил к ухудшению качества растения? Потому что они стремились получить гомозиготные, выровненные в наследственном отношении растения хотя бы ценой временного снижения их урожайности? А путь — инцухт —

для этой цели был показан самим Г. Менделем в его бессмертном мемуаре. Он дал нам математическую формулу, впоследствии широко использованную Иогансеном, постепенного выпадения гитерозиготов при длительном инцухте: при моногибри-дизме и самоопылении в десятом поколении останется только один гетерозигот на 1024 растения. Поэтому утверждать, что метод инцухта не связан с менделизмом, могут только те, для которых весь менделизм выражается формулой 3: 1.

в) *Использование гетерозиса лысенковцами полностью провалилось.* Что касается гетерозиса (пышное развитие гибридов), то действительно это явление было известно Ч. Дарвину и не связано с менделизмом непосредственно. Но менделисты и лысенковцы к этому явлению подходят по-разному. Менделисты считают, что гетерозис наблюдается далеко не всегда (и это совершенно верно), следовательно, для достижения наилучшего результата надо проделать большое количество испытаний по скрещиванию гомозиготных линий и после беспощадной браковки выбрать наилучшие. Это требует очень большой работы, но она окончилась блестящей победой. Лысенковцы же считают гетерозис проявлением общего явления «жизненности растений», открытого Лысенко, и требуют гибридизации при свободном опылении, исходя из следующих «закономерностей» (речь Ольшанского, Стеногр. отчет, с. 45): «1) Скрещивание придает силу, большую жизненность потомству. 2) Гибриды обладают большей пластичностью по сравнению с родительскими формами, размножавшимися значительное время в чистоте. 3) В процессе оплодотворения проявляется избирательность, а поэтому в случае, если признаки биологической приспособленности совпадают с признаками, практически полезными, можно использовать это свойство, эту закономерность для селекции. Отсюда гибридизация лучших сортов для данной местности, например озимой пшеницы, при свободном ветроопылении повысит жизненность исходных материнских сортов и их устойчивость к различным невзгодам, а следовательно, и урожайность». Свободное опыление предложено Лысенко (см. речь Фейгинсона, с. 317) и характеризовалось как «брак по любви» в отличие от навязанного брака, рекомендуемого зловредными морганистами. Но менделистский «навязанный брак» привел к блестящим достижениям не только у кукурузы, а к чему привел «брак по любви»? Известный селекционер академик В. Ю. Юрьев, вовсе не отрицающий вообще «мичуринские методы», указывал в статье «Из практики селекции и семеноводства зерновых культур» (газ. «Сельское хозяйство», 6 августа 1954 г.), что межсортовое свободное опыление приводило к потере сортов, могло приводить и к снижению урожайности, и сейчас этот прием в семеноводстве совсем не применяется, сохранился только в селекционном деле.

г) *Сейчас лысенковцы «примирились» с инцухтом.* Если возьмем статью Кушнера «Генетика» (направление, возглавляемое Т. Д. Лысенко) в БСЭ, 2-е изд., т. 50, 1957, с. 487, то там найдем такое место: «Представление о жизненности организмов (Т. Д. Лысенко) позволило углубить исследования в области гетерозиса в растениеводстве и животноводстве, разработав приемы борьбы с отрицательными последствиями инцухт-депрессии и т. д. (М. А. Ольшанский, М. М. Лебедев и др.). В чем заключаются эти приемы борьбы с вредными последствиями инцухта, мне неизвестно, важно то, что Ольшанский

и др. лысенковцы признали необходимость использования инцухта в селекционном деле. С инцухтом, как и с огромным количеством других ценных методов и теорий в науке, повторилась обычная в нашей действительности история: сначала блюстители порядка отвергают этот метод или теорию «с порога» как противную «нашей» идеологии, а когда опровергать уже невозможно, говорят: «Этот метод или теория вытекают из „нашей" идеологии». В отношении же гетерозиса фальсификаторы-лысенковцы говорят: «Мы всегда были за гетерозис, это наш прием» — с таким же правом, как мог бы говорить какой-нибудь воскресший алхимик, узнав о современных работах по превращению элементов: «Так чего же тут нового, мы всегда это говорили и даже разработали приемы по превращению олова в золото. Технический метод был немного недоработан, все это окончание нашего дела и составляет всю заслугу современных физиков». И все-таки алхимики, говоря так, были бы более правы: они-то в свое время проделали громадную подготовительную работу, предварившую создание настоящей научной химии, а лысенковцы только тормозят развитие уже сложившейся науки.

4. Ольшанский считает, что на сессии ВАСХНИЛ не было, как говорят авторы статьи в журнале «Нева», противоположения советской и заграничной, буржуазной науки, а было противопоставление материалистической и идеалистической науки. Эти два противопоставления — социализм—капитализм и материализм—идеализм считаются тесно связанными друг с другом,

так что, если бы даже Медведев и Кирпичников ошиблись, это была бы небольшая ошибка, но разберем два вопроса: справедливо ли обвинение морганистов в идеализме и справедливо ли утверждение Ольшанского, что сессия не пыталась противопоставить советскую и зарубежную науку. Разберем первое «обвинение». Ольшанский определяет мичуринское направление: «Мичуринское направление в биологии отбрасывает все механистические и идеалистические концепции „классической генетики", в том числе и в ее модном сейчас химическом варианте». Важным пунктом считается также, что условия жизни принимаются ведущими в развитии органического мира.

Действительно, многие современные, весьма плодотворные направления в науке (кибернетика, молекулярная биология, биохимия, биофизика и др.) проникнуты духом механистического материализма. Значит ли это, что их надо (в силу их механистичности) объявить идеалистическими? Так ведь это означает форменную капитуляцию перед идеалистами. Родоначальником механистического материализма справедливо считается Демокрит, который не был диалектиком. Значит, он—идеалист? Гассенди, Лаплас, Больцман — идеалисты? Тогда выходит, что вся наука построена идеалистами. Есть другое мнение, что истинную творческую роль в науке играли только материалисты. Это мнение безусловно неверно, но оно до известной степени оправдано теми огромными успехами, которых достигли материалисты в 18-м и 19-м веках. История науки учит, что сложилась истинная, математическая наука прежде всего под влиянием великих идеалистов Пифагора и Платона, системы которых не исключали, а включали в себя материалистический подход к явлениям, и потому всякий истинный пифагореец приветствует мощное развитие кибернетики, молекулярной биологии и проч., так как эти проникнутые математическим духом (а дух-то этот по существу пифагорейский) направления сами придут к осознанию тех ошибок, которые им сейчас свойственны. А вот такие «законы», как положения, сформулированные Лысенко, могут привести только к застою.

Вторым доводом в пользу идеалистичности классической генетики (кроме ее механистичности) является мнение выдающегося физика Шредингера, который свою книжку «Что такое жизнь?» заканчивает соображениями, которые он считает «...наибольшим из того, что может дать биолог, пытающийся одним ударом доказать и существование бога, и бессмертие души». Лысенко (Стеногр. отчет, 1948, с. 14—15) считает, что Шредингер вскрыл истинную идеалистиче-

скую подоплеку морганистской генетики невзначай для наших морганистов. Необыкновенно убедительно! Но, во-первых, хорошо известно, что подавляющее большинство генетиков при полном уважении к Шредингеру, как к одному из самых крупных физиков современности, не разделяют его теологических воззрений. Методически же подобный прием означает: если какая-либо научная теория каким-либо выдающимся ученым связывается с богословскими соображениями, то ее надо отвергнуть как идеалистическую. Но великий Ньютон, один из основоположников атомной теории, говорил, что свойства атомов (вечность, неизменность) поистине сверхъестественны, так как в естественной природе мы таких тел не наблюдаем, следовательно, атомы доказывают их божественное происхождение. Сходно говорил и Гассенди. Значит, руководствуясь новейшим методом Лысенко, надо всю атомную теорию выбросить в мусорный ящик истории?

Наконец, доказательством идеализма современной генетики считают то, что она пренебрегает внешними условиями развития. Во-первых, всем хорошо известно, что она вовсе не пренебрегает внешними факторами, но значит ли это, что признание внутренних факторов развития есть идеализм? В физике мы знаем, что радиоактивные элементы распадаются под влиянием внутренних сил, звездные катастрофы происходят под влиянием внутренних процессов по определенным законам, почему же в биологии не могут быть внутренние законы развития, которые могут и не быть идеалистическими?

Ольшанский повторяет жалобы Лысенко и проч., что «модные» сейчас физико-химические направления вытесняют собственно биологию. Происходит также математизация биологии, а это тоже не нравится, и Ольшанский приводит даже высказывания заграничных ученых, жалующихся, что молодежь мало идет в биологию.

Что одаренная молодежь сейчас устремляется прежде всего к точным наукам, а в пределах биологии к тем ее разделам, которые связаны с физикой, химией, математикой, вполне понятно: даже профаны ослеплены сейчас триумфами этих отраслей знания, но мне хорошо известно, по личном опыту, что триумфаторы точных наук вовсе не стремятся заткнуть рот своим противникам по ряду философских и методических вопросов, напротив, проявляют к ним живейший интерес.

Но когда Лысенко и Ольшанский рядятся в тогу защитников биологии, то это может вызвать только смех и возмущение: не их ли трудами мы дошли до такого положения, что разделы «биология», «зоология» и «ботаника» мы можем найти только в книжных магазинах наших зарубежных друзей (ГДР и др.); в наших же книжных магазинах этих отделов нет, и биологические книжки приходится разыскивать в отделах сельского хозяйства и медицины, как бедных родственников.

5. Обратимся теперь к вопросу о том, что на сессиях ВАСХНИЛ не было противопоставлений буржуазной и социалистической науки. Видимо, Ольшанский совершенно позабыл пресловутый доклад Лысенко «О положении в биологической науке». Третий раздел этого доклада и озаглавлен: «Два мира — две идеологии в биологии», и эту мысль он проводил всегда, она и давала ему, как и Вильямсу, возможность предъявлять политические обвинения своим противникам. В роковой для советской агрономии и биологии речи на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1935 году {напечатано в «Правде» 15 февраля 1935 г., перепечатано в книге Лысенко «Стадийное развитие растений», 1952, Сельхозгиз, с. 650) Лысенко произнес следующие слова: «Я уверен, что я чрезвычайно плохо изложил здесь вам затронутые мной вопросы по генетике и селекции. Я не оратор. Если Демьян Бедный сказал, что он не оратор, а писатель, то я не оратор и не писатель, я только яровизатор, и поэтому я не сумел вам это дело просто объяснить. *(Сталин: «Браво, т. Лысенко, браво!» В зале аплодисменты).*

117

Заканчивая свое выступление, я хочу сказать следующее. Каждый из вас, колхозников, чувствует, что за жизнь у нас появилась, что за благодатная, счастливая колхозная жизнь. **Вы** чувствуете, насколько у нас растут производительные силы при колхозном строе. Ученые это еще больше чувствуют. Недаром я пожалел и довольно искренне пожалел своих кровных врагов, которые на каждом шагу и теперь еще в колеса палки ставят, — это буржуазных ученых. А пожалел я их вот почему: больно уж низка у них производительность труда, а как высока производительность труда у наших ученых!»

Эта речь и знаменует начало царства Лысенко в науке. Один деспот, Сталин, помазал на царство в науке другого деспота, Лысенко. Все должны были понять: «С нами Сталин, разумейте, ученые, и покоряйтеся». Н. И. Вавилов не покорился, в 1939 году был смещен с поста президента ВАСХНИЛ, но когда он и на посту директора ВИРа не покорился, то вмешался заплечных дел мастер Берия. Н. И. Вавилов вместе с рядом своих сотрудников исчез «в ночи и тумане», доказав, что в 20-м веке имеются истинные мученики науки.

6. А теперь познакомимся с продуктивностью лысенковских ученых, оставя самого Лысенко пока в стороне. Возьмем для примера самого Ольшанского. Вряд ли можно обвинить меня в том, что я выбрал неудачника-лысенковца. Ольшанский на пресловутой сессии выступал первым после Лысенко, сейчас он — президент ВАСХНИЛ, глава сельскохозяйственной науки и, кроме того, автор разбираемой статьи. Наверно, это выдающийся ученый, давший много полезного нашей стране! Возьмем справочник — БСЭ, 2-е издание, в редакцию которой входят ряд выдающихся лысенковцев. Ни в 31-м томе (год издания 1953 г.), ни в дополнительном 51-м (1957) в соответствующем месте мы имени Ольшанского не найдем. Но, пользуясь прекрасно составленными справочными томами БСЭ, узнаем, что во всей энциклопедии Ольшанский упоминается два раза: в томе 11 (статья «Гибридизация», 1952, с. 206), где указано, что на основе метода, разработанного Т. Д. Лысенко, Ольшанский вместе с Т. Д. Лысенко в короткий срок вывел сорт хлопчатника № 1, и в томе 50 (1957 г.), где говорится о его заслуге в деле ослабления вредного влияния инцухта (см. наст, статью, п. 3, *г).* В общем не так густо для президента ВАСХНИЛ. Но любопытно, что в 50-м томе в разборе успехов лысенковского направления не упоминается об Ольшанском как авторе сорта хлопчатника, и это упущение не случайно и объясняется просто тем, что сорт Ольшанского совершенно провалился, причинив при этом достаточно убытка нашему сельскому хозяйству.

Возьмем речь Лысенко на совещании передовиков урожайности с руководителями Партии и Правительства (впервые опубликовано в газетах 2 и 3 января 1936 года, перепечатано в сборнике Лысенко «Стадийное развитие растений», 1952, Сельхозгиз, с. 702—703). Лысенко говорит о разных методах выведения сортов и предлагает не вести абстрактных споров, а обратиться к единственно верной проверке — практике {с. 703):

«Товарищи! Мы имеем задание, которое нам дали партия и правительство УССР, а также нарком земледелия Союза, обязав нас вывести сорт хлопчатника для УССР лучший, чем сорт „шредер-1306".

Когда со мной беседовали и задали мне вопрос, через сколько лет мы сможем вывести такой сорт хлопчатника, то ведь у меня не мог повернуться язык, чтобы сказать, что „через 10 лет мы вам дадим ответ, будет ли этот сорт или нет". Я сказал тогда, что беру тот срок, который указали в постановлении ЦК, то есть через 4—5 лет. Мне ответили:„Через 4—5 лет? Ждать — это долго". И крепко продумав наш план действий, мы совместно с нашим специалистом по хлопчатнику т. Ольшанским решили сделать это значительно раньше.

Прошло всего немного больше года, и мы теперь обещаем, что к концу второго года задание СНК УССР мы выполним. К октябрю 1936 г. мы дадим новый сорт хлопчатника, выведенный за два года, в количестве 5 т семян. (Аплодисменты).

118

...И эту работу с хлопчатником мы также проводим на основе тех наших положений, против которых многие представители науки с нами больше всего спорят.

(Голос из президиума: «А кто именно, почему без фамилий?»)

Фамилии я могу назвать, хотя тут не фамилии имеют значение, а теоретическая позиция. В общем большинство генетиков с нашим положением не соглашается. Николай Иванович Вавилов в недавно выпущенной работе „Научные основы селекции", соглашаясь с рядом выдвигаемых нами положений, также не соглашается с основным нашим принципом браковки в селекционном процессе».

Ясно. Дано заверение, что выведен новый сорт, пригодный для Украины, что главный помощник здесь — специалист по хлопчатнику Ольшанский, а главный противник нового метода выведения сортов — Н. И. Вавилов, возглавлявший большинство генетиков, у которых «поворачивался язык» сказать правительству, что решить задачу внедрения на Украину хлопчатника в короткий срок невозможно. Новый сорт был внедрен. Результат?

Возьмем книгу «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах» (ЦСУ Госстатиздат, 1957, с. 177) и приведем напечатанную таблицу в сжатом виде. Семь основных хлопкосеющих республик — Узбекская, Азербайджанская, Туркменская, Казахская, Киргизская, Таджикская и Армянская ССР, остальные— Грузинская, Украинская, Молдавская ССР и РСФСР.

Рост посевных площадей хлопчатника в СССР, в тысячах гектаров

	1913г.	1928г.	1940г.	1945г.	1953г.	1950 г.
СССР	688	971	2076	1213	1878	2065
Семь хлопкосеющих республик	681	962	1550	1197	1878	2060
Остальные	7	9	526	16	0	5

526 тысяч гектаров на Украине и других республиках европейской части Союза — вот результат внедрения новых сортов, выведенных Ольшанским. Но почему сейчас мы вернулись к дореволюционному уровню в этих республиках? (в 1956 году результаты войны в сельском хозяйстве были залечены). Потому что урожайность хлопчатника в этих новых районах была исключительно низка, эти цифры были даже опубликованы. Новые сорта не разрешали поставленную задачу внедрения хлопчатника на Украину, Н. И. Вавилов с генетиками оказался прав. Признали Лысенко и Ольшанский свою ошибку? Ничуть. В выступлении на сессии ВАСХНИЛ (Стеногр. отчет, с. 50, 51) Ольшанский говорит (в 1948 году!) о селекции скороспелых сортов хлопчатника, как будто это совсем новая задача, говорит о свыше 1000 использованных гибридных комбинаций и, наконец, сообщает, что «отдел селекции хлопчатника Института взял обязательство дать уже в текущем году новый скороспелый урожайный сорт хлопчатника, получив для дальнейшего размножения и изучения его 100 кг семян». Лысенко после 1948 года достиг подлинно неограниченной власти, и вот в 1952 г. в статье «О задачах Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина по выполнению решений XIX съезда партии в области развития сельского хозяйства» (журн. «Агробиология», 1952, № 6 и «Доклады ВАСХНИЛ», 1953, № 1) мы находим особый раздел: «О хлопчатнике в южных районах европейской части СССР». Там Лысенко говорит о необходимости быстрейшего выведения хороших скороспелых сортов хлопчатника как об одной из главных задач и опять говорит об умелом использовании теоретических достижений мичуринской генетики, совершенно забывая свои прежние слова, что он признает ошибку и откажется от своих методов, если практика покажет, что на основе работы его методами не получится разрешения того или иного вопроса. Прошло еще одиннадцать лет, и вот в недавнем выступлении по радио Ольшанского «Большой вклад» (3 сентября 1963 года 21 ч. 20 мин.—21 ч. 40 мин. по первой программе) он говорит, что

одной из предстоящих задач является выведение нового сорта хлопчатника, менее требовательного к теплу, чем существующие сорта. Так ведь эта

119

задача была поставлена еще в 1935 году! Тогда у Лысенко и присных не «поворачивался язык» сказать, что решить эту задачу в 4—5 лет невозможно, а сейчас через 28 лет (!) прекрасно поворачивается говорить так, как будто лысенковцы никаких обязательств не давали. Невыполнение торжественно данных обязательств называется банкротством, и потому совершенно объективно Ольшанского, специалиста по хлопчатнику, можно назвать банкротом от науки, сохраняя за ним заслуженные звания фальсификатора, лжеца и клеветника. Поистине можно «пожалеть» буржуазных ученых с их черепашьими темпами, и как не воскликнуть: «Какая честь для нас, для всей Руси, что выдающийся фальсификатор и банкрот стоит во главе сельскохозяйственной науки, на месте, где был оклеветанный Лысенко Н. И. Вавилов».

7. Таким же банкротом, но на гораздо более широком основании, является и лидер «мичуринской биологии» Лысенко. Главным козырем Лысенко против Н. И. Вавилова было то, что урожайность хлебов в СССР росла слишком медленно, она бесспорно росла. Мы имеем данные в статьях «Полеводство» и «Урожаи и урожайность» первого издания БСЭ. Самым урожайным годом был 1937 г., когда урожайность зерновых (без кукурузы) была 11.5 ц с га и валовой сбор достиг 7.34 миллиардов пудов, средняя же урожайность в конце тридцатых годов была не ниже 10 центнеров, т. е. на уровне средней мировой урожайности и урожайности США. Мы знаем, что после торжества Лысенко 1952 год был провозглашен рекордным и на XIX съезде КПСС было указано на 8 миллиардов пудов урожая. Эта цифра оказалась фальшивой, что сейчас общепризнано, и фактически собрали около 5.6 миллиардов пудов. Фактически средняя урожайность упала примерно до уровня 7—8 центнеров, не менее чем на 20 %. А как в странах капитализма? Из БСЭ 2-го издания (статья «Урожайность») ясно, что там урожайность выросла примерно на 20 %. Соотношение 1 : 1 сменилось отношением 1.5 : 1 не в нашу пользу. У нас за последние десять лет рост производства зерна (все еще не удовлетворяющий потребности населения, в особенности в текущем году даже после рекордного урожая 1962 года) шел почти исключительно за счет расширения площадей, в США же за счет повышения урожайности. По всем культурам: кукурузе, картофелю, цитрусовым, плодовым деревьям, чаю и проч., — везде, где вмешивался Лысенко, мы получаем одно и то же: разнуздан-нейшее хвастовство, грандиозные обещания, политические инсинуации в адрес противников и в результате полное банкротство во всех случаях. Мало пострадала от Лысенко свекла (если не считать крайне разрекламированного и потерпевшего полную неудачу метода, отнюдь не нового, — борьбы со свекловичным долгоносиком при помощи кур), так как, к счастью, он мало на нее обращал внимания. Вообще же сравнение урожайности всех стран и всех культур позволяет прийти к следующему выводу. Сформулированный в свое время «закон падающего плодородия почвы» решительно опровергается во всех культурных странах для всех культур и совершенно независимо от общественно-политического строя страны, за исключением тех культур, тех районов и того периода, где господствовала деспотия Лысенко. И совершенным курьезом является метод защиты архифальсификатора Лысенко, использованный газетой «Известия» от 17 сентября 1963 года на первой странице. Приводятся две фотографии посадки дуба — одна по пресловутому гнездовому методу (в свое время до Лысенко указывали, что в некоторых случаях этот метод вполне пригоден) — прекрасные дубы, а другая — по рядовому (плохие дубы). Неужели в наш век развития точных наук редакции «Известий» неясно, что такие сложные вопросы, как рекомендация того или иного метода на обширной и чрезвычайно разнообразной территории, путем сравнения двух фотографий не решаются. Прекрасный пример того, что в той же стране и в том же городе рядом с высокой наукой по соседству может находиться полное непонимание научного метода.

И Лысенко всегда публично брал на себя ответственность за проведение тех или иных мероприятий, если ему не будут мешать. Так, на совещании 7—14,X

120

1939 г. он говорил («Под знаменем марксизма», 1939, № 11, с. 146): «Идя на руководящую работу в Академию с/х наук им. В. И. Ленина, я знал, что это будет для меня серьезное задание». Говоря о создании морозоустойчивого сорта озимой ржи для открыто-бесснежной зоны Сибири в 2—3 года, он указывал, что уже прошел почти год и кто будет нести ответственность за срыв в получении этого сорта: «Думаю, что не менделизм и не дарвинизм вообще, а в первую очередь Лысенко как руководитель Академии с/х наук и как академик по разделу селекции и

семеноводства». А на с. 156 ясно указано, кто «мешал» в выполнении этого задания (и других, конечно): «Насколько я на слух мог уловить, поданное Н. И. Вавиловым в президиум заявление, разъясняющее его выступление, гласит, что, будучи директором института, входящего в систему Академии с/х наук, акад. Н. И. Вавилов не будет подчиняться руководству Академии? Как это можно понять? Руководство Академии должно отвечать за академические институты, а директор одного из наиболее крупных институтов — Всесоюзного института растениеводства — заявляет, что он не будет подчиняться руководству». «Препятствие» было устранено менее чем через год после этих слов, но наша наука от этого ничего не выиграла. А где ветвистая пшеница, с которой изображался Лысенко в своих сборниках «Агробиология», — видимо, главный козырь перед сессией 1948 г. благодаря использованию того же «наглядного» метода, который и сейчас фигурирует в «Известиях»? «Единожды солгавши, кто тебе поверит!» — сказал в свое время Козьма Прутков. Устарел Козьма! Лысенко солгал десятки если не сотни раз, а кое-кто ему все-таки верит! Чудеса!

8. Ольшанский обвиняет Медведева и Кирпичникова в том, что они не пользуются термином «мичуринская биология», а, по-моему, они это правильно делают. Нечего припутывать почтенное имя Мичурина к грязному лысенковско-му направлению в науке. «Мичуринская биология», как известно, родилась в 1935 году после смерти Мичурина, как и после смерти М. Ф. Иванова, который никакого решительно отношения к Лысенко и к его взглядам не имеет. Значение Мичурина чрезвычайно раздуто. Заслуги его скромны, но это был трудолюбивый, ищущий и, главное, честный работник, который делал много ошибок, но сам беспощадно издевался над собственными ошибками в последующих работах. Как известно, лысенковщина характеризуется абсолютным отсутствием даже намека на самокритику. Мичурин был поддержан и был дружен с Н. И. Вавиловым, несмотря на расхождения во многом. Его отношения с Лысенко из официальных биографий (которые многое умалчивают) выяснить трудно: в них во всяком случае не упоминается, чтобы Лысенко, якобы восторженный почитатель Мичурина, удосужился хотя бы раз посетить своего духовного отца (Н. И. Вавилов был у Мичурина четыре раза).

Но лысенковцы прибегают к последнему козырю: недопустимости «ревизии» сессии 1948 года, так как ревизионизм вообще недопустим. Абсолютно отрицают ревизионизм в любой форме, как известно, современные лидеры китайской компартии, которые очень недовольны той беспощадной и справедливой ревизией роли Сталина, которая была проделана XX и XXII съездами КПСС. Но, не говоря уже в общем виде, разве сессия 1948 года уже не «ревизована» по крайней мере наполовину?

В основном докладе «О положении в биологической науке» Лысенко пишет (Стеногр. отчет, с. 13): «Основы советской агробиологической науки заложены Мичуриным и Вильямсом». Это же развивает на сессии Бушинский (с. 127): «Казалось бы, биологическое направление в науке о почве, широко развитое трудами академика В. Р. Вильямса и его школы, не вызывало сомнения и по праву должно было входить в общий комплекс биологических наук. Так считали мы. Так, очевидно, считают и многие присутствующие здесь на сессии. Но доклад Т. Д. Лысенко показал, что, к сожалению, не все, что идет от разума, всюду признается и разделяется. Сравнительно недавно возникла дискуссия в связи с тем, что учение В. Р. Вильямса о плодородии почвы, о ее эволюции, о травопольной

системе земледелия, вызывает якобы у некоторых ученых сомнение». Канонизация Вильямса как безусловного авторитета проведена и в обращении сессии к Сталину (там же, с. 530), и в постановлении сессии по докладу Лысенко (там же, с. 532). Критиковать Вильямса было так же недопустимо, как критиковать Лысенко или Сталина. Сейчас, очевидно, поворот на 180 градусов, и бесспорный авторитет, Вильяме, и травопольная система смешиваются с грязью теми самыми казенными перьями, которые смешивали с грязью честных противников Вильямса. А в числе них, как и в числе противников Лысенко, был наш выдающийся ученый академик Д. Прянишников, книги которого исключались из библиотек сельскохозяйственных институтов, а сейчас он получил справедливое признание. Подхалимы в чрезмерном усердии доходят до того, что готовы полностью изгнать с нашей огромной территории многолетние травы и овес как «малоурожайную» культуру, забывая, что рекордные в области животноводства и очень густо населенные страны Голландия и Бельгия широко пользуются травами и не сеют кукурузы (как почти не сеет сходная с нами по условиям Канада), а Англия, Канада и США засевают большие площади «малоурожайным» овсом. Все эти сведения можно почерпнуть в наших справочниках, напр. «Ежегодник БСЭ» или «Зарубежные страны» (Госполитиздат, 1957).

Вильяме сделал много ошибок, применяя совершенно недопустимые приемы борьбы с противниками, но это все-таки был ученый и талантливый ученый, и его идеи при их критическом использовании, вероятно, окажутся небесполезными, как и многое в наследии Мичурина. Две его ошибки исправлены: переоценка травопольной системы и недооценка удобрений, необходимо исправить и третью, главную, — поддержку лжеученого Лысенко. Но кроме Вильямса «ревизованы» и другие, второстепенные столпы лысенковщины, О. Б. Лепешинская и Бошьян. Лепешинскую очень поддерживал Лысенко и считал, что «новое учение о клетке» Лепешинской не только поддерживает, но существенно необходимо для его теории. Насколько мне известно, Лепешинская имела мужество публично признать «недоказанность» своей теории, и она сейчас сдана в архив. Совершенно разоблачен едва не канонизированный Бошьян, который вкупе с Лепешинской доказывал «реакционность» Пастера и то, что этот титан науки и благодетель человечества «задержал» развитие биологии. И лысенковцы смели призывать в качестве своего союзника К. А. Тимирязева, который свое восторженное отношение к Пастеру выразил в подлинном биографическом шедевре «Луи Пастер».

Презент снят с работы как в Московском, так и Ленинградском университетах, где он возглавлял кафедры дарвинизма. Турбин вовсе «изменил», другие колеблются, а о молодой талантливой поросли «мичуринской биологии» что-то не слышно. Несмотря на запреты Лысенко, Ольшанского и других, ненавистное им и «модное» увлечение «химическим вариантом генетики», молекулярной биологией, математизацией биологии и пр. успешно развивается под руководством многих наших наиболее выдающихся ученых в Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске, Новосибирске, Минске и др. Мне известно около десятка солидных лабораторий, а мой список очень неполон. Настоящая научная общественность на съездах, конференциях и проч. совсем не сочувствует лысенковщине. Как сказал словами известной песни проф. Соколов в блестящей критике «органо-минеральных смесей Лысенко», «никто пути пройденного от нас не отберет». Повернуть колесо истории вспять не удалось бы даже Сталину, а уж на недостаток воли и неразборчивость в выборе средств для борьбы с врагами и соперниками Сталин, конечно, пожаловаться не мог.

9. Подведем итоги. Обвинения Ольшанским Медведева и Кирпичникова (а заодно и всех своих противников) в фальсификации и клевете совершенно необоснованны. Напротив, с гораздо большим основанием эта квалификация может быть применена к самому Ольшанскому. Но с полным основанием к этим характеристикам можно приложить еще три: банкротство в науке, вандализм и наглость. Было показано (и здесь я только повторяю утверждения многих моих

товарищей), что Лысенко с соратниками подписывали векселя огромного значения, эти векселя они использовали для победы над своими честными противниками, обязательств не выполняли и никогда в таком провале не признавались. Пользуясь юридической терминологией, можно сказать, что они не просто банкроты, а злостные банкроты.

Настоящие революционеры в науке отнюдь не поносят своих предшественников. Раскрывая их ошибки, они воспринимают по возможности все положительное, становятся, как выразился гениальный Ньютон, на плечи своих предшественников, а не пытаются топтать их ногами. Можно привести сколько угодно примеров: Коперник—Птоломей, Лобачевский—Эвклид, Дарвин—Линней и Кювье, Маркс—утопический'социализм, английская политическая экономия и немецкая идеалистическая философия, Эйнштейн—Ньютон. Вандалы же просто разрушают старое. Скажут, что Лысенко опирался на Дарвина и Тимирязева, но от дарвинизма в лысенковщине ничего не осталось, а того, кого так чтил Тимирязев, — Пастера объявили реакционером. По отношению же к современным прогрессивным направлениям, начиная с менделизма, уже был стопроцентный вандализм.

Наконец, если вор ворует по нужде и сознается в своей вине, то такого вора можно простить, пожалеть и постараться ему помочь. Но если крупный вор-рецидивист всех громче кричит по отношению к честным людям: «Держи вора!», то такой вор по своей наглости вызывает только омерзение.

Но могут возразить: если лысенковцы так виноваты, почему у них такая уверенность в безнаказанности? Они полагают, что по сравнению со сталинской эпохой по существу ничего не изменилось и что академики, получив хорошее, «направленное», сталинское воспитание, снова проголосуют, как в недавние времена, против своей совести, руководясь популярными народными изречениями и иными максимами поведения: «против рожна не попрешь», «сила солому ломит», «не я один, все так делают», «надо и о семье подумать», «нечего донкихотствовать», «не было бы

хуже» и прочими поговорками лукавого ума, трусливой души и покладистой совести. Не мало людей, которые полагают, что в силу идейного родства исчадий сталинского режима — лысенковщины, ежовщины, бериевщины — сохранение первого позволяет ожидать реставрации и других пережитков сталинизма. Поживем — увидим, я лично надеюсь дожить до того времени, когда опричнина будет выметена не только из органов госбезопасности, но и из научных учреждений, так как (в отличие от Мичурина, Вильямса и мн. других) Лысенко с его клевретами стоит вовсе вне науки.

1.13. Что такое мичуринская биология"

В ходе борьбы, затянувшейся почти на 30 лет, по вопросам теоретической биологии появились работы трех родов. 1) Безоговорочная защита монополии «мичуринской» (вернее, лысенковской) биологии — течение, обладающее привилегией на печатание (с исключением всех противников) в период 1948— 1952 гг. и до сего времени сохранившееся в программах наших средних школ.

2) Защита .фактических достижений «формальной», или менделистской, генетики (школа Н. И. Вавилова), имевшая место до 1948 года и в период «оттепели» до конца 1958 года (роспуск старой редакции «Ботанического журнала»); возрождение этой линии отмечено статьей Ж. А. Медведева и В. С. Кирпичникова в «Неве» в № 3 за 1963 год и совсем недавно в статье И. Рапопорта «Химический мутагенез» («Сельская жизнь» от 22 октября 1964 г.).

3) Критика лысенковщины, которую ее противники отнюдь не смешивали с мнением самого И. В. Мичурина. Значение работ самого Мичурина остается при этом совершенно неясным.[1] В печать проникли лишь очень неопределенные

* Статья написана 18.11 1964 г. в Ульяновске.

высказывания, критиковавшие преимущественное значение его работ. Это не значит, что таких работ не было. Мной, например, написана еще в 1955 году работа по разбору наследства Мичурина (около четырех печатных листов), о которой я имел вполне удовлетворившие меня беседы в ряде отделов ЦК КПСС, но о печатании ее не могло быть и речи. Постараюсь в кратких чертах изложить сущность дела.

Надо строго различать, конечно, «мичуринскую биологию», которую правильнее назвать «лысенковской биологией», и взгляды и достижения самого И. В. Мичурина. «Мичуринская биология» родилась после смерти самого Мичурина, и он не был ни ее родным, ни крестным отцом. Разберем по очереди два вопроса. *

О лысенковской («мичуринской») биологии. Ее кратко можно охарактеризовать как доведенный до крайности механоламаркизм, т. е. учение о наследовании приобретаемых свойств. В соответствии с этим Лысенко делает и вывод (вообще говоря, не обязательный для ламаркизма), что нет никакой не только монополии, но даже гегемонии хромосом в наследственности. В заключительном слове на сессии ВАСХНИЛ 1948 года он пишет; «Итак, опыты по вегетативной гибридизации безупречно показывают, что любая частица живого тела, даже пластические вещества, даже соки, которыми обмениваются привой и подвой, обладают наследственными качествами. Умаляет ли изложенное роль хромосом? Нисколько. Передается ли при половом процессе через хромосомы наследственность? Конечно, как же иначе! «Хромосомы мы признаем, не отрицаем их наличия. Но мы не признаем хромосомной теории наследственности, не признаем менделизма-морганизма».

Иначе говоря, Лысенко не отрицал существования хромосом, их роли в наследственности наряду с соками, но отрицал самое важное: преемственную связь хромосом в поколениях клеток, преимущественную роль в передаче наследственных свойств и те математические законы в передаче и комбинировании наследственных зачатков, формулировка которых и составляет бессмертную заслугу Менделя; кстати сказать, в 1965 году вся прогрессивная мировая наука будет отмечать столетие со дня напечатания классического мемуара Г. Менделя. Лысенко даже пытается показать, что менделизм не является точным научным направлением. В том же заключительном слове он говорит, что «менделизм-морганизм построен лишь на случайностях и этим самым эта „наука" отрицает необходимые связи в живой природе, обрекая практику на бесплодное ожидание... Такие науки, как физика и химия, освободились от случайностей. Поэтому они и стали точными науками... Нам необходимо твердо запомнить, что наука — враг случайностей» (выделено Лысенко. — *А. Л.).* Этими словами Лысенко и поддержавшие его «бурными аплодисментами» его сторонники на сессии ВАСХНИЛ обнаружили действительно «блестящее»

знакомство с духом современной физики и химии, где, как известно, случайные процессы играют огромное значение.

В соответствии с такими «теоретическими» построениями Лысенко рекомендовал и практические приемы селекции. Он не отрицал скрещивания, хотя придавал ему несравненно меньшую роль, чем современные генетики. Для Лысенко скрещивание — это прежде всего прием «расшатывания» наследственности наряду с другими приемами. Не нужно производить большое число комбинаций и потом отбирать лучшие. Воздействуя на «расшатанную наследственность» в определенном направлении, мы ввиду участия в наследственности всего тела получим сразу без отбора необходимые изменения.

Соответственно этому на сессии ВАСХНИЛ 1948 года сторонники Лысенко считали, что важнейшим фактором повышения молочности коров является повышение молочности матери, роль же отца (как не участвующего в производстве молока) по крайней мере второстепенна. Отрицая «случайность», лысенковцы настаивали на выборе яйцеклетки подходящей мужской половой

клетки без всякого участия человека, на «браке по любви». В связи с этим они считали излишним пространственную изоляцию перекрестноопыляемых растений при селекции. Как уже было выше сказано, Лысенко и его сторонники считали доказанными вегетативные гибриды, которым придавали большое практическое значение.

В отношении полиплоидии, т. е. удвоения количества хромосом искусственными методами (б. ч. действием растительного яда колхицина), Лысенко занимал резко отрицательную позицию. В разделе 6 («Бесплодность морганизма-менделизма») своей речи на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. он сказал: «Мне известно, что многие институты занимались и занимаются этой, на мой взгляд, малопродуктивной работой. Больше того, Министерство сельского хозяйства открыло для работы по вопросам полиплоидии специальное учреждение во главе с А. Р. Жебраком. Думаю, что это учреждение, на протяжении ряда лет занимаясь только этой работой (т. е. полиплоидией), практически буквально ничего не дало». Нечего и говорить, что после такого отзыва лаборатория была закрыта. О дальнейшей судьбе полиплоидии можно прочесть в превосходной статье В. Дудинцева «Нет, истина неприкосновенна» («Комсомольская правда» от 23 октября 1964 г.).

Лысенко не отрицал действия так называемых мутагенных веществ. В том же заключительном слове он пишет: «Мы не отрицаем действия так называемых мутагенных веществ, но настойчиво доказываем, что подобного рода воздействия, проникающие в организм не через его развитие, не через процесс ассимиляции и диссимиляции, лишь в редких случаях и только случайно (выделено Лысенко. — *А. Л.)* могут привести к полезным для сельского хозяйства результатам. Это — не путь планомерной селекции, не путь прогрессивной науки». В настоящее время именно «химический мутагенез» (см. указанную уже выше статью Рапопорта) является ведущим в получении новых, практически важных мутаций и дает возможность надеяться на получение даже направленных мутаций.

Такое же отношение Лысенко и к инцухту (близкородственное разведение). В 1947 году он не отрицал возможности повышения урожайности кукурузы путем скрещивания специально подобранных инцухт-линий, как это делается в США («Задачи ВАСХНИЛ», «О гибридных семенах» — сборник «Агробиология», 1949, с. 593), но фактически начатая работа по этому методу была свернута, и этому подыскано теоретическое основание. Так, Ольшанский в речи на сессии ВАСХНИЛ пишет (с. 43): «Под влиянием теории менделизма-морганизма в селекции перекрестноопыляющихся растений широко применялся метод инцухта (принудительное самоопыление). Более того, этот метод считался основным в селекции перекрестников, вследствие чего много времени и средств было затрачено селекционерами впустую. Нередко этот метод, особенно в животноводстве, наносил и прямой вред. Работы мичуринцев по биологии оплодотворения позволили развенчать этот метод, являющийся порождением формально-генетической теории». Понятно, почему «мичуринцы» отрицали инцухт. Инцухт нередко у перекрестников приводил к резкому ослаблению растения, а так как лысенковцы утверждают, что не может быть резкого расхождения фенотипа и генотипа, то они бракуют ослабленные растения как производителей. Это подчеркивает тот же Ольшанский на с. 46. А почему Шелл (родоначальник метода межлинейных гибридов кукурузы, давшего такие поразительные результаты) и другие менделисты держались инцухта? Потому что они стремились получить гомозиготные, выровненные в наследственном отношении растения. А путь — инцухт — к этой цели был показан Г. Менделем в его бессмертном мемуаре. Он дал математическую формулу

постепенного выпадения гетерозиготов при длительном инцухте. А современная математическая теория инцухта дана недавно умершим выдающимся математиком и генетиком Р. Фишером.

125

Перечислим теперь отдельные пункты лысенковской генетики: 1) суждение о наследственности по свойствам производителя, в частности молочность коров — только от матери; 2) наличие избирательного оплодотворения; 3) признание вегетативных гибридов; 4) отрицание перспективности полиплоидии; 5) отрицание перспективности мутагенеза; 6) ограничение инцухта; 7) иное понимание гетерозиса (мощное развитие гибридов); 8) признание возможности направленного изменения наследственности. Можно указать еще на поддержку взглядов Вильямса, Лепешинской, но так как эти две фигуры уже развенчаны, не станем ломиться в широко открытую дверь. Пересмотрим указанные пункты. 1) Здесь Лысенко сделал (не признаваясь в этом, конечно) решительный шаг к сближению с менделистами, так как в своих последних работах по повышению жирномолочности коров он широко использует бычков, которые, как известно, молока не дают (за редким исключением гинекомастов, которых Лысенко не использует). Конечно, пользуясь новыми «биологическими законами», им якобы открытыми, он говорит, что может гораздо быстрее достичь высокой наследственной жирности молока, но сейчас совершенно ясно, что в международном соревновании он проиграл. Наивысшим достижением является жирность молока 4.5—5.0 % и лишь в редких случаях выше 5 % (см. статью Ольшанского в «Сельской жизни» от 29 августа 1964 г.), а в Дании средняя жирность молока при высокой (рекордной в мире) удойности 5 %, а лучшие коровы дают до 6.9 % жира. Это засвидетельствовано Н. С. Хрущевым при его поездке в Данию, а Н. С. Хрущев был, как известно, отнюдь не противником Лысенко.

2} Утверждение об избирательности оплодотворения привело к смешению сортов.

3) Вегетативные гибриды, как правило, основаны на неправильном истолковании явлений (прежде всего, знаменитый «ренет бергамотный» Мичурина) или на явлениях, ничего общего с настоящей гибридизацией не имеющих; подробно об этом изложено в моей работе о наследстве Мичурина, но кратко изложить это невозможно.

4) Перспективность полиплоидии сейчас не отрицается и таким рьяным сторонником Лысенко, как Столетов (в примечании к уже цитированной статье Дудинцева).

5) Огромное практическое значение химического мутагенеза превосходно изложено в насыщенной фактами уже цитированной статье И. Рапопорта.

6) Об использовании инцухта при выведении гибридных семян кукурузы сказано выше.

Нам остается разобрать вопрос о гетерозисе и направленном изменении наследственности.

Гетерозис (мощное развитие гибридов по сравнению с родителями) использован при выведении гибридных семян кукурузы, что сейчас привело к резкому скачку урожайности кукурузы. Это не оспаривается теперь, но не на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. (см. выступления Ольшанского и Фейгинсона, с. 217), и лысенковцами, но они говорят: «Что же тут нового, гетерозис признавал еще Дарвин!» Верно, сам факт гетерозиса никем не отрицается, но к этому явлению менделисты и лысенковиы подходят по-разному. Менделисты считают, что гетерозис — явление не редкое, но отнюдь не обязательное при всяком скрещивании. Поэтому для получения наилучшего результата надо проделать очень много скрещиваний и потом отобрать лучшие пары. В деле кукурузы это потребовало очень большой работы, но она окончилась блестящей победой. Лысенковиы же считают гетерозис проявлением повышенной «жизненности» , гибридов, согласно «теории», выдвинутой Лысенко. Это ясно из следующих «закономерностей», изложенных Ольшанским на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. (Стеногр. отчет, с. 45): «1) Скрещивание придает силу, большую жизненность потомству. 2) Гибриды обладают большой пластичностью по сравнению с родительскими формами, размножающимися в чистоте. 3) В случае

126

оплодотворения проявляется избирательность, а поэтому в случае, если признаки биологической приспособленности совпадают с признаками практически полезными, можно использовать это свойство, эту закономерность для селекции. Отсюда гибридизация лучших сортов для данной местности, например озимой пшеницы, при свободном переопылении повысит жизненность исходных материнских сортов и их устойчивость». При таком представлении, когда сама яйцеклетка выбирает лучшую для нее (и для селекции) семенную клетку, работа должна идти гораздо «проще» и быстрее, чем при хлопотливой работе, но опыт показал, что и здесь, как во многих других случаях, «простота хуже воровства». Впрочем, и «воровства» в старом русском смысле этого слова в лысенковщине более чем достаточно.

Такая же история получилась и с направленным изменением наследственности. Верно, подавляющее большинство генетиков протестовало {как против необоснованных) против приемов направленного изменения наследственности. Сейчас положение изменилось, многие видные генетики (у нас Н. П. Дубинин, И. Рапопорт с учениками) начали работу по разработке конкретных путей целенаправленного изменения наследственности, и их работы встречают живейший отклик в мировой науке. Является ли это победой лысенковского направления? Ни в коем случае. Для ясности приведу две аналогии из истории науки. Средневековые алхимики стремились к получению золота из серебра и других металлов и имели некоторые факты, обнадеживающие их в их стремлениях, напр, блестки колчедана, имевшие совсем «золотой» вид, выпадение подобных же блестков из растворов при некоторых реакциях и проч. Среди алхимиков наряду с жуликами и шарлатанами было много талантливых и честных искателей истины (не забудем, что и гениальный Ньютон не был чужд алхимических представлений), и в поисках истины они сделали много открытий и подготовили почву для настоящей химии. Но добросовестные ученые после нескольких веков напряженной работы пришли к заключению, что превращение элементов в условиях опыта невозможно, и идея абсолютной неизменности элементов господствовала в науке почти безраздельно (оппозицию составляли несколько «чудаков» вроде Праута или нашего Н. А. Морозова) более ста лет от Лавуазье до Д. И. Менделеева включительно. Сейчас, мы знаем, идея абсолютной неизменности элементов опровергнута, но мнение о том, что элементы неизменны в условиях обычного опыта, сохранило полную силу, и никто не думает возвращаться к приемам алхимиков о превращении элементов.

Другой пример. Те же алхимики не сомневались в самозарождении живых существ (было даже схоластическое изречение: «Разложение одних — зарождение других»), и наиболее смелые из них искали методы кристаллизации «гомункулуса» (маленького человечка) в реторте. После долгой напряженной работы дошли до Пастера с его полным отрицанием невозможности зарождения даже простейших живых существ. А сейчас? Уже достигнуты поразительные успехи по созданию умных машин, во многом по своей деятельности превосходящих человека, и наиболее увлекающиеся ученые мечтают о создании таких умных машин, которые во всех отношениях будут совершеннее человека. Это вам уже не гомункулус, а сверхчеловек, и о нем мечтают многие выдающиеся ученые. Есть, конечно, и оппозиция, и одного из таких оппозиционеров, Э. Чаргаффа, лысенковцы считают своим союзником, и любопытный диалог его «Амфисбена» даже напечатан в пятом номере журнала «Агробиология» за 1964 г. Нет, Чаргафф и его единомышленники — не союзники лысенковцам. Поддержка лысенковщины означала бы возвращение к методам получения гомункулуса в реторте, а ни один из серьезных критиков молекулярной биологии и других господствующих течении в современной биологии об этом не думает. Всякому овощу — свое время. Историки науки восхищаются пророческими прозрениями предтеч современной науки: Герберта, Рожера Бэкона, Парацельса, Ван Гельмонта и многих других ученых, но никому не придет в голову их методами осуществлять то, о чем они мечтали.

127

Но остается еще один пункт — стадийная теория развития. Как к ней относиться? Это достояние, которое и принесло известность Т. Д. Лысенко, сделано им, когда он пользовался советами и поддержкой ряда серьезных специалистов (см. благодарность, выраженную Лысенко Н. Ф. Деревицкому, И. Ю. Старосельскому и Н. К. Янушевскому в предисловии к его первой крупной работе 1927—1928 г., а также сборник Т. Д. Лысенко «Стадийное развитие растений», 1952, с. 7).

Стадийная теория развития встретила горячую поддержку со стороны Н. И. Вавилова не только устно (хорошо помню выступление Н. И. Вавилова в самом начале тридцатых годов после доклада Лысенко в Ленинграде), но и печатно. Очень высокую оценку дал ей ряд ученых, прежде всего сам Н. И. Вавилов, в книге «Теоретические основы селекции растений» (т. 1, 1935), вышедшей под его редакцией. Ограничусь указанием авторов и страниц, где отмечена с похвалой эта теория и ее значение в биологии: Н. И. Вавилов (с. XV, 72, 865), В. С. Федоров и И. М. Еремеев (с. 370—371, 388—389), Н. Ф. Дере-вицкий (с. 561), М. И. Хаджинов и Б. А. Пашнин (с. 452—574), А. А. Сапегин (с. 807—813), Л. И. Говоров (с. 849), А. П. Басова, Ф. К. Бахтеев, И. А. Костю-ченко, Е. Ф. Пальмова (с. 877, 881, 888). Такое сочувствие ко всякому интересному новшеству было характерно для Н. И. Вавилова и его школы. Но тогда стадийная теория не претендовала на начало какой-то новой науки, принципиально отличной от «буржуазной», она не была ни в каком противоречии с классической генетикой и являлась продолжением ряда работ выдающихся физиологов. Ясно, что поддержка всеми этими учеными Лысенко была вполне

искренней, без всякого намека на угодливость и лицемерие, так как те же самые ученые, которые так поддерживали Лысенко, вступили с ним в ожесточенную борьбу, не взирая на поддержку Лысенко Сталиным и на явную опасность, сопряженную с этой борьбой, как только Лысенко оставил научную почву, выдвинул какую-то новую «мичуринскую биологию» и стал прибегать в борьбе к фальсификации, философским и политическим доносам. Но в дальнейшем сам Лысенко потерял вкус к своему единственному ценному детищу. Яровизация растений, в разных условиях дающая различные результаты, может быть полезной, когда необходимо ускорить созревание. Такой случай представился недавно в целинном крае, где наиболее урожайный сорт пшеницы не допускает слишком раннего посева, а при оптмальном сроке посева нередко не успевает вызреть вовремя. Вот тут-то, казалось бы, и применить яровизацию, но о ней Лысенко уже позабыл и предлагал новые приемы, выдержанные в новом, совершенно бредовом духе.

О достижениях самого И. Мичурина. Разобрав так называемую мичуринскую биологию, перейдем к самому И. В. Мичурину. Подробный разбор, сделанный мной, занимает слишком много места, ограничусь немногими словами. Практические достижения И. В. Мичурина крайне преувеличены. Конечно, его нельзя называть ни «преобразователем природы», ни даже создателем 300 сортов. Это был трудолюбивый, честный работник, ставивший себе слишком разнообразные и трудные задачи; кроме того, был, очевидно, искусным садоводом, умевшим из каждого дерева выжать максимум возможного. Сколько он создал действительно ценных сортов, сказать трудно: вряд ли более десятка. Несмотря на то что со времени его смерти прошло почти 30 лет и на господство людей, считающих себя его последователями, в продаже мы не видим его сортов в сколько-нибудь заметном количестве. Я живу в Ульяновске уже 14 лет. Этот город, когда-то производивший много яблок, сильно пострадал от морозов 1940—1942 годов. В этом году впервые на рынке много было недорогих и хороших яблок, но сорта, как правило, старые, сильные и несправедливо охаянные Мичуриным. Его знаменитый сорт «бере зимняя Мичурина» оказался недоработанным, и в садах его почти нет. То же и с его сортами винограда, абрикоса, его актинидией и проч. В усердии не по разуму его мнимые последова-

тели «внедряли» мичуринские сорта и в таких местах, и вместо таких сортов, которые сам Мичурин считал вне конкуренции: напр., известная «родителева» владимирская вишня или среднеазиатские сорта яблок: «алма-атинский апорт», «бельфлер» и т. д. Совершенно прав Ф. Х. Бахтеев (тот самый, кто в свое время хорошо отзывался о стадийной теории Лысенко), считающий неверным ходячее утверждение, что «особенно хорошие плоды дают яблоки и груши, выведенные И. В. Мичуриным и его учениками» (см. статью П. Шелеста «Вдали от производства» в газете «Сельская жизнь» от 2 октября 1964 г.). Но и в смысле морозостойкости, лежкости и урожайности сорта Мичурина не отличаются от прежних сортов. Мичурин неплохой, но вовсе не особо выдающийся представитель многочисленных работников народной селекции.

Теперь об экспериментальных и теоретических его результатах. Им сделано немало интересных наблюдений, которые потом подтвердились. Например, не придавали значения изменению наследственных свойств семян при долгом хранении; но это потом было подтверждено нашим крупным цитогенети-ком М. Навашиным. Интересны намеченные им методы преодоления нескрещивания при гибридизации достаточно отдаленных форм: вегетативное сближение, посредник и смешение пыльцы. Прекрасно и очень сочувственно они были изложены в курсе генетики Н. Н. Гришко и Л. Н. Делоне, и от этой книги получается впечатление, что Мичуриным получены значительные результаты этими методами. Но тщательное ознакомление с работами самого Мичурина это впечатление рассеивает: все так противоречиво, туманно и неопределенно, что нельзя не прийти к заключению, что здесь начата интересная работа, которая, однако, требует еще многих кропотливых исследований, прежде чем можно будет говорить о ясных результатах.

Что касается его теоретических воззрений, то, конечно, из его сочинений можно понадергать много цитат в подтверждение высказываний Лысенко и о вегетативной гибридизации, и о характере наследования, и о неприемлемости законов Менделя. Все дело в том, что Мичурин был самоучкой, и в начале своей деятельности он исходил из многих принципов, которые сам же потом критиковал. И если проследим его воззрения в их историческом развитии, то убедимся, что от примитивных механоламаркистских взглядов и отрицания (по незнакомству) законов Менделя он приходил ко все большему и большему ограничению ламаркистских взглядов и ко все большему сближению с современными генетиками. Полного единства не получилось, и нельзя отрицать, что, может быть, кое в чем Мичурин окажется правым. Но со стороны Н. И. Вавилова не было ни малейшей попытки «зажать» Мичурина: он стимулировал писание им теоретических

статей, неоднократно посещал Мичурина, и, несмотря на разногласие по ряду вопросов, между ними было не только мирное, но истинное дружеское сосуществование. И сейчас, конечно, должно быть и существует дружеское сосуществование с честными и самокритичными продолжателями дела истинного Мичурина, но не может быть сосуществования в науке с теми, кто использовал имя Мичурина после его смерти для захвата власти в науке, для деспотического навязывания своих бредовых идей всем инакомыслящим и главным орудием которых в борьбе за власть были политические и философские доносы. Могу с удовольствием констатировать, что сила «философских» аргументов в защиту Лысенко значительно ослабела, так как в недавно (в 1963 г.) вышедший «Философский словарь» (под редакцией М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина) внесены значительные изменения по сравнению с «Кратким философским словарем» издания 1954 и 1955 гг. под редакцией тех же авторов. Так, исчезли «сокрушительные» статьи «Вейсманизм-морганизм» и «Менделизм», так же как и хвалебные статьи «Мичуринское учение» или «Мичуринская биология». Мичурин уже не «великий (или выдающийся) биолог, поднявший на новую, высшую ступень дарвинистскую, научную биологию», а просто «советский биолог, почетный член АН СССР», и говорится просто о мичуринском

направлении в биологии. Появились вполне объективно написанные статьи «Неодарвинизм» и «Наследственность». Последняя статья, полностью игнорируя лысенковскую болтовню о мичуринских методах направленного изменения наследственности, кончается словами: «Совр. генетика подошла к открытию конкретных путей целенаправленного изменения наследственности. Это открытие явится важным этапом в познании и преобразовании живой природы». Очень много существенных изменений в списке выдающихся философов. Значительная часть наших философов (в списке авторов словаря 182 фамилии) уже, очевидно, поняла ту печальную роль, которую во всей лысенковской истории играла официальная советская философия. Нечего и говорить, что такие «новаторы» и опоры лысенковщины, как Вильяме, Лепешинская, Бошьян, уже не упоминаются в современной литературе как образцы для подражания.

Кончаю: «мичуринская биология» не является научным направлением, так как представляет собой собрание отрывочных мыслей Мичурина, от значительной части которых он сам отказался, сильно разбавленное собственными измышлениями Лысенко, не имеющими решительно никакой научной ценности. Сам Мичурин был честный, трудолюбивый и талантливый садовод, в течение своей жизни пытавшийся искренне исправить многочисленные свои ошибки — следствие незнакомства с настоящей наукой. Кое-что интересного у него, конечно, осталось, но среди вороха совершенно отрывочных и несвязных фактов и мыслей. Есть смысл работать для выяснения ценного в наследстве Мичурина, но это должны делать его честные последователи, которые имеют полное право на поддержку в определенных размерах. Невозможно возлагать бремя проверки опытов Мичурина, а тем более Лысенко, на их противников — представителей классической менделистской генетики, молекулярной биологии и других прогрессивных направлений, им и так дела хватает, и дела полезного для науки и практики. Сосуществование же с Лысенко и его сохранившимися сторонниками (иногда бывшие его адепты начинают понимать свои ошибки) для ученых невозможно, так как лысенковщина (в противоположность Мичурину), оторвавшись от связи с настоящей наукой, выродилась в позорное и грязное пятно на истории нашей науки.

1.14. Из переписки с инструктором ЦК КПСС В. П. Орловым

(1956-1971 гг.) '

Письмо В. П. Орлова, 9—10.04 1956 г.

Т. Любищев!

Все Ваши работы перечитал несколько раз. Они сильно помогли мне в нашем общем деле. Признаюсь — с некоторыми положениями я ни согласен. В особенности с последней работой. Жаль, что Вы тратите время на пустяки. Под последним разумею рецензии на статьи. Для Вашего ума — это школьная мелочь. Есть более жизненные, необходимые вопросы и которые по плечу только Вам. На них и надо сосредоточить Ваше внимание. Тем более что обстановка в ВАСХНИЛе изменилась, поздравляю с новым президентом.

У меня к Вам просьба писать больше и без стеснения, но только на домашний адрес. Будете в Москве, счастлип буду видеть Вас гостем в своем семейном очаге.

Уважающий Вас В. Орлов

Письмо А. А. Любищева, 22.04 1956 г. (Ульяновск).

Глубокоуважаемый Василий Павлович!

Не совсем понимаю, какие статьи Вы имеете в виду, что я напрасно трачу силы на их критику. Если статьи в «Правде», то они ведь сейчас оказывают большое влияние, и критика их — вовсе не бесполезная трата времени.

130

Что касается перемен в ВАСХНИЛе, то я благодарю за поздравление, хотя и не считаю, чтобы Лобанов соответствовал своему назначению. Но фигур, подобных Н, И. Вавилову, у нас сейчас нет, а на безрыбье и рак — рыба. Надеюсь еще в этом году увидеться.

Ваш А. Любищев Письмо В. П. Орлова, 1.05 1956 г.

Уважаемый тов. Любищев!

Чтобы забыть про плохих людей самому и помочь сделать это другим, есть одно испытанное средство — бросить говорить и вспоминать о них. Этот вид критики — самый действенный. Этому учит история. Вот почему я против склонения имен, которые ушли в прошлое, не оставив после себя ничего хорошего. История их забудет быстро. Оставленная ими запущенность в теории стала очевидной для всех. В силу этого и приняты меры прежде всего к оздоровлению обстановки и созданию условий для более свободного обмена мнениями. Это большая победа. Следовательно, в данное время нужно думать, писать и говорить о том, что нужно делать для того, чтобы выполнить решения XX съезда КПСС. В этом основная и главная наша задача. Необходимо осознать, что в колхозах также произошли коренные изменения. Они становятся настоящими хозяевами своей жизни. Навязать им что-либо административным путем стало почти невозможно, и это, бесспорно, радостное явление. Плохие рекомендации они отвергнут. Каждый дающий рекомендации или предложения может быстро убедиться в обоснованности и полезности своих советов, рекомендаций и предложений. Если последние будут приняты массами колхозников, - значит, автор таких советов достиг цели, если нет — винить он должен только себя.

В отношении президента. Я другого мнения. Сила не в нем, а в коллективе. Важно собрать кадры и уметь использовать их. В данном случае не столь нужны знания, сколько партийность, человечность и способность организовать коллектив.

Чту память т. Вавилова, не спорю о его величии. Вы правы! Но было бы неправильным не верить в молодежь. Среди нее есть высокоталантливые, но мы пока их не знаем, и при новой обстановке они себя быстро покажут. Были и будут в нашей России Ломоносовы. Я глубоко верю в это. В то же время пока могут оказаться и «недоросли», но и быстро себя изживут.

Хотелось бы иметь Ваши координаты по телефону, иногда я бы позвонил. Глубоко извиняюсь и прошу извинения за мое невежество, не знаю Ваших инициалов, прошу сообщить.

С уважением В. Орлов

Письмо А. А. Любищева, 31.05 1956 г.

Глубокоуважаемый Василий Павлович!

Ваше письмо затрагивает много пунктов, очень важных для выяснения, и потому постараюсь подробно на него ответить.

«Не стоит вспоминать про плохих людей, история их забудет быстро».

Вы считаете, что этот вид критики — самый действенный и что этому учит история. Тогда почему же и сейчас у нас вспоминают Гитлера, бухаринцев, троцкистов? Но указанные лица действительно ушли в прошлое и сейчас никакой силы не имеют, а Лысенко еще в прошлое не ушел, не говоря уже о его многочисленных защитниках. Он по-прежнему академик, он директор Института генетики АН СССР. Он рассматривается как представитель определенной школы, ему дали слово на XX съезде КПСС, и критики его выступления не было.

Говорят, что сейчас статьи научного характера не требуют санкции Обллита. Как будто бы великолепно, цензура снята с научных трудов. Хорошо, но не дюже, как говорится в известной русской сказке. Обязанности цензоров сейчас выполняют редакторы и в общем с большим усердием, чем официальные цензоры. Приведу пример. Мне известно, что для напечатания в шестом номере «Ботанического журнала» была принята статья Лукьяненко с резкой критикой практических предложений Лысенко, в частности его органо-минеральных смесей. Как-то об этом узнал академик Островитянов, который ведает всей печатной продукцией Академии наук. И по его настоянию статья отложена. Говорят, что мотивом задержания было то, что Лукьяненко критикует эти самые смеси, о которых одобрительно отозвался Хрущев. Боюсь, что и моя статья в «Ботаническом журнале» будет задержана этим же высокопоставленным цензором.

Хотя смещение Лысенко и является существенным шагом, но это еще не победа, а преддверие победы. Я, в числе других лиц, слушал отчет ЦК КПСС,

131

который не печатался в газетах, но опубликован достаточно широко. Вот уж тут все точки над «i» были поставлены, и все мы это глубоко приветствуем. Вот так же должно быть поступлено и в биологии. Как Ежова, Берию и других мы не можем считать представителями определенных направлений политической жизни, а просто считаем бандитами, так точно Лысенко, Лепешинская и прочие не являются представителями школ в науке, а являются сорняками, которые должны быть просто выполоты. А пока этого нет, те, кто ввязался в эту борьбу, ее оставить не имеют права, этого не может позволить совесть ученого.

О положении в колхозах. Вы пишете, что в колхозах произошли коренные изменения.

Думаю, что Вы желаемое выдаете за действительное. Что в колхозах стало свободнее, — это, конечно, несомненно, как вообще все себя чувствуют гораздо свободнее. Страх перед МГБ исчез, и я слыхал, что в районах ликвидируются отделения МГБ, а их функции переданы милиции. Что касается рекомендаций, то тут применяется иная методика. Вызывают председателя колхоза и под страхом отнятия партбилета предлагают ему то или иное мероприятие, напр, расширение посевов кукурузы. Он теперь знает, что его не посадят, но потерять партбилет тоже очень тяжело.

Вы говорите, что плохие рекомендации колхозники отвергнут. Выходит, что колхозы являются опытными полями для проверки плохих рекомендаций, притом часто навязанных им. Ведь сейчас бесспорно, что, например, в Орловской области или Курской усиленно навязывали яровую пшеницу, когда она там была менее выгодна, чем овес. Внедряли годами, не слушая никаких резонов, а сейчас те же самые лица продолжают свою деятельность. Конечно, сейчас вред меньше. Есть знаменитый председатель колхоза, если не ошибаюсь, Прозоров в Кировской области, он, кажется, раз 8 или 9 сидел. Все-таки уцелел и сейчас по-прежнему работает. Вот в его колхозе уж, конечно, плохие рекомендации не пройдут. Недавно в «Правде» было опубликовано письмо молодого председателя колхоза, который в числе 30 тысяч был направлен на работу, очень много сделал, но был снят с работы под давлением областных организаций, так как неаккуратно являлся на заседания...

...О президенте ВАСХНИЛ. До недавнего времени мы считали, что во главе всякой научной академии должен стоять ученый. Научные заслуги Лобанова мне неизвестны. Я слыхал только, что он читал лекции по экономике и организации сельского хозяйства. Помню, что в 1948 г. было много избрано лиц, не имевших отношения к науке. Видимо, и сейчас большинство академиков имеет очень слабое отношение к науке, и вместо того чтобы организовать всю научную, общественность, чтобы собрать съезд с широким обсуждением, чтобы печатать возможно широко критические статьи о деятельности академии в целом, предполагается, что эта самая академия, допустившая наше сельское хозяйство до такого состояния, сумеет сама обновиться под руководством лица, председательствовавшего в позорную сессию 1948 г. Как хотите, я этому поверить не могу. У нас считается нужным созвать съезд писателей, пишущих на колхозные темы, как будто от них можно ждать какого толку, а вот съезда ученых по этому вопросу не собирают.

Теперь Вы возлагаете большую надежду на партийность. Разрешите использовать материал XX съезда для нескольких замечаний по этому вопросу. Для меня было полной неожиданностью узнать, что 70 % членов ЦК, избранных XVII съездом, было репрессировано, точно так же было репрессировано 60 % делегатов XVII съезда. Репрессировано было много превосходных работников. Кто же встал на их место, по какому принципу подбирались работники за последнее время? Главным образом по признаку благонадежности и угодливости. Малейший признак самостоятельности мысли являлся самым надежным основанием для отвода. Поэтому сейчас, можно сказать, признак партийности для организатора настолько пестр, что основанием для выбора быть не может.

132

Что наша молодежь талантлива — это бесспорно, и при правильной организации у нас, конечно, будут Ломоносовы. Но ведь Ломоносов, как известно, вырос не только благодаря своей гениальности, а благодаря усвоению культуры человечества, он же много учился в Германии и был даже женат на немке. А ведь наша-то агрономическая наука пока что весьма оторвана от мировой науки. Несомненно, сейчас пытаются заимствовать. Но, как я уже указывал в статье в «Ботаническом журнале», недооценивают методическую сторону дела, на данном этапе наиболее важную. Преподавание в наших высших школах еще целиком на уровне 1948 г. Менделизм по-

прежнему находится под запретом. Могу привести любопытный пример. Большой интерес приложения математики к биологии проявляет крупный математик профессор А. А. Ляпунов, работающий по счетным машинам и читающий курс кибернетики в Московском университете. Он вел такой семинар у себя на квартире, на котором присутствовали его дочери, студентки биолого-почвенного факультета Московского университета. Это поведение его дочерей вызвало негодование комсомольской организации биолого-почвенного факультета. Поднимался даже вопрос об их исключении из комсомола. В конце концов смилостивились и вынесли выговоры за верхоглядство, притупление бдительности и беспринципность. Это было уже в феврале 1956 г.[2]

Могу привести и другой пример из нашей ульяновской действительности. Я уже указывал Вам, какую «пользу» принесло здесь руководство со стороны обкома. Тогда инспектором по вузам был некто Галявин, сделавшийся потом заведующим этим отделом, — личность поразительно невежественная и высокомерная. Решительно ни от кого я о нем хорошего слова не слышал. Сейчас отдел вузов в обкоме благополучно ликвидируется и Галявин направляется на учебу в Академию общественных наук с тем, очевидно, чтобы через два-три года он мог появиться где-нибудь как высококвалифицированный партийный кадр. Молодежь, конечно, нужно выдвигать, но система ее подготовки должна быть изменена. На самотек рассчитывать не приходится, и партия своими силами, без привлечения широких научных масс и гласного обсуждения вопроса исправить все дефекты не может.

Я готов посылать мои дальнейшие писания в ЦК на Ваше имя с тем, чтобы Вы по ознакомлении направляли их туда, где они найдут внимательного читателя. Сообщите, устраивает ли Вас это, или Вы укажете другой путь.

С совершенным почтением

А. Любищев

Письмо А. А, Любищева, 26.10 1957 г. (Ульяновск).

Дорогой Василий Павлович!

Радует меня то, что Вы внимательно читаете мои статьи и искренне стремитесь найти истину, а также то, что у Вас нет никакой чрезмерной почтительности перед авторитетами. Печалит же меня то, что Вы являетесь выразителем того мнения, что партия может с успехом вмешиваться в научные вопросы. К сожалению, этот взгляд до сих пор господствует в высших сферах и продолжает тормозить развитие нашей культуры и экономики.

Вы получили большую травму на сессии ВАСХНИЛ, считаете, что спорить многие разучились, что все это относится и к спору Лысенко и его противников... Спорить с Лысенко нечего, так как он вовсе не ученый. Лысенко нельзя отказать в природных способностях, но, судя по всему, это — настоящий параноик, если он не параноик, то величайший вредитель, организатор неслыханной диверсии против нашего сельского хозяйства. Во всех решительно странах, как капиталистических, так и социалистических, мы имеем стойкий рост урожайности, так же, как и в СССР за вавиловский период развития сельского хозяйства; только у нас после 1940 года наблюдаем снижение урожайности (тщательно

*

скрываемое) во всех тех отраслях сельского хозяйства, куда проникал Лысенко, и рост урожайности там, куда он не совался (хлопчатник в Средней Азии и Закавказье, чай, цитрусовые и проч.). Я намерен это подробно развить и попрошу тогда от Вас ответа: или Вы опровергнете данные моей статьи и заставите меня признать мою ошибку, или Вы признаете, что Лысенко — организатор (хотя и не сознательный) грандиозного вредительства. Если я не получу от Вас одного из этих двух ответов, то тогда мне придется с Вами переписку прекратить как совершенно бесполезную.

Теперь по поводу других вопросов. О Вильямсе у меня написано довольно много в третьей главе «Монополии». Это несомненно очень одаренный человек, владевший прекрасно даром слова. Он, видимо, рано заболел, отчего не мог передвигаться, и это оторвало его от действительности. Недостаток наблюдений он восполнял весьма пылким воображением. Он и построил свою травопольную систему, искренне в нее верил и думал, что с ее помощью можно преобразовать всю нашу агрономию, и когда встретил такого же фантазера, как Лысенко, то поддержал его как союзника. Сейчас выясняется провал всей конструкции Вильямса, в которой, конечно, есть интересные мысли, но в целом она чрезвычайно засорена всяким хламом.

Среди моих друзей многие читали Вильямса, и большинство восхищались широтой и последовательностью идей и блеском изложения, но заключение бывало таково. Читает, скажем,

эколог: «Все прекрасно, но в отношении экологии — полный сумбур». Читает физиолог растений: «Великолепно, но физиологии растений автор не знает». Читает зоолог: «Интересно, но что касается зоологии, то что-то совершенно дикое». И т. д. и т. п.

В условиях свободной дискуссии, не направляемой сверху, деятельность Вильямса могла бы быть очень полезной, так как стимулировала бы работу теоретического и обобщающего характера. В условиях сталинского, не изжитого еще деспотизма она принесла колоссальный вред, так как поддержала Лысенко. И Вильяме тут безусловно виноват, так как не останавливался перед политическими инсинуациями по адресу своих противников.

Ваш второй вопрос: «Правильно ли делают ученые, деля микроорганизмы на полезные и вредные?» — прямо странен. Вы, очевидно, совершенно позабыли, что я писал в «Монополии» § 43 о почвенной фауне. Ведь именно Вильяме все зоологическое население почвы охарактеризовал как безусловно вредное, такое мнение сейчас, насколько мне известно, ни один сколько-нибудь образованный биолог не защищает. А в медицине известны поразительные примеры, когда один и тот же организм бывает и вредным и полезным.

В моей научной работе я занимался вопросами экономического значения вредителей и пришел к заключению, что они вовсе не так вредны, как им приписывали. Но это вызвало страшный гнев партийного директора ВИЗРа Зеленухина, и меня обвинили в том, что я сознательно снижаю вредность вредителей с целью демобилизовать борьбу с ними. Это было в 1937 г., в самый разгар ежовщины, и, к моему счастью, арестовали самого Зеленухина по обвинению, как обыкновенно, вздорному, но для меня спасительному. Нет, дорогой Василий Павлович, не ссылайтесь Вы на диалектику для необходимости правильной оценки значения вредителей. Тут больше всего напутали именно те, кто на словах кричат о диалектике — наши партийные руководители, и сейчас продолжают путать.

О системе земледелия. Вы остались недовольны большим количеством проектов системы земледелия. Вы пишете: «Их писали институты с участием большого количества ученых, и просто язык не поворачивается им бросить упрек. Ведь нельзя же хоть на минуту допустить, что все они дураки».

Что все ученые — дураки, это, конечно, неверно, но что среди них есть дураки — это бесспорно. Кроме несомненных дураков среди академиков и членкоров ВАСХНИЛ есть, вероятно, и современные юродивые, т. е. умные люди, притворяющиеся дураками...

•

134

...Ну, а если бы в ВАСХНИЛе были собраны настоящие ученые со всего мира, как бы они ответили на вопрос о системах земледелия? Они бы ответили: при существующем состоянии науки предложить научно обоснованные системы земледелия для всей страны невозможно. Если бы во главе научного агрономического дела все время стоял Н. И. Вавилов и люди его склада, то, вероятно, в настоящее время мы имели бы такие системы, по крайней мере в первом приближении, но партия заменила научное руководство агрономией даже не знахарством, а чем-то худшим, чем знахарство, так как хороший знахарь использует многолетний народный опыт, а наш новатор основывается лишь на собственном бреде. Какой же выход? Произвести полную чистку нашей агрономической науки от сорняков, поставить ее на научную почву. А пока что делать? Примерно то, к чему робко уже приходят. Сейчас можно читать такие корреспонденции, что новый председатель колхоза получил хорошие урожаи конопли потому, что, отказавшись от слишком ранних сроков, рекомендованных агроправилами, перешел к другим срокам, рекомендуемым старыми мужиками. Вавиловская наука могла многому научить крестьян, лысенковская же довела страну до того, что спасение справедливо часто находят в возвращении агротехники на старый мужицкий уровень.

Разумеется, надо рекомендовать различные, достаточно перспективные мероприятия. Но именно рекомендовать — сначала на малых площадях, и эти опыты тщательно изучать. Надо произвести подробные почвенные исследования, организовать огромное количество научно поставленных опытов; для всего этого требуется огромное количество кадров, вооруженных методикой 20-го, а не 19-го века. А у нас эта методика, блестяще развивавшаяся при Вавилове, сейчас в загоне: математическая статистика связана с менделизмом, менделизм отвергнут идеологическим постановлением ЦК, поддержавшим бред Лысенко, все идеологические постановления являются незыблемыми и ревизии не подлежат. Я написал Вам это длинное рассуждение, чтобы показать, что многие Ваши недоуменные вопросы являются следствием того потрясающего погрома в агрономической науке, который был учинен Лысенко под

покровительством Сталина. Лучшее доказательство того, как много вреда могут сделать культуре люди, не понимающие в науке, но воображающие, что во всем разбираются.

Теперь несколько слов о летних впечатлениях.

Большую часть августа я провел с женой в деревне Кирзить Сурского района. Место очаровательное и производит очень благоприятное впечатление, все дома приличные, соломенных крыш почти нет, на речке длинная вереница индивидуальных бань (большей частью черных), все улицы поросли полынью, никакой пыли, много коров, овец, гусей, индюшей, кругом сосновые леса, есть и дубовые, река Сура и проч. Народ чрезвычайно приветливый, сохранивший старые обычаи, разговорчивый. Впрочем, со мной везде крестьяне охотно разговаривают, так как я одеваюсь просто и явно не похож на «портфельщика» —- так в некоторых местах называют советских и партийных работников.

В общем несомненно люди живут сносно, приспособились, как умеет приспособиться русский человек. Значит, все благополучно, идет дело кверху? Слушайте дальше.

Проходя по селу и окрестностям, часто видишь, как крестьяне и крестьянки на спине тащут собранное в разных местах сено... Я привлек внимание какого-то человека с косой, подкашивающего прибрежные растения. Оказывается, это пастух (профессия пастуха выгоднее других, а у этого пастуха восемь человек детей, да еще алименты платит) собирает траву для своих коз (коров ему держать не по средствам). Скота в общем (колхозного и индивидуального) меньше, чем было раньше, и число домов в селе уменьшилось, почему же не хватает коров? Пастух дал такой ответ: хорошие луга — все колхозные, колхозники с них сена не получают. Косят луга слишком рано (очевидно, чтобы поскорей отрапортовать портфельщикам о выполнении плана сенокоса), луга

плохо обсеменяются; урожайность лугов упала; колхозники, не заинтересованные в сене, плохо его складывают, и его много сгнивает, а раньше складывали так, что оно хорошо хранилось. Не знаю, прав ли он или неправ, но похоже, что прав. Может быть, лошади много сена едят? Но, как известно, русские колхозники лошадей не имеют права держать, а колхозных немного. Магометане имеют индивидуальных лошадей, и их хорошо используют. Вот и получается сравнение в соседних колхозах: русские мужики и бабы должны на собственном горбу заготовлять сено на зиму (сейчас здесь меньше механизации, чем до революции), а татары могут в соседнем колхозе разъезжать на лошадях; для русского колхоза отсутствие индивидуальных лошадей, очевидно, «незыблемая» основа социализма, а для татар, очевидно, «зыблемая». Как это, по-вашему, называется? Диалектика?

Колхоз считается убыточным, и ходят слухи о том, что его включат в совхоз, крестьяне не возражают, колхозная жизнь им совсем не нравится, приличные трудодни давали до 1937 г., а потом прекратили. В 1956 г. давали «хороший трудодень» — по два килограмма хлеба и больше ничего.

Вот краткие летние впечатления. Я их не собирал, так как я не писатель и поехал в деревню не за материалом для очерка. Там я ловил насекомых, читал Платона и другие книги и не навязывался на общение с крестьянами. Но, может быть, мне удалось видеть многое, чего не зрят равнодушные очи многих писателей. Не всех, конечно. Бывают прекрасные очерки, но их сейчас изругали, и опять полезла на страницы печати такая патока, что тошно читать.

Мое письмо, как всегда, не является чисто частным письмом. Я Вам не только разрешаю, но прошу показывать его всем, кто заинтересуется, так как за отсутствием свободной критики в печати приходится прибегать к такой форме распространения своих взглядов. И, пожалуйста, никогда не руководитесь тем мнением, что Вы можете мне повредить. Сейчас — ответственный момент в нашей республике, и всякий, кто может что-то сказать, не должен молчать, а тем более неприлично молчание мне, старому человеку.

Ваш А. Любищев

Письмо В. П. Орлова, 19.11 1957 г.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Ваше письмо и рецензию прочитал. Признаюсь, что действительно люблю Ваши работы. Они содержат много полезного, но в то же время в них много ненужного. Возьмем, к примеру, последнюю работу по оценке книги Елагина. Эту работу читали у нас объективные и хорошо разбирающиеся люди. Вот их мнение; хорошая работа испорчена грубостью и желчью, полезное сделано бесполезным. Такая работа никогда не увидит света, а если бы с нее снять злобную

мишуру, она безусловно принесла бы пользу. Это мне больно писать, но я пишу потому, что уважаю Вас, Ваши знания и прямоту, но не уважаю Вашу упрямость.

Как же можно говорить Вам, высокообразованному человеку, о том, что помехой в развитии сельскохоз. науки является партия?! Да разве здравомыслящий человек может согласиться с Вами? Конечно, нет! Партия никому науку не дает на откуп, она стояла, стоит и будет стоять во главе ее, партия —- наука.

Если Вы напишете работу «Что стоит Лысенко?» в том же духе, вернее, в той же оболочке., скажу еще раз: мне жаль будет, что человек, обладающий знаниями и талантом, упрямо не хочет поделиться ими с народом, хотя и страдает о нем.

Многие читали работу «О методике опытного дела». Места, где даются советы и поучения, как следует делать, - выписывают, а там, где идет фанатическая критика, говорят: очевидно, у них между собой личные, кровные счеты, при которых теряются признаки объективности и здравого смысла.

Я был отуманен Вашими знаниями и искренне говорю: приятно было с Вами беседовать и тем пополнять свои знания, которых мне та к недоставало. Жизнь не баловала меня, я поздно начал учебу и сейчас учусь, и иметь такого учителя, как Вы, мне было лестно. Но слишком дорогую плату назначили: отдать дорогую партию на поругание — равносильно ругать родную мать, давшую жизнь. И если Вы видите мой недостаток в том, что я «являюсь выразителем того мнения, что партия может с успехом вмешиваться в научные вопросы», то еще раз: партия наша — это наука, и они между собой неразделимы. Наука — классовая. Господствующий класс использует ее в своих интересах. Во главе класса стоит партия, она и должна руководить наукой.

Я исключаю спор на эту тему между нами, не прибегаю к цитированию и философским изречениям, ибо эта истина не требует каких-либо доказательств для коммуниста-ленинца.

136

Мне хочется поблагодарить Вас за те добрые разъяснения, которые дали Вы по затруднительным специальным вопросам. Я бы их без конца и без устали задавал. Но это нисколько не значит, что с каждым ответом на них я согласен. Вам я не возражал потому, что считал это ненужным, так как приучил себя брать у всех все хорошее, полезное, а все ненужное и бесполезное отбрасывать в сторону. Если я говорил про недостатки нашей сельскохоз. науки, это не значит — не замечать хороших сторон ее. Наша сельскохоз. наука — передовая в мире, лучше ее нет. Она помогла нам перестроить коренным образом все сельское хозяйство, теоретически обосновывая возможность получения баснословных урожаев всех культур, семимильными темпами идти но производству животноводческой продукции, получения высоких урожаев хлопка.

На Вашей совести лежит решение — продолжать ли нам дальше переписку или «прекратить ее как бесполезную». К последней оценке, я, конечно, не присоединяюсь.

С уважением прежним к Вам

В. Орлов

Письмо А. А. Любищева, 28.11 1957 г. (Ульяновск).

Дорогой Василий Павлович!

Первым побуждением было написать Вам, что дальнейшая переписка невозможна. Но я твердо придерживаюсь обычая не отвечать сгоряча на серьезные письма и, подумав, решил все-таки сделать «последнюю» попытку попытаться с Вами договориться. Стимулом к этому является не содержание, а тон Вашего письма. Из этого тона ясно, что у Вас нет того догматизма, который Вы стараетесь как будто защищать; ясно, кроме того, что Вы лично ко мне питаете очень теплое чувство.

Укажу Вам ряд мест, каждое из которых было бы достаточным основанием для прекращения переписки.

1. Ссылаясь на мнение ряда «объективных и хорошо разбирающихся людей», Вы утверждаете, что мои работы испорчены желчью и грубостью, и в отношении моей «фанатической критики» эти люди говорят, что, «очевидно, у них (т. е. у меня и Лысенко) между собою личные, кровные счеты, при которых теряются признаки объективности и здравого смысла» (даже здравого смысла!).

Я доказываю, что Лысенко и его присные — невежды, фальсификаторы и обманщики. Вы отвергаете признание, говорите, что данные мои объективны, а в выражениях — слишком резок. Так докажите (я давно Вас прошу), где у меня есть неточность или искажение фактов. Пока это Вы

не доказали, Ваше и Ваших «объективных людей» мнение (подозрение в наличии у меня каких-то нехороших побуждений) есть просто инсинуация.

Что же касается истории моих отношений к Лысенко, так я и об этом писал в своих работах: сначала я доверял его практическим достижениям, даже спорил с полными его отрицателями, и только тщательное ознакомление с его опубликованными материалами убедило меня, что это действительно — гнойник на теле нашей культуры (подлинное выражение одного моего погибшего в ссылке друга: погиб он в ежовщину, и в его гибели Лысенко не виноват).

Почему Вы и Ваши «объективные и хорошо знающие люди» не задали себе вопрос: почему так «ненавидят» Лысенко не только биологи, но и другие ученые самых разнообразных специальностей, и прежде всего физики и математики? Вам, конечно, известно, что некоторое снижение в должности Лысенко (которое Вы считали в свое время «победой») произошло после коллективного заявления большого числа биологов, к которому присоединились наши крупнейшие физики и математики. Могу Вам привести некоторые цифры для информации Ваших «объективных и хорошо разбирающихся людей». Из представителей точных наук, составляющих подлинную нашу гордость, подписалось 19 академиков, И членов-корреспондентов АН СССР и 12 крупных профессоров.[3]

Так что же заставляет всех этих, очень часто весьма далеких от биологии и чрезвычайно занятых лиц принимать такое горячее участие в борьбе прогрессивных биологов с Лысенко? То чувство, которое, видимо, незнакомо ни Вам, ни Вашим «объективным и хорошо разбирающимся людям», — чувство благородного негодования за поруганную науку, за колоссальный ущерб,

причиненный нашей Родине, за продолжающееся господство в науке подлинного Распутина от науки. Мои многочисленные друзья среди ученых разных специальностей много предупреждали меня от моих выступлений, советовали кое-что смягчить, кое о чем не говорить, но им никогда и в голову не приходило подозревать у меня личные мотивы. Они боялись только, как бы мои откровенные речи не повредили мне, так как широкие круги научных работников, включающие и значительное число членов партии, относились с большим недоверием к прочности нового курса, проводившегося с 1953 по 1956 гг. (до XX съезда партии включительно). К сожалению, события последнего года показали, что их пессимизм оказался весьма обоснованным.

Более резкие выступления представителей точных наук против Лысенко, чем у биологов, объясняются вовсе не тем, что среди биологов много защитников Лысенко, а следующими соображениями.

1. Роль точных наук сейчас настолько огромна (напомню, какую подлинную панику в США и других капиталистических странах вызвал запуск советских искусственных спутников), что ученые — физики и математики — чувствуют себя гораздо увереннее. 2) Они не скомпрометированы (вернее, слабо скомпрометированы) реверансами в пользу Лысенко в мрачные годы 1948—1952, а именно подхалимские (большей частью под сильным нажимом) реверансы в сторону Лысенко и Лепешинской и удерживают ряд биологов от выступлений; им стыдно признаться в своем недавнем поведении, правда, многие (в том числе, например, академик ВАСХНИЛ Жуковский) открыто порвал со своим «признанием» Лысенко в 1948 г.

Но тогда говорят: все эти физики, математики и другие крупные ученые не компетентны в суждениях о биологии и агрономии. А кто же решает? Решает партия, ее ЦК, а часто единолично Хрущев. Я просмотрел состав ЦК (он уже, конечно, сейчас несколько изменился). Имеют отношение к науке как ученые или руководители научных учреждений Д. Д. Брежнев, Каиров, Константинов, Лобанов, Митин, Островитянов, Панкратова, Шепилов. Для того чтобы познакомиться с их научными заслугами, я взял такое «объективное» издание, как 2-е изд. БСЭ. О половине, именно о Д. Д. Брежневе, философе Константинове, Лобанове и Шепилове, там вообще нет упоминаний, о Каирове — главным образом его административная деятельность, о Митине — крайне неопределенно и только об Островитянове и Панкратовой дана достаточно ясная характеристика как об ученых. Но по специальности «биология» нет вообще никого, а по специальности «агрономия», может быть, только Д. Д. Брежнев; Лобанов, насколько мне известно,—только по организации сельского хозяйства. Неужели мы можем считать такую коллегию компетентной?

И само собой разумеется, что представители точных наук, привыкшие решать труднейшие вопросы, без труда разберутся и в агрономических, и в биологических материалах, если только пожелают, а они как раз пожелали. Вероятно, Вам и Вашим «объективным и хорошо

разбирающимся людям» просто неизвестно, что сейчас происходит знаменательный процесс сближения математики и биологии: этот процесс шел и до появления на арену Лысенко, и этому процессу Лысенко, как невежда и обскурант, помешал с помощью Сталина.

В области теории представители точных наук всегда сознавали полную нелепость Лысенко. Они воздерживались (это мне хорошо известно) от выступлений ранее в значительной степени потому, что полагали, что, может быть, у Лысенко есть какие-либо практические достижения. Эти годы выявили и эту сторону вопроса, и кто этому помог? Целый ряд биологов, в том числе и Ваш покорный слуга, но наибольшие заслуги в деле разоблачения Лысенко принадлежат, конечно, Н. С. Хрущеву.

...Поэтому, когда в 1957 г. человек, больше всего (среди партийных руководителей) сделавший для разоблачения Лысенко, вдруг говорит, что он голосует за Лысенко, а противники Лысенко не заслуживают внимания, то

ученым остается только, следуя иранской поговорке, «засунуть в рот пальцы удивления и сесть на ковер размышления». Я привел все эти длинные материалы лишь для того, чтобы показать, что на моей стороне гораздо больше «объективных и хорошо разбирающихся людей», многие из которых обладают славными именами, и потому Ваши таинственные «объективные и хорошо разбирающиеся люди» мне никак импонировать не могут.

Но Вы скажете: противники Лысенко так ловко подтасовали факты, что обманули и крупных ученых, сбили на время с толку и Хрущева. Но докажите это. Составьте компетентную комиссию. Пусть меня раскритикуют вдребезги. Я даже не прошу, чтобы мои работы опубликовали: пусть напечатают опровержение моих работ (и работ других антилысенковцев). Этого Вы не сделаете, так как опровергнуть, какой колоссальный вред причинен Лысенко, невозможно.

2. Вы пишете: «Наша с/х наука — передовая в мире, лучше ее нет. Она помогла нам перестроить коренным образом все сельское хозяйство, теоретически обосновать возможность получения баснословных урожаев всех культур, семимильными шагами идти по производству животноводческой продукции, получению высоких урожаев хлопка».

Не оспариваю только последней фразы о хлопке для Средней Азии и Закавказья, но туда как раз Лысенко носа не совал. Все же остальное заставляет подозревать (избирая самые мягкие выражения), что Вы вместе с Вашими «объективными людьми» живете в построенной Вами башне из слоновой кости. Возьмем важнейшие культуры — зерновые и сравним США и СССР. В новейшем справочнике «Зарубежные страны» {Госполитиздат, 1957) мы имеем на с. 861—863 краткое изложение той борьбы, которую ведет правительство США для сокращения производства (превращение 10 млн га культ, земель в залежные и принудительное сокращение посевов пшеницы и т. д.); однако валовой сбор не сокращается и растут запасы нереализованной продукции. Все это — следствие роста урожайности, т. е. интенсификации обработки, а это и есть показатель внеднерения с/х науки в производство.

У нас же наоборот. Правительство и Партия принимают героические меры по расширению производства, введены в строй колоссальные площади целинных и залежных земель, и, однако, с зерном до сих пор затруднения. В 1934— 1938 гг. урожайность СССР была практически равна урожайности США, а вот сейчас благодаря нашей «самой передовой с/х науке» получились весьма отчетливые «ножницы». О животноводстве. Вы, видимо, забыли про трехлетний план развития животноводства, которому предшествовала речь Лысенко с его новым «гениальным» откровением: теорией жизненности. План, как хорошо известно, полностью провалился... Вы уже бьете в барабаны по поводу успеха нового плана. Надо надеяться, что он будет успешнее, чем первый, но только в том случае, если лысенкам не дадут хода.

3... .Утверждение «Партия — это наука» напоминает старое изречение Людовика XIV «Государство — это я». Насколько мне известно, никто из марксистов этого утверждения не высказывал. Как известно, наука существует уже несколько тысяч лет, партия же около пятидесяти, и ее задачи ограничиваются построением нового общественного строя, что, очевидно, должно осуществиться в течение 20-го века, т. е. еще займет лет пятьдесят. Наука же будет развиваться и дальше. Точные науки все время развивались в тесном контакте стран с самой различной идеологией и никакого влияния партии на свое развитие не ощущали. Классовым является употребление науки, а не сама наука. Чем ближе наука к обществу, тем сильнее могут быть классовые влияния и искажения, но в таком вопросе, как влияние удобрений на поля, классовый элемент отсутствует.

По Вашему же мнению: «Наука — классовая. Господствующий класс использует ее в своих интересах...»

139

Я никак не подозревал, что у нас сейчас есть господствующий класс (над кем? каким-то другим классом, очевидно, угнетаемым?). Насколько мне известно, у нас сейчас, хотя и сохранились классы, но господствующего класса быть не должно. Не впали ли Вы, дорогой мой, в антипартийную ересь? Пример заразителен, уж на что были старые члены партии Молотов, Каганович, а впали в антипартийные заблуждения. Будьте бдительны!

Взаимоотношения партии и науки прекрасно изображены в старой басне Крылова «Орел и крот». Орел не послушал совета крота, сказавшего, что корни дуба подгнили, и, построив гнездо, погубил тем свою семью. Согласимся, что руководители партии — орлы, а мы, ученые, кроты; под землей мы видим гораздо лучше, чем орлы. Крот в своей работе обойдется без консультации орла, а вот орлу без консультации крота часто не обойтись, и от того, что орлы будут диктовать кротам, что именно они должны видеть под землей, никакой пользы не будет. А именно такова была сталинская политика.

Нигде и никогда я не требовал, чтобы Вы ругали партию, и только отстаивал тот тезис, что наука лучше всего развивается при свободе мысли (за это же тезис Сталина «никакая наука не может развиваться, преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики») и что этот официально никем не оспариваемый тезис неоднократно нарушался тем же Сталиным, запрещавшим всякую свободу критики даже в технических вопросах.

Я к партии сыновних чувств не питаю, хотя был момент во время гражданской войны, когда я чуть-чуть не вступил в партию. Я питаю сыновние чувства к более длительным организациям: России, общечеловеческой культуре и всему человечеству. Я очень высоко ценю то, что было сделано партией для осуществления своей исторической миссии, и не одобряю ее, когда она совершала поступки, противоречащие этой миссии. И сейчас можно определенно сказать (и эта истина отчетливо выражена в докладе Хрущева на XX съезде), что за время Сталина было совершено много ненужных отклонений от исторического хода событий. А по отношению к многим честным членам партии партия в сталинские времена оказалась подобной даже не мачехе, а матери, пожирающей собственных детей или убивающей их. Этого ни забыть, ни простить нельзя.

Продолжать опровергать письма, подобные Вашему последнему письму, действительно пустая трата времени. Если я на нее пошел, то только потому, что в Вас я вижу некоторую щель в башне из слоновой кости и через эту щель я и хочу пропустить мою цидулу.

Ваш А. Любищев

Письмо А. А. Любищева, 5.12 1964 г. (Ульяновск).

Дорогой Василий Павлович!

Очень рад за открытие широкого фронта против лысенковщины. Написал и я три статейки: 1) «Что такое мичуринская биология?», 2) «О научном облике Ольшанского» и 3) «Об этике ученого». Посылая их (первую и третью} в «Комсомолку» и «Новый мир», жду ответа. С Вашей стороны желал бы иметь какие-либо указания, нет ли перспектив напечатать мои старые работы, а из новых — «О плодородии почвы», которая многим очень нравится. Если у Вас окажется серьезная перспектива на печатание, сообщите, но только, конечно, если это будет серьезно, а не так, как в прошлом: сократите, перепишите, а потом ультрахамские редакторы даже не отвечают. Я тогда смогу послать или переработать, если нужно.

Ваш А. Любищев

140

Письмо В. П. Орлова, (8.12 1964 г.l.

Дорогой Александр Александрович!

Сегодня, 8 декабря, придя с работы, я получил и прочитал Ваше письмо с приложениями. Рукописи прочитал внимательно, некоторые места перечитывал несколько раз. Мы с Вами откровенны были, давайте останемся такими же и на сей раз. Говорю прямо, они вызвали у меня двоякое чувство — гордости и беспредельного сожаления. Гордости — за талантливый ум, несгибаемую волю к борьбе за правду, сожаление — за напрасную трату драгоценного времени на работу, которая уйдет под спуд и покроется пылью. Если, конечно, не считать пользу узкому кругу друзей — таких, как я. Могу заверить: ни одна из статей не будет опубликована. Если же какая и прорвется «через бронь», она наделает неприятности редактору, да и не принесет той пользы, которую могла принести. Грубость и «сквернословие» никогда не были благодействием

человечества, и в борьбе все это плохой помощник. История показала неправоту противника, она разбила его и показала его подлинное неприглядное лицо всему честному миру. «Они» бегут, как крысы с тонущего корабля, и непристойно нам, глядя на это бегство, улюлюкать вслед. Теперь надо писать без ругани и безусловно избегать таких вывихов, которые допустила «Комсомольская правда» в статье от 19 ноября «Время отделяет зерна от плевел». Печалюсь и сожалею и о том я, что Вы печатаетесь за границей. Успокаиваюсь пока только тем, что там переиздают Ваши труды — это хорошо. Но если там печатаются Ваши труды, не опубликованные на родном языке, - это плохо. Я полюбил Вас за Ваш патриотизм, бескорыстие, бессребреность. Ни на йоту не меняю такого мнения и сейчас. Но откровенно скажу — хочу знать и только от Вас лично, что заставило Вас это сделать? Ведь если Ваши рукописи, имеющиеся у меня, переправить за рубеж, уверяю, они будут сенсационно изданы, Вас осыпят золотом, завалят телеграммами, но тогда от Вас отвернется русский народ. Мне больно писать об этом, я глубоко верю Вам. Прошу во имя всего хорошего написать мне об этом отдельной запиской примерно под таким заголовком: «Почему я был вынужден опубликовать свои труды за границей». Зачем мне это надо? Затем и потому — я подробно информировал Ваши труды среди ответственных людей, и не исключена возможность, все они будут вынуты из-под спуда. И мне могут задать, естественно, вопрос, который я задаю Вам. Я не хочу получать ответ на него из других уст, ибо верил и верю только Вам.

Вот, пожалуй, и все. Стрелка часов приближается к 4 часам, пора спать. Перепечатывать письмо не стану, оно написано от души.

Уважающий Вас В. Орлов

Посылаю Вашу статью «Несколько замечаний по методике опытного дела», прошу ее отредактировать и послать по адресу: Москва, И-!39, Орликов переулок, д. 1/11, комната 763. Редакция журнала «Колхозно-совхозное производство РСФСР», редактору т. Галибину Юрию Михайловичу. Можете сослаться на меня. Я дал ему указание опубликовать ее.

Письмо А. А. Любищева, 17.12 1964 (Ульяновск).

Дорогой Василий Павлович!

Должен Вам сказать, что я погрешил против Вашего правила -·» печатать за границей только то, что уже напечатано по-русски, очень давно — больше 50 лет тому назад. Моя первая работа по гистологии кольчатых червей была напечатана по-немецки в 1912 г. Затем ровно50 летя не печатался за границей.

В 1962 г. в журнале «Биометрике» (международный журнал Биометрического общества) напечатана моя статья «О применении дискриминантных функций в таксономии». Содержание этой работы напечатано и по-русски, и по-английски. По-русски в сокращенном виде, по-английски подробнее. Почему? Потому что Вам, может быть, неизвестно, что у нас печатают огромными тиражами политическую литературу {например, семитомник речей Хрущева), беллетристику {у поэтов даже самое крошечное стихотворение занимает целую страницу), а ученые все время должны независимо от содержания укладываться в жесткие рамки. Но мои работы давали восемь страниц и ни одной больше. Естественно, что статью пришлось так сократить, что ее трудно понять. А мою английскую статью я писал сам, а корректировал американец, тогда президент Биометрического общества, Блисс, с которым я очень подружился во время совместной работы в ВИЗРе в 1935—1937 гг. Блисс попросил еще дополнить, сам ее дополнил примечанием несколько критическим, а я потом еще дополнил своим примечанием, и в общем работа вышла значительно улучшенной. А у нас дают на правку литературным редакторам, совершенно невежественным в науке, и в одной из моих последних работ редактор к градусам прибавил С, т. е. Цельсия, не заметив, что речь идет не о градусах температуры, а о градусах угловых.

Русская работа была сдана примерно на год раньше, а вышла почти на год позже, так как все бумаги у нас не хватает.

Вторая работа «О некоторых противоречиях в общей таксономии» в значительной мере повторяет мою работу, напечатанную в 1923 г. по-русски, но, конечно, расширенную. Работа более короткая не принималась в редакциях во Фрунзе и в Ульяновске. Эта работа была, по предложению моего друга проф. Терентьева, направлена в Ленинград для журнала «Эволюшен», членом редколлегии которой Терентьев три года состоял (с разрешения министерства). Но когда я ее написал, был «заморозок» после 21-го съезда (период полуреабилитации Сталина) и для отправки за границу одно время требовали разрешения начальства. Я обратился к старому хорошему знакомому проф. Гил Ярову, состоявшему председателем какой-то ненужной

организации, вроде Ассоциации советских биологов, чтобы он помог. Он, прочтя статью, заинтересовался и сказал: «А может быть, лучше ее сначала напечатают по-русски». Я дал ему русский текст, и он, будучи-членом редколлегии «Зоологического журнала», пытался ее провести в печать. В конце концов ее не решились напечатать. Я это узнал стороной, меня даже не известили, проканителили полтора года. Узнав окончательно, что по-русски печатать не будут, я послал за границу, с почтой сейчас никаких задержек нет. Ее немного сократили, немного исправили, прислали мне для проверки исправленный текст, я опять внес поправки, и в таком виде она была напечатана. На первую работу я получил 57 запросов из-за границы, на вторую — 30 из самых разнообразных стран. У меня сейчас оказалось много новых корреспондентов, интересующихся моими работами. Что же, по-Вашему, я должен был ждать, когда наши редакторы, не умеющие даже вежливо ответить, наберутся храбрости и напечатают мою статью?

Эти все работы совершенно не касаются интересующих Вас вопросов о лысенковщине. Мои полемические работы о Лысенко, хотя я и потратил на них много труда и времени, я не посылал за границу и не намерен пока их посылать. Почему я это делаю? Из патриотизма, из бескорыстия? Просто из-за полной бесполезности такого мероприятия. Вы совершенно не знаете положение дела в научном мире за границей и потому пишете о золоте, телеграммах, которые на меня свалятся. За границей, как и у нас, имеются две категории людей: специалисты в науке и вообще ученые (настоящие, а не наемные писаки) и широкая публика, включая, как правило, и правительство. Для первой группы мои писания излишни, для второй неинтересны.

Ученые отлично знают и за границей, что Лысенко — шарлатан, принесший огромный вред нашему хозяйству. Выдающийся генетик Добржанский (которого я хорошо знал в период его пребывания у нас) перевел полностью бредовую книжечку Лысенко о наследственности и ее изменчивости на английский язык, и я сам читал рецензию на эту книжку в одном американском журнале, которая гласит примерно следующее: «Мы очень благодарны профессору Добржанскому за его перевод сочинения Лысенко. Добржанский — выдающийся генетик и, кроме того, превосходно владеет русским языком, поэтому мы можем вполне положиться на правильность перевода, иначе мы могли бы подумать, что все это выдумано, так как трудно поверить, чтобы такой вздор поддерживался в культурной стране». Если Вы читали записку, поданную нашими многими биологами и физиками в Президиум ЦК КПСС в 1955 г., то там приведен ряд фактов, где для критики Лысенко за границей просто переводили наиболее бредовые выступления Лысенко и его сторонников. Ведь для современных ученых достаточно такой фразы Лысенко: «Мендель никакого отношения к биологической науке не имеет», чтобы видеть, что Лысенко — невежда в науке вообще. Я читал в одном журнале сообщение о конференции по поводу положения наук в СССР, где участвовали Добржанский, Зиркль и др. Зиркль прямо указал, что в СССР существуют две категории

наук: счастливые и несчастные. К счастливым относят математику, физику, механику, астрономию и другие точные науки. Сюда партия не вмешивается или почти не вмешивается, и здесь русские достигли огромных успехов, которых никто не оспаривает. А к несчастным относится биология, в особенности генетика, где из-за постоянного вмешательства сверху получился данный застой. Добржанский прибавил, что все же остался ряд выдающихся генетиков и что поэтому можно ожидать решительного поворота к лучшему. Это было напечатано еще в 1953 г., до моего выступления на антилысенковском поприще. Что, это писал «враг СССР»? Нет, это писал истинный друг и нашей науки, и нашего народа, а враг сидел наверху и поддерживал подлинного вредителя Лысенко. Сейчас то, что писали Зиркль и Добржанский в 1953 г., с некоторым запозданием осуществляется, и на чествование столетия со дня выхода в свет работы «не имеющего никакого отношения к биологической науке Менделя» едет от нас внушительная делегация, которая с энтузиазмом будет встречена учеными всего мира: они встретят настоящих генетиков, а не шутов гороховых Глущенко, Кушнира и проч., которые действительно позорили нашу страну. Они, конечно, не получали долларов, но загребли немало рублей за счет многострадального русского народа.

На этом кончаю первую часть моего письма. Отправляю потому, чтобы дать *ответ на наиболее интересующие Вас вопросы, дня через два пришлю остальное.

Ваш А. Любищев

P. S. Совсем позабыл ответить на один возможный вопрос. Сколько же долларов я заработал на двух работах, напечатанных за границей? Вам может быть неизвестно, что научные журналы, как правило, никакого гонорара авторам не платят, но обычно (в Германии, Франции и

других странах) дают бесплатно известное количество (50—75) оттисков, а большее количество уже за плату. У англичан и в США и этого обычно не дают и приходится оттиски оплачивать. Я поэтому тут никакой материальной выгоды не получил, но получил огромное удовлетворение, что я не отстал от настоящей мировой науки, а, напротив, высказываю мысли, интересные для ряда ученых. Мои работы у нас тоже вызывают интерес, и у меня завязалось довольно много контактов с молодыми учеными, но биологическая подготовка в вузах у нас настолько плоха, что даже моя вторая глава «Монополии», где я излагаю сущность теоретических споров в генетике, многим очень толковым биологам кажется трудной. Я и сам не подозревал, какое страшное опустошение в нашей культуре произвел этот Распутин от биологии, по отношению к которому Вы рекомендуете соблюдать величайшую деликатность. Но об этом в продолжении письма.

Письмо А. А. Любищева, 26.12 1964 г. (Ульяновск).

Дорогой Василий Павлович!

После письма от 17 декабря пишу Вам по поводу остальной части Вашего письма, которое было, очевидно, написано наспех. Перечислю мои соображения по пунктам.

Ваши слова: «„Они" бегут, как крысы с тонущего корабля, и непристойно нам, глядя на это бегство, улюлюкать вслед. Теперь надо писать без ругани...»

Кто бежит, какие крысы, с какого корабля? Неужели Вам неизвестно, что пока все лысенковцы на местах? По имеющимся у меня сведениям, Трофим мечтает остаться в Горках (а пока он все еще директор Института генетики), бурно развил чтение «лекций» в Тимирязевке, где до сих пор числится на кафедре генетики, Ольшанский по-прежнему на посту, и я недавно слыхал от весьма компетентного лица, что лысенковцы вовсе не считают дела проигранными. Борьба еще вовсю идет, а до демократического строя нам еще очень далеко, и лысенковцы надеются, что вновь возьмет верх новый Сталин или Хрущев и все снова задавит или постарается задавить.

Но представьте себе даже, что все они покаялись. Написали письмо куда следует, что признают свои грехи и просят их простить, что тогда? Погладить их по головке и сказать: «Ну, вот и хорошо, теперь все в порядке: идите и работайте по-прежнему»? Никто и нигде не милует виновного преступника в тягчайших преступлениях, если он просто признал свое преступление. Это служит только смягчающим обстоятельством. А здесь после смерти Сталина прошло почти 12 лет, было время подумать, но до самого последнего времени лысенков-ская сволочь не только не сомневалась в содеянных преступлениях, а еще мечтала о реванше. Неужели Вы думаете, что сейчас уже можно унять волну возмущения, а особенно нашей молодежи? Она уже подымается. Вы знаете, конечно, что еще при Хрущеве портрет Лысенко студентами был помещен в уборную. Тогда студентов выгнали из университета, но мне известно, что их с удовольствием приняли в Ленинградский университет. Сейчас снова портрет в Московском университете унесли в уборную и для верности вымазали фекалиями. Безобразие, некультурность, воскликнете Вы? Когда отняты культурные методы борьбы, активная молодежь прибегает к некультурным, как еще в царские времена крестьяне прибегали к таким некультурнейшим приемам, как сожжение помещичьих усадеб, так как культурные методы борьбы были заказаны. И Вы теперь сожалеете, что полемика вышла в общую прессу: «...я за то, чтобы газеты, журналы несельскохозяйственного профиля бросили заниматься несвойственным им делом...» Вообще это положение правильно в нормальной обстановке, когда правительство не вмешивается в научные журналы. Но Вы знаете, что, по приказу Хрущева, редакция «Ботанического журнала» была разогнана и до сих пор нет свободы даже чисто научной полемики. И совершенно естественно, что так как полемика против настоящей науки велась в широкой прессе, то в широкой же прессе должно быть и рассеяно мракобесие. Ваши слова «Разберемся как-либо и без них» непонятны. Кто это будет разбираться: партия, ЦК или какой-нибудь вождь?

Вы против наклеивания ярлыков. Ярлыки, вообще говоря, полезная вещь, если они сразу обозначают сущность предмета. Поэтому такие ярлыки, как Платон — идеалист, Бюхнер — механический материалист и т. д., вполне приемлемы и допустимы. Н хотя только добросовестный суд может достаточно надежно квалифицировать обвиняемого, но когда имеются достаточные основания, то «ярлыки» можно наклеивать, не нарушая этики...

Моя статья характеризует лысенковщину как удивительный синтез шарлатанства, невежества, наглости и бесчестности. Здесь нет ни намека на сквернословие и даже грубость: это точная квалификация лысенковщины.

Поэтому дальнейшая стадия развития: привлечение к уголовной, гражданской или научной ответственности всех навредивших нашей науке и нашей стране. К уголовной надо привлечь

немного: Лысенко, Ольшанского и еще кое-кого. Конечно, надо удалить из академий и вузов и научно-исследовательских учреждений всех проникших туда только потому, что они поддерживали Распутина, и с некоторых надо взыскать хотя бы штраф за принесенные убытки. А как с философами? Из того, что они только через 30 лет стали в порядке исключения признавать, что Лысенко— шарлатан, ясно, что пользы от нашей философии для науки нет. Из-за этого и чрезмерной гипертрофии «советского богословия» и «советского духовенства» надо все это порядком сократить и допустить возможность разнообразия мнений. Вот ярлык «идеализм» в смысле, равноценном «виновен», надо полностью выкинуть в мусорный ящик истории. Идеализм — почтенное направление в философии, подавляющее большинство философов (а среди крупнейших, пожалуй, без исключения) были идеалистами, и одним из источников марксизма сам Ленин указал немецкую идеалистическую философию. Конечно, немецкая идеалистическая философия устарела, но хорошо вспомнить одно изречение из Талмуда: «Не плюй в колодец, из которого пил» (это лучше, чем русское «Не плюй в колодец, пригодится воды напиться»).

144

Полезно вспомнить и ленинскую мысль о том, что умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм, а большинство форм материализма относится к категории глупого материализма, и наши философы ни тени глубокой оригинальности не показали. Вы скажете, это мое субъективное мнение. Нет, вполне объективное: ведь жаловались же в прошлом году Юдин и др., что, несмотря на то что в СССР огромное количество так называемых марксистских философов, до сих пор не было случая присуждения Ленинской премии по философии (присуждение премии Рубашевскому за работу «Философские воззрения Мичурина» или что-то в этом роде наши философы сейчас всерьез не принимают).

Вы сожалеете «о напрасной трате драгоценного времени на работу, которая уйдет под спуд и покроется пылью».

Статьи мои «пылью не покроются», но во многих местах переписываются и размножаются и усиленно читаются молодежью, и это мне важнее, чем если они будут читаться какими-то мне не известными людьми в Ваших башнях из слоновой кости, оторванных от народа. Что это за «бронь» такая? Ведь у нас считается, есть свобода печати, а оказывается и до напечатания есть «бронь», через которую не все могут прорваться. Это хуже старой царской цензуры, там бывали иногда выдающиеся деятели культуры во главе цензуры: Тютчев, Аксаков, Гончаров, которые даже частью исправляли ошибки старых цензоров. Они свою работу вели, не таясь от авторов, и с ними можно было спорить. А у нас все творится взаперти, даже провели дикое положение, что и рецензии пишутся анонимно, — в полном смысле царство темных личностей. С этим порядком надо решительно покончить, как и с порядком, когда редакторам какие-то таинственные лица приказывают, что им печатать или не печатать. Но «бронь» непреодолима, «плетью обуха не перешибешь»! Так ли? Сталин умер, и скоро память его подверглась проклятию даже в официальных кругах. Хрущева сместили, и те самые марионетки, которые единодушно голосовали за принятие нелепейших предложений Хрущева, с таким же завидным единодушием осудили обалдевшего от неограниченной власти деспота. Возможно, что среди наших «руководящих нянь» есть и такие, которые мечтают о «прекращении беспорядка». Вот, скажем, 'переарестовать всех бунтовщиков, предъявить им вымышленное обвинение и «судить» тайным судом, как у нас еще водится (а там можно объявить что угодно). Нет, пожалуй, такие сладкие сны даже самые оголтелые наследники Сталина могут видеть только во сне. Ослабление цепей не мирит нас с рабством, но усиливает стремление порвать оные, как сказал наш великий историк Карамзин по поводу татарского ига, и эти слова справедливы в неменьшей степени и по поводу сталинского ига, которое было ничуть не лучше татарского. Хрущев, конечно, ослабил цепи, но система полного деспотизма сохранилась. Подождем еще полгода, может быть, услышим какую-то настоящую программу тех преобразований, которые совершенно назрели. А Вы предлагаете мне приспосабливаться к уровню тех людей, которые привели Россию на край голода (предупредили голод только ввозом пшеницы из-за границы, а вот в нынешнем году в США, говорят, сильная засуха, так кто же поможет «единственно прогрессивным» социалистическим странам, проводящим сельское хозяйство по «единственно правильному и научному, материалистически обоснованному» пути, но почему-то дающему меньший урожай, чем у отсталых капиталистов?). Нет уж, извините, пожалуйста! Я не ультрапатриот, но именно мой патриотизм не допускает, чтобы я сохранил самую элементарную вежливость к вандалам, разоряющим Россию. Я потратил много труда и времени на это письмо и прошу в дальнейшем не

писать мне писем: 1) наспех, 2) ночью и 3) без перечитывания. Мой возраст дает мне право предъявить Вам это требование. Привет от нас обоих Вам и супруге.

Ваш А. Любищев

145

P. S. Это мое письмо, как и все мои писания, не является секретным. Я не только разрешаю, но и прошу показать его кому угодно, включая товарищей из «брони», тяготеющей до сих пор над наукой в нашей стране.

Письмо А. А. Любищева, 25.11 1966 г. (Ульяновск).

Дорогой Василий Павлович!

Большая статья о Мичурине, уже отредактированная в Новосибирске, все еще задерживается, так как дирекция опасается руководящих нянь. Когда нам дадут хотя бы права зулусов, о которых мы так хлопочем, и избавят нас от дурацкого руководства?

Ваш А. Любищев

Письмо В. П. Орлова, 30.11 1966 г.

Дорогой Александр Александрович!

Было, есть и будет мне приятным и большим удовольствием получать и внимательно читать Ваши письма. Это, конечно, не означает, что полностью солидарен с Вами по всем вопросам, по некоторым из них наши мнения расходятся. К счастью моему, расходятся они по вопросам, которые не имеют большого и принципиального значения. Например, Вы за суд над Лысенко. Я категорически против, и вполне будет достаточной изоляция его от науки, но не от общества путем тюрьмы или лишения жизни. Безусловно, обидно, что в нашем обществе нашло проявление такого зла, но стоит ли платить за него злом? Я думаю, что не стоит. Мы должны стоять выше этого. Настоящая и гениальная теория не требует в наших условиях применения «грубятины» и насилия ---она на основе объективного развития победит и превратится в конечном счете в свою материальную силу. Другими словами, я против разжигания страстей (навешивания всяких оскорбительных ярлыков противникам и тем более против применения в научном споре «драконовских мер»). Каждому, кто умеет писать и высказывать свои мысли, должно предоставляться это право. Читатель сам должен определить, читать ли ему эту книгу, а слушатель должен быть волен слушать или не слушать ему того или иного оратора. Примерно такова настоящая линия руководства. Вы же задаете вопрос: «Когда будут хотя бы права зулусов?» В настоящее время они даны и даны больше, чем «зулусам». Беда в том, что редакции сейчас буквально завалены трудами, вытащенными из-под спуда. Отбор их по ценности и значению — весьма трудное дело. Он требует высокой квалификации работников издательств и их высокой эрудированности, а эти качества имеет весьма ограниченный круг. Поэтому предоставленная им самостоятельность используется ими весьма слабо не в силу контроля или давления сверху, а исключительно в силу их нерешительности и оставшегося наследия — мелкой опеки, к которой они так крепко привыкли. Фактов на этот счет более чем предостаточно. Один из них известен нам с Вами — поступок редактора Галибина Ю. М, Он не сторонник Лысенко. Самостоятельность ему предоставлена полная. А вот взял и не пропустил Вашу хорошую статью. Безусловно, я бы мог его заставить это сделать. Однако это означало бы ликвидацию предоставленных ему прав, вмешательство (против чего Вы сами протестуете) в его оперативное дело.

Можно, конечно, спорить, не соглашаться с таким положением, уточнять и советовать, но все это мало изменит действительность. Эту речь веду к тому, что новосибирский издатель волынит с опубликованием Вашей статьи не потому, что «опасается руководящих нянь», а просто потому, что он трус или не дорос до нужного уровня понимания важности излагаемых Вами материалов.

Вы по-прежнему нерационально много времени тратите на критику Лысенко, что в настоящее время не вызывается какой-либо необходимостью. В одном из своих писем ко мне, а может даже при разговоре, Вы произнесли фразу, которая хорошо мне запомнилась: «Сейчас дело не в том, чтобы писать или не писать критику на Вильямса. Гораздо полезнее написать про исследование причин, в силу которых стало возможным такое уродливое явление в нашей стране». Мне кажется, это правильно и в отношении Лысенко. В то же время убежден, нити исследования затронут такой большой круг больших людей, что опубликование встретится с большими затруднениями.

Несколько слов о себе. Ушел на пенсию, вот уже 5 месяцев сижу дома. Пишу большую работу — «Насущные вопросы сельского хозяйства». Уже напечатал 400 листов машинописи, а конца не видно.

Ваш В. Орлов

Письмо А. А. Любищева, 26.01 1967 г. (Ульяновск).

Дорогой Василий Павлович!

В свое время получил от Вас длинное письмо. Не скрою, я получил и большое огорчение: писем такого рода я от Вас не получал. Сейчас я очень занят, так что не могу тратить время на длинные письма по предметам непланового характера, хотел отложить на позже, но потом решил, что лучше всего поговорить с Вами на дому.

Ваш А. Любищев

146

Письмо В. П. Орлова, 5.11 1967 г.

Дорогой Александр Александрович!

Вели в моем письме есть что-либо, обижающее и омрачающее Ваше настроение, приношу глубокое извинение. Видит Бог, я этого не хотел! Убедительно прошу не тратить время на ответ, я и без пего сдаюсь. Черт его знает, как у меня получается, пишу с чистым сердцем, как самому уважаемому человеку, а получается чертовщина. Еще раз приношу извинения.

В прошлом году сотрудник аппарата, в котором я работал, приехал из Ульяновска и обратился ко мне с вопросом:

— Ты хорошо знаешь т. Любищева?

—- Лучше, чем себя, -ответил я.

Что он представляет из себя как человек и ученый? — спрашивает он опять.

— Как человек он обычный, но с необычным характером, терпеть не может неправды и говорит правду прямо в глаза, как бы она горька ни была. Делает это без всяких выгод для себя, в силу особой любви к Родине и преданности к ней, она дли него превыше всего. Как ученый — он академик, хотя и не имеет этого звания. Только академик особенный, т. е. лишен «способности» попадать под навеянные теми или иными условиями так называемые прогрессивные настроения... У него свои взгляды, основанные на глубоких знаниях предмета, и огромная эрудиция по многим наукам. В науке он гигант, в критике куда злее Белинского. Последнее я испытал лично на себе и все же не только не сержусь, но и люблю его.

На этом наша беседа закончилась, возобновить ее не пришлось. С какой целью и по каким причинам ему потребовались сведения о Вас, и не знаю, да это, собственно говоря, и неважно. Все это я привел для того, чтобы показать Вам мое искреннее уважение не в силу каких-либо корыстей и расчетов, а исходящее от души и сердца. Просто досадую на себя, что в своих письмах допускал неточные выражения и давал пищу к неправильному пониманию меня. Давайте договоримся, если подобный случай повторится, разорвите письмо и бросьте в корзину, но не сердитесь.

В настоящее время поступил на работу в ТСХА старшим научным сотрудником лаборатории управления сельскохозяйственными предприятиями. Работа интересная, буду работать через день. Дама сидеть не могу.

Ваш В. Орлов

Письмо В. П. Орлова, 17.04 1969 г.

Здравствуйте, дорогие Ольга Петровна и Александр Александрович!

Свою агрономическую профессию я предал анафеме, литературу по сельскому хозяйству, которую приобретал 45 лет, часть продал букинистам, часть передал в ТСХА, но большую просто выбросил в хлам. Другими словами, разочарование полное. Причин на это много. Вместо всего этого увлекся проблемой управления. Эта «невеста» коварна и зла, капризна и лукава, требует к себе пристального внимания и всего времени, оставшегося от сна. И приходится идти на это, потому что ' проблема весьма интересна и, можно сказать, пока еще является почти нетронутой целиной. Кабинет управления, мой первенец, пользуется вниманием, и его посетило уже около 3 тысяч человек, в том числе ученые, преподаватели вузов и НИИ сельского хозяйства, имеющих отношение к проблеме организаций сельскохозяйственных предприятий.

Есть еще одна новость ь нашей жизни. Прежде маленькое вступление. За всю свою жизнь я не имел в собственности ни мертвого, ни живого инвентаря, никаких средств производства. Была как-то охотничья собака,· и та сбежала от нерадивого хозяина. Собственность в любом виде была противопоказана моему характеру и мировоззрению. Черт попутал, соблазнил и привел к перерождению. Я получил садовый участок, строю домик, готовлюсь к посевной. В этой обстановке (частнокапиталистического окружения) пробудились в моем гене психологические крестьянские тенденции. Чем это закончится, не знаю. Некоторые сулят мне продлить жизнь

таким мероприятием на многие и многие годы, другие, наоборот, утверждают, что она (жизнь) обязательно на много лет сократится. Вот и вся новость.

Крепко обнимаю Вас

Ваш В. Орлов

Письмо А. А. Любищева, 2.12 1971 г. (Ульяновск).

Дорогой Василий Павлович!

То, что мы сейчас потеряли друг друга, совершенно не связано с каким-либо взаимным охлаждением. Просто некоторое время мы участвовали вместе в борьбе за освобождение нашей действительности от некоторых отрицательных явлений. Закончилась борьба не победой, но полупобедой, но только теперь наши интересы разошлись. Вы занялись вопросами управления, в чем я интереса непосредственного не имею, а я сейчас завел борьбу с моими прежними союзниками, которые, однако, остаются моими друзьями, так как это честные противники, а не шарлатаны. В этом году у меня опубликовано пять работ, написан ряд довольно больших «самиздатских» произведений, некоторые

147

продвигаются моими друзьями в «Новый мир» и «Природу», но пока безуспешно, так как боятся в редакции. Не вышло и продвижение в печать моей работы о значении Мичурина, которую мне предложили издать в Новосибирске, а потом испугались. Основное, что интересно и что Вам, может быть, известно: растет молодежь совершенно свободомыслящая и готовая воспринимать мысли, совершенно не соответствующие «единодушному мнению» наших газет. Особенно любопытно, что среди молодых философов растет великолепное пополнение. Недавно пятым томом закончилась «Философская энциклопедия»; настолько там много нового и совершенно неортодоксального: взять хотя бы статьи «Сократ», «В. Соловьев», «Флоренский», «Схоластика», «Христианство», «Циолковский» и др. Я получил приглашение на совещание по философским проблемам эволюционной теории, даже в президиум, но туда не поехал, так как моя нога еще не поправилась, хожу на костылях, да и здоровье Ольги Петровны не блестяще, но тезисы, к моему удивлению, напечатали, а сейчас заканчиваю по их заказу статью в сборник «Философия и эволюция» под заглавием «Редукционизм и развитие систематики и морфологии». У меня сейчас много заочных новых знакомств самого разнообразного профиля: математики и физики (четверо специально приезжали в Ульяновск), конечно, биологи и, что особенно интересно, философы. Так что, хотя я уже не на середине жизненного пути, по словам Данте, а близок к концу, я надеюсь, что доживу до свободной России, где можно будет печатать без цензуры. Вы тоже сознаете, что в нашей жизни много пороков, вероятно, мы на многое смотрим по-разному, но мне кажется, в Вас есть разумное восприятие критики и независимость. Особенно памятен 1960 г., когда я находился под пристальным вниманием некоторого авторитетного, не к ночи будь помянутого учреждения и когда, несмотря на это, Вы приглашали меня ночевать у Вас и проводили меня до трамвая: многие наши высокопоставленные академики таким гражданским мужеством не отличаются. Этого я не забуду.

Что касается того, что Вы стесняетесь Вашей частной собственности — сада, то бросьте Вы эти дурацкие наши предрассудки, будто нельзя продавать даже на базаре плодов, честно выращенных на своей земле и своим трудом. Вот из-за дурацкого преследования частников мы и сидим без фруктов. Сейчас полегчало, так как всюду частные сады, но так как за время вмешательства великой партии в сельское хозяйство и «преобразования природы» сады вовсю испохабили, то большинство плодов — дрянь, сады замусорены плохими сортами, продают черт знает что, и только на базаре кавказцы и другие продают хорошие плоды. Прав наш Кропоткин: конечно, основные производства должны быть укрупнены и национализированы, но в каждой культурной стране есть бесчисленное множевство производств, которые для национализации просто невыгодны. Тут, видимо, правильно ведут дело в Югославии. Польша тоже, кажется, становится на этот путь. Придется и нашему сверхмудрому начальству уступить.

Ваш А. Любищев

148

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

2.1. К столетию со дня рождения Мичурина. Открытое письмо (В редакции газет: «Правда», «Литературная газета» и журналов «Коммунист», «Здоровье»)[3]

Мое письмо является запоздалым. Это не такой большой недостаток, принимая во внимание, что: 1) его никто не ожидает; 2) из содержания его ясно, что его невозможно было бы написать до юбилея; 3} его, конечно, постигнет та же судьба, что и предыдущие мои многочисленные писания, — его не напечатают.

Когда празднуют юбилей Мичурина, то многие не догадываются, что в сущности есть не один, а два Мичурина. Первый — реальный Мичурин, трогательный по своему энтузиазму, несокрушимому оптимизму и самокритичности селекционер-любитель, талантливый, честный, трудолюбивый. Он несомненно вывел ряд ценных сортов плодовых деревьев и сделал много интереснейших наблюдений, намечающих новые методы в селекции. Но характер у него был колючий, и недостаточная научная дисциплина мышления привела к тому, что его наследство — это хаос отрывочных мыслей и наблюдений, которые должны быть приведены в порядок и очищены от значительного идейного мусора кропотливой критической работой.

Этого Мичурина никто не отрицает, никто не откажется чествовать, и вполне законно, что именем «мичуринский» могут именовать и кружки любителей селекции, и иных садоводов.

Но есть другой мифический Мичурин: основоположник не только области науки, но всей «мичуринской биологии», человек, имя которого знаменует собой целую эпоху, реформатор дарвинизма, избавивший его от наслоений капиталистического строя, борец за материалистическую биологию против реакционных течений, имя которого в истории науки может быть поставлено рядом с именами Ламарка, Дарвина, Ковалевского, Сеченова, И. П. Павлова и даже Пастера — реформатора медицины, этого величайшего благодетеля человечества.

Этот второй Мичурин вовсе не существует: это просто миф, это маска, сфабрикованная Лысенко в целях грандиозного очковтирательства и захвата власти в науке.

За время, прошедшее с печальной памяти 1948 года, много воды утекло, и «мичуринскую» (правильнее сказать, лысенковскую) биологию изрядно потрепали, настолько сильно, что ее как предмет вовсе изъяли из программ биофаков университетов и пединститутов. Подверглись резкой и заслуженной критике многие практические и теоретические «достижения» лысенковской биологии, вновь получили работу едва ли не все «вейсманисты-морганисты», изгнанные после сессии 1948 года, удалены были из вузов и других учреждений

Статья написана 31.10 1955 г.

149

некоторые наиболее оскандалившиеся лысенковцы, совсем разоблачен «деятель» той же школы Бошьян, выкинуто из программы школ и вузов пресловутое «новое учение о клетке» Лепешинской. Рассудку вопреки, Лысенко удержался на своем высоком посту. И хотя лысенковцы — в редакциях большинства научных журналов, все-таки его монополия в науке была сильно поколеблена. Процесс оздоровления науки шел медленно, может быть, слишком медленно, но верно.

И вот сейчас по случаю мичуринской годовщины лысенковцы празднуют полный реванш после мелких поражений последних лет. Уже не одна Сельскохозяйственная академия присутствует на триумфе Лысенко: в президиуме сидит ряд виднейших деятелей нашего государства во главе с Н. А. Булганиным и К- Е. Ворошиловым, открывает заседание президент АН СССР А. Н. Несмеянов, который в своем вступительном слове полностью поддерживает второго, мифического Мичурина, доклад делает Лысенко и повторяет свое (не мичуринское) понимание наследственности, свои идеи о жизненности, о биологическом виде и видообразовании. Никакого признания каких бы то ни было ошибок. В конце говорится, конечно, о кукурузе: «Эта древнейшая культура человечества у нас призвана к новой жизни и широко вводится в новые районы». Как будто эта самая кукуруза не была почти совсем сведена на нет (и по площадям, и по урожайности) как раз в период монополии Лысенко, и как будто одним из лучших методов повышения урожайности кукурузы не является американский (не мичуринский) метод инбридных семян.

Сигнал дан по всему фронту печати, и по всему фронту идет ликование лысенковцев. Никакой меры не соблюдается, стараются перепрыгнуть «достижения» 1948 года. Приведу несколько цитат.

1) «Литературная газета» от 22 октября [1955 г.], статья Р. Агишева «Живое дыхание» — по поводу выведения Мичуриным «фиалковой лилии»: «За монопольное владение этим феноменом одна из всемирно известных цветоводческих фирм Голландии предложила миллион гульденов». Мичурин не уступил, а дальневосточникам (в разговоре с А. Лукашовым) предложил с радостью.

Какие щедрые были голландские фирмы! Ведь миллион гульденов (800 тысяч золотом) — это целое состояние. И куда девалось такое сокровище, семена которого Мичурин бесплатно распределил через редакции «Вестника садоводства» (Соч., т. IV, с. 109) и которое могло бы его обеспечить на всю жизнь?

Как известно, реальный (не мифический) Мичурин продал много своих сортов в Америку и готов был продать и другие, но не сошелся в условиях (Соч., т. IV, с. 483, 486, 491, 539).

2) Журн. «Здоровье» (1955, № 10, с. 8); в статье «Мичурин и медицинская биология» проф. А. Т. Кравченко пишет: «Опыты Пастера, как и Дженнера, не были целиком оценены не только современниками этих ученых, но и самими авторами. Наука того времени не могла сделать правильные теоретические выводы из этих исследований. Сущность опытов Дженнера и Пастера становится особенно понятной с позиций учения И. В. Мичурина». Оказывается, именно с этих позиций были объяснены процессы изменчивости вирусов оспы и бешенства. Бедный эмпирик Пастер! Где же ему до выдающегося теоретика — Мичурина!

3) «Правда» от 27 октября 1955 г. — статья без подписи на первой странице (следовательно, установочная, по мнению наших молчалиных в науке!) говорит здесь и о мичуринском учении как новом, высшем этапе в развитии научного растениеводства, и о том, что оно окрепло в ожесточенной борьбе с антинаучными реакционными теориями, и о том, что оно «ныне является господствующим направлением в агробиологической науке». По мнению этой редакционной статьи, «с гениальной дерзостью, с широким русским размахом Мичурин решил такие задачи, за которые не брался ни один ученый в науке». В актив мичуринской биологии записываются и рекордные урожаи кукурузы, полученные Марком Озерным, хотя в этих урожаях, по словам самого Марка Озерного

150

(см. вторую страницу того же номера), играла большую роль и гибридизация, характерная не только для «мичуринской биологии», а, наоборот, разработанная в данном случае особенно успешно именно американскими «реакционными» морганистами (см. выступление Н. С. Хрущева).

4) Совершенно аналогичные высказывания содержатся в передовых статьях «Известий», «Сельского хозяйства» и др.

Таким образом, Лысенко как будто от имени всей лысенковской «школы» может сказать: «С нами ЦК, разумейте, менделисты, и покоряйтесь, яко с нами ЦК»- Можем ли мы, противники Лысенко, покориться? Не можем, если не хотим сделаться молчалиными. Напротив, наш долг еще сильнее возвысить наш голос, пока его не зажмут так, как зажимали в недавнее время и как и сейчас продолжают зажимать в печати.

Лейтмотивами нынешней возрожденной лысенковщины являются: 1) нельзя критиковать того, что одобрено ЦК, так как ЦК непогрешимо; 2) противники Лысенко — реакционеры, мракобесы, оголтелые империалисты, предатели и проч.

Разберем первый лейтмотив: ЦК не ошибается. А разве ЦК уже не признал многих ошибок, сделанных за период 1947—1953 годов (до марта):

1) чрезмерный, противоречивший марксизму культ личности;

2) разрыв с Югославией, полезный только для врагов мира и социализма;

3) чрезмерная борьба с «космополитизмом», выразившаяся в почти полном прекращении общения между учеными, в резком ухудшении преподавания иностранных языков: именно в этот период было прекращено преподавание на иностранном языке теоретических предметов старших курсов;

4) грандиозный ленинградский процесс, приведший к гибели Вознесенского, Попкова и других деятелей, исключению многих тысяч честных членов партии;

5) еще более зловещий процесс врачей-отравителей, завершивший связанную с борьбой с «космополитизмом» вспышку антисемитизма; 6} закон о запрещении браков с гражданами иных государств;

7) многочисленные закрытые процессы (пример: дело Клюевой, Роскина и Парина), а сейчас уже ликвидированные с реабилитацией осужденных;

8) возвеличивание Лепешинской с присуждением ей в экстренном порядке Сталинской премии;

9) поддержка Бошьяна, получившего за свою стряпню степень доктора наук, и т. д.

Как много за последние два с половиной года уже исправлено ошибок этого периода, и какой радостью наполнились сердца истинных патриотов Советской страны при вести о решительной самокритичной борьбе партии и правительства за искоренение печального наследства этого периода.

Что же, выходит, работа уже полностью окончена и все, что уцелело от этой самокритичной работы, должно быть полностью догматизировано на основе безупречной философии диалектического материализма (второй лейтмотив)? Да где она, эта философия? Официальная философия тоже подверглась разгрому за этот период. Начала в 1941 г. выходить широко задуманная семитомная «История философии» (издаваемая Институтом философии), и первые три тома вышли. Но третий том (которому была присуждена Сталинская премия), как и «История западноевропейской философии» Г. Ф. Александрова, подвергся резкому критическому обсуждению, в особенности после дисквалификации Г. Ф. Александрова (правда, не за ошибки в области философии). Создалось довольно курьезное положение: за 38 лет существования советской власти весь обширный конклав философов с рядом академиков во главе не может создать удовлетворительного руководства по диалектическому материализму, а от многочисленных преподавателей философии в вузах требуют удовлетворительного изложения этой дисциплины..[1] И как разобраться, что материализм, что идеализм в философии. В свое время книга нашего выдающе-

гося ученого Л. С. Берга «Номогенез» подверглась резкой критике как идеалистическая {и это обозначение не снято до сих пор) прежде всего потому, что он признавал: 1) развитие на основе закономерностей, а не на основе случайных вариаций, как думал Дарвин; 2) целесообразность как основное свойство живого, а не как результат естественного отбора. И вот мы читаем, что «материалист» Лысенко (в том же номере «Правды» от 27 октября, на второй странице) пишет: «Развитие идет на основе закономерностей», а другой «материалист» (бывший ранее ревностным защитником менделизма как единственно материалистического учения) И. И. Презент в журнале «Естествознание в школе» (1955, № 2, с. 10), следуя за Лысенко, считает, что «из бесконечного разнообразия внешних воздействий организм избирательно использует в процессе своего развития лишь те условия, которые свойственны его природе, к которым приспособлено его развитие».

Наши философы разобраться во всем этом сумбуре не помогают, да и не могут помочь, так как они и сами не понимают. Но, как известный щедринский тип, они не понимают, но ответить могут и преподают то, что приказано, для бедных студентов.

Но, может быть, даже не понимая, мы можем твердо разделить ученых и других деятелей на положительных и отрицательных типов: с одной стороны — материалисты, прогрессисты, светлые личности, с другой — реакционеры, идеалисты, предатели народа и прочие темные личности? Вспомним опять кое-какие оценки за этот период.

Шредингер — основной «идеолог» идеализма, по мнению Лысенко (см. Сте-ногр. отчет сессии ВАСХНИЛ, с. 15), так как он пришел к богу и бессмертию души;

Ганди (БСЭ, 2-е изд., 1952, т. 10, с. 203) — в 1919—22 годах, когда движение начало перерастать в революцию, «Ганди предал народ и помог империалистам подавить восстание». Кто сейчас решится повторить эти слова при встрече с любым индийским политическим деятелем?

Тито — «матерые предатели и провокаторы, платные агенты буржуазии, как Тито, Ранкович» («Исторический материализм», под ред. Константинова, 2-е изд., 1954, с. 176). «Разоблачение шпионской клики Тито—Ранковича в Югославии».

Бертран Рассел («Краткий философский словарь», 4-е изд., 1954, с. 505— 506) — «Рассел является ярым поджигателем новой мировой войны: он призывает к уничтожению СССР и стран народной демократии с помощью атомного оружия. Это один из самых оголтелых идеологов империалистического и антидемократического лагеря».

В том же словаре (4-м издании, но тиража 1955 г.) вместо этого читаем: «В последнее время Рассел выступает за запрещение атомного оружия и ослабление международной напряженности».

А вот ряд переоценок научных направлений.

1) *Кибернетика* (тот же «Краткий философский словарь», 1954, с. 236—237): «Реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны... Кибернетика является, таким образом, не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления ее агрессивных планов». В тираже 1955 года «Кибернетика» полностью выпала. Объяснение этому можно найти в № 4 «Вопросов философии» за 1955 г., где появились две статьи о кибернетике, одна — трех настоящих математиков, С. Л. Соболева, А. И. Китова и А. А. Ляпунова, и другая, так сказать, пристяжного математика Э. Кольмана. Математики прямо говорят, что разговоры о псевдонаучности в кибернетике прикрывают зачастую простое невежество в науке, и даже они считают (с. 147), что не исключена возможность, что усиленное реакционное, идеалистическое толкование кибернетики в популярной реакционной литературе было специально организовано с целью дезориентации советских ученых и инженеров с тем, чтобы затормозить развитие нового важного научного

направления в нашей стране. Думаю, что вместо слов «советских ученых и инженеров» надо поставить «советских казенных философов», так как наши ученые и инженеры сумели бы разобраться в новом направлении, если бы им не мешали философы, приставленные к ученым следить за тем, чтобы они не впали в какую-нибудь идеологическую ересь. И они достигли цели: задержали развитие этой отрасли науки на несколько лет, отчего мы и отстали от зарубежной техники.

2) *Эмерджентная эволюция* («Краткий философский словарь», тираж 1954г., с. 685): «Антинаучная, реакционная, идеалистическая теория, направленная против материалистической диалектики. Сторонники эмерджентной эволюции вынуждены признать прерывность в развитии, качественное многообразие явлений, возникновение нового, но они истолковывают все эти процессы в духе идеализма и иррационализма».

В тираже 1955 года эти слова в соответствующем месте опять-таки исчезли, хотя (видимо, по редакторской спешке) они остались в статье «Гностики» (с. 91) и осталась критика философа Александера как реакционного идеалиста в статье «Неореализм» (с. 328).

Почему же они исчезли? Разгадку находим в том же четвертом номере «Вопросов философии» за 1955 г. в статье английского философа-марксиста Мориса Корнфорта. Здесь Корнфорт утверждает, что хотя сам Александер не считал себя материалистом, но его точка зрения является материализмом и этот материализм стал известен под названием «теория эмерджентной эволюции» (с. 102), и редакция не сочла нужным обезвредить такие высказывания. Только в конце статьи в коротеньком (семь строк) редакционном примечании указано, что статья интересна и ценна, но некоторые ее положения (какие — не сказано) нуждаются в дальнейшем обсуждении.

Какой сумбур в голове окажется у наших аспирантов по философии, если они будут тщательно следить за философской литературой! Может быть, обратятся к профессорам и доцентам? А что те могут ответить? «Простите, по этому поводу ничего не сказано ни в „Правде", ни в „Коммунисте"».

В мои года не можно сметь Свое суждение иметь.

Разница с Молчалиным только та, что Молчалин рассчитывал дорасти до возраста, когда ему позволено будет иметь свое суждение, а современные философы до гробовой доски остаются убежденными молчалиными.

Марксистской философии творческой, живой у нас нет, она полностью разрушена Сталиным, который думал за всех. Сейчас то, что называется философией, — это департамент препон и препятствий, предвиденный Салтыковым-Щедриным, «Центропупс» Маяковского.

Эйнштейна и Шредингера упрекали в идеализме и реакционности. Но кто поднял вопрос о ревизии детерминистского (по толкованию наших философов, — идеалистического) толкования волновой механики, общепринятой за рубежом (и не только за рубежом), Бора и Гейзенберга? Те же самые Эйнштейн и Шредингер вместе с де Бройлем (см. «Вопросы философии», 1954, № 6, статья Мякишева). Оказывается, однако, что до построения последовательной материалистической трактовки квантовой механики мы не можем считать интерпретацию Бора—Гейзенберга окончательно преодоленной, не можем, как бы мы того не хотели, избежать влияния идеалистически настроенных зарубежных физиков. Выходит, что творцами современной физики являются две группы идеалистов, а что делают материалисты? Ругают и тех и других, но дела не делают.

Судя по некоторым выступлениям, действительно недогматическая марксистская философия существует сейчас только за рубежом: могу назвать в Англии Корнфорта и Бернала, во Франции Пренана. У нас — сплошь догматики, потерявшие всякую способность самостоятельного мышления.

153

Если слово «реакционер» (а по ходячему мнению, всякий идеалист — реакционер) обозначает группу людей, куда входят Пастер, Эйнштейн, Шредингер, Бор, Веркор, Сартр, Фейхтвангер, Хьюлетт Джонсон, Ганди, Неру, У-Ну и проч., а слово «прогрессист» -— группу, куда входят Лысенко, Лепешинская, Бошьян, Платонов, Трошин, Новинский, Топчиев и прочие, то я с радостью назовусь реакционером.

Но почему имеет место такая разница {в области точных наук философы не причиняют такого вреда, как в биологии)?

1) Потому что точные науки и техника дают результаты, ясные для каждого, и там очковтирательство быстро вскрывается. В меньшей степени в медицине, почему и там Лепешинская и .Бошьян не долго могли бесчинствовать.

2) В биологии же, в особенности в агрономии, проверить результаты трудно, тем более что все крайне засекречено. Мы не знаем точно, какова урожайность современных полей и повышается ли она или понижается.

3) Многие биологи крайне противятся проникновению в биологию математики вообще и математической статистики в частности, и усвоение всего этого не так-то легко.

4) Имеется большое количество псевдоученых, держащихся только Лысенко: для них защита Лысенко — вопрос хорошего существования, так как все они — интеллигентский брак (как и огромное количество философов).

5) Даже настоящие ученые скомпрометированы поддержкой Лысенко и «мичуринской биологии» или отчасти в прошлом из страха, или из дипломатических соображений мнимой пользы удобства борьбы.

6) Наконец, за Лысенко высится мрачная тень зловещих призраков Ежова и Берии, погубивших Вавилова.

Мое выступление может вызвать резкую реакцию со стороны высокопоставленных ученых. Весьма возможно, что я даже их согласным хором и молчанием честных, но робких ученых (вспомним заседание ВИЗРа 27 или 28 августа 1937 года) буду осужден как клеветник.[2] Это меня не пугает. Дело Дрейфуса длилось семь или девять лет. Эмиль Золя был судом осужден как клеветник, полковник Пикар два раза подвергался заключению, но сейчас каждый честный человек сочтет за честь быть сопричастным к их компании.

2.2. Новое в учении о биологическом виде. По поводу

статьи Геннадия Фиша «Живые звенья» [б]

2.2.1. Введение

Статье предпослан эпиграф Мичурина и, очевидно, она является побратимом того огромного потока статей, который наводнил все наши журналы по случаю мичуринского юбилея. Она касается все того же, дискутируемого уже три года вопроса о видообразовании, и, как автор автору, я должен признаться, что она является лучшей из всего того вороха больших и малых работ, которые были написаны в защиту «нового в учении о биологическом виде». Подвести итоги дискуссии о виде пытались и наши философы (Г. В. Платонов, И. И. Новинский), но их попытки по сравнению со статьей Г. Фиша -— это «...разыгранный фрейшиц перстами робких учениц».

Г. Фиш, как это теперь в моде (в отличие от недавнего времени, когда резкость полемики вменялась в заслугу), призывает к вежливости и в общем ее соблюдает.[1] Ну что ж, будем «взаимно вежливы» не только в трамваях, магазинах, банях и парикмахерских, но и на страницах журналов. Принимаю

" Статья Г. Фиша была опубликована в журнале «Звезда», 1955, № HI, с, 107—-128 и № Ш-142.

154

это условие и надеюсь, что если-я буду вежлив, то и меня допустят на страницы журналов.

Хотя «новое в учении о биологическом виде» и осталось как будто для наших философов и для Г. Фиша непоколебленным, но список фактов, которыми они оперируют, и авторов, которых они считают своими союзниками, порядочно поредел. Я не нашел у них не только «непечатных»

комбинаций: малиновка-кукушка, рожь—василек, но и ряда опубликованных: граболещина, сосна—ель, ольха—береза, подсолнечник—подсолнечная заразиха. Инкогнито (скрыто в словах о смене видов на залежах, с. 141) выступает «учение» с порождением ковыля культурной растительностью.

Из членов славной фаланги представителей советского творческого дарвинизма совершенно исчезли Бошьян, Дмитриев и Демидов; еле держится Лепешинская. Всего более удивительно, что совершенно не упоминается наиболее радикальный представитель этого направления китаец Ло Коанг Тип, опубликовавший на французском языке в Южном Китае работу о своем двадцатилетнем опыте по порождению клещей из агара. Удивительно и то, что этот автор не участвовал в том смотре представителей зарубежной науки, который был устроен в специальном выпуске журнала «Агробиология» (1955, *№* 4), посвященном мичуринской дате. А ведь этот автор наиболее квалифицирован по своей подготовке: он окончил медицинский факультет в Париже, работал одно время в Пастеровском институте там же и на основании своих долголетних работ пришел к выводу, что при хранении запаянных пробирок со стерилизованным агаром в них появляются клещи и др. организмы иногда в форме яичек, иногда сразу в форме выросших клещей. При этом, в полном согласии с принципами советского творческого дарвинизма, в каждой провинции Китая сообразно местным условиям появляются и местные виды клещей. Приложенные им к работе фотографии ничуть не менее убедительны, чем фотографии в работах Лепешинской, и замалчивать такое выдающееся достижение мировой мичуринской биологии, право же, нецелесообразно. Мне остается думать, что такое замалчивание объясняется лишь чувством сострадания, которое проявляют торжествующие советские творческие дарвинисты по отношению к своим противникам — многократно и окончательно разгромленным аммовидам. Поясню этот термин, принадлежащий одному уже ныне покойному моему другу: аммовид — это сочетание начальных букв слов антимичуринец, менделист, морганист, виталист, идеалист. Думаю, что он имеет преимущества перед набившим оскомину термином «вейсманист-морганист». Возможно, что, переживая оживленное возбуждение триумфального мичуринского юбилея, лысенковцы полагают, что аммовиды чувствуют себя как разбойники в одной из былин об Илье Муромце («Не бей нас всех, оставь хоть на семена!»), и великодушно решают нас окончательно не добивать. Разрешите ответить за все аммовиды: «Мы восхищены вашим великодушием, но в нем не нуждаемся».

В общем тот вывод, к которому, по мнению наших философов и *Г.* Фиша, можно прийти в отношении трехлетней дискуссии о виде, заключается в следующем: конечно, Лысенко и его сторонники немножко хватили через край и второпях воспользовались не совсем проверенным материалом (это у философов, но не у Г. Фиша), но факты, поддерживающие новое учение, многочисленны и доброкачественны, концепция Лысенко является весьма существенным развитием дарвинизма, имеет большое теоретическое и практическое значение, противники же этой новой концепции упорствуют в силу косности, свойственной обычно старым ученым, не могущим оцепить значение нового прогрессивного учения. Постараемся «со всей кротостью и без пролития крови» разобраться в аргументации Г. Фиша и других Лысенко вце в.

155

.2.2. Немного методологии

С точки зрения методологии, между нами как будто нет различий. Мы считаем, что задача науки — раскрытие объективных, независимо от человека существующих закономерностей. Необходимо избегать всяческой отсебятины и непрерывно себя контролировать. Диалектика заключается в том, что каждое явление, каждый факт надо исследовать и толковать не как нечто изолированное, а во взаимосвязи со всеми остальными явлениями. Недопустима аргументация простой ссылкой на авторитеты, совершенно неприемлемы начетничество и догматизм. Совершенно правильно говорит Г. Фиш, что нельзя отвергать вновь открытые факты на таком примерно основании (с. 136): «Этого не может быть потому, что противоречит тому, что писали в течение ста лет крупные авторитеты науки...» Абсолютно прав он также и в том, что эта наукообразно звучащая аргументация совершенно равноценна аргументации одного чеховского помещика: «Этого не может быть потому, что этого не может быть никогда». Наконец, он прав также и в том, что некоторые противники и сторонники нового учения считали достаточным для его опровержения ссылки на Дарвина, Маркса, Энгельса и проч. Но тут, пожалуй, Г. Фиш ударит и по своим соратникам: многие из них — Новинский, Лепешинская, Дмитриев и высказывали такие аргументы в начале дискуссии: дискуссию запретить, так как она пытается критиковать решения августовской сессии ВАСХНИЛ, одобренные ЦК и, следовательно, ревизии не подлежащие.

Поэтому я полагаю, что только тогда этот диалектический принцип полного отказа от абсолютных авторитетов будет нелицемерен и действен, когда мы придадим ему универсальный характер. Иначе мы, пожалуй, окажемся в положении одного из героев Конан Дойля, отнюдь, вообще говоря, не лишенного привлекательности, бригадира Этьена Жерара. Этот доблестный наполеоновский кавалерист рассуждал примерно так: «Удивительно странен этот узкий патриотизм солдат всех наций: каждый из них утверждает, что его армия наиболее храбрая. Мне кажется это нелепым предрассудком — я лично убежден, что все армии приблизительно равноценны в этом отношении и нет оснований выдвигать какую-либо как особенно храбрую, кроме, пожалуй, французской, которая в этом отношении действительно выделяется среди остальных». Не будем же подражать Этьену Жерару и потому будем избегать в качестве достаточных оснований утверждений типа «наука доказала» или «марксизм учит». Это не значит, что мы не имеем права цитировать тех или иных авторов, но мы должны их цитировать, когда речь идет о том, вправе ли тот или иной современный автор считать себя последователем какого-либо крупного ученого.

И вот отступление от универсализма выдвигаемых им методологических, вполне справедливых положений допускает и Г. Фиш в своей статье. На с. 136 он правильно осуждает как эквивалентную рассуждению чеховского помещика такую аргументацию: «Явление „точного" перерождения видов, особенно в далекие виды, на мой взгляд, невероятно», а на с. 121 по поводу гипотезы зарождения крупинок ржаного тела в теле пшеничного растения он приводит такие слова Лысенко как достаточный аргумент против «превращения» видов и в пользу их «порождения»: «Этого я не могу себе представить, — сказал Лысенко. — Этого не может быть». Однако великий Ньютон не мог себе представить, как может одно тело действовать там, где оно отсутствует, и, однако, ввел в науку непредставляемый, но плодотворнейший принцип всемирного тяготения.

Наконец, одно из «методологических» высказываний, осуждаемых Фишем, вовсе не является равноценным аргументации чеховского помещика, а именно, на той же с. 136: оно не может существовать потому, что «это явление противоречит представлению о поступательном ходе исторического процесса». Здесь редакция неряшлива, но смысл такого возражения таковгиоступательный

ход исторического процесса может считаться доказанным, и для объяснения причин этого поступательного процесса пригодны только такие факты, которые иллюстрируют этот поступательный процесс, а не являются бегом на месте. Следовательно, факты определенного рода не могут отрицаться, конечно, как факты, но может отрицаться справедливость их применения к определенному случаю.

2.2.3. Краткий обзор фактов

Мы знаем, что литература по этому вопросу сейчас уже очень обширна. В «Ботаническом журнале» и других изданиях опубликован целый ряд работ (назовем хотя бы работы Иванова, Баранова, Козо-Полянского, Петрова, Хохлова, Яценко-Хмелевского), которые для лиц, более или менее причастных к систематике, кажутся полным опровержением всего нового учения о виде. Все «факты», приводимые лысенковцами, рассматриваются как совершенно не относящиеся к поступательной эволюции, а считаются весьма гетерогенным собранием следующих разнородных явлений: а) чистая фантазия — порождение кукушки малиновкой: главное основание этому у Дысенко, что кукушка никогда не откладывает яиц; насколько мне память не изменяет, откладка яиц кукушкой наблюдалась еще знаменитым Дженнером, который был не только выдающимся врачом (ввел оспопрививание), но и орнитологом-любителем; б) действие грибка: превращение березы в ольху; в) самопрививка: граболещина и сосна— ель; г) ранее бывшая гибридизация; д) андрогенез, т. е. развитие без участия женских хромосом; е) атавизм, т. е. возврат к предкам; ж) мнимо чистый посев: прикрепление мелких семян василька к зернам ржи, отчего возникали давно уже предположения о порождении василька рожью. Возможно, были еще и другие категории явлений, но думаю, что и этого достаточно.

Для философов и Г. Фиша вся аргументация наших крупнейших ботаников оказалась совершенно неубедительной, и Г. Фиш по-прежнему считает фактами, доказывающими правоту концепции Лысенко, всевозможные метаморфозы. Доказанным считается то, что овсюг может порождаться овсом и пшеницей и сам порождает овес. Овсюг порождается овсом и пшеницей при продолжительной бессменной культуре хлебных злаков, поэтому область особо сильного вреда

овсюга совпадала с областью господства залежной системы земледелия (с. 126, 127), напротив, при улучшенной культуре земледелия овсюг порождает овес (с. 125).

Но кроме упоминания овсюга и других мелких злаков мы находим указания и на кукурузу (с. 133): «Открыт был также первый родич кукурузы. Это сорго. Оно, оказывается, может порождаться кукурузой. До сих пор наука ничего не знала ни о происхождении кукурузы, ни о том, кто ей приходится родственником. Оставалось лишь повторять поэтическую легенду о том, как народный герой Гайавата, чтобы обеспечить жизнь обездоленных индейцев, после тяжкой борьбы и трудного искуса добился дара богов — кукурузы (маиса). Доцент Ю. Намитоков в своих опытах, отделяя зародыши кукурузных семян от эндосперма и выращивая их в таком виде, получил растение сорго. На делянках Майкопского педагогического института при такой же методике эксперимента из зародышей кукурузы, отделенных от эндосперма, было получено растение суданки».

Все подобные факты считаются настолько неопровержимыми, что Лысенко распространяет такую гипотезу и на мир микроорганизмов. В статьях о почвенном питании растений он считает, что специфические микроорганизмы, необходимые для существования каждого высшего растения, могут быть порождены другими микроорганизмами, встречающимися в почве, и, следовательно, в конечном счете всегда возникают при культуре того или иного растения, но что для этого требуется некоторое время.

157

Доказательность всех этих порождений лысенковцы видят в том, что все иные гипотезы исключены и что в опытах академика Д. Долгушина растения ржи были получены непосредственно из тела овса, что исключает возможность объяснения порождения одним видом другого гибридной наследственностью.

Посмотрим, можно ли считать неотразимой аргументацию лысенковцев. Возьмем вопрос о кукурузе. По мнению Фиша, между Гайаватой и Лысенко никто никаких предположений о происхождении кукурузы не делал. Я порекомендовал бы ему познакомиться с любым учебником ботаники, например допущенным Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для студентов курсом ботаники проф. Кирсанова и других (5-е изд., 1951, т. 2, с. 437). Там указано, что родоначальником культурной кукурузы является пленчатая кукуруза, от скрещивания которой с близким родом Трипсакум, вероятно, и произошли разнообразные формы современной кукурузы. Это же мнение в более категорической форме высказано и Жуковским на сессии ВАСХНИЛ (Стеногр. отчет, 1948 г., с. 386). Почему эту гипотезу мы должны предпочесть гипотезе о происхождении кукурузы от сорго и суданки (подобно тому, как овсюг может произойти и от овса, и от пшеницы) ? Потому что кукуруза ~- растение американское, а сорго (к роду сорго относится и суданка) — преимущественно африканское и азиатское. Допустим, что американское сорго в свое время породило кукурузу. Но почему оно не порождало кукурузу в Старом Свете, а ждало, когда после открытия Колумбом Америки американскую кукурузу перевезут в Старый Свет. И, кроме того, непонятно, почему Фишу кажется, что если из зерна кукурузы, очищенного от эндосперма, вырастает сорго, то это доказывает, что родичем кукурузы было сорго? Значит, здесь экспериментальное проявление атавизма, возврата к предкам? Но тогда почему «порождение» овсюга овсом считается проявлением поступательной эволюции, а не атавизмом? Непонятно.

Толкование «фактов» не увязано с соответствующим истолкованием других фактов, это толкование висит в воздухе. Поэтому объективные сторонние судьи, неспециалисты в ботанике, должны бы, казалось, склониться к такому толкованию, которое с другими фактами (например, географического распространения организмов) увязано.

2.2.4. О доказательной силе фактов

«Но ведь порождение одного вида другим это факт!» — восклицают лысенковцы. Мы видели и многие видели, как зернышко сизого пырея сидело в метелке проса; в опыте Д. Долгушина из 12 растений овса {перезимовавших в поле) 3 действительно оказались ржаными (с. 135). Чего же спорить против очевидности!

Вспомним прекрасное стихотворение А. С. Пушкина:

Движенья нет, оказал мудрец брадатый, Другой молчал и ст;ь'1 пред ним ходить. Удачнее не мог он помрачить! Хвалили нее ответ замысловатый. Но, господа, забавный случай оей Другой пример на память мне приводит: Ведь каждый день пред нами солнце ходит, Однако ж, прав упрямый Галилей.

Солнце, очевидно, ходит. Однако все мы после Коперника отвергаем эту очевидность. Аргумент древнего философа, опровергнувшего Зенона Элейского «очевидным» фактом собственного движения, оказался несостоятельным. Значит, движения нет? И это неверно. Движение противоречиво по существу, и,

158

насколько мне известно (правда, скорее, понаслышке), аргументация Зенона Элейского была обезврежена окончательно только в конце XIX века после создания гениальным Георгом Кантором теории множеств.

Новый факт, как будто вовсе не укладывающийся в привычную систему, должен, конечно, нас беспокоить, но старую теорию мы обязаны отвергнуть только тогда, когда будет построена новая система положений, в которой свое место займут как новые, беспокоившие нас факты, так и старые, привычные. Этот диалектический процесс смены теорий, конечно, бесконечен.

Ну, а как быть с тем методом рассуждения, когда та или иная гипотеза принимается потому, что все остальные возможные объяснения исчерпаны и опровергнуты?

Перенос такого метода (в математике он называется доказательством от противного) в естественные науки никак не может быть оправдан. Кстати сказать, даже в математике он, насколько мне известно, не считается лучшим методом доказательства. Слабая убедительность такого метода в естественных науках заключается в том, что благодаря огромной сложности явлений объективного мира: 1) мы никогда не можем быть уверены, что исчерпали все возможные объяснения; 2) очень часто обе спорящие стороны принимают за бесспорную базу общее положение, которое в дальнейшем как раз и оказывается неверным; 3) вместо «или-—или» часто приходится сказать «и—и». Поэтому в наиболее прогрессивных науках относятся с большим скепсисом к самой возможности так называемого круциального эксперимента ·— эксперимента креста, когда из двух возможных путей опыт надежно позволяет выбрать один.

В качестве иллюстрации я приведу только один яркий пример из истории медицины. Роберт Кох после открытия им холерной бациллы выдвинул положение, что заболевание холерой является следствием попадания в кишечник человека этой бациллы. Против него выступил знаменитый гигиенист Петтенкоффер, считавший, что холерные бациллы ни при чем, а холера является следствием определенных вредных условий. Петтенкоффер был мужественный человек и твердо верил в то, что он проповедывал, и в доказательство того, что Кох неправ, он на глазах врачей выпил целую пробирку с огромным количеством холерных бацилл без каких бы то ни было вредных последствий для своего здоровья. Можно было считать, что Кох опровергнут этим опытом? Для сторонников круциального эксперимента — да, так как было на опыте доказано, что человек может остаться здоровым, несмотря на поглощение огромного количества бактерий. Медицина сделала иное заключение: Кох прав не на 100 %, так как кроме бациллы требуются благоприятные условия для ее размножения, но в целом все же прав Кох, а не Петтенкоффер, и борьба с холерой должна вестись не столько путем создания условий в человеке, неблагоприятных для бацилл (хотя важность этого никем не отрицается), сколько уничтожением бацилл *в* питьевой воде—главном источнике заражения. Результат: холера полностью исчезла во всех странах, достигших достаточно высокого санитарного уровня.

Вообразим теперь, что в момент этого спора благожелательная власть, стремящаяся к уничтожению холеры, но недостаточно разбирающаяся в тонкостях научной методики, решилась бы вмешаться в спор и на основании исхода опыта Петтенкоффера решила бы, что прав Петтенкоффер, а не Кох, и что, значит, все дело в условиях, а не в бацилле, которой придается неизменяемый характер. Вообразим еще, что философские консультанты благожелательной власти разъяснили бы, что объяснение возникновения холерной эпидемии условиями есть несомненный материализм, мичуринская биология, а, напротив, что Кох, утверждающий, что бацилла возникает только от бациллы, есть несомненный метафизик, вирховианец и идеалист и что его лженаучная теория открывает широкую лазейку поповщине. Результат: Роберта Коха уволили бы с работы (тем более что в бытовом отношении у него не все было благополучно),

159

бактериология была бы ликвидирована, и все осталось бы по-старому — холера время от времени продолжала бы уносить многие тысячи жертв. На моей памяти была еще сильная холерная эпидемия в моем родном городе Ленинграде; молодая советская власть, использовав путь Коха, ликвидировала последнюю эпидемию хлорированием невской воды; дореволюционные местные власти до этого не могли додуматься.

2.2.5. Порождение и превращение видов

Мы должны быть признательны Лысенко за различение этих двух понятий, только полагаем, что превращение видов это и есть эволюция, а порождение — вовсе не эволюция. На чем основано такое мнение?

Были ли до Лысенко известны и признаны случаи, когда один хорошо известный вид «порождал» другой, также хорошо известный вид? Да сколько угодно, таких примеров можно привести тысячи. В море существуют многочисленные гидроидные полипы, похожие внешне на ветвистые кустики, и свободно плавающие изящные гидромедузы. Имеется систематика гидрополипов и отдельно систематика гидромедуз. Оказалось, однако, что, как правило, гидрополип порождает гидромедузу, а гидромедуза — соответствующего полипа. Это считается не эволюцией, а примером чередования поколений. Чередование поколений оказалось довольно широко распространенным: у многих рачков, коловраток, тлей, круглых червей и т. д. И в результате комплексы видов оказались сведенными в один вид. То же имеется и в растительном мире. Микологи различают грибы совершенные и несовершенные, также связанные такой зависимостью, что определенный вид несовершенного гриба порождает вполне определенный вид совершенного гриба и наоборот. Такое сопоставление разных звеньев живой цепи далеко не закончено, и потому и сейчас еще существуют отдельные систематики гидрополипов и гидромедуз, совершенных и несовершенных грибов, так как во многих случаях неизвестно, какой полип какой медузе соответствует («порождает»).

Другой случай «порождения» — явление полиморфизма. Еще у Дарвина есть указание, что было описано три вида орхидей, а потом цветы всех трех видов оказались найденными на одном растении, и тогда все три вида были сочтены за один полиморфный. Подобные случаи есть и у насекомых, когда три резко различных по внешнему облику «вида» оказались в потомстве одной самки.

Имеются случаи сезонного диморфизма, когда весной летает один вид, потомство которого оказывается другим, резко отличным «видом» (бабочки — ванесса прорза и левана).

Известен хорошо случай с аксолотлем и амблистомой. Их относили по крайней мере к разным семействам, а оказалось, что аксолотль при определенных условиях превращается в амблистому.

Наконец, упомяну еще о явлении фаз у саранчовых, где один вид в стадных условиях имеет один характер, а в одиночных — другой, и это различие настолько велико, что эти две фазы считались разными видами.

Все эти разнообразные случаи имеют одну общую черту: при всех этих «порождениях» не возникает ничего нового, просто устанавливается непосредственная родственная связь между, казалось бы, различными видами. Так как ничего нового не возникает, то биологи до Лысенко единодушно считали, что это не есть эволюция, так как под эволюцией мы подразумеваем поступательное движение, а не топтание на месте. Палеонтология нам дает убедительнейшее доказательство, что в течение всей истории Земли имело место новообразование огромного диапазона, и эволюционистам, естественно, хочется наблюдать хотя бы крошечный кусочек этого прогрессивного процесса.

Поэтому даже если бы оказалось, что толкование лысенковцами «порождения» овсюга овсом и пшеницей и обратно — овса овсюгом, кукурузой сорго и суданки является единственно возможным, то мы вовсе не должны были бы сделать вывод, что мы наблюдали эволюцию и что мы приблизились к ее пониманию. Пришлось бы прийти к заключению, что то, что мы считали за несколько видов и даже родов (овес, овсюг, пшеница, рожь или кукуруза, сорго и суданка), является на самом деле лишь разными формами одного чрезвычайно полиморфного вида. Это было бы, конечно, чрезвычайно интересное открытие, но свидетелями подлинного видообразования оно бы нас не сделало.

2.2.6. В современных условиях новообразование видов невозможно?

Указанное толкование Г. Фиш парирует следующими словами (с. 136): «При современных климатических, почвенных и прочих условиях из других видов вновь возникают уже существующие виды, и вряд ли можно рассчитывать на возникновение в природе еще не существующего постоянного вида, — так отвечал на этот вопрос в своих трудах старейший венгерский растениевод — ботаник Гэза Ханаши. — Для того чтобы получить не существующие еще новые виды, надо поставить организм в не существующие еще условия или создать их. И это будет во власти человека, познавшего закономерности образования видов».

Г. Фиш указывает, что ответ Ханаши полностью совпадает с тем, что отвечали и у нас мичуринцы, но слова Ханаши приводятся им для справедливости, так как ответ Ханаши опубликован в Венгрии на много лет раньше, чем у нас. Оказывается (с. 135 — у Г. Фиша), что еще в 1911 году Ханаши из хмелевой люцерны получил растения красного клевера, в 1924 году в своем докладе говорил, что ему из твердой яровой пшеницы путем подзимнего посева удалось получить озимую мягкую, и в 1931 году из растений пшеницы он получил французский райграсе. Оказывается, новая концепция вида родилась не в Советском Союзе, а в капиталистической Венгрии, и даже открытие Карапетяна о превращении твердой пшеницы в мягкую было тоже сделано в Венгрии. Правда, в Венгрии его гипотеза была опубликована в печати, но не встретила сочувствия; впрочем, полное отсутствие сочувствия у всех настоящих ботаников имеется и в Советском Союзе.

Рассмотрим теперь ответ Ханаши и наших лысенковцев по существу. Как правильно указывает Г. Фиш, этот ответ основан на «мичуринском» понимании единства организма и условий существования. Применительно к данному случаю можно сказать, что организм так тесно приспособлен к условиям, что пока условия на Земле остаются современными, никакое видообразование невозможно. Ново ли это мнение и верно ли? И не ново, и не верно.

Не ново потому, что оно господствовало в додарвиновские времена. Виды считались постоянными, так как предполагалось, что условия тоже были постоянными. В пределах этого общего постоянства в силу местного изменения условий допускалось «порождение» одних видов другими, как-то: морскими уточками (сидячие ракообразные) настоящих уток, плодами некоторых деревьев — гусей и т. д. Линней, Кювье и другие выдающиеся ученые навели порядок и, конечно, опровергли эти сказки. И тот же Кювье выставил как основной тезис принцип единства организма и условий существования. В пределах каждой геологической эпохи он принимал постоянство видов и от эпохи к эпохе — резкий скачок как следствие катастрофы, причины которого для Кювье были непонятны. Таким образом, принцип единства организма и условий существования, во-первых, не нов, а во-вторых, не имеет никакой решительно связи с материализмом. Его выдвинули и защищали идеалисты.

Но из того, что он не нов, вовсе не значит, что он неверен. Многие идеи Кювье сейчас возрождаются на повышенном основании (например, его теория типов) по диалектическим законам развития мышления, может быть, нам придется вернуться к нему?

Здесь я должен обратить свою критику на некоторых своих уважаемых союзников в борьбе с лысенковщиной. Например, П. А. Баранов и Д. В. Лебедев в превосходной в общем статье о полиплоидии («Ботанический журнал», 1955, т. 40, № 4) считают возможным отвергать «с порога» большое сочинение выдающегося ученого Гериберта Нильсена только потому, что это новый вариант теории катастроф Кювье, и ставят это сочинение в один ряд с новым вариантом теории метаморфоз Альберта Великого (под этим они подразумевают «новое учение о виде»).

Также Б. М. Козо-Полянский в давно изданной критике теории номогенеза Л. С. Берга считает весьма компрометирующим теорию номогенеза тот факт, что сходные взгляды высказывал блаженный Августин. Я никак не могу согласиться с указанными выдающимися ботаниками. Великий Аристотель описал ряд фактов (явление гектокотила у аргонавта, живорождение у акул), которые долгое время считались сказками, пока в девятнадцатом веке не получили полного подтверждения. Если считать компрометирующим учение номогенеза то обстоятельство, что зачатки его имеются у блаженного Августина, то придется считать компрометирующим для теории исторического материализма то обстоятельство, что зачатки его имеются у блаженного Тертуллиана. Это я знаю по высказываниям известного физиолога Ухтомского, который был весьма начитан в патристике. То, что блаженный Тертуллиан был вообще близок к материализму, можно найти в старом Энциклопедическом словаре Брокгауза—Эфрона и даже в «Истории философии», изданной Институтом философии (т. 1, 1941, с. 388). Приписываемый ему лозунг «Верю, потому что это нелепо» и обозначает ту страшную антиномию, которую ощущал этот пламенный оратор между выводами своего разума и велениями сердца, диктовавшего ему безусловную веру в догматы христианства.

Но какие бы ошибки ни сделал блаженный Тертуллиан, не забудем, что он был едва ли не первым (по крайней мере, в средиземноморской цивилизации), кто возвысил свой голос против смертной казни как несовместимой с принципами христианства, и потому он может считаться предтечей одного из прогрессивнейших юристов, Беккария.

Поэтому доказательство того, что тезис о единстве организма и условий существования вовсе не нов, никак не может служить для его осуждения. Вопрос о его правильности должен решаться независимо. И этот тезис осужден не кем иным, как Ч. Дарвиным, на основании фактов географического распространения организмов, и притом, по мнению большинства биологов, к которым я в данном случае безоговорочно присоединяюсь, безупречно и бесповоротно. Это безупречное рассуждение Ч. Дарвина принадлежит, конечно, к азбучной истине современной биологии, но поскольку те, кто волей судеб оказались духовными руководителями советской интеллигенции, а именно наши философы и «инженеры человеческих душ», за множеством хлопот не имеют времени читать Дарвина, то по принятому на себя обязательству взаимной вежливости приду к ним на помощь и изложу доводы Дарвина. Они основаны прежде всего на фактах географического распространения организмов.

Изложу сначала вкратце положение до Дарвина. С незапамятных времен люди замечали, что на севере водятся белые медведи, северные олени, песцы, нет деревьев, а только низменная растительность, а в тропиках водятся бегемоты, попугаи, пальмы, бананы и проч. Замечали также, что одни организмы водятся в море, другие в пресных водах, третьи на суше. Присматриваясь к строению, они наблюдали ясное соответствие между строением организма и его потребностями: плавники у водных животных, копыта у копытных и т. д. Так как факты

соответствия строения организма были очевидны, а факты несоответствия сомнительны и допускали различное толкование, то, естественно, возникло мнение о полном соответствии (единстве) организма и условий его существования, что, кстати, вполне согласовалось с большинством религиозных учений. Поэтому это учение в более или менее ясной форме можно найти не только, скажем, у Аристотеля и Сенеки, но и в Библии, и в патристической литературе, например у Василия Великого.

Факты географического распространения объяснялись очень просто. Тот или иной организм водится только в определенной области, потому что он строго приспособлен к условиям этой области. Вот Дарвин, как всякий выдающийся самостоятельный мыслитель, и дерзнул вызвать наружу то, «что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи». Скажем, климат Южной Америки, тропической Африки, Северной Австралии очень сходен, а фауна и флора резко отличны, гораздо более отличны, чем, скажем, фауна Южной и Северной Америки, имеющих совершенно различный климат. Но, может быть, мы чего-то не доглядываем и есть какие-то скрытые от нас сходства и различия, которые эти факты объясняют. И это возражение Дарвиным было отведено. В своем путешествии он обратил внимание на то, что в Южной Америке чрезвычайно распространился европейский чертополох, успешно вытеснивший местные растения, привел и другие аналогичные факты. Фактов-подобного рода сейчас известно множество. Фауна и флора Новой Зеландии сейчас совершенно изменилась, и огромное количество европейских животных и растений так успешно вытесняют местных, что некоторых (например, почтенную по древности гаттерию) приходится специально охранять. Ввезенные сознательно или случайно, организмы северного полушария часто оказываются не менее, а более приспособленными к условиям той среды, вне которой они возникли. Сила этих доводов настолько велика, что защищать сейчас принцип единства организма и условий существования в той абсолютной форме, которую ему придают лысенковцы, можно только при наличии чрезвычайно высокого и притом невежественного покровительства.

А, кроме того, прилично ли это делать мичуринцам? Ведь Мичурин — «великий преобразователь природы»! Как же мог он вывести, по распространенному мнению, свыше трехсот сортов? Если даже оспаривать эту цифру, то во всяком случае бесспорно, что он создал известное число новых сортов, до него совершенно не существовавших. Какие же такие несуществующие до сего условия создал Мичурин, и почему, если он и создал свои сорта в каких-то особенных условиях, эти сорта не возвращаются снова к старому состоянию при культуре в обычных условиях, как возвращается овсюг к состоянию овса при культуре, соответствующей овсу?

Поэтому вполне понятно, что на рассуждения Гэза Хаваши ученые не обращали никакого внимания, как не признают настоящие ученые и рассуждений Лысенко и его свиты, так как эти рассуждения вопреки их утверждениям: 1) не являются дарвинистическими, 2) не являются мичуринскими, 3) вовсе не материалистичны и 4) просто неверны.

2.2.7. Скачки по де Фризу и Лысенко

А вот у де Фриза было описано кое-что новое, невиданное до него никем из ботаников. И менделисты-морганисты принимают существование разных по размерам мутаций, или скачкообразных изменений, и даже получают их искусственно путем разнообразных воздействий.

Но, оказывается, это не то. Де Фриз и Коржинский, как и современные морганисты, — идеалисты; по их мнению, мутации необъяснимы, непредсказуемы, lie зависят от влияния среды; это — апофеоз случайности, и их никак нельзя

163

сравнивать с закономерно обусловленным воздействием внешней среды переходом количественных изменений в качественные, о которых говорит Лысенко (с. 114).

Правда, на с. 137 Фиш говорит, что раскрытие того, что установленные Лысенко скачки подготовлены всей историей организма и обусловлены условиями жизни, снимает с них идеалистическое покрывало, наброшенное де Фризом и Коржинским, и тем самым способствует развитию материалистической биологии.

Предположим на минуту, что лысенковцы правильно излагают толкование мутаций де Фризом и морганистами. Но ведь отрицать существование описанных де Фризом мутаций невозможно, можно спорить только об их объяснении. Вот, если бы Лысенко объяснил влияние соответствующих условий на получение мутаций де Фриза и в опыте бы их получил, применяя эти условия, мы сочли бы это за важное достижение, но он не подвинул ни на шаг понимание мутаций де Фриза и, конечно, не получил ничего подобного, так как его «порождения» являются повторениями старых видов. А вот идеалистические менделисты-морганисты кое-что сделали. Литература по мутациям де Фриза огромна и известна мне в самой слабой степени. Насколько мне известно, господствующим мнением является то, что мутации де Фриза являются или полиплоидами {«Энотера гигас» — тетраплоид), или следствием сложной гибридизации, и одним крупным генетиком была получена синтетическая энотера, очень близкая к описанной де Фризом. Таким образом, менделисты сумели продвинуться в объяснении этих классических мутаций и даже, овладев этим процессом, воспроизвести их; все это, по терминологии Лысенко, называется идеализмом. Сам он придумал какое-то чисто словесное «объяснение» в духе мольеровского педанта-врача, и это называется материализмом. Видно, идеализм не так плох!

Ну, а как с «закономерностью» лысенковских «порождений»? В качестве убийственного аргумента о невозможности объяснений «порождений» гибридизации Фиш приводит данные Б. С. Смирнова, по которым летом 1953 года на полях Института в Саратове появился овсюг Вавилова, который встречается только в Эритрее и Эфиопии. В нашей стране его нет. Таким образом, возможность появления его на полях под Саратовом в результате переопыления отпадает (с. 137).

Согласно учению о единстве организма и среды, овсюг Вавилова порожден условиями Эфиопии, и так как русские условия отличны от эфиопских, то эфиопского овсюга в России не нашел даже обстоятельнейший знаток овсюгов А. И. Мальцев (с. 123). Никаких намеков на то, что окрестности Саратова превратились к 1953 г. в русскую Эфиопию, мы не имеем, и потому «закономерности», открытые Лысенко, совершенно бессильны этот случай объяснить. Вот уж действительно триумф случайности! А как объясняют этот случай идеалистические менделисты? Да очень просто. Н. И. Вавилов был в Эфиопии и Эритрее и привез оттуда, по своему обычаю, колоссальный материал: незваным гостем прибыл к нам и овсюг, названный его именем. В большом количестве пунктов высевался материал, полученный им из разных стран, и, конечно, Н. И. Вавилов не мог забыть Саратова, где он начал свою блестящую научную деятельность, законченную трагически в 1940—1943 гг. к несчастию и позору для нашей страны. Ничего странного нет, что семена овсюга Вавилова могли быть занесены и на поля Саратовской опытной станции. Ясно поэтому, что это «закономерное» порождение имело место только после экспедиции Н. И. Вавилова в Эфиопию.

Но был ли де Фриз идеалистом, настаивал ли он на полной незакономерности, неожиданности своих мутаций и на независимости их от внешней среды? Возьмем его классическое произведение «Мутационная теория», изданное на немецком языке в двух томах в 1901 —1903 годах. Нас интересует первый том

164

1901 г. В параграфе 27 первого отдела изложена гипотеза периодической мутабельности: «Возникновение мутаций, вероятно, вызвано изменением условий, но искусственное вызывание мутационных периодов является задачей будущих исследований». В параграфе 31 второго отдела де Фриз излагает гипотезу предмутационных периодов, т. е. периодов скрытых латентных изменений. Он признает, что зерно истины содержит утверждение Вельморена, что если

постоянно отбирать уклоняющиеся экземпляры, то получим изменчивое растение. Причины предмутационного периода — частично внутренние (обусловливают то, что возникнет), частью внешние (обусловливают время возникновения). Внешние причины можно считать сочетанием чрезвычайно благоприятных (например, хорошее питание) и чрезвычайно неблагоприятных (слабость почек) влияний. Мутационный период у «Энотера Ламаркиана» вполне аналогичен возникновению групп родственных видов, или «туманных пятен», систематиков (крупка, фиалка, роза, малина, ястребинка, ива).

Таким образом, мы видим, что у де Фриза есть и влияние внешних условий, и ожидание, что его последователи сумеют искусственно вызывать наследственные изменения, и постепенное накопление мелких скрытых количественных изменений, скачком переходящих в явные, качественные. Упреки наших лысенковцев и философов по отношению к де Фризу лишний раз подчеркивают, что они, выражаясь наиболее мягко, не переобременены книжной ученостью и не стремятся выполнить требования педантов, считающих обязательным ознакомление с подлинным мнением критикуемого автора.

Дальнейшие исследования мутаций де Фриза рядом авторов, насколько мне известно, заставили его отказаться под давлением фактов от первоначальных гипотез, но в это мы вдаваться не будем. Нам важно установить, действительно ли так «метафизичны» и «идеалистичны» первоначальные взгляды основоположника мутационной теории. Но конечно, нельзя говорить о полном сходстве идей де Фриза и «нового в учении о биологическом виде». Имеются три отличия. 1) Уже указанное: у де Фриза — нечто новое, у Лысенко — повторение пройденного. 2) У де Фриза — только расходящийся пучок (дивергирующий) новых форм, а у Лысенко также н сходящийся, конвергирующий. 3) Так как в результате мутаций получается целый букет форм, то де Фриз по обычной, доступной для нормальных людей логике и заключает (как, впрочем, и Дарвин до него), что в данном случае внешние условия дают только толчок к изменению, и что, следовательно, изменения вовсе не адекватны этим внешним толчкам. В опытах лысенковцев получаются тоже «букеты», но логика Лысенко, очевидно, столь возвышенна, что недоступна нам, простым людям, и потому он считает, что опыты его учеников доказывают адекватность внешних причин и получающихся изменений. Так как обычным людям не только трудно, но даже невозможно «дышать в разреженном воздухе на таких высотах философии» (с. 141), то лично я от дискуссии этого вопроса принужден уклониться. Что же касается вопроса о конвергенциях, то об этом стоит поговорить подробнее.

2.2.8. Конвергенции и параллелизмы

Действительно новым в лысенковской теории видообразования является то, что: 1) наряду с порождением нескольких видов одним (это принимают и классические дарвинизм и ламаркизм), что называется дивергенцией, расхождением, принимается и возникновение одного вида из нескольких — конвергенция, или схождение; 2) эволюции приписывается возможность попятного хода — обратимость.

Разберем первую особенность. Возникновение тождественного вида из разных видов и даже родов (овсюг из овса, пшеницы из ржи, с. 126) не вызывает сомнения у лысенковцев, это распространяется и на микробиоло-

гию (см. с. 134 у Г. Фиша и у Лысенко в его статьях по почвенному питанию растений).

Но, позвольте: кто же из биологов отрицает конвергенцию? Этот термин встречается даже в учебниках для средней школы. Верно, но конвергенция конвергенции рознь. То, что обычно называется конвергенцией, заключается в приобретении некоторых бросающихся в глаза признаков при полном сохранении исходных отличий. Классическим примером является, например, сходство дельфинов и акул, связанное с одинаковыми условиями жизни. Но дельфины не произошли от акул, и можно быть уверенными, что, сколько бы дельфины в море ни плавали, они в акул не превратятся. Иного мнения придерживаются некоторые советские журналисты. Помню, в «Известиях» была опубликована корреспонденция о том, что в Красном море нашли выброшенным на берег какое-то существо, переходное между акулами и китообразными. Но эта корреспонденция лишний раз указывает, что многие советские журналисты и редакционные коллегии даже центральных газет не могут быть обвинены в ученом педантизме.

Формально можно говорить о конвергенции {хотя это употребление термина «конвергенция» я лично не встречал в литературе) при возникновении нового вида путем гибридизации (церападус Мичурина или капустноредечный гибрид Карпеченко) или в случае,

например, лишайников, где совершенно новый организм получается путем соединения двух или трех резко отличных (в случае для лишайников – гриба и водоросли). Но в этих случаях от соединения двух отличных возникает третье, резко отличное от обоих. Так что тут конвергенцию можно понимать лишь в чисто систематическом смысле: происхождение одного вида лишайника есть следствие соединения двух разных, резко отличных.

Но то, что защищает сейчас Лысенко, резко отличается от указанных случаев конвергенции. Здесь без всякого симбиоза или гибридизации от видов, принадлежащих не только к разным родам, но даже разным трибам (овес — с одной стороны, пшеница и рожь— с другой), возникает тождественный вид, мало отличающийся от одного из возможных «породителей». Это действительно никем не наблюдалось. Г. Фиш приводит цитату из шестого номера «Ботанического журнала» за 1952 год (с. 805) (а в этом номере как раз и была начата критика лысенковского понимания видообразования): «Новая теория отвергает дарвиновский вывод о том, что сходство видов есть результат их кровного родства (выделение Фиша. — *А. Л.),* так как она допускает возможность возникновения индивида одного и того же вида от разных видов!» (с. 126). Однако Г. Фиш считает, что противники Лысенко просто не читали Дарвина, так как великий естествоиспытатель утверждал, что собаки происходят от двух хорошо ограниченных видов волка, еще от двух или трех сомнительных видов (а именно — европейского, индийского и североафриканского волка), по крайней мере от одного или двух южноамериканских видов собак, от нескольких рас или видов шакала и, может быть, от одного или нескольких вымерших видов.

Говорит ли Дарвин принципиально о том, что и Фиш, или нет? Конечно, нет. Формально, конечно, цитированное место Дарвина значит: несколько близких диких видов одного рода собак (так как все они относятся к роду Канис, собака) породили один вид домашней собаки, но можно ли здесь говорить о фактической конвергенции?

Если мы посмотрим на все существующие виды волков и шакалов, прибавим даже очень близких песцов и лисиц (которые раньше объединялись в один род с собственно собаками) и сравним все это разнообразие форм с разнообразием форм домашних собак, то будем поражены не уменьшением многообразия (что должно иметь место при конвергенции), а, наоборот, крайним его увеличением. Диапазон изменчивости любого признака: величины, формы тела, головы, ног, хвоста, характера шерсти и проч. домашних собак значительно превышает

соответствующий диапазон волков, шакалов, лисиц и песцов, вместе взятых. Если диких предков собаки считают разными видами (в отличие от домашней

собаки, считаемой одним видом), то это происходит по следующим причинам: 1} индивиды одного вида резко отграничены от вида соседнего; 2) каждый вид имеет свой географический ареал или экологическую нишу; 3) считается, что при скрещивании они не дают плодовитого потомства. Последнее экспериментально для всех диких видов не проверено, но некоторые близкие дикие виды, насколько мне известно, дают плодовитое потомство. Это с полной уверенностью можно сказать относительно свиней. Домашние свиньи, как это было доказано тем же Дарвиным, происходят от двух (а, может быть, и более чем от двух) видов диких свиней, именно европейской и китайской. Так как эти два вида ясно отличаются и занимают резко разобщенные ареалы, то их считают двумя хорошими видами, но они дают плодовитое потомство, и путем скрещивания европейской и неаполитанской, а затем с китайской свиньей простым ткачом Иосифом Тулей были получены знаменитые йоркширские белые свиньи, до сих пор непревзойденные; об этом можно прочесть у М. Ф. Иванова.

По всем данным, различные человеческие племена приручили в разных местах земного шара разного вида собак. Кстати, Ч. Дарвин в «Путешествии на корабле ,,Бигль"» указывает, что жившая на Фолклендских островах волко-образная лисица прямо «напрашивалась» на одомашнивание, подбегая без всяких агрессивных целей к человеку и принимая пищу из его рук, но, кажется, сейчас ее уже истребили.

Прирученные разные виды при соприкосновении "человеческих племен скрещивались, и постепенно образовывался обширный комплекс разнообразнейших пород собак, характеризуемый тем, что не слишком отдаленные члены этого комплекса при скрещивании дают плодовитое потомство, а крайние, по-видимому, не дают, так что если бы вымерли все породы собак, кроме, скажем, болонок и мастифов, то мы имели бы два вида из двух родов семейства собак.

И этот случай с собаками, как, вероятно, большинство случаев возникновения домашних пород, является дивергенцией, а не конвергенцией и даже не параллелизмом. Разница та, что в случае монофилетического происхождения от одного вида (как в классическом случае домашних

голубей, разобранных Дарвиным) дивергируют, так сказать, из одной точки (если дикий вид считать точкой), в случае полифилетического, как у собак, — от комплекса близко расположенных точек. Все эти процессы совершенно непохожи на то, что описывают советские «творческие дарвинисты».

Указывая на резкое отличие дарвинизма от лысенковщипы, я вовсе не хочу сказать, что принцип дивергенции — расхождения признаков, увеличения многообразия, действительно универсален. Широко распространено в эволюции явление параллелизма в развитии, когда многообразие не увеличивается и не уменьшается, а остается приблизительно одинаковым. В палеонтологии описано много случаев, когда несколько видов одного рода превращаются в несколько видов другого, близкого рода. Может быть, некоторая дивергенция и наблюдается, но идущая, так сказать, под очень острым углом. Эти факты стали известны под конец жизни и Ч. Дарвину, и на основании их он признавал многократно в письмах, что переоценил значение естественного отбора. О них ведется и сейчас большой спор среди палеонтологов.

Но и уменьшение многообразия наблюдается часто, и здесь работа зоологов (по-видимому, также и ботаников) накопила за столетне после выхода в свет основного труда Ч. Дарвина огромный материал. По-видимому, даже намечается определенная биологическая закономерность: разнообразие на ранних этапах возникновения прогрессивных органов и процессов несравненно выше этого разнообразия на высших этапах развития. Примеров можно привести неограниченное количество: способы движения, кариокинез, мышечные клетки, кровеносная, выделительная, дыхательная системы, копулятивные

органы, органы зрения и т. д. Но об этом здесь говорить не место. Можно только сказать, что разнообразие форм эволюции, по-видимому, очень велико, но среди этого огромного разнообразия совершенно нет места вновь установленному Лысенко «закону», хотя бы он и прикрывался диалектическим материализмом.

2.2.9. Об обратном ходе эволюции

Мыслима ли обратная эволюция? Отчего же нет? В «формальной» генетике можно указать два случая для иллюстрации этого явления. При моногибридном скрещивании и полном доминировании от скрещивания получается гибрид, похожий на одного из родителей, но при скрещивании этого гибрида с таким же гибридом в потомстве одна четверть (в среднем у потомства) показывает признак рецессивного деда. Внук оказывается более похожим на деда, чем на отца. Этим и подобными причинами и объясняются многие случаи так называемого атавизма, т. е. возврата к предкам, например классический случай с голубями, описанный Ч. Дарвиным, когда от скрещивания одноцветных пород голубей возникает давно, казалось бы, утерянная пестрая окраска дикого голубя.

В литературе давно уже дискутировался вопрос: могут ли быть возвратные мутации. Описаны, насколько мне помнится, случаи, когда у белоглазой мутации мушки дрозофилы (нормально она красноглазая) вновь возникали красноглазые формы. Не знаю, как сейчас обстоит дело в генетической литературе, но как будто полного возврата к старому не наблюдается. Среди биологов поэтому большой симпатией пользуется закон необратимости эволюции бельгийского палеонтолога Долло.

Среди различных формулировок этого закона наиболее удачной будет: «Если в ходе эволюции тот или иной орган оказывается утраченным, а при дальнейшем филогенезе аналогичный орган вновь возникает, то он возникает не восстановлением утраченного органа, а на совершенно иной морфологической основе». Можно привести много превосходных иллюстраций проявления этого закона, и им охотно пользуются при построении конкретных филогении; однако многие компетентные ученые (например, наш покойный академик П. П. Сушкин) возражают резонно против придачи этому закону абсолютного характера.

Поэтому на вопрос, поставленный в начале этого параграфа: мыслима ли обратная эволюция, можно ответить так: мыслима, но тем менее вероятна, чем больший отрезок эволюции мы рассматриваем. Овес, по-видимому, произошел от диких сорных овсов, подобных овсюгу; так как это близкие виды, то здесь возврат к предкам, атавизм, особого удивления не вызовет. Ну, а насчет пшеницы и овса — тут дело сложнее. Само собой разумеется, что если бы были безупречно доказанные факты, то пришлось бы перед ними склониться, но огромное количество географических и палеонтологических фактов не дает материала для суждения, что обратная эволюция имеет место.

2.2.10. Новаторы и консерваторы

«„Новая истина всегда идет вразрез с какими-нибудь общепринятыми обычаями и взглядами; вначале у нее мало сторонников, ее называют парадоксальной, считают заблуждением и отвергают, не выслушав ее". Так сетовал в свое время французский философ-энциклопедист Гельвеции» (Фиш, с. 136).

Справедливо ли мнение Гельвеция в настоящее время? Пожалуй, что нет. Ведь все мы, невежды в физике и других великолепных точных науках, являемся свидетелями потрясающего по быстроте внедрения не только в науку, но и в производство самых парадоксальных теорий и отраслей техники: квантовая

теория, специальная и общая теория относительности, атомная физика, принцип неопределенности, теория расширяющейся вселенной, учение о полупроводниках, электроника, кибернетика и т. д. Правда, выступает (вернее, большей частью выступали, так как очевидная, огромная даже для профанов ценность новых открытий заставляла замолчать идеологически, но не научно, хорошо подкованных критиков) против многих из этих направлений ряд фигур в печати. Но по странному совпадению все эти фигуры, играющие в точных науках незавидную роль моськи в басне Крылова, с жаром упрекают в косности противников защищаемых ими новаторов: Лысенко, Лепешинскую, Бошьяна (этот уже в скобках). К ним примыкают, конечно, Фиш, Сафонов, Агишев и другие «инженеры человеческих душ».

Однако в биологии можно привести случаи быстрого распространения и принятия (по крайней мере, значительной частью ученых) нового учения или новой теории. Общеизвестно, что даже такое революционное по духу учение, как эволюционная теория Дарвина, сразу нашло большое количество ревностных защитников, хотя и в противниках недостатка не было. Быстро распространилось учение об условных рефлексах И. П. Павлова, наконец, можно документально доказать, как тепло была встречена Н. И. Вавиловым и другими учеными теория стадийного развития Лысенко. Но в биологии консерватизм еще очень силен, несравненно более силен, чем в физике (там он и совсем слаб), и связан, конечно, с тем, что биологи, как правило, совершенно «невинны» в математике и, как часто водится, вменяют свой дефект в добродетель, считают, что математика противопоказана биологии.

Но со знанием математики дело обстоит неважно не только у лысенковцев и поддерживающих Лысенко философов, но и у большинства «инженеров человеческих душ»: например, Борис Полевой искренне убежден, что пользование логарифмической линейкой требует знания высшей математики.

Верно, что в прошлом многие выдающиеся открытия сначала считали за бред сумасшедшего. Но было бы грубейшей логической ошибкой сделать заключение, что всякий бред сумасшедшего есть выдающееся открытие.

В дни моей молодости некто Михайлов сделал доклад в Петербургском обществе естествознания, где он доказывал, что сердце вовсе не является главным двигателем крови, а представляет болезненный нарост на кровеносной системе. Доклад был вполне наукообразный и даже был напечатан на немецком языке, но не думаю, чтобы у автора нашлось мужество Петенкоффера, чтобы на себе самом доказать правильность теории.

История науки показывает, что кажущиеся совершенно невероятными новые открытия получают признание, когда приводят в систему достаточно обширный, закономерно наблюдаемый и продуманный материал. Возьмем пример с насекомоядными растениями. Они были известны до Дарвина, но в науку доступа не имели, так как считали, что это такой парадокс, что и проверять не стоит. Дарвин тщательно исследовал многочисленных представителей насекомоядных растений, описал их строение, функционирование, показал наличие пищеварительных ферментов не только у насекомоядных, но и других растений, и все это изложил свойственным ему стилем так обстоятельно, что всякое сопротивление признания этих диковинных растений было сломлено.

Возьму другой пример, мне современный. Когда я был студентом, нам говорили, что жгучие стрекательные капсулы встречаются не только у медуз и полипов, но и у некоторых плоских червей и моллюсков, причем совершенно одинакового строения, и это рассматривалось как один из изумительнейших примеров конвергенции. Но в конце первого десятилетия появилась работа, доказывающая, что эти образования у плоских червей и моллюсков являются клептокнидами, буквально — «украденными» стрекательными капсулами, что они попадают к червям и моллюскам от поедаемых ими гидроидных полипов и используются ими совершенно в тех же целях, что и у их первоначальных

хозяев, т. е. для защиты, располагаясь правильно в наружных слоях кожи. Первое впечатление от такого известия: «Что за чушь, как это может быть?» Но когда ознакомишься с доводами авторов, сделавших это открытие, то свое негодование приходится смирить. Многочисленные наблюдения показали: 1) что формы клептокнид всегда совпадают у полипов и поедающих их организмов; 2) перевод на другую пищу вызывает или полное исчезновение клептокнид (если питаться будут организмами без книд, т. е. стрекательных капсул), или появление книд той формы, которая свойственна новой жертве; 3} найдено наличие каналов, ведущих от кишечника к коже, и на соответственно приготовленных препаратах можно проследить, как по этим каналам сохранившиеся от пищеварения клептокниды постепенно перемещаются на предназначенное для них в новом хозяйстве место. Крыть, как говорят, нечем.

И вот, если мы сравним историю борьбы и победы подлинно крупных новых открытий с борьбой за «новое учение о биологическом виде», то увидим, что здесь мы имеем совершенно иную картину. Собираются с бору да с сосенки разнообразнейшие «факты» от донесения самарского губернатора до старых народных поверий. Я вовсе не против того, чтобы изучать народные поверья: в них часто находятся крупицы народной мудрости, но их надо тщательно проверять и сопоставлять с научными данными. Есть такое поверье (кажется, в Псковской области), что лен следует сеять под Аленин день (Алена — лен, имеется сходство слов) и сеять должны ночью голые женщины. Святая Алена увидит, что женщины ходят голые, сжалится и пошлет хороший урожай льна, чтобы они могли сшить себе рубашку. Всякий подлинный ученый согласится с тем, что научный уровень «теории» о порождении малиновкой кукушки вряд ли превышает идейно-теоретическую основу алениного поверья. Правда, сейчас кое-какой багаж повыкинули, но об этой чистке — ни слова: речь ведется так, как будто весь материал оказался неопороченным.

Все «торжество» лысенковщины на сессии 1948 года целиком объясняется не научной силой «нового учения», а наличием чрезвычайно высокого покровительства, плохо разбирающегося в биологической науке, и свежим воспоминанием о ежовщине и гибели Н. И. Вавилова.

2.2.11. Практическое значение нового учения

На свой высокий пост в сельскохозяйственной науке Лысенко добрался благодаря целому вороху практических предложений, ценность которых у большинства людей не вызывала сомнения, в том числе долгое время и у меня. Сейчас уже можно подвести некоторые итоги хозяйничанья Лысенко за время его монополии в области сельскохозяйственной науки, хотя полная оценка еще ждет исследователей. Сейчас она очень затруднена, так как большинство данных не опубликовано и критика Лысенко часто находится в положении разведчика во вражеском стане, с трудом добывающего нужные сведения. Но вот то, что сейчас уже вполне ясно.

1) *Полностью провалились гнездовые посевы леса,* рекомендованные Лысенко на основе его теории «отрицания внутривидовой борьбы за существование». Отсюда, из Института леса, и началось контрнаступление подлинных ученых против аракчеевского режима Лысенко во главе с нашим доблестным академиком В. Н. Сукачевым, который в самые тяжелые времена под градом возмутительных оскорблений и совершенно недвусмысленных доносов (тогда лысенковцы были не особенно вежливы и грубость вменяли себе в заслугу) стоял насмерть на своем посту, как и подобает подлинно партийному бойцу науки. Он, конечно, не мог ликвидировать огромных убытков, уже нанесенных стране, но остановил дальнейшее безобразие. Но, видимо, сильны еще лысенковцы на верхах: Сукачев по случаю своего юбилея не получил звания Героя Социалисти-

ческого Труда, что удалось более «обтекаемым» академикам Юрьеву и А. В. Палладину.

2) *Нанесены огромные убытки* стране бессмысленным продвижением где надо и где не надо так называемой *травопольной системы.* Я говорю о «так называемой травопольной системе», так как настоящая травопольная система Вильямса была испорчена Лысенко и его клевретами и в таком испорченном виде и применялась, а затем дефекты этой «травопольной» (вернее, «травяной») системы были приписаны Вильямсу. Настоящая же травопольная система заслуживает специального рассмотрения, так как применять ее огулом тоже не следует.

3) *Посевы озимых по стерне* в Сибири и Казахстане совершенно себя не оправдали.

4) То же с летними посевами люцерны.

5) То же с искусственным опылением люцерны.

6) Теленомус *в борьбе с черепашкой* полностью снят с вооружения (по этому вопросу начал свою «плодотворную» деятельность Г. Фиш).

7} *Куры в борьбе со свекличным долгоносиком,* которые были разрекламированы лысенковцами как полное решение проблемы долгоносика (кстати, сам прием совершенно не нов), не помогли, и долгоносик по-прежнему свирепствует на Украине.

8) *Ветвистая пшеница* (известная еще со времен фараонов) оказалась в том же положении, что и во времена фараонов: при исключительно заботливом уходе она дает огромные колосья, но обходятся они значительно дороже, чем нормальная пшеница, выращиваемая обычными методами.

9) *«Брак по любви»,* рекомендованный ветроопыляемым растениям (свободное опыление на основе принятия «избирательности оплодотворения»), привел к потере многих сортов, в частности кукурузы, и был одной из важных причин того безобразного положения с кукурузой, которое было отмечено Н. С. Хрущевым. Ну, а *«брак по расчету»* у той же кукурузы с предварительным использованием родственного разведения в США и Мексике дал огромное повышение урожайности (около 80 %) и прекратил в Мексике импорт зерна. Крепко наплевав в колодец западной науки, мы сейчас стараемся пить из того же колодца и посылаем наши делегации в Америку за гибридными семенами кукурузы; а Лысенко по-прежнему красуется на своем высоком посту, продолжая тормозить продвижение научно обоснованных мероприятий.

10) *Метод полиплоидии* для выведения новых сортов растений был отвергнут Лысенко как морганистский (он действительно связан с хромосомной теорией наследственности), соответствующие работники сняты с работы, начатые работы (как и работы по гибридным семенам кукурузы) были свернуты. Сейчас этим методом выведен ряд новых прекрасных сортов (в том числе и некоторыми нашими селекционерами, продолжавшими в подполье трудиться над этим делом), и, очевидно, и из этого проплеванного Лысенко колодца придется пить воду.

11) *Доказан грубый нажим* на работников опытных станций с целью *фальсификаций* опытных данных для получении результатов, угодных Лысенко. Вообще фальсификация есть один из основных методических приемов «школы» Лысенко.

12) *Вегетативная гибридизация* — одна из основ мичуринской генетики считается и сейчас Лысенко настолько доказанной, что, по его мнению, у нас уже никто не сомневается в возможности их получения, а, следовательно, в нашей стране ни один мыслящий биолог не может принимать хромосомную теорию наследственности. Однако недавно появилась в печати обширная работа президента Академии сельскохозяйственных наук Германской Демократической Республики Г. Штубе, в которой полностью отрицается вегетативная гибридизация. К этому же выводу можно прийти и на основании анализа работ Мичурина и другой литературы.

171

А вот где совершенно туманно:

1) *Яровизация хлебных злаков.* В качестве приема, облегчающего селекцию, яровизация никем не оспаривается, но самими лысенковцами это заброшено. А что же касается производственного значения ежегодного яровизирования семян, то этот вопрос совершенно неясен. Для большинства хлебных злаков этот прием уже не применяется или применяется только под нажимом. Значение яровизации как регулярного агротехнического приема по крайней мере сомнительно.

2) *Летние посадки картофеля как борьба с вырождением.* Несмотря на большой срок, прошедший со времени предложения этого приема и большой нажим по внедрению его, он внедряется очень плохо, и недавно в четвертом номере «Ботанического журнала» за 1955 год появилась обстоятельная статья квалифицированного работника по картофелеводству Линника, резко критикующего пользу этого метода.

3) *Органо-минеральные удобрения.* Это — последний козырь, выдвинутый Лысенко и, как это ни странно, довольно высоко котируемый наверху, хотя пять авторов уже опубликовали в «Известиях Тимирязевской с/х академии» (№ 1 за 1955 г.) обстоятельную статью, показывающую полную теоретическую необоснованность и отсутствие экспериментальных доказательств этого приема.

Все это далеко не исчерпывает новаторских предложений Лысенко, но если мы спросим, есть ли хоть один такой прием, который оказался бы успешно внедренным в производство, то окажемся в полном недоумении. Мне лично (несмотря на тщательное изучение лысенковской литературы) такой прием неизвестен, и почему-то о таком приеме молчат и лысенковцы. Они

больше рекламируют «новости» — органо-минеральные смеси и борьбу с сорняками на основе «нового учения о виде».

Многочисленные провалы широкой публике или неизвестны, или позабыты, молчит об этом и Г. Фиш, и поэтому ей могут показаться убедительными те практические предложения, которые основаны на новой концепции Лысенко. А они следующие: семенные участки овса, пшеницы и т. п. на юго-востоке следует закладывать на уплотненной почве во избежание «порождения» овсюга, а семенные участки ржи на северо-западе надо располагать на сухих участках во избежание порождения костра ржаного (с. 127—137). Но на той же с. 127 указывается, что на Украине, Кубани и на Дону уже удалось победить овсюг благодаря смене залежной системы правильным севооборотом. Эта же мера позволит одержать победу над овсюгом и в Заволжье, Зауралье, Казахстане и Сибири, где еще он свирепствует без всякой помощи мичуринской биологии. Что же касается нечерноземной полосы, то здесь в результате проведения предложений Лысенко ожидается освобождение под посевы восьми миллионов гектаров пара, так как пар сейчас служит в основном для борьбы с сорняками (с. 140). Но ведь «новые открытия» Лысенко касаются в данном случае порождения рожью костра ржаного, а уже наперед считается, что эти же открытия позволят ликвидировать и другие сорняки. Но ведь костер ржаной вовсе не характерен для всей нечерноземной полосы. В целом не меньшую, а большую роль играют такие широко распространенные сорняки, как васильки, вьюнок, осот, лебеда и др. Победу над ними уже записывают в актив Лысенко.

«„Восемь миллионов гектаров паров — это важнейшее дело, не дрозофила, конечно", — улыбаясь, возразил агроному преподаватель диамата» (с. 140).

Да, не дрозофила. Изучение наследственности дрозофилы обошлось человечеству очень недорого, так как дрозофила — мушка маленькая и много пищи не требует. Но мы знаем, что, например, использование гибридных семян кукурузы (бесспорное крупное достижение зарубежной генетики, заторможенное в своем развитии у нас после 1948 года) основано на принципах современной менделистской генетики, в разработке которых дрозофила сыграла благодаря своему быстрому размножению и другим особенностям выдающуюся

роль. В США уже выведены гибриды с мужской стерильностью, не требующие удаления метелок при получении гибридных семян. Если удастся ввести такие же гибриды в СССР, то при запланированной площади в 28 миллионов га это означает экономию ежегодно в четыре миллиона трудодней. При получении этих гибридов использованы ионизирующие факторы, впервые примененные и изученные не на дорогих объектах и не на больших площадях, а на дешевой мушке дрозофиле.

В превосходной статье Баранова, Дубинина и Хаджинова в четвертом номере «Ботанического журнала» за 1955 год показано, что дрозофила еще не снята с вооружения и помогает в разработке новых методов поднятия урожайности. А ведь один из трех авторов, Н. П. Дубинин, был главной мишенью для оскорбительных выпадов Лысенко, Митина, Презента на печальной памяти сессии 1948 года (тогда они о вежливости не заботились). Расходы на дрозофилу уже сейчас оплатились с огромными процентами. А вот господство Лысенко и его «теорий» с 1938 года, когда он стал президентом ВАСХНИЛ, является немаловажным фактором в том серьезном отставании нашего сельского хозяйства, которое справедливо вызывает наибольшую тревогу у руководителей нашей страны. А Лысенко все нипочем: ему и его товарищам все кажется благополучным. От наших же философов мы пока решительно ничего, кроме словоблудия, не слышали: это вам действительно не дрозофила! И тут в статье Фиша преподаватель диамата прикладывает свой диалектический штамп к «учению» Лысенко о превращении видов при смене растительности на залежах и умиляется тому, что здесь мы опять видим победу закономерности над случайностью. Когда в нашей стране окончится господство этих идеологических сорняков!

2.2.12. Писатели и наука

На эту тему я уже писал в прошлом году, посылал и в «Литературную газету», и в «Звезду» переслал статью через одного писателя. Много и другого писал эти годы, но никак в печать попасть не могу: видно, почва для моих семян еще не подготовлена, возможно, что и сорняки мешают, а возможно, что писатели действуют по принципу: «Ворон ворону глаз не выклюет».

Г. Фиш в своей статье снова поднимает вопрос о праве писателей вмешиваться в научный спор {с. 140): «...и если споры еще продолжаются — и есть две стороны, — то должен ли

литератор, пишущий о науке, ожидать, когда они окончатся и, придя к шапочному разбору, — писать лишь о том, что уже всем давно стало ясным? . . Есть своя прелесть в ощущении безопасности путешествия по океану на гигантском комфортабельном теплоходе с радиотелеграфом, который всегда в распоряжении корреспондента. Но разве записи Пифагета, сделанные в опасном плаванье на одной из утлых каравелл, ушедшей отыскивать еще не открытые пути в еще не открытых океанах, не заслуживали бы уважения даже если бы путешествие Магеллана не венчалось полным успехом?»

Вправе ли писатель вмешаться в научный спор? А кто же оспаривает это право? Разве в настоящей науке требуют от ученого заполнения справок об окончании вуза, наличия степени и проч.? Требуется только, чтобы в научной статье была проявлена достаточная подготовка автора, чтобы автор внес что-либо новое и чтобы он не искажал ни действительности, ни взглядов авторов, ему противных, а если по недосмотру редактора это произойдет, то противнику дают возможность эту ошибку исправить. И вовсе не требуется, чтобы ученый работал только в той области, по которой он получил образование. Фарадей вообще не получил высшего образования (и даже, кажется, среднего), а умер членом Королевского общества и похоронен в Вестминстерском аббатстве. Ч. Дарвин был по образованию богословом, а произвел переворот в биологии. Гельмгольц

был по образованию медиком, внес солидный вклад и в медицину (открытие офтальмоскопа), и в физиологию, но не менее прославился и *в* области физики и математики. Пастер до конца жизни занимал кафедру минералогии в Академии наук сообразно своему профилю, однако история медицины разделяется на два периода: до Пастера и после Пастера. Наш Мечников начал с зоологии, а получил Нобелевскую премию по медицине. Кастовый дух стремятся вносить теперь только сторонники Лысенко, которые на злосчастной сессии ВАСХНИЛ мешали говорить академику В. С. Немчинову и отрицали за ним право судить о биологических вопросах потому, что он не биолог.

Но ведь современное «вмешательство» писателей в научные споры вовсе не является спором одной стороны с другой, равноправной, это претензия диктовать определенное мнение «инженеров человеческих душ» ученым, которые должны только подчиняться этому. Высказывания развязных литераторов, вроде Г. Фиша, печатаются массовым тиражом, а высказывания противников Лысенко только недавно получили ограниченную возможность высказывания в журналах, имеющих хождение только среди специалистов.

Но, может быть, были случаи, когда литераторы, вмешиваясь в научный спор (просто как литераторы, а не как компетентные в данном вопросе люди), принесли какую-нибудь пользу науке? Мне такие случаи неизвестны, но известно много случаев конфуза. Выступления Писарева против Пастера, Чернышевского против Лобачевского и Гельмгольца могут служить только лишней иллюстрацией к пословице «На всякого мудреца довольно простоты». Совсем недавно мне попала в руки драма Бернарда Шоу «Дилемма доктора» с большим (характерным, для Б. Шоу) предисловием. Предисловие прямо кошмарно, Б. Шоу выступает против обязательности оспопрививания, за полное запрещение вивисекции и т. д. Конечно, есть и дельные соображения, показывающие уродливости медицинского обслуживания в капиталистическом строе, но в целом предисловие просто реакционно. Почему оно не вызывает такого протеста, как реакционные разглагольствования Фиша и ему подобных? Потому что в Англии даже такой выдающийся писатель считается просто писателем, а не «инженером человеческих душ». И у нас было время, когда были писатели, но не было этих самых «инженеров», и тогда наша литература светилась ярким собственным светом, а когда вместо писателей оказались «инженеры человеческих душ» — и наша литература стала светиться преимущественно отраженным светом нашей Великой революции. Ведь Венера светит ярче любой настоящей звезды.

Но там, где не требуется таких специальных знаний, как в современных науках, там вмешательство крупных писателей в общественную жизнь иногда играло огромную роль и обеспечило этим писателям вечную признательность человечества. Вспомним Вольтера с его разоблачением судебных злоупотреблений, вспомним сравнительно недавнее блестящее выступление Эмиля Золя по делу Дрейфуса, вспомним нашего Короленко с его вмешательством в процессы с обвинениями в ритуальных убийствах. Можем лн мы среди наших современных писателей назвать хотя бы одного, подобного Вольтеру, Золя или Короленко? Может быть, они и есть, но редакционные коллегии их не пропускают ни в один литературный журнал.

И сейчас «веселое оживление» на литературном фронте с появлением вновь статей Фиша и др. объясняется просто тем, что широкими кругами нашей общественности непомерно торжественное чествование юбилея Мичурина с заглавной ролью Лысенко было истолковано как сигнал к восстановлению Лысенко во всем его августовском могуществе. Чтобы быть объективным, должен сказать к чести наших писателей, что новых имен, защищающих «мичуринскую биологию», как будто не появилось, если не считать Овечкина с его поддержкой Агишева: на Овечкина, видимо, вредно влияет московский климат. Но наши «спутники Магеллана» решили, что опасность миновала, и их сноса выпустили на свет божий.

174

Г. Фиш стремится выставить себя как соратника в новом великом деле. Он, конечно, допускает, что может ошибаться. Почему же он хоть где-нибудь не сознался в своих ошибках? Защищал он без толку и травопольную систему, а начал свою деятельность на лысенковском фронте с «реалистической сказки». «Вредная черепашка и теленомус» (1939) — образец того, как не нужно писать популярные вещи. Он ее много раз переиздавал и в 1954 году включил в новый сборник «Человек создает землю» (изд-во «Молодая гвардия»). Сравнивая эту статью издания 1948 года «Наука изобилия», изд-во «Сов. писатель») и издание 1954 года, находим несомненно разницу. В 1948 году считалось, что черепашке нанесен решающий удар и одержана победа, не имеющая себе подобной в мировой истории в борьбе с вредителями и по своей эффективности, и по сжатости сроков, ну, а в 1954 году уже победа излагается в сослагательном наклонении (с. 129). Фактически же эффективность теленомуса невысока, и этот метод сколько-нибудь существенной роли в борьбе с черепашкой не играет. Так зачем же печатать устаревшую статью? Как зачем, а гонорар? Тем более что она выпущена в сборнике под новым заглавием! Эта «методика» применяется и другим лысенковцем В. Сафоновым.

Что касается «эрудиции» по части энтомологии у Г. Фиша, то она за пятнадцать лет осталась на том же уровне. На с. 102 книги «Человек создает землю» приведено латинское название черепашки *Eurygaster integriceps* с пятью орфографическими ошибками в двух словах — не слишком ли много для писателя?

По-видимому, понятие скромности совершенно отсутствует у нашего «инженера человеческих душ», если он решается сравнивать свои писания с дневником спутника Магеллана.

2.2.13. О вежливости

А теперь вернемся немного к вопросу о вежливости. Фиш указывает, что в полемике многое заставляло вспомнить слова Брет Гарта

Ученому нехорошо, взяв для доклада слово, Публично называть ослом ученого другого.

Особенно нехорошо, когда одна сторона имеет возможность ругаться, заботливо зажав рот противной стороне.

Правда, и высокой культуры люди иногда сгоряча впадают в грех, именуя ослами даже выдающихся ученых: Чернышевский о Гельмгольце («ослиная премудрость Гельмгольца») и даже Энгельс о Ньютоне («индуктивный осел»); «орлам случается и ниже кур спускаться».

Но всегда ли именование ослом своего противника бывает недопустимым? Мы знаем, что римский император Калигула ввел своего любимого жеребца в состав сената, и, как это ни покажется странным, сенаторы не протестовали. Но если бы сенатор обратился к жеребцу со словами: «Вы в сущности не сенатор, а жеребец», то было бы такое обращение невежливым? И вообразим себе, что в некоей стране самодержавный властелин под влиянием огромных и несомненных успехов вообразил бы, что он является безапелляционным судьей решительно во всех вопросах культуры. Движимый искренним стремлением помочь развитию биологической науки, но не страдая чрезмерной эрудицией и уменьем хорошо разбираться в ученых, он назначил бы в качестве главы ученого сената существо, внешне вполне человекообразное, но обладающее, как выяснилось через несколько лет, ослиным упрямством в отстаивании дикого вздора, пришедшего ему в голову, ослиной неспособностью вдумываться в логические рассуждения противников, ослиной резкостью в скакании по

175

заботливо возделанным грядкам, ослиной способностью гадить в самых почтенных местах, ослиной тенденцией лягать самых почтенных людей, — будет ли нарушением вежливости, если ученые этой воображаемой страны, наконец, обратятся к воображаемому человеко-ослу: «Уважаемый товарищ президент, Вам место не в академии, а в стойле»?

2.2.14. Титулование лысенковцев

Лысенковцы любят называть себя мичуринцами. Не будем сейчас вдаваться в спор, имеют ли они право на этот титул или не имеют. Но было бы целесообразно найти такое именование, которое обладало бы следующими свойствами: 1) было бы безличным (ведь мы же боремся с культом личности); 2) было бы кратким и точным; 3) охватывало бы не только лысенковцев, но и поддерживающих их философов и писателей типа Г. Фиша, а также редакционные коллегии, поддерживающие этих писателей и не допускающие в печать инакомыслящих; 4} было бы чисто и истинно русским (мы же боремся с космополитизмом); 5) соответствовало бы тому упорству по искоренению своих противников, которым бесспорно отличаются лысенковцы; 6) было бы вежливым и даже до известной степени почетным.

Мне думается, что такое название можно найти, если вдуматься в ту наиболее характерную черту, которой отличаются все перечисленные категории работников советской культуры. Эта основная их черта — стремление отмежеваться от большинства деятелей в любой области культуры, от всех направлений в науке, культуре вообще, если только данное направление не возникло в их среде, от любого своего друга и товарища, если только на него падет малейшее подозрение вышестоящих организаций. Одним словом, если выбрать слово, наиболее характерное для этой разношерстной кампании, то это будет слово «вне», «кроме» или, беря старинный русский язык, «опричь». Следовательно, их всего лучше обозначить именем «опричники», или «кромешники», культуры. Это слово вполне отвечает первым пяти поставленным мною требованиям, но как будто не отвечает шестому — требованию вежливости. Вот ответ придется дать диалектический. Действительно, в прежние времена и после Великой Октябрьской революции слово «опричник» было оскорбительным, так как жандармов и других охранников называли царскими опричниками. Но времена меняются, и с 1946 года оценка опричников переходит в свою противоположность, так как в постановлении ЦК ВК.П (б) о кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 года сказано: «Режиссер С. Эйзенштейн во второй серии фильма „Иван Грозный" обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клукс-Клана, а Ивана Грозного — человека с сильной волей и характером — слабохарактерным и безвольным, что-то вроде Гамлета». Понятие «прогрессивного войска опричников» принято как само собой разумеющееся и в редакционном введении к соответствующему тому «Очерков по истории СССР», вышедшему в 1955 году (с. 11) при участии наших крупнейших историков. Поскольку мое суждение как дилетанта в истории не может представлять интереса, я полагаю, что «опричники культуры» не вправе обвинить меня в недостатке вежливости. Желая даже помочь им в дальнейшей работе по выгрызанию и выметанию всякой идеологической крамолы и не будучи специалистом в искусствоведении, должен обратить внимание на опасность сползания некоторых из них в явное болото реакции, так как в газетах (даже в «Литературной газете») появляются статьи, где оспаривается не подлежащее ревизии мнение о слабохарактерности и безвольности Гамлета. С таким наплевизмом и безыдейностью надо решительно бороться.

176

2.3. Философы из «Литературной газеты» (Письмо в редакцию) "

«Литературная газета» вступила в новую фазу своего существования: философскую. Что ж, в добрый час! А не то наши многочисленные философы изнемогают под бременем возложенных на них обязанностей по борьбе с постоянно окончательно уничтоженными и вновь откуда-то берущимися идеалистами: необходимо формировать философское ополчение, и в качестве члена такого ополчения выступила редколлегия «Литературной газеты» в передовой статье «Наше идейное оружие» («Лит. газета», 22 января 1957 г. № 10(366)).

Как умилительно выглядит душевное состояние нашей молодежи по мнению редколлегии!

«Молодой человек нашей страны, — да, это относится прежде всего к молодым поколениям, обладает и еще одним решающим преимуществом перед многими и многими людьми капиталистического общества. Это преимущество — не только в свободе и широте мышления, достигнутых уже самим фактом изменения социальных отношений. Оно — в цельности, научности миропонимания. Кое-кто на Западе, в буржуазных университетах, проповедует, что „свобода" — в полной неустойчивости, расплывчатости, „разнообразии" самых элементарных познаний. Хочешь — „верь", что правильна и научна открытая Коперником картина Вселенной, а хочешь — „верь", что земля стоит на трех китах и солнце путешествует вокруг нее. Можешь исходить в своих суждениях из того, что все окружающее тебя реально существует, а можешь

считать, что существуешь только ты один, а есть ли на самом деле другие существа, природа, реки, горы, — это по меньшей мере сомнительно...»

Как просто решают литераторы философские вопросы. Оказывается, на Западе есть такие вредные философы (и даже, может быть, ученые), которые допускают возможность существования трех знаменитых китов, а также допускают, что вообще мир не существует. Как бы вдруг наша молодежь не поверила этому! Необходимо держать большой штат философских нянюшек, запрещающих думать своим питомцам о трех китах и о небытии Вселенной. Но невольно возникает мысль, не напоминает ли деятельность этих философских нянюшек «методологически» того щедринского градоначальника, который специальным законом категорически запретил глуповским гражданам печь пироги из кирпича, глины, извести и прочих строительных материалов. Ведь опасность того, что наша молодежь поверит в существование трех китов, пожалуй, ничуть не больше того, что хозяйка начнет печь пироги из кирпича и глины. Так в чем же дело: неужели западные философы (за очевидным исключением материалистов) подобны гражданам города Глупова? Постараемся разобраться в этом вопросе, и начнем с существования внешнего мира.

По этому вопросу, казалось бы не подлежащему обсуждению, действительно существует обширная философская литература, я ограничусь лишь высказываниями выдающегося французского ученого Анри Пуанкаре в его замечательной книге «Наука и гипотеза». Цитирую в переводе с французского текста в издании «Библиотека научной философии». Он пишет в главе 1 (с. 186) о значении физических теорий: «Светских людей поражает эфемерность научных теорий. Они видят, как последовательно покидают эти теории после нескольких лет процветания; они видят, как развалины громоздятся над развалинами; они предвидят, что модные сегодня теории должны в свою очередь пасть в скором времени, и отсюда делают заключение, что они совершенно бесполезны. Это они называют *банкротством науки. . ,*

[в] Письмо в редакцию «Литературной газеты» было послано 12.03 1957 г. 177

Их скептицизм поверхностен; они совершенно не отдают отчета о роли и цели научных теорий, в противном случае они понимали бы, что и развалины могут пригодиться...

Никакая теория не казалась более прочной, чем теория Френеля, приписавшая возникновение света колебаниям эфира. Однако теперь ей предпочитают теорию Максвелла. Значит ли это, что труд Френеля был напрасен? Отнюдь, так как в задачу Френеля не входило знать, существует ли действительно эфир, образован ли он из атомов или нет, двигаются ли эти атомы так или иначе; его цель была — предвидеть оптические явления...

А это теория Френеля предвидит всегда, сегодня так же хорошо, как и до Максвелла. Дифференциальные уравнения всегда верны: их всегда можно интегрировать теми же способами, и результаты интегрирования сохраняют всегда свое значение».

А отсюда следует словами того же Пуанкаре (12 глава, с. 245): «Неважно, существует ли в действительности эфир, — это дело метафизиков; для нас важно то, что все происходит так, как если бы он существовал, и что эта гипотеза удобна для объяснения явлений. В конце концов, какие у нас другие основания верить в существование материальных объектов? Это тоже только удобная гипотеза; *только она никогда не перестанет быть таковой,* в то время как несомненно наступит день, когда эфир будет отброшен как бесполезный...

Но даже в этот день законы оптики и уравнения, которые их аналитически выражают, останутся верными, по крайней мере в первом приближении. Поэтому всегда будет полезно изучать ту доктрину, которая связывает все эти уравнения».

Припомним, что эти слова были сказаны до появления теории относительности, и потому-то физики так быстро и приняли эту революционную теорию, что их умы философски были к этому подготовлены. Сейчас, правда, говорят, что эфир в совершенно новом понимании восстанавливается. Это—обычно для многих наук: старые теории возрождаются, как Феникс из пепла, и притом в отличие от мифического Феникса на весьма повышенном основании.

Перейдем теперь к китам и Копернику. Я не имею возможности достаточно следить за философской литературой и, очевидно, прозевал такой интересный факт, что за границей есть философы и ученые (а только о них идет сейчас речь), которые считают допустимым верить в существование трех китов: надеюсь, что «Литературная газета» меня информирует о таких философских течениях гниющего Запада. Но, вероятно, что здесь «Литературная газета» в целях популяризации допустила некоторое смешение «китовой теории» с теорией Птоломея, который, хотя и опровергнут Коперником, но был для своего времени крупнейшим подлинным ученым, и формулы его астрономической теории до сего времени используются в некоторых случаях. Само

собой разумеется, ни о каких трех китах в теории Птоломея и речи нет; и если мое предположение справедливо, то такая «популяризация» есть свидетельство необыкновенной легкости мыслей.

В чем же дело? А в том, что и в астрономии {совсем по аналогии с волновой теорией света) то, что казалось абсолютно достоверным, лишилось этого притязания на абсолютность. Опыт с маятником Фуко в свое время казался «окончательным» доказательством вращения Земли. Анализ этого опыта, сделанный Э. Махом, показал, что это заключение не верно: если бы прав был Птоломей, а не Коперник, опыт дал бы совершенно тот же результат. Отказались ли после этого ученые от теории Коперника, и усомнились ли в ней? Конечно, нет. Был сделан только общегносеологический вывод, что никакой изолированный опыт сам по себе не может решить окончательно правоту той или иной теории: решает весь комплекс наших знаний, а он по-прежнему свидетельствует в пользу Коперника, а не Птоломея.

178

Но так как редколлегия «Литературной газеты» решилась встать рядом с нашими философами на защиту нашей молодежи от тлетворного влияния Запада, то я должен ее по совести информировать, что существуют тревожные симптомы. Уж в Советском-то Союзе ученые не должны, казалось бы, подвергать сомнению вопрос о сравнении систем Птоломея и Коперника и вообще говорить об этом только в истории физики. Так нет же! Один из наших виднейших физиков академик В. А. Фок в недавно вышедшей книге («Теория пространства, времени и тяготения», 1955) доказывает приложимость так называемой привилегированной системы координат и пишет (с. 12): «Этот факт, впервые установленный в наших работах, имеет большое принципиальное значение: только опираясь на него, можно показать, что привилегированное положение гелиоцентрической системы Коперника по сравнению с геоцентрической системой Птоломея сохраняется и в теории тяготения Эйнштена».

А так как Эйнштейн отрицает привилегированные системы координат, то он же пришел к «утверждению о невозможности отдать предпочтение сформулированной Коперником теории солнечной системы, согласно которой Земля обращается вокруг Солнца, перед теорией Птоломея, согласно которой Солнце обращается вокруг Земли» (статья В. А. Фока в «Правде» от 15 апреля 1956 г. «Полвека великого открытия»). Вот, оказывается, кто договорился до Птоломея! Слава 20-го века, украшение человечества — Альберт Эйнштейн! И несмотря на то что Эйнштейн договаривается до Птоломея, его книгу о сущности теории относительности издают у нас в 1955 г. и даже, о ужас, без обезвреживающих философских комментариев. Немедленно изъять из библиотек вредную книгу!

Не мне судить о споре между Фоком и Эйнштейном: ни один самый великий человек не был свободен от ошибок, и весьма возможно, что Фок окажется правым.

Дело вовсе не в данном споре, а в том, почему имеет место такая «неустойчивость», «расплывчатость» философских воззрений, пугающая наших новопроизведенных философов и блюстителей дум. Она есть следствие истории точных наук XIX и XX веков. Длинный ряд почтенных дисциплин и теорий, принесших огромную пользу науке и казавшихся абсолютно достоверными и точными, потерял свою абсолютную достоверность и сохранил лишь приближенную точность, хотя и вполне достаточную для обычной обстановки. Перечислим вкратце эти дисциплины и теории: 1) евклидова геометрия, против абсолютности которой выступил Лобачевский, а затем Риман; 2) волновая теория света; 3) учение о неизменности и неразложимости атома; 4) космогоническая теория Лапласа; 5) контракционная теории газообразования; 6) законы сохранения материи и энергии; 7) механика Ньютона и т. д. Размышления над этими переменами и привели передовых ученых к общему положению, которое можно сформулировать следующим образом.

В каждой науке следует относиться с уважением к плодотворным и солидно обоснованным теориям; капризы при смене теорий совершенно недопустимы; но при наличии достаточных оснований каждый ученый не только имеет право, но и обязан подвергать ревизии любое положение науки независимо от его давности, плодотворности, кажущейся очевидности, гениальности его основателя и связи с тем или иным мировоззрением. Это положение вовсе не является разъедающим скептицизмом, а лишь полным освобождением от всякого догматизма. Провести его нелегко, и потому несомненно, что даже крупнейшие ученые от него могут отклоняться.

Иногда сформулированному мной положению придают парадоксальную форму. Например, выдающийся математик и философ Бертран Рассел так определил, что такое математика:

«Математика есть наука, в которой мы никогда «е знаем, о чем мы говорим и верно ли то, что мы говорим». Что это значит? Первая часть определения оттеняет абстрактность математики, понятия

179

и формулы которой могут иметь самое разнообразное реальное содержание. Вторая же — то, что всякая математическая дисциплина основана на принятии без доказательства определенного количества понятий и аксиом, имеющих всегда ограниченную приложимость; при этом мы никогда не можем иметь абсолютной уверенности, что наши понятия и аксиомы прилагаются правильно. В остроумной форме об этом пишет известный французский математик Лебег в книге «Об измерении величин» {изданной Учебно-педагогическим издательством в 1938 году, с. 17): «Арифметика, которую люди в их стремлении к абсолюту сделали наукой совершенной, par excellence, становится лишь наименее несовершенной из наших наук... Мы так привыкли применять арифметику лишь тогда, когда она применима, что забываем о существовании таких случаев, когда она не применима...

Мы утверждаем, например, что дважды два будет четыре. Я наливаю две жидкости в один стакан и две жидкости в другой; затем сливаю все в один сосуд. Будет ли он содержать четыре жидкости? „Это недобросовестно, — ответите вы, — это не арифметический вопрос". Я сажаю в клетку пару животных, затем еще пару, сколько животных будет в клетке? „Ваша недобросовестность,— скажете вы, — еще более вопиюща, так как ответ зависит от породы животных; может случиться, что один зверь пожрет другого; нужно также знать, должно ли производить учет немедленно или через год, в течение которого животные могут издохнуть или дать приплод. В сущности, вы говорите о совокупности, про которые неизвестно, неизменны ли они, сохраняет ли каждый предмет совокупности свою индивидуальность и нет ли предметов исчезающих и вновь появляющихся[1]"...

Но что означает сказанное вами, если то, что возможность применения арифметики требует выполнения известных условий. Что же касается правила распознавания, приложима ли она, которое вы мне дали, то оно, конечно, практически превосходно, но не имеет никакой теоретической ценности. Ваше правило сводится к утверждению, что арифметика применима тогда, когда она применима. Вот почему нельзя доказать, что два и два будет четыре, что тем не менее является непреложной истиной, так как ее применение никогда нас не обманывало.

Вот из последней фразы ясна разница между истиной абсолютной и истиной непреложной, или бесспорной. Под абсолютной истиной мы подразумеваем такое положение, которое никогда и ни при каких обстоятельствах не может подлежать ни малейшему пересмотру, так как такая истина полна, правильна и достоверна. Под бесспорной же, или непреложной, истиной — такое положение, которое согласуется со всеми данными нашего опыта и, следовательно, против которого мы не можем выдвинуть ни логических, ни эмпирических возражений. Наличие бесспорных истин никто не отрицает, но современная наука осторожно считает, что, может быть, наступит момент, когда некоторые из современных бесспорных истин окажутся только приближенными. Наиболее яркий пример — математические положения.

До Лобачевского евклидова геометрия считалась собранием абсолютных истин, хотя некоторые выдающиеся умы тревожились «недоказанностью» пятого постулата. Даже такой искренний сторонник диалектического подхода к «абсолютной» истине, как Ф. Энгельс, писал в «Анти-Дюринге» (первое издание вышло в 1878 г.; цит. по: Госполитиздат, 1951, с. 82): «Но ведь существуют же истины, настолько твердо установленные, что всякое сомнение в них представляется нам равнозначащим сумасшествию. Например, что дважды два четыре, что сумма углов треугольника равна двум прямым...» В отношении наук, доступных в большей или меньшей степени математической обработке, Энгельс пишет (там же): «Если кому-нибудь доставляет удовольствие применять большие слова к весьма простым вещам, то можно сказать, что *некоторые* результаты этих наук представляют собой вечные истины, оконча-

180

тельные истины в последней инстанции, почему эти науки и были названы *точными»* (курсив Энгельса. — *А. Л.).*

Но как раз в тот период, когда писался «Анти-Дюринг», в математике завершилась борьба за признание неевклидовой геометрии. В 1868 году была напечатана (написанная еще в 1854 г.) знаменитая диссертация Римана «О гипотезах, лежащих в основе геометрии», в 1870 году — работа Гельмгольца «О происхождении и значении геометрических аксиом». Работа, начатая Лобачевским, была завершена: если Лобачевский усомнился в абсолютном характере одного постулата Евклида, то в результате самокритической работы ряда выдающихся математиков *все*

аксиомы и постулаты (разница между ними совершенно стерлась) были признаны гипотезами, а не окончательными истинами в последней инстанции, и математики весьма самокритически лишили свою науку права называться точной в смысле Энгельса, т. е. претендующей на абсолютную достоверность ряда своих положений. Слова «точная наука» сейчас получили иное значение: наука, умеющая определить меру своей неточности.

Неудивительно, что такая революция в понимании точных наук не могла пройти без ожесточенной борьбы в рамках самых точных наук, и ряд выдающихся математиков (у нас, напр., Остроградский и Чебышев) выступили резко против неевклидовой геометрии или до самой смерти не признали ее. Понятно поэтому для своего времени и то полное глумления по отношению к Гельмгольцу и Лобачевскому письмо, которое Чернышевский написал своим детям в 1878 году (Избранные философские сочинения, 1938, с. 497—515). До Энгельса, видимо, эти математические споры просто не дошли, иначе он не включил бы в число окончательных истин в последней инстанции равенство двух прямых углов треугольника: сейчас каждому студенту-математику и не только на гнилом Западе, но и у нас преподается, что в геометрии Лобачевского сумма углов треугольника меньше двух прямых, а в геометрии Римана — больше двух прямых. Мало того, после Эйнштейна принимают, что в реальном пространстве господствует риманова, а не евклидова геометрия. Значит ли это, что сейчас студенту предоставлена полная «свобода» выбирать между разными геометриями? Сколько поставят студенту, если на вопрос: «Какова сумма углов треугольника?» — он ответит: «Полтора прямых»? Несомненно, двойку или даже единицу, и никакие -ссылки на Лобачевского ему не помогут, хотя в геометрии Лобачевского при определенных размерах треугольника сумма углов действительно равна полутора прямым. При наших же земных расстояниях господствовала, господствует и будет господствовать геометрия Евклида, несмотря на ее приближенный характер.

Примерно то же получилось и с таблицей умножения. Как было указано выше (см. цитату из Лебега), такие истины, как дважды два — четыре, отнюдь не имеют универсального значения и не только в области реального мира, но и в математике. Гениальный Г. Кантор в семидесятых годах 19-го века показал, что для бесконечных множеств обычная таблица умножения неприменима, и сейчас в учебниках для студентов (см., напр.: Н. Н. Лузин. Теория функций действительного переменного. 1946) можно видеть такие же равенства (см., напр., с. 26), которые могут показаться бредом для лиц, уверенных, что таблица умножения есть совокупность окончательных истин в последней инстанции. Г. Кантор для бесконечных множеств предложил свою «таблицу умножения» — теорию множеств и тем опроверг господствовавшее со времени Аристотеля мнение, что «о бесконечном нет наук».

Новое учение не сразу восторжествовало, но сейчас проникло во все отделы математики и дало возможность, в частности, нашему выдающемуся математику академику А. Н. Колмогорову дать совершенно строгое обоснование теории вероятностей.

Что же касается философии математики, то в отличие от завидного «единства» в Советском Союзе за рубежом господствует «неустойчивость,

расплывчатость и разнообразие, удручающее наших философов из «Литературной газеты». Логисты, мнтуиционисты, формалисты и др. спорят между собой и никак договориться не могут. Правда, во главе этих школ стояли и стоят крупные математики, напр. Вейль, Брунер, Гильберт, Бертран Рассел (или Рессел, — у нас пишут по-разному). «Позвольте, позвольте, — воскликнут философы из „Литературной газеты", — какой же Рассел крупный математик! Вот кто такой Б. Рассел по авторитетному указанию „Краткого философского словаря" под редакцией М. Розенталя и П. Юдина (4-е изд., 1954, с. 505—506): „Р. 1872 — реакционный английский философ, один из главарей современного философского идеализма, воинствующий идеолог империализма... Рассел является ярым поджигателем новой мировой войны; он призывает к уничтожению СССР и стран народной демократии с помощью атомного оружия. Это — один из самых оголтелых идеологов империалистического и антидемократического лагеря"». Ни о каких заслугах перед наукой не говорится ни слова. «Вся его философия — непрерывная цепь идеалистических фальсификаций выводов современной науки».

Но возьмем то же четвертое издание той же книги, дополнительный тираж 1955 года. Там о Расселе мы узнаем нечто совсем другое — все гораздо мягче, и в конце сказано (с. 409—410): «В последнее время Рассел выступает за запрещение атомного оружия и ослабление международной напряженности».

Однако роль Б. Рассела в создании математической логики очень велика. Его трехтомный (совместно с Уайтхедом) труд «Principia mathematika» («Математические начала», 1910—1913) считается высшей точкой развития этого направления науки, в котором все математические дисциплины должны были быть представлены в логическом исчислении (см.: Д. Гильберт и В. Аккерман. Основы теоретической логики. 1947, с предисловием Яновской, с. 18). А все это направление в математике, казавшееся со стороны какой-то странной игрой с новыми символами, привело в конце концов к созданию Винером и другими учеными кибернетики с ее чудесами: автоматический перевод, автоматические шахматы и другие вещи, известные сейчас даже членам Союза писателей (очень недурную комическую сценку «Кибернетика» я видел в Доме писателей в Ленинграде в марте 1956 года).

А вот что писалось о кибернетике в «Кратком философском словаре» выпуска 1954 года (с. 236): «Кибернетика — реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах; форма современного механицизма... Кибернетика является, таким образом, не только идеологическим оружием империалистической реакции, по и средством осуществления ее агрессивных планов». Но если мы посмотрим то же издание словаря, но выпуска 1955 года, то там слова «кибернетика» вообще не найдем. Что же случилось? Может быть, наши философы остро отточенным оружием своей диалектической мысли сумели нанести ей такой сокрушительный удар, что она перестала существовать? Нет... она сейчас преподается для математиков в Московском университете. Философам удалось задержать продвижение кибернетики в Советском Союзе, но практические успехи, связанные с кибернетикой, оказались настолько серьезными, что наших философов осталось только поблагодарить за их подлинно медвежью услугу (об этом можно прочесть, напр., в «Вопросах философии», 1955, № 4, статья акад. С. Л. Соболева, А. И. Китова, А. А. Ляпунова).

Взятый мной пример — только один из наиболее ярких. Но трудно найти такое выдающееся явление в области математики, теоретической физики, химии или назвать таких крупных ученых, которых наша философия не обвиняла бы в сползании в то или иное идеологическое болото. Для истории нашей культуры представляло бы интерес свести в целое все отрицательные высказывания наших крепко идеологически подкованных философов. Для этого следует просмотреть

комплекты журналов «Под знаменем марксизма», «Вопросы философии», все наши руководящие органы печати, выпущенные массовыми тиражами философские словари (сравнивая последовательные издания), учебники и пособия. Хорошая диссертация получилась бы, и заглавие можно предложить: «Отношение советской философии к науке». Но эту большую работу сейчас мы проделать не можем.[1]

Не буду перечислять всех грандиозных достижений современных точных наук: их уже никто отрицать не может. Но философы сейчас говорят: мы не отрицаем их положительных достижений, но эти достижения явились не благодаря философским воззрениям ряда крупнейших ученых современности (назову Эйнштейна, Бора, Шредингера, Гейзенберга, Гильберта, Рассела, Винера и др.), а вопреки их философским воззрениям. Исключительная их одаренность преодолела классовую ограниченность, но это не значит, что мы должны допускать их «неустойчивость, расплывчатость, разнообразие самых элементарных познаний». Эта расплывчатость и чрезмерная свобода приводят, по мнению наших философов, к пропаганде мракобесия, расизма и проч. реакционных явлений.

Что в западной литературе имеется много человеконенавистнических, разлагающих молодежь и других реакционных произведений, это, конечно, бесспорно. Но при каждом большом и даже самом великолепном здании есть мусорные ямы, уборные и прочие сборища нечистот, и нельзя по нечистотам заднего двора судить о самом здании: утверждение о связи философских воззрений (пусть даже ошибочных} с нечистотами западной культуры по крайней мере спорно. Но попробуем сформулировать то основное положение, которым руководятся наши философы и которое можно противопоставить сформулированному мной выше положению. Я думаю, что оно будет иметь приблизительно такую форму.

Общеизвестно, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но не следует понимать, что каждый ученый и философ свободен в своих высказываниях: существуют определенные границы для свободы -мышления, устанавливаемые не самими учеными и философами, а вышестоящими организациями, время от времени выпускающими постановления по идеологическим вопросам, которые подлежат

беспрекословному повиновению, какие бы ошибки они не заключали. Теории крупнейших ученых Запада должны отвергаться «с порога», если содержат хоть малейшее противоречие с утвержденными установками. Если даже эти утвержденные установки, проведение которых возложено на определенных лиц, привели к огромным убыткам и нелепейшим высказываниям, ученые не имеют права критиковать идеологические установки до тех пор, пока сверху не будет спущено соответствующее милостливое указание.

Посмотрим к чему привела эта практика. Я бы очень хотел знать хотя бы один случай, где такое идеологическое руководство принесло хотя бы самую малейшую пользу науке. Я пытался разобраться в философской литературе, я обращался с вопросом ко всем мне знакомым философам, но безуспешно, и я буду очень благодарен, если мне такой случай укажут. Примеров же отрицательного влияния такой системы на нашу науку и философию я могу привести достаточно.

1) В области *философии* мы наблюдаем полнейший застой. Доходит до того, что, несмотря на преподавание философии всем студентам всех вузов и огромный штат философских работников, мы до сих пор не имеем признанного руководства по этой дисциплине, а массовые издания служат только показателем уі одливости наших философов, приспосабливающихся к каждому дуновению идеологического ветра.[2]

2) *Политическая экономия,* долженствующая быть теоретической базой дли конкретной экономики, способствовала полному развалу конкретной экономики, и последнюю теперь приходится восстанавливать.[3]

183

3) В *истории* постановление «О прогрессивном войске опричников» привело к идеализации Ивана Грозного и фальсификации истории и не только эпохи Грозного.[4]

4) В *филологии* — длительное господство Марра, и в этой области существование аракчеевского режима было установлено официально.

5) В *области точных наук* получилась задержка развития ряда новых областей науки. В конце концов философские моськи принуждены были перестать лаять на научных слонов, так как уж слишком велико и очевидно даже для невежд было значение слонов.

6) В *области биологии* «расцвет советского творческого дарвинизма» — «мичуринская биология», «новое в учении о биологическом виде» Лысенко, «новая клеточная теория» О. Б. Лепешинской, «учение» Бошьяна. И все это преподносилось не как новые интересные гипотезы, требующие проверки, а как окончательные истины в последней инстанции, «единственно прогрессивные теории», сомневаться в которых не может ни один советский человек. Не только выдающихся ученых недавнего прошлого — Вейсмана, Менделя, Моргана, Вирхова и других, но и одного из величайших благодетелей человечества, гениального Пастера, Лепешинская и Бошьян рассматривали как реакционера, задержавшего развитие биологии. Лепешинская даже вытащила из забвения наименее удачное произведение Л. И. Писарева, защищавшего Пуше против Пастера, отвергнув те яркие слова, которые в свое время по этому поводу произнес К- А. Тимирязев: «И все, кому была дорога эта свобода, это право ученого приходить в конце своего исследования к тем выводам, которые вытекают из данных опытов, а не к тем, которые заранее предписаны из Рима, конечно, были возмущены преследованиями, которым подвергся Пуше со стороны клерикальной прессы. Этим объясняется отпор, данный ей прессой либеральной, в жару полемики не всегда, впрочем, делавшей различие между Пастером и его непризнанными покровителями, между блистательно доказанным научным фактом и его эксплуатацией в видах преследования той же науки» (Луи Пастер. Избр. соч., 1948, т. 2, с. 269).

Культ личности «утвержденных» ученых принес вред (хотя, конечно, меньших размеров) даже тогда, когда объектом культа был бесконечно крупный ученый, напр. И. П. Павлов. Для возвеличения И. П. Павлова понадобилось подвергнуть травле такого крупного ученого и верного его последователя, как Л. А. Орбели, так как его работы не укладывались в строго предписанные сверху рамки.

Но нам говорят, что это все — в прошлом. Ошибки исправлены, и теперь нужно дружно работать без стремления к «реваншизму». Кое-что, конечно, исправлено: Бошьян уже разоблачен просто как нечистоплотный работник, о Лепешинской в научном обществе не говорят, ее «учение» из программы выкинуто, Л. А. Орбели больше не обижают, и даже допускается критика некоторых сторон деятельности Лысенко и его последователей. Крупные, настоящие (не «мичуринские») генетики — Тимофеев-Ресовский, Н. П. Дубинин получили лаборатории с достаточным штатом для проведения тех исследований (главным образом, по радиобиологии), по

которым мы страшно отстали от Запада, и даже о новейших достижениях охаянной и «окончательно» осужденной хромосомной теории Н. П. Дубинин печатает статьи (напр., в журнале «Биофизика», № 8 за 1956 г.). Все как будто в порядке. Но спрашивается, кто сможет читать эти статьи, как и статьи вообще по генетике и другим быстро прогрессирующим отраслям биологии, требующим некоторой математической и физической подготовки? Ведь на наших биологических факультетах настоящая генетика (так называемая менделистская) не преподается, математика, если и дается, то в минимальной дозе, а на биофаках педвузов даже скромный курс физики устранен из программы за последние годы. Что же представляет собой «мичуринская генетика» по сравнению с настоящей

генетикой, можно судить по рецензии Б. Н. Васина, Т. К. Лепина и В. П. Эфроимсона на книгу Н. И. Фейгинсона «Основные вопросы мичуринской генетики» (1955), напечатанной в Бюллетене Московского общества испытателей природы (Отд. биологии, 1956, т. XI (4), с. 95—105).

Старые немногочисленные кадры постепенно отмирают, а нового пополнения недостаточно. Во главе Института генетики АН СССР по-прежнему стоит Лысенко, представителем на международные конгрессы генетиков а Японии в сентябре 1956 г. поехал лысенковец Глущенко. Молодежь ломится в Москве на доклады настоящих генетиков (напр., на доклад Тимофеева-Ресовского «Кибернетика и генетика»), но на экзаменах по генетике и дарвинизму наиболее передовые студенты принуждены лгать: они уже знают, что то, что им преподают, — вздор или в лучшем случае устаревшие отбросы мыслей старых ученых, но ведь если они скажут это экзаменаторам, им обеспечен провал.

Только невежеством или наглым цинизмом можно объяснить тот цитированный мной абзац из «Литературной газеты», где так умилительно восхищались счастливой судьбой нашей молодежи. И молодежь уже недовольна продолжающимися засорениями нашего первого университета, Московского, такими фигурами, как Дворянкин, Фейгинсон и др., но пока не удалось добиться «полки сорняков» в нашей научной действительности. Не помогло и заступничество большого ряда наших крупнейших физиков и математиков: им, говорят, разъяснили, что они как неспециалисты в биологии недостаточно разбираются в этом деле, как будто те, кто высказывал эту оценку компетентности математиков, сами в какой-либо точной науке сколько-нибудь удовлетворительно разбираются.

7) В *области агрономии* мы имеем наиболее катастрофические для нашего хозяйства достижения. Лысенко пришел к власти под лозунгом быстрого и решительного повышения урожайности всех культур, опираясь не только на свои собственные, оспариваемые Н. И. Вавиловым и его сторонниками «теории», но и на взгляды Мичурина и В. Р. Вильямса. А вот что обещал В. Р. Вильяме в статье «Социалистическая переделка природы», опубликованной в газете «Социалистическое земледелие», № 25, 7 ноября 1937 года (перепечатано в книге: В. Р. Вильяме. Травопольная система земледелия. 1949, с. 492): «Какие же урожаи будут завтра, если сегодня уже стахановцы полей дают с гектара 80—100 центнеров зерна, 1500—2000 центнеров свеклы, 12—15 центнеров льноволокна, 160—200 центнеров хлопка! Ведь именно эти числа должны стать и вскоре станут средним урожаем наших социалистических полей». Это не случайная обмолвка или описка, подобные суждения Вильяме высказывал неоднократно. А какие урожаи были в 1938 году (год смещения Н. И. Вавилова с поста президента ВАСХНИЛ)? Для зерновых — в среднем по Союзу около 10 центнеров с га, в лучшие годы — около 11 центнеров с гектара. Естественно, надо было ожидать, что если осуществить все мероприятия, предлагавшиеся Лысенко, то мы повысим урожай если не до цифр, указанных Вильямсом, то хотя бы приблизимся, скажем, к английскому уровню, где урожай зерновых в настоящее время порядка 25 центнеров с га. И какой арсенал средств: массовое применение яровизации, травопольная система, внутрисортовое скрещивание, исключительно быстрая «переделка природы растений» методом «направленного воспитания», внедрение ветвистой пшеницы, стерневые посевы, гнездовые посевы лесокультурных полос, добавочное опыление, предпосевной обогрев семян, внедрение новых методов по борьбе с сельскохозяйственными вредителями (теленомус, куры, приманочные посевы), вегетативная гибридизация и т. д. и т. п. Ну, а результат?

Сейчас можно сказать с полной уверенностью, что *по зерновым культурам за 20 лет (с 1937 г.) достигнуто не повышение, а снижение урожайности* порядка 20—30 процентов, и средняя урожайность снизилась до 7—8 ц/га, т. е. опустилась до дореволюционного уровня. Но эти цифры «засекречены». В недавно

вышедшем статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР» (1956) мы можем найти точные данные о добыче угля, нефти, выплавке металла, стали и т. д., но что касается производства зерна, то мы тут найдем только посевные площади для зерновых культур и размер валового сбора зерна в процентах к 1950 году. Размеров валового сбора в тоннах на Союз или отдельные республики или в центнерах на гектар мы не найдем. Если взять статью «Урожайность» в только что вышедшем томе «Большой Советской Энциклопедии», то там мы найдем точные цифры урожайности капиталистических государств, а в отношении Советского Союза сказано лишь, что, согласно директив XX съезда, намечено повысить в ближайшие годы валовый сбор до l i миллиардов пудов.

Но не следует думать, что только для зерновых культур мы имеем падение урожайности. Отвратительно обстоит дело с плодовыми насаждениями. В сентябре 1956 года мне пришлось после долгого перерыва посетить Южный берег Крыма. Даже в «Курортную газету» проникают сведения об упадке таких старинных крымских культур, как инжир, маслины, миндаль, лавр и др. Виноград в Крыму деградировал: даже лучшие сорта ухудшились, как мне сказал один знающий человек, под влиянием неумелой культуры. Отчего все это? Старались преобразовать природу: насаждали цитрусовые, хотя знающие люди ясно сознавали, что Крым для цитрусовых непригоден. Сейчас после огромных, совершенно бессмысленных затрат признали ошибку.

Ульяновск когда-то славился своими плодовыми садами и вывозил прекрасные яблоки в другие губернии. Сейчас ульяновцы могут покупать яблоки и другие фрукты по высокой цене, завезенные из наших южных республик: Грузии, Армении, Азербайджана, Узбекистана; в тех республиках еще не успели «преобразовать природу», хотя даже в Грузии виноделию и садоводству был нанесен существенный ущерб (см. газ. «Правда» от 26 ноября 1956 г. о пленуме ЦК КП Грузии).

Картина нашего сельского хозяйства немногим лучше той картины, которая была нарисована для рыбного хозяйства, напр., в статье В. Овечкина «Писатели и читатели» («Литературная газета» от 2 октября 1956 г.). Большой урожай 1956 года получен не за счет повышения культуры сельского хозяйства, его интенсификации, а за счет грандиозного увеличения посевных площадей.

Но сейчас, говорят, это все дело прошлого, ошибки исправляются. Уже статья В. Овечкина показывает свободу критики наших недостатков.

Может быть, уже осуществлена свобода научной печати по агрономии? Некоторый прогресс, конечно, есть. Большинство вздорных или необоснованных предложений после упорной борьбы снято, по последнее «достижение» Лысенко — - органо-минеральные смеси, несмотря на серьезную критику зната-ков этого дела и на совершенную бездоказательность и методическую устарелость приводимых Лысенко данных, по-прежнему пользуется поддержкой, и статьи, основательно критикующие не только теоретическую, но и практическую сторону дела, даже на страницы научных журналов не пропускаются. И неудивительно: в ВАСХНИЛ по-прежнему господствуют Лысенко и его сторонники (Лобанов, Ольшанский и др.). Лысенко только переместился с кресла президента на кресло члена президиума, и в Академии наук СССР ряд руководящих работников покровительствует этому совершенному банкроту в области науки.

Многомиллионные убытки, причиненные деятельностью Лысенко, скрываются, те самые липа, которые довели до резкого снижения уровня наших полей, садов и виноградников, остаются не только безнаказанными, но продолжают руководить делом и всячески препятствовать продвижению новых приемов. А когда это становится невозможным, как с гибридными семенами кукурузы, то тот же Лысенко на ответственном выступлении на XX съезде КПСС находит наглость утверждать, что это соответствует принципам «мичуринской биологии».

Но при чем же тут философия? — спросит неосведомленный читатель. А вот при чем. Главным аргументом против настоящей, научной, менделеевской генетики являлось то, что она связана с идеализмом. Так и сказано в докладе Лысенко, одобренном ЦК Коммунистической партии (Стеногр. отчет сессии ВАСХНИЛ, 1948, с. 14): «Истинную идеологическую подоплеку морганистской генетики хорошо (невзначай для наших морганистов) вскрыл физик Э. Шредингер. В своей книге „Что такое жизнь с точки зрения физики?", одобрительно излагая хромосомную теорию вейсманистскую, он пришел к ряду философских выводов. Вот основной из них: „...личная индивидуальная душа равна вездесущей, всепостигающей, вечной душе[1]'. Это свое главное

заключение Шредингер считает „...наибольшим из того, что может дать биолог, пытающийся одним ударом доказать и существование бога, и бессмертие души"».

Логика Лысенко и его последователей и покровителей очевидна: а) некоторые лица, сочувствующие менделизму, договорились до бога, следовательно, весь менделизм надо отвергнуть «с порога» (непонятно, почему не отвергли, «с порога» все физические работы Эйнштейна, Шредингера, Гейзенберга и других); б) все практические предложения менделистов-морганистов не могут быть реальными, так как они основаны на идеалистической теории и, вероятно, просто являются рекламными трюками. Так и рассуждает лысенковец Фейгинсон (в полном согласии с самим Лысенко) о гибридных семенах кукурузы (там же, с. 316): «Морганисты предложили лишь сложные технические приемы получения таких семян кукурузы (предварительное самоопыление и отбор самоопыленных линий), сильно затрудняющие массовое их использование. Это служит, очевидно, для обеспечения интересов капиталистических семенных фирм, так как рядовым фермерам в капиталистических странах предложенные морганистами приемы недоступны».

Сейчас «предложенные морганистами приемы» оказались настолько эффективными, что их усиленно внедряют и в Советском Союзе (см., напр., о Всесоюзном совещании по производству гибридных семян кукурузы, состоявшемся в Одессе, газ. «Правда» от 4 февраля 1957 г., на котором о лысенковщине уже ничего не говорится).

Сейчас совершенно ясен полный провал позорнейшей для нашей страны сессии ВАСХНИЛ 1948 года, а все-таки министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич находит возможным в докладе на Всесоюзном совещании заявить: «Академия (ВАСХНИЛ) сыграла большую роль в борьбе за победу материалистического направления в с/χ науке. Ею разработаны новые теоретические положения биологии» (газ. «Сельское хозяйство», № 144 от 23 июня 1956 г.).

В постановлении Совета Министров СССР о работе ВАСХНИЛ говорится о необходимости и впредь вести непримиримую борьбу против идеалистических, вульгарно-механистических и лженаучных взглядов в биологической и сельскохозяйственной науке. Вот и разберись: 1) совершенно ясно, что «теории» Лысенко и Лепешинской — это и есть самая подлинная лженаука; 2) но взгляды Лысенко были одобрены как материалистические, ошибка в отношении сессии ВАСХНИЛ не признана, и эта сессия, как и все постановления по идеологическим вопросам времен 1946—1952 гг., признаются непогрешимыми.

Дорого обошлась русскому народу эта борьба за «цельное научное миропонимание» и принесет вреда еще больше, если вовремя не поймут, что справедливый диалектический лозунг «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики» распространяется также и на философию. Нам нечего кичиться нашим превосходством перед Западом в единстве нашего мировоззрения. Это возрожденный «квасной патриотизм» старых славянофилов: «Европа зависть к нам питает».

На Западе, по мнению наших советских славянофилов, в области культуры –озорство, путаница, мракобесие. На самом деле {дело касается, конечно, вершин

западной культуры, а не идеологических мусорных ям) — подлинное отстутвие догматизма, подлинное преодоление культа личности даже в отношении самых великих, самых уважаемых мыслителей.

У нас на словах — полная свобода прогрессивной мысли, мы боремся только с отбросами мысли, догматизмом, начетничеством, культом личности. На самом деле — отбросы мысли, вынесенные приказом Сталина на вершину, до сих пор не вычищены метлой, ученым диктуют, как им надо решать научные проблемы, культ личности сохранился полностью, изменились только объекты культа.

А что делают писатели? Есть отрадные симптомы, правда, не в области науки, но в области литературы и общественной жизни. Все больше и больше появляется статей и книг, где смело обличаются дефекты нашей жизни. Пожалуй, на первое место следует поставить журнал «Новый мир». Еще когда во главе его стоял Твардовский, в нем появился ряд статей, взбудораживших нашу общественность. Твардовского за чрезмерное свободомыслие сняли с руководства, но, видимо, как-то крепко въелся крамольный дух в журнал, что и при новом главном редакторе, К-Симонове, свободомыслие не только не уменьшилось, а, пожалуй, даже укрепилось. Можно перечислить довольно длинный ряд живых, актуальнейших произведений за один 1956 год, помещенных в «Новом мире» {упомяну только фамилии авторов: Гранина, Дудинцева, Кабо, Овечкина, Назыма Хикмета). И убийственная критика нашего рыбного хозяйства, послужившая

материалом для статьи Овечкина: статья Н. Дубова «Как губят море» появилась именно в «Новом мире». Наконец, в двенадцатом номере журнала появилась прекрасная умная статья К. Симонова «Литературные заметки», которая лично меня сразу превратила из противника К. Симонова (за его многие прежние выступления) в искреннего почитателя. К. Симонов честно признался, что многие из его прежних выступлений были неискренними, произошли под давлением сверху, и этим добровольным признанием свою прежнюю вину искупил.

А как реагировало руководство писателей на деятельность К- Симонова и вообще на работу журнала «Новый мир»? Не буду говорить о всех выступлениях. Укажу одно. В новогоднем номере (1 января 1957 г.) «Литературной газеты» помещено иллюстрированное обозрение «Литературные игры» (тескт В. Виноградова и С. Смирнова, рисунки И. Игина и И. Семенова). Здесь К. Симонову посвящены следующие слова:

К. С.

По кручам и долинам Ведя журнал, как таковой, — Не хлебом, так сказать, единым Обременяй багажник свой!

Сам же К. Симонов показан как потерпевший аварию со своим мотоциклом на краю дороги, накачивающий воздух в шины. А кто же показан как примерные редакторы журналов? Их несколько, Остановлюсь на одном — редакторе журнала «Звезда» Друзине, лихо катящем на мотоцикле рядом с потерпевшим аварию К. Симоновым. У Друзина в журнале «Звезда» действительно все «гладко». Я не припомню за последние годы случая, чтобы что-либо, напечатанное в «Звезде» после памятного 1946 года, вызвало широкий общественный интерес. Значит, журнал «Звезда» после памятного 1946 года безупречен? С точки зрения научного работника, — нет. Все журналы в конце 1955 года так или иначе отозвались (очевидно, вынуждены были это сделать) на юбилей И. В. Мичурина. Отозвалась и «Звезда» большой статьей Г. Фиша «Живые звенья». Эта статья осталась незамеченной общественностью, потому что к этому времени для всех сколько-нибудь знакомых с биологией было уже совершенно ясно, что «учение о биологическом виде» Лысенко (а именно о нем

и идет речь в статье, а не о Мичурине) есть совершеннейший идейный мусор, подобранный журналом «Звезда» вследствие некомпетентности его редколлегии. Я отозвался на эту статью критической статьей, посланной в начале 1956 года в редакции журнала «Звезда» и «Литературной газеты». «Литературная газета» отозвалась, как это ей свойственно, вежливой отпиской, а «Звезда» до сего времени, несмотря на неоднократные напоминания, хранит гробовое молчание. Прилично ли это по отношению к старому ученому, немножно больше разбирающемуся в биологии, чем Г. Фиш и вся редколлегия «Звезды»? «Литературной газете» хорошо известно положение на биологическом фронте, и, зная вежливость ее редколлегии, я полагаю, что шарж «Литературные игры» заключает в себе не похвалу Друзину, а тонкую иронию, вероятно, не воспринятую редколлегией «Звезды».

Вспомним прекрасное стихотворение Н. А. Некрасова из «Кому на Руси жить хорошо».

Средь мира дольного Для сердца вольного Есть два пути...

Не привожу его полностью: оно всем хорошо известно. Наше руководство советских писателей пока предпочитает идти и ехать просторной, торной

дорогой, где

За блага бренные... Там души пленные **Полны** греха.

Но уже немало писателей идет тесной честной дорогой, и отрадно, что такой писатель, как К. Симонов, сумел после достижения достигнутой им вершины житейского благополучия свернуть с торной дороги. Аварии при этом неизбежны, но у всякого честного, прогрессивного человека они вызывают сочувствие и уважение, но не насмешку.

Но как же быть с философией и наукой? Как к ним относиться писателям? Очень просто — соблюдать только те общие правила, что не следует писать о том, в чем сам не разбираешься, и воздерживаться от полемики в тех случаях, когда противнику заткнут рот. Не следует также лицемерить. Писатель Штейн в неплохой пьесе «Персональное дело» обрушивается на коммуниста, «воздержавшегося» в деле, когда начальство требовало травли невинного человека. Конечно, кто в такой момент, как в недавние годы, выступал против начальства, был уже сверхгероем, но и воздержание в те времена часто граничило с геройством, и мы были бы очень благодарны самому Штейну, если бы он в свое время «воздержался» и не выступил со своим «Судом чести», представлявшим собой клевету на честных работников науки.

Истинная наука и философия развиваются без содействия писателей, но писатели могут им основательно подпортить, так как многие чрезмерно робкие руководители учреждений каждую даже невежественную критику воспринимают как «руководящее указание». Наука может сказать: «Избави меня, господи, от друзей-писателей, а с врагами я и сама кое-как управлюсь».[5]

А возвращаясь к началу своей статьи, к цитате из «Литературной газеты», могут только сказать: «Пожалейте молодежь и не издевайтесь над ней». Положение ее сейчас гораздо хуже, чем было когда-то. Раньше догматически преподавали в средней школе, что бог сотворил мир в семь дней, но в вузе преподавали эволюционное учение, и никто от студента ответов по катехизису не требовал. А сейчас на государственных экзаменах по основам марксизма-ленинизма требуют, чтобы студент с одобрением отзывался о всех постановлениях по идеологическим вопросам и о всех одобренных ЦК докладах, включая

189

даже такую чушь, как доклад Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года. И когда студенты спрашивают разъяснения у преподавателей, то преподавателям вменяется в обязанность разъяснять студентам, что все постановления по идеологическим и научным вопросам — окончательная истина в последней инстанции. Но как же могут это сделать преподаватели? Очевидно, только цитатой из блаженного Тертуллиана: Credo quia absurdum est (Верю, потому что это нелепо).

Примечание. Главный редактор журнала «Звезда» В. Друзин письмом от 6 февраля 1957 г. сообщил, что статья «Ногте R учении и биологическом виде» не будет напечатана в журнале, гак как журнал не собирается проводить дискуссию на биологические темы, а статья явно полемическая и чрезвычайно резкая по тону. В. Друзин рекомендует направить статью в «Ботанический журнал».

Из редакции «Литературной газеты» профессору А. А. Любищеву, 30.03 1957 г.

Редакция «Литературной газеты» ознакомилась с Вашим весьма пространным письмом, в котором Вы призываете «пожалеть молодежь и не издеваться над нею».

Редакция отклоняет Ваше письмо как попытку навязать дискуссию по ряду вопросов, которые дискуссионными не являются.

Заместитель главного редактора «Литературной газеты»

В. Косолапив

2.4. Письмо И. Г. Эренбургу и отклики на него

Письмо И. Г. Эренбургу, 10.03 1957 г. (Ульяновск)

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

I. Ваша статья «Необходимое объяснение» («Литературная газета», 11 и 12 февраля 1957 года) затронула весьма больные вопросы современности и, естественно, обратила на себя внимание из-за личности автора и поставленной цели. Вы ставите задачу защитить советскую действительность от нападок некоторых деятелей культуры Запада. Если я решаюсь писать Вам, то прежде всего потому, что для меня, как и для Вас, справедливы Ваши слова, приведенные в конце Вашей статьи: «ß *моем возрасте трудно откладывать. Да и время подсказывает, что молчать нельзя. Время, трудное, а ответственность каждого велика. Мы ни на шаг не отступим, и в том порука — душа нашего народа».*

Правда, сходство в возрасте (Вы только на год моложе меня), — пожалуй, единственное бесспорное сходство между нами. Вы — известный писатель, произведения которого печатаются огромными тиражами, я — скромный провинциальный профессор на пенсии, работы которого уже лет двадцать почти вовсе не печатаются. Это и заставляет меня обратиться с письмом к Вам, так как печатная форма общения для меня недоступна: мои произведения «печатаются» (на пишущей машинке) тиражом всего в несколько экземпляров.

Почему я на старости лет стараюсь пробиться если не в литературу, то в публицистику и в литературную критику? Почему я спокойно не занимаюсь своей наукой? Что мне за дело до литературы? Я бы и не вмешивался в литературу, если бы литература не вмешивалась в науку, и притом как! Не в порядке выступлений писателей, высказывающих свое личное, умное или глупое мнение, ни для кого не обязательное, которое ученые могут свободно игнорировать, а в порядке сентенции «инженера человеческих душ», «руководящего указания», на которое ученый не может реагировать, так как в научных органах полемике с писателями нет места, а литературные отданы на откуп «единому» всесоюзному руководству.

И вот, защищая советскую культуру от нападок западноевропейских деятелей культуры, Вы в Вашей статье стараетесь делать вид, что у нас в общем все благополучно по всему фронту нашей культуры, которая всем фронтом движется вперед. Бесспорно, есть такие отделы советской культуры, которые вполне благополучны, например балет. Совершенно потрясающий успех Галины

190

Улановой и всего балета в Лондоне радовал и меня, как каждого советского гражданина. Но ведь не надо забывать, что русский балет считался первым в мире и до революции и Анна Павлова гремела не меньше, чем Галина Уланова. С другой стороны, задаешь себе вопрос, неужели балет может быть представителем всей культуры? Бесспорны успехи нашего спорта: и здесь по сравнению с дореволюционными временами мы имеем колоссальный сдвиг, но необязательно выдающийся спортсмен является культурным человеком в общем смысле этого слова.

2. Поэтому подойдем к науке. Вы пишете очень осторожно (в третьем разделе): «Я боюсь говорить об успехах советской науки, это сделает лучше человек, более сведущий. Скажу, однако, что мне приходилось беседовать с крупными учеными Запада, многие из них весьма далеки от симпатий к коммунизму, все они с большим уважением говорили о работах советских физиков и математиков». Дальше Вы пишете о присуждении Нобелевской премии советскому химику. Вы не делаете вывода, но вывод напрашивается. В таких сложнейших и труднейших науках, как математика, физика и химия, советские ученые достигли блестящих результатов (и это никем не оспаривается), значит, в других науках, вероятно, имеет место аналогичный прогресс, и Вы вправе считать современных обличителей сплошными отрицателями всей советской культуры. Ведь в самом начале Вашей статьи стоят такие слова: «Я помню плакаты на стенах западноевропейских городов тридцать лет тому назад: человек с ножом в зубах грозил культуре — так изображали учеников Павлова, читателей Горького, друзей Маяковского отцы и старшие братья наших сегодняшних обличителей». Человек, далекий от науки, может подумать, что если в сфере точных наук современные советские ученые являются достойными продолжателями Лобачевского, Чебышева, Ляпунова. Федотова, Лебедева, Менделеева и др., то в сфере наук о живой природе они являются продолжателями И. П. Павлова, Мечникова, Ковалевских, Тимирязева, Докучаева и др. Но, выражаясь Вашими же словами, можно Вас спросить: можно ли, будучи честным человеком, говоря о современной биологии, забыть, что за последний период'советской истории примерно с 1935 года в советской биологии доминировали такие имена, как Лысенко, Лепешинская, Бошьян? Вы пишете, что историю повернуть нельзя: «Календарь показывает, что за 1957 годом наступит 1958, а не 1916». На сессии ВАСХНИЛ 1948 года делалась попытка повернуть биологию и агрономию вспять, сделать так, чтобы за 1948 годом пошел даже не 1947 (это бы еще полбеды), а мы сразу бы отъехали назад лет на полтораста. Но, говорят, это дело прошлого. Эту «ошибку» можно, казалось бы, отнести к тем «ошибкам, которые уже не смогут повториться после XX съезда партии» (Ваши слова). Разрешите возразить.

1) Лысенко очень вежливо (по его просьбе) уволили с поста президента ВАСХНИЛ и, по-видимому, вывели из состава Президиума АН СССР (это можно судить по опубликованному списку новых членов президиума, о выводе Лысенко ни слова не сказано), но он по-прежнему — директор Института генетики АН СССР, и лысенковцы не только не ослабели, но даже усилились после новых выборов в ВАСХНИЛ: этому учреждению предоставили возможность «самообновиться» при недопущении всех решительных противников Лысенко; он и его сподвижники по-прежнему возглавляют редакционные коллегии многих журналов.

2) Сессия ВАСХНИЛ не дезавуирована, несмотря на коллективное заявление многих биологов, поддержанных крупнейшими представителями физиков и математиков.

3) В вузах по-прежнему преподают несуществующую науку «мичуринскую биологию» и по-прежнему воздвигаются препятствия к проникновению настоящей современной генетики: это и неудивительно, если зам. министра высшего образования по-прежнему остается лысенковец Столетов.

191

4} Критика Лысенко на страницах научных журналов допускается на строго ограниченном секторе, и, в частности, решительная критика Мичурина вовсе не допускается. Мной лично по этому вопросу с 1953 года написано более 40 печатных листов, и ни одна страница в печать не проникла.

3. Чем же объяснить такое явление? Почему такая заботливость об охране Лысенко и его сторонников, деятельность которых принесла колоссальный вред не только науке, но и нашему сельскому хозяйству? Боязнью «реваншизма»: руководящие круги полагают, что в деятельности Лысенко есть положительные стороны и из-за них надо сохранить это «направление» и амнистировать его за огромные, допущенные им и для всех ясные ошибки. Если же предоставить свободу научной дискуссии, то от лысенковщины останется вообще только грязное пятно на истории советской культуры, исчезнут вместе с тем и «положительные» стороны лысенковщины, которые, по мнению руководства, заключаются в успешной борьбе с идеализмом.

И вот тут мы и подходим к вопросу: являются ли агрономия и биология исключением на фоне процветания советской культуры или и за пределами этих наук далеко не все благополучно. И так как Вы, как Вы сами пишете, имели беседу с многими крупными учеными Запада и лучше, чем кто-либо в Советском Союзе, знакомы с современной западной литературой, то Вы не можете не знать, что на Западе давно уже четко проводят различие между двумя категориями советских наук: счастливыми и несчастливыми. К счастливым относятся точные науки: математика, физика, астрономия, химия, до известной степени геология; здесь успехи решительно никем не отрицаются. К несчастливым, кроме биологии, относятся: экономические науки, философия, история и другие гуманитарные науки. Конечно, и там есть отдельные блестящие достижения, например в области истории нашей материальной культуры: раскопки наших археологов в Средней Азии, Новгороде и других местах дали чрезвычайно ценные результаты. Промежуточное положение занимает медицина. В несчастных науках мы имеем в лучшем случае топтание на месте в смысле теоретических построений, а большей частью в смысле теории — совершенный застой или даже маразм, как в нашей философии. Печальное положение нашей философии отмечено и на XX съезде, но, однако, многие литераторы продолжают кичиться особенными преимуществами нашей философии. По этому поводу я написал в «Литературную газету» письмо «Философы из „Литературной газеты"», которое ожидает, очевидно, та же судьба, что и другие мои писания.

4. Чем же объяснить такое различие в судьбе разных наук? Стремлением задержать развитие наук? Это обвинение вряд ли можно поддержать. Я убежден, например, что Сталин, многие ошибки которого были вскрыты на XX съезде, искренне стремился помочь развитию наук, и если результаты нередко оказывались противоположными этому благородному намерению, то только потому, что не всякая искренне оказываемая помощь бывает полезна: вспомним известную басню Крылова.

Но если всем наукам стремились помочь, то почему столь различен результат у разных наук? Это объясняется спецификой наук. *Точные науки обладают двумя признаками:* 1) *они очень трудны для усвоения;* 2) *их польза ясна даже для неграмотного человека.* В самом деле, для того чтобы отличить хороший радиоприемник от плохого, достаточно повернуть ручку: из хорошего приемника мы услышим превосходные разнообразные звуки, а из плохого услышим хрипение или ничего не услышим. А вот для того чтобы построить приемник или исправить его, тут уж требуется квалификация. Вот с точными науками и получилось, что их пытались «настраивать» по-своему: наши философы доказывали «реакционность» и связь с идеализмом теории относительности, квантовой теории Бора и Гейзенберга, кибернетики и проч. и *во всех случаях* потерпели фиаско. Решительно никакой пользы вмешательство философов в точные науки не принесло, только в ряде случаев задержало развитие нашей

науки и техники, так как Вы хорошо знаете, что прогресс точных наук и техники немыслим без огромных затрат. Сейчас, насколько мне известно, физикам и математикам философы не мешают, даже публикуют идеологически весьма невыдержанные произведения крупнейших физиков Эйнштейна и Гейзенберга. Почему же философы продолжают мешать развитию несчастных наук? По той простой причине, что эта категория наук обладает свойствами, прямо противоположными свойствам точных наук: 1) *они, как правило, не обнаруживают существенных трудностей для понимания;* 2) *даже у наук, имеющих отношение к практике, ошибка в теории сказывается не скоро, и потому довольно долгое время может быть не замечена или легко скрываема.*

Можно бы не останавливаться на этих пунктах, но есть люди, склонные утверждать, что все науки более или менее одинаково трудны. Вы, кажется, не работали в высшей школе, а мне, старому профессору, хорошо известны такие случаи. Обнаруживается, что на физико-математическом факультете успеваемость гораздо ниже, чем на других, и декан факультета,

естественно, объясняет это большей трудностью наук: это неизменно встречает (или, по крайней мере, встречало) резкое возражение директоров или завучей, что нечего ссылаться на специфику наук, сами виноваты. Но всякий, кто пытался читать разнообразную научную литературу, прекрасно знает, что не имеющий специальной подготовки просто ничего не поймет в научных работах по физике и математике, а для того чтобы разобраться в работах по истории, литературоведению, педагогике и советской философии, не требуется никакой специальной подготовки.

5. Биология, как чистая, так и прикладная, занимает промежуточное положение. В нее проникают в разных местах математические, физические и химические методы, и многие современные биологические работы для неспециалиста недоступны. Но есть обширнейшие области биологии, легко поддающиеся популяризации. То же и в отношении ее прикладного значения: есть области, имеющие исключительно высокое практическое значение, прежде всего в медицине, а есть области, не имеющие никакого или весьма слабое отношение к практике; есть, наконец, такие, где связь с практикой только намечается или .оспаривается. И в этот переходный период, естественно, происходит борьба между подлинными новаторами (не в смысле Лысенко и Лепешинской) и консерваторами: консерваторы часто справедливо указывают на эффективность классических методов и вместе с тем большей частью просто не могут понять новых направлений в силу их большой трудности. Вот тут-то и всплывают «новаторы» типа Лысенко, предлагающие такие «теории», которые отличаются сразу тремя достоинствами: 1) они не требуют никаких усилий для своего понимания; 2) они как будто связаны с огромными практическими достижениями; 3) своих противников они «изобличают» в приверженности к буржуазной идеологии, прежде всего к идеализму. Вот причина успеха Лысенко. За ним потянулись Лепешинская и Бошьян, но с последним вскоре вышла неудача: он попытался связаться с практической медициной, но медицина сейчас уже достигла такого уровня, что шарлатанство изобличается довольно быстро. Не то с агрономией. Ведь «опытными полями» Лысенко были огромные просторы нашей республики, а попробуй подсчитать урожай в нашей стране! Спросите кого угодно, какова средняя урожайность зерновых за тот или иной год: никто этого не скажет, так как эти цифры пока засекречены, но на основании ряда данных можно сказать определенно, что она не выше 7—8 центнеров на га, а когда наша агрономия была в «менделистских» руках Н. И. Вавилова, уже был достигнут урожай не менее 10 центнеров.

Убытки, материальные и моральные, причиненные лысенковщиной, поистине колоссальны, и вместе с тем все ему прощается из-за «заслуг» в области философии — борьбе с идеализмом. Да где же этот идеализм? Прочтите статью охаянного философом Митиным на сессии ВАСХНИЛ нашего выдающегося генетика Н. П. Дубинина в журнале «Биофизика» за 1956 г. (вып. 8) «Проблемы

физических и химических соков наследственности». Отыщите там идеализм. Ни следа Вы не найдете, так как не найдете и следа всей мичуринской генетики. А менделизм по-прежнему считается идеализмом, по-прежнему в вузах преподается мичуринская генетика. Так почему же статью Дубинина напечатали?!Как,пропустили это наши подкованные цензоры и редакторы? Для понимания этого прочитайте статью того же Дубинина в первом номере «Ботанического журнала» за 1957 год. Потому, что в борьбе с идеализмом мы в практической селекции отстали от «гниющего» Запада.

Лысенко объявил рентгеноселекцию как «непрогрессивный» путь, а с помощью этого «непрогрессивного» пути американцы так повысили эффективность пенициллина, что сделали ценнейший, но дорогой препарат общедоступным. Есть и ряд других выдающихся достижений, но одного пенициллина достаточно, чтобы утверждать, что лица, защищающие сейчас ценность сессии ВАСХНИЛ 1948 года, задержавшей развитие нашей селекции, блестяще развивавшейся при Н. И. Вавилове, уподобляются известному персонажу другой крыловской басни.

Вот и получилась сейчас полная неразбериха. Что прогрессивное, а что не прогрессивное? Казалось, ясен простой вывод: очевидно, что наша советская философия решительно ни на что негодна, кроме как на то, чтобы облаивать и тормозить выдающиеся научные достижения, но, однако, наши философы ни малейшего ущерба не понесли. Чем же это объясняется? Да своеобразным пониманием незыблемости марксизма-ленинизма. Так как марксизм-ленинизм связан с материалистической философией, и так как эта философия на Западе не пользуется популярностью, то, значит, борьба с идеализмом есть одна из основных задач коммунистического руководства. Но здесь так много явно напутано и за материализм выдано то, что не является ни

материализмом, ни идеализмом, а является сплошным невежеством в философии и полным шарлатанством в науке. Но кто же в этом разберется? Предоставить свободу дискуссии, как бы не вышло плохо. Устоят ли наши философы, воспитанные в сталинской тепличной атмосфере, от натисков неоднократно сокрушительно разгромленных, но все же существующих идеалистов? Лучше поручить самим философам исправиться и вывести философию на творческий путь с полным преодолением начетничества и догматизма и, однако, с соблюдением незыблемых основ. А пока пусть все остается по-прежнему, и далеко не бесполезным, но подозрительным по идеологии менделистам и другим «истам» полной свободы пока давать не следует. Пусть они работают, но только под строгим руководством философов; это особенно касается, конечно, популярной литературы. Сюда даже умеренная критика Лысенко вовсе не допускается. Зам. редактора журнала «Природа» до сего времени состоит Д. Трошин, в отношении которого, как и по поводу других «руководящих» философов, можно опять вспомнить И. А. Крылова:

...они немножечко дерут,
Зато уж в рот хмельного не берут
И все с прекрасным повеленьем .

Можно резюмировать так историю советской науки. Примерно до 1935—1938 гг. не было существенной разницы в судьбе счастливых и несчастных наук: все развивались хорошо, и были достигнуты весьма значительные успехи.[1] После этого наступило время идеологического «подковывания» наук, и от такого подковывания несчастные науки захромали на все четыре ноги. Но колоссальный прогресс точных наук, осуществленный главным образом идеологически плохо подкованными учеными, заставил приостановить процесс перековки. А так как сохранились еще блестящие кадры физиков, математиков, химиков и т. д., мы сумели довольно быстро наверстать упущенное, и в общем на этом фронте мы занимаем хорошее положение. По некоторым разделам советская наука занимает

даже ведущее положение в мировой науке, но в целом считать даже наши точные науки обогнавшими западные, конечно, невозможно.

6. Обратимся теперь к литературе. Я полагаю, что Вы согласитесь, что поскольку литераторы, далекие от науки, считают для, себя возможным вмешиваться в научные споры, то следует разрешить и ученым вмешиваться в споры литературные.

Совершенно бесспорным положением является то, что советская литература последних десятилетий не дала миру имен, подобных именам нашей славной классической литературы. Это не отрицаете и Вы, но пытаетесь парировать это мнение тем, что и на Западе дело обстоит нелучше: «Однако за последние сорок лет ни во Франции, ни в других странах Западной Европы не появилось писателей, по глубине и широте охвата равных великим авторам прошлого» (Ваш раздел 3).

Конечно, Вы знаете иностранную литературу неизмеримо лучше, чем я, и, однако, я решительно оспариваю Ваше мнение. С моей точки зрения, для опровержения Вашего взгляда достаточно назвать одно, Вам, конечно, хорошо известное имя — Лиона Фейхтвангера. По моему глубочайшему убеждению, разделяемому многими из моих знакомых разнообразных специальностей и литературных вкусов, это — бесспорный классик, творчество которого, несмотря на его преклонный возраст, не обнаруживает ни малейшего признака увядания. Шедевр его творчества «Narrenweisheit» написан уже стариком, но меня лично этот роман буквально потряс. И помимо исключительной художественной силы Фейхтвангер поражает колоссальной эрудицией, разнообразием тематики и исключительной близостью к исторической правде: расхождение между исторической и художественной правдой у Фейхтвангера минимально — это, по-моему, и есть надежнейший критерий реалистичности. Романы Фейхтвангера вовсе не лишены тенденциозности, но тенденциозности не навязанной, а выстраданной великой и глубокой душой художника.

Я ограничусь одним этим именем, но думаю, что лица, хорошо знающие западную литературу, смогут привести и другие имена. Я, например, слыхал много хороших отзывов о Веркоре, но читал одну только его статью, напечатанную у нас в газете. Веркор жаловался там, что его хорошо принимают, но не печатают (кажется, сейчас положение изменилось и кое-что из его произведений с великой опаской напечатали); общий тон статьи мне очень понравился. И Вы не отрицаете достоинств многих американских авторов (не берусь судить, так как ни одного из цитируемых Вами авторов не читал), и, я думаю, придется согласиться с тем, что на Западе есть

немало талантливых писателей, совмещающих высокую художественность с благородной тенденциозностью — защитой идеи прогрессивного развития человечества.

7. А теперь обратимся к советской литературе. Вы пишете (в третьем разделе): «Неправда, что советская литература была сильна до 1934 года, а потом померкла. Нельзя делить творчество писателей на короткие отрезки времени. Большие советские писатели дали нам прекрасные книги и до 1934 года, и после. Достаточно назвать имена А. Толстого, Шолохова, Пришвина, Фадеева, Бабеля, Федина, Тынянова, Леонова, Паустовского, Катаева».

Если понимать слово «померкла» в смысле отсутствия интересных произведений, то Вы, конечно, правы. Интересные произведения появлялись все годы, но проследим эволюцию некоторых крупных советских писателей.

Начнем с Вас, хотя из чувства скромности Вы своего имени в список не включили. Я с Вами, как писателем, познакомился с лишком 30 лет тому назад по Вашему замечательному роману «Хулио Хуренито». Это заставило меня прочитать и, ряд других Ваших произведений: по-моему, они уступают «Хуренито», но некоторые, напр. «Жизнь и гибель Николая Курбова», оставили неизгладимое впечатление даже до сего дня. А не так давно я прочел Ваши «Бурю» и «Падение Парижа», — ничего, сказать не ложно, тебя без скуки

195

читать можно (извиняюсь перед А. Крыловым за искажение), но стойкого впечатления не получается. Может быть, это потому, что я постарел? Но почему я в том же возрасте так ярко воспринимаю нового для меня Фейхтвангера или новый для меня роман В. Гюго «Девяносто третий год»[2] и так равнодушен к хорошо знакомому и весьма почитаемому мной автору? Думаю, что правильнее будет объяснить тем, что талант Эренбурга за этот период померк (но вовсе не исчез: Ваши публицистические статьи во время войны превосходны).

Возьмем следующего цитированного Вами автора: А. Толстого. Разрешите прежде всего внести маленькую редакторскую поправку. Только эту фамилию Вы снабжаете инициалом имени, остальные девять — без всяких инициалов. От кого же Вы хотите отличить А. Толстого? От Л. Толстого? Но Лев Толстой, как известно, умер до революции и советским писателем никак считаться не может. А Алексея Николаевича Толстого следует отличить от благороднейшего образа нашей классической литературы Алексея Константиновича Толстого. Надо было не пожалеть поставить лишнюю букву. А эволюция Алексея Николаевича Толстого достаточно печальна. За первый период его деятельности мы имеем такие значительные вещи, как «Хождение по мукам» и «Петр Первый», — бесспорно, положительный вклад в нашу литературу. Ну, а конец — «Иван Грозный», который сейчас даже поклонники А. Н: Толстого не могут читать без краски стыда. А почему? Да потому, что А. Н. Толстой усердно принял к беспрекословному исполнению печальную фразу о «прогрессивном войске опричников».

Перейдем к Шолохову. Я лично никак не могу поставить его рядом с нашими классиками или из современных с Фейхтвангером; по моему мнению, Шолохов — хороший писатель среднего уровня. Но его «Тихий Дон» войдет в фонд советской литературы. Ну, а «Поднятую целину» он никак закончить не может. Что мешает? Сейчас он выпустил неплохой рассказ «Судьба человека». Но ведь ясно, почему его напечатали в «Правде» и так расхваливает официальная критика. Чтобы показать (в отличие от того, что проповедовалось после войны в период примерно 1948—1952 гг.), что попасть в плен — еще не значит быть предателем, что оказаться в плену могут доблестнейшие люди с партбилетом и без него. Эту же правильную точку зрения отстаивает и С. С- Смирнов в его рассказах о героях Брестской крепости, получивших совсем иную «награду» в сталинские времена.

Трагическая судьба Фадеева не раскрыта полностью. Думаю, что подавляющее большинство читателей согласится с К. Симоновым, что второе издание «Молодой гвардии» было ухудшением, а не улучшением романа, и было произведено под давлением. А что большинство читателей и зрителей держатся того же мнения, сужу по одной статье в журнале «Театр», где говорилось, что на первый вариант «Молодой гвардии» народ ломился, трудно было достать билеты, а на второй вариант посещаемость резко упала: народ проголосовал.

Имя Бабеля Вы, видимо, вставили в список по ошибке: последние двадцать лет он вообще уже, насколько мне известно, не существовал, устраненный той самой рукой, которая способствовала деградации разобранных мною четырех писателей.

Тынянов умер в 1942 году, и в «Энциклопедическом словаре» (трехтомном) отмечены, в частности, его формалистические выступления. Пришвин родился в 1873 году, умер в 1954, но из

наиболее крупных его произведений в том же словаре как последнее указано «Кащеева цепь» 1936 года.

Из приведенных Вами авторов остаются четыре (Федин, Леонов, Паустовский, Катаев); не берусь о них судить, я их плохо знаю. Мне очень нравится «Русский лес» и некоторые рассказы Паустовского, но все же это не классики. Есть ряд талантливых писателей и помимо цитированных Вами. Мне лично чрезвычайно нравится «Повесть о Ходже Насреддине» Л. Соловьева. Вторая книга этой повести («Очарованный принц») появилась только, в 1954 году, да вряд ли она могла появиться раньше, так как юстиция изображенного там кокандского хана чрезвычайно напоминает юстицию времен господства культа

196

личности. В силу этого же обстоятельства осторожные критики не слишком расхваливают эту книгу — «как бы чего не вышло». Ведь пример Л. Зорина, Дудинцева и других у всех на виду.

8. Для советской литературы, как и для других областей советской культуры, роковыми были годы 1936—1937 (ежовщина) и 1946—1952. Во время войны и в короткий период после нее было несомненное оживление, но в общем наша культура во многих разделах носит явные признаки деградации. Эта деградация распространяется и на школу. Неужели до Вас не дошла тревога, охватившая широкие слои нашей общественности за школу? Ведь сейчас трудно найти человека, который не считал бы, что старая средняя школа давала лучшее образование, чем современная. Эту мысль высказывают иногда люди современные совершенно неожиданно, просто потому, что наболело на душе. На днях (13 марта) была творческая встреча композитора Шапорина со слушателями, передававшаяся по радио. Казалось бы, зачем по этому поводу вспоминать старую школу. А вот в заключительном слове Шапорин с большим теплом вспомнил о школе, в которой он учился, где хорошо преподавалось пение, где были кружки по ручному труду и проч., — и все это в маленьком провинциальном городке, тысяч 12 — 15 жителей; вспомнил и о хорошей местной интеллигенции. И здесь, в Ульяновске, в обкоме партии собирали старых людей, чтобы поговорить с ними о старой средней школе. Я отозвался на это целой статьей «О положении в средней школе», которая многими читается с большим интересом, но в печать, конечно, не попадет как плохо «подкованная». Из сектора школ Ульяновского обкома КПСС, куда я ее сдал еще 10 октября, ответа не имею до сих пор.[3]

С середины тридцатых годов советская культура во многих отношениях в лучшем случае стабилизировалась, а часто деградировала. Сравнительно немногие счастливые науки уцелели и блеском своего развития прикрывают темные провалы нашей культуры. Вы пишете (раздел 3): «Критикуя культуру социалистического общества, журнал левых французских католиков „Эспри" неосторожно говорит о „склерозе". Между тем старческий склероз характерен для буржуазного общества, он повинен в известном оскудении западной культуры. Болезни социалистического общества связаны с его ростом, это, скорее, болезни отрочества».

Нет, оскудение нашей философии, биологии, истории, педагогики, литературы — это не болезни отрочества.

Явления деградации есть следствие попытки осуществить во всей области культуры тот проект о введении единомыслия в России, который был в свое время разработан Козьмой Прутковым. Первым солидным открытым выражением этого духа является «Краткий курс истории ВКП{6)», одобренный в 1938 году, который на XX съезде справедливо был подвергнут критике. Во время Второй мировой войны этот дух несколько ослабел. Но после войны за период 1946—1952 гг. возродился на повышенном основании. Кульминационным пунктом выражения этого духа был 1948 год, зловещий во многих отношениях. Можно решительно возражать против этого сталинского духа и вместе с тем быть стопроцентным социалистом. По-видимому, избежали этого духа Китай, Югославия, и совершенно несомненно, что этот дух является отходом от духа великого Ленина. Это ясно из того, что, известное под именем «Завещания» Ленина письмо Ленина, написанное в 1922—1923 гг., и другие важнейшие ленинские документы того же периода увидели свет только в 1956 году, т. е. через 33 года. Они были опубликованы именно потому, что с самого начала Сталин сознательно отошел отдуха Ленина, стремившегося объединить в Коммунистической партии все ценное, несмотря на наличие больших разногласий во мнениях. А требование полного единомыслия приводит к застою.

9. Ответ на это готов: никто не требует полного единомыслия, допускается свобода критики, но только в определенных рамках, иначе получится великий соблазн и вред.

197

И Вы в Вашем письме (раздел 2), указав на ряд ценимых Вами и переводимых на русский язык американских авторов, пишете: «...Разве кто-нибудь может сделать из этого вывод, что мы отказались, отказываемся или когда-нибудь откажемся от борьбы против философии расизма, весьма распространенной в той же Америке, против бесчеловечных теорий Фогта, против различных ученых и литераторов, утверждающих волчью мораль „свободной конкуренции?"»

Само собой разумеется, что признаком прогрессивного (и не только социалистического) мышления является решительная борьба с расизмом. Вопрос о том, как бороться с тем, чтобы достичь наиболее успешных результатов. Наша практика: запрещать все то, что так или иначе связано с расизмом. Этот аргумент играл важную роль и на сессии ВАСХНИЛ 1948 года; менделизму-морганизму вменялось в вину именно то, что некоторые ученые «обосновывали» неодарвинизмом фашизм. На развитии биологии и агрономии это запрещение сказалось безусловно отрицательно, но запрет менделизма в учебных заведениях еще не снят именно по идеологическим основаниям. Но может быть, опасность от подобной литературы так велика, что лучше потерпеть деградацию науки, чем согласиться на свободу идеологически подозрительных учений? Я не буду здесь разбирать обоснованность политических обвинений., выдвинутых против менделизма: этот вопрос нас сейчас не может интересовать, хотя нетрудно показать, что это обвинение совершенно неосновательно. Согласимся на время, что менделизм и неодарвинизм связаны с расизмом, но поставим вопрос, действительно ли имеется такая связь между наличием расистской литературы и развитием расистских идей в обществе? Можно ли утверждать, что запрещение расистской литературы есть вернейшее средство предотвратить распространение расистских идей и мероприятий? Для проверки этого положения нам незачем ехать в Америку, можем оставаться в пределах нашей страны. Принимая во мнимание Ваш возраст и Ваш уровень культуры, можно бы было рассчитывать, что, помня историю нашей страны, Вы сами сумеете опровергнуть это положение. Но память Вам, видимо, изменила, я же на память пока не могу пожаловаться и потому напомню Вам кое-что из прошлого России.

10. Как Вам хорошо известно, царское правительство было определенно и откровенно антисемитским. Чтобы быть объективным, надо сказать, что расизм царского правительства был ясно выражен только в отношении евреев, напр., что касается кавказских народов и мусульман, — он был несравненно мягче, чем расизм, напр., английского правительства по отношению к народам Индии и других тогдашних колоний Англии.

Антисемитская литература в царской России пользовалась действительно неограниченной свободой. Целый ряд газет, в том числе такая распространенная и влиятельная, как «Новое время» (не говоря уже об «истинно русских» изданиях), постоянно распространяли яд антисемитской пропаганды. Были и «солидные» издания, напр., насколько мне помнится, пятитомный «труд» некоего Лютостанекого. Он не был лишен актуальности: издан он был во время русско-японской войны (когда, как известно, Англия считалась союзницей Японии), и для оживления патриотического духа доказывалось, что и японцы, и англичане по существу — евреи: они — потомки двух исчезнувших колен патриарха Иакова. И вот на фоне такой «идеологической подготовки» в 1913 году в Киеве возникло известное дело Бейлиса по обвинению в ритуальном убийстве мальчика Андрюши Ющинского. Министр юстиции Щегловитов постарался «организовать» дело как следует, и подбор присяжных был произведен, как можно было думать, со специальным уклоном: и в Киеве было нетрудно подобрать достаточное количество антисемитов среди темного тогда населения. Суд длился долго. Бешеная кампания антисемитских органов печати не могла, конечно, дойти до присяжных (присяжные в то время за весь период

процесса жили в строгой изоляции от внешнего мира и не читали газет), но на суде выступили «ученые» эксперты, доказывавшие существование ритуальных убийств у каких-то еврейских сект: один ксендз (фамилию его с уверенностью не помню) и, к великому стыду для русской науки, профессор судебной медицины Военно-медицинской академии в С.-Петербурге Косоротов. Цвет русской адвокатуры того времени, конечно, защищал Бейлиса. Это была настоящая идеологическая борьба, ведшаяся с полным напряжением и окончившаяся блистательной победой: присяжные вынесли оправдательный приговор. Хорошо помню и сейчас большую толпу на Невском у витрины «Вечернего времени», где вывешивались последние известия (радио тогда, конечно, не было): все с нетерпением ждали вестей из Киева.

Русский суд присяжных оправдал свое наименование «суда совести», и в этом отношении он оказался выше суда присяжных, напр., Франции: ведь французский суд присяжных признал виновным в клевете писателя Эмиля Золя за его знаменитое выступление по делу Дрейфуса.

С тех пор прошло сорок лет: свершилась Великая Революция, руководимая Лениным, именно он пламенно ненавидел малейшее проявление «истинно русского» национализма и обрушивался на своих ближайших сотрудников, если замечал у них малейшее проявление великорусского шовинизма. В записке «К вопросу о национальностях, или об „автономизации"» (декабрь 1922 года, опубликовано только в 1956 году) по поводу грузинского инцидента Ленин пишет (с. 23): «...я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого „социал-национализма". Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль. Я боюсь также, что тов. Дзержинский, который ездил на Кавказ расследовать дело о „преступлениях" этих „социал-националистов", отличился тут тоже только своим истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения), и что беспристрастие всей его комиссии достаточно характеризуется „рукоприкладством" Орджоникидзе».

А на с. 27 Ленин пишет: «Политически ответственными за всю эту поистине великонационалистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского».

11. Ленин нашел достаточно резкие слова для осуждения своих ближайших помощников, хотя там и речи не шло о клевете или фальсификации процесса, а просто дело шло об ущемлении прав закавказцев, в частности грузин, и виновными в этом ущемлении были в числе прочих два грузина: Сталин и Орджоникидзе. Что бы сказал Ленин, если бы он дожил до 1952—1953 гг., до дела «врачей-отравителей», оставившего совершенно в тени старое дело Бейлиса. Там было реальное преступление, убийство, и так как кто-то был убийцей, то возникновение обвинения не было абсурдом. Здесь и преступления не было, все дело было фальсифицировано. Там обвиняли одного темного еврея, здесь обвиняли весь коллектив, и в первую очередь цвет врачебной коллегии столицы нашей родины г. Москвы. Клевета была произнесена и на нацию, и на профессию и притом безапелляционно: все совершалось в полном мраке. И, как было изложено в докладе на XX съезде КПСС, Сталин лично давал указания о методах допросов «врачей-отравителей». И все это при наличии строгих законов, карающих расистскую пропаганду, при полном отсутствии какой-либо расистской печати, но и при отсутствии также свободной антирасистской печати. «Не крепости, а груди граждан должны быть надежной защитой страны», — говорили древние спартанцы. Не нелепая цензура и опека над читателями, а свобода печати — вот что должно быть надежной защитой от реакционной идеологии.

И мы знаем, что расистская практика Сталина касалась не только евреев. Совсем недавно исправлена «ошибка» Сталина по массовой депортации целых

национальностей: чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, причем, читая второе издание Большой Советской Энциклопедии, можно убедиться, что наряду с физической депортацией была произведена и депортация идеологическая: ингуши, калмыки вообще исчезли из энциклопедии, как будто их на Кавказе и вообще в природе и не было.

«Истинно русская» идеология проникла, как известно, и в историю. Хотя Петра Великого и чтили, но несколько шокировало его западничество. Зато совсем подняли истинно русских: Юрия Долгорукого (в свое время ненавидимого народом), Ивана Грозного, а косвенно даже Павла I. Ведь итальянские походы Суворова и Ушакова в наших кинофильмах прославлялись как «освободительные». Считалось, что наши войска боролись с французскими агрессорами: конечно, не упоминалось то, что следовало добавить: с тем, чтобы Северную Италию возвратить австрийцам, а южную — не менее ненавистным народу Бурбонам.

То, чего опасался Ленин, случилось — предательство идеи интернационализма, и не Вам, Илья Григорьевич, говорить, что для Вас это оказалось неожиданностью.

Вот что Вы писали в 1923 году («Хулио Хуренито», с. 99}: «...Израиль выносил нового младенца. Вы увидите еще его дикие глаза, рыжие волосики и крепкие, как сталь, ручки. Родив, он готов умереть. Героический жест — „нет больше народов, нет больше меня, но все — мы". О наивные, неисправимые сектанты. Вашего ребенка возьмут, намоют, приоденут, и будет он совсем, как Шмидт. Снова скажут „справедливость", но подменят его „целесообразностью". И снова уйдете Вы, чтобы ненавидеть и ждать, ломать стенку и стонать „доколе?". Отвечу — до дней безумия нашего и вашего, до дней младенчества, до далеких дней. И пока будет племя это обливаться кровью роженицы на площадях Европы, рожая еще одно дитя, которое его предаст. Но как не любить мне этого заступа в тысячелетней руке? Им роют могилы, но не мы ли

перекапываем поле? Прольется иудейская кровь, будут аплодировать приглашенные гости. Но по древним нашептываниям она горше отравит землю. Великое лекарство мира».

Ваше предвидение, к сожалению, сбылось.[4]

12. Но говорят, что, несмотря на свои ошибки, Сталин был великим марксистом, строителем социализма, продолжателем дела Ленина и что выбора у нас нет. Как пишет Митин, «в борьбе идеологий середины нет», сходное утверждаете и Вы (разд. 6): «Можно быть за социализм или против. Нет ни „третьей силы", ни третьего пути, ни третьей судьбы». Все ошибки Сталина входят в принудительный ассортимент социализма, и кто борется со сталинизмом, борется и с социализмом. «Нейтралитет некоторых государств при расколе мира на военные блоки может быть порой обоснованным. Но нет и не может быть нейтралитета умов, сердец, совести» (Ваш раздел 1).

Выходит все, кто не защищает Сталина и его наследство, кто даже просто нейтрален в борьбе со сталинским духом, — люди без ума, сердца и совести? А как быть с такими людьми, как Тито, Ганди, Неру? Не придется ли повторить сталинские характеристики этих деятелей в «Историческом материализме» 1954 года под редакцией Константинова о Тито и Ранковиче (с. 176): «Матерые предатели и провокаторы, платные агенты буржуазии» или характеристику Ганди (Больш. Сов. Энциклопедия, 1952, т. 10, с. 203}: «Когда движение начало перерастать в революцию, Ганди предал народ и помог империалистам подавить восстание»?

Это мнение, конечно, опирается на высказывание Сталина в политическом отчете ЦК XVI съезду в 1930 году: «Господа буржуа рассчитывают залить эти страны кровью и опереться на полицейские штыки, призвав на помощь людей вроде Ганди» (Соч., т. 12, с. 252).

Но тут уж действительно третьего нет: или признать, что эти характеристики справедливые и тогда относиться к Тито, Ганди и Неру хуже, чем к Даллесу

и Маккарти, или признать, что идеи этих деятелей — и есть то третье, что имеет полное право на существование.

Представление о двух лагерях, между которыми — пропасть, имело смысл в эпоху гражданской войны. Тогда мы действительно были окружены сплошной цепью вражеских государств, и многие наши нынешние друзья, как например Индия, находились под гнетом империализма. Одной из простительных иллюзий эпохи гражданской войны была уверенность в том, что мировая революция не за горами, а тогда ликвидируется и система двух лагерей. Мировая революция не произошла и в ближайшее время не предвидится; границы же между лагерями за этот период истории чрезвычайно менялись. Был период, когда нацистская Германия воевала с западным миром, а СССР заключал договор дружбы с Гитлером. Во вторую мировую войну в борьбе с фашизмом к нашему лагерю, как известно, принадлежали и Англия, и Франция, и Америка, и, как бы себя не держали западные державы, помощь они оказывали нам существенную, и борьба была доведена до такого победного конца, каких мало найдешь в истории.

Не будем вспоминать период 1945—1953 гг., многочисленные ошибки этого периода никем не отрицаются. А вот с 1953 года проводилась действительно новая, социалистическая, но не сталинистская политика, способствовавшая расширению зоны нейтральных государств — надежнейшего буфера против возникновения новой мировой войны. Возвращение к теории обязательности «двух лагерей» — это реакция, а не прогресс. Здесь — отказ от того, что было так хорошо сформулировано на XX съезде КПСС. Идти к социализму можно разными путями: незыблемыми являются лишь постулаты прогрессивного человечества — равноправие людей всех наций, ликвидация эксплуатации человека человеком, устранение резкого экономического неравенства, ликвидация нужды, подъем материального благополучия, прекращение войн как международных, так и гражданских, мощное свободное развитие всех отраслей духовной культуры, обеспечение свободы личности для всех, кто не мешает свободе других. Как много из этих незыблемых основ оказались «зыблемыми» за сталинский период нашей истории. Вместо этого часто за цель выдавалось то, что является лишь средством к осуществлению великой цели: обобществление орудий производства, диктатура пролетариата и т. д.

13. Своеобразие путей строительства социализма не означает, что мы должны сохранить и те черты, которые возникли в нашей истории не в силу особенностей нашей страны как таковой, а просто в силу того, что именно она открыла новую эру в истории человеческой. Но справедливо гордясь той ролью, которая наша страна под руководством великого Ленина сыграла в истории человечества, не следует делать вывода, что в дальнейшем мы должны руководствоваться только

незыблемыми принципами марксизма-ленинизма, не заимствуя много ценного и из идейного оружия других прогрессивных стран, и в первую очередь Индии. Синтез ленинизма и гандизма — вот задача ближайшего будущего. Конечно, при этом придется пересмотреть многие положения марксизм а-ленинизм а, а разве творческое развитие любой отрасли знания может обойтись без странной для многих ортодоксов «ревизии»? Да разве ленинизм не является творческим развитием марксизма с пересмотром, ревизией многих положений? Азбучной истиной является то, что Ленин отказался от положения Маркса и Энгельса о невозможности построения социализма в одной стране, и его противники упрекали его в «ревизии» марксизма. Теория революции Ленина существенно отлична от теории Маркса. По Марксу, «...ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производственные силы, для которых она дает достаточно простора...» Но русский капитализм только входил в силу после 1905 года и далеко не исчерпал своих возможностей. Ленинская же теория революции: не дожидаться, когда строй исчерпает себя, а использовать благоприятный момент для захвата власти классом, гегемоном нового строя.

201

Наконец, мы знаем, что аграрная реформа после Октябрьской революции была сделана по программе народников, а не социал-демократов.

Были ли эти нововведения Ленина отступлением от марксизма или творческим его развитием? Конечно, творческим развитием. В чем разница? А зададим себе вопрос: как отнесся бы Маркс к таким «искажениям» его учения? Думаю, что не ошибемся, если скажем: Маркс целиком бы их одобрил, так как Маркс был творческий ум, а не фанатический сектант. Во всяком движении он выделял и одобрял положительную сторону, а не придирался к тому, какими догматами руководствовалось движение. Мы знаем, как высоко оценили Маркс и Энгельс Парижскую коммуну, хотя коммуной руководили преимущественно прудонисты и бланкисты, а и с Прудоном, и с Бланки Маркс вел ожесточенную идеологическую войну. И если мы зададим себе вопрос, как отнеслись бы Маркс и Ленин к деятельности Сталина, то вряд ли ошибемся, если скажем: все то специфическое, что внес Сталин в течение своего длительного руководства, заслужило бы безусловное осуждение: порукой этому «Завещание» Ленина, в котором он предвидел все «ошибки» Сталина и заранее их осудил; именно потому «Завещание» и не публиковалось так долго.

14. Вы пишете (разд. 1): «Социализм не религия, он основан на разуме и на совести, на науке и на присущем человеку чувстве справедливости. Любовь к советскому обществу, к советской культуре не должна иметь ничего общего ни с догматом непогрешимости папы, ни с буквой канона». Так ли ясны эти положения?

Мы знаем, что такой выдающийся деятель советской культуры, как Луначарский, в свое время сказал, что социализм есть новая религия^. Это, правда, было осуждено Лениным, но разногласие происходило от различного понимания слова религия. Луначарский понимал под словом религия в первую очередь напряженное искание истины. Так понимает религию великий Махатма Ганди (см.: Джавахарлал Неру, Открытие Индии. М., 1956, с. 46): «Если бы меня попросили определить индусское вероисповедание, я сказал бы просто: поиски истины ненасильственными средствами. Человек может не верить в бога и все же называть себя индусом. Индуизм — это неустанная погоня за истиной... Индуизм есть религия истины... Отрицание бога нам ведомо. Отрицание истины нам не ведомо». Не скрою, что, прочтя эти строки, я почувствовал себя индусом.

Ленин же понимал слово религия в обычном смысле, как совокупность окостенелых догматов, не допускавших ни малейшей критики.[5] Во времена Ленина роль Ганди была недостаточно ясна. Его можно было счесть за наивного мечтателя, подобного Льву Толстому, которому он был близок своей идеей непротивления: этот мечтатель мог даже оказаться вредным, так как он своей пропагандой мог ослабить сопротивление индийского народа. Но случилось нечто прямо противоположное. По свидетельству того же Неру, Ганди всколыхнул все мышление индийского народа, и тот самый народ, который столетиями подчинялся игу иностранных завоевателей, который в глазах завоевателей казался образцом трусости и малодушия, в кратчайший срок и с минимальным кровопролитием не только добыл свободу, но и занял почетное место в ряду культурных народов, не имея сколько-нибудь значительного вооружения. Думаю поэтому, что сейчас игнорирование индийской идеологии и нецелесообразно, и является проявлением неуважения к великому народу, так великолепно начавшему период своего ренессанса.

А если мы посмотрим, к чему пришло идеологическое руководство за сталинский период, то убедимся, что здесь социалистическая идеология оказалась собранием догматов, предлагаемых руководством к безусловному исполнению, т. е. свелась к религии в ленинском понимании, а религия в этом понимании, конечно, неприемлема для каждого свободомыслящего человека. Отличие от религии было только в том, что в обычных религиях догматизм устанавливался

202

прочно, а в сталинский период догматы менялись по произволу Сталина, но всякий раз все советские люди должны были с полной убежденностью поддерживать новое толкование. Разум, совесть, наука и справедливость во всем этом большой роли не играли, а в ряде случаев (в особенности в 1948 году) и вовсе отсутствовали.

Ревизия этого наследства совершенно обязательна. Пока не произошло этой ревизии, вполне возможно повторение ошибок, осужденных XX съездом КПСС.

15. Вы полагаете (.разд. 5), что «самое трудное позади: создано общество, которое должно оправдать надежды передового человечества». В известном смысле Вы правы: одержаны блистательные победы, преодолены технические трудности построения социализма. Трудности этого рода в основном позади. Но опасность окостенения идеологии — новая опасность, и здесь самые большие трудности — впереди. Система партийного руководства всей жизнью и культурой требует основательной реформы. Я ограничусь областью науки. Следует полностью отказаться от той мысли, что по конкретным научным вопросам ЦК может выносить «установочное» решение. Роль партии должна сводиться к трем пунктам: 1) ставить перед учеными определенные задачи и поручать их исполнение определенным лицам, имеющим крупный научный авторитет; 2) давать средства и требовать отчета в израсходовании; 3) организовать контроль за целесообразностью расходования средств. Последнее может быть осуществлено только путем съездов, печатания работ, широкой гласности, свободы критики и т. д. Сейчас же контроль осуществляется преимущественно путем различных обследовательских комиссий, которые больше всего заботятся о том, как бы не влезла какая-то вредная идеология. Бумага для печатания научных работ отпускается в очень ограниченном размере, и только недавно ввели правило, что основное содержание всех диссертаций должно быть напечатано- По сравнению с художественной научная литература находится на голодном пайке. Вам не нравится (Ваш раздел 5) то, что «сомнительную книгу издают маленьким тиражом». К Вашему сведению могу'сообщить, что сколько-нибудь сомнительную научную книгу (и даже не вызывающую сомнения, но сомнительного автора) вовсе не издают. Научные работники были бы наверху блаженства, если бы «сомнительные» книги издавались малыми тиражами, так как научные работники, если они достойны этого названия, в гонораре не заинтересованы. Да кроме того, подавляющее большинство научных книг издается малыми тиражами и стараются урезать каждую страницу; в большинстве научных журналов не принимают, как правило, статей объемом больше печатного листа.

16. Позволю себе резюмировать о советской культуре. Верно, в ней есть такие отрасли, рост которых вызывает надежду одних, ярость других (Ваши слова, разд. 6), но есть и такие, которые вызывают печаль наших искренних друзей, смех и злорадство у врагов. Замазывать это положение вряд ли патриотично.

Ваши слова обращены к двум различным адресатам: к советским читателям и к интеллигенции Запада (Ваш разд. 6). Я, естественно, говорил с точки зрения советского человека. Но мне думается, мне удалось показать, что Ваша статья страдает большими дефектами и с точки зрения западноевропейского интеллигента, и, что, может быть, еще важнее, с точки зрения азиатского, в первую очередь индийского интеллигента. Думаю, что экспортная ее ценность невелика и не может служить поднятию престижа ни советской культуры, ни Вашего лично. Конечно, среди западноевропейских писателей найдутся легковерные люди, которые Вам поверят и не заметят противоречий и неувязок в Вашей статье, напр. Луи Арагон. О легкомыслии этого писателя я сужу по его выступлениям в защиту Лысенко и сессии ВАСХНИЛ в журнале «Europa» (Numero special, 33 34, Octobrc 1948) - - такая «развесистая клюква», которой позавидует и сам Дюма (кажется, ему принадлежит это блестящее открытие). Писателям такого уровня культуры Ваше письмо, конечно, может импонировать,

203

но Вы немного забываете, несмотря на Ваше хорошее знакомство с Западом, что только у нас писатели находятся на положении «инженеров человеческих душ» или, правильнее сказать, «блюстителей душ». У нас критика со стороны таких «писателей», как Г. Фиш, попадает в печать,

позиция же настоящих ученых, не только биологов, но и представителей точных наук, по отношению к таким лицам единодушна.

Я привел Ваши слова «мы ни на шаг не отступим» в начале письма. От чего не желаете отступить Вы — неясно. Для меня же ясно: долг старых ученых и представителей старой интеллигенции — ни на шаг не отступать в деле защиты свободы мысли. Свобода мысли — ценнейшее достижение человечества, и без нее нельзя построить настоящего полного социализма. Сознание этого долга и заставило меня написать Вам это письмо. Я не сомневаюсь, что во многом Вы со мной согласитесь, но, возможно, Вы скажете, что Вы не можете высказать все, что думаете, на страницах печати. Тогда молчите, но не выступайте в защиту безнадежного дела.

Мое письмо не является секретным. Можете его показывать кому угодно и с какой угодно целью. Я протестовать не буду.

Я не знаю, какую реакцию вызовет у Вас это письмо. Может быть, Вы его бросите в корзину, может быть, просто не ответите, как не ответил в 1955 году Корнейчук на аналогичное письмо, а может быть, Вы найдете возможность уделить мне время для личных переговоров. Этот последний исход был бы для меня наиболее желательным.

С совершенным уважением

А. Любищев

Письмо И. Г. Эренбурга, 22.06 1957 г.

Уважаемый Александр Александрович!

Я получил Ваше письмо. Оно написано с запальчивостью, и Вы настолько произвольно толкуете мои мысли и объясняете мое поведение, что я мог бы на него не ответить. Но я не хочу, чтобы мое молчание Вы истолковали превратно.

Вы правы, когда осуждаете некоторых литераторов, которые явно некомпетентно выступали по вопросам биологии. Из Вашего письма явствует, что Вы достаточно осведомлены в этом вопросе и мысли Ваши ясны. Однако Вы, по-моему, чересчур настойчиво предлагаете Ваши суждения по вопросам литературы считать бесспорными. Вам, например, нравится чревычайно Фейхтвангер, а я его считаю второстепенным, умелым, но поверхностным писателем, иногда («Гойя») способным на вульгарность и пошлость. Очевидно, мы можем об этом спорить," но ни у Вас, ни у меня нет прав возводить наши суждения в догму, хотя, добавлю, мне кажется, что в литературе я разбираюсь так же, как Вы в биологии.

Споря со мной, Вы прибегаете к методам наших критиков. Вы, например, хотите опровергнуть, что многие хорошие книги были написаны после 193.4 года. Отвечу:

А. Н. Толстой крупный писатель, «Петра Первого» он написал — часть первую в 1930, вторую в 1934, третью в 1944 г.

«Мария» Бабеля и лучшие его рассказы написаны в 1934—1937 гг. «Пушкина» Тынянов писал с 1936 по 1940 г.

Если Вы не знаете книг Паустовского или Федина, то лучше их почитать, чем рассуждать о них, не зная.

Теперь одно общее замечание: статья моя, которая вывела Вас из душевного равновесия, написана не для бахвальства, а против бахвальства, за творчество, против догм и окриков.

Возвращаю Вам Ваши рукописи, желаю сил и здоровья.

И. Эренбург Из письма П. Г. Светлова, 17.07 1957 г. (Усть-Нарва).

...Я с большим интересом, а порою и с волнением прочитал оставленные тобой рукописи (ответ Эренбургу, «О философах из „Лит. газеты"» и ответ в редакцию «Бот, журнала»). Наиболее яркая вещь — ответ Эренбургу. Я с большим удовлетворением читал страницы, из коих явствует, что «скромный провинциальный профессор», приятелем которого я имею честь состоять, может дать много очков вперед в состязании с «крупнейшим советским писателем» как в философской и литературной эрудиции, так и в широте и глубине концепции. Чудно о введении единомыслия в России, о деле Бейлиса (блестящая аргументация бессмыслицы запрета идеологически «вредной» литературы и др.).

Но о современном всемирном «безвременье» в области искусства большого плана и высокого

стиля я, пожалуй, больше согласен с Эренбургом, чем с тобой. Есть в истории эпохи подъема и эпохи упадка искусства; то и другое разной длительности, разной глубины и разной ширины территориального охвата. Фейхтвангер — хороший писатель, но это не та ласточка, появление которой может означать весну (кстати, меня очень заинтересовал твой отзыв о романе

«Нарренвейсхейт», надо будет прочесть; я читал «Семью Оппенгейм», «Еврей Зюсс» и «Иудейскую войну»). Но это суждение не относится к основному ходу твоей мысли, т. е. к анализу патологических явлений в нашей литературе, результаты которого не вызывают сомнения. Вообразить себе только, что Фейхтвангер был бы нашим согражданином!. .

Очень досадно, что твои трактаты не печатаются, особенно когда сравниваешь их с содержимым свежих журналов. В частности, дискуссия по эволюционным вопросам, включая статью Тахтаджяна, производит на меня унылое впечатление. Я пропагандирую твои работы. В частности, сейчас я давал их читать художнику-графику. Он никогда не соприкасался с биологией, но читал с увлечением твои работы, просил меня ознакомить и с другими рукописями. Говорит: «Это все раскрывает мне глаза».

Из письма Н. Я. Мандельштам О. П. Орлицкой, март 1957 г. (Чебоксары).

.. .Прочла Ваше послание об Илье Григорьевиче. Его целеустремленность мне не очень ясна. Илья дипломат особого вида культуры. Он вербовщик западной интеллигенции в ряды наших друзей. Для нас его статья «Необходимое объяснение» мало нужна — это другие вопросы. Но те вопросы, которые выдвигаете Вы, тоже не ответ для тех, кто знает^судьбу литературы. В конце Вы даже упрекаете Илью, что он не дает рецепта, как писать (прямых указаний). А зачем нужен такой рецепт? Ведь администрирование, прости Господи, осуждено.

Мне лично неловко другое: Илья Гр. пишет, что чему-то (все равно, чему) «порукой душа нашего народа». Можно ли говорить так писателю? Не должен ли он быть скромнее?

...Единственно, что для нас — это вопрос о том, что к людям обращаются, как к детям.

Кстати, Илья Гр. дал глубокую и весьма дипломатическую формулу, которая может принести пользу, — социалистический реализм — мировоззрение, а не метод искусства.

А я ничего не могу сказать о литературе. Как женщина, жившая с поэтом, я считаю правду критерием искусства. А вот А. Толстой — всегда ли это была правда и не относительно ли у него само понятие правды? Это основное, что заставляет меня молчать о литературе. Но есть и другие вещи. Русская проза всегда претендовала на роль воспитателя. Пушкин (поэзия) безусловно воспитывает — но никогда не думал об этом (поэт). А прозаики — Толстой, Достоевский, Тургенев и все, все, все — воспитывали сознательно. Каждый при этом тянет в свою сторону. Выходит, если посмотреть на всех вместе — какие-то лже-пророки. А вместе с тем многие из них нам дороги — они живут с нами... Как с этим быть? С «воспитывающей» функцией? А Вы считаете ее само собой разумеющейся. Между тем это не так просто.

Воспитывает ли наука? По-моему, да, но именно там, где она не ставит себе этой цели. Она воспитывает, втягивая в созидательную работу и в постижение законов природы. Этим она изменяет человека. Что-то подобное есть и в литературе. А направленное на прямое воспитание иногда достигает величия, как Толстой и Достоевский (почему?), иногда деморализует (почему?). Как отличить в литературе плохое от хорошего? Не знаю, но отличаю плохое от хорошего и поэтому не знаю, что говорить. Предлагаю только предоставить право голоса говорящим.

Не сердитесь на мой ответ, В том, что Вы и А. А. говорите о литературе, есть глубокий разрыв с тем, что вижу я. Мне кажется, что вы оба подходите к этому явлению с точки зрения 50-х годов и «Литературной газеты». А если вдуматься, то это гораздо сложнее...»

Из письма О. П. Орлицкой Н. Я- Мандельштам 12.03 1957 г. (Ульяновск).

...Что касается Вашего мнения об И. Г., то друзья западной интеллигенции могут быть и есть у нас и без его вербовки, для дружбы не нужна агитация, нужны дела. Но раз он свою статью публикует в «Лит. газете», то, значит, ее прочтем в первую очередь мы, советские читатели, и с нами он тоже должен считаться. Вы пишете, что те вопросы, которые выдвигаю я, тоже не для тех, кто знает судьбу литературы. Судьба литературы, мне кажется, известна не только тем, кто близко стоит к литературным кругам, но и тем, кто следит за тем, что выходило, выходит и намечается к изданию. И никто из нас, стоящих далеко от высоких лит. кругов, не просит Эренбурга дать рецепт, как писать. Все мы знаем, что ни Толстому, ни другим нашим классикам никто этого рецепта не давал, и, однако, они писали, да еще как писали. Неужели Вы не поняли иронии в моем письме! Все мыслящие хоть немного люди — против схем и рецептов, а тем паче администрирования в вопросах литературы, но если я для примера и привела некоторые темы, то только потому, что писателю, да еще советскому, без современной тематики не обойтись, если только он не возьмет историческую тему: да и то, возьмите Фейхтвангера, который любит обращаться к истории, но у него всегда далекое прошлое невольно вызывает ряд аналогий с событиями нашей эпохи.

Я вполне согласна с Вами, что критерием искусства надо считать правду, но Вы также правы в том, что и у великих писателей относительно понятие правды.

О воспитательной функции литературы. Вы говорите, что я ее считаю само собой разумеющейся. Совсем нет! Но я хочу, чтобы литературное произведение заставляло меня задумываться, чтобы оно пробуждало во мне какие-то мысли, но вовсе не хочу, чтобы навязчиво меня воспитывало. Я хочу от литературного произведен«я, чтобы оно отражало жизнь, жизнь не выдуманную, а настоящую, но вовсе не хочу, чтобы в каждом литературном произведении были обязательно положительные и отрицательные типы и положительные воспитывали отрицательных...

205

Из письма Н. Я. Мандельштам О. П. Орлицкой, июль 1957 г.

...У нас абсолютно полярное отношение к литературе. Если бы А. А. не писал о литературе — все было бы очень просто. Но именно это (а он отнюдь не говорит в письме к Ил. Гр. о литературе, трактующей вопросы науки, а высказывает совершенно безапелляционные взгляды на литературу как таковую) и делает невозможным мое вмешательство в это дело (речь шла о передаче письма А. А. Эренбургу. *—Ред.).*

А. А. считает, что с помощью рационалистических построений он может разобраться в любом общественном явлении, в частности в литературе (ведь читать-то он умеет!). Если сравнить математику, биологию, литературу, то самой беззащитной от суда людей окажется литература, затем биология. Затем математика. Она-то защищена! Незащищенность биологии А. А. понимает. А он в литературе действует, как множество добродушных и умных людей, которые очень добродушно помогают. Мы дошли до любимого писателя А. А. — Фейхтвангера. Как это ни смешно, но тут образуется ров, который перейти очень трудно. «Я здесь стою— я не могу иначе...»

Вспомните, что я верю А. А., когда он объясняет, что дуб не может стать ольхой. Чтобы перейти этот ров, вероятно, и Вам надо поверить, тем более что я не уговариваю А. А. отречься от Фейхтвангера, — но сама я не могу назвать А. А. чудаком и не могу солидаризироваться с его литературными суждениями, мирно передавая его письмо. Кстати, разговор возник бы немедленно. Что могла бы я сказать? Штамп: обывательские вкусы? либерализм девяностых годов? непонимание задач литературы? Все это бросает,, кстати, тень на научные воззрения - для человека, жившего интересами искусства и литературы. Особенность старого воспитания (интеллигенция—старая) и т. п. — это исторический экскурс, к которому прибегать я бы не хотела, но причина этого раздвоения мне ясна: как современный человек в одной области отстает в другой, и что из этого выходит... Может быть, выберем судью в нашем споре — Беклемишева, по каким-то Вашим словам я поняла, что он поймет... Эренбурга я не берегу от меня он часто слышит горькие вещи. Но не эти. И главное — не считаю А. А. чудаком...

Из письма А. А. Лвдбищева Н. Я. Мандельштам, 7.07 1957 г.

...Вас смущает необходимость при передаче письма назвать меня чудаком. Позвольте мне напомнить один исторический анекдот. Знаменитый Р. Бэкон был, как известно, не только философом, но и канцлером и взяточником. Кто-то по какому-то поводу хотел дать ему крупную взятку и сказал: «Возьмите тысячу фунтов (точно цифры не помню) и об этом никто не узнает». Бэкон ответил: «Дайте две и говорите кому угодно». Так и с Вами. Вы говорите: «Я не могу передать письма, так как должна при этом назвать Вас чудаком (по совету О. П. на мое нежелание с Вами солидаризироваться)». Я Вам отвечаю: «Во всех подобных случаях можете называть меня дураком, чудаком, сумасшедшим и еще как угодно, только передайте письмо. . ,»

Из письма Н.'Я. Мандельштам О. П. Орлицкой, июль 1957 г.

...Письмо Эренбургу передано механически, но не по почте. Чудаком А. А. я не назвала и называть не собираюсь.

Мои слова, что литературная концепция А. А. бросает на него тень как на ученого, относятся к тем, кто А. А. не знает. В данном случае к Эренбургу. Так что Вы напрасно сердитесь и язвите меня. Для меня ясно, что это отношение к литературе выработано в какие-то годы, характерно для него и его свойств. Мне оно не портит А. А., но мне жаль, что другие будут по нему судить...

Из письма П. Г. Светлова А. А. Любищеву, 18.03 1957 г. (Усть-Нарва).

...Отвечаю прежде всего на твой вопрос о письме Эренбурга. Он, конечно, рассердился, но твое письмо явно произвело на него впечатление, и в этом смысле оно достигло цели. Однако ответ его в общем отнюдь не эмоциональный: письмо продумано, и цель ответа совершенно ясна.

Оно состоит вовсе не в том, чтобы высказаться по существу поднятых вопросов, а в том, чтобы только «отписаться», преимуществен но затем, чтобы прекратить всю дальнейшую полемику, а вместе с тем и избежать каких-либо нареканий. Поэтому рассматривать эта письмо всерьез не имеет никакого смысла, а тем более всерьез писать на него ответ. Во всяком случае я ничего бы не стал отвечать на такое письмо., и отнюдь не из-за обиды или гонора. Ведь это не письмо, а некий заслон от возможных сношений с тобой. И сердиться на него за это не приходится, так как в наше трудное время невозможно требовать от крупного писателя откровенной беседы с незнакомым человеком на любые темы. Поэтому «продумывание первой фразы» письма мне представляется излишним. Огульное обвинение в произвольном толковании мыслей и поведения без обоснования этого обвинения ответа не требует. А что имеется по этим вопросам в глубине души автора — остается неизвестным. Остальные высказывания в ответе на твое письмо не особенно содержательны и касаются второстепенных моментов (скорее всего, это сделано намеренно)...

Из письма Е. А. Равдель А. А. Любищеву, 10.08 1957 г. (Алушта).

...Мне очень неприятно было от ответа Эренбурга. Батенька, милый, не хотят они с тобою пререкаться; **для** них существует уже правильная «линия жизни», солидность и благонамеренность. Их раздражает вторжение в их дела. Они забыли, что тот, кто пишет для общества, должен быть ío юн к реакции этою обшесгва. Для них оно безлико. Или же они ι. *л* ми знают, что врут и лицемерят. Но не думают об этом.

206

А частная дискуссия с тобою ведь и чревата опасностями, особенно если вдруг что-то случится неожиданное. Наверно, есть у Эренбурга старые друзья, с которыми он откровенен. Новые знакомые — обременительны. А интереса, живого интереса к обмену мнениями — у него нет. Ведь не у всех же, батенька, остались «души высокие порывы»! Не кажется ли тебе, что они все от тебя «отмахиваются» довольно однообразно. Ответил ли тебе вторично В. Овечкин?. .

Кстати о Фейхтвангере. До войны я читала его «Семью Оппенгейм» и тоже.считала его не писателем, а так — едва журналистом. Но «Гойя» и особенно «Мудрость чудака» совсем иначе меня настроили. Я восхищена Фейхтвангером. Но сейчас пытаться как-то воздействовать на нашу литературу — бессмысленно. Вот вчера я прочла в «Лит. газете» опять о «позиции партийной принципиальности», о журнале «Москва». Где уж тут! Декларируют об отказе от лакировки, а требуют «утверждающих» произведений. Писателям сейчас только-только друг от друга да от казенных дубинок отлаяться и места бы сохранить —- не до того им, чтобы рассуждать с посторонними (да еще в письменном виде)...

Из письма Н. Я. Мандельштам А. А. Любищеву, 10.10 1957 г. (Чебоксары).

...Основное, в чем мы с Вами расходимся, это вопрос о роли того, кто передает письмо. Я считаю, что в самом акте передачи есть момент солидаризации, если тот, кто передает, не простой посыльный. Это никакого отношения не имеет к науке, к уважению чужих взглядов в науке и т. п... Письмо Илье Гр. я передала'как посыльный: позвонила секретарше, сказала, что получила на имя И. Г. письмо от... и переслала его ему через Варюпжу.

О формализме. Я не понимаю, что это. Ося всегда говорил: «Мы — смысловики». Слово это пущено Шкловским, который разбирал литературные приемы — механизм сюжета, или фабулы, — и стало бранным. А как брань оно применяется к самым различным явлениям. Кстати, разбор «формалистический» Шкловского ни в какой степени не охватывает явления в целом или его существа и поэтому меня не удовлетворяет. Пример — книга Шкловского о Достоевском. Она не лишена интереса, но если бы Достоевский укладывался в эти рамки, он не был бы самим собой. То, что нас ошеломляет в этом несравненном, неповторимом и диком писателе, остается за бортом. А в разбор попадают мелочи, которые можно обнаружить у любого автора хорошего детектива.

Что такое «искусство для искусства», я тоже не знаю. Быть может, когда время длится медленно и эпоха провинциально устойчива и лишена событий, люди уходят в сторону и выдумывают «чистое» искусство. Но это не гении эпохи, а что-то побочное.

По-моему, искусство — это наиболее сильный способ познания жизни и времени. Именно потому я называю его «пророческим» явлением, что, впиваясь в жизнь глубже, чем все другое, и познавая и отображая время, оно отражает свою эпоху в ее динамике, и, следовательно, предвидит дальнейшее движение, и видит будущее. Помните, Достоевский назвал Пушкина «пророческим» явлением. В этой направленности в будущее и заключается, по-моему, секрет долговечности искусства, которое не что иное, как познание сущности текущего. Кстати, все это не имеет отношения к теории прогресса, как мы понимали ее в детстве.

О понимании искусства российскими интеллигентами нашего поколения.· Оно было очень раздробленным, и, может, в этом была драма нашей культуры. Рационалистическое понимание, шедшее от вульгарной теории прогресса, игнорировало сущность искусства; символисты провели огромную пропагандистскую работу, разъясняющую какие-то глубинные стороны искусства, внедряя отдельные его стороны в сознание интеллигентов, но они игнорировали его общественную сторону. К 20-м годам потомки или ученики тех и других столкнулись лбами, и случилось то, что бывает, когда дерутся изюбри.

В Вашем понимании искусства Вы принадлежите к потомкам рационалистов, до которых дошли всплески символической пропаганды. Вы — по своей широте – готовы их принять. Органическое понимание этого явления — не синтез этих двух взглядов, а тем более не их скрещение. Оно лежит вне обоих. Но, вероятно, кое-какая учеба у символистов нужна. Но я предпочитаю первоисточники — Гете, Пушкина, Данте.

Люди действительно клали свою жизнь не за отдельного человека в науке или искусстве, а за явление, или, как Вы говорите, «принцип». Этот принцип, может, воплощался в человеке; с этой точки зрения я могла Вас спросить о Фейхтвангере. Судьба этого писателя сложилась в общем довольно сносно, но еще не определяет его искусства. То же самое могло быть с любым журналистом...

2.5. Письма В. В. Овечкину

Письмо от 29.04 1957 г. (Ленинград).

Глубокоуважаемый Валентин Владимирович!

Мне переслали сюда копию Вашего письма.[1] Я очень благодарен Вам за ответ и за чрезмерно высокую оценку моего письма в «Литературную газету» («Философы из „Литературной газеты"»), так как, конечно, мое письмо — произведение публицистическое, а никак не серьезный научный труд. Что же касается Ваших замечаний по поводу Лысенко, где Вы (мне бросаете ряд

серьезных обвинений: бездоказательная брань, грубая передержка, нечестный прием борьбы с противником, то тут дело, очевидно, в совершенном недоразумении. Прочтя снова свое письмо, я убедился, что моей ошибкой было не сообщить Вам, что мной написано около 500 страниц с критикой Лысенко, что все эти материалы были направлены в ЦК КПСС, что я имел ряд разговоров в Отделах науки, сельского хозяйства РСФСР и никто из собеседников не обвинил меня в том, в чем обвиняете меня Вы. В моем же письме в «Литературную газету», действительно, все казалось если не вполне голословным, то чрезвычайно мало обоснованным, так как центр тяжести письма был направлен против философов, а не против Лысенко.

Я сейчас нахожусь в Ленинграде и лишен возможности по недостатку времени и нужных материалов подробно Вам ответить, скажу только несколько слов по поводу того вопроса, который Вы считаете окончательно решенным: органо-минеральные смеси. Если бы я один был противником этих смесей, Ваше негодование было бы вполне понятно. Но помимо подавляющего большинства советских ученых критически относятся к этим смесям и наши китайские друзья. Прочтите в журнале «Удобрение и урожай» № 1 за этот год сообщение о совещании в Пекине китайских специалистов сельского хозяйства: что же, их критика тоже вызвана «ненавистью» к Лысенко? В том же номере есть статья советских авторов, критикующая органо-минеральные смеси на основе экспериментальных данных, и, наконец, в передовой статье рекомендуются обычные нормы навозных удобрений без всякого упоминания о сниженных нормах Лысенко. Как же примирить все это с мнением Н. С. Хрущева (которое, Вы, очевидно, безусловно разделяете), что люди, оспаривающие ценность органо-минеральных смесей, подобны человеку, выдавшему женщине, родившей ребенка, свидетельство, что она девица?

Ответить на этот вопрос в двух словах невозможно и, возможно, бесцельно, если Вы считаете все высказывания руководящих работников и ЦК КПСС даже по научным вопросам — окончательной и последней истиной в конечной инстанции, не подлежащей никакой критике. Но, будучи глубоко убежденным, что Вы искренне стремитесь к подъему сельского хозяйства нашей республики и готовы поэтому получить некоторые указания о сущности научного метода от старого профессора, проработавшего много на этом поприще, я готов подробно осветить этот вопрос, с которым я ознакомился чрезвычайно тщательно, и послать Вам также мои материалы по критике практических предложений Лысенко, Мичурина и Вильямса после моего возвращения в Ульяновск, что будет примерно в середине июня. Я поэтому и ожидаю от Вас очень краткого сообщения Вашего пожелания примерно в двух вариантах: «Дальнейшую переписку считаю

бесполезной» или «Присылайте Ваши соображения и материалы». Я буду очень рад, если получу письмо второго сорта,и *абсолютно убежден,* что, когда Вы познакомитесь с моими материалами, Вам нечего будет возразить и Вы поймете, почему я имею право (и не только я, но и обширная плеяда ученых самых разнообразных специальностей, от математиков до экономистов) ненавидеть Лысенко со всей страстностью человека, жизнь которого была в первую очередь посвящена науке, патриота и социалиста (но не сталинца).

С совершенным уважением

А. Любищев

Письмо от 29.07 1957 г. (Ульяновск).

Глубокоуважаемый Валентин Владимирович!

Я не получил ответа на мое письмо от 29 апреля с. г. ни по одному из предложенных мною вариантов: «Дальнейшую переписку считаю бесполезной», «Присылайте Ваши материалы».

Я не думаю, что Вы выбрали третий вариант, обычный для наших литера-

турных «олимпийцев»: отмолчаться от докучливого корреспондента. Не думаю потому, что на мое первое письмо Вы все-таки ответили и, следовательно, этой тактики «олимпийцев» не придерживаетесь. Если я, не дожидаясь Вашего ответа, решаюсь вновь напомнить Вам о своем существовании, то это происходит потому, что в бытность мою в Ленинграде и Москве мне удалось раздобыть кое-какие материалы, которые, может быть, будут Вам интересны. Ваше главное возражение против меня было то, что я отрицаю даже такое «очевидное» достижение Лысенко, как органо-минеральные смеси. Я хотел Вам ответить подробно на этот вопрос. Сейчас я ограничиваюсь тем, что посылаю Вам копию блестящего выступления проф. Соколова в ВАСХНИЛе в присутствии самого Лысенко. Это выступление, конечно, нигде не напечатано, но ходит в многочисленных списках по рукам; до писателей оно, вероятно, не доходит.[2] Выступление Соколова ярче, короче и доступнее того, что я написал бы Вам по этому вопросу. Посылаю Вам также копию перевода статьи известного французского ученого М. Пренана (коммунист, видный деятель Движения Сопротивления) для оценки «теоретических» воззрений Лысенко. Я думаю, что эти две статьи покажут Вам, что ни о какой «бездоказательной» критике Лысенко и речи быть не может. Лысенковщина — это не цветок науки, имеющий право на существование наряду с другими цветами: это подлинная распутинщи-на в науке. Кстати сказать, весьма резкие выражения по отношению к Лысенко применял покойный академик Прянишников еще в начале сороковых годов: он говорил, что ВАСХНИЛ — это не академия, а застенок, и говорил это на официальном совещании в Кремле под председательством А. А. Андреева. Об этом мне говорили два абсолютно надежных свидетеля. А сейчас уже Прянишникова Хрущев рекомендует читать всем агрономам (см. выступление в Ленинграде).

Перейдем теперь к следующему пункту Вашего письма: «А валить на Лысенко всю ответственность за урожай, совершенно сбрасывая со счетов *организационную сторону дела,* за которую наука ни в какой мере не несет ответа, — просто грубая передержка, нечестный метод борьбы с противником, подножка».

Эта фраза затрагивает большой вопрос об *ответственности ученого,* Ответствен ли ученый за свои работы или нет? Конечно, ответствен, но при определенных условиях и в разной степени. Всякое новое практическое предложение сопряжено с определенным риском и часто с риском для человеческих жизней. Мы знаем, что в первый период оспопрививания были случаи смерти после прививки против оспы. Когда Эрлих предложил свой сальварсан, он дал точную инструкцию, но нередко даже при слабых отклонениях от инструкции получались смертельные случаи. Знаем, наконец, что одна из благороднейших личностей в деле организации санитарного обслуживания человечества, англичанка Флоренс Найтингель, своим распоряжением (открытие окон на ночь в госпиталях в Индии) привела к резкой вспышке малярии.

Обсуждались ли все эти ошибки? Конечно, обсуждались. Были горячие споры, много несправедливых высказываний в отношении пионеров медицины, но в конечном счете путем усовершенствования методики борьбы достигнуты огромные успехи в деле борьбы с оспой, сифилисом и малярией. Но определенный урок медицина из этих ошибок извлекла: надо быть осторожным при слишком быстрых рекомендациях, иначе вместо пользы можно получить вред. Чрезмерная осторожность тоже вредна, конечно, так как от того, что мы слишком долго испытываем какое-либо ценное лекарство, страдают те лица, которые могли бы быть излечены новым средством.

Выход из положения: усовершенствование методики исследования, широкое проникновение математической статистики в медицину; в Англии и Америке это дело продвинулось достаточно далеко, мы, конечно, очень отстали.

209

Если предложения ученого привели к убыткам или даже потере человеческих жизней, то он может быть оправдан в том случае, если: 1) он сделал продуманное предложение с использованием всех достижений науки; но предвидеть всего невозможно, и вот такие непредвиденные обстоятельства и могут привести к нежелательным последствиям без всякой вины ученого; 2) если он не зажимал критики и не использовал в борьбе с противниками содействия лиц или учреждений, обладающих большой властью, но малой компетентностью в науке; 3) если он контролировал сам себя и следил за успешностью рекомендованного им мероприятия; 4) наконец, честно признался в ошибке, если таковая оказалась.

Само собой разумеется, что выполнение перечисленных условий освобождает ученого от ответственности уголовной, но не освобождает от моральной ответственности, и ученый за всю свою деятельность в целом только тогда может быть оправдан, когда результат его положительных предложений превышает результат отрицательных. Ни один из выдающихся деятелей медицины (назовем Дженнера, Вирхова, Коха, Эрлиха и даже величайшего из всех них — Пастера) не был свободен от ошибок и даже несправедливостей: все они были люди и, как правило, страстные борцы, но причиненное ими зло настолько ничтожно по сравнению с тем добром, которое они принесли, что может быть названо незаметным пятном на солнце науки.

И вот, если мы посмотрим на нашу недавнюю агрономическую деятельность, то таким подлинным солнцем нашей агрономической науки был незабвенный Н. И. Вавилов, которого даже его друзья недооценивали при его жизни. И у него, конечно, были ошибки, в значительной степени вытекавшие из его исключительно благожелательного характера. Такими ошибками — сейчас это можно определенно утверждать — были чрезмерно высокие оценки Мичурина и Лысенко; можно сказать, что подлинно Н. И. Вавилов пригрел змею на груди.

Н. И. Вавилов действовал только как ученый и организатор и не применял (и не стремился применять) чисто административного продвижения рекомендованных им мероприятий. Но не только он, конечно, лично, но привлечением большого количества талантливых самоотверженных сотрудников чрезвычайно способствовал поднятию опытного дела, семенного дела, и в результате за период его деятельности во главе нашей сельскохозяйственной науки (до 1938 года) средняя урожайность зерновых поднялась примерно с 8 до 10 центнеров, равняясь средней урожайности для всего мира. Если даже считать, что это слишком слабая прибавка (25 %), то ведь в то время, действительно, были огромные организационные трудности: произошел болезненнейший процесс коллективизации, кадры интеллигенции по сравнению с современностью были очень слабы, механизация сельского хозяйства была недостаточной и прочее. Но именно тогда Вильяме и Лысенко обвинили Вавилова в том, что рост урожайности идет черепашьими темпами. Вот, что писал, например, Вильяме в 1937 году: «Земля будет работать на социализм. Невиданные в мире урожаи способна собирать страна Советов;.и я верю, что недалек тот час, когда 100 центнеров с гектара будет средним урожаем моей родины». (Опубликовано в газете «Правда» 6 ноября 1937 года. — См.: Акад. В. Р. Вильяме. Травопольная система земледелия. Избранные труды, 1949, с. 34).

Вот под какой «вексель» Лысенко получил пост президента ВАСХНИЛ вместо смещенного Н. И. Вавилова (а позднее угасшего в тюрьме: насколько мне известно, он умер от пеллагры). Лысенко вместо «отсталой», «идеалистической» агрономии вейсманиста-морганиста Вавилова предлагал целый арсенал мероприятий: травопольная система, яровизация, мичуринские методы вывода новых сортов, ветвистая пшеница, внутрисортовое скрещивание, стерневые посевы, летние посевы люцерны и т. д. Он получил такую власть, какой не пользовался ни,один руководитель науки ни в какой стране. Малейшая критика

210

против него пресекалась административными мерами, и до сих пор критиковать его допускают только «от сих и до сих».

А результат? Очевидно, такой военный секрет, какой важнее других всех. У нас печатаются данные о размерах добычи угля, нефти, железа; нашу атомную станцию посещают не только наши друзья; наши военные корабли посещают иностранные порты, но вот насчет средней урожайности зерновых по Союзу — молчок, хотя по отдельным областям проскальзывают потрясающие

цифры: 4, 5, 6 центнеров, а 10 центнеров с га для Московской области уже считается завидным урожаем.

Возьмите статью «Урожайность» в БСЭ: там для заграничных стран приводятся данные средней урожайности: она колеблетсжот 12 до 14 центнеров для зерновых, в среднем около 13 центнеров. По сравнению с 1937—1938 гг., когда она была около 10 центнеров, имеется превышение примерно на 30 %. А о нас говорится только, что к 1960 г. у нас будет урожай 11.5 миллиардов пудов, но нам хочется знать, сколько у нас урожай в текущем году, а не в 1960. В сборнике «Народное хозяйство СССР» говорится только о площадях в процентах, но не о средней урожайности. Почему такая тайна? Потому, что истина слишком печальна. По ряду данных можно утверждать, что сейчас наша средняя урожайность зерновых примерно 7—8 центнеров с га. Иначе говоря, вопреки широковещательным обещаниям Вмльямса и Лысенко о повышении урожайности, мы ее не подняли, а *снизили* — за 20 лет примерно на 20—30 %. Кстати сказать, такие же «ножницы» имеются и для урожайности кукурузы, что ясно из одного из выступлений Н. С. Хрущева: в США *повышение* урожайности с 15 ц до 25, у нас снижение урожайности с 15 ц до 10, — конечно, потому, что рекомендованные Н. И. Вавиловым приемы и даже в свое время одобренные ЦК (введение гибридных семян) были задержаны Лысенко.

И вот получается, что когда Н. И. Вавилову вменялся в вину *слишком медленный подъем* урожайности, то в таких словах никто не усматривал «нечестного метода борьбы с противником, грубой передержки, подножки», а вот обвинять в *падении* урожайности Лысенко, оказывается, недопустимо, хотя разница огромна.

1} Вавилов имел сравнительно небольшую власть, но своею властью не злоупотреблял; Лысенко — огромную и использовал ее по принципу «Пожил бы я всласть, ведь на то и власть!»

2) Вавилов работал в период революционной перестройки нашей деревни, Лысенко — тогда, когда борьба уже была закончена.

3) Вавилов никому не зажимал рта, Лысенко же позаботился о том, чтобы никто не мешал его «творческой работе».

4) При Вавилове имел место весьма существенный подъем урожайности, при Лысенко — значительный спад.

5) Вавилов работал при свете полной гласности, которой он всячески способствовал; атмосфера Лысенко — «ночь и туман».

6} Вавилов не только не зажимал рта, но всячески содействовал критике и признавал свои ошибки. Лысенко даже сейчас решительно ни в одной ошибке не признается.

Общее сальдо для деятельности Лысенко — резко отрицательное, и если взять только то, что при правильном руководстве нашего сельского хозяйства мы имели бы сейчас среднюю мировую урожайность в 13 центнеров (она и была запланирована в свое время), то мы с полной определенностью можем сказать, что деятельность Лысенко привела к потере урожайности в пять центнеров на га и, беря даже старую посевную площадь 100 миллионов га, мы получаем ежегодный убыток 500 миллионов центнеров, или 3 миллиарда пудов в год. Эта цифра вызывает недоверие именно своей катастрофической точностью, но вряд ли кто сумеет ее опровергнуть. Попробуйте опровергнуть! (Обратитесь к компетентным лицам, например, к инструктору ЦК по сельскому хозяйству

Василию Павловичу Орлову, телефон в ЦК К-6-10-03, домашний адрес: Москва, В-230, Старокаширское шоссе, д. 1, кв. 191).

По сравнению с этой огромной цифрой остальные убытки, причиненные Лысенко, кажутся незначительными, хотя по масштабу его деятельности они ниже десятков миллионов не спускаются.

Но не во всем же Лысенко принес вред? Есть же у него и полезные мероприятия?! Я таких не знаю; в лучшем случае, сомнительные, которые надо еще тщательно проверить; большинство — безусловно и доказанно вредные. Не думайте, что я всегда так думал. Я долгое время считал Лысенко одаренным особой интуицией, которая позволяла ему находить интересный выход там, где даже очень культурные ученые выхода не находили. Такое мнение было в значительной степени под влиянием выступлений Вавилова. Правда, два моих друга, более меня осведомленных, давно говорили, что у него нет буквально ничего, я им не верил, с ними спорил. Сейчас после близкого знакомства с делом я вижу, что они были правы: Лысенко — это сплошное невежество, очковтирательство, вандальское истребление всего, несогласного с ним.

А Вы, видимо, как все писатели, плохо знакомые с наукой, сохраняете иллюзии относительно деятельности Лысенко. Вы пишете: «Я помню тридцатые годы. Когда Лысенко действительно давали простор и он работал в полную силу — у нас в стране было *массовое опытничество,* это время было временем подлинного торжества агрономии и творчества в земледелии».

Прочел и никак понять не могу. Оказывается, Лысенко давали простор в тридцатые годы, а в сороковых, значит, его зажимали?

Так ведь в тридцатых годах (до 1938 года) во главе ВАСХНИЛ и всего научного опытного дела стоял Н. И. Вавилов, погубленный Лысенко и его напарником Берия, а в конце тридцатых годов Лысенко получил полную власть — сначала в системе ВАСХНИЛ, а с 1948 года в сущности во всей науке. Даже в серьезных астрономических книгах редакция настаивала на упоминании позорной сессии 1948 года (см., например: Кукаркин. Исследование строения и развития звездных систем, 1949, с. 7: «Автор стремился учесть итоги философской дискуссии по книге Г. Ф. Александрова и сессии ВАСХНИЛ о положении в биологической науке»).

Ведь, казалось бы, по прямой логике, доступной обычным людям, а не «инженерам человеческих душ», если в период «угнетения» Лысенко мог работать в полную силу и развить «массовое опытничество», то с полным торжеством он должен бы иметь огромные по численности и хорошо подготовленные кадры и, действительно, перевернуть наше сельское хозяйство. А где они, эти массовые кадры опытников? На деле же в тридцатых годах было две системы опытничества. Одна — подлинно научная, вполне на уровне мировой науки, возглавляемая Н. И. Вавиловым; другая — совершенно в новом стиле, не требовавшая ни опытных полей, ни какой-,либо научной подготовки и опиравшаяся на массы колхозников, возглавлялась Лысенко. Эта система была использована Лысенко, чтобы втереть очки невежественному и деспотичному руководству, и вот тут он действительно преуспел... Когда он достиг цели, добился власти, эта система ему уже была не нужна: тогда он со своих Горок Ленинских диктовал рецепты на огромные области. Результат — наше сельское хозяйство оказалось в столь тяжелом положении, что потребовались чрезвычайные меры — распашка огромных площадей целинных земель для штопания дыр в нашем сельском хозяйстве. Массовое опытничество — хорошая вещь, но оно может принести плоды лишь тогда, когда будет научно организовано. Шаги к этому делались и в системе Вавилова, но сам вопрос далеко не освоен вообще, так как заключает в себе много трудностей.

Теперь о Мальцеве. Ваши слова: «Кстати, Мальцев испытывал большую помощь и направляющее влияние Лысенко с первых шагов своей опытной работы. Но, может быть, "Вы и Мальцева считаете лжеученым?»

212

Не знаю, какие взаимоотношения были у Мальцева с Лысенко. Знаю, что одной из сторон деятельности Мальцева была борьба с чрезмерно ранними сроками посева и здесь он очень много претерпел от партийных чиновников.

Мое отношение к Мальцеву: его выступления, как правило, производят на меня хорошее впечатление. Он критикует Вильямса дельно, а не понаслышке, как это делаете, например, Вы в Вашей статье «Новатор Терентий Мальцев» («Литературная газета», 5 августа 1954 г.). Вы: 1) упрекаете ученых, которые в угоду новым веяниям начали распахивать клевера даже в Московской области, где они вполне оправдывали себя в травопольном севообороте; 2) считаете, что многолетние травы занимали монопольное положение единственных восстановителей структуры почвы лишь потому, что поле, на котором они росли, не возделывалось несколько лет. Вы, как и многие другие лица, даже, видимо, не подозреваете, что наличие трав в севообороте вовсе не означает использование травопольной системы. Травопольная система связана с именем Вильямса, а травы сеять (в особенности, клевер и люцерну) начали задолго до Вильямса, и сеют там, где ни о какой травопольной системе даже не слышали.

Одной из черт травопольной системы Вильямса является то, что многолетние травы используются не столько как источник корма для скота и обогатители азотом почвы, сколько как восстановители структуры, и в этом случае они находятся на поле год или самое большее два. Были ошибки и у Вильямса, но то, что Лысенко выдавал за травопольную систему Вильямса, вовсе таковой не является. А уж распашка клеверов в Московской области или в Смоленской — тут виноваты не ученые, а невежественные подхалимы, в таком изобилии появившиеся в период культа личности, создавшего, конечно, и довольно значительные кадры академиков легкого поведения.

Вот серьезное отношение к Вильямсу — бесспорная заслуга Мальцева. Другая положительная черта — он хороший хозяин, и в руководимом им колхозе, по-видимому, урожайность выше, чем в других. Предложенная им система вспашки несомненно заслуживает внимательного изучения, и — что также очень хорошо — Мальцев не думает придавать ей универсальный характер, а говорит: «Испытывайте в местных условиях и применяйте там, где она пригодна». Вся беда в том, что опытное дело у нас сейчас вконец испорчено, а постановка опытов по методу Лысенко такова, что требуется получить заранее предписанные результаты, и местные опытники знают, что, если они дадут подходящий по современным установкам результат, их похвалят, а если нет, то может и влететь. Недавно я был во Львове и слыхал, как там в одном колхозе проводится «опыт»: есть делянки свеклы, опытная и контрольная, примерно одинаковой площади. Когда свеклу сдают с опытной, — приписывают центнер с каждой машины, а'когда с контрольной — убавляют на центнер. Государство получает точное количество свеклы, колхоз не теряет, а выигрывает — новый опыт получает «блестящее подтверждение», рекордная урожайность, перевыполнение плана и т. д. В такой «методике» Мальцев решительно не виноват, но воспитанные за последние годы местные работники могут «подтвердить» любые результаты, а кто станет спорить, тому просто рот заткнут.

Поэтому до того, как система Мальцева получит проверку научного характера, трудно о ней определенно высказаться, но уже сейчас можно наметить следующий ряд вопросов.

1) Высокая урожайность полей колхоза «Заветы Ленина» объясняется целым комплексом мероприятий, проводимых Мальцевым; какой удельный вес занимает его система вспашки, остается неясным.

2} По-видимому, земли этого колхоза имеют неглубокий уровень почвенных вод и глубокий пахотный слой. Применима ли его система в других условиях — неясно.

213

3) Как известно, Мальцев вовсе не применяет -удобрений; это уже ограничивает его систему, так как в очень многих местах приличный урожай без удобрений невозможен.

4) То, что Мальцев называет «лущением», есть в сущности вспашка такого типа, который применялся издревле крестьянином, так что правильнее говорить не о том, что Мальцев пашет редко^а о том, что он чередует мелкую и глубокую пахоту.

5) Вспашка без оборота пласта — не новость и в настоящее время применяется, например, в Канаде (см. книгу Мацкевича «Что мы видели в США и Канаде») как средство для борьбы с распылением почвы.

6) Что касается глубокой безотвальной вспашки, то у того же Мацкевича есть замечание одного канадского фермера, что такая вспашка, может быть, и эффективна, но неэкономична.

7) Что касается теоретической равноценности многолетних и однолетних трав, выдвигаемой Мальцевым, то недавно скончавшийся проф. Козо-Полянский в короткой статье в «Ботаническом журнале» показал, что между ними огромная разница: корни многолетних трав богаты питательным материалом, резервом для образования новых растений на следующий год, корни же однолетних растений этого резерва не имеют, так как они обречены на гибель.

Я отнюдь не специалист-агроном, и потому мои замечания носят отрывочный характер. Дело требует серьезного научного исследования без всякого нажима со стороны руководящих персон. Поэтому на Ваш вопрос отвечаю: я не считаю Мальцева лжеученым, но ценность его как ученого мне совершенно неясна. Мне приходилось вести довольно много разговоров с агрономическими работниками, и большинство смотрят так, что это интересное начало/но именно только начало.

Я постарался ответить кратко на все поставленные Вами вопросы и был бы очень заинтересован узнать, продолжаете ли Вы считать, что мои обвинения Лысенко являются грубой передержкой, нечестным методом борьбы с противником, «подножкой».

Если Вас заинтересуют дополнительные материалы, я Вам их охотно предоставлю. Я пошлю мое письмо с обратным ответом, чтобы убедиться, что оно дошло по назначению, и отсутствие Вашего ответа на это письмо будет уже достаточно красноречивым ответом.

С совершенным уважением

А. Любищев

2.6. О положении в биологии и агрономии/

(Приложение: письмо президенту Академии наук СССР
академику М. В. Келдышу)

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Радостные события в биологии: реабилитация ^менделизма, признание сессии 1948 г. ошибкой даже со стороны философов.

2. Отрицательные явления: слабость освещения перемен в биологии, медленность перемен.

3. Неудовлетворенность состава нового президиума ВАСХНИЛ, прежде всего выборы президентом П. П. Лобанова.

4. «Направленная» вежливость П. П. Лобанова и Г. М. Лозы по отношению к «мичуринской биологии».

5. Положительная оценка мичуринского наследства П. П. Лобановым и М. В. Келдышем требует разъяснения.

Статья написана 23.04 1965 г.

214

6. Необходима критическая ревизия мичуринского наследства, что задерживается запрещением критики Мичурина в печати.

7. Теория стадийного развития поддерживалась Н. И. Вавиловым и др. учеными, она не связана с «мичуринской биологией»: ее забросил сам Лысенко.

8. Выдающиеся успехи в селекции подсолнечника (акад. Пустовойт) достигнуты при помощи классических методов.

9. Ничего специфически лысенковского нет и в разработанной Пустовойтом схеме семеноводства подсолнечника.

10. Поддержка Лысенко, Ольшанского, Лобанова многими учеными есть простое следствие нажима сверху.

11. Ссылка на «незыблемые философские основы» требует рассмотрения эволюции советской философии.

12. Сравнение философских словарей 1954, 1955 и 1963 гг, (под ред. Розенталя и Юдина) показывает отступление по всем пяти линиям (Мичурин, Лысенко, Лепешинская, Бошьян, Вильяме).

13. Столь же неудачны были «защита» не нуждавшегося в защите И. П. Павлова и осуждение кибернетики.

14. Столь же неудачно вмешательство философов и в другие науки (пример — теория относительности, теория резонанса).

15. История советской философии за сталинский период — постепенная деградация.

16. Сопоставление философских словарей 1954 и 1963 гг. показывает исчезновение 12 имен во главе со Сталиным и включение 225 новых имен с огромным преобладанием явных идеалистов.

17. Столь же резкое изменение состава философских словарей наблюдается и в отношении других статей.

18. Ревизия философских установок сталинского периода выражена в статьях в «Вопросах философии» и Б. Кедрова, но является недостаточной. В частности, обе статьи ошибаются в оценке роли К- А. Тимирязева.

19. Многочисленные ошибки К. А. Тимирязева в его недооценке менделизма связаны с переоценкой К. А. Тимирязевым исторического метода в биологии.

20. Кедров повторяет некоторые ошибки К. А. Тимирязева и чрезвычайно переоценивает роль дарвинизма.

21. Философское основание сессии 1948 г. — использование тех сторон дарвинизма, которые рассматриваются как особенности «буржуазной» науки.

22. Второе основание торжества Лысенко: уменье внушить Сталину, что на основе «мичуринской биологии» (названной «творческим дарвинизмом») можно достичь быстрого подъема урожайности.

23. Борьба с расизмом должна вестись свободной критикой, а не запрещением и не отрицанием фактов расизма.

24. Истинный гуманизм распространяет сострадание и на животных, а не только на «низкие расы».

25. Противоположение «научное и антинаучное» не совпадает с противоположением «материализм и идеализм» (что ясно и из высказываний Ленина).

26. Сомнительно, чтобы кто-либо из официальных советских философов вполне понимал диалектический материализм.

27. Польза от взаимодействия философов и ученых может быть только при отсутствии гегемонии философов и при использовании всех, даже запрещенных или мало известных философов (Богданов, Рудаш, А. Ф. Лосев, Топорков и др.).

28. Необходимо уголовное преследование главных виновников преступления в биологии и агрономии, ликвидация «нянек» во всех областях культуры.

29. Тот недостаточно верит в будущее, кто мирится с настоящим.

1. Советская биология переживает важный и довольно радостный этап своего развития, а так как господство обскурантов в биологии (выдававших себя за единственно прогрессивное направление) длилось долго (30 лет) и имело чрезвычайно тягостные последствия для нашей страны, то биологи получают поздравления от многих лиц, далеко стоящих от биологии.

Несомненно, можно отметить целый ряд важных достижений.

1) Прежде всего полностью реабилитирован великий Г. Мендель, и отрадно, что эта реабилитация произошла в столетнюю годовщину появления его бессмертного труда. Вместе с ним полностью получили право гражданства и те многочисленные направления в современной биологии, которые так или иначе

связаны с менделизмом, хромосомной теорией и другими «реакционными», по мнению обскурантов, теориями.

2) Вполне легализированы и получили полную свободу работы многие лаборатории, которые стали успешно развиваться после 1953 г., но свобода которых ограничивалась, а печатание работ очень затруднялось.

3) Наконец, насколько мне известно, впервые в официальных или неофициальных выступлениях признан вред пресловутой сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в смысле утверждения монополии ошибочных представлений, удаления ряда ученых, неправильного преподавания биологии в школах и вузах. Это нашло свое выражение и в выступлении главы советской науки, президента Академии наук СССР академика М, В. Келдыша, и даже, что особенно знаменательно, в редакционной статье «Вопросов философии» «Глубже разрабатыать методологические проблемы биологии» (1964, № 12, с. 28 и 29). Мы знаем, что главный редактор «Вопросов философии» акад. М. Б. Митин был главой наших философов, выступавших в защиту монополии Лысенко на пресловутой сессии, и появление такой редакционной статьи в редактируемом им журнале означает, что пала последняя философская цитадель лысенковщины (признано даже (с. 29), что тезис о двух биологиях — буржуазной и советской — ошибочен).

Казалось бы, что можно только радоваться хотя и сильно запоздалой, но полной победе свободной биологии. Радоваться, конечно, есть чему, и прежде всего тому, что было предотвращено повторение сессии 1948 года, новой волны официального мракобесия. Грозных симптомов было достаточно: длинный ряд выступлений Н. С. Хрущева с 1957 по 1964 г. с безоговорочной поддержкой Лысенко и резкой и грубой бранью по отношению к настоящим ученым и, очевидно, инспирированные им исключительные по наглости статьи Ольшанского в «Сельской жизни», приказ журналу «Нева» выступить с сожалением по поводу напечатания блестящей статьи Ж. А. Медведева и В. С. Кирпичникова «Перспективы советской генетики» {«Нева», 1963, № 3), где, насколько мне известно, впервые в печать проникло открытое заявление, что вся сессия 1948 г. была сплошной ошибкой, появление курса дарвинизма для вузов Дворянкина и книги Кушнера по животноводству вполне «на уровне» 1948 г.; готовилась депортация Тимирязевской академии за пределы Москвы и многое другое. Все это особенно усилилось как раз за последние годы (1962—1964).

Конечно, очень приятно и то, что главный ярлык, мощное орудие в устах торжествовавших лысенковцев — «менделизм-морганизм-вейсманизм» отправлен в мусорный ящик истории и что нашу молодежь уже начинают заново переучивать настоящей генетике, но радость омрачается целым рядом весьма тревожных обстоятельств: 1) чрезвычайной переменчивостью того, что можно назвать научно-политическим климатом; 2) сознанием того, что даже в пределах чистой науки генетика вовсе не тождественна биологии; 3) очень слабыми последствиями в области одной из важнейших областей прикладной биологии — агрономии.

2. Касаясь более подробно первого пункта, могу отметить чрезвычайно слабое отражение происходящих событий в печати. После 14 октября было много превосходных статей в «Сельской жизни», «Комсомольской правде» и ряде других газет, включая и «Правду», но сейчас в «Комсомольской правде» давно не печатаются такие статьи, как в «Сельской жизни»; правда, прорвалось несколько статей (в особенности блестящая статья А. Аграновского) в «Литературной

газете», но в общем печатание статей, связанных с критикой лысенковщины, явно сильно сдерживается какими-то «руководящими нянями».[1] Я узнал от друзей, что Лысенко уже больше не директор Института генетики АН СССР, но об этом сообщалось по радио, а кто его преемник на этом посту? Говорят что и Сизов больше не директор ВИРа. Так ли, и кто его преемник? Важнейшее для нашей науки выступление акад. Келдыша на общем собрании

216

АН СССР 1 февраля напечатано вкратце, видимо, только в «Правде» (7 февраля). Такое важное событие, как смена руководства ВАСХНИЛ (избрание президентом П. П. Лобанова, а вице-президентом И. И. Синягина), отмечено в таких центральных газетах, как «Правда», «Известия», и даже в «Сельской жизни» (где можно было бы ожидать более подробную информацию), короткими заметками в восемь строк в номерах от 11 февраля. Правда, в здешней областной газете «Ульяновская правда» имеются более подробные сведения, и этого я коснусь позже. В основном все происходит за закрытыми дверями, а творец истории, народ, делает то, что полагается: народ безмолвствует.

Генетика, являясь самой прогрессивной ветвью биологии, отнюдь ее не исчерпывает, и вся так называемая описательная и полевая биология заслуживает несравненно большего внимания и развития, чем это было долгое время. Ведь и разделов «биология» у нас в книжных магазинах не существует. И не надо забывать, что и эти разделы имеют важное прикладное значение, так как они не менее, чем генетика, связаны с агрономией. И вот тут мы переходим к третьему пункту: положению на фронте сельскохозяйственной науки.

3. Коснемся важного события современности; изменения в руководстве ВАСХНИЛ. Как я уже упоминал, более подробно, чем в центральных газетах, об этом написано в «Ульяновской правде» 12 февраля под знаменательным заголовком «Теснее связь науки с практикой». Просто поражаешься «новизне» этого лозунга. Ведь о связи науки с практикой нам истошно кричали по крайней мере с 1930 года, во имя этого лозунга был в свое время смещен первый, действительно великий президент Н. И. Вавилов, и от непрерывного провозглашения этого лозунга чрезвычайно пострадали и наука и практика. И кто же приглашается для нового проведения в жизнь этого лозунга? Перепишу весь руководящий состав, отмеченный в этой заметке: 1) президент — П. П. Лобанов; 2) ^вице-президент — И. И. Синягин, он же академик-секретарь отделения земледелия; 3) акад.-секр. отделения животноводства — Н. Ф. Ростовцев; 4) акад.-секр. по механизации — П. Н. Листов; 5) акад.-секр. отделения по гидротехнике и мелиорации — А. Н. Аскоченский; 6) акад.-секр. отделения лесоводства и агролесомелиорации — И. С. Мелехов; 7) акад.-секр. отделения по экономике и организации сельскохозяйственного производства — Г. М. Лоза. Состав нового президиума ВАСХНИЛ не приводится.

Мы имеем семь фамилий. Наверное, это все — выдающиеся ученые? Поищем в Большой Советской Энциклопедии. В основных пятидесяти томах БСЭ в соответствующих по алфавиту местах мы не найдем ни одного из указанных семи лиц, но в 51-м томе есть статья о П. П. Лобанове, и, руководствуясь справочными томами, находим, что в 11-м томе (изданном в 1952 г.) на с. 183 в статье «Гетерозис» (автор Х. Ф. Кушнер) есть упоминание о Н. Ф. Ростовцеве. Что же мы узнаем о П. П. Лобанове? Что он родился в 1902 г., что он уже был президентом ВАСХНИЛ. Не касаясь его административной деятельности, а беря только сведения по научной части, узнаем, что в 1936 г. защитил диссертацию на ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук и что с 1936 по сентябрь 1937 г. заведовал кафедрой и читал курс лекций по организации социалистического сельского хозяйства в Московском институте землеустройства. После краткого директорства в Воронежском сельскохозяйственном институте — восхождение по административной лестнице вплоть до избрания Председателем Совета Союза в 1958 г. (тот же том, с. 219). Ни одного названия сочинения П. П. Лобанова не приводится: вероятно, их вовсе нет или что-нибудь очень тощее. Удивительно, что в краткой биографии совершенно не упоминается о том, что придало имени П. П. Лобанова не только всесоюзную, но и мировую известность: участие в качестве председателя в августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в качестве непосредственного вьшолнителя воли Сталина по помазанию на неограниченное царство в биологии Лысенко. В 1958 году уже считалось не совсем приличным упоминать об этом событии.

217

П. П. Лобанов, таким образом, по официальным данным, — ученый (если только вообще его можно назвать ученым) с совершенно мизерным научным багажом, покорный выполнитель нелепых фантазий Сталина и уже восседавший на президентском месте ВАСХНИЛ. Это вам не наклеивание ярлыков, а строгая констатация фактов. В назначении П. П. Лобанова не только нет

прогресса, но даже топтания на месте. Это движение по схеме: шаг вперед, три шага назад. Ведь президенты ВАСХНИЛ после Н. И. Вавилова сменялись в следующем порядке: Лысенко, Лобанов, снова Лысенко, Ольшанский, снова Лобанов — ровно три шага назад. Тасуют одну и ту же старую колоду карт в три листа.

Ну, а как остальные руководители ВАСХНИЛ? Как уже сказано, в пятидесяти одном томе БСЭ упоминается только о Н. Ф. Ростовцеве (т. 11, с. 183): «В 1949 году Н. Ф. Ростовцеву на основании опытов в подмосковном совхозе удалось показать, что метисные коровы первой генерации, полученные от скрещивания быков красногорбатовской породы с коровами остфризской породы, по общему количеству продуцируемого за год молочного жира и живому весу заметно превосходят коров обеих родительских пород». Но хорошо известно, что производственное использование гетерозиса в животноводстве уже давно практикуется в зарубежных странах: в Англии, например, скрещивают в этих целях две знаменитые породы — шортгорн и герефорд. Оскудела, видно, земля русская талантами, если в главном штабе сельскохозяйственной науки нет ни одного ученого, достойного быть отмеченным как ученый в БСЭ.

4. Но, может быть, П. П. Лобанов имеет какие-то особые качества, заставляющие забывать и его видную роль в позорной сессии 1948 г., и отсутствие заметных научных заслуг? Говорят, что он неплохой человек и очень вежливый в обращении. По-моему, этого маловато для занятия крупного поста в научном мире, его вежливость в 1948 г. была более чем сомнительна,* но согласимся (и сейчас я слыхал такие отзывы), что он, скажем, самый вежливый и приятный в обращении работник сельскохозяйственной науки. Это требование вежливости как высшей добродетели сейчас кажется несколько странным. Когда лысенковцы напали на своих безоружных противников, они не были вежливы, и тогда они прикрывались именем В. И. Ленина, который в своей полемике с противниками (напр., в «Материализме и эмпириокритицизме») отнюдь не был вежлив. Сейчас о Ленине не позволяют упоминать в отношении вежливости.[2] Времена, конечно, переменились. Но из истории мы знаем, что просто обаятельными собеседниками были французский король Людовик XV и английский Карл Второй; как правители они оставили более чем печальную память. Напротив, совсем не особенно вежливые английский Вильгельм Третий и наш Петр Великий с благодарностью вспоминаются их соотечественниками. Очевидно, вежливость П. П. Лобанова, так сказать, направленна: он должен быть особенно вежливым к той категории людей, которым угрожает опасность от реваншистов-морганистов: к мичуринцам (иначе, лысенковцам). Возможно, что в составе президиума ВАСХНИЛ (этот состав, кроме академиков-секретарей, не оглашен) даже приютились униженные и оскорбленные Лысенко и Ольшанский. О «направленности» вежливости свидетельствует и то, что в числе академиков-секретарей фигурирует и бывший ректор Тимирязевской академии Г. М. Лоза, который во время своего пребывания на посту ректора не проявлял никакой вежливости к профессорам — противникам Лысенко. Мне известно, что тимирязевцы сейчас ликуют по двум причинам: что их любимая Тимирязевка осталась в Москве (и возобновлен прием студентов, прекращенный волею Хрущева) и что их директор Лоза отстранен от должности ректора и, оказывается, перемещен на высокую должность в главный штаб Сельскохозяйственной академии. Радуются ли работники ВАСХНИЛ (кроме, конечно, самих академиков)? Сомнительно.

Та же «направленность вежливости» видна и в интервью П. П. Лобанова с корреспондентом ТАСС К. Беловым (см. «Комсомольская правда» от 18 февраля 1965, с. 2 и «Ульяновская правда от 19 февраля). Как мягко П. П. Лобанов критикует, прошлое: «И тем не менее успехи могли бы быть значительнее, если бы не известные помехи в творческой работе ученых. Многие гипотезы без достаточных экспериментальных проверок нередко выдавались за аксиомы. Не принималось необходимых мер к широкому использованию методов и достижений биохимии, биофизики, микробиологии, физиологии и других смежных наук, позволяющих более глубоко познавать закономерность развития растительных и животных организмов, изучать тончайшие структуры и молекулярные процессы в клетке». Имя Лысенко «из вежливости», конечно, не упомянуто. Совершенно не упомянут полный зажим математической статистики в применении к опытному делу, без чего опытное дело не может развиваться, и, как увидим дальше, и в программу дальнейшей работы ВАСХНИЛ внедрение математической статистики не включено. В этой программе указано, конечно, об обобщении опыта, о рациональных системах земледелия применительно к конкретным условиям различных зон страны, о севообороте и прочее, но это все—азбучные истины, забытые во времена господства Лысенко, Сталина и

Хрущева. Если же постараемся в программе Лобанова найти указания на его отношение к спорам в биологии, то он упоминает и имя первого президента ВАСХНИЛ Н. И. Вавилова в связи с необходимостью развивать частную генетику сельскохозяйственных культур, в отношении же методики селекции у него явный крен в сторону Мичурина в лысенковском понимании. Читаем: «С большой настойчивостью следует разрабатывать способы и методы управления жизненными процессами — наследственностью и направленными изменениями организмов. *Необходимо дальнейшее творческое, более углубленное развитие учения Мичурина, очистив его от искажений и наслоений* (подчеркнуто мной. — *А. Л.),* . . Крайне медленно разрабатываются и внедряются в практику селекции методы направленного создания засухоустойчивых, солевыносливых, морозостойких и иммунных к болезням и вредителям сельскохозяйственных культур». Эта часть программы — замаскированная защита лысенковщины. Мы знаем споры о «направленной» селекции. Зловредные морганисты полностью отрицали те методы направленной селекции сортов, которые предлагались Лысенко как необычайно быстрые и эффективные методы. Можно сказать с полной уверенностью, что лысенковские методы «направленной селекции» провалились полностью, но в недавнее время совсем на иной основе появились работы, открывающие перспективы целенаправленной генетики (И. А. Рапопорт, Н. П. Дубинин и др.). Здесь дело в самом начале, и н« может быть пока и речи о внедрении в практику селекции засухоустойчивых и др. культур. Совершенно правильное положение сформулировано в новейшем «Философском словаре» (под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина, 1963 г., с. 294) в статье «Наследственность»: «Современная генетика подошла к открытию конкретных путей целенаправленного изменения наследственности. Это открытие явится (в будущем, а не в настоящем! —*А. Л.)* важным этапом в познании и преобразовании живой природы». Из контекста статьи «Наследственность» ясно, что авторы современного «Философского словаря» стоят целиком на принятии хромосомной теории наследственности, отвергавшейся Лысенко, Ольшанским, П. П. Лобановым в 1948 году. О признании последним своих ошибок что-то не слышно.

5. В программной речи П. П. Лобанова после его «единодушного избрания» (см. «Ульяновская правда» от 12 февраля) также отмечено, «что главное сейчас — широкое внедрение достижений науки в производство, более глубокое развитие мичуринского направления в биологической науке». Значение мичуринского направления признается столь большим, что дальнейшая разработка его (с очисткой от искажений и наслоений) считается одним из

главных направлений работы ВАСХНИЛ. Более осторожно пишут «Вопросы философии» в уже цитированной редакционной статье (с. 30—32), настаивающие на правильном освещении идей и методов работы И. В. Мичурина: «Это тем более важно, что в последние годы под именем мичуринского учения иногда преподносились взгляды, не имеющие ничего общего или очень мало общего с подлинными идеями И. В. Мичурина, а его собственные взгляды освещались односторонне и в обедненном виде». Золотые слова! И вот новый президент ВАСХНИЛ предлагает защищать и развивать мичуринское направление, даже не дав понять, что это такое. Нам говорят — прочтите сочинения И. В. Мичурина (четыре тома) и вы увидите, что это такое. Я внимательно изучил все теоретические работы И. В. Мичурина и написал критический разбор его учения в двух вариантах (полный в 1955 г. и краткий в 1964), но благодаря сталинско-хрущевскому пониманию «свободы печати» мой разбор читается только в машинописном виде. Постараюсь вкратце изложить мое понимание мичуринской биологии. Это тем более важно, что и глава нашей науки М. В. Келдыш в своей речи произнес такие слова: «Выдающееся значение имели работы И. В. Мичурина, в особенности в области отдаленной гибридизации... Я думаю, что, осуждая монопольное положение, которое занимал академик Т. Д. Лысенко, и отрицая его неправильные взгляды по ряду важнейших вопросов биологии, мы не должны огульно отрицать все, что он делал. В частности, по мнению некоторых видных ученых, его теория стадийного развития растений имеет научное значение, и, по отзывам части селекционеров, они использовали предложенные им приемы». Резюмируя все эти высказывания, можно свести спорные вопросы к трем пунктам, требующим выяснения: 1) истинное значение И. В. Мичурина и мичуринского учения; 2) истинное научное значение Т. Д. Лысенко, в частности его теории стадийного развития; 3} использование частью селекционеров приемов, предложенных Лысенко.

6. Несомненно, И. В. Мичурин обладал следующими качествами: 1) честность, 2) трудолюбие и настойчивость, 3) самокритичность, 4) талант, 5} довольно трудный и неуживчивый характер (отмеченный даже в кинофильме, ему посвященном). Последнее обстоятельство не мешало ему поддерживать весьма дружеские отношения с Н. И. Вавиловым, который посещал его

четыре раза, но, по имеющимся у меня достаточно надежным сведениям, резкий характер привел Мичурина к решительной ссоре с Лысенко при посещении последним Мичуринска, Событие строго недоказанное, но вполне объясняющее тот изумительный факт, что ревностный пропагандист «мичуринской биологии» (после смерти И. В. Мичурина) Лысенко так и не удосужился посетить (судя по официальной биографии) при жизни своего почитаемого учителя.

Но, конечно, главным дефектом Мичурина была его невысокая культура. Он, правда, старался пополнять свое образование и сильно изменил свои взгляды по многим вопросам, но даже со стороны изложения его работы не дают той документации, которая составляет обязательную особенность каждого ученого. Он презрительно называл это «ученым педантизмом». Вот из-за отсутствия этого «педантизма» при самом внимательном чтении трудно извлечь все ценное и достаточно обоснованное. Наряду с научными гипотезами менялись у него и идеологические и политические взгляды. Это ясно из того, что один сорт яблок, названный им первоначально «пасхальное», он переименовал впоследствии в «антипасхальное», а сорт «княжну севера» переименовал в «красу севера». Сейчас можно сказать, что все утверждения о том, что он продвинул границы винограда, абрикоса и др. на север, что он ввел в ассортимент ягод актинидию, что он создал 300 сортов, что он внедрил новые методы отдаленной гибридизации и новые методы направленного развития, страдают огромным преувеличением, но ввиду того что мичуринские сорта внедрялись чрезвычайно широко (даже за пределы того, что предлагал сам И. В. Мичурин) и методы его тоже широко практиковались, накопился огромный опытный материал. Поэтому даже с точки

зрения разумного использования государственных средств полезно использовать и обобщить этот огромный опыт. Кое-что опубликовано, и там уже можно найти много противоречий, но публикация материалов, не подтверждающих взгляды Мичурина, не допускалась при господствующем до сих пор сталинистском. понимании свободы печати.

Поэтому было бы целесообразно поручить ряду институтов (например, институту в Мичуринске, Украинскому институту плодоводства в Киеве и др.) ввести в свою тематику обобщение опыта Мичурина, разумеется, с придачей этим институтам работников, знакомых с настоящим опытным делом и современной математической обработкой материалов. Можно наметить и программу такой работы: 1) полная инвентаризация всех сортов, выведенных Мичуриным, метод выведения, судьба их, качество, распространенность; 2) особо выяснить, обладают ли мичуринские сорта, например, свойством большей морозостойкости; по имеющимся у меня частным сведениям с Украины, данные чрезвычайно противоречивы; 3) выяснить, в какой мере был прав Мичурин, оспаривая приоритет Карпеченко в деле отдаленной гибридизации.

Мичурин писал (т. IV, с. 234): «С межвидовой гибридизацией стали считаться, однако, не тогда, когда я вывел ценные в экономическом отношении межвидовые гибриды, а с тех пор когда ученый Карпеченко получ.ил гибрид между редькой и капустой, и хотя этот гибрид имеет голый научный интерес и ничего не дает для экономики, Карпеченко все же была присуждена рокфеллеровская премия». Так презрительно смотрящий на «голую» науку Мичурин не понял, что он смешал два существенно разных вопроса: 1) преодоление трудностей межвидовой гибридизации; 2) получение настоящего «нового вида» (нескрещивающегося с родительскими видами), что и было главной причиной законного триумфа Карпеченко. На последнее открытие сам Мичурин заявки не делал, и в какой мере его новые сорта обладают свойствами новых видов, мы не знаем. Что же касается специальных мичуринских методов преодоления бесплодия при отдаленной гибридизации {вегетативное сближение, смешанная пылька, посредник), то из сочинений самого Мичурина решительно невозможно извлечь точные и полные данные о том, какие именно сорта и каким методом получены. Обычно приводится немного примеров, и то не слишком убедительных.

Никакого принципиального противоречия мичуринских методов и классической генетики нет, и они были прекрасно изложены еще в довоенном курсе генетики Гришко и Делоне. Разумеется, сейчас имеются новые, немичуринские методы преодоления бесплодия (колхицин, полиплоидия), но не исключена возможность, что кое-что полезное найдется и у Мичурина.

Самое важное: выяснение обоснованности тех мичуринских методов, которые вовсе отрицаются современными генетиками — вегетативные гибриды, ментор и др. Кое-что (например, рассмотрение «ренета бергамотного» как вегетативного гибрида) основано на явном недоразумении, но тщательно пересмотреть весь опытный материал Мичурина следует. Вот примерная программа ревизии мичуринского наследства. Не надо торопиться: хорошо, если ряд

научных работников справятся с этой задачей за 5—10 лет при условии, конечно, полной гласности, критического обсуждения результатов на съездах и совещаниях и опубликования работ. При современном положении мичуринского вопроса попытка по-прежнему ставить разработку «мичуринского направления» во главу угла такого огромного учреждения, как ВАСХНИЛ, может вызвать только самый решительный протест.[3]

7. Из цитированных слов М. В. Келдыша и других высказываний разных авторов о значении стадийной теории Лысенко посторонний биологии человек может сделать три вывода: 1) только некоторые видные ученые считают, что она имеет важное значение, остальные же, под которыми, очевидно, подразумеваются генетики, отрицают это значение; 2) это отрицание связано с тем, что

теория стадийного развития органически связана с «мичуринской биологией» в том или ином смысле; 3) развитию теории стадийного развития, очевидно, угрожает полное торжество морганистов. Все три вывода неверны.

Из довольно обширного круга знакомых мне ученых я знаю только одного, который решительно отрицает всякую заслугу Лысенко в обосновании стадийной теории развития. Этот спор: (еще в 1953 г.) между нами принял такой характер, что он кричал на меня и стучал кулаком по столу, как на явного защитника Лысенко, Сейчас я начинаю понимать, что он стучал кулаком, пожалуй, не зря. Все же остальные известные мне ученые во главе с Н. И. Вавиловым решительно поддерживали в свое время теорию стадийного развития как существенный вклад в физиологию растений. Помню доклад Лысенко в 1931 г. в ВИРе на заседании под председательством Н. И. Вавилова и помню горячую поддержку, которую получил доклад в заключительном слове председателя. А возьмите «Теоретические основы селекции растений» (том 1, 1935 г.) под редакцией и при значительном участии самого Н. И. Вавилова. Там имеем не только одобрительные, но прямо восторженные отзывы о теории стадийного развития и Н. И. Вавилова, и А. А. Сапегина, и многих других: часть из них пыталась развить дальше эту теорию. Поэтому можно сказать с полной уверенностью, что если бы Лысенко ограничился дальнейшей разработкой этой теории в содружестве с рядом ученых, то было бы даже не мирное, а самое дружественное сосуществование Лысенко и будущих его ожесточенных противников.

Это дружественное сосуществование было основано на том, что теория стадийного развития не была чем-то принципиально новым, ломкой научных воззрений и революцией в биологии, а дальнейшим развитием ряда работ по фотопериодизму растений — Алларда, Гарнера, Максимова, Разумова, Люби-менко и др. Теория, во многом сходная, развивалась нашим талантливым, рано умершим биологом Кренке. Теория стадийного развития была совершенно в русле классической физиологии растений и[1] ни в какой особой защите не нуждается. Естественно поэтому утверждать, что и никакой опасности стадийной теории не грозило, даже если бы Лысенко с его клевретами лишился бы всякого влияния в науке.

Но, угроза развитию этого направления пришла от самого Лысенко. Во-первых, не допускалось самостоятельных попыток развития теории, все должно было идти по руководящим указаниям сверху: это, естественно, отбило охоту работать в этой области. А сам Лысенко после разрыва с Н. И. Вавиловым и другими учеными не только не дал какого бы то ни было существенного добавления к своей теории (если не считать утверждения, что «новое учение о клетке» О. Б. Лепешинской теснейшим образом связано с теорией стадийного развития), но и позабыл о практическом использовании теории, на чем он так настаивал в первый этап своей работы.

Приведу один пример. Года два тому назад в Казахстане было совещание, на котором присутствовал и Лысенко, о чем было напечатано в газетах. Возникла трудность: слишком ранний посев яровой пшеницы давал низкий урожай из-за частой нехватки влаги в первый период лета, а оптимальный срок посева хотя и приводил к высокой урожайности, но с таким запозданием в созревании, что нередко невозможно было убрать хлеб вовремя. Вот тут, казалось бы, и предложить яровизацию, которая сократила бы время вызревания. Но Лысенко позабыл уже о своем детище и выдумывал новые «прожекты» в специфически лысенковском стиле: быстрая переделка природы растений и проч.. Вот это обстоятельство, что теория стадийного развития полностью захирела при тридцатилетней гегемонии Лысенко, и заставляет меня допустить правоту моего оппонента в 1953 году. Если бы Лысенко был вполне самостоятелен в выработке крупной научной теории, как могло случиться, что при полном торжестве его над своими

научными противниками он не только стал производить в теории стопроцентный брак, но даже по отношению к тому, что не было

222

браком, оказался совершенно беспомощным. А начал он работать в хорошем высококвалифицированном окружении (см. благодарность Н. Ф. Деревицкому и др. в предисловии к его сборику «Стадийное развитие растений», 1952 г.). Решающим в возникновении метода яровизации был, как известно, опыт отца Т. Д. Лысенко, Д. Н. Лысенко, весной 1929 г. (Т. Д. Лысенко. Стадийное развитие растений. 1952. С. 250).

Было бы полезно сейчас произвести всестороннюю критическую оценку этой теории: тоже тема для научно-исследовательских институтов.

8. Президент Академии наук не указывает имен «части селекционеров», которые используют приемы Лысенко, но можно догадаться, кто они (академики АН СССР и ВАСХНИЛ): Ремесло, Лукьяненко и Пустовойт. Из лиц, защищающих Лысенко в качестве ученого, предложившего полезные приемы, используемые в селекции, на первое место надо поставить, конечно, академика В. С. Пустовойта: он один из самых старших (если не самый старший) из ныне живущих известных селекционеров, и он пользуется исключительной известностью благодаря достигнутым им крупным успехам в селекции подсолнечника (устойчивость против заразихи и подсолнечной моли, повышение масличности семян подсолнечника) . С мнением его, конечно, нужно считаться, и это нетрудно сделать, так как совсем недавно им опубликована статья «Итоги работ по селекции и семеноводству подсолнечника» {журнал «Агробиология», 1964, № 5, с. 682 — 697) , перепечатанная из сборника «Масличные и эфиромасличные культуры» (М., 1963).

Как известно, подсолнечник происходит из Мексики, завезен в Европу в XVI веке, но свое подлинное отечество нашел в России, где его впервые стали использовать в пищевых целях сначала как лакомство (грызовой подсолнечник) , а потом для производства масла. Культура подсолнечника СССР занимает первое место в мире, а за рубежом он не занимает существенного места. Естественно поэтому, что и селекцией его нигде, кроме СССР, не занимались, и из статьи Пустовойта можно видеть, что начало селекции подсолнечника положено в 1910 г. (Харьковская опытная станция) , 1912 г. (селекционная станция «Круглик» близ Краснодара, место работы Пустовойта, ныне ВНИИМЗМК), 1913 г, (Саратовская опытная станция). Мы видим, что еще до революции селекция подсолнечника пошла довольно широким фронтом и что сейчас она ведется уже свыше 50 лет. Результаты этой работы: 1) первый период, 1912 — 1927 гг.: выработка сортов, устойчивых к подсолнечной моли и заразихе А; 2) второй, приблизительно 1928 — 1937 гг.: выведение сортов, устойчивых также и к заразихе Б; 3) третий, 1940 — 1961 гг.: повышение масличности семян. Исходная масличность 28—33 % в абсолютно сухих семенах была доведена до 51.7 % и даже в отдельных биотипах до 58 %, что соответствует масличности в абсолютно сухом ядре в 64 — 74 %. За период 1940 — 1961 гг. масличность товарных семян подсолнечника по разным областям поднялась с 28.5—29.2 % в 1940 г. до 39.65—45.27 % в 1961 г. и в среднем по стране достигла 50.4 %. Средний выход масла с гектара поднялся на 47 % — великолепный результат. Но является ли этот результат рекордным показателем того, что при селекции применялись какие-то новые особые, исключительно эффективные методы? Сравнивать советскую селекцию с зарубежной мы не можем, так как вряд ли где-нибудь, кроме СССР, ведется селекция подсолнечника, но возьмем темпы роста урожайности пшеницы.

По данным, приведенным в одной статье покойного академика Варги, за примерно тот же период, что указан выше (1923 — 1960 гг.), средняя урожайность пшеницы поднялась так.

	'Общая, %	В среднем за год.
США	91	2.85
Франция	88	2.78
Англия	70	2.33

223

Средний же годовой прирост сбора масла с гектара подсолнечника равен 1.85 %. Могут сказать, что средняя урожайность пшеницы поднялась главным образом за счет удобрений. Это, конечно, верно, но надо полагать, что и у нас удобрение подсолнечника все время улучшалось. А с другой стороны, пшеница — древнейшая культура, в 1923 г. уже Англия показывала очень высокую урожайность (и много удобрений), и даже на фоне этой высокой урожайности достигнут огромный прогресс. А отдельные селекционные методы, например для кукурузы, давали сразу повышение по крайней мере на 30 %. Мы знаем из истории селекции, что очень резкое повышение (примерно вдвое) было достигнуто в 19-м веке для таких культур, как сахарная свекла (сахар) и

картофель (крахмал). Поэтому можно очень высоко оценивать результаты, достигнутые Пустовойтом (и его длительную работу на одном месте), но не считать их совершенно из ряда вон выходящими.

Какими же методами достиг Пустовойт своих превосходных результатов? За первый период его работы (1912—1927 гг.) Лысенко вообще не был известен и не мог никак влиять на его работы, то же и за второй (1928—1937 гг.), так как с ясной критикой классической генетики Лысенко выступил только в 1935 г. Пустовойт младше И. В. Мичурина и потому мог бы быть под его влиянием, но даже имени Мичурина в своей статье Пустовойт не приводит. Поэтому мы вправе считать, что Пустовойт не был «мичуринцем» до Лысенко. О Лысенко же Пустовойт упоминает в конце статьи в выводах (с. 697): «3. Разработаны методы семеноводства подсолнечника, в основу которых положены принципиальные положения, выдвинутые академиком Т. Д. Лысенко, позволяющие ежегодно повышать породные качества районированных сортов подсолнечника в процессе семеноводческой работы. Использование этих методов семеноводства подсолнечника показало их BbiqoKyio эффективность». Значит, главное — использование в семеноводстве, а не в селекции, хотя, как увидим, следы лысенковского влияния имеют место и в селекции. Начнем поэтому с селекции.

Основа селекции — индивидуальный отбор и гибридизация (с. 684), внутривидовая и межвидовая, половая и вегетативная. Дальше о вегетативной гибридизации ни слова, и как она применяется к подсолнечнику, остается совершенно неясным. Пояснение к использованию вегетативной гибридизации при селекции подсолнечника и другим методам селекции мы имеем в статье акад. Л. Жданова «Новые пути селекции подсолнечника» («Сельская жизнь» от 13 ноября 1964 г., с. 3). Жданов продолжает работы Пустовойта. В статье не упоминаются ни Лысенко, ни Мичурин, но есть ясное указание на мичуринский метод смешивания пыльцы. Жданов пишет: «Наблюдения нашей станции подтверждают большое действие чужеродной пыльцы при самоопылении подсолнечника. Разные сорта его мы доопыляем пыльцой кукурузы, клещевины, тыквы. При двух-трехкратном инцухте подсолнечника завязываемость семян под действием чужой пыльцы заметно повышается. Однако наибольший теоретический и практический интерес представляет то, что под стимулирующим влиянием чужеродной пыльцы возрастают жизненность и продуктивность потомства самоопыленных линий подсолнечника». Не может быть, конечно, и речи о настоящем скрещивании кукурузы или тыквы с подсолнечником. Если факты подтвердятся, то, очевидно, имеет место выделение каких-то веществ пыльцевыми клетками чужеродной пыльцы, могущими стимулировать прорастание пыльцы подсолнечника. Но все это в начале работы, очевидно, не использовалось в селекции подсолнечника и широкое распространение вряд ли может иметь.

Что касается вегетативной-гибридизации, то на этот счет сказано так: «На станции уже получен ряд своеобразных форм от вегетативной гибридизации подсолнечника и топинамбура с использованием пыльцевого ментора. В 1964 г. изучались первое и второе поколение вегетативных гибридов.

224

В потомстве наблюдалось большое разнообразие форм по многим признакам: высоте растений, вегетационному периоду, форме и окраске семян и т. д.». Как ни относиться к результатам этой работы, ясно, что она в самом начале и успехи селекции подсолнечника достигнуты без нее. Что касается обычной половой гибридизации, то она использует местные сорта народной селекции, взятые из разных областей Поволжья, Кубани, Украины, Воронежской области. Все районированные сорта получены при использовании форм подсолнечника одного вида, но сейчас используется межвидовая гибридизация с диким техасским подсолнечником и земляной грушей. Это дело, очевидно, новое и ни о каком преодолении стерильности, обычной при межвидовых скрещиваниях, не упоминается.

Схема селекции изложена очень сложным языком. Ясно только, что идет отбор из большого числа образцов (как в классической селекции), но упоминается еще о питомниках направленного переопыления, осуществляется такой важный акт, как переопыление между лучшими номерами, которое приводит к «повышению жизненности изучаемого материала». Это звучит совсем по-лысенковски, но чем «направленное переопыление» отличается от постоянно практикуемого в классической селекции повторного скрещивания уже отобранных образцов, мне непонятно. Таким образом, несомненно, что основная селекционная работа подсолнечника велась обычным способом, введение же терминов и понятий, заимствованных из нового лысенковского словаря, совершенно недостаточно обосновано.

9. Перейдем теперь к семеноводству. Как известно, разница между селекцией и семеноводством заключается в том, что селекция считается законченной, когда получен достаточно устойчивый в своей наследственности сорт, т. е. возможно более гомозиготный, который затем и размножается возможно быстрее: это возможно более быстрое размножение сорта и есть задача семеноводства. Так как абсолютной гомозиготности достигнуть невозможно, то сорт с течением поколений теряет свои качества, и потому семена для посева приходится периодически обновлять. Чем реже происходит обновление семян, тем, естественно, ниже качество семян.

Пустовойт считает, что новая схема семеноводства была основана на принципах, предложенных Лысенко, который считает важнейшей задачей ежегодное повышение породных качеств районированных сортов в процессе семеноводческой работы. Дальше Пустовойт приводит новую схему семеноводства, состоящую из четырех стадий, из которой ясно, что во время семеноводства продолжаются селекция и переопыление между лучшими номерами. В отличие от старой схемы мы имеем: 1) по старой схеме на производственных площадях высевали семена 5-й и 6-й репродукции, по новой же нет старше второй репродукции; 2) продолжается селекционная работа; 3) введено ежегодное сортообновление во всей стране. Конечно, надо ожидать, что такая схема будет эффективнее старой, но в ней нет никакого разрыва с классической генетикой, и, конечно, она обходится гораздо дороже старой схемы. Ничего специфически лысенковского в ней нет.

10. Из этого краткого обзора статей Пустовойта и Жданова ясно, что успехи селекции подсолнечника достигнуты обычными методами селекции. То, что можно назвать мичуринскими и лысенковскими методами, появилось недавно и производит впечатление искусственной пристройки. Но чем же объяснить, что почтенный селекционер на склоне лет защищает методы, которыми он в своей долгой работе не пользовался. А влияние внешних условий? Хорошо известно, что продвижение лысенковщины и мичуринской биологии производилось под усиленным давлением с обязательным присовокуплением обвинений своих противников в буржуазной идеологии. Это было не только в период «культа личности» Сталина, но и в период «авторитета» Н. С. Хрущева (разницу между этим двумя понятиями установить практически невозможно). В своей последней

статье «Против дезинформации и клеветы» («Сельская жизнь», 29 августа 1964 г., с. 5) Ольшанский прямо относит автора превосходной машинописной книги, Ж. А. Медведева, «к малопочтенной группе людей, которые поставили своей главной целью чернить и порочить материалистическую агробиологическую науку и клеветать на представителей этой науки». То же пишет и Шелест (статья «Вдали от производства», «Сельская жизнь», 2 октября 1964 г., с. 3) про директора Ботанического института Ф. Х. Бахтеева: «Он предлагает небезызвестную книгу М. Е. Лобапюва „Генетика", подвергнутую научной общественностью суровой и справедливой критике. Книга эта — образец открытой пропаганды идеалистической формальной генетики, негодная попытка замолчать достижения своей, отечественной, мичуринской биологической науки».[4] Имеются сведения, что в некоторых городах сторонники Лысенко даже устраивали аутодафе из книг Лобашова. Атмосфера совершенно напоминала атмосферу 1948 г. А тогда, мы знаем, и Академия наук СССР поддержала Лысенко, и даже некоторые представители точных наук принуждены были писать совершенно смехотворные предисловия к серьезному материалу книг.

Например, наш известный астроном Н. В. Кукаркин в предисловии к книге «Исследования строения и развития звездных систем на основе изучения переменных звезд» (Москва, 1949, с. 7) пишет: «Автор стремился учесть итоги философской дискуссии по книге Г. Ф. Александрова и сессии ВАСХНИЛ о положении в биологической науке». А вот резолюция 2-го Всесоюзного совещания по математической статистике в Ташкенте в сентябре—октябре 1949 г. (с. 313): «То обстоятельство, что некоторые статистики, встав на идеалистические позиции, поддерживали вейсманистское направление в биологии и развивали абстрактные, оторванные от реальности схемы формальной генетики, ни в коей мере не может опорочить самой статистики как одного из важнейших орудий исследования в биологии и других науках. Совещание решительно осуждает выступление на сессии ВАСХНИЛ акад. В. С. Немчинова, пытавшегося „обосновать" при помощи статистики реакционные вейсманистские теории. Объективно акад. В. С. Немчинов выступал с позиции махистской англоамериканской школы, присваивающей статистике несвойственную ей роль арбитра, стоящего над другими науками... Совещание с удовлетворением принимает заявление одного из крупнейших советских статистиков, действительного члена Академии наук

УэССР проф. В. И. Романовского, о признании идеологических ошибок, допущенных в некоторых ранних его работах». Совещание отметило и «попытки, маскируясь громкими революционными фразами, протащить махистское мировоззрение (Бродовицкий и Захаров)»; само собой подразумевается, что выступления «махистов» не были напечатаны.

В период «оттепели» нажим с «высшего» уровня на науку ослабел, но с 1957 года он снова стал все усиливаться. Неудивительно, что акад. Пустовойт поддался этому нажиму: он — в очень хорошей компании академиков-негероев. Известно, что и в Академии наук СССР только в 1964 г. академики осмелились на открытый протест, провалив Нуждина в академики, несмотря на поддержку его сверху. Известно, что Нуждин прошел в Отделении общей биологии голосами покорного большинства и был провален на Общем собрании (120 голосами против 24) благодаря решительному протесту мощного фланга свободной науки — математиков, физиков, химиков и др. и что даже выступление наших крупнейших физиков вызвало недовольство и угрозы Ольшанского. Естественно, что в Академии сельскохозяйственных наук атмосфера не располагала к протесту: и научное значение академиков поскромнее, и мощного фланга нет, и во главе сидела такая фигура, как Ольшанский. Поэтому понятно то «единодушие», с которым академики «выбирали» вновь Лысенко и Ольшанского, а сейчас П. П. Лобанова. Все это по-человечески можно понять и простить. Но из этого не следует, что наша подлинная, а не казенная научная

общественность может примириться с тем, что на месте Н. И. Вавилова сидит П. П. Лобанов.

11. Уже на предыдущих страницах я касался того, что самым мощным орудием лысенковцев в борьбе с противниками были философские доводы, часто равноценные политическим доносам. Но, как ни странно, эта аргументация не снята с вооружения. Правда, в последней речи акад. Келдыша («Правда» от 7 февраля 1965 г.) об этом не упоминается, но в его же выступлении в той же газете от 2 ноября 1964 г. есть ссылка на философию в отношении общественных наук. П. П. Лобанов же («Ульяновская правда» от 19 февраля 1965 г.; это место в «Комсомольской правде» от 18 февраля выпущено) пишет: «Основополагающим и руководящим моментом в работе ученых всегда будет марксистско-ленинская материалистическая теория, которая является незыблемой основой в любых научных исследованиях». Но ведь защита лысенковцами так называемой мичуринской биологии и полное «опровержение» вейсманизма-менделизма-морганизма всегда рассматривалась нашими философами как самое блестящее применение «незыблемых основ».

Сейчас философы (см. цитированную статью в «Вопросах философии», 1964, № 12, с. 429) склонны защищать ту мысль, что в ошибках виноваты «многие философы» или «отдельные» философы, а что в целом наша философия за эти ошибки не отвечает. Это, конечно, неверно. При Сталине (а это продолжалось и при Хрущеве) проводился в жизнь проект Козьмы Пруткова о введении единомыслия в России. Конечно, во всех слоях нашего общества не было достигнуто единомыслия, не было единомыслия и у философов, но оппозиция совершенно не имела доступа в печать. И ведущие философы решительно защищали всю официальную линию, или, как тогда говорили, «установку». М. Б. Митин выступил с поистине нелепой речью против И. И. Шмальгаузена, Н. П. Дубинина и других морганистов на пресловутой сессии ВАСХНИЛ 1948 года, а сейчас он как главный редактор «Вопросов философии» осуждает сессию ВАСХНИЛ, пытается найти ей оправдания (с. 26).

Редакторы «Краткого философского словаря» и «Философского словаря» в последнем издании (1963 г.) сильно подчистили, как увидим дальше, старые словари. На философских словарях и полезно сопоставить, какие «вклады» в биологию внесли наши философы под прикрытием «неизменных основ». Я буду сравнивать 4-е издание «Краткого философского словаря» (1954 г.), дополнительный тираж 4-го издания (1955 г.) и «Философский словарь» (1963 г.), при ссылках буду прямо указывать только год издания. Редакторами всех трех изданий являются М. Розенталь и П. Юдин. Эволюция наших философских вождей была бы еще контрастнее, если бы взять все издания, начиная с первого, я ограничиваюсь только теми изданиями, которые были изданы после смерти Сталина. Тиражи словарей соответственно 1500 тыс., 500 тыс. и 400 тыс.: бумаги потрачено немало.

12. Вмешательство философии в современную биологию касается пунктов: 1) мичуринская биология и лысенковщина; 2) новое учение о виде; 3) новая теория клетки О. Б. Лепешинской; 4) теория Бошьяна; 5) взгляды В. Р. Виль-ямса; 6) защита учения И. П. Павлова. Коснусь по очереди всех шести пунктов.

1) *Мичуринская биология.* Вот как она характеризуется в статье «Мичуринская биология» в 1954 г. (с. 355): «Важнейшей отличительной особенностью мичуринской биологии по сравнению с предшествующими теориями является то, что ее создатели сознательно и последовательно применили к пониманию и изучению законов развития органической формы материи марксистско-ленинское мировоззрение — диалектический материализм. Никто из предшествующих биологов не применял диалектику как метод, как инструмент научного исследования... Экспериментальное исследование и теоретические обобщения русских биологов-материалистов подготовили новый этап в развитии биологической науки, который оказался возможным только в условиях социализма, на

227

основе философии диалектического материализма. .. Мичуринская биология отбрасывает как реакционную выдумку хромосомную теорию вейсманистов-морганистов с ее мистическими генами». В таком же духе написаны статьи «Вейсманизм-морганизм» (с. 67—69: «В основе вейсманизма-морганизма лежит извращенное толкование наследственности организмов, воспринятое от метафизической, антинаучной теории Менделя», дается определение наследственности Т. Д. Лысенко, полное одобрение сессии 1948 г.), «Менделизм» (с. 343), «Борьба противоположностей» (с. 56), «Марксистский диалектический метод» (с. 324), «Марксистский философский материализм» (с. 327: «На основе марксистского материалистического миропонимания мичуринская биология одержала победу над идеалистическим лжеучением вейсманизма-морганизма. На основе материализма советские физики и все прогрессивные ученые мира ведут борьбу против „физического" идеализма, задерживающего прогресс науки, примиряющего науку с религией»). Сам Лысенко в борьбе против генетиков на сессии ВАСХНИЛ выставил как главный философский аргумент то, что знаменитый физик Шредингер в своей книге «Что такое жизнь?» договорился до бога, хотя тут Шредингер выражал только свое личное мнение.

В 1955 г. вместо мичуринской биологии — статья «Мичуринское учение» (с. 291—294). Изменение не улучшает статьи: указано, что на основе мичуринского учения Т. Д. Лысенко разработал теорию стадийного развития организма, а конец статьи является сознательным искажением действительности: «Выдающееся значение учения И. В. Мичурина признается учеными-биологами не только в нашей стране, но и во всем мире». Сохранен весь дух статей «Вейсманизм-морганизм» и «Менделизм», «Борьба противоположностей» и «Марксистский философский материализм», но в статье «Марксистский диалектический метод» уже выпущены слова о победе мичуринской биологии над вейсманизмом-морганизмом. Началось отступление наших философов на этом участке. В 1963 г. от похвал в адрес мичуринской биологии почти ничего не осталось. Осталась только краткая статья о Мичурине, где опека его сильно снижена: вместо «великий (или выдающийся) биолог, поднявший на новую, высшую ступень дарвинистскую, научную биологию» сказано просто «советский биолог, почетный член АН СССР». Все остальные приведенные выше статьи («Мичуринская биология», «Вейсманизм-морганизм», «Менделизм», «Борьба противоположностей», «Марксистский диалектический метод», «Марксистский философский материализм») исчезли. Зато появились статьи, отсутствовавшие в изданиях 1954 и 1955 гг.: «Советская марксистская философия» и «Современная марксистская философская мысль за рубежом»; их придется коснуться дальше.

Что касается биологии, то появились в 1963 г. статьи: «Наследственность» и «Неодарвинизм», написанные в общем вполне объективно, без упоминания Мичурина и Лысенко и с явным пониманием хромосомной теории. Правда, имя Менделя тоже не упоминается. На этом участке отступление философов почти закончилось (еще нет прямого осуждения Лысенко, еще период «авторитета» Н. С. Хрущева).

2) *Новое в учении о виде.* Это «учение» Лысенко, как известно, уже подверглось резкой и заслуженной критике даже в печати начиная с декабря 1952 г. («Ботанический журнал»). Однако даже в 1954 году философы пишут в статье «Мичуринская биология» (с. 356): «Тем самым мичуринская биология преодолела ограниченность дарвиновской теории, отрицавшей скачки в природе. Мичуринская биология, опираясь на практику и преодолевая односторонность плоского эволюционизма, разрабатывает новую теорию вида и видообразования». В несколько измененном виде это повторяется и в 1955 г. В 1963 г. от этого, конечно, ничего не осталось.

3) *Новая теория клетки О. Б. Лепешинской.* В 1954 г. в статье «Клетка» читаем (с. 244): «Диалектико-материалистический метод мышления дал

228

возможность изучить клетку в движении, в ее развитии и таким образом снять с нее таинственный покров. Оказалось, что в известные моменты развития и жизни организма и его отдельных органов клетка, ее содержимое, развивается не из клетки, а из соответствующих веществ, не имеющих структуры, присущей клетке. Честь этого крупного открытия в биологии принадлежит советскому ученому О. Б. Лепешинской». Примерно то же повторяется и в 1955 г.[5] В 1963 г. статья «Клетка» сильно сокращена, о Лепешинской и ее учении ни слова, нет и критики Вирхова, победа же материализма в биологии связывается с открытием клеточного строения Шлейденом и Шванном наряду с эволюционным учением Дарвина.

4) *Теория Бошьяна.* Этот «новатор», теория которого внедрялась наряду со взглядами Лысенко и Лепешинской, прогорел, как известно, еще при Сталине (в медицине шарлатанство труднее удается, чем в агрономии), и потому в философских словарях о нем нет упоминания. (Можно посмотреть только БСЭ, 2-е издание, где о нем говорится в сдержанном, но отнюдь не критическом тоне. То обстоятельство, что он все же попал в БСЭ, куда, как правило, допускаются ныне живущие ученые не ниже ранга члена-корреспондента, показывает, что он достаточно высоко котировался в то время) .[6]

5) *Взгляды В. Р. Вильямса.* После 1948 г. Вильяме был канонизирован наряду с Лысенко и Мичуриным, и даже малейшая критика не допускалась, но к 1954 г. его положение уже немного пошатнулось после выступления Н. С. Хрущева. Но все же в «Кратком философском словаре» 1954 г. мы читаем (с. 79}: «Народ заслуженно называл Вильямса главным агрономом Советского Союза. Вильяме был страстным проводником идей марксизма-ленинизма в науке и практике, безгранично верил в победу коммунизма. Он старался пересмотреть с позиций диалектического материализма не только почвоведение, но и ряд отраслей агрономии, отстаивал принцип партийности в науке и боролся за единство теории и практики. „Могучее воздействие материалистической диалектики, — писал он, — позволило нашей сельскохозяйственной науке отряхнуть вековые цепи рабских традиций и уничтожить культ предельческих теорий"».

К числу «рабских традиций» в деле «крутого подъема сельского хозяйства» Вильяме и его соратники (Лысенко и проч.) относили, очевидно, уважение к Либиху, Пастеру, Менделю. Мы знаем, к чему это привело.

В «Кратком философском словаре» 1955 г. все изложение в общем сохранено, но, видимо, к тому времени «народ» изменил свое мнение (как это узнали наши философы, остается тайной) и не считал уже больше Вильямса главным агрономом Советского Союза. В 1963 г. «народ» окончательно отступился от своего «главного агронома», и в этом издании Вильяме уже вовсе не фигурирует.

13. 6) Учение И. П. Павлова. В первых пяти случаях философы защищали (вместе с партийным руководством) новые «учения» в биологии и во всех пяти случаях потерпели полный провал. Но, может быть, у них было больше удачи в защите нашего выдающегося физиолога от его противников? А нуждался ли И. П. Павлов в защите? Его слава гремела во всем мире, на одном из международных конгрессов физиологов (насколько мне помнится, в Риме) он был провозглашен «принс физиологорум» (глава, вождь физиологов), и его учение было несомненно материалистическим. Но, как известно, в 1950 году была сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященная проблемам физиологического учения И. П. Павлова. Сейчас об этой сессии академиков обеих академий вспоминают со стыдом — она была следствием грубого произвола Сталина и «покорства» большинства академиков/ Но философы 1954 г. продолжали «молчалинскую» линию (с. 439): «Со стороны ряда противников учения Павлова развитие его идей и внедрение их в медицину,

биологию и другие области науки встретило ожесточенное сопротивление (Штерн и ее «школка», академик Бериташвили и др.). Академик Л. А. Орбели и группа его учеников сбивали исследователей с правильных павловских позиций и исходили в ряде вопросов из идеалистической теории психофизического параллелизма и т. п.». Врагами Павлова были объявлены в числе прочих два наших крупнейших физиолога: Л. А. Орбели и Бериташвили. Бериташвили, конечно, во многом расходится с И. П. Павловым, но он мужественно защищал свои взгляды и сейчас полностью «реабилитирован» от несуществующей вины. Л. А. Орбели же был подлинным продолжателем дела Павлова и ни при каком понимании «противником» Павлова считаться не может. Но в то время важно было найти противников и «внедрить» чисто прутковское «единообразие в мыслях», что и было сделано.

В 1955 г. философы уже выкинули из статьи о Павлове упоминание о печальной памяти сессии 1950 года и о «противниках», как будто ничего подобного в истории нашей страны и не было. В словаре 1963 г. — дальнейший прогресс: как и большинство статей, статья об И. П. Павлове сильно сокращена и введена следующая фраза (с. 336): «Данные работ П. и его школы в последнее время служат основой для разработки и создания кибернетических устройств, имитирующих отдельные стороны психической деятельности». Правильно отмечена связь павловских работ с кибернетикой, что, как известно, утверждают и создатели кибернетики.

Ну, а как с кибернетикой у наших философов? В словаре 1954 года читаем такие фразы (с. 236–237): «Кибернетика... реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах: форма современного механицизма... По существу своему кибернетика направлена против материалистической диалектики, современной научной физиологии, обоснованной И. П. Павловым (см.) и марксистского научного понимания законов общественной жизни... Кибернетика ярко выражает одну из основных черт буржуазного мировоззрения — его бесчеловечность, стремление превратить трудящихся в придаток машины, в орудие производства и орудие войны... Кибернетика является, таким образом, не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления ее агрессивных военных планов».

В издании 1955 г. слово «кибернетика» вовсе отсутствует, а в 1963 г. появляется «на повышенном основании» (с. 197—198). Изложение вполне объективное, и о философских разногласиях упомянуто только в конце: «Так, идеалистическая философия, отвергая возможность объективных методов исследования психической деятельности, выступает против результатов К., способствующих раскрытию некоторых существенных черт и механизмов этой деятельности. Подчеркивая объективную обоснованность кибернетических аналогий, диалектический материализм вместе с тем настаивает на ошибочности полного отождествления человека и машины, человеческого сознания и функций кибернетических систем». Позабыв (или сделав вид, что позабыли) то, что писали раньше, философы теперь заявляют, что против кибернетики выступали идеалисты.

История с «защитой» нашими философами учения И. П. Павлова не столь трагична, как лысенковщина, и не имела таких огромных экономических последствий, но, пожалуй, она еще более компрометирует ведущих советских философов, чем история с мичуринской биологией. Там была известная новизна, которую в некоторой степени поддерживали и Н. И. Вавилов, и др. Здесь же репутация И. П. Павлова была настолько прочно установлена, что ни в какой защите не нуждалась. Но так как везде надо было найти врагов, то и здесь приказано было искать и найти врагов. Крыловский медведь оборонял своего друга-пустынника от реальной неприятности, хотя и не совсем умело. Наши философские медведи продолжали «оборонять» Павлова от несуществующих врагов даже после того, как приказ искать врагов прекратился. Задержка

в развитии нашей физиологии несомненна, как несомненна задержка и в развитии кибернетики, но благодаря наличию великолепных школ математиков, сохранивших и развивших идеи старых, дореволюционных математиков, задержка в развитии кибернетики была быстро преодолена. С физиологией как будто получилось хуже.

Влияние наших философов на развитие биологии — только отрицательное.[8] Может быть,лучше с другими науками?

14. Общеизвестно, что философы разных эпох послереволюционного периода старались обвинить в идеализме самых крупных наших ученых. К 1954 году многие из этих ошибок уже были исправлены, но следы их еще остались. Любопытно отношение к теории относительности. В 1954 году признается ее большое научное значение, и считается (с. 596), что «теория относительности подтвердила учение диалектического материализма о пространстве и времени». Но дальше читаем: «В буржуазной литературе теория относительности представлена в фальсифицированном, искаженном виде. Один из творцов теории относительности, А. Эйнштейн (отдельной статьи, ему посвященной, в словаре нет), внесший значительный вклад в разработку ее конкретных физических положений, дал под влиянием махистской философии извращенное, идеалистическое толкование ряда положений этой теории. Эйнштейн игнорирует действительную основу теории относительности — правильное понимание материи... Ошибки Эйнштейна показывают, как правильная физическая теория в условиях общего загнивания буржуазной культуры извращается и используется идеализмом. Советские физики и философы разоблачили ряд антинаучных положений сторонников Эйнштейна, Эддингтона и др. Однако задача полного

научного, диалектико-материалистического обоснования теории относительности, выяснение пределов и путей ее дальнейшего развития еще не решена физикой». Допустим, что Эйнштейн, несмотря на свой махизм в период создания теорий, обессмертивших его имя, фактически был бессознательным диалектическим материалистом. Но как могло случиться, что сознательные диалектические материалисты (к которым, по официальным данным, принадлежит большинство наших талантливых физиков, а также все философы) за 38 лет, протекших с опубликования общей теории относительности (в 1916 г.), не могли ей дать полного научного (обоснование Эйнштейна, очевидно, считается ненаучным) диалектико-материалистического обоснования, — это уже выходит за пределы обычного понимания. Для этого нужно быть квалифицированным советским философом.

В 1955 году статья «Теория относительности» сохранилась без существенных изменений. В словаре 1963 года эта статья примерно в два раза сокращена. Указано, что Эйнштейн — создатель теории относительности и др. теорий — сформулировал свои теории в 1905 и 1916 году (в старых изданиях Эйнштейн считался лишь одним из творцов теории относительности и назывались его предшественники, в частности П. Лебедев и Лобачевский, чем старались принизить роль Эйнштейна). Об ошибках Эйнштейна уже ничего не говорится, а в статье «Эйнштейн» (с. 513) делается попытка, признавая его некоторые идеалистические ошибки, сделать его материалистом. Приводится указание, что в 1920 году Эйнштейн назвал Маха «жалким философом» (правилен ли перевод, мне неясно). Все, оказывается, в полном порядке, и никакого диалектико-материалистического обоснования теории относительности не требуется.

Аналогичная судьба и у известной в химии теории резонанса. В свое время при Сталине философам был дан заказ — найти идеалистов в химии, и этот заказ был выполнен философами в отношении теории резонанса. В издании 1954 г. читаем (с. 600): «Теория резонанса — идеалистическая теория в органической химии, созданная в 30-х гг. XX века американским физиком и химиком Л. Паулингом и его школой и принятая некоторыми буржуазными учеными-химиками». Указывается на связь с теорий мезомерии Инголла, на

связь с взглядами Шредингера (как известно, его книжка «Что такое жизнь?» была главным основанием для обвинения со стороны Лысенко всех генетиков в идеализме) и вейсманизмом-морганизмом, и статья заканчивается словами: «Советские химики и философы ведут активную борьбу против идеалистической теории мезомерии — резонанса, препятствующей развитию химии». В 1955 и 1963 гг. мы статьи о теории резонанса уже не найдем, а Л. Паулинг часто фигурирует в наших газетах как один из прогрессивнейших ученых, активный борец за дело всеобщего разоружения.[9]

15. По указанию Сталина философы пытались вмешиваться (и «философски обосновывали» невежественные указания Сталина) во все области науки и решительно во всех случаях потерпели жестокое поражение. Я возьму свои слова обратно, если мне укажут хотя бы один пример из любой области наук, где вмешательство наших официальных философов принесло какую-либо пользу. И если мы возьмем историю советской философии, то придется, перефразируя Шекспира, сказать, что нет повести печальнее на свете, чем повесть о советской философии. Показательно уже то, что до сих пор (на что жаловались наши философы) не было случая присуждения Ленинской премии за какое-нибудь философское произведение. В словаре 1963 года есть статья «Советская марксистская философия» (с. 409—411) о роли философов-коммунистов: все время шла борьба с «извращениями». Началось борьбой с махизмом (А. А. Богданов, А. В. Луначарский и др.), в конце двадцатых—начале тридцатых годов — против рецидивов механистического материализма (Бухарин, Варьяш, Сарабьянов), меньшевиствующего идеализма (группа Деборина). Дальше борьба прекратилась, так как вся философия диктовалась Сталиным, в связи с чем прекратился и журнал «Под знаменем марксизма», существовавший в 1922—1944 гг. и оставшийся в памяти как «печальный опыт» (слова А. А. Жданова в его известном докладе 1947 г., с. 33). В словаре 1963 года уже сказано (с. 410), что «его (Сталина) работа „О диалектическом и историческом материализме" без всяких оснований была объявлена вершиной марксистской философии». По мнению авторов словаря, решения XX съезда КПСС положили начало новому этапу в развитии советской философии, однако на той же странице находим: «Большое значение для творческого развития марксизма и марксистской философии имеют выступления Н. С. Хрущева; их особенностью является неразрывное единство теории и практики, смелый творческий подход к проблемам, выдвигаемым исторической практикой».

В настоящее время нечего доказывать, что примерно через год после выпуска словаря уже никто не станет защищать претензии Н. С. Хрущева быть главой советской философии, и в настоящее время эта философия в буквальном смысле оказывается безголовой. Но может быть, она выдвинула кого-либо, достойного считаться выдающимся философом? В статье приведено 58 имен современных советских философов: все они упоминаются пачками, по определенным группам вопросов, без единой крупной индивидуальности: «числом поболее, ценою подешевле». Единственным именем в данной статье, которому посвящена еще отдельная статья, является А. А. Богданов (фигурирующий во всех трех изданиях). Совсем не упомянут Скворцов-Степанов. Может быть, лучше обстоит [дело] среди коммунистических деятелей Запада? И на этот вопрос отвечает статья «Современная марксистская философская мысль за рубежом» (с. 411—413). И тут все больше опровергают противников. Я насчитал 42 имени, но только три удостоились отдельных именных статей: Бернал, Грамши и Ланжевен. Грамши — основатель Коммунистической партии Италии, два других — крупные физики, а не философы. И в этой статье упоминается, что «выступления Н. С. Хрущева с критикой культа личности Сталина, а также по разнообразным теоретическим вопросам завоевали международное признание. Н. С. Хрущев раскрыл значение и роль в современных исторических условиях марксистско-ленинского учения о единстве теории и практики».

232

16. Если теперь сопоставим статьи, посвященные отдельным лицам, в двух словарях 1954 и 1963 гг., то увидим, что исчезли статьи, посвященные: 1) Абовяну Х., 2) Вильямсу В. Р., 3) Димитрову Г. М., 4) Докучаеву В. А., 5) Жданову А. А., 6) Калинину М. И., 7) Мао Цзе Дуну, 8) Низами, 9) Руставели, 10) Сталину И. В., 11) Франко И. Я., 12) Чавчавадзе И. Г. Кроме Сталина и сталинистов исчез ряд почтенных деятелей науки, искусства и политики просто потому, что их деятельность действительно не связана с философией. Это не связано с сокращением словаря. «Философский словарь» 1963 г. действительно немного меньше «Краткого философского словаря» 1954 г. (49.4 и 53.1 печ. листов), но благодря резкому сокращению объема статей содержание его значительно увеличилось и вместо удаленных 12 именных статей вставлено 225 новых. Не буду перечислять их всех, скажу только, что они составляют чрезвычайно разношерстную компанию. Тут и античные философы и ученые (26), средневековые философы и богословы (8), западноевропейские философы и мыслители (53), дореволюционные русские мыслители и эмигранты (29), китайские философы (10), индийские мыслители (4), утопические социалисты и коммунисты (10), современные некоммунистические западные социологи (3), советские и заграничные марксисты (6), старые западные материалисты (5), современные позитивисты (14), экзистенциалисты (8), современные католические мыслители (4), физики и астрономы (19), математики (14), минералоги, химики, геологи (4), биологи, медики (8).

Огромный перевес идеалистов совершенно ясен. Редакция в предисловии пишет, что «в целях усиления критики современной буржуазной идеологии в словарь включено много статей, в которых дается марксистская оценка концепций современных буржуазных философов и социологов», но вряд ли можно назвать «современными буржуазными философами и социологами» таких лиц, как Ф. М. Достоевский, И. В. Киреевский, Б. Паскаль, К. Пирсон, Д. Рескин, В. Соловьев, С. Н. Трубецкой, А. С. Хомяков, Р. Эмерсон, И. С. Эриу-гена, П. Д. Юркевич и многие другие.

Если принять во внимание также, что сам тон изложения несравненно более корректен и объективен, чем в 1954 г., то придется признать, что такое решительное изменение философского словаря есть молчаливое признание ошибочности того взгляда на историю философии, который считался «установочным» при Сталине и проводился в жизнь А. А. Ждановым. Современное изложение примерно соответствует изложению в первом издании (семитомном) «Истории философии», начавшемся в 1941 г. и прекратившемся (после резкой критики) на третьем томе. Там хотя и отмечалось особенное значение марксистской философии, но давалось подробное изложение и так называемой буржуазной философии (пять томов из семи). Но с 1947 г. проводился курс, сформулированный в известном выступлении А. А. Жданова на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Он сформулирован на с. 13 выступления: «Марксистская философия в отличие от прежних философских систем не является наукой над другими науками, а представляет собой инструмент научного исследования, метод, пронизывающий все науки о природе и обществе и обогащающийся данными этих наук в ходе их развития. В этом смысле марксистская философия является самым полным и решительным отрицанием всей предшествующей философии. Но отрицать, как подчеркивал Энгельс, не

означает просто сказать ,,нет". Отрицание включает в себя преемственность, означает поглощение, критическую переработку и объединение в новом высшем синтезе всего того передового и прогрессивного, что уже достигнуто в истории человеческой мысли». После выступления Жданова были сделаны такие «выводы», которые не понравились и самому Жданову, и в результате новое пятитомное издание «Истории философии» представляет собой какую-то карикатуру на историю философии, так как вся старая философия излагалась в совершенно искаженном виде.[10]

233

17. Еще более резкое изменение от 1954 к 1963 году произошло, если мы будем рассматривать тематические статьи обоих словарей. В новом словаре исчезло 39 таких статей: 1) «Анархизм и социализм», 2) «Борьба противоположностей», 3) «Вейсманизм-морганизм», 4) «Великая Октябрьская революция», 5) «Две тактики социал-демократии», 6) «Закон планомерного развития народного хозяйства», 7) «Империализм как высшая стадия капитализма», 8) «История ВКП(б), краткий курс», 9) «Класс в себе и класс для себя», 10) «Классы в СССР», 11) «Культура социалистическая», 12) «Марксизм и вопросы языкознания», 13) «Марксизм и национальный вопрос», 14) «Марксистский диалектический метод», 15) «Марксистский философский материализм», 16) «Менделизм», 17) «Мичуринская биология», 18) «Об основах ленинизма», 19) «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 20) «О диалектическом и историческом материализме», 21) «Основной экономический закон», 22) «Основной экономический закон капитализма», 23) «Основной экономический закон социализма», 24) «Параллелизм», 25) «Правые социалисты», 26) «Развитие социализма от утопии к науке», 27) «Святое семейство»,

28) «Существенное различие между городом и деревней и пути его ликвидации»,

29) «Существенное различие между умственным и физическим трудом и пути его ликвидации», 30) «Типы производственных отношений», 34) «Условия материальной жизни общества», 35) «Философия Древнего Востока», 36) «,,Что делать" Ленина», 37) «,,Что такое друзья народа" Ленина», 38) «,,Шаг вперед, два шага назад" Ленина», 39) «Экономические проблемы социализма».

Значительная часть (16) исчезнувших статей связана с именем Сталина (№ 1, 6, 8, 12—15, 18—23, 28, 29, 39),но удален также ряд статей Ленина (№ 5, 7, 36—38) и Энгельса (№ 26, 27), носящих политический и социологический, а не философский характер. Удалены, как уже было указано, и статьи, связанные с сессией ВАСХНИЛ 1948 г. Наряду с этим в словарь 1963 г. включено вновь более 200 статей. Нет смысла их перечислять. Скажу только, что они касаются разнообразных философских школ, новых направлений в науке, которые отвергались как «буржуазные» во времена Сталина и которые были в значительной степени «реабилитированы» в 51-м томе Большой Советской Энциклопедии, «Истории философии» и т. д. Влияние Хрущева сказывается на введении в словарь таких слов, как «авторитет» и «культ личности» — два понятия, которые на практике, как известно, совершенно не могут быть различимы.

Мы видим, таким образом, что за девять лет сделан огромный шаг в трактовке философии. Мало того, мне известно, что под редакцией того же М. М. Розенталя издан переводный «Философский словарь» для научных библиотек. Это — известный немецкий экзистенциалистский философский словарь, изданный в Штутгарте в 1957 г. Если заметить, как был охарактеризован экзистенциализм в 1954 г., то перемену придется признать очень существенной. В 1954 г. в «Кратком философском словаре» написано: «Экзистенциализм — упадочническое субъективно-идеалистическое философское течение эпохи империализма, основное назначение которого — деморализация общественного сознания, борьба против революционных организаций пролетариата... Создал эту реакционную философию датский мракобес Кьеркегор, враг социализма и демократии, который считал даже философию откровения Шеллинга (см.) недостаточно реакционной... Эта человеконенавистническая ,,философия" была принята на вооружение идеологами германского империализма (Хейдеггер, Ясперс)».

18. Этот огромный шаг, уже сделанный нашей официальной философией, может быть назван полной ревизией философских «установок» периода Сталина. Но, может быть, работа уже закончена, все последствия «культа личности» преодолены и новейшие философские «установки» полностью исправили ту полную деградацию философии, как и многих других наук, которая имела место в сталинские времена? Для выяснения положения хотя бы в области философии

234

биологии обратимся к двум новейшим статьям, именно к редакционной статье (без подписи) «Глубже разрабатывать методологические проблемы биологии» («Вопросы философии»,

1964, № 12, с. 25—32) и к статье член-корр. АН СССР Б. Кедрова «Пути познания истины» («Новый мир», 1965, № 1, с. 213—235). Обе статьи интересны тем, что они отражают мнения двух групп советской философии. «Вопросы философии» редактируются Митиным, сыгравшим печальную роль в 1948 г., и эта линия продолжалась не менее чем до 1961 года (см., напр., книжку Г. В. Платонова «Диалектический материализм и вопросы генетики», 1961 г., осуществлявшую уже хрущевские директивы по удушению свободной генетики). Б. Кедров же, насколько мне известно, никогда не выступал в защиту официальных установок и даже, по-видимому, боролся по мере сил за научную генетику, но, конечно, лишен был возможности выступать публично в наших условиях. На своем посту руководителя Института истории естествознания и техники Академии наук СССР он, видимо, сделал немало. Институт за эти годы опубликовал много ценных трудов по истории науки, в частности по истории биологии, где многие ошибочные «установки», навязанные за сталинский период, успешно исправлялись. Обе статьи совпадают по оценке сессии ВАСХНИЛ как имевшей вредное значение, указывают на вред, причиненный, в частности, Лысенко, правильно указывают, что классическая, менделистская генетика вовсе не связана с идеализом, и, наконец, указывают («Вопросы философии», с. 29), что тезис о двух биологиях, буржуазной и советской, совершенно ошибочен, хотя многие философы и поддерживали его в своих выступлениях. Последнее признание особенно ценно. Наконец, в статье Кедрова правильно «реабилитируются» не только Мендель, но и такие ученые, как Вейсман, де Фриз, Морган. Как будто все в порядке? Нет, далеко не все, и в обеих статьях можно отметить существенные недочеты, мешающие полному очищению биологии от вненаучных влияний.

Прежде всего пытаются найти в ходе развития биологии причины, до известной степени оправдывающие сессию 1948 г. В «Вопросах философии» (с. 28) по-прежнему (забыв свое осуждение противоположения советской и буржуазной биологии) пытаются связать развитие биологии с идеализмом и клерикализмом, признают совершенно правильной критику К. А. Тимирязевым «мендельянцев» и считают, что в настоящее время в результате исканий генетика встала на путь, который предсказал еще в начале XX века К. А. Тимирязев (с. 29). К. А. Тимирязев, по «Вопросам философии», остается непререкаемым, незыблемым авторитетом, не сделавшим никаких ошибок. Кедров, наоборот (с. 229), считает, что К. А. Тимирязев не разглядел по существу ничего положительного и ценного в новых концепциях в биологии в силу антидарвини-стической, идеалистической и религиозной аргументации некоторых сторонников менделизма, и, по мнению Кедрова, «трудно было тогда за грудой реакционных высказываний и антидарвиновской направленностью увидеть здоровое зерно в менделизме». Кто же из них прав в оценке К. А. Тимирязева: журнал «Вопросы философии» или Кедров? Ни тот ни другой. «Вопросы философии» переоценили роль Тимирязева, Кедров недооценил, так как полного отрицания менделизма у К. А. Тимирязева никогда не было. Мало того, он правильно понял, что менделевское понимание наследственности устраняет «кошмар Дженкинса», т. е. то возражение, которое сам Ч. Дарвин считал самым опасным возражением для своей теории. Эта мысль Тимирязева независимо от него была развита известным английским математиком и генетиком Р. Фишером в книге «Генетическая теория естественного отбора». Эта книга и явилась базисом для того синтеза дарвинизма и менделизма, которого сейчас придерживается подавляющее большинство биологов в мировой науке. Можно критиковать и этот синтез как недостаточный, но сейчас этого вопроса не стоит касаться.

19. Ошибка К. А. Тимирязева, как выяснилось теперь со всей очевидностью, заключается не в том, что он вовсе отрицал менделизм, а в том, что он

недостаточно его оценил и отвел ему совсем небольшой участок в своей классификации форм наследственности. Эта ошибка, конечно, связана с его общебиологическими взглядами, переоценкой значения исторического метода (идиографического) в ущерб отыскания общих законов наследственности, изменчивости и эволюции (номотетического направления).

Это совершенно ясно видно из его примечания 1 (с. 138) речи «Факторы органической эволюции», произнесенной в январе 1890 года (Соч., т. 5, 938): «Не останавливаясь на рассмотрении этого второго фактора — наследственности, так как для этого потребовалось бы несоответственно длинное отступление, замечу только, что господствующее стремление немецких ученых создать общую теорию наследственности едва ли удачно и едва ли даже соответствует действительной потребности науки. Общая теория наследственности представляется мне столь же мало возможной, столь же мало нужной, как общая теория изменчивости. Факт наследственности, смотря по тому, как на него взглянуть, или очень прост, или крайне сложен. Крайне прост — как

общее представление, крайне сложен — при детальном применении к любому частному случаю. Здесь исследователю пришлось бы проследить шаг за шагом непрерывную механическую связь между наблюдаемым явлением и его отдаленной причиной, выполнить длинный промежуток, чтобы не иметь перед собой непонятного действия на расстоянии, раскрыть все крючочки и петельки, связывающие исчезнувшую причину с продолжающимся действием».

А дальше Тимирязев указывает, что начало стремлений было положено неудачной гипотезой пангенезиса Дарвина, и связывает с натурфилософией такие понятия, как «пластидулы» Геккеля, «идиоплазму» Негели, «зародышевую плазму» Вейсмана, «Пангены» де Фриза. Он совершенно игнорирует ту огромную подготовительную работу, которую проделали эти выдающиеся ученые: эта работа и помогла воскресить из забвения классическую работу Менделя; как известно, одним из трех основоположников современного менделизма и был де Фриз. К. А. Тимирязев, очевидно, не читал внимательно классического мемуара Г. Менделя, чем и объясняются его многочисленные ошибки в оценке Менделя: 1) Тимирязев полагал, что Мендель работал только с горохом; на самом деле Мендель работал с 19 родами растений, а также производил скрещивание и мышей, но для изложения в своей предельно сжатой работе он выбрал один горох; 2) Тимирязев совершенно не упоминает о третьем законе — законе независимости, а именно этот закон имеет чрезвычайное значение для понимания возникновения огромного разнообразия во втором поколении гибридов; возникновение этого разнообразия, хорошо известное до Менделя, оставалось, однако, до Менделя непонятным; его приписывали (не исключая и Дарвина) колебаниям в «силе наследственности» и пр.; 3) в связи с этим Тимирязев совершенно отрицает значение законов Менделя для процесса образования новых форм, между тем как теперь совершенно ясно, что чистым комбинированием неизмененных генов может быть чрезвычайно увеличено многообразие форм, хотя этот процесс (вопреки мнению Бэтсона, Лотси и некоторых других) совершенно не исчерпывает процесса эволюции; 4) Тимирязев совершенно напрасно отвергает несущественный «закон доминирования», так как первый закон Менделя говорит о единообразии первого поколения гибридов, а доминирование является только частным случаем. Но для изложения математической теории Мендель взял простейший случай доминирования, приводящий для моногибридов к отношению 3 : 1, а не более сложный случай промежуточной наследственности, дающий отношение 1:2:1; 5) понятны поэтому и другие ошибки Тимирязева, именно недооценка значения открытия Менделя, которое он считал простой регистрацией наблюдений, отрицание приложения законов Менделя к человеку и др. (связь менделизма с клерикализмом, так как Мендель был монахом, а один из выдающихся менделистов, Бэтсон, — сыном «клерджимена», т. е. духовного лица).

236

20. Ошибки К. А. Тимирязева в значительной степени повторяет и Б. Кедров, показывая этим, что он не дал себе труда перечесть работу Менделя перед написанием своей статьи. Он даже излагает дело так, как будто Мендель все время игнорировал доминирование и поэтому пользовался отношением 1:2:1 (а не 3 : 1) в изложении своих работ. Для чего-то (очевидно, в целях популяризации) Кедров использует различные заглавные буквы *A* и *B* для характеристики обеих модальностей одного признака. Как известно, в современной генетике для этого употребляют большую и малую буквы, т. е. *A* и *a.* Кедров также не упоминает закона независимости и повторяет ту основную ошибку Тимирязева, что Мендель констатировал эмпирически наблюденный факт, не дав ему теоретического истолкования. Между тем Мендель дал в основных чертах математическую теорию скрещивания, предвидев и чистые линии, и полимерию, и связь с определением пола; известно было ему и возникновение признаков, не имеющихся ни у одного из родителей; наконец, Мендель ясно писал, что открытые им законы (правда, законами он их не называл и даже четко не формулировал) связаны с наличием каких-то элементов, которые разделяются при развитии половых клеток. Можно сказать, таким образом, что Мендель предвидел и существование хромосом, и процесс редукции хромосом. Хромосомы во время его работы по гибридизации еще не были известны. По всей справедливости Менделя можно назвать Коперником если не биологии, то генетики.

Кедров повторяет неверное возражение лысенковцев против де Фриза, что найденные им мутации носят характер беспричинных взрывов наследственности (с. 225); достаточно быть знакомым с основным сочинением де Фриза «Мутационная теория», чтобы убедиться в неверности этого возражения.

Неверно, что хромосомная теория наследственности была создана в 1910—1911 гг. и что основоположником новой теории был Морган. Хромосомная теория была создана в последней

четверти 19-го века рядом ученых (назову Вейсмана, Бовери) совершенно независимо от неизвестного им менделизма, а роль Т. Моргана заключается в том, что, использовав мешавшие менделистам исключения третьего закона Менделя (о независимости) и приняв гипотезу локализации генов в хромосомах, он построил новую теорию, блестяще синтезировавшую данные и цитологии и генетики.

Давая неправильную оценку ряду ученых — основоположников новой биологии (хотя и защищая их от нападок современных обскурантов), Кедров вместе с тем чрезмерно преувеличивает значение Дарвина. Он склонен считать, что и физика и химия испытали на себе могучее влияние дарвинизма (с. 216), цитирует Уильяма Крукса, назвавшего трактовку менделеевской системы в духе эволюционизма «неорганическим дарвинизмом», и даже связывает с идеей всеобщей связи и развития (что составляет методологическую основу всего дарвиновского учения) «теорию химического строения» А. М. Бутлерова, циклическую формулу бензола Кекуле, молекулярную кинетическую теорию газов, работы Гиббса по химической термодинамике и электромагнитную теорию света Максвелла. Можно было бы еще прибавить: выдающийся физик Больцман сказал, что наш 19-й век может быть назван веком механического истолкования природы, веком Дарвина. Влияние Дарвина на биологию, социологию, философию огромно, но оно заключается именно в том, что его теория естественного отбора как ведущего фактора эволюции (а не просто учение об эволюции) была как бы куполом над зданием механического материализма. Так это и понимал Больцман. Для развития же точного естествознания дарвинизм не принес решительно никакой пользы. Что касается Менделеева, то, как известно, он остался совершенно чужд представлениям об эволюции элементов и, как указывает сам Кедров (с. 229), не принял электронной теории. Связывать работу Менделеева с дарвинизмом можно не с большим правом, чем работу крупных ученых У. Крукса и Бутлерова со спиритизмом: оба ученые были, как известно, убежденными спиритами.

Наконец, совершенно неверно считать учение Дарвина «революционным по духу» (с. 229). Напротив, с теорией естественного отбора, строящего новое при помощи мелких ненаправленных изменений, совершенно несовместимо представление о быстрых, коренных изменениях организма; поэтому совершенно понятно, что сторонники таких решительных скачков считаются (и обычно сами себя считают) антидарвинистами, а не дарвинистами.

21. Указанные ошибки наших философов, основанные на недостаточном знакомстве с историей биологических учений, делают понятным их совершенно неправильное объяснение сессии 1948 г. как имеющей причины (и, следовательно, некоторое оправдание) во внутреннем ходе развития науки. На самом деле причины временного (к сожалению, достаточно долговременного) торжества Лысенко, как и всех ошибок наших философов, — вненаучные, связанные с неправильным пониманием соотношения философии и науки и усилившиеся до крайности в период сталинского деспотизма (мягко называемого культом личности). Это уже хорошо отмечено в статье Ж. А. Медведева и В. С. Кирпичникова «Перспективы советской генетики» (журнал «Нева», 1963, № 3), но на этом полезно остановиться несколько подробнее.

Основная причина отмечена в «Вопросах философии», но только в отношении биологии (с. 29): принималось наличие в каждой науке буржуазного (или вообще классового) и социалистического направления. Эти два направления отличались двумя признаками: буржуазная наука была связана с идеализмом и склонна к «чистой», «бесполезной» «науке для науки», хотя, конечно, и там были прикладные отрасли; социалистическая была проникнута материализмом и убеждением, что теоретическая «чистая» наука — это только обобщение прикладной.

Как же теперь относиться к дарвинизму? Настоящий дарвинизм, т. е. учение о ведущей роли естественного отбора в эволюции организмов, рассматриваемый не как биологическое, а как философское учение, имеет две стороны: 1) как уже было показано, — это доведение до предела философии механистического материализма, объяснение всего целесообразного в природе при полном исключении целеполагающих начал; 2) но, перенесенный в социальную область, он обнаруживает большое идейное родство с мальтузианством (теоретическим, не практическим), манчестерским либерализмом, осуждением закономерностей революции как творческих процессов и, наконец, с самыми разнообразными формами социал-дарвинизма и расизма. Первая сторона вызывает большую симпатию марксистов (вспомним письмо К. Маркса Дарвину, речь Энгельса на могиле Маркса), вторая, напротив, вызывает у марксистов резкое осуждение. Этим и объясняются те шатания по отношению к дарвинизму, которые имели место за время советской власти у нас. В первый период дарвинизм безоговорочно рассматривался как вполне созвучный

марксизму, другое же направление, довольно широко распространенное в то время, ламаркизм, также безоговорочно осуждалось. ' Разница между механическим и диалектическим материализмом практически игнорировалась, и на философию Гегеля смотрели как на нечто, не заслуживающее внимания. С разгромом «механического материализма» (Бухарин, Варьяш, Сарабьянов и др.) возобладало направление, увидевшее в дарвинизме опасные стороны, был поднят на щит ламаркизм, к философии Гегеля возобновилось внимание, и его сочинения издавались. После разгрома «меньшевиствующего идеализма» (Деборин и проч.) прекратилось издание Гегеля, вновь восторжествовали дарвинизм и отрицание ламаркизма, и, наконец, с торжеством «мичуринской биологии» и «советского творческого дарвинизма» дарвинизм в истинном смысле слова вместе с менделизмом подвергся гонению. О философии Гегеля вспомнили недавно, и последние его тома (III, IV и XIV) изданы в 1956—1959 гг.

Параллельно с теоретическими и философскими спорами шли и споры сторонников чистой и прикладной науки, и эти споры имели решающее значение

238

в борьбе Лысенко с Н. И. Вавиловым. Как уже было указано выше, Н. И. Вавилов нисколько не зажимал Лысенко, и мирное сосуществование было вполне возможным, но Лысенко стремился к монополии и использовал для этого отношение Н. И. Вавилова к теоретической, «чистой» науке. Совершенно верно отмечено в корреспонденции «Да, истина торжествует!» («Комсомольская правда» от 14 апреля 1965 г.), что при Н. И. Вавилове во Всесоюзном институте растениеводства очень широко велись разнообразные работы по генетике, географии растений и по ряду теоретических вопросов биологии. Уровень этих работ не уступал, а часто превосходил уровень работ в мировой науке, а размах был настолько велик, что даже у благожелательно настроенных к Н. И. Вавилову, но недостаточно осведомленных лиц возникало сомнение, не грешит ли Н. И. Вавилов в смысле чрезмерного уклона в теоретические исследования. Это, конечно, неверно. Непосредственно практическая работа проводилась блестяще организованным отделом сортоиспытания того же ВИРа, руководимым самоотверженно работавшим В. В. Талановым, а теоретические исследования ВИРа накапливали тот основной капитал, с которого мы сейчас бы стригли солидные проценты, если бы деятельность Н. И. Вавилова не была прекращена варварской рукой и теоретические исследования не были бы практически прекращены. «А как же „мичуринская теория"?» — мне возразят. При господстве Лысенко и Сталина теоретические воззрения не разрабатывались, а провозглашались лицом, стоявшим наверху иерархии, и подлежали не рассмотрению или критике, а проведению в жизнь независимо от последствий.

22. Лысенко умело использовал те стороны личности и деятельности Н. И. Вавилова, которые делали его подозрительным в глазах Сталина: буржуазное происхождение, английское образование, несомненное англофильство, которого Н. И. Вавилов не скрывал: дружбу с Бэтсоном и рядом других английских (и не только английских) ученых, огромный размах теоретических исследований. Прирост урожайности за вавиловский период был очень хорош и не уступал таковому в передовых зарубежных странах, но Лысенко вместе с В. Р. Виль-ямсом сумел внушить Сталину, что можно достичь несравненно большего прироста урожайности и быстрейшего ввода в хозяйство новых культур (например, хлопчатника на Украине). А все эти великолепные обещания можно было осуществить, по мнению Лысенко, только прямым воздействием на наследственность без длительного процесса скрещивания и отбора, на чем стояли Н. И. Вавилов и его последователи. А настаивают вавиловцы на своей методике потому, что они сторонники буржуазной науки, следовательно, враги народа. Логика кошмарная, но последовательная. А как же с дарвинизмом, ведь нельзя же отказаться от этого материалистического учения! От него и не отказались, а только стали дарвинизмом называть ламаркизм, а настоящих дарвинистов, неодарвинистов (Вейсмана, Р. Фишера и др.) — антидарвинистами. Этот кунштюк был осуществлен, видимо, при ближайшем содействии И. И. Презента, который достаточно биологически образован. Дело в том, что Дарвин, конечно, считал естественный отбор ведущим, но не единственным фактором эволюции. Будучи образованным и объективным ученым, лишенным всякого фанатизма, он при разборе разнообразных возражений допускал известную правоту всех своих противников, но полагал, что все возражения, хотя и ограничивают роль естественного отбора, но не лишают его ведущего значения. Поэтому он принимал и наследование приобретенных свойств, что обычно называется ламаркизмом. Второстепенный фактор (по мнению Дарвина) лысенковцы объявили главным в дарвинизме, а само понятие естественного отбора Лысенко так исказил (перевертывая некоторые выражения К. А. Тимирязева), что

получилось нечто иное по сравнению с тем, что понимал Дарвин. И «дарвинизм» сохранили, и с «социал-дарвинизмом» как будто было покончено. Сейчас мы видим, к чему это привело.

Но, могут возразить, если мы отвергаем дарвинизм в понимании Лысенко

239

и возвращаемся к обычному дарвинизму, то не приобретаем ли мы в порядке принудительного ассортимента и социал-дарвинизм, защищаемый, например, и Р. Фишером, который глубоко враждебен марксизму и социализму вообще?

Несомненно, что политика вторгалась в науку не только у нас. Вспомним трагическую судьбу австрийского ученого П. Каммерера, покончившего самоубийством почти накануне его отъезда в Москву, где ему была предложена работа. Он не выдержал травли (обвинения в научном подлоге), причем среди его врагов было немало антикоммунистов и антисемитов (Каммерер был евреем), которые называли ламаркизм еврейской теорией, игравшей на руку социалистам. Но не надо забывать, что реакционный «социал-ламаркизм» также возможен, как и социал-дарвинизм. Если наследуются привычки и постоянные занятия, то, конечно, среди рабочих, из поколения в поколение занимающихся тяжелым физическим трудом, должны автоматически сократиться способности к умственному труду; напротив, у привилегированных слоев, все время занимающихся культурной деятельностью, должны развиться мозг и органы чувств. На этом и основан кастовый принцип, который гораздо ближе к ламаркизму, чем к дарвинизму.

23. Но если дарвинизм и ламаркизм допускают реакционные выводы, как же быть? Надо различать выводы и использование. Действительно, любая эволюционная теория может быть использована, например, для обоснования расизма. Все культурные люди сейчас признают, что человек произошел от обезьянообразных предков, а следовательно, были когда-то (а может быть, существуют и сейчас) организмы, промежуточные между человеком и животными, которых мы и можем назвать низшими расами. Следовательно, вопрос не ставится так: могут ли существовать низшие расы, такого вопроса для эволюциониста нет, а так: существуют ли сейчас среди людей расы, которые мы можем назвать низшими и высшими. Сам Дарвин и его последователи, Геккель, Гексли и др., не сомневались в существовании низших рас. Соавтор Дарвина по обоснованию естественного отбора, А. Уоллес, наш путешественник Миклухо-Маклай и др., напротив, отрицали, что «дикари» в умственном и вообще психическом отношении ниже цивилизованных народов. Совершенно естественно, что лица, склонные по своим политическим взглядам к расизму, опирались на Дарвина и Геккеля, противники их — на Уоллеса и Миклухо-Маклая. И не следует думать, что все расисты в политическом отношении реакционеры. Расистские высказывания можно отыскать в достаточном количестве у наших революционных демократов: Белинского, Писарева, Зайцева и даже Чернышевского. После торжества теории Дарвина это умственное поветрие широко захватило умы.[12]

Подозрительность и самоуверенность Сталина, сопряженные с его невысоким культурным уровнем, вместе с исключительной по своей самоуверенности наглостью Лысенко и привели к сессии 1948 года. В этом не было никакой внутренней закономерности развития биологии и агрономии: это акт чистого деспотизма.

Борьба с расизмом и другими реакционными использованиями эволюционной теории должна вестись не путем отвержения их «с порога» и не путем запрещения и недопущения соответственной печати. Простое запрещение ведет часто к противоположным последствиям. У нас пропаганда расизма строго запрещена, а расизм увеличился, а не уменьшился. До революции, по справедливому высказыванию И. Г. Эренбурга, в Москве и С.-Петербурге в интеллигентских кругах антисемитизм считался чем-то вроде дурной болезни, а сейчас он широко распространен и среди интеллигенции, что мне хорошо известно хотя бы на примере моей альма матер — Ленинградского университета. Несомненно, что антагонизм против черных далеко не отсутствует. У нас предполагают, что успешную борьбу с расизмом можно вести упрямым отрицанием фактов расизма (страусова политика) и запрещением определенных

240

научных взглядов. Например, считается недопустимым защищать гипотезу полигенизма, т. е. независимого происхождения различных человеческих рас, как якобы играющую на руку расистам. Игнорируется, конечно, факт, что среди полигенистов имеются яркие противники расизма, например выдающийся антрополог Вейденрейх, эмигрировавший при Гитлере из Германии (как еврей). Выдвигают такой аргумент, что отрицание моногенизма заставит признать другие расы особыми видами, а якобы только в том случае правила гуманного обращения (недопустимость убивать без необходимой самообороны, запрещение употреблять людей в пищу)

приложимы ко всему человечеству, если оно будет рассматриваться как один вид. Конечно, такая аргументация не выдерживает ни малейшей критики. А представим себе, что у нас так или иначе установится контакт с разумными обитателями другой планеты, с которыми у нас, конечно, не будет ни малейшего кровного родства. Что же, таковые будут находиться вне закона? Конечно, нет, и если такие иностранцы прибудут к нам с мирными намерениями и обнаружат высокую духовную культуру, мы будем их считать равноправными гражданами и они будут нам несравненно ближе, чем наши кровные братья, проповедующие войну, бескультурность, истребление других людей. Духовное и идейное родство неизмеримо выше родства кровного.

24. Но не следует сбрасывать со счетов и кровного родства. И сейчас уже среди высших животных большинство находится под определенным покровительством закона, и только некоторые, наиболее вредные, как волк, объявлены вне закона. И эта охрана законом должна быть тем сильнее, чем ближе животное к человеку и чем выше его психическое развитие. Великие гуманисты всех времен и народов всегда призывали к состраданию даже по отношению к животным. Вспомним гениального Пифагора:

Однажды он увидел, как бьют собаку.

Тронутый состраданием, он воскликнул;

Прочь кнут, я вижу друга, голос которого я узнал.

Одно из христианских изречений: «Блажен, иже и скоты милует». И наконец, возьмем из современности нашего гуманнейшего поэта С. Есенина:

И зверье, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове.

И это связано не только с европейской цивилизацией: мы знаем подлинных великих гуманистов Индии (Будда, Ганди), Китая, и даже среди народа, не достигшего высокого культурного уровня, — североамериканских индейцев, распространено убеждение, что их верные собаки следуют в рай за своим господином: бессмертие души распространяется и на животных.

Поэтому для истинных гуманистов не возникает вопроса, как надо поступать в том случае, если будут открыты подлинно низшие расы вроде «тропи» в фантастическом романе Веркора «Люди или животные?» или если бы был действительно обнаружен нашумевший «снежный человек».[13] Конечно, надо с ними обращаться со всей гуманностью при отсутствии у них явной агрессии. И я помню, как возмущался наш выдающийся ученый и истинный гуманист акад. Л. С. Берг теми облавами, которые устраиваются в Африке на шимпанзе, хотя не может быть сомнения в том, что шимпанзе — не люди. Разумеется, употребление в пищу мяса человекообразных обезьян не может быть допущено, так как надо полагать, что оно по вкусу близко к человеческому и члены тела высших обезьян очень сходны с таковыми человека. Конечно, при желании можно выработать и методы обращения с организмами, подобными тропи или снежному человеку. Образцы умения подойти к воинственным племенам, весьма подозреваемым даже в каннибализме, показали путешественники Ливингстон и Миклухо-Маклай: насколько мне известно, на их совести не лежит ни одного убитого туземца, хотя подчас им приходилось попадать в весьма острые ситуации.

241

Конечно, необходимо разоблачать расизм во всех его проявлениях и показывать гнилость аргументации расистов и социал-дарвинистов. Один из важнейших аргументов (и мало используемых) был указан в свое время К. Марксом. Биологическая эволюция идет крайне медленно, и за сравнительно короткий период существования цивилизации человек может считаться практически стабильным. Это одно обстоятельство уже не дает права подыскивать биологическую основу для тех огромных культурных и социальных перемен, которые мы наблюдаем (с большими колебаниями) за последние две-три тысячи лет. Между тем в такую ошибку впадают даже некоторые выдающиеся западноевропейские ученые, как напр. Рональд Фишер. При огромной и заслуженной славе, которой пользуется этот ученый как математический статистик и генетик, его социально-политические взгляды, изложенные в последних главах его известной книги «Генетическая теория естественного отбора», настолько слабо обоснованы, что ясно обнаруживают себя как «убеждения чувства», а не «убеждения разума». Однако, насколько мне известно, что до сих пор не опубликовано ни одной настоящей критики этих взглядов. Надеюсь в скором пополнить этот пробел в литературе.

25. Тот же трезвый, критический подход, который мы должны проявлять в отношении использования социологами тех или иных эволюционных учений, мы должны проявлять и в отношении разных философских направлений. Между тем в статье Кедрова повторяется «общепринятый» лозунг: «Идеализм в корне враждебен подлинно научному познанию и

несовместим с ним» (с. 222 внизу). Конечно, действуя цитатным методом, можно найти у Ленина такое решительное осуждение идеализма, по которому выходит, что всякий материализм — научен, всякий идеализм — антинаучен, но у того же Ленина можно найти совсем иные высказывания, притом более поздние, чем «Материализм и эмпириокритицизм». Возьмем его статью «Три источника и три составные части марксизма», впервые опубликованную в 1913 году (см.: Ленин, Соч., 4-е изд., т. 19, с. 4). Ленин указывает, что учение марксизма «есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма». Все три источника — идеалистические или подчинены буржуазной идеологии (политическая экономия — А. Смит, Рикардо). Главные утопические социалисты Т. Мор, Камланелла и утопические социалисты 19-го века Оуэн, Фурье и Сен-Симон — безусловно идеалисты и противники насильственного прогресса. Среди материалистов же мы имеем большое количество весьма реакционных политических мыслителей, начиная с античного Крития, сторонников абсолютной монархии (Гоббс, защитники «просвещенного абсолютизма» и т. д.). И в отношении философии в той же статье Ленин указывает, что К. Маркс «не остановился на материализме 18-го века, а выдвинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — диалектика, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учении об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи».

Таким образом, та «окончательная» победа над идеализмом, которая казалась завершенной французским материалистам 18-го века, сменилась новой волной идеализма, вовсе не реакционного во всех отношениях. Мало того, принцип диалектики (а диалектика и в своем происхождении, и в развитии вплоть до 19-го века куда ближе к идеализму, чем к материализму) оказывается гораздо более важным, чем онтология — противоположение материализма идеализму. Это ясно и из многих дальнейших высказываний Ленина, в особенности в его замечаниях к сочинениям Гегеля, написанных в 1914—1915 годах. Так, в «афоризме» по поводу второго тома «Наука логики» Гегеля (Соч. Гегеля, т. VI, 1939, с. 111) читаем: «Нельзя вполне понять „Капитала" Маркса и особенно его

1-й главы, не проштудировав и не поняв всей (разрядка Ленина) логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!» Мы знаем, что Гегель — трудный философ и «Наука логики» — одно из его труднейших произведений и не только с философской стороны. Об этом свидетельствует и сам Ленин. В примечании к тому первому (Гегель, т. V, 1937) есть замечание Ленина: «Подробнейшее рассмотрение дифференциального и интегрального исчисления, с цитатами Ньютон, Лагранж, Карно, Эйлер, Лейбниц и т. д. и т. п., показывающими, как интересно было Гегелю это „исчезновение" бесконечно малых, это „среднее между бытием и небытием". Без изучения высшей математики все сие непонятно». Ясно, что для того чтобы вполне понять Гегеля (а следовательно, и К. Маркса), необходимо быть не только философски образованным, но знать и высшую математику, причем понимать не только технику вычислений, но и саму философию математики, а познать это труднее, чем усвоить вычисления. А наши философы, как известно, в подавляющем большинстве понятия не имеют о высшей математике.

Ленин не скупился на похвалы Гегелю (были у него и резкие выражения, но они несомненно не войдут в золотой фонд высказываний Ленина). Так, в замечаниях ко второму тому «Наука логики» он пишет (с. XXXX): «Вообще введение к III-му отделу («Идея») 1-й части „Логика[1]" («Субъективная логика») (т. V, с. 143—147) и соответствующие параграфы энциклопедии (§ 213— 215) едва ли не самое лучшее изложение диалектики». Там же (с. XIX) читаем: «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* — это крайне замечательно. И еще одно: в этом *самом идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше* идеализма, *всего больше* материализма. Противоречиво, но факт!!» (курсив у Ленина. —*А. Л.).*

26. Если мы теперь обратимся к замечаниям Ленина по поводу «Истории философии» Гегеля, то увидим, что Ленин находит ценное не только у Гегеля, но и у Сократа, учение которого было изложено Платоном. Выпишу великолепную цитату (о которой Ленин сбоку написал: «Очень хорошо сказано!») (Гегель, т. X, с. XII): «. . , то, что для меня должно быть истиной и справедливостью, есть дух от моего духа. Но то, что дух таким образом творит из самого себя, что

он считает таковым, должно произойти из него как всеобщего, как духа, действующего в качестве всеобщего, а не из его страстей, интересов, прихотей, капризов, целей, склонностей и т. д. Последние, правда, также представляют собой некое внутреннее, „вложенное в нас природой", но они являются нашими лишь природным образом...» И тут же Ленин пишет: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм. Диалектический материализм вместо умный; метафизический, неразвитый, мертвый, грубый, неподвижный вместо глупый». Прибавим от себя: «незыблемый» равен «глупому», и мы получим прекрасную характеристику подавляющей массы советских философов.

Скажем несколько слов и по поводу приведенной цитаты. Здесь прекрасно показано, что подразумевают философы, когда они говорят, что человек диктует природе свои законы. Гегель ясно показывает, что здесь нет никакого места произволу или капризу (как часто возражают малообразованные философы и ученые), а достижение нашим духом (конечно, несовершенным и потому окрашенным субъективизмом) великих законов природы. И можно добавить, что на той же 56-й странице, где имеется выписанная Лениным цитата, имеются и такие замечательные слова Гегеля: «И эту настоящую совесть Сократ пробудил тем, что не только сказал просто: человек есть мера всех вещей, но сказал: человек в качестве мыслящего есть мера всех вещей» (Ленин отмечает: «оттенок»). У Платона, как мы увидим после, это сформулировано так: «...Человек лишь *вспоминает* (курсив Гегеля) то, что он воспринимает по видимости, извне» (в примечании редакции указано, что имеется непереводимая игра слов, так как немецкое слово erinnern (вспоминать) =извлекать изнутри).

16* 243

Наконец, на с. XIII того же 10-го тома Гегеля приведены слова Ленина: «Этим Гегель бьет всякий материализм, кроме диалектического». Аналогичные мысли имеются и у Маркса, и у Энгельса. Это ясно показывает, что фраза Кедрова (с. 221) «...на самом же деле единственно верной философией для естествознания был и остался материализм, обогащенный диалектикой, то есть диалектический материализм» — вовсе не отражает мыслей основоположников марксизма. Диалектический материализм вовсе не является старым материализмом, к которому просто добавлена диалектика (а все остальное в материализме оставлено в неприкосновенности). По мысли основоположников марксизма, диалектический материализм есть новая синтетическая философия, которая использовала и отбросила многое как в идеализме, так и материализме, и диалектический идеализм сильнее (т. е. обоснованнее) всех форм материализма, существовавших до появления диалектического материализма.

А где мы познакомимся с настоящим диалектическим материализмом? Может быть, у Сталина или у Хрущева? Может быть, это такая легкая вещь, что ее можно усвоить из учебников для высшей школы? И тут любопытно привести слова Ленина из его известного «завещания» {«Письмо к съезду», 25.11 1922 г., — см.: В. И. Ленин.О партийном строительстве. 1956 г., с. 690): «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». Эти слова написаны в ответственнейшем документе (который, как известно, был опубликован только через 33 года после написания) , и выходит, что даже «ценнейший и крупнейший теоретик партии, любимец всей партии» не понимал вполне диалектики. Кто из его ближайших сотрудников вполне понимал диалектику, Ленин не упоминает. Сталин взял эту роль на себя; результаты очевидны.

27. Кедров цитирует (с. 214) слова генетика Д. Беляева (из статьи в «Правде» от 22 ноября 1964 года): «Было бы очень полезно, если бы некоторые наши философы, опираясь на классический ленинский анализ философских вопросов естествознания, разобрались наконец в методологии современной генетики». Из приведенных раньше рассуждений ясно, что ожидать такого анализа от наших философов невозможно, да, должен сказать, генетика развивается и без помощи анализа наших философов (а навредили они немало). Однако это не значит, что взаимодействие науки и философии невозможно или нежелательно. Важно прежде всего, чтобы такое взаимодействие происходило при условии свободы дискуссии и равноправии сторон и была бы совершенно исключена практика сталинского периода, когда философы налагали запрещение на те или иные вопросы и считались безапелляционным арбитром. За рубежом взаимодействие науки и философии сейчас сильно развивается в форме так называемой философии науки. Этому вопросу специально посвящен ряд журналов и отдельных работ, часть которых даже переведена на русский язык. Это отмечено и в указанной статье в «Вопросах философии» (с. 27—28); указано,

что авторами здесь являются такие деятели науки, как Нильс Бор, Вернер Гейзенберг, М. Борн, Луи де Бройль и др. Чрезвычайно оживился интерес к истории науки — приведу известную книгу Бернала. Но любопытно, что в этом движении главную роль играют не профессиональные философы, а крупные, философски образованные ученые. В большинстве случаев их философские выступления подвергались в разное время решительному осуждению со стороны наших философов; сейчас положение явно изменилось. У нас издано много сборников, посвященных философским вопросам разных наук, но положительное значение их в развитии наук более чем спорно.

244

Когда-то на пороге двух столетий многие ученые говорили: философия не нужна науке, так как наука сама себе философия. Сейчас этот лозунг может быть признан устаревшим: философия нужна науке прежде всего в период крупных перестроек основ каждой науки, но эту необходимую для науки философию должны вырабатывать прежде всего сами ученые, а не философские гувернантки, поставленные над учеными. Гувернантки могут принести науке только вред, но товарищи могут оказаться полезными, и если посмотрим на историю философии 20-го века и даже на советскую философию, то вывод окажется более благоприятным, чем тот, который напрашивается на основе предыдущих страниц. «Утвержденные» философы выполняли только роль философских нянь или гувернанток и решительно ничего не дали, но среди неканонических, так сказать, апокрифических философов были и те, кто внесли немало ценного.

История этой апокрифической советской философии представляет немалый интерес, и там тоже можно найти немало стойких борцов и мучеников за свободу мысли. Не будучи специалистом по философии, я ограничусь лишь некоторыми мне известными именами. На первое место следует поставить, конечно, А. А. Богданова (Малиновского). Его имя как выдающегося мыслителя по-прежнему находится под запретом, так как некоторые стороны его философии были подвергнуты критике Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». При жизни Ленина работы А. А. Богданова, как известно, свободно печатались, но последние произведения его даже не были разобраны самим Лениным. Разбор был сделан, по поручению Ленина, В. И. Невским, и статья Невского была напечатана в приложении к XIII тому 2-го и 3-го изданий сочинений Ленина. Последующие издания «Материализма и эмпириокритицизма» этой статьей не сопровождались. Особый интерес среди работ Богданова для науки имеет работа «Всеобщая организационная наука, или „тектология"». Мне известно, что компетентные математики считают «Тектологию» А. А. Богданова одной из предшественниц кибернетики. Умер А. А. Богданов, как известно, как добровольный мученик науки, поставив над собой оказавшийся роковым эксперимент по переливанию крови.

Во время эвакуации в Киргизии я имел честь и удовольствие быть довольно близко знакомым с выдающимся венгерским коммунистом Владиславом (Ласло) Вильгельмовичем Рудаш. Его лекции и доклады пользовались огромным успехом (что, как известно, далеко не является правилом в отношении советских философов), несмотря на то что он далеко не в совершенстве владел русским языком. Помню особенно его доклады «О философии истории Гегеля» и «О справедливых и несправедливых войнах». В печатных его произведениях совсем не были заметны его эрудиция и оригинальность: видимо, их основательно «редактировали», и в «Философский словарь» он не попал.

Не попал в этот словарь (даже в обзорную статью «Советская марксистская философия») и ныне здравствующий философ А. Ф. Лосев, сумевший опубликовать большую серию работ {в 1927—1930 гг. — в издании автора). Отмечу одну из последних — «Историю античной эстетики». Работы А. Ф. Лосева поражают исключительной эрудицией и оригинальностью, их рекомендуют как учебные пособия, но философы не считают нужным его отмечать в словарях. Очень высокую оценку от ряда лиц мне приходилось слышать о книге Топоркова «Элементы диалектической логики». Целый ряд культурных и способных лиц, разрабатывавших философию естествознания с марксистской точки зрения (назову Левина, Левита, Слепкова), исчезли без следа. Наконец, среди современной философской молодежи имеется много одаренных, ищущих людей, отнюдь не удовлетворенных тем чтивом, которое им преподносят Митины, Платоновы и др. под видом «незыблемой философии».

Несомненно, что и за рубежом есть интересные философы как среди марксистов, так и немарксистов. Надо следовать многим указаниям и предосте-

245

режениям в предсмертном письме Пальмиро Тольятти (опубликованном в «Правде» от 10 сентября 1964 г.) и искать союзников в деле мира и прогресса независимо от идеологии. Назову известные многим имена Сент-Экзюпери и Тейяр де Шардена. Несомненно, и заграничные партии подвергались вредному влиянию сталинского деспотизма. Иллюстрация приведена в статье Кедрова (с. 218) по поводу музея Менделя в Брно. «Как мне рассказывали местные работники, музей Менделя после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года был уничтожен, а в помещении музея теперь устроено общежитие для учениц соседнего фармацевтического техникума. Я видел только стены той комнаты, где жил и творил Мендель. Во дворе монастыря одиноко стоит заброшенный памятник, только буйно разросшийся горох, тот самый горох, изучением которого занимался Мендель, молчаливо отдает дань ученому монаху и его замечательному открытию. Это — одна из уродливых гримас, которые в изобилии распространял культ личности Сталина не только в нашей стране, но и за ее пределами». Чехи, конечно, сберегли экспонаты и сейчас восстановили музей их великого соотечественника.

28. Сделаем выводы. Реабилитация Менделя не означает полного разрешения проблем биологии. Если некоторые ярлыки: «вейсманист», «морганист», «менделист» уже признаны негодными, то продолжают свое действие [такие] ярлыки, как «антидарвинист», «виталист», «холист», «идеалист» и т. д. Критика Мичурина и «мичуринской биологии» в печать не пропускается. «Спуск на тормозах» ведется слишком медленно, символом чего и является «единодушное избрание» П. П. Лобанова на пост президента ВАСХНИЛ. Недавно с таким же «единодушием» на этот пост избрали Лысенко и Ольшанского. Совершенно не ставится вопрос о привлечении к ответственности виновников как гибели Н. И. Вавилова и его единомышленников, так и огромных убытков, причиненных нашему хозяйству не только «волевым», но и невежественным руководством, сознательно отвергавшим прогрессивнейшие направления науки под предлогом их «буржуазности» или «идеалистичности». Этот предмет достаточно подробно разобран в моей рукописи «Что стоит Лысенко?» и в большой рукописи Ж. А. Медведева. Последняя представляет настоящий обвинительный акт Лысенко и его клевретам. Не нужно быть юристом, чтобы без труда подыскать соответствующие статьи уголовного кодекса: злоупотребление властью, обман правительства, клевета, шантаж и проч. То, что главные виновники претерпели только небольшое перемещение с высоких постов на менее высокие и что даже критика их допускается с максимальной вежливостью, дает право утверждать, что и сейчас справедлива старая поговорка «Украдешь грош — раздавят как вошь, украдешь сто тысяч — не посмеют и высечь». Само собой разумеется, что такая политика не совместима с демократией и социализмом, а является подлинно «гнилейшим либерализмом», который так любят осуждать у противников казенные перья.

Само собой разумеется, что если главные виновники печальной истории нашей биологии и агрономии за 30 последних лет не должны миновать уголовного преследования, то недопустимо также сохранение высоких постов и степеней за теми лицами, главная «заслуга» которых состоит в том, что, не будучи активными творцами зла, они заняли свои посты без научных заслуг, а только вследствие молчалинских свойств своего характера. Но для этого, конечно, должна быть развернута свободная критика всех недавно канонизированных учений, как-то мичуринская биология и проч. Следует идти по тому пути, который сейчас уже провозглашен в отношении сельского хозяйства. На предпоследней странице обложки журнала «Партийная жизнь» (№ 6, март 1965 г.) помещена превосходная карикатура художника В. Фомичева (стихи А. Жарова), где мощный колхозник разрывает маленькую колясочку с надписью «указание», которую катит крошечный «руководитель» со словами:

246

Я начальственного взгляда
С земледельцев не свожу,
Что и как им сеять надо —
В директиве укажу...
А колхозник отвечает:
И без няньки-верхоглядки
Обойдемся мы сейчас.
Что и как нам сеять надо —
Понимаем лучше вас!

То же и в науке во всех ее областях: успехи наши достигнуты только в тех областях, где не было «нянек-верхоглядок» (по невежеству няньки даже не могли сформулировать там свои

«директивы»). Нянек надо ликвидировать решительно во всех областях культуры. По-видимому, такая ситуация в культуре имеется в Югославии.

29. Против широкого освещения всех язв недавнего прошлого советские консерваторы (весьма распространенный тип среди руководящих товарищей) выдвигают такой аргумент: «Нельзя сыпать соль на раны». В этих словах ценно признание обилия незаживших ран.

Но не поздно ли выдвигать этот лозунг? Дух, выпущенный из склянки на XX— XXII съездах партии, уже невозможно загнать обратно.[15] Это пытался сделать Хрущев с печальным результатом и для страны, и для него самого. И наивно думать, что язвы раскрыты указанными съездами и мы уже полностью ликвидировали наследие сталинского режима. Дело оздоровления только начато, и процесс «посыпания солью ран» демонстрируется в ряде весьма популярных кинофильмов. Возьмем, напр., фильм «Председатель». Самой яркой фигурой является там, конечно, не председатель, самоотверженно выправляющий чужие грехи, а секретарь райкома и особенно доблестный чекист бериевского типа. А кино «Палата»? При просмотре по случайному совпадению перед «Палатой» демонстрировался фильм «Он был учеником Ленина» — о старом большевике Бабушкине. Ведь всякий зритель может сделать вывод: какими были старые большевики — честными, самоотверженно преданными делу народу, смелыми, и какими стали нынешние «руководящие товарищи». А несомненно, что «руководящие товарищи» показанного в фильме типа — отнюдь не редкость в нашей действительности и они, как правило, продолжают оставаться на своих местах. Но уж если пользоваться аналогиями, то в таком показе мы имеем не «посыпанье солью ран», а смазку иодом гноящихся ран: процесс болезненный, но благотворный. Сталинский режим внес чрезвычайно много гнили во все отрасли нашей жизни, а «гнилая мораль подобна гнилым зубам: больно, когда ее касаются» (Бернард Шоу). Но вот назначение Лобанова («единодушное избрание») на пост президента ВАСХНИЛ — это вызов научной общественности, подлинное посыпание солью, вредное для заживления ран.

В период гражданской войны на многих стенах красовался лозунг: «Тот недостаточно ненавидит прошлое, кто мирится с настоящим». Сейчас этот лозунг устарел. Старое дореволюционное прошлое помнят только старики, и ужасы его выглядят слабыми по сравнению с ужасами сталинской эпохи, а глупости померкли перед хрущевскими глупостями. Но идеи социализма (не сталинского, казарменного, а настоящего) настолько прочно вошли в миросозерцание не только нашего, но и многих других народов, что только трусостью можно объяснить рекомендацию замазывать наши язвы якобы во имя спасения идей социализма. Напротив, всякое лицемерие, поддержка виновников недавних преступлений льют воду на мельницу врагов истинного социализма. И нашим лозунгом должен теперь быть: «Тот недостаточно верит в будущее, кто мирится с настоящим».

247

П. С. Это мое сочинение, как и все предыдущие, не является частным письмом, и все читатели могут использовать его по своему усмотрению. *(А. Л.}.*

Письмо президенту Академии наук СССР академику М. В. Келдышу, 6.06.1965 г.

Глубокоуважаемый Мстислав Всеволодович!

Посылаю Ван как главе советской науки отдельной бандеролью мою машинопись «О положении в биологии и агрономии». Делаю это потому, что касаюсь в ней некоторых Ваших последних выступлений, и потому, что для печатания моих рукописей, подобных посылаемой (а я их написал за последние 12 лет несколько сот страниц), места в нашей прессе не находится, несмотря на сочувствие, которое мне выражает большое число лиц разнообразных положений, возрастов и специальностей. Между тем положение продолжает оставаться ненормальным и препятствия для развития биологии {и не только биологии) далеко не устранены. Продолжают циркулировать слухи (в печать как будто не проникают) о готовящемся совещании на высшем научном уровне по поводу биологии. Но хотя эти слухи длятся уже около шести месяцев, в прессу ничего не попадает. Видимо, сопротивление сталинистских элементов настолько сильно, что им удается затормозить процесс оздоровления научной атмосферы. Моей рукописью можете располагать по Вашему усмотрению.

Я уже десять лет нахожусь на пенсии, но продолжаю работать научно; мои рукописные работы против лысенковщины хорошо известны большому числу академиков и членов-корреспондентов АН СССР, как биологов, так и небиологов.

Пользуюсь случаем, чтобы затронуть совсем другой вопрос. Как единственный член из СССР Международного биометрического общества я нахожусь в переписке как с недавним президентом общества Ч. И. Блиссом, так и с нынешним Д. Финни. Оба они крайне

заинтересованы в создании секции Биометрического общества в СССР, но пока их усилия остаются тщетными. От академика Сисакяна Блисс не мог добиться ответа, Финн писал Вам. Затруднение представляет перевод валюты для оплаты членских взносов. В последнем письме д-р Финн сообщает, что для Венгрии удается установить способ перевода валюты. Неужели СССР должен отставать от Венгрии?

С совершенным почтением

д-р сельскохозяйственных наук, профессор А. Любищев

2.7. О двух статьях по генетике[д]

1. На генетическом фронте сейчас большое оживление. После тридцатилетнего зажима менделизма великий Мендель реабилитирован как раз к столетию выхода в свет своего бессмертного труда. Показана совершенная ненаучность позорной сессии ВАСХНИЛ 1948 г.: это превосходно изложено в статье Ж. А. Медведева и В. С. Кирпичникова, появившейся еще в 1963 г. в третьем номере журнала «Нева» и вызвавшей начальственный окрик Ольшанского.[1] В чрезвычайно сжатой форме достижения современной генетики показаны в статье И. Рапопорта «Химический мутагенез» в газете «Сельская жизнь» от 23 октября 1964 г. Работа по чистке авгиевых конюшен нашей биологии (и не только биологии) далеко не завершена: критиковать Мичурина еще не разрешают, но уже появились статьи, пытающиеся вместо одного ложного догмата поставить другой догмат, далеко не безупречный. Если недавнее, так называемое мичуринское направление полностью отрицало менделистскую генетику и на первое место ставило то, что обычно называется ламаркизмом, то многие современные авторы стремятся возвести в догмат

[я] Статья закончена 15.05 1965 г.

современную, так называемую синтетическую теорию эволюции, пытающуюся объединить классический дарвинизм с менделизмом, и поставить вне закона всех инакомыслящих. Происходит своеобразная дуэль по типу описанной в пушкинском «Выстреле»: сначала дают' стрелять одному, потом другому. При этом допускается много ошибок в изложении и замалчивании фактов истории. На этом я и постараюсь остановиться на примере двух совершенно свежих {апрель 1965 г.) статей, весьма контрастных по содержанию, но страдающих одним и тем же недостатком. Это статьи: 1) В. Полынин. Каменистые тропы генетики. Журнал «Огонек», 1965, № 14, с. 16—17 и 4 с. рисунков; 2) А. Шаров. Заметки по генетике. Журнал «Знамя», 1965, № 4, с. 154—173. Начну со статьи Полынина как помещенной в журнале с огромным тиражом (2 миллиона экземпляров).

2. Внешне статья Полынина производит впечатление полной аллилуйи менделизму: огромный, во всю страницу, портрет Н. И. Дубинина (кстати, по-моему, очень неважно выполненный) и ряд рисунков, иллюстрирующих успехи современной генетики. Но текст составлен так, что не знающий подлинной истории советской генетики может подумать, что происходившая дискуссия имела место, так сказать, равномерно в мировом масштабе и одна группа честных ученых в конце концов победила другую группу тоже честных ученых. Не упоминаются даже имена Лысенко, Мичурина, ни слова о сессии 1948 г. Но ведь вся специфика истории советской биологии заключается именно в том, что со стороны власти была сделана попытка полностью запретить и ошельмовать прогрессивное направление и возвести в догмат учение, по меньшей мере спорное. Об этом — ни слова у Полынина. Естественно, поэтому вся история биологии представлена в совершенно искаженном виде. Постараюсь коснуться главнейших искажений.

а) «С 1900 года дарвинисты раскололись на два враждебных лагеря: менделистов и ламаркистов». Слово «дарвинизм» автор упоминает в смысле, господствовавшем в третьей четверти 19-го века — как синоним защитников эволюционного учения. Современное понимание: «дарвинизм» — учение о ведущей роли естественного отбора, и лучше его называть поэтому селекционизмом. В 1900 г. действительно возник острый спор, но не между менделизмом и ламаркизмом, а между классическими дарвинистами типа К. А. Тимирязева и К- Пирсона, более или менее скептически воспринимавшими менделизм, и апостолами нового учения де Фризом, Бэтсоном, Лотси, Пеннетом, Иогансе-ном, Шеллом и др. Последние тоже не были ламаркистами. Ламаркисты были особенно многочисленны среди палеонтологов в последней четверти 19-го века, но в первой трети 20-го века менделизм был синтезирован в виде «неодарвинизма» Р. Фишером и другими учеными, взявшими от А. Вейсмана полное отрицание наследственности приобретенных свойств: в сущности они оказались даже ультравейсманистами. Всякий, знакомый с историей

любой науки, скажет, что нигде не имеет места схема «двух лагерей»: один — наш, прогрессивный, где должны быть все умные и честные люди, другой — не наш, реакционный, куда помещаются только невежды, дураки или подлинно негодяи. Такой ситуации нигде и никогда не наблюдалось.

б) Роль ламаркизма в селекции. По мнению Полынина, против менделизма выступали в основном представители прикладной биологии, в частности агрономы и селекционеры. «Селекционеры пребывали в полной уверенности, что успехами в своей работе они обязаны умелым воздействием с помощью внешней среды на исходный селекционный материал». Дальше Полынин описывает, как эти селекционеры получали засухоустойчивые сорта якобы прямым воздействием внешних условий, а на самом деле отбором, и кончает словами Дарвина, который говорил, что «каждый садовод знает, что он не создает того изменения, которое он отбирает». Автор даже не заметил, что он на одном столбце вступает в противоречие с самим собой. С одной стороны, селекционеры, как правило, полагали, что они создают прямым влиянием внешних условий новые сорта,

249

а с другой стороны, уже Дарвин знал, что каждый садовод знает, что он отбирает, а не творит новые сорта. На самом деле за всю историю селекции начиная с древнейших времен основными методами селекции были два: скрещивание и отбор. Уже Дарвин указывает, что знаменитый древний хан Акбар усиленно разводил голубей и скрещиванием получал новые удивительные породы. Сознательным скрещиванием получены и орловские рысаки, и йоркширские свиньи, и множество других сортов и пород. Как примитивные люди, добывая трением огонь, следовали неосознанной ими механической теории теплоты, так и старые селекционеры были несознательными менделистами. Дарвин же, зная о скрещивании в селекции, недооценил роль скрещивания и отвел главное место прямому отбору. Что же касается селекционеров, работавших «прямым влиянием среды», то таковые, конечно, были, но они не относятся к числу наиболее удачливых, и, в частности, Мичурин сам критиковал свои ранние ошибки этого направления. На щит методы прямого воздействия были подняты у нас Лысенко с его клевретами: результаты сейчас «общепризнаны». Полынин объясняет успех ламаркизма тем, что широкая, а не научная общественность стихийно становилась на позиции ламаркизма и антименделизма. В этом замечании есть много правды: невежественные руководители возомнили, что они на основании «общеметодологических» установок могут диктовать выводы науке, но это случилось только у нас.

3. в) Дарвин принял ламаркизм как необходимый для его теории. Полезно привести полностью слова Польшина: «Почему же менделизм внес раскол среди дарвинистов, если Мендель продолжал опыты именно Дарвина, являлся приверженцем Дарвина и именно дарвиновской теории отбора оказал великую услугу? Дело в том, что Дарвин, не подозревавший, что наследственные задатки не могут раствориться, и поставленный перед очевидностью эволюции, вынужден был покориться закону, придуманному его предшественником в эволюционной теории Ламарком». Тут целый ряд искажений. Мендель отнюдь не продолжал опыты Дарвина, а работал совершенно независимо, и отнюдь не был приверженцем Дарвина. Он не упоминает его имени в своей статье, хотя она появилась более чем через 5 лет после выхода основного труда Дарвина, сразу приобретшего громкую известность. Он и не пытался вступить в переписку ни с самим Дарвином, ни с видными дарвинистами (например, с Э. Геккелем), а переписывался с видным немецким ботаником Негели, который был эволюционистом, но не дарвинистом. Как известно, Менделю ни у кого не удалось найти признания, и в этом отношении он был даже более одинок, чем гениальный новатор в математике Лобачевский, у которого было по крайней мере два выдающихся единомышленника: великий Гаусс, в переписке с которым он был, и венгерский математик Больяи, опубликовавший независимо от Лобачевского очень сходные взгляды.

Признание ламаркизма Дарвином вовсе не было необходимостью для его теории, и, беря эволюцию взглядов Дарвина, можно увидеть {хотя бы на сопоставлении первого и шестого изданий его «Происхождения видов»), что он принимал ламаркизм просто под давлением фактов. Дарвин был исключительно объективным и честным ученым, лишенным фанатизма (в отличие от многих его последователей), и потому признавал значимость доводов решительно всех своих противников, но он полагал, что эти дополнительные факторы эволюции ограничивают роль естественного отбора, но не лишают его ведущего значения в эволюции.

г) Вейсман опроверг ламаркизм. «Опровергнуть ламарксистские представления о наследовании приобретенных признаков было несложно экспериментальным путем. Первым это сделал немецкий зоолог Август Вейсман. Лишив в 22 поколениях 1592 мыши хвостов, он доказал, что приобретенные механические повреждения по наследству не передаются». Как все просто: 1592 мыши — и с ламаркизмом покончено. Да в сущности можно было бы и не рубить хвосты.

250

Евреи несколько тысячелетий и большинство магометан уже больше тысячи лет обрезают крайнюю плоть всем мальчикам, а мальчики (за редким исключением, попадающимся и среди неевреев) рождаются с крайней плотью и сейчас.

Тут можно возразить: 1) ламаркизм имеет ряд модификаций, отмеченных в свое время, например, американским палеонтологом Копом: физиогенез, кинетогенез, психогенез, можно прибавить не защищаемый, кажется, никем травматогенез, т. е. наследование искусственных повреждений; 2) неудача опыта в данных условиях не означает, что опыт вообще неосуществим: химики весь 19-й век, за ничтожными исключениями, были уверены в абсолютном постоянстве элементов, и однако в 20-м веке ученые добились изменения; 3) имеется колоссальное количество косвенных фактов в защиту ламаркизма, и история тех же точных наук показывает, что только тогда та или иная теория может считаться прочно обоснованной, когда все факты (а не только полученные экспериментальным путем) находятся с ней в достаточном согласии. Наконец, можно сказать, что кроме ламаркизма (хотя очень многие из этих взглядов в зачатке имелись у гениального Ламарка) имеются теории автогенеза, номогенеза и др., которые обычно отвергаются «с порога», но которые упорно продолжают существовать. Большинство в науке не имеет значения. Мендель был один против всех и однако сейчас восторжествовал, а сейчас среди настоящих ученых противники ортодоксального дарвинизма насчитываются по крайней мере десятками.

4. д) Эволюции не может прийти конец. «Итак, успехи менделевско-морган овской генетики отвоевывали у ламаркистов одну позицию за другой. Но тут менделизм начал вступать в противоречие с непогрешимой истиной дарвинизма — эволюцией. Если гены неизменны, значит, они были созданы раз и навсегда и уж не господом ли богом? —- само собой напрашивалось страшное для материалистов обвинение. Значит, как только комбинации генов будут исчерпаны, эволюции должен прийти конец. Но эволюции не может прийти конец, как миру, у которого нет ни начала, ни конца». Дальше автор указывает, что наличие мутаций спасает положение. Здесь сразу четыре догмата: 1) эволюция непрерываема; 2) ей не может прийти конец; 3) для спасения эволюции необходимы мутации; 4) бога нет. Все четыре догмата недопустимы в истинно свободной науке, как и противоположные им догматы. Истинная наука не боится ревизовать самые основные свои положения. Сейчас есть ученые, отрицающие эволюцию, напр. Гериберт Нильсен, выдвинувший свою теорию «эманации». Такая критика даже верного учения способствует очищению и прогрессу этого учения, как в свое время критика знаменитым Беркли анализа бесконечно малых, созданного Ньютоном и Лейбницем, способствовала прогрессивному развитию этой мощной отрасли математики. По второму пункту можно сказать, что есть много фактов, говорящих о прогрессивном затухании изменчивости. Совершенно несомненно, что в разные времена разные группы показывали разные темпы эволюции, и этот вопрос должен обсуждаться свободно, без навязывания окончательного решения, как и вопрос о начале и конце мира (вспомним провалы наших философов с теорией расширяющейся вселенной, теорией тепловой смерти и пр.). По третьему пункту можно сказать, что можно построить теорию эволюции без мутаций: такая попытка была сделана Бэтсоном и Лотси. Подавляющее большинство биологов отвергло эту теорию эволюции на основе чистого комбинирования генов, но так ли она нелепа? Материалисты 19-го века принимали, что вся Вселенная есть совокупность неизменных атомов: все решительно, в том числе и наследственная субстанция, является комбинацией атомов, и ничего нового в сущности не возникает. Наконец, современная хромосомная теория полагает, что наследственная информация сосредоточена в ДНК, и считается, что именно в последовательности расположения четырех оснований в цепи ДНК и зашифрована генетическая информация. Опять получается комбинирование неизменных

251

четырех оснований. Значит, все три направления сводят всю эволюцию к комбинациям, спор идет только об уровне комбинирования: 1) атомов, 2) оснований, 3) генов. И принятие неизменных элементов, комбинирование которых определит всю эволюцию, как принятие 25—30

знаков азбуки, отнюдь не ограничивает идейного творчества: самая гениальная теория в конце концов сводится к «комбинации» нескольких десятков знаков.

Конечно, этими взглядами не исчерпывается многообразие эволюционных теорий. Существуют теории «творческой», «эмерджентной» эволюции и др., но эти взгляды нашими «свободомыслящими» отвергаются «с порога» как ведущие к богу, поповщине, согласно четвертому приведенному догмату. История науки показывает многочисленные провалы, связанные с таким подходом (отказ Вольтера считать ископаемые останки свидетелями бывшего моря, борьба с признанием метеоритов как «предрассудков»), не говоря уже о печальной истории наших советских блюстителей дум. Что ведет к «поповщине»? Признание сверхъестественного, невероятного, но тогда обвинить в поповщине можно любую теорию, дайте только заказ. Возьмем атомную теорию — оплот материализма. В классической форме она признавала существование вечных неизменных частиц, двигающихся с огромной скоростью и постоянно сталкивающихся друг с другом. Но разве такие вещи возможны? Ведь мы же знаем совершенно точно из постоянного опыта (не имеющего ни единого исключения), что самые твердые предметы от трения постепенно стираются, а тут, изволите видеть, *вечность* не оказывает ни малейшего влияния. Неудивительно, что основоположники современной атомной теории были или «попы», или глубоко религиозные люди, как католики (священник Гассенди, иезуит Боскович), так и протестанты (Ньютон, оставивший много богословских сочинений, глубоко верующий квакер Дальтон). *Ньютон прямо указывает на «сверхъестественность» понятия атома.* Принцип всемирного тяготения Ньютона тоже является абсурдным, не говоря уже о том, что здесь мы имеем возвращение к чисто астрологическому понятию. Ведь по всемирному тяготению выходит, что тело действует там, где его нет. Ньютон нашел выход из положения, объявив пространство «чувствилищем бога», а потом привыкли к этому: к полезной нелепости можно привыкнуть и ее не замечать, пока не явится человек, подобный Эйнштейну.

Как много зла принесла эта аргументация от «поповщины» и от «поповского происхождения», и не пора ли всю такую аргументацию отправить на ее место: в мусорный ящик истории.

5. е) Сообразно своей установке автор стремится показать, что в сущности Мендель не был искренним монахом: как сын бедного крестьянина он не имел другого доступа к учению, и что «этот монах со складом ума материалиста не мог допустить, чтобы что-то могло вдруг превратиться в ничто». Если следовать логике Полынина, то придется признать "материалистическое доказательство бессмертия души: если наше сознание есть «что-то», то оно не может исчезнуть вовсе, так что и Полынина при желании можно обвинить в поповщине. А если наше сознание есть «ничто», то оно реально не существует: до этого, кажется, додумались некоторые экзистенциалисты: час от часу не легче.

Конечно, католические монастыри сыграли огромную роль как «рассадники» выдающихся деятелей науки и культуры; эта роль их в период, предшествовавший Возрождению, вряд ли может быть переоценена. В 19-м веке их роль сильно уменьшилась, хотя и сохранилась, но, конечно, нельзя говорить, что в условиях капиталистического строя единственным выходом в ученые для бедного человека был уход в монахи: вспомним гениального Фарадея и других выдающихся бедняков, пробивших себе дорогу вопреки стоящим на пути препятствиям. И из биографии Менделя мы знаем, что он одно время работал в качестве священника, но он не мог вынести тех тяжелых сцен умирания, свидетелем которых он был при отправлении своих обязанностей. Опыты свои он

проводил на монастырском дворе, прекратил их в значительной мере из-за болезни глаз. С 1868 года он сделался аббатом монастыря и остался им до смерти (в 1884 г.), и как аббат он энергично отстаивал интересы своего монастыря, что также ему было в свое время поставлено на вид нашими «прогрессивными».

ж) Не буду уже подробно разбирать изложенную в статье эволюцию взглядов Моргана и изложение теории определения пола. Представление его о мужской и женской хромосоме соответствует ошибкам первого периода менделизма, когда думали, что существуют гены признаков. От этого представления Морган отказался в начале двадцатых годов, а блестящие опыты Р. Гольдшмидта показали совершенно иное понимание роли хромосом в определении пола, чем то, которое господствовало раньше. Нет соответствия ген—признак. Основным осталось то положение, что наследственная субстанция — совокупность дискретных элементов и что (как в свое время выразил Бэтсон) вместо старого символа наследственности «кровь» (отчего

«чистокровный» и проч.) перешли к другому старому символу наследственности «семя». Самое же существенное в современной генетике — ее математизация. Генетика вышла в разряд точных наук, позволяющих разбираться в хаосе явлений, ставить прогнозы и сознательно руководить явлениями. Вместо чисто исторического подхода к многообразию форм возник номотетический, основанный на знании точных законов, управляющих явлениями. Вот этот-то новый дух и был непонятен Дарвину и его восторженным последователям и многим противникам. Вот почему Менделя можно справедливо назвать Коперником генетики.

6. з) А как же теперь быть с «кошмаром Дженкинса», с которого Полынин начинает свою статью и от которого, по мнению многих, Мендель (сам не заботясь об этом) избавил Дарвина? Этому вопросу посвящен ряд серьезных работ, коснусь вопроса кратко. Полынин полагает, что если бы Дарвину была известна работа Менделя, он не переживал бы кошмара, длившегося 15 лет. Но ведь доклад Менделя был сделан в собрании ученых-профессионалов, был напечатан и разослан во многие научные учреждения, и ни один биолог мира не откликнулся на доклад ни единым словом, а ведь в это время дарвинистов было уже очень много. Поэтому можно сказать с полной уверенностью, что если бы доклад Менделя и попался на глаза Дарвину и он бы его прочел, он бы его не понял, так как был совершенно чужд математическому духу, пронизывавшему работу Менделя. На наших глазах в середине 20-го века мы наблюдаем во всех странах (в нашей стране благодаря влиянию Сталина этот процесс приобрел только наиболее уродливую и трагическую форму) ожесточенное сопротивление большинства консервативных биологов внедрению математики в биологию. Это сопротивление продолжается и сейчас, так как уровень математических познаний большинства биологов примерно равен таковому наших писателей, но открыто он не проявляется в силу блестящих успехов математической биологии.

Но разве не было среди дарвинистов лиц, знающих хорошо математику? Не говоря о современниках, упомяну хотя бы одного из основоположников биометрии Карла Пирсона, выдающегося математика, опубликовавшего длинную серию статей по математической теории эволюции. Будучи почти на 50 лет моложе Дарвина (К- Пирсон родился в 1857 г.), он не мог, конечно, при жизни Дарвина разобраться в возражениях Дженкинса, но он не сделал этого и после. Мало того, он создал свою теорию наследственности, отличную от менделистской, и противился распространению менделизма. И в области математической К. Пирсон и его последователи сопротивлялись распространению в математической статистике выдающегося достижения Рональда Фишера (недавно умершего) — дисперсионного анализа. В чем дело? Оба англичанина — талантливые математики, убежденные дарвинисты, люди одного класса, сходной философии (К. Пирсон — выдающийся махист, Р. Фишер тоже

недалеко от этого ушел) и социально-политических взглядов, сторонники евгеники —- и вдруг такое расхождение. Дело в том, что К. Пирсон, как и Дарвин, исходил из постулата непрерывной наследственности, а Р. Фишер, следуя де Фризу, Менделю и др., – из постулата дискретной наследственности. Этот решительный шаг, как отметил выдающийся современный физик Шредингер, равносилен внедрению квантового начала в биологии, а смена основных постулатов — трудная вещь даже для самых выдающихся умов (припомним неприятие великим Эйнштейном дальнейших этапов развития квантовой теории, одним из основоположников которой был он сам). Возражения Дженкинса смешивают постулат дискретной наследственности («мелкие изменения возникают не у всех представителей вида, а лишь у некоторых из них») с постулатом непрерывной наследственности (неограниченное «разбавление» наследственности при скрещивании). В силу первого постулата они лишены значения для теории непрерывной наследственности, и если бы это Дарвин понял, он никакого бы кошмара не испытывал, как не испытывал его и К- Пирсон. Сейчас при господстве дискретной теории наследственности статьи К- Пирсона по математической теории эволюции, как и его нашумевшая в свое время классификация кривых, почти позабыты, и напрасно, так как там есть очень много ценного в смысле методическом, например его интереснейшая работа по диссекции кривых. Прочно вошел в науку лишь критерий Пирсона «хи-квадрат».

7. Полынин приводит пророческие слова Менделя: «Никем не признанный, он сказал одному из своих друзей: „Мое время придет"» и заканчивает статью словами: «...рано говорить о том, что каменистые тропы генетики кончились и пошла для них широкая столбовая дорога. Однако пора ламаркистских заблуждений прошла. О том, как это важно, говорил еще Дарвин: „Люди достаточно мудры, чтобы всегда следовать за учеными, когда те согласны между собой по какому-нибудь вопросу[11]». Где сказал эти слова Дарвин, мне неизвестно, но они являются

выражением неумеренного оптимизма, и никогда полного согласия между учеными не бывает, и это великое счастье и стимул к развитию, так как, как совершенно правильно (хотя и лицемерно) сказал Сталин, «наука не может развиваться без борьбы мнений, без свободы критики».

Что касается Менделя, то в известной мере его время пришло, но далеко не в полной мере, так как мы вредим памяти великого человека как полным его отрицанием, так и преувеличением его заслуг. Мендель — огромный первый этап в развитии точной генетики, но только первый этап. Противники менделизма отрицают его по непониманию, неумеренные сторонники впадают в грех экстраполяции на всю эволюцию и генетику положений, вполне справедливых в ограниченной области. В рамках довольно большого города мы пользуемся плоской тригонометрией (слово «плоская», кстати, не заключает в себе ничего унизительного), но для съемки карты большой страны она уже непригодна, а в космическом масштабе ученые выходят даже за рамки евклидовой геометрии, вполне справедливой в более скромных масштабах. То, что мы знаем о Менделе, позволяет утверждать, что он, пожалуй, не был бы «менделистом» в современном смысле слова.

Построение подлинно синтетической теории наследственности и эволюции — далеко не решенная задача, и она, конечно, осложняется тем, что имеет место взаимное непонимание биологов и математиков. Многие биологи, например, полагают, что Р. Фишер «доказал» теорию естественного отбора, хотя сам Р. Фишер, конечно, таких претензий не имел: он создал «математическую теорию действия естественного отбора», а это далеко не одно и то же. С другой стороны, многие выдающиеся математики и физики (назову того же Р. Фишера, Шредингера, нашего Колмогорова) в силу определенных «убеждений чувства» теряют строгость мышления при переходе на биологическую почву, а некоторые даже искренне думают, что биологи вполне разрешили своими средствами

проблему факторов эволюции. Конечно, мешает взаимному пониманию и научный язык, дифференцировавшийся в разных областях. Привычные к фишеровскому языку часто не понимают работ, написанных в новом стиле, и наоборот. Все это затрудняет совместную работу математиков и биологов, но важно то, что с обеих сторон имеется воля к преодолению этих препятствий.

Резюмируя относительно статьи Полынина, можно сказать, что автор хотя и говорит о «каменистых тропах», но эти тропы все же представлены слишком гладкими и очень многое представляется окончательно решенным и выясненным.

8. *Перейду теперь к статье А. Шарова.* Автор — зоолог, уже немолодой человек (тридцать лет тому назад окончил биологическое отделение Московского университета). Тон статьи совершенно иной, чем у Полынина. Кратко, но ясно показана подлинная трагедия советской биологии. Хорошо показано, что борьба в биологии не была борьбой двух школ честных ученых, а борьбой науки и лженауки, выдающихся ученых с полузнайками, охранителями непогрешимости брошюр (с. 163). Показан героизм настоящих ученых обеих школ — трагедия Каммерера (с. 157) и фаланга борцов за свободную науку, начиная с Н. И. Вавилова. Хорошо отмечена фигура нашего современника Иосифа Абрамовича Рапопорта, совмещающего в одном лице три высокие добродетели: талантливый ученый, доблестный воин и человек выдающегося гражданского мужества; такая комбинация встречается далеко не часто. Назван по имени видный академик А. И. Опарин, сыгравший печальную роль в этом деле (с. 167—168). Хорошо отмечена и высокая оценка Менделя И. П. Павловым (с. 158).

Но, к сожалению, в этой прекрасной в общем статье имеются места, выражающие тот же дух нетерпимости и фанатизма, требования «непререкаемости» определенных, угодных автору, положений. Чтобы это показать, начну с отзыва Шарова на статью физика проф. А. Китайгородского (в «Вопросах литературы»), утверждающего, что бесконфликтность — нормальное состояние науки (с. 157). В отличие от искусства, где решает суд зрителя, в науке Китайгородский утверждает иное: «Не следует забывать, что в рамках естествознания научная работа имеет лишь одну оценку — профессиональную. Ситуация совершенно бесконфликтная». Шаров стремится опровергнуть утверждение Китайгородского, указывая на судьбу Галилея, Лобачевского и пр., и в частности на трагическую судьбу ламаркиста П. Каммерера, погубленного его противниками за его антифашизм. Шаров уважает Каммерера как честного ученого, хотя и считает, что он как ученый был неправ. Кто прав — Китайгородский или Шаров? Я думаю, в известной степени правы оба, но для этого надо различать понятия и учитывать зрелость науки и внешние обстоятельства. Надо различать конфликт и борьбу. Борьба в науке (как, скажем, и в искусстве, спорте и проч.), конечно, никогда не исчезнет, в этом нет ничего плохого. Конфликт же

отличается от борьбы тем, что в нем примешиваются элементы грубого насилия, вмешательства совершенно некомпетентных людей, т. е. наличие деспотизма в той или иной форме. Зрелость науки и заключается в том, что конфликтные ситуации полностью исчезают, остается одна честная борьба. Даже мое шапочное знакомство с точными науками заставляет меня думать, что там тоже имеются непримиримые разногласия, основанные на различных системах постулатов или аксиом, принимаемых тем или иным ученым (возьмем, например, отношение к дифференциальному закону Ньютона у таких ученых, как Эйнштейн и Гейзенберг), но эти ученые сознают аксиоматический (т. е. в значительной степени произвольный) характер своих убеждений, и даже если их темперамент вносит эмоциональную окраску в их убеждения, они никогда не позволят себе зажать рот противнику. Это –состояние зрелости ученого и науки вообще. Прекрасный пример такой зрелости дает, в частности, Ф. Энгельс. Мы знаем, как он беспощадно критиковал Е. Дюринга в известном сочинении «Анти-Дюринг». Через некоторое время Дюринг

был удален из Берлинского университета. Что сказал Энгельс? Может быть: «Правильно сделали, поделом ему»? Нет, не так. В предисловии к третьему изданию «Анти-Дюринга», указывая, что он не изменял первоначального текста, он пишет: «Впрочем, я тем более должен соблюдать по отношению к нему все правила чести, принятые в литературной борьбе, что уже после издания моей книги Берлинский университет поступил с ним постыдно несправедливо. Правда, университет был за это достаточно наказан. Университет, который идет на то, чтобы, при известных всем обстоятельствах, лишить г. Дюринга свободы преподавания, не вправе удивляться, если ему, при столь же известных всем обстоятельствах, навязывают г. Швенингера» (изд. 1951 г., с. 9). Как ясно из этого, для Энгельса было необходимо предоставить свободу даже заблуждающимся ученым, если только это — настоящий ученый; а история механики Дюринга, например, есть настоящий вклад в истинную науку; Дюринг, конечно, не шарлатан. Социализм и свобода неразделимы, как правильно писал Тольятти в своем предсмертном письме (опубликованном в «Правде» от 10 сентября 1964 г.), но это письмо, кажется, у нас никто не цитирует. Сталинский социализм без свободы — казарменный социализм.

9. Подлинной зрелости точные науки достигли, видимо, только в конце 19-го века и начале 20-го в связи с такими именами, как Вейерштрасс, Риман, Г. Кантор, Гильберт, Кирхгофф, Гельмгольц, Мах, Пуанкаре, Эйнштейн и др. Полностью разрушен догматизм, осознана значительная доза субъективности исходных постулатов. В результате — потрясающий прогресс в науке. В биологии до этого далеко. Судьба же Галилея и Лобачевского относится к периоду неполной зрелости. Да и так ли она трагична? В отношении Галилея Шаров, вероятно, пользуется популярными брошюрками издательства «Знание» или, может быть, пьесой Бертольда Брехта, а если бы он прочел, например, прекрасную книгу Цейтлина, то получил бы иное представление. Уже как «узник инквизиции», перешедший в восьмой десяток жизни, ученый был, правда, ограничен в свободе передвижения (в этом возрасте, пожалуй, он особенно и не нуждался в путешествиях), но жил в уютном помещении, обеспеченный папской пенсией, принимал учеников, друзей, ученых и выдающихся иностранцев и с их помощью .осуществил печатание в знаменитом издании Эльзевира в Голландии своего величайшего труда «Беседы о двух новых науках» и мирно почил, окруженный учениками и напутствуемый благословением своего «врага» папы Урбана VIII.[2] Сталинские «узники инквизиции», к сожалению, испытали нечто несравненно худшее. Я лично почту величайшим счастьем, если мне удастся до известной степени повторить судьбу Галилея: на склоне лет опубликовать мои заветные мысли.

То же и Лобачевский. Двадцати трех лет он был уже профессором. В течение 19 лет был ректором Казанского университета, работал и в попечительстве учебного округа, имел возможность напечатать все свои труды и, несмотря на свои передовые идеи, не был лишен единомышленников не только за границей, о чем уже было сказано, но и в Казани: проф. Котельников еще при жизни Лобачевского в 1842 г. в актовой речи сказал, что великий труд Лобачевского рано или поздно найдет своих ценителей («Краткий философский словарь», 1954, с. 288). Умирая, он мог ясно осознавать, что свой великий талант он не закопал в землю, а реализовал полностью, что жизнь свою он прожил, как должно настоящему ученому: завидная судьба! А как же непонимание, насмешки, глумление и проч.? Конечно, все это было, и напрасно стараться, чтобы наука была подобна танцплощадке, где происходит лишь взаимный обмен любезностями. Да и какая бы была скука, если бы наука стала подобна танцплощадке! И ученый, стремящийся работать в настоящей, а не в галантной науке, должен специально тренироваться, чтобы притупить свою чувствительность к личным обидам, подобно той тренировке, которой

подвергаются боксеры: их тренер непрерывно наносит удары по разным местам, чтобы притупить болевую чувствительность. Тренер ударяет боксера по правой щеке, а тот

256

равнодушно подставляет ему левую: истинный смысл евангельского изречения.

10. И вот в некоторых местах А. Шаров показывает, что он не достиг еще настоящей научной зрелости. Приведу довольно длинную цитату (с. 160): «Есть исследователи, которые приходят в науку с всепоглощающим желанием: узнать правду, пусть даже новое наблюдение приведет к краху гипотезы, созданной всей жизнью. Такими были Дарвин, Павлов, Сеченов, Тимирязев, Мичурин и другие выдающиеся естествоиспытатели. Вернет обычно завершает свои статьи выводом: вот пункты, в которых моя теория уязвима. Ему же принадлежит парадоксальная, но полная глубокого смысла фраза: „Всякая теория хороша только в том случае, если ее можно опровергнуть".

И есть другие исследователи, проверяющие ответы природы мерками из других областей, где господствует не опыт, а вера. Кювье был убежден в догмате первичного творения и пытался воздвигнуть мост между религией и естествознанием — мирами непримиримыми. Согласно „теории катастроф", живой мир не эволюционировал, а после разрушительных катаклизмов создавался заново: как в театре — окончена пьеса и начинается другая — в новых декорациях, с другими действующими лицами.

„Теория катастроф" надолго задержала развитие биологии. Ламарк, предшественник Дарвина, открыл изменчивость — основное свойство эволюции. Однако и этот великий натуралист не нашел в себе силы остаться в пределах, очерченных фактами или гипотезами, пусть самыми смелыми, но обязательно требующими решающей проверки практикой эксперимента и наблюдениями над миром живой природы. Он постулировал два недоказанных и, как считает современная наука, недоказуемых положения: наследование приобретенных признаков и якобы существующее в природе стремление живых организмов к самосовершенствованию...

...По мнению Ламарка, органы менялись и совершенствовались в результате наследования изменений, вызванных их упражнением и другими влияниями внешней сферы. Но в процессе эволюции возникают органы, отсутствующие у предков: позвоночник, легкие у наземных млекопитающих, крылья у птиц. Эти новые органы не могли развиться усиленными упражнениями. Следовательно, сама природа живого организма заключает идею совершенствования. Надо в это поверить...

...Создав эволюционное учение, основанное на „Монблане фактов", Дарвин далеко отбросил слепую веру от науки».

По привычной схеме «двух лагерей» Шаров делит всех ученых на две группы: свободных ученых, готовых пожертвовать взглядами всей жизни при встрече с новым наблюдением, им противоречащим, и слуг догмата, веры, которые наблюдаемые ими факты стремятся уложить в заранее заданную схему. Поскольку в качестве последнего приведен один пример — великий Кювье — посмотрим, справедлива ли такая характеристика этого основоположника палеонтологии и сравнительной анатомии.

Теория катастроф, по мнению Шарова, задумана Кювье для оправдания догмата первичного творения. А позвольте Вас спросить, в каком религиозном учении изложена теория катастроф? Может быть, в Библии? Там есть упоминание об одной катастрофе—Всемирном потопе, но, как изложено в Библии, от всего человечества спасся только Ной с семьей (включая знаменитого Хама) и по нескольку экземпляров всякой твари. Следовательно, даже при этой всемирной катастрофе сохранилась полная преемственность всего живого — никаких изменений, никакого повторного творения (гипотезу повторного творения предложил не Кювье, а его последователи). С точки зрения ортодоксов, учение Кювье — совершенная ересь. Для чего же он его предложил? Прочтите его знаменитую работу о революциях в истории земли, и вы убедитесь, что это был добросовестный синтез известных в его время фактов. Он наблюдал

внезапную смену фаун в исследованных им пластах в Париже, ему были знакомы катастрофы на Земле, он собрал много сообщений о грандиозных бывших наводнениях (а сейчас наличие грандиозных наводнений, охватывающих обширные области, получает все больше и больше подтверждений), и ему были известны факты, как будто убедительно доказывающие внезапность смены климата.

Был найден мамонт с хорошо сохранившимся мясом. Так как мамонт — близкий родич слонов, живущих ныне в теплом климате, а волосатость мамонта не была известна, то Кювье имел право сделать ошибочный вывод, что и мамонты жили в теплом климате; но если бы климат изменялся постепенно, то мясо бы сгнило, а не сохранилось, как консервы, до современности в мерзлой земле. Но все-таки теория катастроф была ошибочна! И это не совсем верно. Конечно, пользуясь цитатным методом, можно нанести «сокрушительный» удар по Кювье. «Теория Кювье о претерпеваемых землей революциях была революционна на словах и реакционна на деле. На месте одного акта божественного творения она ставила ряд повторных актов творений и делала из чуда существенный рычаг природы. Лишь Лайель внес здравый смысл в геологию, заменив внезапные, вызванные капризом творца революции постепенным действием медленного преобразования земли». Примечание: «Недостаток лайелевского взгляда — по крайней мере в его первоначальной форме — заключался в том, что он считал действующие на земле силы постоянными, — постоянными как по качеству, так и по количеству. Для него не существует охлаждения Земли. Земля не развивается в определенном направлении, она просто изменяется случайным, бессвязным образом» (Энгельс. Диалектика природы. 1949, с. 9).

Энгельс, очевидно, или не читал Кювье, или позабыл, что Кювье никаких предположений о повторных актах творения не высказывал: он просто утверждал катастрофические смены фауны на основе добросовестно собранных фактов. Энгельс уже указывает слабость Лайеля, но не отрицает его утверждения о монотонности изменения Земли. Кто же сейчас оказался прав: Кювье или Лайель? Можно сказать, ни тот ни другой или в известной степени и тот и другой. Лайель оказался прав в том отношении, что мгновенных перемен климата, принимавшихся Кювье, не бывает. Кювье оказался прав в том, что эволюция не монотонна, а что сравнительно короткие (в геологическом смысле) периоды бурных горообразовательных процессов, сопровождаемые чрезвычайными вспышками преобразования фауны и флоры и вымиранием целых обширных групп организмов, сменяются длительными периодами гораздо более спокойной эволюции. Наличие таких циклов в истории Земли сейчас как будто общепринято среди геологов,[1] и делаются интересные попытки (у нас, напр., профессором Личковым) связать эти циклы с галактическим годом, т. е. периодом обращения всей Солнечной системы вокруг центра Галактики: галактический год равен примерно 250 миллионам лет.

11. Но если Кювье не был догматиком в деле теории катастроф, то он все же был догматиком в вопросе признания первичного творения и неизменности видов! Оба понятия, между прочим, вовсе не синонимы. Святой Августин был сторонником первичного творения и защищал вместе с тем новообразование видов, так как он понимал первичное творение в потенциальном, а не в актуальном смысле. Наш современник Гериберт Нильсен, напротив, отрицает первичное творение и отрицает вместе с тем эволюцию видов. Это различие надо понимать, чтобы правильно оценить роль таких выдающихся умов, как Линней и Кювье.

Средневековые богословы, конечно, придерживались учения о творении, и вместе с тем, как указывает, напр., современный американский палеонтолог Симпсоп в книге «Принципы зоологической таксономии» (1961, с. 148), «догматическое убеждение в твердых и резко ограниченных видах было сравнительно новым теологическим воззрением, и благочестивые натуралисты приняли его незадолго до того, как Линней высказал свой знаменитый афо-

ризм, что видов существует столько, сколько было создано в самом начале. Это бы возмутило, например, Аквината (Фому, создателя господствующей в католичестве философии. — *А. Л.),* который настойчиво и ясно утверждал, что новые виды все время образуются (но не путем эволюции)». В примеч. к с. 251 (Избр. соч., т. IV) К. А. Тимирязев пишет: «Оказывается, что догмат об отдельном творении — сравнительно недавнего происхождения и принадлежит испанскому иезуиту Суарезу». Суарез «ревизовал» учение Августина и Аквината и этим облегчил нарождение прогрессивного для своего времени направления Линнея. Значит, Линней и Кювье были «реакционерами» даже по отношению к такому «реакционеру по должности», как Фома Аквинат? Ничего подобного! Признание постоянства видов было прогрессивным для науки шагом в тот период. Это и придало мужество Линнею в его работе по созданию системы природы, а ту область организмов, где во времена Линнея допускалось самозарождение, он так и обозначил: «Хаос». Конечно, утверждение Энгельса, что «Без понятия вида вся наука превращалась в ничто» («Диалектика природы», с. 174), является преувеличением (наука принципиально может развиваться при всех условиях), но наличие постоянных видов (хотя бы в первом приближении) чрезвычайно облегчает построение биологии: колоссальное значение принятия постоянства видов

совершенно несомненно. Оно устранило все те фантазии о превращении видов (морские уточки в уток, гуси на плодовых деревьях и т. д.), которыми кишели средневековые сборники по естественной истории.

Можно провести полную аналогию с идеей постоянства химических элементов. Мы знаем сейчас в 20-м веке, что элементы не отличаются абсолютным постоянством, но утверждение идеи постоянства элементов было огромным прогрессивным шагом по сравнению с алхимическими представлениями о легком превращении элементов с помощью философского камня. На базе постоянства элементов построено грандиозное здание научной химии, как на базе постоянства биологических видов построено далеко не столь почтенное, но все же достойное уважения здание систематики, сравнительной анатомии и проч., а когда эти здания построены, наступает черед убрать эту неточную базу, сыгравшую роль лесов.

Но почему Кювье (в отличие от Линнея, который к концу жизни уже стал сомневаться в постоянстве видов) так протестовал против Ламарка, Сент-Илера и др., склонных к трансформизму? Доводы трансформистов были недостаточно серьезны и убедительны. Ведь и Ч. Лайель во время писания своего классического труда «Основы геологии» придерживался учения о постоянстве видов, и Ч. Дарвин не был убежден доводами своего деда Э. Дарвина и Ламарка. Мы знаем, что предварительные сообщения Ч. Дарвина и А. Уоллеса не произвели эффекта и только опубликование основного труда Дарвина «Происхождение видов» внесло перемену в ситуацию. Лайель был убежден доводами Дарвина уже к концу жизни. Это обстоятельство, что он самостоятельно не пришел к эволюционным взглядам, Энгельс склонен объяснять (в цитированном уже месте) разделением труда, отчего каждый исследователь был ограничен своей областью. Это объяснение легко опровергнуть ссылкой на «обращение» Томаса Гексли, впоследствии одного из пламеннейших апостолов дарвинизма. Вот слова Гекслч (Ч. Дарвин. Происхождение человека. Пер. Филиппова. СПб., 1896. С. 579): «Среди биологов того времени (1851 —1858) я не встречал никого, кроме д-ра Гранта из университетской коллегии, который бы замолвил слово в пользу эволюции, а его защита не была рассчитана так, чтобы подвинуть деловые круги биологов; единственным человеком из числа моих знакомых, чьи знания и таланты внушали уважение и бывшим в то время с головы до ног эволюционистом, явился Герберт Спенсер; с ним я познакомился, помнится, в 1852 году, и затем между нами установилась дружба, которая, к счастью, не испытывала перерыва, и продолжительны были словесные

состязания, происходившие между нами по этому предмету. Но даже редкое диалектическое искусство моего друга и обилие искусно подобранных иллюстраций не были способны сдвинуть меня с моего агностического положения. Я не сдавался по двум причинам: прежде всего потому, что вплоть до того времени факты в пользу превращения были совершенно недостаточны; во-вторых, потому, что ни одно из предположений относительно причин превращения ни в каком случае не было достаточно для объяснения явлений. Оглядываясь назад на состояние знаний в то время, я право, не вижу, чтобы какое-либо другое заключение могло иметь оправдание».

12. Ну, вот, значит, Г. Спенсер вполне прогрессивный мыслитель, раз он так резко выделялся из всего умственного окружения Гексли. Опять неладно. Возьмем «Краткий философский словарь», издание 1954 г., с. 960: «Герберт Спенсер (1820—1903) —реакционный английский философ и социолог, апологет капитализма и Британской колониальной империи, злейший враг революционного пролетариата. В философии — идеалист позитивистского толка, близкий Конту (см.), воинствующий агностик, утверждающий невозможность познания сущности вещей... Биологизируя общественные процессы, Спенсер доходит до расистского утверждения о существовании биологически полноценных и биологически неполноценных народов... Ленин в произведении „Государство и революция" разоблачил Спенсера как псевдоученого, у которого, так же как и у Михайловского {см.), черпают реакционные „идейки" западноевропейские и русские филистеры». Ни слова о том, что Г. Спенсер был одним из немногих «с головы до ног эволюционистом» до Дарвина, не сказано. Эта ошибка (без упоминания о том, что в этом вопросе Г. Спенсер был предшественником Дарвина) исправлена в «Философском словаре» (под ред. тех же Розенталя и Юдина) в 1963 г., но зато там несколько расширено его учение о «непознаваемом»: «Любое научное понятие, по С., противоречиво, а потому непостижимо. Др. доказательство неспособности науки проникнуть в сущность вещей С. видел в том, что наука базируется лишь на ограниченном опыте индивида, т. е. на ложной основе. Признание „непознаваемого" лежит в фундаменте и религии, на этом основании С. утверждал близость науки и религии. Субъективно-

идеалистические положения и агностицизм С. сочетались с элементами объективного идеализма (признание «абсолютной реальности» как источника человеческих ощущений и впечатлений) и стихийно-материалистической трактовкой проблем частных наук. Последняя в наибольшей мере нашла место в учении С. об эволюции. Идею эволюции С. перенес с живых существ на все предметы и явления. Однако эволюцию он понимал механистически, как перераспределение в мире вещества и движения, и этим самым стирал грани между различными областями материального мира». Вот и разберись, кто такой Спенсер: предшественник Дарвина, псевдоученый, реакционный социолог или человек, совмещавший в своей голове оба пресловутых философских «лагеря».

Не отдельные, как говорят, «упрямые» факты строят науку, а выработка систем постулатов, которая позволяет укладывать в более или менее стройное здание определенное количество фактов.[11] И крупные этапы в развитии науки сопровождаются такой сменой систем постулатов, которая вполне может быть сравнена с «катаклизмами» Кювье. Кювье наряду с некоторыми другими учеными и создал почтенную для своего времени систему постулатов, оказавшую огромное положительное влияние на развитие науки, но с течением времени подлежащую смене. Никакого отрицательного влияния на развитие биологии и геологии теория катастроф не оказала. И поразительно, что во второй половине XX века биолог, окончивший Московский университет, может с таким пренебрежением и так ложно оценивать деятельность одного из титанов биологов. Напомню вкратце, что и другое «устаревшее» учение Кювье, именно его «теория типов», находит среди современных ученых вы-

дающихся защитников (см., например, В. Н. Беклемишев. Основы сравнительной анатомии беспозвоночных. Три русских, польское и немецкое издания).

13. Совершенно несомненно, что Кювье всю жизнь стремился к обогащению наших знаний. Это не значит, конечно, что он не ошибался. Неошибающихся людей вообще не бывает. Но, как я уже указывал, невозможно работать без наличия определенной системы постулатов или основных гипотез, сознательных или подсознательных (принимаемых тогда за абсолютные истины). Но ученые сильно отличаются как по степени своей эмоциональности, способствующей выработке «убеждений чувств» в отличие от «убеждений разума», так и по склонности к скептицизму и догматизму. Крайние скептики готовы отказаться от привычных гипотез при первом факте, не укладывающемся в систему, крайние догматики склонны держаться за свои убеждения, даже когда накопится чрезвычайно много фактов, противоречащих их системе. Крайние скептики неспособны к созданию новых продуктивных теорий, но и они могут проделать полезную работу в смысле сбора наблюдений, критики существующих гипотез и проч., и в этой работе они могут черпать большое умственное и эстетическое удовлетворение. Так как крайности, как известно, во многом сходятся, то крайние догматики неспособны тоже к необходимому пересмотру основных понятий, но и они могут принести пользу науке развитием новой системы постулатов, твердо усвоенной ими в молодости. Вред наступает только тогда, когда они используют вненаучные средства для подавления своих противников. Истинные новаторы совмещают большую дозу скептицизма и критицизма с солидной дозой убежденности, которая заставляет их преодолевать огромное количество вставших на пути препятствий. Они не игнорируют их, как делают догматики, и не отказываются сразу от своих убеждений, как делают неумеренные скептики, а, размышляя над ними, пытаются так усовершенствовать принятую ими систему постулатов, чтобы в нее уложились даже «неприятные» факты. Какой-то крупный ученый, имени его сейчас не помню, сказал: «Если новые факты подтверждают мою теорию, это очень приятно; если противоречат, это крайне интересно». Образцом такого мудрого сочетания твердой убежденности и критицизма может считаться, например, Кеплер. Не зря его так высоко ценили К. Маркс и Ф. Энгельс.

И вот, если пересмотреть список ученых, отнесенных Шаровым к образцовым, то придется признать, что наиболее приближается к высокому типу ученого Ч. Дарвин. Вот собственные признания Ч. Дарвина в его «Происхождении человека» (цитированное издание, с. 455—456): «После прочтения статьи Негели о растениях, а также приняв во внимание замечания различных авторов относительно животных, в особенности недавние замечания Брока, я допускаю, что в прежних изданиях моего „Происхождения видов" я, быть может, слишком много приписывал действию естественного отбора или выживания приспо-собленнейших... раньше и недостаточно принял во внимание существование таких структур, которые, насколько мы теперь способны судить об этом, не могут считаться ни полезными, ни вредными; это, мне кажется, один из

крупнейших недосмотров, до сих пор открытых в моем сочинении... Мне, однако, не удалось вполне уничтожить в самом себе влияние моего прежнего убеждения, в то время почти всеобщего, а именно, что каждый вид был создан намеренно; это привело меня к молчаливому допущению, что всякая подробность строения, за исключением рудиментов, непременно приносит некоторую особенную, хотя и не узнанную нами пользу. Каждый, кто исходит из этой посылки, естественно, будет склонен к слишком широкому применению принципа естественного отбора как для прошедших дней, так и для настоящего времени. Многие из тех, которые допускают принцип эволюции, но отвергают естественный отбор, кажется, забывают, критикуя мою книгу, что я имел в виду два указанных предмета, поэтому если я и ошибался, придав естественному отбору большое значение

261

(чего я, однако, не допускаю), или если я заблуждался, преувеличивая его значение (что довольно вероятно), то надеюсь, что я по крайней мере оказал хорошую услугу, содействуя ниспровержению учения об отдельных актах творчества». Совершенно ясно: Дарвин подчеркивает, что даже его основное убеждение отнюдь не претендует на абсолютную достоверность, что под влиянием возражений он принужден был признать ряд сделанных им ошибок и вместе с тем, что главная его заслуга — опровержение учения об отдельных творческих актах. С этим нельзя не согласиться. Во всех сочинениях Дарвина разлито это самокритическое отношение к своей собственной теории, и он везде подчеркивает наличие серьезных возражений. Если к этому прибавить ту изумительную деликатность, которую он проявил в деле публикования своего предварительного сообщения (и на которую Уоллес ответил не меньшей деликатностью), то можно бесспорно признать, что в смысле этики ученого Ч. Дарвин может быть отнесен к самому высшему рангу.

14. Если, однако, я не могу считать Дарвина ученым первого ранга во всех отношениях (и это, конечно, не только мое личное мнение), то только потому, что гносеологические постулаты, которых он подсознательно придерживался, не открывают пути к самым высшим достижениям в науке. Он переоценивал значение индукции, следуя сознательно по пути Фр. Бэкона и разделяя в этом отношении широко распространенное в его время научное суеверие. Критическое отношение к родоначальнику этого направления Фр. Бэкону ярко выражено у Энгельса в его статье «Естествознание в мире духов» (см.: «Диалектика природы», с. 28): «Мы потому вряд ли ошибемся, если станем искать самые крайние степени фантазерства, легковерия и суеверия не у того естественнонаучного направления, которое, подобно немецкой натурфилософии, пыталось втиснуть объективный мир в рамки своего субъективного мышления, а, наоборот, у того противоположного направления, которое, чванясь тем, что оно пользуется только опытом, относится к мышлению с глубочайшим презрением и, действительно, дальше всего ушло по части оскудения мыслей. Эта школа господствует в Англии». Сила этого в общем справедливого замечания значительно ослаблена, во-первых, сильным преувеличением (нельзя сказать, чтобы Фр. Бэкон относился к мышлению с глубочайшим презрением), а во-вторых, тем, что Энгельс к этому эмпирическому направлению отнес и Ньютона, что показывает (как и многие другие места у Энгельса, например его определение Ньютона как «индуктивного осла и плагиатора»), что он совершенно не понимал образа мышления Ньютона. Но дальнейшее развитие индуктивного метода в биологии действительно привело к оскудению мысли (по сравнению с основоположниками этого метода, как Фр. Бэкон, Милль и Уэвелл) и к боязни теоретизировать, что было отмечено еще Платоном под именем «мизологизма». «Побольше экспериментировать, поменьше теоретизировать — вот пароль настоящего времени», — сказал Иогансен. Связана с первым и вторая особенность понимания науки, восходящая в основном к Аристотелю: задача науки — объяснение явлений. В противовес этому в 19-м веке определилось наиболее прогрессивное направление: основная задача науки — не объяснение, а возможно полное, точное и краткое описание, приводящее к прогнозу и управлению явлениями. А это в свою очередь связано с тем, что только те науки могут считаться достигшими высшего уровня, которые подверглись математизации. А если материал данной науки не доступен математизации? Таких наук не существует и не может существовать, так как «числа управляют миром» — великий лозунг пифагорейства. В формулировке Галилея, справедливо охарактеризованного его противниками как пифагорейца, это звучит так: «Измеряй все измеряемое и делай неизмеримое измеримым». Это, конечно, убеждение, вера истинного ученого, но эта вера и двигала науку. Лишенные же пифагорейского духа всегда плелись в хвосте. Античные противники пифагореизма от Демокрита до Лукреция не признавали

шарообразности Земли и довольствовались приблизительными «объяснениями». Не случайно, что и Фр. Бэкон, современник Кеплера и Галилея, отказывался признать гелиоцентрическую теорию: если бы он был в числе судей Галилея, он был бы более решительным его противником, чем судьи, которые допускали гелиоцентризм как рабочую гипотезу. Эта пифагорейская вера не может оказаться тормозом, так как, будучи органически связана с математикой, она самокритична и, сохраняя основной постулат, непременно модифицирует конкретные теории. Это мы и видим на примере гениального Кеплера, который создал много ошибочных представлений, но в конце концов после большого числа неудачных попыток открыл законы, обессмертившие его имя. Напротив, затухание пифагорейского духа, что случилось с Аристотелем и перипатетиками, или полное его отсутствие приводит к непониманию истинных новаторов (напр., Менделя), привыканию и догматизации «приблизительно подходящих» объяснений и проникновению слепой веры в науку. Это и случилось с дарвинизмом.[5]

15. Такое превращение дарвиновского убеждения в слепую веру мы наблюдаем у К. А. Тимирязева. Сочинения Дарвина, можно сказать, пропитаны оговорками, сомнениями, признаниями трудностей и известной правоты противников. Все сомнения исчезают у Тимирязева: «Что говорит в пользу теории Дарвина: все, что против: ничего». Тимирязев не допускал никакой ревизии дарвинизма или дальнейшего развития и обрушивал на инакомыслящих всю силу своей пламенной веры и незаурядного литературного таланта, при этом,, к сожалению, используя и недопустимые в научной полемике приемы борьбы. В статье «Чарльз Дарвин и полувековые итоги дарвинизма» он обрушивается на де Фриза и Коржинского— крупных и независимых ученых, внесших солидный вклад в эволюционную теорию, и по поводу последнего пишет (Избранные сочинения *в* четырех томах, т. IV, с. 254): «Негодование же Коржинского на людей, умеющих приспособляться, особенно странно в устах человека, получившего за свой антидарвинизм приличную сумму от самого Николая II, как об этом повествовалось своевременно в одном некрологе этого академика. Случай даже в истории русской науки совершенно исключительный». На предыдущей странице он говорит о странном негодовании приспособленцев «в устах убежденного дарвиниста, с перемещением в академическое кресло так быстро превратившегося в воинствующего антидарвиниста». Такие выпады делались Тимирязевым не только против тех, кого он считал (справедливо или несправедливо) антидарвинистами. Всякое получение милостей от правительства, в особенности у лиц знатного происхождения, использовалось им в полемике. Он обрушился на В. В. Голицына, основоположника сейсмологии и в физике развивавшего идеи, близкие к квантовой теории (они были непоняты известным физиком Столетовым, давшим отрицательный отзыв о диссертации Голицына), и главной аргументацией было то, что Голицын — князь, придворный. Тимирязев не сознался в своей ошибке и после смерти Голицына, когда слава последнего была признана повсюду. Тимирязев полностью отрицал (и держался этого мнения до конца) значение работ нашего выдающегося почвоведа Докучаева. Здесь основанием для полного отрицания было то, что для Тимирязева основным в агрономии был метод вегетационных опытов, а Докучаев видел в почве самодовлеющий объект изучения, что совершенно отрицал Тимирязев.

Наконец, Тимирязев, не отрицая значения работ Менделя, не понял всего их величия. Он склонен был придавать им чрезмерно узкое значение и ценил в менделизме только освобождение от «кошмара Дженкинса», не замечая того, что если менделизм — только сравнительно редкий, частный случай наследственности, то он и не может служить опровержением возражения, носящего общий характер.

Дают ли эти ошибки Тимирязева, основанные на его темпераменте и обилии «убеждения чувств», а не разума, нам право считать К- А. Тимирязева

лжеученым или ученым невысокого ранга? Конечно, нет! Во-первых, он сделал очень ценный вклад в физиологию растений, во-вторых, все его поведение вытекало из его убеждений и он был чужд даже тени подхалимства, и, наконец, в ряде случаев его темперамент приводил к блестящим результатам. Я имею в виду, напр., шедевр его творчества «Луи Пастер», где он с таким блеском выступил в защиту приоритета теоретической, чистой науки перед прикладной на примере человека, чуждого ему по идеологии. Эта его заслуга с лихвой перевешивает все его ошибки. Но, естественно, что в недавнее время, когда защита чистой науки рассматривалась почти как контрреволюция, когда вся биология рассматривалась как придаток к сельскому хозяйству и медицине (отчего и раздел «биология» до сих пор отсутствует в наших книжных магазинах), эту

статью не полагалось цитировать или допускалось цитировать с «обезвреживающими» оговорками.

16. Обратимся теперь к другому выдающемуся русскому ученому, упоминаемому А. Шаровым, — И. П. Павлову. Он отличается от К. А. Тимирязева тем, что период творческих оригинальных идей продолжался у него значительно дольше, чем у К- А. Тимирязева. Первая половина его творческой жизни касалась преимущественно физиологии пищеварительных желез, и здесь он приобрел мировую славу. Но уже в очень зрелом возрасте он перешел на изучение высшей нервной деятельности и создал общеизвестное учение об условных рефлексах. При этом он «сжег многое, »чему поклонялся, и поклонился многому, что сжигал». Но эта долго длившаяся способность к творческому развитию не помешала ему создать определенные «убеждения чувства» и настаивать на них с тем темпераментом, который был ему свойствен и который получил художественное выражение в крепко сжатых кулаках на известном портрете кисти Нестерова. Правильно установив, что основным седалищем условных рефлексов является кора полушарий большого мозга, он пришел к совершенно непоколебимому убеждению, что условные рефлексы связаны исключительно с корой большого мозга. Его ученик профессор Зеленый удалил у собаки все полушария, и эта собака демонстрировалась на докладах в научных обществах. Способность к образованию условных рефлексов была резко снижена, но все-таки Зеленому удалось получить условные рефлексы и на этой собаке. Это решительно отрицал И. П. Павлов, и никакие аргументы на него не действовали, например такой довод сравнительной физиологии: у рыб, например у щуки, нет вообще коры большого мозга, и, однако, условные рефлексы получаются. Вполне возможно, что в филогении позвоночных условные рефлексы были сначала связаны с подкорковыми центрами, а с образованием коры оказались преимущественно связаны с корой. Никакие аргументы не действовали, что привело к полному разрыву между И. П. Павловым и Зеленым; мне это рассказывал сам Зеленый. Нечего и говорить, что в вопросах более принципиального, основного характера нетерпимость И. П. Павлова была выражена еще более резко. Однако это не означало, что И. П. Павлов был способен выполнять роль жандарма по насильственному внедрению любезной ему идеологии. Я не имел чести быть с ним знакомым, но из его сочинений (в особенности бесед по «средам») и по рассказам людей, лично его знавших, видно, что он был убежденным материалистом и нерелигиозным человеком. Однако он резко протестовал против преследований религии и против дискриминации «поповичей», так что в широких кругах создалась для него репутация религиозного человека. Это еще более справедливо к одному из наиболее мне близких людей, проф. А. Г. Гурвичу. Он был евреем и атеистом, но глубоко страдал от преследований верующих. Он готов был скорее пострадать за свободу чуждых ему убеждений, чем участвовать в насильственном утверждении собственных.

О Сеченове ничего не скажу, так как мало знаком с его работами и особенностями его умственной физиономии.

Включение Мичурина А. Шаровым в число выдающихся естествоиспытателей вызывает недоумение. Конечно, Мичурин был почтенный человек: честный, трудолюбивый и способный, но невысокий культурный уровень, тяжелые жизненные условия, погоня за слишком большим числом задач и некоторые свойства его характера привели к тому, что его наследство — хаос, который требует большой критической работы, для того чтобы выяснить, что ценное остается от Мичурина. Об этом мной написано немало, но пока на имя Мичурина наложено табу и в печать критика Мичурина не проникает (своеобразное понимание свободы критики). А если принять во внимание, что Мичурин отнесен А. Шаровым к выдающимся, образцовым естествоиспытателям, а подлинно великий Кювье — к лицам, зависящим от вненаучных догматов, то такое сопоставление может вызвать только возмущение.

17. Разберем теперь высказывание Шарова о Ламарке. Его Шаров называет великим естествоиспытателем, открывшим изменчивость. Это уже неточное выражение: изменчивость была известна всегда. Ламарк — один из немногих ученых, который до Дарвина постулировал изменение наследственности и (не в ущерб логике) сделал вывод о наследственности изменений. Из изложения Шарова совершенно ясен вывод, что оба постулата Ламарка (наследование приобретенных признаков и стремление живых существ к самоусовершенствованию) были подсказаны ему наблюдениями над организмами, а, как известно, Ламарк сделал огромный вклад как в ботанику, так и в зоологию. Значит, они имели характер настоящих научных постулатов, конечно, не претендующих на абсолютную истину и подлежащих замене другими, более соответствующими всем известным фактам. Но мы знаем, что в то время как Ч. Дарвин сразу

вызвал огромное движение в научном мире, и сейчас, через сто с лишком лет после опубликования его классического труда, огромное большинство биологов считает его учение не нуждающимся в существенной ревизии, судьба учения Ламарка (в отличие от его обширных работ по конкретной биологии) совсем иная: длительное непризнание, сравнительно короткая популярность в довольно широких кругах, а сейчас, как будто, окончательный вердикт: недоказано и недоказуемо. Такое различие судеб двух бесспорно выдающихся, честных и исключительно трудолюбивых ученых может объясняться разницей их одаренности, степенью истинности их доктрин или влиянием вненаучных обстоятельств.

Трудно оценить степень одаренности, но это свойство имеет много разных аспектов, и имеются ученые, которые считают, что по одаренности Ламарк превосходил Дарвина. Как это ни странно, этого мнения держался такой убежденный дарвинист и друг Дарвина, как Т. Гексли: «Я склонен думать, что Бюффон и Ламарк в отношении гениальности и плодовитости могли бы загнать его (Дарвина) в угол. По широте кругозора и объему знаний оба эти человека „великаны"» (И. И. Пузанов. Ламарк. 1959, с. 32). И Дарвина нельзя было назвать узким специалистом, он чрезвычайно многосторонен, но диапазон Ламарка еще больше. Но несомненно, что Ламарк и Дарвин принадлежат к разным типам ученых. Кажется, Оствальд дал разделение ученых на романтиков и классиков. Первые — с богатой интуицией, способные далеко видеть вперед, но не заботящиеся о том, чтобы подкрепить свои взгляды тщательно продуманными фактами, другие, наоборот, более бедные интуицией, но зато старающиеся прочно обосновать каждое высказывание. Это различие имеется во всех науках. Кажется, Адамар сказал: «Гениальные геометры предлагают теорему, талантливые ее доказывают».

Но если нельзя объяснить неуспех Ламарка малой его одаренностью или узостью, то, может быть, действительно правы современные дарвинисты, что все доводы Ламарка опровергнуты и тем самым его доктрина оказалась совершенно

беспочвенной. Конечно, у Ламарка, как у всех авторов, как новых, так и старых, можно найти много ошибок и наивных предположений. Совершенно несомненно, что в подавляющем большинстве случаев наследование приобретенных свойств не имеет места. Да если бы было иначе, то не могло бы возникнуть то изумительное постоянство наследственной конституции, которое мы наблюдаем. И однако даже в отношении ламаркизма в узком смысле слова, т. е, различных форм наследования приобретенных свойств, имеются данные, указывающие, что при известных обстоятельствах это имеет место. Явления длительных модификаций, генокопий далеко не получили вполне удовлетворительного разъяснения.[6] Что же касается косвенных данных, то их свидетельство чрезвычайно убедительно, и мы знаем, что не только сам Дарвин принимал их значимость, но и основоположник неодарвинизма А. Вейсман под давлением известных ему фактов ввел принцип зародышевого отбора, который путем селекционного фактора на низшем уровне строения организма должен был фактически привести к признанию ламаркизма. Кроме того, странно ограничивать факторы эволюции только двумя возможностями: селектогенез (неодарвинизм) и физиогенез. Необходимо принять во внимание (следуя поведению Дарвина) разнообразные формы эволюционных учений, получивших названия автогенеза, ортогенеза, номогенеза, преадаптации и проч. Но непримиримость наших неодарвинистов доходит до того, что они, будучи (и не только на словах) почитателями Н. И. Вавилова, забывают, что этот выдающийся ученый, считая себя дарвинистом, был весьма критическим дарвинистом и своим законом гомологических рядов наметил одно из направлений номогенеза, убежденным сторонником которого и открытым антидарвинистом был наш другой выдающийся ученый Л. С. Берг. Замалчивается, что Н. И. Вавилов направил острие своего закона для критики парадной лошади дарвинизма — теории миметизма и его закон использован самым блестящим критиком миметизма – Ф. Гейкертингером. Но книгу Гейкертингера, как и труды других столь ж^ солидных критиков дарвинизма, в приказе по неодарвинистическому фронту положено «считать несуществующими».

18. Оправдание своему отверганию «с порога» всех доводов биологической оппозиции большинство современных биологов видит в трех положениях: 1) несовместимости приводимых противниками фактов с хромосомной теорией наследственности; 2) примате эксперимента над фактами наблюдений; 3} примате точных наук над неточными и мощной поддержке хромосомной теории многими выдающимися физиками, математиками и кибернетиками. Разберу все три довода.

От теории, претендующей на общебиологическое и даже на философское значение, мы вправе требовать, чтобы она находилась в согласии со всеми фактами. Высокое соответствие хромосомной теории с фактами проблемы наследственной традиции низшего уровня несомненно, но даже на этом уровне оно далеко до совершенства. Огромная проблема осуществления еле-еле затронута, несмотря на огромное количество добытых интереснейших фактов. Говорить же о возможности исчерпания всех проблем филогенеза на базе хромосомной теории и теории естественного отбора можно, только имея фанатическую, слепую веру. Кроме того, известный французский биолог-марксист Пренан полагает, что можно, не нарушая принципов хромосомной теории, построить разумную гипотезу обратной связи через хромосомы. Как будто, сейчас уже имеются попытки в этом направлении.

Примат экспериментальной науки над описательными формулируется некоторыми фанатиками эксперимента с поистине подкупающей непосредственностью. Даже такой умный и критически мыслящий ученый, как Бэтсон, в порыве восторга перед новой экспериментальной генетикой, одним из виднейших апостолов которой он являлся, однажды заявил, что палеонтологи как представители неэкспериментальной науки не имеют права голоса для

суждения о факторах эволюции. Он, конечно, просто позабыл, что первой точной наукой о природе была астрономия, где эксперимент до самого недавнего времени полностью отсутствовал.

И если взять историю химии, то всякому известно, что гипотеза превращения элементов была, как казалось, абсолютно опровергнута. Косвенный довод — кратность атомных весов многих элементов атомному весу водорода был, по мнению Менделеева, окончательно опровергнут Стасом, который показал, что есть элементы, например хлор, атомный вес которых безусловно далек от кратного. Осталась, как будто, только крошечная зацепка. Как писал в своем обзоре Л. А. Чугаев, все-таки число элементов, атомный вес которых близок к кратному от атомного веса водорода, значительно больше, чем можно было бы ожидать по теории вероятностей, если бы была полная независимость элементов. Нахождение зависимости элементов в форме периодического закона не сдвинуло гениального творца периодического закона Д. И. Менделеева, опытного экспериментатора, со своей твердой уверенности в неизменности элементов, а между тем узник Шлиссельбургской крепости Н. А. Морозов одним «умозрением» создал свои «Периодические системы строения вещества», где предвидел то, чего не предвидел и Д. И. Менделеев: изотопы (разъяснившие неточный атомный вес хлора), восьмую группу элементов и электроны. То, что в свое время отвергалось на основе «безупречных экспериментов», оказалось верным.

19. То же самое касается и третьего положения: примата точных наук над неточными. Само собой разумеется, точные науки есть науки высшего уровня. Значит ли это, что неточные, «описательные» науки совсем лишены голоса и не вправе оспаривать выводов представителей точных наук? И тут можно привести хорошую иллюстрацию из истории наук, показывающую, что это неверно. Во второй половине 19-го века возник вопрос о продолжительности существования живых организмов на Земле. Геологи на основании общей мощности осадочных пород и приблизительной скорости образования этих пород пришли к заключению, что осадочные породы отлагались примерно за 1.5-—2 миллиарда лет. Представители точных наук, выдающиеся ученые Гельмгольц и Томсон (Кельвин), исходя из общепринятой тогда теории возникновения Земли из расплавленной массы, пришли на основании вычислений к выводу, что с того времени, когда Земля настолько остыла, что на ней могли жить животные и растения, прошло несколько десятков миллионов лет, самое большее немногим более ста миллионов лет. Расхождение в 15—20 раз. Этот вывод приводит Энгельс в примечании к работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» как вывод авторитета первого ранга, не делая попыток его оспорить. Ч. Дарвин поступил более критически. Со свойственной ему осторожностью он, указывая на расхождение, говорит, что может быть упущен какой-то неизвестный нам фактор. Ч. Дарвин оказался прав: открытие радиоактивности и последующие работы по установлению продолжительности геологических периодов показали (не говоря уже о том, что сейчас оспаривают обязательность гипотезы о расплавленном состоянии Земли), что неточные геологи были ближе к истине, чем точные физики.

Полное сочувствие к внедрению математики во все науки и уважение к выдающимся математикам не означает, что мы должны безоговорочно соглашаться с теми высказываниями математиков по биологии, философии и другим наукам, которые противоречат взглядам, выношенным специалистами на основе длительного и глубокого изучения своего предмета. Кроме

того, следует отметить, что крупные ученые из области точных наук, выступая за пределами своей специальности, нередко теряют ту строгость мышления, которую они обнаруживают в своей области. Примешиваются «убеждения чувств». Это нетрудно обнаружить при чтении работ выдающихся ученых за пределами той области, где они приобрели заслуженную славу, например

267

в социологических рассуждениях Р. Фишера в его известной книге «Генетическая теория естественного отбора». Убеждения чувств тоже могут меняться даже при жизни одного и того же ученого. Поэтому ученые должны хорошо помнить две басни И. А. Крылова «Орел и куры» и «Орел и крот» и иметь в виду, что «орлам случается и ниже кур спускаться» и что под землей кроты разбираются лучше орлов.

20. Но дарвинизм основан на «Монблане фактов»! Правильнее сказать, что Ч. Дарвин и его последователи собрали Монблан фактов для подкрепления здания дарвинизма. Но за пределами этого здания имеется даже не Монблан, а Гималаи фактов. Дарвин не игнорировал их, но полагал, что на его стороне большинство фактов, а что остальные уложатся в несколько вспомогательных пригорков. Последователи его просто игнорируют их. Даже противники господствующего направления обычно выдвигают какой-то один ведущий фактор. Попыток синтеза немного. Из известных мне больше всего нравится синтез, данный К. К. Шнейдером, но и там уделено слишком мало внимания номогенезу и теории систем.

Многие читатели этой статьи могут сделать вывод, что все мое изложение, призывающее к широте взглядов и терпимости к инакомыслящим, приводит к известной реабилитации Лысенко, к тому, что сейчас поддерживается в определенных кругах: мирному сосуществованию и содружеству лысенковщи-ны и настоящей науки. Были бы ошибочны два способа поведения: из-за того что лысенковцы фактически защищали ламаркизм и отвергали генетику и дарвинизм, полностью запретить все антидарвинистиче*ские направления, включая ламаркизм, или, наоборот, допуская сосуществование оппозиции, легализовать и лысенковщину. Тут речь идет о критериях истинной науки и лженауки. Самая широкая терпимость, необходимая для развития свободной науки, не обозначает, что должно быть дано равноправие всем направлениям, претендующим на звание наук. Став на эту точку зрения, мы должны открыть институты астрологии, хиромантии, графологии, алхимии, черной и белой магии, френологии и т. д. Мы знаем, напр., что за рубежом астрология до сего времени распространена и многие астрологи делают неплохой бизнес, да и у нас всевозможные гадальщицы зарабатывают неплохо. Но я не слыхал, чтобы где-либо существовала кафедра астрологии в университете.

Как же провести границу между истинной наукой и лженаукой? Ведь на почве астрологии родилась научная астрономия, и Коперник и Кеплер занимались астрологией, на почве алхимии выросла научная химия, и некоторых алхимических взглядов придерживались и Фр. Бэкон, и даже Ньютон, и в астрологии, и в алхимии не все было неверно. Общий астрологический принцип о влиянии небесных светил на процессы, протекающие на Земле, был в отношении всемирного тяготения реабилитирован Ньютоном (в отличие от Галилея, полностью отвергавшего это и потому создавшего неверную теорию приливов). Влияние солнечных пятен на земные процессы (долгое время отвергавшееся как явное суеверие) сейчас тоже признано (напр., работы Чижевского и др.), очень многие рецепты знахарей, народной медицины, над которыми смеялись в дни моей молодости (женьшень, панты и многое другое), сейчас введены в научную медицину, приемы магии в значительной степени сведены к гипнозу. Почему же мы не реабилитируем, например, всю астрологию?

Несомненно, что среди многих жуликов там были и люди, честно верившие в свои прогнозы. Например, знаменитый Кардано вычислил день своей смерти, и так как в этот день никаких признаков близкой смерти не было, то покончил жизнь самоубийством, подтвердив правильность своего предсказания. Если бы он сам не верил в прогноз, он вычислил бы день смерти с запасом. И можно сказать, что в пользу астрологии можно привести Монблан фактов — удачных предсказаний. Василию Шуйскому было предсказано, что следующим царем будет Михаил. Он опасался Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и, весьма

268

вероятно, способствовал его гибели. Но царем все-таки сделался Михаил Романов. Францу Иосифу было предсказано, что он как взошел на престол в крови (венгерское восстание), так и уйдет в крови. На старости лет Франц Иосиф сделался очень миролюбивым, но не мог предотвратить Первой мировой войны. Наш последний царь, Николай II, вошел на престол с таким же зловещим предзнаменованием (Ходынка). Он тоже не был воинствен, предлагал общее

разоружение и гаагские конференции, но интересы правящих кругов привели Россию к двум войнам, из коих последняя оказалась для него роковой. Известны знаменитые пророчества Нострадамуса. В форме стихов он описывает многие события, которые произошли значительно позже (смерть Генриха II, кажется, на турнире с Монтгомери, поимка Людовика XVI при попытке бегства, жизнь Наполеона): имен, конечно, нет, но описание удивительно подходит — настолько близко, что некоторые философы всерьез приняли, что мы здесь имеем осуществление пророчества. На деле же мы имеем, с одной стороны, довольно большое количество стихов, с другой — огромное количество разнообразных событий, и из обоих комплексов мы подбираем то, что обнаруживает более или менее значительное сходство. Каждому из нас приходилось встречаться со случаями удачных предсказаний, а неудачные обычно не учитываются.

История наук нам показывает, что Монблан фактов не нужен при зарождении новой теории, которая основана часто на гениальной интуиции, базирующейся на неверно истолкованных фактах; он необходим для обоснования и упрочнения теории, но он вовсе недостаточен для того, чтобы отвергнуть иные конкурирующие теории или гипотезы. Последнее возможно только в том случае, если решительно весь материал, служивший для обоснования устарелой теории, войдет в новую теорию. И такая терпимость к инакомыслящим особенно должна иметь место в наше время, когда мы являемся свидетелями огромной революции точных наук. Пользуясь словами нашего физика И. Е. Тамма, на пороге столетий такой выдающийся физик, как У. Томсон (лорд Кельвин), полагал, что в физике имеются твердо установленные основы, требующие только доделки, хотя признавал существование двух «облачков» (опыт Майкельсона и ультрафиолетовая катастрофа), из которых и грянула гроза, совершенно перестроившая здание физики. Эти два «облачка» касались только экспериментальной физики, но физика, стремящаяся быть не только сводкой экспериментальных данных, но и основой мировоззрения, должна была считаться с противоречиями и непонятными фактами и за пределами строгого эксперимента. А таких было немало: 1) противоречие геологов и того же Томсона о возрасте осадочных отложений; 2) слишком высокая частота элементов, атомный вес которых близок к кратному от атомного веса водорода; 3) периодический закон, указывающий на связь элементов; 4) гравитационный и др. парадоксы Вселенной; 5) второе начало термодинамики, приводившее (если придавать ему абсолютный характер) к необходимости признания начала мира, и многое другое. А мы только тогда имеем право экстраполировать опытные данные неопределенно далеко, если при такой экстраполяции мы можем связать в систему, лишенную противоречий, решительно все известные нам данные, а не только один или несколько монбланов фактов среди бесконечных горных цепей, не укладыающихся в нашу систему.

21. Мы можем таким образом сформулировать общие положения того максимального либерализма, или максимальной терпимости, которые мы должны проявлять по отношению ко всякой новой теории.

а) Нельзя аргументировать тем, что новая теория возрождает давно отвергнутые положения, так как такое возвращение к старому на повышенном основании и является характерной чертой диалектического развития науки. Но это возвращение должно быть на повышенном основании, а не простым регрессом.

б) На первом этапе развития теории она имеет право игнорировать монбланы фактов, собранные старой теорией, если она основана на других, если не

монбланах, то достаточно мощных пригорках, не укладывающихся в старую теорию. Но новая теория не должна стоять на месте, и если она претендует не на дополнение, а на опровержение старой теории, то должна давать истолкование и всем фактам, на базе которых была построена старая теория. Стойкое игнорирование недопустимо.

в) Недопустима косность или догматизм, т. е. попытка облечь свою теорию в систему, не подлежащую обсуждению положений.

г) Наконец, совершенно недопустимо использование административных мер для подавления свободы противника и политических и философских доносов.

Развитие менделизма и хромосомной теории вполне удовлетворяет этим требованиям. Здесь несомненно имеет место некоторое возвращение к постулату постоянства видов (Суареза), но на повышенном основании, принцип эволюции получает некоторое умаление. Первоначально, казалось бы, находившаяся в противоречии с огромным количеством фактов (ястребинка, наследственность мулатов и проч.), она постепенно приводит эти факты в согласие с теорией. Все больше аспектов биологии вступает в непротиворечивую связь с этой теорией, и наконец в рамках

защитников этой теории возникают сомнения в ее монополии, что и видим, например, в работах Эльзассера, Коммонера, Мора и др., и эти сомнения отнюдь не замалчиваются, а публикуются в распространенных изданиях. Научная теория развивается свободно, конечно, не без ошибок, временного цепляния за уже устаревшие положения,несправедливых выпадов против противников.

Хуже обстоит дело с собственно дарвинизмом, т. е. учением о ведущей роли естественного отбора в эволюции. С самого начала роль селектогенеза заключалась не в организации возможно точного, краткого и полного описания явлений с прогнозом неизвестного, а в «объяснении» явлений. Дарвинизм в самом своем существе был, скорее, философским, чем научным направлением (что в свое время правильно отметил Данилевский), притом не осознающим свой философский характер. С этим связаны и застойный характер дарвинизма, и в значительной степени его нетерпимость. Но дарвинисты, умевшие контролировать свои эмоции, не только не пытались запретить высказывания своих противников, но, наоборот, всячески содействовали той или иной форме публикации взглядов противников; это мне хорошо известно на своем опыте по отношению ко мне и моим взглядам таких убежденных дарвинистов, как покойные И. И. Шмальгаузен, Н. Г. Холодный и др.

Совершенно иные черты характеризуют лысенковщину. Монблан фактов, приводимый ими в защиту своих теорий, по научной обоснованности находится на досуарезовском уровне: допускались превращения, совершенно подобные «порождению» гусей на плодовых деревьях. Туман в мыслях таков, что многие «биологические законы» Лысенко, написанные, нашим современником в 20-м веке, понять гораздо труднее, чем высказывания средневековых мыслителей, отделенных от нас многими столетиями. Не делается и попытки привести в соответствие со своей теорией богатство фактов, собранных противниками, все это богатство замалчивается. «Теория» топчется на месте, и это касается даже той стороны деятельности Лысенко, которая в свое время получила признание — стадийной теории. Философское основание путается совершенно невероятным образом, и за диалектический материализм выдается то, что можно назвать грязным идеализмом, и, что особенно не только недопустимо, но и преступно, привлекается содействие невежественных деспотов для борьбы (вплоть до уголовного преследования своих честных противников). Вместе с тем никакого признания сделанных ошибок, а сейчас, когда уже в некотором отношении допущена критика (до сих пор не пропускается критика И. В. Мичурина, критика всего «наследия» Лысенко, не говоря уже о критике общебиологических н философских «установок»), им приходится цепляться за высказывания некоторых зарубежных, прежде всего американских авторов (Коммонер, Мор,

во втором номере «Агробиологии» за 1965 г.). Но эти критики некоторых сторон господствующей в мировой науке системы биологических и философских постулатов полностью признают все достижения хромосомной теории, молекулярной биологии и генетики, указывают на трудности, еще не преодоленные, предлагают некоторые новые пути исследования, выдвигают новые постулаты, полностью игнорируя существование всей «мичуринской биологии». Это — не союзники Лысенко, их работы только показывают, что лысенковщина не сыграла никакой роли в развитии подлинной науки и что, несмотря на некоторое формальное сходство (например, в допущении направленного развития}, это сходство того же характера, что и сходство между высказываниями крыловской синицы, утверждавшей, что море можно сжечь, и современными физическими представлениями, признающими, что в море имеются действительно огромные запасы потенциальной энергии.

22. Поэтому, оглядываясь на длинную историю науки, будем принимать в соображение все трудности и препятствия, которые стояли на пути ее развития, и отнесемся с уважением к огромной фаланге великих мыслителей и скромных искателей истины на длинном и трудном пути науки. Много там, конечно, и наивного, и ложного, но многие идеи, которые нам вчера казались окончательно опровергнутыми, вновь возрождаются в измененном и преображенном виде. Поэтому так оживился в настоящее время интерес к истории науки. И в истории науки и человеческой мысли вообще найдут законное и почетное место такие течения и такие лица, названия и имена, которые недавно произносились только с презрением. Я не говорю уже о великих эллинских мудрецах, но в истории науки законное место занимают и астрология, алхимия, схоластика, ятрофизика, ятрохимия, ятромеханика, мутакаллимы, талмудисты. С моей точки зрения, чистый дарвинизм, селектогенез, несомненно будет преодолен, но, несмотря на это, будет отмечена и положительная роль, сыгранная им в истории науки, а благородный образ Ч.

Дарвина навсегда останется эталоном этики ученого. Лысенковщина же навсегда останется позорным пятном нашей истории, примером беспардонного разгула деспотизма, как в Римской истории таким примером является введение жеребца в Сенат по приказу императора Калигулы.

Многим кажется противоречием то, что я, с одной стороны, очень много писал против Лысенко и лысенковщины (а также критиковал И. В. Мичурина и В. Р. Вильямса) и вместе с тем в печати и на съездах выступал с критикой дарвинизма, в защиту номогенеза и других оппозиционных в биологии течений. Эти выступления имеют более чем сорокалетнюю давность (1923, 1925), и о них в 1960 г. любезно напомнил наш палеонтолог В. А. Руженцев в книге о палеозойских аммоноидеях. По навязшей в зубах схеме «двух лагерей» мое поведение кажется непонятным. К какому же «лагерю» я себя причисляю? Я отрицаю схему «двух лагерей» во всей области человеческой мысли (вполне сочувствуя в этом А. К. Толстому), но здесь мы имеем не сферу чистой науки, а вмешательство вненаучных влияний. Я принимаю все достижения хромосомной теории, генетики и проч., отрицаю только их экстраполяцию далеко за пределами опыта, лысенковщина же, с научной точки зрения, — сплошной мусор, и я не могу себя считать союзником Лысенко даже тогда, когда он говорит, например, что биология не может быть сведена к физике и химии. Я защищаю современных генетиков, потому что это — *чистый* материализм и отрицаю лысенковщину, потому что это — *грязный* идеализм.

Положение осложняется тем, что если в отношении Лысенко и его ближайших клевретов (прежде всего Ольшанского) совершенно ясны научная недобросовестность и преступный характер их деяний, требующий уголовного преследования, то мы имеем очень большое число «переходных форм» между лжеучеными типа Лысенко и настоящими учеными. Есть настоящие ученые ламаркистских взглядов, которые по недоразумению считают себя союзниками Лысенко (в такое заблуждение впал, как я укажу ниже, и известный писа-

тель Б. Шоу). Есть честные мичуринцы, которым часто не хватает, может быть, культуры, но которые добыли много интересных фактов, нуждающихся в добросовестном критическом рассмотрении. Есть, наконец, и такие ученые, которые с перепугу (простительному при Сталине) говорили не то, что они думали. Поэтому при необходимой чистке авгиевых конюшен советской биологии вряд ли допустимо прибегать к геркулесовским методам.

23. Острота спора в биологии вызвана прежде всего влиянием вненаучных факторов — политических и философских. Известно, что ряд дарвинистов и генетиков делали далеко идущие социологические выводы из своих дарвини-стических постулатов; Лысенко, Вильяме и другие использовали эти выводы в качестве политического аргумента или, попросту, доноса на своих противников. Как это ни странно, в этом отношении лысенковцы были поддержаны выдающимся английским писателем Бернардом Шоу, который даже опубликовал по этому поводу статью. Ее не цитируют лысенковцы, так как поддержка эта более чем сомнительна. Бернард Шоу выступает в качестве социалиста, но не марксиста, и главным дефектом марксистского социализма считает его материализм, социализм же, по Шоу (и в этом отношении он отнюдь не одинок), связан с идеалистическим мировоззрением. Поэтому от отвергает материалистический дарвинизм и поддерживает идеалистический ламаркизм, представителем которого он считает Лысенко. Он идет и дальше, считает оправданным, что социалистическое государство, вопреки своей официальной идеологии, поддерживает в биологии Лысенко. Но это является нарушением свободы науки! «Нет, — отвечает Б. Шоу, — это не является нарушением, так как свобода имеет свои границы». «Предположим, — говорит Шоу, — какой-нибудь ученый задумал изучать сопротивляемость человека к повышенной температуре и для этой цели стал бы кипятить свою бабушку. Какой ответ мы можем дать на такие опыты? Каторга!» Вот как просто разрешает научные вопросы знаменитый писатель вполне в духе своих старых выступлений, где он, например, решительно протестовал против обязательности оспопрививания (он сам, кажется, испытал неудачное оспопрививание в детстве).

«Обвинение» дарвинизма и генетики в идеализме, — конечно, совершенная нелепость, услужливо сфабрикованная нашими философами по приказу Сталина исходя из положения: истинное учение не может быть идеалистическим, ложное— материалистическим. Но отголосок такого понимания звучит в словах А. Шарова на с. 165: «И тут молодой науке, ранее облыжно обвиненной в идеалистическом мракобесии, был нанесен новый удар» (обвинение в оторванности от практики). Видимо, Шаров считает, что всякий идеализм связан с мракобесием. Так, Ч. Дарвин не думал, и наш «дарвинист» и здесь отошел от взглядов того, чье имя дарвинисты так часто упоминают всуе. Возьмем последний раздел главы III его «Происхождения человека», где Дарвин

говорит о вере в бога и о религии. Он оспаривает мнение, что всем племенам свойственна вера в бога. Считает, что под словом религия надо понимать веру в невидимых духовных деятелей. Такую веру, по его мнению, можно найти у всех народов, и он дает ее происхождению чисто материалистическое объяснение как попыткам истолковать естественные явления. Дарвин, таким образом, ясно проявляет свою антирелигиозность, однако по поводу веры в бога пишет: «Вопрос этот, разумеется, совершенно отличается от другого, более высокого: существует ли Творец и Правитель Вселенной; на этот последний вопрос отвечали утвердительно некоторые из высочайших умов, когда-либо существовавших».

Понятия мракобес, мракобесие считаются синонимами понятию обскурант (словари Ушакова, Ожегова), т. е. враг прогресса, просвещения, культуры, науки. Поскольку в истории человечества почти не было правительств, где видную роль играли материалисты (в качестве одного из таких примеров можно указать на правление 30 тиранов в Афинах с ярким атеистом Критием), а фактов обскурантизма было немало, то у многих искренних и честных людей и возникло

272

убеждение об имманентной, так сказать, связи мракобесия и идеализма. Это, конечно, всегда было неверно, но совершенно сокрушительное опровержение этого тезиса было дано Сталиным, проводившим под флагом материализма обскурантистские мероприятия в неслыханном в истории человечества масштабе: изъятие из библиотек и уничтожение книг, приказ преподавать по указке много совершеннейшего вздора, преследование инакомыслящих при полной темноте и отсутствии гласности и пр. Мракобесие связано с догматизмом и деспотизмом, а не тем или иным философским направлением, и мнение А. Шарова об «идеалистическом мракобесии» само является выражением истинного мракобесия.

2.8. Письмо М. А. Поповскому"

Глубокоуважаемый Марк Александрович!

Пишу Вам несколько соображений по поводу Вашей превосходной повести «Тысяча дней академика Н. И. Вавилова» в седьмом и восьмом номерах журнала «Простор». Повесть эта, а вместе с тем и журнал, и редактор И. П. Шухов приобрели сейчас огромную известность в широких научных кругах, так как хотя в повести не содержится нового в оценке Трофима (в научных кругах он давно «оценен» по достоинству), но в печать пока в такой форме ничего не проникало.[1] Ходят слухи, что Вам не удавалось продвинуть эту повесть в Москве и что И. П. Шухов перед пенсией решил, что ему терять нечего. Ходят также слухи, что он снят с работы. Думаю, что эти слухи неверны, так как если бы он был «снят» (а не ушел на пенсию добровольно), то вряд ли по случаю своего 60-летия он получил бы орден Трудового Красного Знамени, о чем сообщалось в «Литературной газете». Пробита брешь в завесе молчания, и это великолепно: нажим должен и будет продолжаться, пока наш распутий не сядет на скамью подсудимых. Перейду к некоторым замечаниям.

В конце Вашей повести Вы приводите большой список лиц, помогавших Вам в написании этой повести. Странным кажется отсутствие Ж. А. Медведева: неужели Вам незнаком его поистине героический труд, со всей полнотой обрисовывающий фигуру Трофима? Его работа, распространяемая пока в списках, не могла пройти мимо Вас, так как она приобрела очень значительную известность.

Теперь об «ошибке» Н. И. Вавилова, Вы посвящаете этому вопросу целую главу. Смысл ее тот, что по какому-то странному недостатку бдительности Н. И. Вавилов не распознал некультурности Лысенко и старательно и чрезмерно его выдвигал и что в этой ошибке и заключается в значительной степени первоначальный успех карьеры Лысенко, который этот проходимец использовал потом для погубления своего покровителя. Конечно, Н. И. Вавилов ошибся, но прежде всего в том, что он не мог предполагать такой низости и вероломства в человеке, которого он искренне и крепко поддержал, несмотря на явные антикультурные свойства Лысенко. Эта ошибка Вавилова совершенно аналогична ошибке Ленина в отношении Сталина. Если бы Ленин мог проникнуть в душу Сталина, ему, конечно, не пришло бы в голову поддержать кандидатуру Сталина в генсеки. Но в подобные ошибки впадают все люди, не склонные к вероломству. Истинная природа Сталина, как известно, для всей страны была раскрыта только на XX съезде в докладе Хрущева, и очень немногие люди полностью его понимали до этого съезда: я к ним не принадлежал, как и в отношении Лысенко, только в начале 50-х гг. полностью осознал

эту фигуру. Среди моих знакомых были люди прозорливее меня. Покойный (исчезнувший в сталинских лагерях) энтомолог Александр Васильевич Знаменский еще

Написано 24.11 1966 г. в Ульяновске.

273

в середине тридцатых годов считал его нарывом на биологии и ждал, когда этот нарыв лопнет. Такую же отрицательную позицию занимал и один мой знакомый, известный ботаник и ныне здравствующий.

Но речь идет не об ошибке Н. И. Вавилова в отношении моральных качеств Лысенко, а в отношении его культурной значимости. Как мог Н. И. Вавилов сразу не догадаться, что перед ним знахарь, а не ученый. В том, что Лысенко в общем знахарь (несмотря на диплом об окончании с/х вуза), Вавилов, по-моему, никогда не сомневался, но считал его талантливым и честным знахарем, а он оказался бесчестным знахарем, бесчестность которого скоро вышла на первый план и совершенно погубила и те несомненные зачатки таланта, которые у Лысенко были. Вы цитируете Меллера, что здесь был как бы выбор между знахарством и медициной. Да разве есть такое противопоставление? Сейчас медицина усиленно изучает народные средства, которые были выработаны знахарями за столетия, и с успехом их применяет, полное пренебрежение к знахарству давно исчезло. В молодости я слыхал, что китайцы, по своему невежеству, прибегают к разным чудодейственным знахарским средствам и платят за них большие деньги: панты, женьшень, а сейчас и панты и женьшень вошли в научную фармакопею, и я сам, по рекомендации врачей, в особенности после болезней или при утомлении, пользуюсь знахарскими средствами: аралия, лимонник — и с большим успехом. А ведь агрономия — более отсталая отрасль прикладной биологии, чем медицина, и здесь рациональное использование старых народных средств вовсе не исключено. Несомненно, и Мичурин был знахарем, а не настоящим ученым, но он был честный человек, и хотя у него много путаного, но в его наследстве полезно разобраться. И яровизация была обнаружена впервые на участке отца Трофима, по-видимому, дельного крепкого мужика, в 1929 году спрятавшего озимую пшеницу, а когда та промокла, то высеявшего промокшее (яровизированное!) зерно на половине гектара: об этом со всей наивностью сообщает сам Трофим в статье «Физиология растений на новом этапе» (сборник: Лысенко. Стадийное развитие растений. 1952, с. 250— 252). Термин «яровизация» впервые появился в середине 1929 г. после получения выколашивания весеннего посева озимой пшеницы в условиях практического хозяйства (половина гектара на Полтавщине у Д. Н. Лысенко). Лысенко, конечно, не пишет, что пшеница попросту промокла, но удивительно, что крестьянин потратил три пуда (обычная норма) для «опыта», а его сынок в это время в Гандже проводил только лабораторные эксперименты. (Там же, с. 252).

Вам кажется, что Лысенко с самого начала обманул Н. И. Вавилова (с. 16) и что Н. И. Вавилов ошибочно поверил тому, что можно с помощью яровизации продвинуть ценнейшие привозные сорта на север. Кроме того, из Вашего изложения вытекает, что Лысенко целиком взял то, что уже намечалось у других ученых, и решительно ничего нового не дал. Это не так. Очень много по данному вопросу можно найти в «Теоретических основах селекции растений» (том 1, 1935, под ред. и с большим участием Н. И. Вавилова). Из этой книги ясно, что в начале 30-х гг. было проведено испытание влияния яровизации и в ряде случаев действительно получили высокую урожайность растений в таких местах, где они без яровизации созревать не могли. Но не в этом видел главную заслугу яровизации Н. И. Вавилов, а в том, что с ее помощью при селекции растений в высоких широтах можно получать созревание у растений, без этого там не вызревавших. Я помню хорошо выступление Лысенко в 1931 г. (на год могу ошибиться) под председательством Н. И. Вавилова, и после доклада Вавилов особенно напирал на эту сторону.[2]

И у Вавилова были все основания поддерживать Лысенко, так как тогда он не только не отвергал менделизма, но и пользовался сознательно менделизмом. В статье «Физиология развития растений в селекционном деле» (доклад прочитан 16.01 1934 г., опубликован в № 2, 1934, журнал «Семеноводство», см. также книгу: Лысенко. Стадийная теория развития. 1952, с. 301—314) Лы-

274

сенко пишет (с. 307}: «Еще Мендель показал, что наследственная основа не монолитна, а дробна. Путем скрещивания н дальнейшего расщепления гетерозиготы наследственная основа делится по-разному, получаются различные генотипы. Следовательно, генотипы комбинировать можно, все дело заключается только в том, чтобы знать, какие генотипы друг с другом необходимо скрещивать. До сего времени любой генетик и селекционер, выбирая растения для скрещивания, исходил не из наследственной основы этих растений, а из их свойств и признаков.

Известно, что различие фенотипов не всегда дает ясное представление о генотипических различиях сравниваемых форм. Один и тот же генотип, развиваясь в разных внешних условиях, может давать разный фенотип. Примеров этого я привел в начале доклада немало. Наоборот, разные генотипы, развиваясь в различных условиях, могут давать одинаковые по внешнему виду растения». Мы видим здесь вполне грамотное изложение существа менделизма.

В той же книге есть статья (написанная совместно с И. И. Презентом) «Селекция и теория стадийного развития». Как ясно из с. 421, она впервые опубликована отдельным изданием в 1935 г., а затем была опубликована и в 1948 г. Там на с. 399 имеются такие слова: «Еще Грегором Менделем было подмечено (и это одно из крупнейших завоеваний генетики), что в первом поколении гибридов (Ф1) из альтернативной пары признаков появляются признаки или от одного родителя, или же от другого».

Наконец, в той же книге на с. 313 напечатано: «Различие между генотипами как по стадии яровизации, так и по световой стадии чрезвычайно велико. Поэтому для подбора их крайне необходимо иметь все мировое разнообразие данной культуры. Благодаря экспедициям Н. И. Вавилова селекционеры Советского Союза это мировое разнообразие имеют».

Мало того, одно из тех предложений Лысенко, которое могло особенно понравиться Н. И. Вавилову, заключается именно в использовании стадийной теории для селекции раннеспелых растений на основе законов Менделя. Раньше брали для селекции раннеспелых сортов только раннеспелые сорта, Лысенко же предложил различать длительность двух открытых им стадий. Например, могли быть два сорта, у одного из которых очень короткая стадия яровизации и очень длинная световая стадия (отчего в общем растение позднеспелое), у другого же наоборот. При расщеплении могли скомбинироваться короткая стадия яровизации одного сорта и тоже короткая световая стадия другого, и от двух позднеспелых сортов получится сорт раннеспелый.

Таким образом, вплоть до 1935 г. (как видите, это установлено документально, на основе работ самого Лысенко) у Вавилова не было никаких оснований разочаровываться в своем протеже: знахарь явно «рос» и усваивал настоящую науку. Неверно поэтому думать также, что Лысенко испортился под влиянием И. И. Презента. В начале тридцатых годов сам Презент был ярым морганистом, и никакой выгоды для него лично от перестройки не было. Но в голове Лысенко зашумело от слов Сталина «Браво, т. Лысенко, браво». (Вы цитируете эти слова на с. 21 и указываете, что они были произнесены на втором съезде колхозников-ударников, но не указываете дату. Этот съезд был в начале 1935 г., и доклад (вместе с роковыми для нашей агрономии словами Сталина) был впервые опубликован в «Правде» 15 февраля 1935 г. (цит. по книге Лысенко, с. 650).

Получив помазание на власть, он решил больше не церемониться с Вавиловым и генетиками и развить собственную биологию, а так как по случайному совпадению в 1935 г. умерли И. В. Мичурин и М. Ф. Иванов, то Лысенко их, мертвых, впряг в свою триумфальную колесницу. Вот тут и Презент «приспособился» к Лысенко, а не Лысенко к Презенту, как думают некоторые удивляющиеся такому превращению Лысенко. Да в таких превращениях нет ничего удивительного. Неограниченная власть часто портит

людей (вернее, почти без исключений). Хрущев дельно говорил, когда был первым секретарем Украины перед войной (я сам тогда был от него прямо в восторге), а когда сумел смять всех своих противников (и возможных соперников), понес такую чушь, что смещение его произошло предельно просто. Сейчас в Китае что-то творится несусветное и при покровительстве Мао Цзедуна, которого все считали выдающимся деятелем и совсем неглупым человеком.

И после разрыва с Вавиловым Лысенко не только на время угробил всю генетику, все опытное дело (опытное дело еще потребует больших трудов для восстановления, так как помимо неграмотности внесен в большой дозе элемент бесчестности и очковтирательства, полностью отсутствовавший в наших старых опытных станциях, бывших подлинными оазисами культуры), но угробил и собственную стадийную теорию развития как в теории (разработка ее прекратилась), так и на практике (он перестал рекомендовать яровизацию даже там, где как будто она была вполне перспективна: в Казахстане, где ранние сроки недопустимы из-за частых весенних засух, а поздние приводят к запозданию созревания самых урожайных сортов). Знахарь, показывавший прогресс, находясь под руководством настоящих ученых, показал полный регресс и вернулся даже не в первобытное состояние, а окончательно одичал.

Период 1935—1940 годов был, конечно, чрезвычайно мучительным для Н. И. Вавилова. Гнусное вероломство Лысенко, конечно, не могло его не поразить, и, конечно, он терялся в попытках объяснения всего происходящего, как и все мы в то страшное время.

Конечно, все переживали тогда тревожное время. Как тогда говорили: «Живем, как в автобусе: одни сидят, другие ждут очереди (другой вариант: другие трясутся)». Но тяжесть положения Вавилова усугублялась тем, что он беспокоился не только за себя, но и за дело, и за многочисленных своих сотрудников. Хорошо известно, что он хлопотал и лично перед Сталиным за своих арестованных сотрудников, но, конечно, безуспешно. Вы, вероятно, правы, что он, предвидя возможный разгром своей лаборатории, старался устроить многих своих сотрудников на периферию (с. 115). Но возможно и другое объяснение, основанное, может быть, на осознанной им одной ошибке. Этого я и коснусь.

Как я постарался показать выше, в оценке интеллекта Лысенко Вавилов не ошибся, ошибся он крепко в оценке его этики, но этого предвидеть было невозможно. Но и у Вавилова, как и у самого выдающегося человека, были ошибки. Но он никогда не затирал сторонников противоположных взглядов и соглашался с ними, когда они приводили достаточно убедительные доводы.

Из серьезных ошибок Вавилова могу указать две. Первая, вероятно, не имела значения ввиду невежества его противников — чрезмерное восхваление книги Гарвуда «Обновленная земля». Насколько мне известно, именно этой книгой (американца) Вавилов если не убедил, то помог убедиться в необходимости основания Института прикладной ботаники (предшественника ВАСХНИЛа). Но эта книга сильно рекламного характера, и кто ей поверит, будет думать, что в огромной стране можно очень быстро поднять урожай. Этой ошибкой, видимо, воспользовались противники Вавилова.

Другая более серьезная. Он всерьез поверил, что наше хозяйство строится на строго научных основах, и поэтому необычно широко развернул строго научные исследования по ботанике, захватывая и такие, которые непосредственно практического значения не имеют. Если бы Ленин остался жить и был во главе правительства, скажем, еще лет 15, то это не было бы ошибкой; само собой разумеется, при Ленине и сессия ВАСХНИЛ 1948 г. была бы невозможна. Н. И. Вавилов широко развивал не только прикладную ботанику, но и то, что у нас теперь называют фундаментальной (в то время называли чистой) наукой. И прикладные результаты деятельности Вавилова были очень

велики. По-моему, за короткий период до 1937 г. темп роста урожайности был едва ли не рекордным в мировом масштабе, но это было не более 5% в год, что для невежд казалось слишком малым, и казалось бы, контрастировало с огромным размахом научных исследований ВИРа.

Такого же рода критику направляли и на деятельность наших опытных станций. До господства Лысенко наши опытные станции представляли собой оазисы высокоурожайных полей, контрастировавших с гораздо более низкими урожаями соседних крестьянских участков. Невежды говорили: «Для чего опытные станции, если они повышают урожай только на своих полях?» Но поднять сразу урожай в широком масштабе невозможно, а статистика урожайности в дореволюционное время и за вавиловский период нашего сельского хозяйства показывает неуклонный рост урожайности по всей стране. За период господства Лысенко и Хрущева мы имеем в лучшем случае стагнацию, а часто и падение. Но этого не видно: это можно увидеть только, выражаясь словами девы Февронии, «умными» (т. е. умственными) глазами. Но в случае Вавилова контраст был настолько велик, что совсем не невежды, а сторонники чистой науки и расположенные к Н. И. Вавилову люди серьезно полагали, что Вавилов «злоупотребляет» чистой наукой и что многие работы совсем не к лицу Институту прикладной ботаники или Академии сельскохозяйственных наук. Ну, а такой невежественный деспот, как Сталин, которого подстрекали и Лысенко, и Вильяме, всерьез поверил, что Вавилов занимается только ботаникой, а по страшной логике того времени он не просто лодырь и казнокрад, но и классовый враг. А признаков «классового врага» было достаточно: сын купца, образование получил в Англии, не скрывал своей симпатии к Англии, друг сына священника и антидарвиниста (следовательно, по всей вероятности, идеалиста) Бэтсона, защитник менделизма и, следовательно, врожденного неравенства людей, следовательно, расизма и социал-дарвинизма (а крупные менделисты защищали расизм в разных модификациях от Дарлингтона до Р. Фишера}, противник непосредственной научной работы в колхозах и хатах-лабораториях, зажимщик бурных темпов внедрения нововведений и т. д. и т. п. Но авторитет Вавилова был настолько велик, что после снятия его с поста президента ВАСХНИЛ он продолжал руководить ВИРом, не скрывая, что методически он не подчиняется Лысенко, и перенес благополучно страшный период ежовщины, когда сажали не идивидуально, а прямо по групповому признаку. От недавно умершего старого

инженера, бывшего главным инженером (или техническим директором) крупного завода в Ульяновске, знаю, что в одну ночь были арестованы сплошь главные инженеры ряда крупных и очень важных заводов. Н. И. Вавилов же был арестован в 1940 г., когда таких массовых арестов не было, и был арестован не в Москве, а во время своего по внешности триумфального объезда научно-исследовательских учреждений вновь присоединенных областей. Он проездом был и в Киеве, посещал, между прочим, Украинский научно-исследовательский институт плодоводства, где был встречен с почетом, несмотря на господство лысенковцев в дирекции. В этот момент ничто не предвещало (по внешности) трагического конца. Это у Вас прекрасно описано на с. 115—116, где Вавилов убежденно говорил Атабековой, что скоро все изменится. Правда, после беседы с Лысенко, принявшей весьма резкий характер, настроение Вавилова резко изменяется (одна из сотрудниц даже высказала оправдавшийся прогноз, что его арестуют), но выехав на Украину, Вавилов был уже опять полон сил. Было ли это совершенно необоснованное легкомыслие? Конечно, нет. Вы указываете на с. 115, что Вавилов беседовал с крупным правительственным лицом (видимо, А. А. Ждановым), которое его поддержало, а резкие повороты характерны для нашей действительности: поворот от военного коммунизма к нэпу, стремительное падение таких фигур, как Зиновьев, Троцкий, Ягода, Ежов,и многих других. Трудно было ожидать, что беспартийный Лысенко обнаружит такую прочность. И позже, Вы отлично знаете, как все творилось при Сталине: в 1949 г. Марр был

на вершине своей славы, хотя его уже не было в живых: малейшее уклонение от Марра каралось как явная контрреволюция, а в 1950 г. он так слетел, что малейшая поддержка Марра тоже считалась контрреволюцией у усердных марксистов. В 1950 г. было провозглашено: «Наука не может развиваться без борьбы мнений, без свободы критики», а в том же году, вопреки всем правилам, была канонизирована Лепешинская, получившая вне всякой очереди Сталинскую премию 1-го ранга. А в 1952 г. появились уже критические статьи против Лысенко в «Ботаническом журнале» и в изданиях по лесоводству.

История ареста Вавилова еще не вполне ясна, вернее, можно составить себе довольно правдоподобную гипотезу на основе фактов. Эти факты: Вавилов был арестован близ самой государственной границы в поле, когда он собирал растения в Карпатах.[5] Вскоре после этого был арестован ряд его ближайших сотрудников, которых постигла та же участь. Упомяну прежде всего Левитского и Карпеченко. Оба были представителями «чистой науки» — цитологии и генетики и, насколько мне известно, никогда персонально против Лысенко не выступали, работая в сфере, не соприкасавшейся с Лысенко. Помня кошмарное законодательство того времени (вспомнить хотя бы указ от 10 августа, по которому за всякое хищение государственного имущества независимо от размеров хищения и сопутствующих обстоятельств полагалась смертная казнь, заменяемая при наличии особо смягчающих обстоятельств десятилетним заключением), нетрудно догадаться, что Вавилову могли вменить в вину попытку перехода через границу. Пошел же он в горы собирать какие-то травки. «Знаем мы эти травки», — думали невежественные его преследователи, и мне известно, что попытка одного из его сотрудников сопровождать чекистов к месту нахождения Вавилова была пресечена в чрезвычайно грубой форме. А тогда существовал закон за недоносительство о намерении бежать за границу, распространявшийся на самых даже близких родственников. Так как Вавилов, естественно, отрицал свое намерение бежать, то и были арестованы сотрудники или как недоносители, или как возможные свидетели обвинения, от которых надеялись получить показания при помощи той методики, которая была весьма тщательно разработана. Методика, видимо, не дала результатов, но все же Вавилов был приговорен к расстрелу, милостиво замененному заключением. А вскоре началась война, о Вавилове на верхах забыли и, только когда Лондонское Королевское общество избрало его своим заграничным членом, спохватились, но было уже поздно: по имеющимся у меня сведениям, Вавилов умер от авитаминоза (пеллагры); как кончили свою жизнь Карпеченко, Левитский, Эмме и другие — неизвестно. Не исключена возможность, что вся поездка на Западную Украину была спровоцирована, чтобы создать убедительность обвинения в попытке бежать за границу.

Если бы Вавилов мог чуточку проникнуть в черную душу своих противников, то он, может быть, несколько изменил бы свою линию поведения, отнюдь не погрешив против честности и принципиальности. Неосторожной была его поездка на крайний запад и экскурсия в пограничных горах. Он все время аргументировал против Лысенко научной литературой, особенно заграничной, он был слишком осторожен в рекламировании многих достижений своего института. Возможно, что все это его не спасло бы. Мы живем в странном веке. С одной стороны, величайшие торжества

человеческого разума — успехи науки, о которых и не снилось самым выдающимся ученым 19-го века, а с другой стороны — потрясающий успех таких проходимцев, которым трудно найти прецедент во всей мировой истории. Успех Григория Распутина, сумевшего целиком подчинить своему влиянию весьма образованную царицу, совершенно меркнет перед успехом Гитлера, сумевшего увлечь значительную часть куль« vpHt-йшей германской нации, и нашего Лысенко, приобретшего колоссальное влияние при деспоте Сталине, восстановившего свое пошатнувшееся влияние при новом деспоте Хрущеве и находившегося под покровительством

278

даже сейчас, когда деспота свергли и можно было бы ожидать, что главные виновники получат заслуженное наказание или по крайней мере будут смещены с постов, которые они захватили преступным образом. Но, видимо, сейчас мы играем в действительности новый вариант знаменитой драмы Кальдерона «Жизнь есть сон».

Об энциклопедичности. Мнение, что время разносторонних людей миновало, совершенно ошибочно, и напрасно люди цитируют Гельмгольца {с. 7): «Даже наиболее универсальный ум не может и думать о том, чтобы удержать в голове более одной маленькой частной области современного знания». Не понимаю, как такую чушь мог сказать Гельмгольц, который сам сделал огромное дело в физиологии (измерение скорости нервного возбуждения, офтальмоскоп, физиология зрения и слуха), физике (сохранение энергии, теория вихрей и ряд механических принципов) и даже математике, не говоря уже о том, что высказал ряд интересных мыслей по теории эстетики и проч. Конечно, ни один человек не может сейчас охватить всех отраслей культуры, но есть много людей очень многосторонних, и, кроме того, характерной чертой современности является образование смежных наук, связывающих как будто изолированные области знания. В этом отношении Вавилов вовсе не был исключением, и он был очень силен и в теоретической, и в прикладной биологии.

О Дж. Холдейне. Цитата, приведенная на с. 22 («Идеи Лысенко ошибочны и весьма ошибочны»), по-видимому, не вполне отражает мнение Холдейна. Недавно я читал, кажется в «Неделе» (не могу точно указать), того же Холдейна, где он с гораздо большими оговорками писал о Лысенко.

В. Маяковский. «Отрекитесь, ревели». Лучше бы Маяковского не цитировать. Помню одну цитату, приведенную Эренбургом в его воспоминаниях: «Белогвардейца найдете, и к стенке. А Рафаэля забыли? Забыли Растрелли Вы...? Время пулями по стенкам музеев тенькать, стодюймовками глоток старье расстреливать. Выкатили пушки на опушку, глухи к белогвардейской ласке. А почему не атакован Пушкин? . .» Маяковский — это наш хунвейбин, только ему ходу не давали особенно и правильно делали.

Статья Яковлева (с. 26): видимо, неправильно указан год (1963).

О последних днях (с. Ill): Н. И. Вавилов был, конечно, чрезвычайно работоспособен, но вряд ли всерьез можно принять сообщение, что за два года он намеревался написать 243 печатных листа: это, очевидно, был черновой набросок, который должен был быть потом сокращен. Также сомневаюсь, что при каждой поездке в Москву он всю ночь работал в вагоне. Тут Вы несколько пересолили. Н. И. Вавилов имел вид здорового, вовсе не изможденного человека.

На этом кончаю.

Ваш А. А. Любищев

2.9. Письмо в редакцию «Известий». (Об одном делегате III съезда комсомола)

«Известия» в № 114 от 17 мая с. г. (1966 г. — *Сост.)* на третьей странице поместили результаты любопытной анкеты девяти делегатов разных съездов Комсомола от 3-го до 15-го. В анкете было восемь вопросов, из коих наиболее любопытны: 1) что привело Вас на съезд?; 2) что строили Вы и Ваши товарищи?; 7) какие черты Вашего поколения Вы передали бы как эстафету молодежи XXI века?; 8) над чем Вы смеялись (смеетесь) ? Восемь ответов дали делегаты VII— XV съездов, очень разнообразные и по возрасту,и по специальности, и из этих ответов, непритязательных, откровенных и часто остроумных, можно сделать приблизительное заключение о работе и специальности авторов, даже не зная,

Написано 23.05 1966 г.

279

кто писал ответ. Исключение составляет первый ответ, очевидно, старого человека, так как только он присутствовал на III съезде, бывшем в 1919 году: сейчас это уже комсостарец, а не

комсомолец. Из ответа на первый вопрос мы узнаем, что на третий съезд он прибыл потому, что был одним из организаторов комсомола Волынской губернии, а затем секретарем Правобережного бюро Украины. Строили он и его товарищи (2-й вопрос) «советскую власть, боролись с кулацкими бандами». Ответ на 7-й вопрос: «Целеустремленность, смелость, дерзание, преданность Родине и народу, вдохновение, непримиримость ко всякого рода недостаткам, принципиальность, стремление идти только вперед». И наконец, на 8-й вопрос: «Над чем Вы смеялись (смеетесь)?» — ответ: «Над расфуфыренными девушками, над белоручками, над неумением владеть оружием».

Кто же автор этих ответов? Так как упоминается только время гражданской войны и автор так непримиримо относится к людям, не умеющим владеть оружием, то, кажется, ясно, что перед нами — доживающий свой век персональный пенсионер, когда-то энтузиаст, видевший главную цель революции — сокрушение противников, и у которого сейчас «все в прошлом»: он презрительно смотрит на людей мирных профессий, очень часто вовсе не умеющих владеть оружием. Большая ошибка: перед нами — философ, академик М. Митин, человек глубоко мирной профессии, достигший в своей мирной специальности самой вершины официального признания. И неужели старый философ даже в своей самой краткой автобиографии не должен был упомянуть, что он участвовал в строительстве советской философии, что в числе черт, которые его поколение хотело бы завещать будущему, заключаются также строгость и свобода мысли, любовь к мудрости (что и значит слово «философия»} и что полезно смеяться не только над расфуфыренными девушками (которых, право, совсем не так много) и неумеющими владеть оружием (счастливо будет человечество, если умение владеть оружием не будет считаться добродетелью), а над теми, кто пытается судить и решать в науке и философии, не имея к этому ни малейших способностей.

Но может быть, такое странное умолчание академика-философа о своей профессии есть выражение скромности? Он не хочет навязывать читателю преувеличенное представление о своих заслугах, которые по своей значимости обеспечили ему высшее научное звание? Тот, кто знаком с деятельностью академика М. Митина в этой области, не назовет его скромным человеком. В его деятельности ясно выражена только одна сторона: целеустремленность— стремление во всех случаях угодить начальству. Сейчас даже в «Философском словаре» 1963 г. признается (с. 410), что развитие советской философии, как и других общественных наук, серьезно тормозилось в годы культа личности Сталина. Правда, эта страница «Философского словаря» уже устарела, так как там говорится, что «большое значение для творческого развития марксизма в марксистской философии имеют выступления Н. С. Хрущева», но сервилизм наших философов перед Хрущевым только продолжал их сервилизм перед Сталиным. И свое академическое кресло М. Митин заработал успешным выполнением указаний по «сокрушению» очередных противников, многих из которых постигла очень печальная участь и многие из которых были несравненно талантливее, шире и принципиальнее Митина. Но может быть, «сокрушение» все же было необходимо? Возьмем последнюю открытую «работу» Митина: его выступление на пресловутой сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Здесь Митин был главным философом, решительно поддерживающим линию Лысенко, громившим своих противников, прежде всего академика Шмальгаузена и Дубинина, и обвинявшим их во всех смертных грехах. Но может быть, Митин делал это по невежеству? Конечно, невежество плохой оправдательный аргумент для академика-философа, но в данном случае он совершенно непригоден, так как всего за девять лет, в 1939 году, на дискуссии по вопросам генетики (опублико-

вано в журнале «Под знаменем марксизма», 1939, № 10 и в хрестоматии по дарвинизму С. А. Новикова и А. А. Парамонова, 1940, с. 462—494) Митин занимал вполне объективную позицию и в качестве арбитра правильно охарактеризовал «философскую» работу И. И. Презента как «словоблудие».

Но может быть, Митин защищал противоположные точки зрения с таким искусством, что это искусство защищать любую точку зрения заслуживает восхищения и высокого академического звания? Может быть, Митин прекрасно владеет своим философским оружием? Мы знаем, что в античной Элладе многие софисты и прославились тем, что учили искусству защищать любую точку зрения независимо от ее справедливости или несправедливости. И это соображение приходится отвергнуть, что если мы возьмем речь Митина на сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Свои главные философские возражения он направляет на И. И. Шмальгаузена (Стеногр. отчет, с. 227): «Методологической основой всей концепции автора (Шмальгаузена) является небезызвестная теория равновесия». Приведя несколько цитат из Шмальгаузена, где этот ученый действительно пользуется понятием равновесия, Митин победно заключает: «Таким образом, мы видим, что

автор применяет все основные категории (устойчивое и неустойчивое равновесие и т. д.) богдановско-бухаринской школы». При подобном ходе рассуждений надо обвинить в политической неблагонадежности всю механику, физику, химию и проч., так как хорошо известно, что понятия устойчивое и неустойчивое равновесие выдуманы не Богдановым и Бухариным, а восходят по крайней мере к Архимеду и, вероятно, были известны и ранее. Даже софистом назвать Митина нельзя. Он просто один из многих сталинских опричников культуры, и мы знаем, что Сталин даже пытался реабилитировать понятие опричника, так что в этом названии для человека, преуспевшего как верный проводник сталинских указаний, нет ничего обидного.

Но может быть, у Митина есть кроме ошибок и какие-то поистине крупные заслуги, о которых он из скромности не упоминает? Обратимся к Большой Советской Энциклопедии, 2-е издание. Выберем то, что нас сейчас интересует: «Митин, Марк Борисович: род. в 1901 г., академик с 1938 г. В течение многих лет занимается научно-педагогической и литературной деятельностью... За работы в области истории философии удостоен в 1943 г. Сталинской премии». Ни одной печатной работы не указано, хотя несомненно к числу секретных они не относятся. Мы вправе считать, что работы Митина в области философии того же уровня, что и многие другие сталинского периода (вся лысенковщина, работы Лепешинской, Бошьяна и др.), которые были премированы, исходя вовсе не из научных соображений, что сейчас уже молчаливо или не молчаливо признается.

Но если продвижение Митина в академики было вызвано совсем не научными его заслугами и если он сейчас сам признает, что его главные достижения — организационная работа и работа винтовкой, то не следует ли сделать организационные выводы, памятуя высокие слова о принципиальности, непримиримости ко всякого рода недостаткам и проч. Не следует ли (и прежде всего самому академику М. Б. Митину) признать: академику Митину следует отказаться от своего поста академика и перейти на более скромное положение персонального пенсионера, на что, по-видимому, он имеет право (но проверять это — не мое дело). Вот тогда мы скажем, что у Митина хоть под старость появились та принципиальность, смелость и честность (о честности с*н, правда, не упоминает), которые он завещает передать поколению XXI века.

Доктор с/х наук, профессор А. Любищев

P. S. Я буду очень признателен редакции «Известий», если это письмо будет доведено до академика Митина. Не посылаю его ему потому, что, во-первых, не знаю его адреса, а во-вторых, что наивероятной судьбой такого письма при попадании Митину будет немедленное его уничтожение.

А. Л.

281

КОММЕНТАРИИ

ВЕХИ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЮБИЩЕВА

[1] Павел Григорьевич Светлов (10.09 1892—7.11 1974) - биолог-, эмбриолог и генетик, член-корреспондент АМН СССР. Самый близкий друг Любищева, с которым они дружили и переписывались в течение 50 лет. Фрагмент переписки опубликован в журнале «Природа» (1986. № 8. С. 90— 100). Под редакцией и с предисловием П. Г. Светлова вышла книга: Александр Александрович Любищев, Л.: Наука, 1982.

[2] Об этой особенности личности Любищева П. Г. Светлов писал ему: «Ты пришелся мне как нельзя более кстати, и я слушал все, что ты говорил, буквально развесив уши. Особенное значение для меня имели в дальнейшем твоя пропаганда идеи поля, формы как самостоятельной проблемы, и в том числе эстетической (!), естественной системы в оригинальном понимании ее, математика в биологии и т. д. Усиливал впечатление необыкновенный энтузиазм в высказываниях, благодаря чему они производили впечатление ослепительного фейерверка. Вообще, прибегая к древней терминологии, можно сказать, что при создании твоей личности в качестве основной субстанции был взят огонь; остальные три стихии участвовали в этом событии в минимальном количестве, необходимом для приготовления человека. Так как этот огонь не только согревал интеллектуальные центры, а проникал все мое нутро, то, естественно, я быстро был расплавлен целиком...» (10.4 1960 г.; см.: «Природа». № 8. С. 94).

[3] Список опубликованных работ Любищева в период с 1912 по 1982 г. приведен в конце книги: Александр Александрович Любищев. Л.: Наука. 1982. С. !30—136.

[4] Любищев в порядке призыва на военную службу работал около двух лет в Химическом комитете Главного артиллерийского управления. О работе в этом комитете см. его статью: «О русских химиках и мемуарах Ллойд Джорджа» («Химия и жизнь». 1982. № 8. С. 88—90).

[5] По воспоминаниям Евгении Александровны Ра вдел ь, дочери Любищева, «переезду и организации его очень помог Яков Ильич Френкель, ровесник моего отца (живший в то время в Крыму), который с тех пор стал его близким другом. ., В Таврический университет съехались со всех концов выдающиеся ученые: Н. М. Крылов, В. И. Смирнов, О. В. Струве, А. А. Банков, Н. И. Андрусов, В. А. Обручев, В. И. Вернадский, В. И. Палладии, Л. И. Кузнецов, Г. Ф. Морозов, С. И. Метальников, Э. А. Мейер, П. П. Сушкин, Б. Д. Греков, Я. И. Френкель, И. Е. Тамм и многие другие. Состав университета стал блестящим, им мог бы гордиться любой университет мира». (Цит. по: Александр Александрович Любищев. Л.: Наука, 1982. С. 17).

[6] Из воспоминаний Е. А. Равдель: «Отец занимал должность доцента кафедры зоологии. Объем его преподавательской деятельности был весьма обширен. Он вел разные курсы, основным из которых была общая биология. Читал он введение в эволюционную теорию, биометрию, генетику, зоопсихологию, специальный курс эволюционной теории для студентов четвертого курса. Кроме того, были курсы зоологии позвоночных, зоогеографии, истории биологии и, наконец, в последние годы пребывания в Перми - учение о сельскохозяйственных вредителях. Этот последний теоретический курс, а также проводимые отцом практические занятия побудили его вернуться к энтомологии и заинтересоваться прикладными проблемами» (Цит. по: Александр Александрович Любищев. Л.: Наука, 1982. С. 19).

[7] Статьи собраны в книгу: Любищев А, А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М.: Наука, 1982. 278 с.

[и] Книга вышла в свет в 1986 г.: Любищев А. А. Дисперсионный анализ в биологии, М.: Изд-во МГУ, 1986. 200 с.

[н] После сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. по всей стране началась кампания по выявлению «менделистов-морганистов» вполне в стиле «охоты на ведьм». Началась травля и Любищева. Газета «Советская Киргизия» от 27.11 1948 г. в передовой статье писала: «Резкой критике на республиканском совещании работников научно-исследовательских и медицинских учреждений подверглась деятельность Биологического института Киргизского филиала Академии наук СССР... Не случайно поэтому там нашлись в лице профессора Любищева проповедники антимичу-

ринских взглядов...» В декабре 1948 г. эта же газета писала о «развернувшейся на основе итогов сессии ВАСХНИЛ критике работы кафедр Пединститута», и вновь: «Профессор Любшцев неверно трактовал теоретические вопроси биологии». Президент Киргизского филиала ЛН СССР академик К- И. Скрябин уговаривал Любищевя не донкихотствовать и покаяться. «Я ему заявил, — писал в одном из писем А. А., - что мне сейчас совсем не хочется зря донкихотствовать, но что невозможно сгибаться шее, которая 58 лет в этом благородном искусстве не упражнялась, и что если будет провокация, то, конечно, я могу сказать лишнее».

[''] Архив Любшцева хранится в Ленинградском отделении Архива АН *СССР* (фонд № КШ). Объем фонда превышает 2000 а. л., и;(них научные труды и материалы к ним составляют около 1200, переписка более 600, дневники около 200 а. л. Описание архива сделано Р. Г. Баранце-пым в журнале «Советская библиография» (1988. Л» 6. С. 72—78}.

1.1

[1] В стране с 1948 по 1953 г. было посажено леса в два с лишним раза больше, чем за предыдущие 250 лет отечественного лесоразведения. Однако к осени 1956 г. полноценных деревьев осталось лишь 4.3 %. Да и эти посадки сохранились потому, что колхозники, вопреки рекомендациям гнездового способа, проводили уход за растениями, ослабленными конкурентной борьбой. Затраченные впустую средегва составили огромную сумму. Об этом сообщил акад. В. Н. Сукачев на годичном собрании АН СССР (см.: «Вестник АН СССР». 1958. № 3}.

[2] Здесь Любнщев переоценил роль Мичурина. Несомненно, пальма первенства должна быть отдана Г. Д. Карпеченко (1899—1942), который разработал теорию отдаленной гибридизации, а не просто предложил, как Мичурин, ряд приемов преодоления нескрещиваемости. Главная причина бесплодия отдаленных гибридов — отсутствие конъюгации хромосом в мейозе. В случае искусственного удвоения хромосом у гибрида (амфиполиплоидия) становится возможной конъюгация гомологичных хромосом и плодовитость восстанавливается.

[J] Метод ментора (воспитателя) состоит в прививке полового гибрида на растение одной из родительских форм с целью изменить характер проявления гибридных признаков в нужную сторону. (См, обсуждение этого вопроса в книге: Лобашов М. Е. Генетика. Л., 1967. С. 586.)

Ксения — влияние генов пыльцы на признаки и свойства эндосперма зародыша материнского растения.

[1] Это замечание, сделанное Любищевым в 1953 г., бесспорно. Анализ нс.хромосомной, цитоплазматической наследственности составляет в настоящее время одно из важных направлений в генетике.

Сукачев В. Н. О внутривидовых и межвидовых взаимоотношениях среди растений // Ботан. журн. 1952. Т. 38. № 1.

" Н. В. Турбин (род. 1912} в 1945 — 1953 гг. занимал должность профессора кафедры генетики Ленинградского университета. В 1952 г. выпустил лысенковский учебник по генетике, но вскоре опубликовал статью, в которой не согласился с теорией видообразования, предложенной Лысенко. Завязалась дискуссия, итоги которой подведены в «Ботаническом журнале» (1954. Т. 39. С, 202— 223),

' Здесь и в других своих статьях Любищев совершенно справедливо замечает, что расизм не связан с гипотезой о полифилетическом происхождении рас человека. Расизм может быть основан на самых разных предпосылках, как научных, так и псевдонаучных.

[8] Жена Любищева, Ольга Петровна Орлицкая, составила своеобразную хронику борьбы А. А. с лысенковщиной, где собраны отклики на выступления и статьи А. А. Хроника названа «Надо или не надо». Составители использовали часть материалов этой хроники, сохранив в ряде мест примечания О. П. Орлицкой.

1.2

[1] Здесь и далее дано лишь оглавление и краткое резюме глав книги Любищева «О монополии Лысенко в биологии». Их общий объем составляет более 500 с. машинописи. Оглавление дает возможность представить широту и детальность сделанного Любищевым анализа.

″- К сожалению, призывы к научным работникам — смело бороться с зажимом критики и господством монополии отдельных лиц в науке делались еще Сталиным, но, как остроумно заметил В. Я. Александров, «многие фразы и слова воспринимались в инвертированном, перевернутом смысле. Борьба мнений понималась как борьба утвержденной доктрины с мнением инакомыслящих» («Знание — сила». 1987. № 10. С. 80).

[3] Посылая копию своей статьи академику В. Н. Сукачеву, президенту Ботанического общества (1941 — 1963 гг.) и главному редактору «Ботанического журнала» (1946– 1967 гг.), Любищев писал: «Отлично понимаю, что резкость тона моей статьи будет служить препятствием для напечатания ее в любом журнале. Вам же я посылаю потому, что искренне уважаю Вас как стойкого борца за науку и человека безукоризненной моральной репутации и не сомневаюсь, что мои материалы могут быть Вами использованы. Если вопрос о напечатании будет решен в положительном смысле, то я готов пойти на сокращение... В оригинальном документе я писал со всей подробностью, т. к. при

283

беспринципном характере современных временщиков u науке с ними надо обращаться, как с подсудимыми, и не давать им возможности уклониться от ответственности».

1.3

[1] В письме от 22.10 1953 г. Любищсв писал академику Н. В. Цицину: «Я не имею чести знать Вас лично, но, по дошедшим до меня сведениям, Вам поручено сделать доклад о положении в биологической науке. Поэтому я посылаю Вам копию моей статьи, посланной тов. П. С. Хрущеву и академику В. Н. Сукачеву, „О монополии Лысенко в биологии". Думаю, что приведенные мной материалы могут оказаться Вам полезными. Материалами можете располагать свободно, я заинтересован только в торжестве истины и совершенно не заинтересован в приоритете моего выступления».

[a] Известный историк-гебраист, востоковед И. Д. Амусин в 50-е гг., так же, как и Н. Я. Мандельштам, оказался в Ульяновске и работал в пединституте. Любищев, Амуеин и Мандельштам поддерживали дружеские отношения и переписывались до конца жизни.

1.4

[1] После травли Любищева директор Ульяновского пединститута В. Ф. Красота сделал карьеру и долгое время возглавлял кадровую политику по высшим учебным заведениям в Министерстве, сельского хозяйства СССР, заведуя одновременно кафедрой генетики в Московской ветеринарной академии. Даже через пять лет после падения Лысенко Красота пытался повернуть науку вспять и выступил одним из инициаторов письма ряда видных селекционеров и некоторых философов-лысен-коистов, направленного в январе 1970 г. на имя Л. И. Брежнева. В письме содержались требования «восстановить в правах мичуринскую тематику исследований в научных учреждениях и вузах, прекратить дискредитацию сторонников мичуринского учения» и, конечно же, «предложить редакциям журналов по философии и биологии усилить борьбу против идеалистических и метафизических концепций в биологии, против биологических концепций в социологии». Полный текст письма приведен в книге В. Н. Сойфера «Виноват ли Трофим Лысенко?» в главе «Второе падение Лысенко» (опубликована в сборнике: СССР. Внутренние противоречия. Нью-Йорк, 1988. С. 191 - - 314), Партий но-административная система, которой верно служил В. Ф. Красота, не забыла его заслуг, и, как сообщил журнал «Огонек» (1988, № 5), В. Ф. Красота в 1987 г. был представлен к званию заслуженного деятеля науки.

[2] В 1950 г. Лысенко опубликовал в журнале «Агробиология» статью «Новое в науке о биологическом виде», где писал о регулярном скачкообразном порождении одних видов другими. Вслед за этим появилась серия статей-фальсификаций о порождении видов: пшеницей ржи, лещиной граба, елью сосны и т. д. Одна из таких работ-фальсификаций, представленная в качестве докторской диссертации В. С. Дмитриевым, была разобрана в статье профессора Московского университета ботаника С. С, Ста икона в газете «Правда» (23.02 1954 г.). После этого ВАК отменил свое решение о присуждении ставленнику Лысенко степени доктора наук.

1.6

[1] После смерти первой жены в 1948 г. Любищев женился на Ольге Петровне Орлицкой, с которой был знаком в юности. Как вспоминает дочь Любищева, Е. А. Равдель, О. П. Орлицкая сразу же «стала отцу близким другом, секретарем, стенографисткой, хранительницей его архива. Она облегчила и устроила его жизнь во всех отношениях, взяла на себя его житейские хлопоты. Она с жаром включилась в его деятельность, стала жить его интересами. Со стороны отца было к ней горячее и сильное чувство все 24 года их совместной жизни». (В кн.: «Александр Александрович Любищев. Л.: Наука. 1982. С. 33).

1.7

[1] Настоящий текст представляет собой сокращенный вариант статьи, написанной Любищевым в мае 1956 г. по заказу «Ботанического журнала». К сожалению, как показывает переписка, статья так и не была опубликована. Между тем полная дезорганизация статистики, методики опытного дела, после того как Лысенко стал президентом ВАСХНИЛ (1939 г.), в значительной степени привела к распространению ложных выводов и прямой или косвенной фальсификации опытных данных. Любищев опубликовал серию работ по вопросам применения статистических методов в биологии. В 1950 г. он был избран действительным членом Американского биометрического общества. В 1986 г. в издательстве МГУ вышла книга Любищева «Дисперсионный анализ в биологии» (отв. ред. к. б. н. Б. С. Шорников).

1.9

[1] В письме от 1.11 1953 г. Любищев поздравил И. Е. Тамма с избранием в академики и напомнил о далеких годах их знакомства в Крыму, в Таврическом университете в Симферополе, где Любищев

с 1918 по 1921 г. работал ассистентом у проф. А. Г. Гурвича. Там же Любищев познакомился и с Я- И. Френкелем. В ответном письме 14.11 1953 г. И. Е. Тамм писал: «Дорогой Александр Александрович! Необычайно приятно было получить Ваше письмо, всколыхнувшее столько милых сердцу воспоминаний. Не говоря уже о том, что Вы остались в моем представлении пределом скорости речи, я и сейчас часто рассказываю о молодом биологе-энтузиасте, стремившемся установить закономерность R смене типов симметрии моллюсков в различные геологические эпохи, который, чтобы подготовить себя к решению этой задачи, изучил весь „Анализ" Чезаро и ставил меня в тупик своими вопросами по математике... А ведь я так и не знаю, удалось ли Вам выполнить эту Вашу юношескую программу. Очень было бы интересно

узнать это и вообще узнать о Вас. Может быть, Вы соберетесь написать мне? Во всяком случае разрешите надеяться, что когда Вам доведется быть в Москве, Вы позвоните мне по телефону или зайдете». Завязалась переписка. Любишев послал И. Е. Тамму главы своей книги «О монополии...» и другие статьи. Из письма И. Е. Тамма от 7.06 1954 г.: «Жена пока прочла с большим интересом Ваши исторические статьи, а я — о Лысенко. Очень яркие штрихи (к сожалению) слишком хорошо известной картины. Нелепость его основных положений и, главное, его полный алогизм мне ясны, но неясно, были ли в его архиве (хотя бы в сравнительно отдаленном прошлом) какие-либо существенные достижения в области агрономии, или и этого нет и не было. Несмотря на огромность причиненного им вреда, этот вопрос не лишен значения. Хотя я Ваш антипод в том отношении, что Вы — совершеннейший из известных мне представителей эпистолярного искусства и из известных мне эссеистов, а я страдаю застарелой аграфией, которой уже перестал стыдиться, все же обязательно напишу Вам подробнее после возвращения из командировки».

Будучи в Москве, Любищев несколько раз встречался с Таммом и вел с ним длительные беседы. Последняя встреча была осенью 1965 г.

[2] В 1956 г. Любищев пишет публицистическую работу «О смысле и значении венгерской трагедии» (25.12 1956 г.). Венгерская'трагедия потрясла Любищева. В своих размышлениях он приходит к выводу, что «, . .венгерское восстание не контрреволюция, а настоящее народное и притом прогрессивное восстание, несмотря на то, что к нему примазалось, может быть, даже довольно значительное число контрреволюционных сил и просто бандитов. Георгиу Деж считает, что это— контрреволюция. Так как сейчас власть принадлежит в Венгрии рабочим и крестьянам, то восстание против нее означает переход власти к прежним эксплуататорским классам. Her, власть в Венгрии принадлежит, как и в СССР, новому сталинскому классу партийных олигархов, и свержение этого класса есть прогрессивная задача, хотя бы она и сопровождалась некоторым временным усилением капиталистических элементов... Значение венгерских событий: первый страшный удар по сталинизму в международном масштабе важен именно тем, что он нанесен не капиталистами, а рабочими и прогрессивной молодежью. Остановить борьбу со сталинизмом уже нельзя, но для нашей страны возможны несколько путей...» К сходной оценке венгерских событий пришли в 1988 г. и в самой Венгрии (см.: «Правда». 1989. 23 июля).

[11] Любищев в шутливой форме высказывает вывод, который в 1938 г. ясно изложил В. И. Вернадский в работе «Научная мысль как планетное явление»: «Официальный диалектический материализм, представляющий одну из многих форм этого течения философской мысли, такой свободой не обладает, А между тем он никогда не был систематически до конца философски выработан, полон неясностей и непродуманностей. В течение последних 20 лет официальные его изложения не раз менялись, прежние признавались еретическими, создавались новые. Наши философы суровой дисциплиной, в которой они работают, должны были беспрекословно подчиняться под угрозой гонений и материальных невзгод этому новому и публично отказываться от излагавшихся ими учений, признаваться в своих ошибках... В результате создалось положение, очень напоминающее положение православной церкви при самодержавии, и постепенно упадок живой работы, работы в этой области философии... создалось новое развращение мысли» («Вопросы истории естеств. и техн.*. 1988, № I. С. 73),

1.10

[1] Книгу В. Елагина «Цель жизни» прислал Любищеву генетик В. П. Эфроимсон. А. А. писал ему 24.10 1957 г.: «Книгу Елагина я полностью не прочел, просмотрел только места, указанные Вами. Конечно, дело возмутительное, и лично я думаю послать в издательство часть моей первой главы, где доказывается фальсификация Гребня, соответствующим письмом; копию пришлю Вам. . , Вы, конечно, можете использовать мою работу. Вообще, пишу Вам раз и навсегда, как и всем моим друзьям: все мои непечатные произведения я разрешаю показывать кому угодно и использовать как угодно — печатно и непечатно, с указанием моего имени и без указания, переписывать, раздавать и проч. Я всегда с неодобрением смотрел на возню с приоритетом».

[a] Адольф Аркадьевич Равдель — муж дочери Любищева, Евгении Александровны Равдель, химик по специальности, долгие годы преподавал в Ленинградском технологическом институте им. Ленсовета.

1.12

[1] Появление статьи Ж- Медведева и В. Кирпичников;! было подобно разорвавшейся бомбе, ибо авторы уже в начале статьи заявили; «На нашумевшей сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук в 1948 году был выдвинут и проведен в жизнь принцип классовости биологии, принцип необходимости признания коренных различий между генетикой советской и генетикой западных стран, принцип непримиримости разных направлений в генетике. Этот принцип был тогда активно поддержан Сталиным. Классическую генетику объявили буржуазной наукой, и она оказалась „вне закона"». Далее авторы суммировали достижения генетики к началу 60-х гг., а также показали роль классической генетики в медицине и сельском хозяйстве. Они писали: «Попытки ограничить развитие советской биологии узкими рамками лишь одного какого-либо направления должны быть решительно отброшены». После появления статей М. Ольшанского в газетах «Сельская жизнь» и «Правда» произошли изменения в составе редколлегии журнала «Нева», вынужденной перепечатать погромную статью М. Ольшанского.

Об обстоятельствах появления этой статьи и ее последствиях В. С. Кирпичников вспоминает: «В конце 1962 года мы с Ж. Медведевым предложили журналу „Нева" статью под названием „Перспективы советской генетики". Редакторы журнала статью нам заказали, и она была напечатана в марте 1963 года. Вскоре после этого книжка „Нивы" с нашей статьей попала на глаза Хрущеву, он дал, как говорится, нахлобучку первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Тол-стикову, и последовало распоряжение „навести порядок в редакции". И он был наведен - были изгнаны из редакции поэт Орлов, критик Дмнтрисвекий и еще 7 человек, из которых почти никто нашей статьи не видел! А заказавшие нам статью главные редакторы остались на своих местах и публично (на страницах журнала) от нас отреклись. Нам тогда крепко досталось и в центральной печати, и было совсем не смешно! А ведь до восстановления генетики во всех правах оставалось всего несколько месяцев» («Вопросы истории естеств. и техн.» л Круглы и стол». Страницы истории советской генетики в литературе последних лет. 1987. №4. С. 1 13- -126. Перепечатано также в кн.: Суровая драма народа. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1989. С. 431).

[2] М. А. Ольшанский — один из партийных функционеров, который в составе 35 других единомышленников и помощников Лысенко был приказом Совета Министров СССР от 15 июля 1948 г. (непосредственно перед сессией ВАСХНИЛ!) назначен академиком ВАСХНИЛ. Один из самых ярых погромщиков генетики на сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. и в последующие голы. Был президентом ВАСХНИЛ в 1962—1965 гг. и министром сельского хозяйства СССР (I960—1962 гг.).

1.13.

[1] В 1966]·. вышли две книги известных генетиков о работах Мичурина: Алиханян С. И. Теоретические основы учения Мичурина о переделке растений. М.: Наука. 1966. 86 с.; Дубинин И. П. Теоретические основы и методы работ И. В. Мичурина. М.: Просвещение. 1966. 182 с.

1.14

[1] Часть переписки Любищева с В. П. Орловым была опубликована в журнале «ЭКО» (1988, JVTs 2 и 3) под названием «Неприлично молчание мне». Член редколлегии «ЭКО» журналистка Н. К. Максимова, по чьей инициативе была подготовлена публикация, писала в предисловии: «На Орлова — честного, очень озабоченного человека, абсолютно уверенного в непогрешимости высоких официальных установок, обрушивается беспощадная и жесткая логика Любищева, громящего не только псевдоученые „труды" Лысенко и его сподвижников, но также и систему тогдашнего руководства наукой. Отбиваясь от лавины фактов и обвинений, В. П. Орлов многое пересматривает в своей позиции — мы это чувствуем по меняющемуся тону его писем. Но главное для нас — не сами отношения двух реальных людей (хотя и они весьма интересны), а общая картина управления наукой, сложившаяся в 60-е годы. Картина абсолютно достоверная, горькая и поучительная. Эту картину с сегодняшним днем связывают тысячи нитей. Поэтому мы и предлагаем ее читателям. Следует заметить, что те завалы псевдонауки и бастионы волюнтаризма, которые советские биологи во многом уже расчистили, представителям общественных наук, в частности экономистам, еще предстоит расчищать».

[2] Алексей Андреевич Ляпунов, математик, ученый-энциклопедист, гуманист, педагог, сыграл выдающуюся роль в развитии «репрессированных» наук — кибернетики и генетики. Об этом говорится в статье Н. Н. Воронцова «Окружение и личность» («Природа». 1987. № 5. С. 81—98). О семинаре, который упоминает Любищев, Воронцов пишет: «Осенью 1954 г. Ляпунов организует домашний кружок по преподаванию основ вариационной статистики молодым биологам, на котором бывали М. М. Завадовский, Д. Д. Ромашов. Н. В. Тимофеев-Ресовский, Б. Л.

Астауров. А. Р. Жебрак, Н. П. Дубинин, В. В. Сахаров, В. П. Эфроимсон, А. А. Малиновский; на заседаниях бывало до 60—70 человек. Многие активно работающие ныне биологи получили начальные основы генетической и статистической подготовки на этих семинарах, более десяти из них стали докторами наук». В частности, две дочери А. А. Ляпунова — Е. А. Ляпунова и Н. А. Ляпунова стали автори-

тетными исследователями в области цитогенетики. В середине 50-х гг. Любшцев, будучи в Москве, познакомился с А. А. Ляпуновым, бывал у него дома и активно переписывался с ним.

[0] Любищев имеет в виду известное «письмо трехсот» — письмо 297 биологов с протестом против засилья Лысенко, направленное в ЦК КПСС летом 1955 г. (В. Я. Александров, Д. В. Лебедев. Это было «письмо трехсот» // Правда. 1989. 27 января). К письму биологов было приложено отдельное письмо физиков: «В Президиум ЦК КПСС. Мы не являемся биологами, но внимательно следим за развитием биологии в СССР и хорошо знаем, к чему привела деятельность Лысенко. Естествознание-едино, и то тяжелое положение, в котором в течение многих лет находится советская биология, сказывается отрицательно на смежных дисциплинах и на общем уровне науки в целом. Огромный ущерб нанесен международному престижу советской науки. Мы разделяем чувства группы биологов, обратившихся в ЦК КПСС с письмом, и просим обратить пристальное внимание на ненормальное положение, создавшееся в советской биологии». Письмо подписали: А. И. Алиханов, А. И. Алихань-ян, Н. Н. Андреев, Л. А. Арцимович, В. Л. Гинзбург, Я. Б. Зельдович, П. Л. Капица, А. С. Компанеец, И. Л. Кнунянц, Л. Д. Ландау, Г. С. Лансберг, М. А. Леонтович, М. А. Марков, А. Б, Мигдал, И. Я- Померанчук, А. Д. Сахаров, Л. А. Смородинский, И. Е. Тамм, Г. Н. Флеров, Д. А. Франк-Каменецкий, А. Н. Фрумкин, Ю. Б. Харитон, А. И. Шальников. Письмо подписал также экономист, академик Е. С. Варга, возмущавшийся, по словам В. Александрова и Д. Лебедева, «почему ему не дают подписать письмо против Лысенко». И. В, Курчатов и А. Н. Несмеянов (тогдашний президент АН СССР) —- оба члена ЦК, одобрили письмо и передали его Н. С. Хрущеву. А. А. Ляпунов совместно с С. Л. Соболевым (академик-математик) подготовили аналогичное письмо, подписанное 15 крупнейшими математиками.

2.1

' Здесь полное смысловое совпадение с оценкой Вернадского (см. комментарий 3 к 1.9).

[2] Работая с 1930 г. во Всесоюзном институте защите растений, Любищев опубликовал ряд статей, в которых показал, что экономическое значение вредителей злаков сильно преувеличивается. Часто потери урожая, вызванные другими причинами, относят за счет вредителей-насекомых. Эта работа Любищева вызвала неудовольствие тогдашнего директора института И. А. Зеленухина, который противился внедрению математических методов в области сельскохозяйственной энтомологии. На организованном заседании ученого совета ВИЗРа в августе 1937 г. Любищеву было выдвинуто обвинение в намеренном уменьшении значения вредителей. Ученый совет принял решение ходатайствовать перед ВАКом о лишении его докторской степени. Но в вакханалии репрессий 1937—38 гг. был арестован сам директор института, а Любищев, незадолго до того уволенный «за невыполнение плана работ», принял приглашение И. И. Шмальгаузена на должность заведующего Отделом экологии Института зоологии Украинской Академии наук в Киеве.

2.2

[1] Писатель Геннадий Фиш в период с 1947 по 1955 г. выступал в печати как истовый сторонник и пропагандист «мичуринской биологии» и Лысенко. Таковы его публикации «Народный академик» («Огонек». 1949. № 27. С. 15—-16); «Президент народной академии» {«Огонек». 1949. № 1. С. 22— 24). Эти статьи сопровождались большими портретами и восхвалениями Лысенко и его взглядов.

30 августа 1947 г. Г. Фиш совместно с А. Сурковым и А. Твардовским опубликовал статью-донос («Литературная газета») под названием «На суд общественности». В статье резко осуждался известный генетик А. Р. Жебрак за публикацию с критикой Лысенко в американском журнале «Сайнс» («Science»). Авторы писали, что Жебрак «охаивает передового советского ученого, известного всему культурному человечеству своими новаторскими трудами в области физиологии растений и генетики, академика Т. Д. Лысенко... целиком солидаризуется с наиболее реакционными американскими профессорами в оценке теоретических достижений советской мичуринской школы, возглавляемой Т. Лысенко». Статья кончалась уверением, что «среди советских ученых факты такого рода не могут быть терпимы и найдут ясную и недвусмысленную

оценку». Над Жебраком был устроен «суд чести». (Подробнее см.: В. Н. Сойфер. Главы из книги «Виноват ли Трофим Лысенко?» // Огонек. 1988. № 1 и 2; Н. П. Дубинин. Генетика: страницы истории. Кишинев: Штиинца, !988. С. 186).

2.3

[1] Подобные статьи начали публиковаться лишь с 1988 г. Среди них: Филатов В. П. Об итогах лысенковской «агробиологии» (опыт социально-философского анализа) // Вопр. философии. 1988. № 8. С. 13—23; Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 90- 102; Огурцов А. Подавление философии // Суровая драма народа. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1989. С. 353—374; Судьбы генетики в нашем отечестве // Суровая драма народа. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1989. С. 401—445.

[2] Застой в философии начался по существу с 1922 г. с высылки из СССР более 200 гуманитариев, философов, общественных деятелей и возведения диалектического материализма в ранг государственной философии (см. оценку Вернадского, комментарий 3 к 1.9).

287

'* О подавлении экономической мысли см.: Л. Пияшева. Тяжелая колесница, которая проехалась по нашему поколению // Суровая драма народа. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1989. С. 375-400.

[4] О фальсификации истории см. статью: Волобуев О., Кулешов С. История по-сталински // Суровая драма народа. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1989. С. 312—333.

2.4

[1] Деструкция социокультурной сферы и ее идеологизация стали по существу заметны с начала 20-х гг. и к концу 20-х— началу 30-х гг. целые области наук и их творцы были репрессированы. Среди естественных наук первой прессинг испытала психология, затем генетика.

[2] В июне 1956 г. Любищев пишет заметки после прочтения романа В. Гюго «Девяносто третий год»: «Роман производит совершенно исключительное впечатление, гораздо большее, чем произведения А. Франса, Р. Роллана и других, касавшихся французской революции». Он называет «великолепной» центральную идею романа Гюго — «выше абсолюта революционного стоит абсолют человеческий» — и сопоставляет террор 1793 г. с террором революции 1917 г.

[3] Статья Любищсва «О положении в средней школе», написанная *по* просьбе Ульяновского обкома в период очередной «перестройки» образования, видимо, так напугала партийных идеологов своей свободой высказываний, честностью и нелицеприятностью выводов, что он. послав статью в обком, не получил оттуда никакого ответа. Отрывок из статьи был опубликован в журнале «ЭКО» (1983. № 12. С. 105-115).

[4] «Хулио Хуренито» вошел в 9-томное собрание сочинений И. Г, Эренбурга (1891–1967), вышедшее в 00-е гг., но без одной главы, из которой Любищев приводит цитату. Эта глава была перепечатана в журнале «Литературный Киргизстан» (1989. № 3. С. 133—138).

[5] Это упрощенное понимание религии привело к появлению «научного атеизма», который ныне сопоставлен с лысенковщиной с его «агрессивной устремленностью к светлому будущему... намеренно артикулируемой непримиримостью к идеализму». Официальный атеизм под видом «научного» был одним из видов государственного знания и использовался в партийно-приказной системе для «оправдания практического отношения к церкви и верующим — во многом несправедливого, а порой и криминального» (Л. И. Митрохин. Философы и религия // Вопр. философии. 1989. № 9. С. 16-34).

2.5

[1] Писатель В. В. Овечкин опубликовал в начале 50-х гг. в «Новом мире» серию очерков «Районные будни» о бедственном положении сельского хозяйства. Однако пути исправления положения он видел в замене плохих руководителей на хороших, а не π партийно-административной системе. Это в конечном счете привело его к глубокому личному конфликту, к трагическому уходу из жизни. Ответ В. Овечки на на письмо Любищева в «Литературную газету» содержит слово о «бездоказательности» критики Лысенко и показывает, сколь силен был фантом практических успехов Лысенко. На последующие письма Любишева Овечкин не ответил.

[2] В середине 50-х гг. Лысенко пропагандировал чудесное средство быстрого повышения урожайности - органо-минеральные смеси. В апреле 1957 г. на совещании в ВАСХНИЛ проф. А. В. Соколов, агрохимик, в присутствии Лысенко сделал вывод: «Таким образом, если мы смотрим η урожай в „Горках Ленинских", то мы видим не действие органо-минеральных смесей, а видим

совместное действие на урожай высоких доз азота, калия, плюс большой дозы суперфосфата и фосфоритной муки в составе смеси. Если в таких условиях приехавший человек смотрит опыты и ему гоьорнт: „Вот эффект от органо-минеральных смесей", — он, конечно, видит их хорошее действие — высокие урожаи. Но почему они получены, отчего они получены - он не знает» (см.: Дубинин Н, П. Генетика: страницы истории. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 293).

2.6

[1] Вывод Любищева совершенно справедлив. Историк генетики В. В. Бабков констатирует: «В последний день октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, собравшегося для снятия Н. С. Хрущева, М. А. Суслов в своем выступлении поставил ему в вину поддержку монополии Лысенко. Дальнейшее развитие событий показало, что Суслов не был искренен, он вовсе не намеревался ограничивать сталинщину в науке и поощрять научную автономию. Через год критика Лысенко в печати фактически прекратилась, такое положение сохранялось до 1987 г.». Один из авторов и инициаторов знаменитого «письма трехсот» Д. В. Лебедев отмечает, что, хотя юридическая реабилитация Н. И. Вавилова состоялась в 1955 г., практически она затянулась на 30 лет: «Даже после того как в октябре 1964 года был смещен Н. С. Хрущев, на многих важных постах оставались люди, вся карьера которых основывалась на том, что они были ближайшими людьми Лысенко. Так, Сисакян был главным ученым секретарем президиума АН СССР, Столетов — министром высшего и среднего образования РСФСР. Самое же главное — нельзя было писать правду о судьбе Вавилова. Приходилось обходиться эвфемизмами: „его работа прервалась", „экспедиция была оборвана"

288

и т. π.î> (Цит. по: Суровая драма народа. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1989. С. 401 - 445). Материалы дела Вавилова до сих пор не опубликованы, следователь-преступник, который вел дело Вавилова, –Хват благополучно ушел на персональную пенсию. История падения Лысенко подробно и документально изложена в книге В. И. Сойфера «Виноват ли Трофим Лысенко?» в главе, опубликованной в сборнике: СССР. Внутренние противоречия. Нью-Йорк, 1988. С. 191—312.

[2] Любищев прав, что «сейчас Ленина не позволяют упоминать в отношении вежливости». Нотах было не всегда. В 1931 г. вышел т. 13-й сочинений Ленина (3-е изд., под ред. Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, И. И, Скворцова-Степанова), где помещена работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и обзор рецензий на нее, появившихся в русской легальной печати в 1909 г. М. Булгаков в своей рецензии («Критическое обозрение». 1909. Вып. 5) пишет: «Неприятную сторону книги г. Ильина кроме многочисленных ругательств представляет рассмотрение вопросов *не* только и не столько по существу, сколько с точки зрения, так сказать, социал-демократической благонадежности» (т. 13, с. 327). Сходную оценку содержит рецензия в газете «Русские ведомости» от 29 сентября 1909 г.: «Нельзя не обратить внимание на тот удивительный тон, которым написано все сочинение; литературная развязность и некорректность доходят здесь поистине до геркулесовых столбов и иногда переходят в прямое издевательство над самыми элементарными требованиями приличия: словечки вроде „прихвостни", „безмозглый", „безбожно переврал", „лакей" попадаются буквально по нескольку раз на странице, а превращение фамилий своих противников в нарицательные клички является далеко еще не худшим приемом в полемике г. Вл. Ильина» (т. 13, с. 328).

•[!] Лысенко удалось «протащить» в Программу партии, принятую на XXII съезде КПСС в 1961 г., фразу: «Шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке». Генетик Д. В, Шаскольский вспоминает: «Со свойственной лысенковцам административной ловкостью сделано было так, что предложение было опубликовано в последнюю субботу, а на следующей неделе уже открылся съезд, так что времени для обсуждения не оставалось. Съезд включил пункт Лысенко в программу. Поскольку Программу может изменять только съезд, я обратился к следующему, XXIII съезду КПСС (как полагается, заранее, через ЦК КПСС) с предложением убрать пункт, поддерживающий мичуринскую биологию, из Программы, но мне еще до съезда было сообщено, что в повестке XXIII съезда нет вопроса о Программе. Таким образом, этот пункт, поддерживающий лысенковское направление, находился в Программе партии более 24 лет — до XXV!! съезда партии» (см.: Суровая драма народа. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1989. С. 415, а также комментарий к 1.4 о письме в ЦК КПСС сторонников Лысенко в январе 1970 г., одним из инициаторов которого явился гонитель А. А. Любищева В. Ф. Красота).

[4] Первое издание книги профессора Ленинградского университета М. Е. Лобашова «Генетика» вышло в 1963 г. В предисловии ко второму изданию, вышедшему в 1967 г., автор пишет «Выход „Генетики" в 1963 г. вызвал наряду с многочисленными положительными откликами и острую критику со стороны лиц, придерживавшихся догматических взглядов в биологии и активно препятствовавших нормальному развитию биологической науки. Понадобилось более года, чтобы защитить от нападок не только книгу, но и право самой научной генетики на существование, что значительно задержало переиздание книги. После октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г., осудившего субъективизм в руководстве наукой и общественной жизнью, стало возможным развивать научные основы биологии и генетики».

[г>] Как свидетельствует старейший советский цитолог В. Я. Александров, вначале к публикациям О. Б. Лепешинской относились как к «комическому вздору». Но в 1945 г. на нее обратил внимание Лысенко и написал предисловие к книге О. Б. Лепешинской «Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме». Книга вышла в издательстве Академии наук в 1945 г. тиражом в 1000 экз., а затем, после «освящения» Лысенко в 1950 г., — уже тиражом 25 тыс. экз. С момента выхода этой книги в 1950 г. мишенью для нападок стали цитолог и, эмбриологи, микробиологи. Взгляды Лепешинской были канонизированы на совместном совещании Биоотделения АН СССР и АМН СССР с участием представителей ВАСХНИЛ 22 мая 1950 г. Лысенко выступил с речью, которую заключил словами: «Нет сомнения, что теперь добытые О. Б. Лепешинской научные положения уже признаны и вместе с другими завоеваниями науки лягут в фундамент нашей развивающейся мичуринской биологии». Академик А. И. Опарин призвал научную общественность воспринять идеи Лепешинской. В 1950 г. она получает Сталинскую премию первой степени. Вскоре в приказном порядке был ликвидирован Отдел общей морфологии в Институте экспериментальной медицины АМН СССР во главе с академиком Д. Н. Насоновым и зав, лабораторией проф. В. Я. Александровым. В 1952 г. Лепепшнская сказала, что ее рукопись читал и одобрил Сталин, поэтому всякая критика этой «теории» считалась антисоветской акцией (см.: В. Я- Александров. Трудные годы советской биологии //Знание — сила. 1987. № 10. С. 72—80; 1987. № 12. С. 50—59).

[ь] Об афере Бошьяна подробно см.: В. Я. Александров. Трудные годы советской биологии. П. На нуги к выздоровлению//Знание — сила. 1989. № 3. С. 76—78. В 1949 г. Бошьян выпустил книгу «О природе вирусов и микробов» (Медгиз. 2-е изд. 1950. Тираж 100 тыс.), где утверждал, что фильтрующиеся вирусы способны превращаться в микробы, и наоборот. Приказом министра здравоохранения СССР Е. И. Смирнова 9 августа 1949 г. в Институте эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи была создана секретная лаборатория из 1 I человек во главе с Бошьяном. Хотя уже в 1950 г. появилось несколько разгромных статей, лаборатория просуществовала до 1954 г. Причину падения Бошьяна В. Я. Александров видит в том, что Бошьян переоценил свои личные возможности и, не получив благословения Лысенко и Сталина, «рассчитывал создать собственный бизнес, не идя под власть уже признанных лидеров мичуринской биологии».

289

[7] Разгром физиологии под видом «защиты» Павлова произошел 28 июня 1950 г. на совместной «Научной сессии» двух академий - - АН СССР и АМН СССР. «В спорах почти не фигурировали научные факты, экспериментальные данные. Выясняли не значение исследований ученого для понимания физиологических процессов, а отношение его работ к павловскому учению, к диалектическому материализму, *а* в отдельных выступлениях — и к мичуринской биологии, А для этого важнее было сверить цитаты, чем сопоставить научные данные с действительностью» (В. Я. Александров. Трудные годы советской биологии//Знание - сила. 1987. № 12. С. 50—58).

Основной удар был направлен на академика Л. А. Орбели и его школу. Погромщики во главе с К. М. Быковым и А. Г. Ивановым-Смоленским стали во главе физиологических институтов страны. Спустя 38 лет, на «круглом столе» («„Павловская сессия" 1950 г. и судьбы советской физиологии») было признано, что «последствия сессии сказываются до сих пор. Дело не только в том, что развитие ряда разделов физиологии у нас в стране задерживалось на много лет. Разрушительное влияние сессии задело основы научной деятельности, традиции, этику, свободу научного мышления, скованного страхом нарушить, преступить определенные догмы и положения» (А. И. Ройтбак). «Сложилась ситуация застоя, во-первых, в физиологии, во-вторых, в психологии, в-третьих, в медицине, и прежде всего в психиатрии и психотерапии. Появился

термин сам но себе дурацкий -„антипавловский"» (И. М. Фегенберг) (см.: «Вопросы истории естеств. и техн.». 1988. № 4).

[8] Одно из редких «покаяний» философов прозвучало на «круглом столе», посвященном истории советской генетики. Б. Г. Юдин сказал: «Мне как философу очень больно, что философия в те годы использовалась в качестве дубинки, а философы выступали в роли идеологических дядек, которые должны были определять, что верно, а что неверно в конкретных научных теориях» («Вопросы истории естеств. и техн.». 1987. № 4. С. 113—125).

[4] В журнале «Вопросы философии» (1962. № 2. С. 145–150) опубликована беседа редколлегии журнала с профессором Лайнусом Полингом, где речь шла о взаимодействии науки и философии. Л. Полинг заявил: «Я считаю, что у философии ничего другого не остается, кроме того, что я называю наукой. С моей точки зрения, диалектический материализм является как раз такой догматической теорией, которая накладывает определенные рамки на человека. В частности, это проявляется и в отношении теории резонанса. Кроме того, это очень неясная философия при всем ее догматизме».

[1(1] История деградации и подавления философии в СССР, и в частности историко-философских исследований, кратко изложена в статье А. Огурцова «Подавление философии» (см.: Суровая драма народа. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1989. С. 353—374).

" Столкновение философских взглядов в области генетики в 20 -30-е гг. в СССР подробно проанализировано в сводке А. Е. Гайсиновича «Зарождение и развитие генетики» (М.: Наука, 1988 423 с.).

[11:] Разбор расистских высказываний революционных демократов был сделан Любищевым в статье «Лесков как гражданин» (написана в 1958 г.), напечатанной в сокращенном варианте в журнале «Север» (1977, № 2). Философское мировоззрение сотрудника Писарева В. А. Зайцева Любищев охарактеризовал тремя чертами: крайний материализм, детерминизм и утилитаризм. Типично высказывание Зайцева: «Хотя теория Дарвина противоречит полигенизму, когда он основывается на постоянстве вида, но нельзя отрицать того, что в настоящее время человеческие расы представляют столь же отличные виды, как напр., лошадь и осел».

[м] В специальной статье «О романе Веркора „Люди или животные?"» (написана в 1967 г.) Любищев показывает, что гуманизм не связан с вопросом о поли- или монофилетическом происхождении человеческих рас. Расизм может использовать любую биологическую подоплеку.

[м] В 1969 г. Любищев пишет большую статью «Расцвет и упадок цивилизаций», где делает критический анализ взглядов Рональда Фишера. Одна глава из этой работы (под названием «Роль генетических факторов в социологии») напечатана в журнале «Известия Сибирского отд-ния АН СССР. Сер. биол.» (1988. № 20, вып. 3. С. 111 — 120).

[1,] К сожалению, партийно-государственное руководство во главе с Брежневым и его последователями в период с 1965 по 1985 г. практически «загнало обратно в склянку» дух XX–XXII съездов, что получило название «эпохи застоя». Процесс ликвидации «руководящих нянек» во всех областях культуры осторожно начался лишь с середины 1985 г. с провозглашения программ гласности и демократизации -— того, к чему призывал Любищев еще в 1965 г.

Однако еще в 1988 г. вмешательство партийно-при казной системы не позволило биологу В. Н. Сойферу, опубликовавшему две главы своей большой монографии «Виноват ли Трофим Лысенко?» в журнале «Огонек» (1988, № 1 и 2), продолжить публикацию сокращенного варианта книги в журнале «Знамя». Подробно эта история изложена В. Н. Сойфером в заметке «Glasnost with string attached» (Washington Post, July 1988. N 10).

2.7

[1] См. статью Любищева «О фальсификаторах и банкротах в науке».

[ї] 10 ноября 1979 г. глава католической церкви Иоанн Павел II выступил на заседании Папской академии наук, посвященном столетию со дня рождения А. Эйнштейна. Он предложил, чтобы «Дело Галилея» было исследовано более тщательно, и выразил надежду, что теологи, историки, ученые углубленно проанализируют этот прискорбный случай в духе искреннего сотрудничества, беспристрастно признают ошибки, кто бы их ни совершил, и устранят порожденное этим делом недоверие, «которое до сих пор препятствует плодотворному сотрудничеству между наукой и верой,

между церковью и миром» (см.: Нстествознание в борьбе с религиозным мировррзрением. М.: Наука, 1988. С. 211).

[1] Существование катастрофических событий в истории Земли и биосфере ныне считается общепринятым. Изучение глобальных катастроф ведется в рамках Международного проекта «Редкие события в геологии» (см.: Редкие события в геологии // Природа. 198*3. № 1- С. 53—66). Массовые вымирания видов установлены на рубеже ордовика и силура (480 млн лет назад), перми и триаса (240 млн лет назад), в конце триаса (195 млн лет назад). Особое внимание исследователей привлекает «великое мезозойское вымирание» на границе мезозоя и кайнозоя (6ft млн лет назад) (см., напр.: Назаров М. Л. Геохимические свидетельства катастрофы // Природа. 1986. №1. С. 53 - 57; Алексеев А. С. Вымирание на рубеже мезозоя и кайнозоя // Природа. 1986. № 1. С. 57-—GI). Причины катастроф усматриваются в столкновении Земли с космическими телами, мощными извержениями вулканов и т. д.

[4] Этот подход Любищев глубоко обосновывает в статьях «Философия и наука» (1958 г.) и «Уроки истории науки» (1969 г.), которые находятся в архиве. Отрывки из второй статьи под названием «Уроки самостоятельного мышления» опубликованы в журнале «Изобретатель и рационализатор» (1975, № 8 и 9).

[Гı] Более подробно см.: А. А. Любищев. Дарвинизм и нсдариинизм (отрывок из письма к Н. I". Холодному) // Природа. 1973. № 10. С. 44– 47.

" О сходстве механизмов наследственной и ненаследственной изменчивости см.: Инге-Всчтомов С, Г. Наследственная и ненаследственная изменчивость как функция генетического материала // Эволюционная генетика. Л., 1982; Хесин Р. Б. Непостоянство генома. М.: Наука, 1984; Голубовский М. Д. Организация генотипа и формы наследственной изменчивости уукариотов // Успехи соврем- биол. 1985. Т. 100, вып. 3- С. 323—339.

2.8

[1] М. А. Поповский вместе с учеником Н. И. Вавилова ботаником Ф. Х. Бахтеевым (ум, 1982) был в 1965 г. допущен в Прокуратуру СССР к «делу Вавилова». Однако *в* период после 1965 г. началась идейная реставрация сталинизма и все упоминания о репрессиях и о сессии ВАСХНИЛ 1948 г. подвергались цензуре. Подробную книгу о Вавилове с изложением обстоятельств ею «дела» М. А. Поповский смог опубликовать лишь за рубежом в 1983 г.

[2] Этот довод и наблюдение Любищева позволяют понять, почему в начале 30-х гг. Вавилов поддерживал Лысенко (подробнее см.: В- Н. Сойфер. New light on (he Lysenko era // Nature. 1989. Vol. 339. P. 415 419).

[J] Ф. Х. Бахтеев, бывший в последней экспедиции Н. И. Вавилова на Северной Буковине, вспоминает: «Рано утром 6 августа Николай Иванович и его спутники направились в сторону Путила. Мне было поручено побывать на пивоваренном заводе и поинтересоваться сортами ячменя, которыми он снабжается... Уже стемнело, когда мы с В. С. Лехновичсм возвращались из столовой. Вахтер сказал нам, что недавно возвратился профессор (Н. И. Вавилов) и хотел пройти в общежитие, по в этот момент подъехала машина и вышедшие из нее люди пригласили профессора ехать с ними для срочных переговоров с Москвой. Тогда Н. И. Вавилов попросил передать нам рюкзак и сказал, что скоро вернется и чтобы его ждали. К великому нашему сожалению, мы видели Николая Ивановича в этот день в последний ран. Как стало известно позднее, Н. И. Вавилов был арестован» (см.: Ф. Х. Бахтеев. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: Наука, 1987. С. 218).

2.9

' Философ М. Б. Митин (1901- 1987) сыграл зловещую роль в псевдофилософском обосновании погрома генетики и в защите лысенковщины. На протяжении нескольких десятилетий он оставался на вершине философской иерархии, и в некрологе в газете «Правда» Митин назван «видным советским ученым», человеком, который «весь свой талант ученого и организатора науки отдал борьбе за идеалы марксизма-ленинизма, развитие советской философской науки». Публицист С. Королев справедливо вопрошает: «Вправе ли мы относить целиком к прошлому сам „феномен Митина"? Приспособление беспринципных идеологов к любой политической конъюнктуре, поразительное умение лавировать на самых крутых поворотах истории, - неужели все это в одночасье кануло в Лету?» («Советская культура». 1988. 17 сентября).

КРАТКИЙ СПИСОК ИМЕН '

1. АЛЕКСАНДРОВ В. Я. - биолог, автор ряда открытий в области цитофизиологии, ученик академика Д. Н. Насонова. Монография 1940 г. «Реакция живого вещества на внешние возлей-

[1] Приведены сведения лишь о наиболее активных адресатах А. А. Любищева, которым он регулярно посылал свои статьи и письма в защиту науки, а также о ряде упомянутых в (ексте книги биологах и других лицах. Остальные необходимые сведения даны в примечаниях и комментариях к книге.

ствия» удостоена Государственной премии (1943 г.). Твердо и бескомпромиссно противостоял лысснковщине в биологии начиная с 1947 г. В 1955 г. был инициатором и соавтором (совместно с Д. В. Лебедевым и Ю. М. Оленовым) известного «письма трехсот» биологов в ЦК. КПСС против монополии Лысенко. В 1987—88 гг. в журнале «Знание - сила» опубликовал серию статей «Трудные годы советской биологии», в которых на большом фактическом материале в сочетании си свидетельствами очевидца изложена история погромов в советской биологии.

2. АЛПАТОВ В. В. (1898—1979) — биолог, эволюционист, теоретик биологии. Активно противостоял лысенковщине. В архиве Любищева есть 50 писем к Алпатову.

3. БАРАНОВ П. А. (1892—1962) -ботаник, чл-кор. АН СССР с 1943 г. С 1952 г. —директор Ботанического института АН СССР. Поддерживал биологов в борьбе с лысенковщиной. Первым подписал «письмо трехсот» биологов в ЦК КПСС.

4. БНЙ-БИЕНКО Г. Я. (1903- 1971) - энтомолог, чл-кор. АН СССР. Президент Всесоюзного энтомологического общества с 1966 г. В архиве 17 писем Любищева к Бей-Биенко.

5. БЕКЛЕМИШЕВ В. Н. (1890—1962) — зоолог, акад. АМН СССР с 1945 г. Автор учебников «Основы сравнительной анатомии беспозвоночных». Основатель школы медицинских паразитологов и энтомологов. Один из самых близких друзей Любищева, вместе с ним окончил Петербургский университет (1913 г.). В 20-е гг. работали вместе *в* Пермском университете.

6. ВАВИЛОВ Н. И. (1887- 1943) генетик и селекционер, академик АН СССР с 1929 г. Глава советской школы генетиков и селекционеров растений. Основатель Института генетики АН СССР. Автор крупных теоретических обобщений в генетике и эволюции (закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, учение о центрах происхождения культурных растений и иммунитете). Директор Всесоюзного института растениеводства (ВИР) в период *с* 1924 по 1940 г. Под руководством и при участии Вавилова была создана мировая коллекция культурных растений — более 300 тыс. образцов. Президент Всесоюзного географического общества (1931 –1940 гг.). Член Лондонского королевского общества и многих других академий мира. Активно противостоял взглядам и деятельности Лысенко в 30-е гг. В 1940 г, был репрессирован и умер в Саратовской тюрьме в 1943 г.

7. Г У РВИ Ч А. Г. (1874— 1954) - биолог, крупный теоретик, сформулировал концепцию биологического поля. В 1907—1918 гг. профессор гистологии Высших женских курсов в Петрограде, в 1918—1924 гг. Симферопольского, в 1925 —1930 гг. - Московского университетов. Любищев работал ассистентом Гурвича в Симферополе, считал его своим идейным учителем.

8. ДУБИНИН Н. П. — генетик, академик АН СССР, автор многих книг, учебников по генетике и ее истории. Активно защищал принципы генетики в дискуссиях в 1936 и 1939 гг. Подвергся резкой критике на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. В 1956 г. возглавил Лабораторию радиационной генетики Института биофизики, где возобновились работы по генетике после ее разгрома в 1948 г. Был директором Института цитологии и генетики СО АН СССР (1957—1959 гг.) и директором Института общей генетики (1966—1981 гг.).

9. КИРПИЧНИКОВ В. С. — генетик, эволюционист, селекционер. Один из самых активных и бескомпромиссных борцов за научную истину. Еще в 1937 г. совместно с генетиком А. А. Малиновским написал письмо Сталину в защиту генетики. В 1963 г. совместно с Ж- А. Медведевым опубликовал в журнале «Нева» статью с осуждением деления биологии на «советскую» и «буржуазную» и сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

10. ЛОБАШОВ М. Е. (1907 -1971) — генетик, в 1957—1971 гг. — зав. кафедрой генетики и селекции Ленинградского университета. На этой кафедре впервые после разгрома генетики в 1948 г. были возобновлены преподавание и исследования в области классической генетики. Автор первого подлинного учебника «Генетика» (1963 г.), который вышел еще до падения Лысенко и подвергся резкой критике лысенковцев. В 1967 г. вышло 2-е издание.

11. ЛЫСЕНКО Т. Д. (1898—1976) - агроном, глава «передовой мичуринской генетики». При одобрении Сталина стал сначала президентом Всесоюзной сельскохозяйственной академии наук им. Ленина (ВАСХНИЛ), а затем организовал разгром генетики на сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. Рост карьеры и монополии Лысенко и число его должностей и наград таковы. 1934 г. — действительный член АН УССР, в 1935 г. - действительный член ВАСХНИЛ, в 1938 г.

президент ВАСХНИЛ. С 1939 г. — академик АН СССР. В 1940 г. после ареста Н. И. Вавилова занял пост директора Института генетики АН СССР. С 1940 г. —заместитель председателя Комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства, заместитель председателя Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С 1935 по 1937 г. - член ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР начиная с первого созыва в 1937 г. и но 1966 г. С 1937 по 1950 г. — заместитель председателя Совета Союза Верховного Совета СССР. Будучи не членом партии, активно участвовал в ее съездах н пленумах. Трижды лауреат Сталинской премии. Награжден золотой медалью им. И. И. Мечникова (1950 г.), орденом Трудового Красного Знамени и восемью орденами Ленина. Герой Социалистического Труда (1945 г.). Лысенко, который устроил погром отечественной биологии, видимо, нет равных в СССР по количеству столь высоких правительственных наград.

12. МАНДЕЛЬШТАМ Н. Я. (ум. в 1980 г.) — жена поэта О. Э. Мандельштама. В начале 50-х гг. после ссылки оказалась в Ульяновске, где вместе с Любищевым работала в Ульяновском пединституте. Была очень дружна с семьей Любищева. В архиве есть 30 писем Любищева к Н. И. Мандельштам.

13. МЕДВЕДЕВ Ж. А. - биолог, биохимик и генетик, историк науки и публицист. В начале 60-х гг. написал книгу по истории биологической дискуссии в СССР (1929—1966 гг.). Книга широко распространилась по типу «самиздата». По воспоминаниям Ю, И. Полянского, в 1966 г. была создана комиссия АН СССР с целью дать заключение о печатании книги Ж. А, Медведева, Книгу

размножили в 10 экземплярах, роздали членам комиссии (генетики М. П. Лобашов, В. Л. Лстаурои. Ю. И. Полянский и др.). Было принято единодушное заключение о печатании. «Экземпляры розданной книги мы вернули, и с тех пор (свыше 20 лет прошло!), как говорится, „ни гу-гу"· Очевидно, где-то в верхах испугались издать эту книгу. Ну а за рубежом она давно уже издана» («Вопросы истории естеств. и техн.». 1987, № 4). За свою деятельность в защиту науки Ж. А. Медведев подвергался преследованиям и необоснованно лишен советского гражданства, будучи в командировке в Англии.

14. ОПАРИН А- И. (1894—1980) —биохимик и общественный деятель. Академик АН СССР с 1946 г. С 1946 г. — директор Института биохимии АН СССР. Известен как автор «коацерватной» теории происхождения жизни на Земле. Оказывал беспринципную поддержку О. Б. Лепешинской и Т. Д. Лысенко.

15. ОРЛОВ В. П. (1905- 1978) — инструктор ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Любищев был у него на приеме в августе 1955 г. и затем посылал ему все свои работы с критикой Лысенко и анализом положения в биологии и сельском хозяйстве. Переписка Любищева с В. П. Орловым в 1956—1971 гг. частично опубликована в журнале «ЭКО» (1988, № 2, 3) под названием «Неприлично молчание мне».

16. ОРЛОВ Ю. А. (1893 1966) палеонтолог *и* эволюционист, академик АН СССР с 1960 г. В 1918—1924 гг. работал в Пермском унинерститете вместе с Любищевым. С 1945 г. — директор Палеонтологического института АН СССР. Главный редактор издания «Основы палеонтологии» (т. 1 — 15) и «Палеонтологического журнала» (1959—1966 гг.). Любищев в числе первых биологов послал Ю. А. Орлову свой очерк «Об аракчеевском режиме в биологии». Получил одобрительный отзыв. В архиве есть 18 писем к К). А. Орлову.

17. ПУЗАНОВ И. И. (1885—1971) — зоолог, чоогеограф, эволюционист, историк и популяризатор науки. Автор 235 научных работ. Написал серию стихотворных пародий на Лысенко и его клевретов. Наиболее известна пародия «Астронавт» (поэма в трех песнях с прологом). Поводом к ней послужило упорное нежелание Лысенко признать провал гнездового метода лесопосадок. Начальные строки поэмы:

Трофим, упершись как ишак. Позиций не сдает никак: Пшеница — в рожь и граб в орех И в ель сосна и всем на смех, В кукушку дрозд. Нещадно бит Трофим ку-ку свое твердит И славит гнездовой посев. Науку с практикой презрев.

18. РАПОПОРТ И. А. — генетик, чл.-кор. АН СССР с 1979 г. Автор серии открытий и пионерских работ в области химического мутагенеза. Лауреат Ленинской премии (1984 г.). В 1948 г. мужественно и бескомпромиссно защищал принципы генетики на сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

19. СВЕТЛОВ П. Г. (1892- 1974) - биолог, эмбриолог и генетик, чл.-кор. АМН СССР. Самый близкий друг Любищева и его самый активный адресат. В архиве Любищева 85 писем к П. Г. Светлову.

20. СУКАЧЕВ В. Н. {1880 1967) — ботаник, эколог и лесовод. Академик АН СССР с 1943 г. В 1944 г. основал Институт леса АН СССР, которым руководил до 1959 г. Основатель биоценологии и учения о фитоценозах. Главный редактор «Бюллетеня Московского общества испытателей природы» (1948 - 1967 π.} и s Ботанического журнала» (1946 1958 гг.). В этих журналах регулярно печатались статьи с критикой Лысенко. Президиум АН СССР учредил в 1967 г. Золотую медаль им Сукачева.

21. ТУРБИН Н. В, — генетик и селекционер растении, академик АН БССР (с 1953 г.); акад. ВАСХНИЛ (с 1967 г.). В 1945-1953 гг. — зав. кафедрой генетики Ленинградского университета. В 1950 г. выпустил первый, написанный в духе «мичуринской биологии» учебник генетики. Однако в конце 1952 г. написал статью с критикой лысенковской теории порождения видов и постепенно отошел от лысенкоизма. Президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Вавилова (1971 - 1976 гг.).

22. ЦИЦИН Н. В. (1898—1980) ботаник, генетик и селекционер. Академик АН СССР с 1939 г., академик ВАСХНИЛ с 1938 г., ее вице-президент (1938-1948). С 1945 г.–директор Главного Ботанического сада АН СССР. Вначале разделял взгляды Лысенко, затем занял нейтральную позицию.

23. ШМАЛЬГЛУЗЕН И. И. (1884—1963) зоолог, эволюционист, академик АН СССР с 1935 г. Автор теории стабилизирующего отбора, книг и учебников по теории эволюции. В 1930— 1941 гг. — директор Института зоологии и биологии АН УССР, куда пригласил на работу А. А. Любищсва. В 1936- 1948 гг. — директор Института эволюционной морфологии АН СССР.

24. ЭММ К А. М. — генетик, окончил .Ленинградский университет перед войной. В 1953 г. направил в Совет Министров докладную записку, документально обосновав предложение создать комиссию по расследованию антинаучной и преступной деятельности Лысенко и его окружения. Этот акт Эмме одновременно с разосланной ряду биологов статьей Любищева «Об аракчеевском режиме в биологии» побудили многих ученых к активным действиям. Так, в 1955 г. появилось «письмо трехсот» биологов в ЦК КПСС.

293

25. ЭФРОИМСОН В. П. (1908—1989) - генетик, эволюционист. Автор ряда открытий и феноменологических обобщений в области генетики. В 60 70-ее гг. выпустил серию книг и монографий но общей эволюционной и медицинской генетике, которые сильно способствовали возрождению науки. Активнейший борец с лысенковщнпой начиная с 1947 г. Дважды был репрессирован: в 30-е гг. и в 1947- 55 гг., прошел всю войну. Вернувшись из лагеря, подал заместителю Генерального прокурора Союза ССР записку с подробным фактическим обоснованием, обвиняя Лысенко [i подрыве сельского хозяйства СССР. Докладная записка В. П. Эфроимсона под названием «О Лысенко и лысенковщине» печатается в журнале «Вопросы истории естеств. и техн.» начиная с № 1 1989 г. Активно переписывался с Любищепым.

294

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

Вехи жизни Александра Александровича Любищева. (Я, Г. *Светлов)* 5

За честь природы фехтовальщик. (М. Д. Голубовский) 14

1. Критика лысенковщины. Реакция научного сообщества н административной системы 25

1.1. Об аракчеевском режиме в биологии 25

1.2. О монополии Лысенко в биологии. Гл. I. Практические предложения Лысенко и его школы. (Содержание, фрагменты и сопроводительное письмо Н. С. Хрущеву) 46

1.3. Письмо Н. В. Цицину, 31.01 1954 г. 48

1.4. Переписка с редактором газеты «Ульяновская правда» 51

1.5. Из письма Н. С. Хрущеву, 03.05 1954 г. 54

1.6. «Надо или не надо». Отклики на выступление Любищева (1954—1955 гг.) (Из хроники событий, составленной О. П. Орлицкой) 57

1.7. О монополии Лысенко в биологии. Гл. П. О вейсманизм е-морганизме-менделизме. Гл. III. Наследие Мичурина и Вильямса. (Содержание) 68

1.8. Несколько замечаний по методике опытного дела 69

1.9. Из хроники событий 1956. Переписка с коллегами 81

1.10. Смесь фальсификации, клеветы и невежества — чтение для школьников 87
1.11. О монополии Лысенко в биологии. Гл. IV. Теоретические взгляды Т. Д. Лысенко. Гл. V. Что стоит Лысенко? (Содержание, заключение и краткие тезисы) 108
1.12. О фальсификаторах и банкротах в науке 112
1.13. Что такое мичуринская биология 123
1.14. Из переписки с инструктором ЦК КПСС В. П. Орловым (1956- 1971 гг.) 130
2. Научно-философская публицистика 149
2.1. К столетию со дня рождения Мичурина. Открытое письмо 149
2.2. Новое в учении о биологическом виде. По поводу статьи Г. Фиша «Живые звенья» 154
2.3. Философы из «Литературной газеты» (письмо в редакцию) 177
2.4. Письмо И. Г. Эренбургу и отклики на него 190
2.5. Письма В. В. Овечкину 207
2.6. О положении в биологии и агрономии, (Приложение: письмо президенту Академии наук СССР академику М. В. Келдышу) 214
2.7. О двух статьях по генетике 248
2.8. Письмо М. А. Поповскому 273
2.9. Письмо в редакцию «Известий». (Об одном делегате III съезда комсомола) 279
Комментарии 282
Краткий список имен 291
295